

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Вып. 3

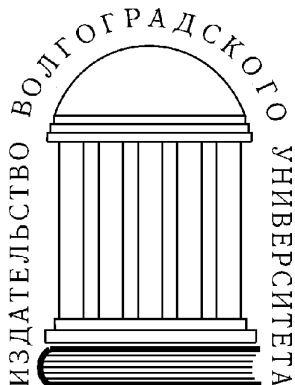
2000

Волгоград 2000

УДК 904

Редакционная коллегия:

д.и.н. Б.Ф. Железчиков, д.и.н. М.Г. Мошкова, к.и.н. В.И. Мамонтов,
к.и.н. И.В. Сергацков (отв. секретарь), д.и.н. А.С. Скрипкин (отв. редактор)

- © Издательство Волгоградского государственного университета, 2000
- © Научно-исследовательский институт археологии Нижнего Поволжья, 2000

А.С. Скрипкин среди коллег и учеников

Сидят, слева направо: *О.А. Шинкарь* — ст. лаборант археологической лаборатории ВолГУ; *М.Г. Мошкова* — д. и. н., зав. отделом скифо-сарматской археологии Института археологии РАН, почетный доктор ВолГУ; *А.С. Скрипкин* — д. и. н., проф., зав. кафедрой археологии, древней и средневековой истории ВолГУ; *В.И. Мордвинцева* — к. и. н., доц.; *Н.А. Орехова* — аспирантка.

Стоят, слева направо: *И.В. Сергацков* — к. и. н., доц., и. о. директора НИИ археологии Нижнего Поволжья; *А.Н. Прямухин* — аспирант; *А.А. Глухов* — аспирант; *А.Н. Дьяченко* — зав. археологической лабораторией ВолГУ; *В.Г. Блохин* — научный сотрудник НИИ археологии Нижнего Поволжья; *И.А. Будаев* — учебный мастер археологической лаборатории; *В.М. Клепиков* — к. и. н., ст. преподаватель.

СОДЕРЖАНИЕ

Нижеволжский археологический вестник

Вып. 3, 2000

Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В.

К ЮБИЛЕЮ А.С. СКРИПКИНА 7

СТАТЬИ

Скрипкин А.С.

Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов 17

Юдин А.И.

Культурные контакты и связи населения Нижнего Поволжья
в неолитическое время 41

Кияшко А.В.

Динамика культурных изменений на территории
восточноевропейских степей в эпоху бронзы 58

Яблонский Л.Т.

Главные миграционные процессы на территории
Южного Приаралья в раннем железном веке 64

Каменецкий И.С.

Харинка 84

Клепиков В.М.

К проблеме выделения сарматских памятников III в. до н. э. 97

Мордвинцева В.И., Переводчикова Е.В.

Об изображении костюма на фаларе из Янчокракского клада 107

Сергацков И.В.

О конечной дате раннесарматской культуры 113

Абрамова М.П.

О погребениях зубовско-воздвиженской группы (историографический обзор) 123

Медведев А.П.

Сарматы-гиппофаги 129

Симоненко А.В.

Могильник Днепрозаводстрой и сарматские памятники
«восточной волны» в Северном Причерноморье 133

Гмыря Л.Б.

Ареал кувшинов с «пышным» орнаментом 145

Туаллагов А.А.

Аланские знамена-драконы 159

Лукьяшко С.И.

О семантике изображений на серебряном кувшине
из кургана 28 группы Высочино VII 163

Яценко С.А.

О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях в Сарматии I—II вв. н. э. 172

Мошкова М.Г.

Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья:
вопросы хронологии и производства 186

Балабанова М.А.

Демография поздних сарматов 201

Засецкая И.П.

О двух классификациях стеклянных сосудов с декором
из напаянных капель и нитей синего стекла 209

Мыськов Е.П.

Рассказ о Бачмане 238

Алексеев А.О., Демкин В.А., Алексеева Т.В.

Использование минералогических и петрофизических
параметров состояния соединений железа в палеопочвах
археологических памятников для реконструкции климатических
условий степей Восточной Европы 240

ПУБЛИКАЦИИ

Мамонтов В.И.

Материалы курганного могильника Химкомбинат, группа Б 252

Гущина И.И., Фирсов К.Б.

Курганы у деревни Машевки, колонии Норка и станции Лебяжье
в Балашовском и Камышинском уездах бывшей Саратовской губернии
(по материалам раскопок А.А.Спицына в 1895 г.) 268

Железчиков Б.Ф.

Сарматские погребения в могильнике Алебастрово I 294

СООБЩЕНИЯ

Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Клепиков В.М.

Исследования курганов у села Царев 309

Ильюков Л.С.

Погребение раннего железного века из окрестностей хут. Красноармейского 313

Kathcart R., Schaefer R., Peters L.

The Soul of the Company 319

Список сокращений 325

Об авторах 327

К ЮБИЛЕЮ А.С. СКРИПКИНА**Б.Ф. Железчиков**, *В.М. Клепиков, И.В. Сергацков*

Анатолию Степановичу Скрипкину 28 ноября 2000 года исполняется 60 лет, большую половину из которых он отдал археологии, внося заметный вклад в разработку многих проблем археологии степей Евразии. Первые его публикации относятся к середине 60-х годов, когда молодой студент опубликовал материалы по савроматским погребениям Астраханской области в сборниках тезисов докладов, сделанных на Всесоюзных археологических студенческих конференциях (1964; 1965). Можно утверждать, что с этого времени и определилась направленность научного творчества Анатолия Степановича — древности степного раннего железного века. К настоящему времени им опубликовано 117 работ.

С большим уважением и признательностью А.С. Скрипкин отзывается о своих первых наставниках — Доре Израилевне Нудельман, руководителе археологического студенческого кружка на историческом факультете Волгоградского пединститута, в котором он начал заниматься с первого курса, Валентине Павловне Шиловой, в экспедиции которого он впервые познакомился с реальной археологией.

В 1970—1973 гг. он обучался в аспирантуре ИА АН СССР под руководством известного ученого и замечательного человека К.Ф. Смирнова, что, несомненно, сказалось не только на творчестве Анатолия Степановича, но и на формировании его личностных качеств как ученого.

В 1974 году им была защищена кандидатская диссертация на тему «Позднесарматская культура Нижнего Поволжья», в которой А.С. Скрипкин не только подвел итоги изучения памятников II—IV вв. н. э. в регионе, но и объяснил механизм становления и развития этой культуры (1973а).

Вплоть до середины 80-х годов А.С. Скрипкин активно занимался разработкой позднесарматской тематики, в частности проблемами дробной хронологии, происхождения и этнической принадлежности этой культуры (1981; 1982). Завершился этот этап его научной деятельности изданием монографии по археологии Нижнего Поволжья в первые века нашей эры (1984а). Можно утверж-

дать, что впервые в истории отечественной археологии детальному разбору подверглись все категории инвентаря и элементы погребального обряда позднесарматской культуры на юге России. Видимо, после этой значимой источниковедческой работы у А.С. Скрипкина зародилась мысль о несовершенстве современных датировок ранне- и среднесарматской культур. Со второй половины 80-х годов появляется целая серия работ, в которых им исследуются проблемы хронологического соотношения этих культур (1987а; 1987б; 1988а; 1989а и 1990а). Разработка этой темы вылилась в издание фундаментальной работы «Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект» (1990б). В ней он пришел к ряду важных и совершенно новых выводов. Ранее высказывавшееся им мнение о пересмотре хронологических позиций ранне- и среднесарматской культур теперь было подтверждено на основе проработки массового материала. Он достаточно убедительно доказал, что завершение раннесарматской культуры и становление среднесарматской следует относить к рубежу эр.

Кроме того, в книге предпринята попытка более углубленного освещения целого ряда проблем сарматской археологии. Большое внимание уделено динамике развития сарматских культур и идентификации их с известными этнонимами, упоминавшимися у греко-латинских авторов, была выстроена взаимосвязь исторических процессов в степных районах в последние века до н. э. — первые века н. э. с историей народов Средней Азии, Кавказа и Причерноморья.

Эта книга была положена А.С. Скрипкиным в основу научного доклада, представленного в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, которую он достаточно успешно защитил в 1992 году на ученом совете Института археологии РАН (1992а). Его вклад в науку был высоко оценен на защите. В отзыве ведущего учреждения, которым являлся Государственный Эрмитаж, есть такие слова: «Каждый же, заглянувший в книги А.С. Скрипкина, без труда убедится в колоссальном объеме проделанной с при-

менением статистических методов кропотливой работы по классификации вещей и обрядов погребений, сопоставлении их сочетаний в комплексах. Не случайно за диссертантом закрепилась слава очень основательного человека и исследователя. Сам по себе проделанный труд является своего рода научным подвигом».

В последующее время А.С. Скрипкин продолжает разрабатывать вопросы этнической истории сарматов, а также выясняет роль миграций в становлении сарматских культур (1987а; 1989б; 1991а; 1992б; 1994а; 1994б; 1994в; 1995а; 1996а). Признавая влияние миграций в этом процессе, он вместе с тем возражал против крайних точек зрения по этому вопросу. Еще в своем докторском докладе он сформулировал одно из основных своих положений о механизмах формирования сарматских культур. «Подчеркивая роль миграций в становлении и развитии сарматских культур, мы ни в коей мере не считаем, что каждая новая волна миграций напрочь сметала прежнее население. Сарматские культуры — более сложное явление, нежели смена миграций. В становлении каждой из них решающую роль играли два начала: инновации миграционного происхождения и культурные традиции местного населения, их сплав давал новую культуру, которая уже не совпадала механически с первоначальными своими компонентами» (1992а, с. 20—21). А.С. Скрипкин подчеркивал, что археологический материал свидетельствует о том, что при существенной роли инноваций миграционного происхождения в формировании каждой новой сарматской культуры (ранней, средней и поздней) сохраняют свое значение и местные традиции, свойственные в каждом случае предшествующей культуре. Миграции, которые, скорее всего, носили военный характер, не приводили, как правило, к коренной смене кочевого населения в донских и волго-уральских степях. Существенную роль в эти периоды играли, видимо, такие процессы, как интеграция, консолидация, ассимиляция. Сам же автор в одной из недавно вышедших работ свою позицию называет умеренной миграционистской (1999и, с. 135—134).

С начала 90-х годов А.С. Скрипкин включается в разработку проблем, связанных с функционированием в древности Великого шелкового пути, исторических

связей степных кочевников Волго-Уралья с племенами Южной Сибири, Алтая и Китая (1993а; 1993б; 1994г; 1996б; 1996в; 1997а; 1998а). В одной из первых работ по этой теме А.С. Скрипкин пишет, что своеобразный всплеск восточных импортов, отчетливо фиксируемый в сарматских памятниках с начала н. э., был связан первоначально не с деятельностью купцов по Великому шелковому пути, а с причинами этнополитического характера, вызванными продвижением аланов из Средней Азии в восточно-европейские степи. Только после смены политической обстановки в степях начинают налаживаться торговые связи. Их относительная устойчивость привела к появлению северного ответвления Великого шелкового пути, шедшего через Среднюю Азию в Северное Причерноморье. Обнаружение в одних и тех же сарматских комплексах китайских и античных вещей, по его мнению, как бы символизировало встречу двух великих цивилизаций на нейтральной земле, в течение нескольких веков стремившихся навстречу друг другу (1994г, с. 11—12). Интересуясь вопросами взаимодействия западной (античной) и восточной (китайской) цивилизаций, он неизбежно пришел к выводу об огромной роли в этом процессе степных народов. В одной из своих относительно недавно вышедших работ А.С. Скрипкин отмечал, что кочевой мир евразийских степей внес свою лепту в установление культурных и экономических связей между ведущими цивилизациями древности. Причем необходимо отметить, что кочевники, по мнению А.С. Скрипкина, были не просто передаточным звеном, а активными участниками этого процесса (1998б, с. 173). Видимо, интерес к далеким связям сарматов привел к написанию им в соавторстве с А.Я. Серебряным труда «Китай. Краткий исторический словарь» (1997а).

Параллельно с вышеназванными исследованиями А.С. Скрипкин участвует в реализации совместного с итальянскими коллегами (Ф. Бози и др.) и российскими (И.М. Гарскова, Б.Ф. Железчиков, М.Г. Мошкова, И.В. Сергацков) проекта по статистической обработке материалов погребальных памятников Азиатской Сарматии. Он автор раздела по раннесарматской культуре (1997б) и в настоящее время работает над частью раздела по среднесарматской культуре.

А.С. Скрипкину не чужд и историографический жанр, им написан целый ряд

статей, посвященных творчеству известных археологов и историков, а также рецензий на отдельные работы своих коллег, отличающихся объективностью в оценке их исследований.

Будучи профессором университета, Анатолий Степанович постоянно уделяет особое внимание подготовке и изданию учебных пособий для студентов по археологии, истории Древнего мира, истории края (1974, 1993в, 1994д, 1998в и др.).

Объективно можно утверждать, что в экспедиции волгоградских археологов, руководимой А.С. Скрипкиным, зарождалось новое направление, возникшее на стыке археологии и почвоведения, — археологическое почвоведение, позволившее значительно расширить возможности исторических реконструкций на основе исследуемых археологических объектов. 25 лет совместной работы археологов и почвоведов дали прекрасные научные результаты, нашедшие отражение во многих статьях и монографиях, в том числе написанных совместно (1998г, 1999а).

А.С. Скрипкиным были заложены основы международного сотрудничества археологов Волгоградского госуниверситета с археологическими учреждениями Германии и США. С 1997 года стали организовываться совместные экспедиции. В Нижнем Поволжье в составе экспедиции нашего университета теперь работают студенты и сотрудники из Кельнского и Мэнсфилдского университетов. Группа наших археологов во главе с А.С. Скрипкиным в 1998 году принимала участие в раскопках на территории США в штате Пенсильвания (1999б). Имя А.С. Скрипкина известно за рубежом, его приглашают на конференции, им опубликован ряд работ в Италии, Германии, США (1994е, 1997в, 1998д, 1998е, 1998б). Он выступал с лекциями в университетах Чехии, Германии и Китая.

С самого начала работы в университете А.С. Скрипкин уделял внимание организации научных изданий. Под его редакцией издано 9 сборников научных трудов и монографий. Особенно значимым является издание по его инициативе «Нижеволжского археологического вестника», третий номер которого находится у вас в руках, задачей которого является объединение усилий исследователей в археологическом изучении региона.

Анатолий Степанович во многих начинаниях был первым, хотя сам он считает, что это не столько его заслуга, сколько сте-

чение обстоятельств. Он был первым кандидатом наук-археологом в Волгограде, затем он стал первым доктором наук-археологом в Нижнем Поволжье, впервые в Волгограде им была открыта археологическая лаборатория, он является первым преподавателем Волгоградского госуниверситета, принятым на работу, когда в самом университете еще не было студентов. С тех пор он с небольшим перерывом руководит кафедрой истории, всеобщей истории, а сейчас археологии, древней и средневековой истории. Несколько лет А.С. Скрипкин являлся проректором университета. Волгоградский государственный университет — это особая «песня» в его биографии. Когда он перешел на работу в него из пединститута, это было начало 1980 г., в штате университета был ректор, его секретарь и проректор по капитальному строительству. Университет начинался с нуля, вернее, со стола и стула, которые стояли в одном из кабинетов обкома партии. Однако по решению правительства с 1 сентября того же года университет должен был начать работу, как любое другое нормальное высшее учебное заведение. Вся эта подготовительная работа, связанная с набором студентов, подбором преподавателей, созданием библиотеки, завершением строительства первого университетского здания и многое другое, легла на плечи небольшого числа энтузиастов, среди которых был А.С. Скрипкин. Он часто вспоминает одну из первых своих командировок от университета, когда он с первым ректором Максимом Матвеевичем Загоруйко отправился в Саратовский госуниверситет. Старый поволжский вуз решением министерства осуществлял кураторство над создающимся Волгоградским госуниверситетом. Встретивший их ректор Саратовского университета А.М. Богомолов, узнав, чем они располагают, сказал: «Безумству храбрых поем мы славу».

Первые годы работы в университете, конечно, отобрали много сил и здоровья, но университет рос и развивался и сейчас находится не в последних рядах среди вузов России. Важным для нас является и то, что за эти годы А.С. Скрипкину удалось создать единый органичный творческий коллектив, который успешно преподает дисциплины древнего цикла истории и выполняет научные исследования. Сам Анатолий Степанович разработал и в разное время читал курсы археологии, истории первобытного

общества, истории Древнего Востока и источниковедения, кроме того, он читает ряд спецкурсов по специализации «археология» и руководит спецсеминаром, в котором находит полное отражение его научная деятельность.

Под его руководством работает аспирантура по археологии, через которую прошло более десятка человек. Только в последние годы защитили кандидатские диссертации его ученики В.М. Клепиков, И.В. Сергацков, Л.В. Яворская, принята к защите диссертация А.А. Иванова. Он являлся научным консультантом антрополога М.А. Балабановой в ее работе над кандидатской диссертацией.

А.С. Скрипкин является членом специализированного совета по защите кандидатских диссертаций при Волгоградском госуниверситете, входит в состав секции археологии Высшей комиссии по охране и учету культурного и исторического наследия при Министерстве культуры РФ. Высоко оценены заслуги Анатолия Степановича перед высшей школой, ему присвоено звание «Почетный работник высшей школы и России».

А.С. Скрипкин — один из пионеров волгоградской полевой археологии. Самостоятельные раскопки А.С. Скрипкин впервые провел в 1967 г. Основу его экспедиции составляли тогда студенты исторического факультета Волгоградского педагогического института, в котором он работал с момента его окончания в 1966 году до 1980 года. К тому времени он уже обладал довольно богатым опытом раскопок, полученным в экспедиции В.П. Шилова, а также в экспедиции Я.В. Доманского, исследовавшей Елизаветовское городище в низовьях Дона. Летом 1967 г. под его руководством было раскопано 33 кургана у с. Ютаевка в Иловлинском районе Волгоградской области, большинство из которых относились к средне- и позднесарматскому времени, несколько курганов оказались средневековыми. В следующем году он провел на Иловле разведку рекогносцировочного характера. На правом берегу реки от с. Лебяжьего до пос. Иловля было зафиксировано несколько десятков курганных групп и одиночных курганов, а у с. Ютаевка найдено поселение срубной эпохи.

В 1969—1970 гг. разведки и раскопки им проводились на Хопре у с. Нехаева и хут. Мазина. Древнейшими здесь оказались захоронения среднедонской катакомбной

культуры, а позднюю группу составляли погребения средне- и позднесарматской культур. Разведками были открыты десятки курганов, а также поселения бронзового века и салтово-маяцкой культуры.

В 1971 г. в исследованиях А.С. Скрипкина начался новый, и пожалуй самый плодотворный, этап его деятельности как полевого археолога. В этом году он впервые, сначала по поручению В.П. Шилова возглавляя Городищенский отряд Волго-Донской экспедиции, а впоследствии самостоятельно, стал вести раскопки на хоздоговорной основе. Такие работы в 70—80-х годах составят основное направление деятельности волгоградской археологии.

В 1971—1973 гг. А.С. Скрипкин руководит раскопками курганов в зоне строительства Городищенской оросительной системы. Самыми ранними здесь были погребения ямной эпохи и весьма интересная серия катакомбных и полтавкинских захоронений, некоторые из которых были весьма выразительны по составу находок: бронзовые украшения, ножи, глиняная посуда, кремневые наконечники стрел, костяная молоточковидная булавка и т. д. Довольно многочисленна серия срубных погребений, где были найдены глиняные сосуды различных форм, бронзовые ножи и подвески с позолотой, каменные наконечники булав, костяная пряжка. Во время раскопок была открыта целая серия савромато-сарматских погребений. Среди них выделяется исследованный в кургане 2 могильника Котлубань кенотаф позднесарматского времени. Там были найдены бронзовые ситечко и ручка от таза итальянского производства, серебряный уздечный набор, предметы вооружения. Самыми поздними в раскопанных курганах были захоронения времени Золотой Орды.

В 1975 г. исследования были перенесены в Заволжье, где развернулось интенсивное строительство оросительных систем. На средства, полученные от заключенных договоров, в этом году А.С. Скрипкину удалось создать археологическую лабораторию при педагогическом институте, что позволило сформировать дееспособный коллектив, выполнивший в последующие годы большой объем работ по исследованию древних памятников в зонах новостроек. В 1975—1977 гг. раскопки производились у поселка Быково, сел Красноселец, Рыбный, лимана Могута. В результате этих исследова-

ний был получен богатый и интересный материал. Эпоха бронзы представлена памятниками всех основных периодов: ямные, полтавкинские, покровские и срубные захоронения. Их материалы довольно выразительны и ярко характеризуют культуру племен бронзового века заволжских степей. Особенно интересно ямное погребение (III тыс. до н. э.) у лимана Могута, в котором был обнаружен фрагмент железного предмета. Это один из самых ранних случаев находок железных изделий в Восточной Европе.

Была открыта весьма выразительная и многочисленная серия памятников скифо-сарматской эпохи. Впечатляет разграбленное погребение скифской эпохи в одном из курганов, произведенное в громадной яме, над которой была сооружена сложная деревянная конструкция диаметром около 15 м. Очень большой интерес представляют раннесарматские захоронения из Быкова и Рыбного, где были найдены фибулы среднелатенской схемы. Погребения первых веков н. э. сопровождалось разнообразным вещевым материалом, включая золотые украшения античного производства. Средневековые памятники представлены захоронениями золотоордынской эпохи, типичными для своего времени.

Работы 1978—1980 гг. были сосредоточены у поселка Верхний Балыкле. Культурно-хронологический диапазон открытых там памятников примерно тот же, что и в исследованных в предыдущие годы заволжских курганов. Самую многочисленную группу составляли комплексы раннесарматского времени (III—I вв. до н. э.). Помимо этого, в балыклевских курганах было раскопано 3 погребения огузо-печенежского времени (X—XI вв.), в которых найдены многочисленные украшения из серебра: браслеты, нашивки на обувь, бляшки уздечной гарнитуры.

После перехода А.С. Скрипкина на работу в Волгоградский государственный университет в силу некоторых обстоятельств деятельность экспедиции первоначально была сосредоточена на Кубани, в Краснодарском крае. Необходимо было изыскать средства на открытие археологической лаборатории в университете. В то время на территории Краснодарского края интенсивно строились оросительные системы, в сметах которых закладывались расходы на археологические раскопки. С помощью Института археологии А.С. Скрипкин заключает долгосрочный договор на исследование археологических памятников в Краснодарском

крае, на основе которого и была сформирована археологическая лаборатория. Самый первый полевой сезон там (1981 г.) ознаменовался открытием богатых сарматских погребений. В 7-метровом кургане у хут. Северного было раскопано 2 захоронения I в. до н. э. — I в. н. э. В них обнаружены многочисленные золотые украшения (бляшки, серьга, гривны, ручные и ножные браслеты), каменные и стеклянные бусы, античная и кубанская глиняная посуда, стеклянная чаша и бронзовая ситупа галло-римского производства. Эти погребения входят в круг зубовско-воздвиженской группы памятников Прикубанья, видимо, оставленных сираками.

В 1982 г. раскопки производились у станицы Дмитриевской. Абсолютное большинство погребений, исследованных в тех курганах, относились к эпохе средней бронзы. Самыми яркими комплексами этого сезона явились погребения половецкой знати XII в. В них найдены серебряные распрямленные гривны, оружие, доспехи, бронзовые кованые котлы и т. д. Весьма интересно тюркское каменное изваяние, найденное в насыпи одного из курганов.

В 1983 г. исследования проводились в Кавказском и Тихорецком районах, у села Лосева и станицы Хоперской. Большинство погребений относилось к катакомбной эпохе. Среди находок из них наиболее интересны бронзовые подвески в виде бычьих голов — букрании. Довольно представительна и многочисленна серия сарматских погребений последних веков до н. э. — первых веков н. э., где было обнаружено большое количество местной глиняной посуды, предметов вооружения, украшений, бронзовая среднелатенская фибула и прочее. К числу очень редких находок относится комплекс вещей из одного из курганов у станицы Хоперской, датирующийся гуннским временем.

Постепенно руководство экспедициями, формирующимися Волгоградским госуниверситетом, А.С. Скрипкин передает своим ученикам.

Судьба была благосклонна к А.С. Скрипкину как полевому исследователю. Материалы многих из раскопанных им памятников получили широкую известность в научных кругах, будучи опубликованными им самим или его коллегами. Он щедро делится своим материалом, помогая молодым исследователям советами и консультациями. Отойдя в пос-

ледные годы от активной самостоятельной полевой работы, Анатолий Степанович, между прочим, не пропустил ни одного сезона, работая в экспедициях своих учеников. Его опыт — неоценимая помощь в раскопках. Одно его присутствие в экспедиции дисциплинирует коллектив, заставляет его «держаться марку».

А.С. Скрипкин, возглавляя кафедру археологии, древней и средневековой истории в Волгоградском госуниверситете, сумел объединить вокруг себя дружную команду единомышленников из числа коллег и учеников. Атмосфера доброжелательности, поддержки, отсутствие мелочной суетливой борьбы, зачастую разваливающей коллективы, — все это заслуга Анатолия Степановича. Лишенный комплекса недооцененности, он не позволяет и другим чувствовать себя ущербными. Коллектив постоянно ощущает над собой его «зонтик», его защиту. Чувство юмора остается еще одной важной составляющей его организаторских способностей. Причем его добродушная усмешка никогда не перерастает в язвительную ухмылку.

Есть еще одно качество Анатолия Степановича. Он очень лояльно относится к своим оппонентам, более того, он считает, что если у твоей новой идеи не появились противники, то с этой идеей не все в порядке. А.С. Скрипкин достаточно закален в научных дискуссиях. Его идеи находили не только сторонников, но и противников. Однако он никогда научные споры не переносил на личностные. Молодым коллегам он неоднократно говорил, что своих оппонентов надо уважать уже потому, что они поддерживают вашу форму и не дают расслабиться.

Руководя научными работами своих учеников, консультируя коллег, Анатолий Степанович легко делится научными наблюдениями, идеями. Школа волгоградской археологии, чье рождение удостоверяется учеными, в первую очередь была детищем А.С. Скрипкина. Его интерес к дискуссионным, малоизученным проблемам, умение привлекать разнообразные источники и методы, данные смежных наук, прирожденный демократизм создали ту неповторимую атмосферу коллективного научного поиска, о которой всегда мечтают исследователи.

Мы поздравляем Вас, многоуважаемый и дорогой Анатолий Степанович, с 60-летием и, желая здоровья и благополучия, ждем от

Вас новых ярких свершений во славу не только волгоградской археологической школы, но и российской науки в целом. Надеемся, впереди у Анатолия Степановича еще не один полевой сезон, еще не одно открытие.

Подводя сегодня промежуточный итог деятельности А.С. Скрипкина, хочется пожелать ему долголетнего творчества, успехов в подготовке высококвалифицированных кадров историков, пропаганде отечественной археологии и в личной жизни.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ А.С. СКРИПКИНА

1. Савроматское погребение с золотым комплексом из могильника Сазонкин бугор Астраханской обл. // Сборник тезисов 10-й Всесоюзной студенческой конференции. М., 1964.
2. Савроматские погребения из курганного могильника у хут. Капитанского Астраханской обл. // Сборник докладов 11-й Всесоюзной студенческой конференции. Ереван, 1965.
3. Некоторые вопросы исследования позднесарматской культуры // Материалы XXII научной конференции Волгоградского пединститута. Волгоград, 1968а.
4. Раскопки в низовьях р. Иловли // Археологические открытия 1967 года. М., 1968б.
5. Разведка в бассейне Иловли // Археологические открытия 1968 года. М., 1969а.
6. Археологические раскопки и разведки на реке Иловле // Материалы XXIII научной конференции Волгоградского пединститута. Волгоград, 1969б.
7. Раскопки курганов на Хопре // Археологические открытия 1969 года. М., 1970а. (В соавторстве с Н.С. Чернышовым.)
8. Случайные находки сарматских котлов на территории Волгоградской области // СА. 1970б. № 4.
9. Из истории исследования Иловлинских древностей // Вопросы историографии всеобщей истории. Волгоград, 1970в.
10. Разведки и раскопки в низовьях Хопра // Археологические открытия 1970 года. М., 1971.
11. Работы в зоне Городищенской оросительной системы // Археологические открытия 1971 года. М., 1972а.
12. Раскопки в районе Волгограда // Археологические открытия 1972 года. М., 1972б. (В соавторстве с И.П. Лисицыным.)
13. Позднесарматская культура Нижнего Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973а.

14. Раскопки курганов на Иловле // Историко-краеведческие записки. Вып. 1. Волгоград, 1973б.
15. Уникальная находка // Историко-краеведческие записки. Вып. 1. Волгоград, 1973в.
16. Край в глубокое древности // Очерки по истории Волгоградского края. Волгоград, 1974. (В соавторстве с Д.И. Нудельман.)
17. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского района Астраханской области // КСИААН СССР. 1975а. Вып. 140.
18. Изделия египетского фаянса у сарматов Поволжья // Историко-краеведческие записки. Вып. 3. Волгоград, 1975б.
19. Две бронзовые пряжки из Сусловского курганного могильника // СА. 1976а. № 3.
20. Раскопки и разведки в Волгоградском Заволжье // Археологические открытия 1975 года. М., 1976б. (В соавторстве с А.В. Лукашовым.)
21. К вопросу о происхождении позднесарматской культуры // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976в.
22. Раскопки в Волгоградском Заволжье // Археологические открытия 1976 года. М., 1977а. (В соавторстве с В.П. Колесником, А.В. Лукашовым, В.И. Мамонтовым.)
23. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977б. № 2.
24. Об одном новом типе позднесарматских кинжалов // СА. 1977в. № 4. (В соавторстве с В.И. Мамонтовым.)
25. Раскопки в Волгоградской области // Археологические открытия 1977 года. М., 1978а. (В соавторстве с В.Н. Игнатовым, В.М. Клепиковым, В.П. Колесником, А.В. Лукашовым.)
26. Позднесарматский комплекс из Нижнего Поволжья // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978б.
27. Исследования в Волгоградском Заволжье // Археологические открытия 1978 года. М., 1979а. (В соавторстве с В.М. Клепиковым, А.В. Лукашовым, И.В. Сергацковым.)
28. Некоторые вопросы хронологии памятников Азиатской Сарматии II—IV вв. // IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979б.
29. Материалы к истории племен раннего железного века северо-западных районов Волгоградской области // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979в.
30. К датировке некоторых типов сарматского оружия // СА. 1980. № 1.
31. К проблеме хронологии археологических памятников Азиатской Сарматии II—IV вв. // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
32. Азиатская Сарматия II—IV вв. (некоторые проблемы исследования) // СА. 1982. № 2.
33. К.Ф. Смирнов — исследователь савромато-сарматской культуры // История и культура сарматов. Саратов, 1983а.
34. Археологические раскопки в Кавказском районе Краснодарского края // Материалы к научно-практическому семинару археологов на тему «Итоги полевых исследований археологических памятников Краснодарского края в 1982—1983 гг.». Краснодар, 1983б.
35. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984а.
36. Два погребения раннего железного века из Прикубанья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984б.
37. Исследование курганов на средней Кубани // Археологические открытия в 1983 году. М., 1984в.
38. Итоги и перспективы работ Волгоградского университета // Археологические исследования в зонах мелиорации, итоги и перспективы их интенсификации. Л., 1985.
39. Проблемы расселения и этнической истории сарматов Нижнего Поволжья и Дона // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.
40. Проблемы этнической истории Азиатской Сарматии // Проблемы археологии степей Евразии: Тезисы докладов. Кемерово, 1987а.
41. Проблемы хронологии сарматской культуры и ее исторический аспект // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов. М., 1987б.
42. Некоторые итоги изучения хронологии сарматской культуры // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье — Приазовье. Новочеркасск, 1987в.
43. Этнические проблемы сарматской культуры // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987г.
44. Азиатская Сарматия: проблемы истории и культуры // Проблемы сарматской археологии и истории: Тезисы докладов Всесоюзной конференции. Азов, 1988а.
45. Комплексы сарматского времени из Прикубанья // СА. 1988б. № 3. (В соавторстве с В.Н. Игнатовым.)

46. К проблеме генетической преемственности савроматов и сарматов // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988в.
47. Определение даты среднесарматских погребальных комплексов Суловского курганного могильника // Тезисы докладов VI научной конференции профессорско-преподавательского состава ВолГУ. Волгоград, 1989а.
48. Археологические и исторические данные о появлении аланов в Восточной Европе // I Кубанская археологическая конференция: Тезисы докладов. Краснодар, 1989б.
49. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. 1989в. № 4.
50. Савроматы // Историко-краеведческие записки. Вып. 6. Волгоград, 1989 г. (В соавторстве с Б.Ф. Железчиковым.)
51. О хронологии сарматской культуры // Археология восточноевропейских степей. Саратов, 1989д.
52. О конечной дате раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990а.
53. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990б.
54. Роль миграций в становлении сарматских культур // Вопросы краеведения. Вып. 1. Волгоград, 1991а.
55. [Рецензия] // СА. 1991б. № 3. Рец. на: Б.М. Кереев. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988.
56. Антропоморфные статуэтки в погребальном обряде сарматов // Археология восточноевропейских степей. Вып. 2. Саратов, 1991в.
57. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1992а.
58. О происхождении мечей с кольцевым навершием у сарматов в свете миграционной концепции // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века. Ростов-на-Дону, 1992б.
59. Об уточнении хронологии сарматских культур // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992в.
60. К истории Великого шелкового пути // Вопросы краеведения. Волгоград, 1993а.
61. О начале и некоторых особенностях функционирования северного ответвления Великого шелкового пути // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1993б.
62. Атлас Волгоградской области. Киев, 1993в.
63. К проблеме исторической интерпретации археологических параллелей в культурах Алтайского и Доно-Уральского регионов в последние века до н. э. // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 2. Новочеркасск, 1993г.
64. К определению содержания понятия «сарматская эпоха» // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов международной конференции. Волгоград, 1994а.
65. Сарматский феномен // Проблемы всеобщей истории. Волгоград, 1994б.
66. О времени появления аорсов на Дону // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века: Тезисы докладов VII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 1994в.
67. Великий шелковый путь в истории Юга России // Российский исторический журнал. Балашов, 1994г.
68. Древняя история Нижнего Поволжья по письменным и археологическим источникам. Волгоград, 1994д. (В соавторстве с Б.Ф. Железчиковым и И.В. Сергацковым.)
69. The Sarmatian Phenomen // The archaeology of the methods and strategies: Papers from the International Symposium held in Naples 9—12 November 1992. Napoli, 1994е.
70. [Рецензия] // К обсуждению методического материала «Основные этапы всемирной истории». Армавир, 1994ж. Рец. на: Виноградов В.Б., Дударев С.А., Нарожный Е.И. Основные этапы всемирной истории. Армавир, 1993.
71. Древний Восток и евразийская периферия. Курсовые работы по истории Древнего мира: Методическое пособие. Волгоград, 1994з.
72. Очерки по истории волгоградской археологии. Начало // Древности волго-донских степей. Вып. IV. Волгоград, 1994и.
73. Были ли сарматы сарматами? // Вопросы краеведения: Материалы V краеведческих чтений, посвященных 80-летию Волгоградского областного краеведческого музея. Вып. 3. Волгоград, 1995а.
74. Романтика и наука // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград, 1995б.
75. О географическом положении Азиатской Сарматии и ее населении // Куль-

туры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала: Материалы 3-й Международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Ч. V. Кн. 2. Челябинск, 1995в.

76. Очерк по истории волгоградской археологии (1970—1980 годы) // Древности волго-донских степей. Вып. 5. Волгоград, 1995г.

77. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996а. № 1.

78. Китайские впечатления российского археолога // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История, философия. Вып. 1. 1996б.

79. К проблеме сармато-китайских культурных связей // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века: Тезисы докладов VIII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 1996в.

80. Первые чтения памяти К.Ф. Смирнова (Москва, 1995) // РА. 1996г. № 3. (В соавторстве с Б.Ф. Железчиковым.)

81. Об авторе // В.И. Мамонтов. Тайны седых курганов. Волгоград, 1996д.

82. Первый академик // Российский исторический журнал. №1(9). Балашов, 1996е. (В соавторстве с И.О. Тюменцевым.)

83. Китай. Краткий исторический словарь. Волгоград, 1997а. (В соавторстве с А.Я. Серебряным.)

84. Раннесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. М., 1997б.

85. Archäologische Untersuchungen deutscher Gelehrter im Unteren Wolgagebiet // Kölner Jarbuch. Band 30. 1997в.

86. На перекрестке цивилизаций // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти П.Д. Рау. Саратов, 1997г.

87. Нижнее Поволжье и Дон — перекресток цивилизаций (Греция, Рим, Китай, кочевники) // Тезисы докладов Первого международного симпозиума «Особо охраняемые территории и формирование здорового образа жизни». Волгоград, 8—14 сентября 1997 г. Волгоград, 1997д.

88. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Донские древности. Вып. 5. Сарматы и Скифия: Сборник научных докладов III Меж-

дународной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Азов, 1997е. (В соавторстве с В.М. Клепиковым.)

89. Особенности развития раннесарматской культуры III—I вв. до н. э. в Дону-Волго-Уральском регионе // Чтения в Волгоградском областном обществе краеведов. Волгоград, 1997ж.

90. Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград, 1997з.

91. Борис Сергеевич Абалихин — ученый, педагог, общественный деятель (1930—1994 гг.) // История России: на перекрестке мнений. Волгоград, 1997и. (В соавторстве с И.О. Тюменцевым.)

92. Об одном полемическом эпизоде в книге М.Б. Щукина «На рубеже эр» (Санкт-Петербург, 1994) // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев, 1997к.

93. К проблеме сармато-китайских культурных связей // Вопросы краеведения: Материалы VI и VII краеведческих чтений, посвященных 50-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. Вып. 4—5. Волгоград, 1998а.

94. Между Китаем и Римом // Festschrift — 5 Jahre wissenschaftliche Zusammenarbeit der Universitäten Köln und Wolgograd (1993—1998). Köln: Kirsch-Verlad, 1998б.

95. Древняя и средневековая история Урюпинского края // История и природа Урюпинского края. Урюпинск, 1998в.

96. Почвенно-археологические исследования курганного могильника «Акса́й-I-97» в Волгоградской области // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тезисы докладов VII Донской археологической конференции. Ростов-на-Дону, 1998г. (В соавторстве с В.А. Демкиным, А.Н. Дьяченко, Б.Ф. Железчиковым, В.М. Клепиковым, А. Мэйб, Л.С. Песочиной.)

97. Volgograd—Mansfield joint archaeological investigation in the Volga-Don region // The 21st Century of Anthropology. The 14 International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. July 26 — August 1, 1998. Williamsburg, 1998д. (В соавторстве с А.Н. Дьяченко и А. Мэйб.)

98. В.П. Шилов — исследователь древней истории Нижнего Поволжья // Нижне-волжский археологический вестник. Вып. 1. Волгоград, 1998е.

99. Материалы Сусловского курганного могильника // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 1. Волгоград, 1998ж.

100. Предварительные итоги археологических исследований в Волгоградском Задонье в 1997 г. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 1. Волгоград, 1998з. (В соавторстве с А.Н. Дьяченко, В.М. Клепиковым, И.В. Сергацковым.)

101. К шестидесятилетию В.И. Мамонтова // Древности волго-донских степей. Вып. 6. Волгоград, 1998и.

102. Что это могло быть? // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тезисы докладов VII Донской археологической конференции. Ростов-на-Дону, 1998к.

103. Silbergafäße aus dem Sadovyj-Kurgan am Unterlauf des Don // Festschrift — 5 Jahre wissenschaftliche Zusammenarbeit der Universitäten Köln und Wolgograd (1993—1998). Köln: Kirsch-Verlag, 1998л. (В соавторстве с Ф. Флесс и Х. фон Хесбергом.)

104. Динамика почвенно-ландшафтных условий в сухих степях западного склона Ергеней за последние 40 веков // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград, 1999а. (В соавторстве с В.А. Демкиным, Л.С. Песочиной, Б.Ф. Железчиковым, В.М. Клепиковым, А.Н. Дьяченко.)

105. Совместные археологические исследования Волгоградского и Мэнсфилдского университетов в штате Пенсильвания США // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград, 1999б. (В соавторстве с А.И. Кубышкиным.)

106. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград, 1999в. (В соавторстве с А.Н. Дьяченко, А. Мэйб, В.М. Клепиковым.)

107. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград, 1999г. (В соавторстве с Е.П. Мыськовым, А.В. Кияшко.)

108. Савромато-сарматские погребения из курганов в районе поселка Котлубань // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 3. Волгоград, 1999д. (В соавторстве с А.А. Глуховым.)

109. Археология в Волгоградском государственном университете // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград, 1999е. (Научные школы Волгоградского государственного университета).

110. Погребальный обряд и материальная культура сарматов европейских степей в первые века нашей эры // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград, 1999ж. (Научные школы Волгоградского государственного университета).

111. Монументально-ритуальное сооружение в Волгоградском Задонье // Комплексные общества Центральной Евразии в III—I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей: Материалы к международной конференции 25 августа — 2 сентября 1999 г. Челябинск; Аркаим, 1999з. (В соавторстве с А.Н. Дьяченко.)

112. Идеи развития сарматской культуры в трудах Б.Н. Гракова и современное состояние проблемы // Скифы Северного Причерноморья в VII—IV вв. до н. э.: Тезисы докладов международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова. М., 1999и.

113. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II—I вв. до н. э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара, 2000а.

114. Неординарный культовый памятник в Волгоградском Задонье // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына. Саратов; Энгельс, 2000б. (В соавторстве с А.Н. Дьяченко, И.В. Сергацковым, В.М. Клепиковым.)

115. Значение научного наследия Б.Н. Гракова в разработке проблем сарматской археологии // Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология: Сб. ст. М., 2000в.

116. О китайских традициях в сарматской культуре // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы VI семинара. Краснодар, 2000г.

117. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000д.

СТАТЬИ

НОВЫЕ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ САРМАТОВ *

А.С. Скрипкин

Для материальной культуры кочевников раннего железного века степной евразийской зоны, в том числе и сарматов, в определенной мере был характерен синкретизм. Особенно явно эта черта проявляется в материалах погребений знати. Материальная культура сарматов, в ее археологическом выражении, слагалась из двух компонентов. Первый — это вещи, которые они изготавливали сами; второй — вещи импортного производства, изготовленные другими народами. Археологу на практике зачастую бывает довольно сложно провести разграничение между двумя этими группами находок, равно как и определить центры производства привозных вещей. Выполнить эту задачу мешает и такое явление, как распространение моды на отдельные типы вещей, когда на основе первичных эталонов налаживалось изготовление подобных предметов в других местах. Однако археологи в целом ряде случаев умеют визуально различать, откуда происходят те или иные вещи, например посуду кавказского, кубанского или нижнедонского производства в сарматских погребениях, тем более керамическую или металлическую посуду, изготовленную в греко-римских производственных центрах.

Что касается западных импортов в сарматских погребальных комплексах, то они практически постоянно находились в поле зрения исследователей и им посвящена обширная литература. Достаточно вспомнить общеизвестные работы В.В. Кропоткина, Д.Б. Шелова, Б.А. Раева, В.П. Шилова и других.

В последнее время все больше выявляется роль восточных центров, оказавших значительное влияние на материальную культуру сарматов. Однако до сих пор нет ни одной работы, претендующей на сколько-нибудь полное освещение этой темы. В ряде

своих работ мне приходилось касаться только некоторых ее эпизодов (Скрипкин А.С., 1993, с. 3—10; 1996, с. 6—11; 1998, с. 170—174; 1999, с. 123—136). В предлагаемой статье я хотел бы остановиться на отдельных сюжетах этой темы более подробно.

На востоке азиатского континента эпицентром культурного влияния на варварский мир был, бесспорно, Китай. Его влияние особенно ощутимо начало сказываться в ханьскую эпоху. Исследователи по степени воздействия в это время на окружающий мир сравнивают Китай с античной цивилизацией (Степугина Т.В., 1990, с. 36). Внешнеполитическая деятельность Китая в этот период времени способствовала расширению контактов с различными народами, проживавшими от Тихого океана до восточных границ Римского государства. Особое внимание Китай уделял кочевому миру евразийских степей. Длительная конфронтация с мощным объединением хунну заставила правителей Китая искать союзников среди других кочевников, в частности на территории Западного края. Взаимодействие Китая с кочевниками в определенной степени сказывалось на материальной культуре последних, причем ареал этого влияния был достаточно обширным.

Что касается сарматов, то в литературе обращалось внимание на находки в их погребальных памятниках ханьских бронзовых зеркал, шелковых тканей (Гугуев В.К., Трейстер М.Ю., 1995, с. 143—164; Ковпаненко Г.Т., 1986). Однако влияние, восходящее к китайским традициям, на культуру сарматов было гораздо большим и распространялось на многие другие категории вещей.

К настоящему времени в сарматских погребениях обнаружена достаточно представительная серия длинных мечей с коротким ромбической формы перекрестием и

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 00-01-00061a/B.

длинным штырем, на котором оформлялась рукоять. Лезвия этих мечей обычно 4,0–4,5, реже 5,0 см шириной, стороны их по большей длине параллельны друг другу и сужаются в нижней части. Штыри ручек чаще прямоугольные в сечении (рис. 1, 1–19). Ромбические перекрестия изготовлены из железа (рис. 1, 4–7, 9–11, 15–19), бронзы (рис. 1, 1–3, 8, 13), нефрита (рис. 1, 12, 14). У некоторых мечей на перекрестии у основания рукояти в отдельных случаях достаточно четко, в других менее отчетливо просматривается прямоугольный вырез (рис. 1, 3, 5, 7, 8, 12, 14); у одного меча перекрестие имело выраженный прогиб (рис. 1, 10). Перекрестия из нефрита имеют обращенный вниз клинообразный выступ (рис. 1, 12, 14), слабо он просматривается и на некоторых перекрестиях, изготовленных из бронзы и железа (рис. 1, 3, 7). Общая длина таких мечей колеблется от 0,80 до 1,10 м, но большинство из них имеют длину около метра и более. Длина штырей для рукояти в ряде случаев превышает 20 см.

В данной статье я рассматриваю 19 экземпляров описанного выше типа мечей. Это преимущественно те мечи, изображение которых имеется в публикациях или архивных материалах. Отдельные из них мне удалось осмотреть лично, в других случаях пришлось пользоваться их описанием и изображением. К этому же типу относятся, вероятно, и мечи из следующих захоронений: Бережновка II, курган 103; Верхнее Погромное, курган 1, погребение 11; Кос-Оба, курган 16, погребение 2; Новый, курган 121, погребение 3; Сухо-Дюдереvский II, курган 1, погребение 12, а также из Суловского кургана 51. Некоторые из них не сохранились к настоящему времени, по другим я не смог получить качественные прорисовки. Думаю, что этот перечень неполный, и, возможно, остались еще находки таких мечей, особенно из раскопок последних лет, которые мне неизвестны.

Аналогичные мечи встречаются и на сопредельных с сарматами территориях: в низовьях реки Белой в памятниках пьяноборской и чегандинской культур (рис. 2, 2–4) (Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1986, с. 84–93; Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986, с. 115), в памятниках саргатской культуры на Иртыше (рис. 2, 5) (Могильников В.А., 1992, с. 303), на нижнем Днепре в могильнике позднескифского времени (рис. 2, 1) (Вязьмитина М.И., 1972, с. 21). Достаточно много

мечей этого типа обнаружено в различных памятниках Средней Азии (рис. 2, 6–9). В свое время, к середине 70-х годов, О.В. Обельченко насчитывал их здесь 20 экземпляров (Обельченко О.В., 1978, с. 119). Сейчас их там известно гораздо больше. Обнаружены они и на Кубани в памятниках, относимых к сиракам (Марченко И.И., 1996, с. 56).

В недавно вышедшей работе В.Е. Маслова рассматриваемые мечи с бронзовыми перекрестиями разделены на две группы. В первую группу им включены мечи, имеющие перекрестия подобные нефритовым, то есть с вырезом сверху и центральным выступом снизу; во вторую — с прямым ромбическим перекрестием (Маслов В.Е., 1999, с. 221). В своей статье я не собираюсь предлагать какую-либо дробную градацию этих мечей, поскольку, по моему мнению, все они, в том числе и с железными перекрестиями, восходят к единой традиции в их изготовлении. Эти мечи, вне зависимости от материала, из которого сделано перекрестие, очень близки между собой по форме. Различаются они только по деталям оформления перекрестий, на что обратил внимание В.Е. Маслов, но в том и другом случае все они имеют общую ромбовидную форму. В отдельных же случаях различие между двумя отмеченными вариантами перекрестий настолько трудноуловимо, что его можно и не заметить. Примером тому является меч из погребения 3 кургана 14 могильника Первомайский VII. Его В.Е. Маслов отнес ко второй группе мечей, с прямыми ромбическими перекрестиями, сославшись на публикацию В.И. Мамонтова. Но В.И. Мамонтовым приведен достаточно схематический рисунок относительно деталей этого меча. Осмотр его мною в Волгоградском краеведческом музее показал, что перекрестие имеет все признаки, характерные для первой группы мечей (рис. 2, 10).

Древнейшими прототипами описанных мечей из сарматских погребений и других памятников, отмеченных выше, являются образцы китайского клинкового оружия. Поражает совпадение их форм и размеров. В Китае короткие мечи, изготовленные из бронзы, с перекрестиями, которые имели вырез у основания рукояти и клинообразный выступ снизу, появляются еще в эпоху Чжоу, на заключительном этапе бронзового века, и продолжают существовать в раннем железном веке (рис. 3, 1–7) (Комиссаров С.А., 1988, с. 103–106). В циньско-ханьс-

кую эпоху распространяются длинные мечи, иногда превышающие 1 м в длину, с прямым ромбическим перекрестием (рис. 3, 8—11) (Кожанов С.Т., 1990, с. 84). В ханьское время вошли в употребление и длинные мечи, изготовленные из железа (рис. 3, 8—9).

Находки отмеченных выше мечей в сарматских погребениях и на сопредельных территориях повторяют форму циньских и ханьских, а также отдельные детали более ранних китайских мечей. У них, как и у циньско-ханьских мечей, прямые ромбические перекрестия, длинные узкие лезвия и длинные штыри для рукояти. У более ранних китайских мечей, относящихся к заключительному периоду Чуньцю и Чжаньго, перекрестия, как правило, снабжены прямоугольными вырезами у основания рукояти и клиновидным выступом в нижней части. На их рукоятях имеются валикообразные утолщения. Большинство мечей этого времени имеют навершия в виде конусообразной воронки (рис. 3, 1—7).

У некоторых сарматских мечей также сохраняется ряд черт, характерных для ранних типов аналогичного китайского оружия. Достаточно близко по форме китайским перекрестием меча из Первомайского могильника (рис. 1, 3; 2, 10), хотя оно уже в значительной степени стилизовано. Прямоугольные вырезы имеются на перекрестиях у мечей из Чкаловской группы и Калмыковского кургана 2 (рис. 1, 5, 8). Интересны в этом плане находки мечей, обнаруженные на соседних с сарматскими территориях. Абсолютно идентичны китайским бронзовые перекрестия у мечей с низовий реки Белой (рис. 2, 3, 4). А железный меч из Богданова (саргатская культура) имел бронзовое ромбическое перекрестие и железное воронкообразное навершие, встречающееся только у китайских бронзовых мечей (рис. 2, 5). Типично китайской чертой является использование нефрита в качестве материала для изготовления перекрестий мечей. Мечи с такими перекрестиями были обнаружены в сарматских погребениях в могильниках Сладковский и Камышевский I в Ростовской области. При них находились скобы, использовавшиеся для крепления мечей к портуpee, также изготовленные из нефрита. Во многих музеях Китая такие скобы демонстрируются в археологических экспозициях.

Даже в небольшом музее Шицзячжуанского педагогического института (провинция Хэбэй) в 1995 году я видел аналогичные скобы и перекрестие из нефрита от меча, которое ничем не отличается от перекрестий на сарматских мечах (рис. 3, 12)¹. Нефритовые скобы особенно широко использовались для ношения мечей в ханьскую эпоху (Суин Тий, 1985, с. 48—60). В Китае из нефрита довольно часто изготовляли и другие детали клинкового оружия, были даже найдены ножны, полностью сделанные из нефрита (Горелик М.В., 1993, с. 26). Интересно, что перекрестия, изготовленные из нефрита, длительное время повторяют формы перекрестий ранних бронзовых мечей.

Рассматриваемого типа мечи обнаружены в погребениях всех сарматских культур (ранней, средней и поздней). Из 19 привлеченных мною экземпляров в погребениях раннесарматской культуры они встречены в девяти случаях, в погребениях среднесарматской культуры их находки отмечены в восьми случаях, и в погребениях позднесарматской культуры — два раза. Чаще всего, в 13 случаях из 19, такие мечи находились в погребениях, устроенных в широких прямоугольных ямах, в трех случаях они были найдены в погребениях в ямах с заплечиками. Причем в двух из них погребенные были перекрыты на уровне заплечиков деревянными колесами от повозок (Политотдельское, кург. 12, погр. 19; Антонов, кург. 3, погр. 3). Дважды такие мечи были обнаружены в катакомбах (Калмыково, кург. 2; Аксай, кург. 2, погр. 2) и в одном случае в диагональном погребении (Сладковский, кург. 12, погр. 1). Следует отметить такую деталь, что пока ни в одном случае длинный меч с ромбическим перекрестием не встречен в погребении с подбойной ямой, довольно распространенной конструкции погребальных сооружений у сарматов во все времена.

Как уже отмечалось, мечи данного типа появляются в раннесарматских погребениях. Это Мечет-Сай, курган 3, погребение 11; Калмыково, курган 1, погребение 1; Калмыково, курган 2; Политотдельское, курган 12, погребение 19; Яшкуль, группа 37, курган 1, погребение 1; Чкаловская группа, курган 3, погребение 7; канал Волга—Чограй, группа 42, курган 1, погребение

¹ Зарисовка сделана схематично с экспозиции, на одной из сторон перекрестия изображена фигурка дракона.

ние 6; Антонов, курган 3, погребение 3; Аксай, курган 2, погребение 2. В подавляющем большинстве эти погребения являются впускными в насыпи более ранних курганов, что весьма характерно для раннесарматской культуры на ее завершающем этапе. В семи случаях из отмеченных выше девяти погребений длинные мечи сопровождалась находками кинжалов или мечей других типов, из которых три имели прямое перекрестие и серповидное навершие, три — прямое перекрестие и кольцевое навершие и один — прямое перекрестие и навершие в виде деревянного набалдашника (Антонов, кург. 3, погр. 3). Мечи и кинжалы с серповидным навершием — типичная находка в раннесарматских погребениях. Мечи и кинжалы с кольцевым навершием относительно часто начинают встречаться на заключительном этапе раннесарматской культуры, и в последующее время они занимают ведущее положение среди сарматского клинкового оружия. В этом отношении весьма показателен комплекс из Чкаловской группы, курган 3, погребение 7, где вместе с длинным мечом с бронзовым перекрестием был найден второй меч с кольцевым навершием. Кроме того, в этом же погребении были обнаружены бронзовая восьмерковидная пряжка и сосуд, украшенный по бокам пучками полос, спускающихся от горла вниз. И пряжка, и глиняный сосуд такого типа — обычные находки в раннесарматских погребениях. Вместе с ними были найдены еще и железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, и ни одного бронзового (Порохова О.И., 1983, с. 9—10), что в общем указывает на поздний возраст данного погребения в рамках раннесарматской культуры.

Определенный свет на вопрос о времени появления рассматриваемых мечей у сарматов проливают два погребальных комплекса с железными мечами, имеющими ромбические перекрестия, из Аксайского курганного могильника, исследованного экспедицией Волгоградского госуниверситета в 1997 году в Октябрьском районе Волгоградской области (Дьяченко А.Н., Мэйб Э., Скрипкин А.С., Клепиков В.М., 1999, с. 94—95, 97—98). В кургане 2 во впускном погребении 2, сооруженном в катакомбе, вместе с мужским костяком находились меч указанного выше типа и кинжал с серповидным навершием. В кургане 6, погребении 1, также впускном, было обнаружено парное захоронение мужчины и жен-

щины. Около мужского костяка располагались длинный меч с ромбическим перекрестием и кинжал с кольцевым навершием. Уже на основании различных типов кинжалов эти комплексы можно было бы отнести к разному времени и разным культурам. Первый — к раннесарматской культуре, второй — к среднесарматской. Однако хронологический разрыв между ними, видимо, был не столь существенен, так как остальные находки в этих погребениях практически идентичны друг другу. Это небольшие плоские бронзовые зеркала, обычно датируемые I в. до н. э. — I в. н. э., сероглиняные кувшины с ложновитыми ручками, украшенные по тулову парными полосами, спускающимися от горла книзу. Дату погребения кургана 6 можно уточнить по найденной в нем бронзовой фибуле, относящейся к типу «воинских». Аналогичные фибулы в настоящее время датируются второй половиной I в. до н. э. — первой половиной I в. н. э. (Еременко В.Е., Журавлев В.Г., 1992, с. 69—71). Если погребение из кургана 2 и древнее погребения из кургана 6, то ненамного, последнее, видимо, по времени располагается на стыке ранне- и среднесарматской культур.

Определенно к среднесарматскому времени (I в. н. э., возможно первая половина II в. н. э.), помимо погребения 1 из аксайского кургана 6 с найденными мечами рассматриваемого типа, относятся погребения, обнаруженные в могильниках: Курпе-Бай, курган 2; Первомайский VII, курган 14, погребение 3; Новый, курган 80, погребение 3; Кардаиловский I, курган 11, погребение 1; Октябрьский V, курган 1, погребение 1; Красный Кут, курган 2, погребение 2; Сладковский, курган 12, погребение 1.

Два длинных меча, в обоих случаях с нефритовыми перекрестиями, происходят из достаточно богатых позднесарматских погребений (Сладковский, кург. 19, погр. 1 и Камышевский I, кург. 8, погр. 1). По всему набору вещей они убедительно датируются в пределах последней трети II — первой половины III в. н. э. (Максименко В.Е., Безуглов С.И., 1987, с. 190; Безуглов С.И., 1998, с. 87). Таким образом, мечи рассматриваемого типа появляются в сарматских памятниках не ранее II—I вв. до н. э. и существуют вплоть до II—III вв. н. э.

Теперь небезынтересным будет рассмотреть вопрос о том, как и при каких обстоятельствах мечи, близкие по форме, эле-

ментам декора и способу ношения китайскому клинковому оружию, попали к сарматам. Ближайшим к ним районом массового распространения аналогичных мечей является Средняя Азия. О.В. Обельченко, исследовавший и опубликовавший материал по нескольким среднеазиатским памятникам с такими мечами и посвятивший специальную статью мечам и кинжалам Согда, отмечал, что данный тип представляет самую большую группу мечей из этого района, которые могут быть датированы временем со II в. до н. э. по I в. н. э., и что дата наиболее ранних их находок подтверждается нумизматическим материалом (Обельченко О.В., 1956, с. 221; 1961, с. 133; 1978, с. 119).

Тулхарский курганный могильник, располагавшийся в Южном Таджикистане на территории древней Бактрии, в котором были обнаружены мечи того же типа, автор раскопок А.М. Мандельштам по совокупности находок, в том числе и нумизматических, датировал последней третью II в. до н. э. — началом I в. н. э. (Мандельштам А.М., 1966, с. 158).

Особый интерес представляют материалы Орлатского курганного могильника, находившегося в районе крупного городища античного времени, названного Кургантепе, на территории современного Узбекистана. В ряде курганов этого могильника были обнаружены аналогичные мечи как в натуральном, так и иконографическом вариантах. В курганах 1 и 4 обнаружены длинные мечи с короткими брусковидными перекрестиями, у которых, так же как и у большинства сарматских мечей этого типа, штыри рукояток имели в сечении прямоугольную форму. А в кургане 2 был найден железный кинжал с нефритовым перекрестием, аналогичным перекрестиям китайских мечей. В погребении этого же кургана находились две большие костяные пластины с изображением батальной сцены на одной из них, а на другой — охоты (Пугаченкова Г.А., 1989, с. 122—154). Благодаря этим пластинам Орлатский могильник получил широкую известность. На пластине с изображением сражающихся конных и спешившихся воинов в доспехах, по крайней мере четыре раза, достаточно четко изображены мечи, которые по форме перекрестия являются прямыми аналогами найденному в этом же кургане кинжалу и целой серии находок мечей в сарматских погребениях и на сопредельных с ними территориях (рис. 4). Мечи, изоб-

раженные у сражающихся воинов, имели перекрестия с вырезом сверху и клинообразным выступом снизу, длинную рукоять, завершающуюся конусовидным расширением.

Опубликовавшая материалы по этим находкам Г.А. Пугаченкова датировала их II—I вв. до н. э., считая, что они принадлежали конному народу кангюйцам. Уникальность орлатских пластин неоднократно привлекала внимание исследователей в плане определения этнической принадлежности изображенных на них персонажей, а также их датировки. В одной из последних работ, известных мне, написанной В.Е. Масловым, дан обстоятельный обзор имеющейся на этот счет литературы, что избавляет меня от повторения. Сам же В.Е. Маслов на основании широкого круга аналогий, приведенных им для вещей, в том числе и оружия, изображенного на пластинах, пришел к выводу, что погребальный комплекс из орлатского кургана 2 следует датировать I—II вв. н. э. (Маслов В.Е., 1999, с. 219—229).

Не претендуя на какое-либо уточнение даты орлатских курганов, я хотел бы обратить внимание на то, что в сарматских памятниках те вещи, которые, по мнению В.Е. Маслова, входят в единый хронологический горизонт с орлатскими находками (псалии с дисковидными окончаниями; ложковидные подвески; мечи, соответствующие изображенным на пластинах, и некоторые другие), в большинстве своем появляются еще в позднепрохоровское время и претендуют быть датированными II—I вв. до н. э.

Ближайшими аналогами псалиям, изображенным на орлатской пластине со сценой охоты, являются псалии от уздечного набора из погребения 1 кургана 1, группы 37 у пос. Яшкуль в Калмыкии. Это двухпетельчатые псалии с округлыми полусферическими окончаниями, обтянутые богато орнаментированными золотыми пластинами, стержни псалиев также покрыты позолотой. В этом же комплексе обнаружены два больших и несколько малых фаларов. На больших фаларах, диаметром около 18 см, в центре изображены сильно стилизованные фигуры животных. Большие фалары также изображены на лошадях на орлатских пластинах. Видимо, частью узды в яшкульском погребении были и золотые ложковидные подвески. Кроме того, здесь же был найден длинный железный меч с ромбическим перекрестием (рис. 1, 7), аналогичный мечам, которые были обнаружены в курганах 1 и 4

Орлатского могильника. Его перекрестие также несколько напоминает перекрестия мечей, изображенных на пластине из орлатского кургана 2. Таким образом, только в одном этом сарматском погребальном комплексе мы имеем целый набор вещей, которые могут быть сопоставлены с орлатскими находками². Время яшкульского погребения позволяет установить ряд вещей из него. Во-первых, это железный кинжал с серповидным навершием, ручка которого обтянута золотой фольгой и который можно отнести к разряду парадного оружия. Такого типа кинжалы встречаются только в прохоровских памятниках. Сводка данных по аналогичным парадным кинжалам с серповидными навершиями недавно была опубликована в совместной статье В.И. Мордвинцевой и О.А. Шинкарь, авторы датируют их преимущественно II—I вв. до н. э. (Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А., 1999, с. 139—148). Во-вторых, это упомянутые большие фалары, относящиеся к первой группе этой категории находок в сарматских курганах, выделенной В.И. Мордвинцевой, и принадлежащие, по ее мнению, к изделиям греко-бактрийского круга (Мордвинцева В.И., 1999, с. 102—122). Отдельные находки этой группы фаларов были датированы II в. до н. э. (Мордвинцева В.И., 1996, с. 155; Мордвинцева В.И., Зданович Г.Б., Таиров А.Д., 1997, с. 180). Несмотря на некоторую категоричность этой даты, вполне очевидно, что фалары данной стилистической группы датируются временем до рубежа эр.

Ложковидные подвески из бронзы и кости также известны в целом ряде сарматских погребений прохоровской культуры. Они происходят из могильников Верхне-Погромное, курган 6, погребение 8; Калиновка, курган 8, погребение 40; Попов, курган 58/26, погребение 9 (Мошкова М.Г., 1963, с. 50, табл. 21, 18—21); Покровка I, курган 3, погребение 1, и курган 12, погребение 1 (Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., 1995, с. 10, 19, рис. 16, 3; 21, 2); Быково, курган 11, погребение 6 (раскопки Скрипкина А.С., материалы не опубликованы).

Обнаруженные в орлатском погребении железные наконечники стрел с длинными черешками, которые, по мнению В.Е. Маслова, не находят аналогов в сред-

неазиатских находках, достаточно хорошо представлены в сарматских погребениях прохоровской культуры (Мошкова М.Г., 1963, табл. 17; Скрипкин А.С., 1990, с. 133—142, рис. 23).

Да и сами мечи, аналогичные найденным в орлатских курганах, также, как уже отмечалось, появляются в позднепрохоровское время, причем и с бронзовыми перекрестиями, близкими изображенным на орлатской пластине.

Выше уже говорилось о значении Китая, особенно в ханьскую эпоху, для окружающей варварской периферии, но его влияние в значительной мере сказывалось на культуре тех народов, которые занимали территории непосредственно к северу от Великой китайской стены или к западу от него. Вряд ли можно говорить о прямом культурном воздействии Китая в начале ханьской эпохи на сарматов волго-донских степей. По моему мнению, причин, обусловивших появление инноваций китайского происхождения в столь отдаленных сарматских памятниках, начиная с позднепрохоровского времени, было несколько, они были связаны с некой общей исторической тенденцией того времени. Причем среднеазиатский регион в этом процессе играл, видимо, посредническую роль.

В начале последней четверти III в. до н. э. в истории Китая заканчивается длительный период междоусобных войн, получивший название Чжаньго (481—221 гг. до н. э.). Территория Китая была объединена в рамках первой в его истории единой империи Цинь, просуществовавшей всего полтора десятка лет, на несколько лет пережив своего основателя, известного своей жестокостью Цинь Шихуанди. Династия Цинь пала в результате крупного народного восстания, но заложенные ею основы централизации Китая были сохранены при следующих пришедших к власти двух династиях Хань (202 г. до н. э. — 220 г. н. э.). Во многих отношениях для древней истории Китая эпоха Хань была временем наивысшего его расцвета в политическом и экономическом отношении, что сказалось и на активном влиянии его на другие народы.

Традиционно ханьский Китай руководствовался так называемой «эгоцентрической» концепцией во взаимоотношениях с

² Выражаю благодарность М.А. Очир-Горяевой и Е.В. Цуцкину, ознакомивших меня с этим комплексом.

окружающим миром, в основу которой была положена конфуцианская доктрина об этнокультурном превосходстве китайцев над остальными народами, окружавшими их, причем все эти народы рассматривались как неотъемлемая периферия Поднебесной империи (Международные отношения..., 1987, с. 237). Но объективно Ханьской империи трудно было выдержать взаимоотношения с «внешними варварами», как со своими подданными, о чем свидетельствуют события уже самого начала ханьской истории, достаточно хорошо освещенные древнекитайскими историками.

На рубеже III—II вв. до н. э. к северу от Великой китайской стены как ответная реакция на централизацию Китая образуется достаточно сильное объединение кочевников, часто именуемое «империей хунну» (Гумилев Л.Н., 1993; Крадин Н.Н., 1996), с которым Китай вступает в длительное противостояние, используя не только силу, но и дипломатию, организуя поиск союзников, устанавливая с ними политические и экономические отношения. Именно с этого времени заканчивается изолированное развитие Китая, он устанавливает связи с народами Средней Азии, Парфией и Римским государством.

На протяжении длительного времени Китаю приходилось достаточно тесно взаимодействовать с варварским кочевым миром. Великая китайская стена не решала всех проблем. Постоянная угроза с севера способствовала совершенствованию военного дела в Китае, причем китайцы использовали и достижения в этом отношении кочевников. Это выразилось, например, во введении конницы. В ханьское время в Китае достаточно широко практиковалось использование наемных кавалерийских отрядов из числа кочевников, лояльно настроенных к китайцам, что значительно повышало боеспособность китайской армии (Кожанов С.Т., 1990, с. 82—83).

Введение конницы в Китае привело к большему распространению длинных мечей по сравнению с короткими, которыми пользовалась пехота. В циньско-ханьское время длина таких мечей зачастую превышала 1 м. Достаточно высокие качества китайского оружия способствовали его распространению в среде кочевого населения не только благодаря наемникам, во время боевых операций «огромные массы китайского оружия попадали в руки кочевых соседей Китая» (Кожанов С.Т., 1990, с. 84).

Интересны, на мой взгляд, в этом отношении памятники Южной и Западной Сибири, в которых начиная с конца II в. до н. э. все чаще встречаются китайские изделия, в том числе и оружие. Так, например, в памятниках саргатской культуры выявлена представительная серия кинжалов и мечей, ножны которых, а в отдельных случаях и рукояти, окрашены лаком китайского производства (Погодин Л.И., 1998, с. 25—39). Два длинных меча из этой серии (могильник Исаковский I, кург. 3, погр. 6 и могильник Сидоровский I, кург. 1, погр. 2), судя по описанию, аналогичны мечам, встреченным в сарматских погребениях. Л.И. Погодин, основываясь на особенностях технологии изготовления лака из смолы лаковых деревьев, полагает, что оружие, как и другие категории лаковых изделий, имеет непосредственно китайское или восточно-туркестанское происхождение, поскольку смола лаковых деревьев относится к «нетранспортабельной» продукции, так как она очень быстро затвердевает и уже не может быть использована для приготовления лака. По этой причине покрытие изделия лаком должно было производиться там, где оно изготовлялось. Вероятность китайского происхождения двух вышеуказанных мечей из саргатских погребений подтверждается и наличием у них нефритовых скоб, приклеенных лаком к ножнам.

Л.И. Погодин считает, что наличие лаковых изделий в памятниках Западной Сибири и на Среднем Енисее следует объяснять функционированием Великого шелкового пути. Однако сводить все эти находки в указанных местах только к торговым операциям навряд ли правомочно. Так, например, в определении путей поступления вещей греко-римского производства к сарматам исследователи подходят достаточно дифференцированно, считая, что они могли поступать к ним как в результате торгового обмена, так и военного захвата, платы за службу, отдельные дорогие вещи могли быть дипломатическими дарами. Все эти виды поступлений приемлемы и для китайских импортов в восточном ареале евразийских степей. Что находит подтверждение и в письменных источниках. Учитывая, например, то, что в Китае часто вводился запрет на торговлю оружием, оно могло попадать к кочевникам через посредство конных наемников, служивших в китайской армии. Не исключено, что богатые погребения с набо-

ром вещей китайского происхождения из Исаковского и Сидоровского могильников могли как раз и принадлежать предводителям таких наемных отрядов.

Письменные источники позволяют выявить и еще один вероятный путь распространения оружия, в изготовлении которого могли сохраняться китайские традиции. В Шицзы имеется сообщение, повторенное и в Цяньханышу, что имело место бегство служителей китайских посольств, которые посылались в Западный край, к местным жителям. Замученные строгостью регламента, которому была подчинена жизнь рядового китайца, они таким образом пытались приблизиться к более свободному образу существования. В описании страны Давань, которую отождествляют с Ферганой, говорится, что «бежавшие из китайских посольств служители передавались к ним и научили их отливать оружие» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 188).

Возможны и другие варианты распространения среди кочевников оружия, оформленного в китайских традициях. Известно, что кочевники во время своих набегов на Китай уводили в плен ремесленников, по крайней мере, объективные сведения на этот счет имеются в отношении хунну (Крадин Н.Н., 1996 с. 43—44). Ремесленники уводились к северным границам их земель, где располагались поселения, и там работали на своих новых хозяев, удовлетворяя их запросы.

Таким образом, вариантов проникновения оружия к кочевникам как собственно китайского производства, так и изготовленного, видимо, за пределами Китая, но сохранявшего формы, характерные для китайского оружия, было достаточно много. Надо отметить, что в отношении военного дела это влияние было взаимообразным. Исследователи отмечают определенную роль карасукских и тагарских прототипов в формировании китайского оружия (Горелик М.В., 1993, с. 24—25). В отдельных случаях в Китае встречаются мечи, представляющие собой своеобразный симбиоз китайских и кочевнических черт в их оформлении. Например, наличие традиционного для китайских мечей перекрестия в сочетании с кольцевым навершием (рис. 3, 3). Мечи с такой формой навершия были достаточно широко распространены у кочевников к северу от Древнего Китая в скифское время (Чжун Сук-Бэ, 1998, с. 132—133). Также известно, что конница как самостоятельное армейское под-

разделение в Китае была введена не без влияния кочевого мира.

Появление нового типа клинкового оружия у сарматов, близкого китайским образцам, происходит на фоне относительно массового распространения других категорий вещей восточного происхождения, известных в районах достаточно удаленных от европейских степей (Скрипкин А.С., 1993, с. 3—10). Например, миниатюрные копии бронзовых котлов и луков с колчанами, некоторые типы колокольчиков, металлические или костяные ложковидные застёжки, находимые в сарматских погребениях волго-уральских степей, обнаруживают аналоги в памятниках постскифского времени Тувы, Среднего Енисея, в хуннских древностях Забайкалья (рис. 5). Целый ряд из этих вещей известен в памятниках тесинского этапа, датируемого II—I вв. до н. э. (Пшеницына М.Н., 1975, с. 152; 1992, с. 233). Дальнейшее распространение они получают в тех же местах в таштыкской культуре (Кызласов Л.Р., 1960, с. 79). Кроме того, М.Н. Пшеницына обратила внимание на сходство других категорий вещевого материала тесинских и сарматских памятников: костяных игольников, пряжек с боковым крючком, костяных проколов, железных кинжалов с кольцевым навершием, железных шильев, берестяных коробочек (Пшеницына М.Н., 1975, с. 139, 154, 159, 160, 163).

На заключительном этапе раннесарматской культуры широкое распространение получают железные пряжки с боковым выступом, расположенным в одной плоскости с кольцом пряжки. Такой тип пряжек известен со скифского времени и до последних веков до н. э. от Алтая и Енисея до Средней Азии (рис. 5, А 17—19, Б 17—20).

Не ранее чем со II в. до н. э. в сарматских погребениях начинают встречаться бронзовые ажурные пряжки с изображением лежащих верблюдов или сцен терзания хищником верблюда, заключенных в рамку. Последняя сводка данных их находок опубликована Е.Ф. Корольковой (Королькова Е.Ф., 1999, с. 68—96). Практически идентичные пряжки происходят из могильников Средней Азии, причем в Бабашовском могильнике в Таджикистане их найдено две в таком же сочетании, как и в сарматском погребении у с. Белокаменка Волгоградской области (рис. 6, А 3—9, Б 5—11). Бронзовые поясные ажурные пряжки в последние века до н. э. были распространены на обширной

территории, включающей Ордос, Внутреннюю Монголию, Монголию, Забайкалье, Средний Енисей (Дэвлет М.А., 1980, с. 14—17; Волков В.В., 1967, с. 68; Emma C. Bunker, Trudy S. Kawami, Katheryn M. Linduff, Wu En, 1997, p. 256—273). Из них наиболее близкими сарматским по экспрессии изображения являются пряжки со сценами борьбы куланов или коней, а также кошачьего хищника с копытным животным. В Дерестуйском могильнике в Забайкалье были обнаружены парные пластины, так же как в бабашовском и белокаменском погребениях в Средней Азии и Поволжье соответственно. Время распространения ажурных поясных пластин на Енисее и в Забайкалье — II—I вв. до н. э. (Дэвлет М.А., 1980, с. 16), и, надо полагать, раньше этого времени близкие им по традиции оформления пряжки не могли попасть в сарматские погребения. Вероятно, районы Северного Китая были тем местом, где первоначально сформировалась мода на ажурные поясные пряжки, о чем свидетельствуют яркие ордосские находки. Енисейские, например, находки образцов ажурных пряжек выглядят несколько беднее в передаче персонажей, чем ордосские, что объясняется местным их производством по хуннским образцам (Миняев С.С., 1980, с. 31). Видимо, в этом есть определенная закономерность, так как среднеазиатские и сарматские ажурные пряжки отличаются еще большим схематизмом. Чем дальше на запад, тем примитивнее передавались изображения животных. На пряжках, обнаруженных в сарматских погребениях, уже практически трудно различить вид животных на тех сценах, где изображается их борьба. Вероятно, поволжские, донские и среднеазиатские кочевники имели свои центры производства таких пряжек, ориентировавшиеся на восточные образцы.

В отношении этой категории находок я придерживаюсь мнения М.И. Артамонова, разделяемого М.А. Дэвлет (Дэвлет М.А., 1980, с. 18—20), что искусство, представленное ордосскими бронзами, в определенной мере формировалось под влиянием скифо-сибирского звериного стиля, а распространение ажурных пряжек от Байкала до Волги и Дона — это уже обратная волна распространения восточных традиций в новом историческом контексте.

В то же самое время в сарматских погребениях начинают встречаться уникальные поясные пластины, изготовленные из гага-

та. Две из них найдены в раннесарматском погребении 4 из кургана 27 у станции Жутово в Волгоградской области, и одна — в погребении 9 из кургана 1 у села Питерка Саратовской области. Они имели отверстия для застегивания и крепления к ремню и были украшены бронзовыми клепками, образующими линии в виде креста, а также располагавшимися по краям пластин. Известные аналоги этим поясным пластинам имеют тот же ареал распространения, что и предыдущий тип пряжек — Средняя Азия, Забайкалье, Китай (рис. 6, *А 1—2, Б 1—4*) (Обельченко О.В., 1956, с. 215, 217; Могильников В.А., 1992а, табл. 108, 68, 71; У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, 1990, с. 98—99). Крайние восточные находки этих пластин происходят из хуннских памятников и датируются концом II — I в. до н. э.

В погребении у села Питерка вместе с гагатовой пряжкой была найдена еще одна бронзовая пряжка с так называемым решетчатым орнаментом, подобные пряжки известны по находкам на Енисее (Дэвлет М.А., 1980, табл. 16—17).

Большой схожестью отличается трактовка лошадиных головок на отдельных бронзовых пластинах, отождествляемых с амулетами таштыкской культуры, и на сарматских костяных оправках гребней (рис. 7, *А 1—3, Б 1—3*), что может свидетельствовать о каком-то едином источнике, из которого была заимствована изобразительная манера как сарматами, так и таштыкцами.

Обращает на себя внимание сходство форм отдельных типов керамики и ее ornamentации, например, в памятниках гунно-сарматского времени Тувы и в сарматских погребениях Южного Урала и Нижнего Поволжья (рис. 7, *А 15—16, Б 4—6*). В раннесарматских погребениях: Быково, курган 9, погребение 7 (раскопки А.С. Скрипкина, 1977, материалы не опубликованы); Ливенцовка VII, курган 22, погребение 7 (раскопки Л.С. Ильюкова, 1994, материалы не опубликованы); Котлубань II, курган 2, погребение 8 (Глухов А.А., Скрипкин А.С., 1999, с. 139) — были найдены необычные для этого времени курильницы, имевшие кубическую форму (рис. 7, *А 14*). Курильницы такой формы — обычная находка в позднесарматских погребениях, но между ними и курильницами из вышеназванных раннесарматских погребений существует значительный хронологический разрыв. По сравнению с другими территориями наиболее близкими к

раннесарматским по форме и времени являются кубические сосудики с Енисея, известные в памятниках тесинского этапа II—I вв. до н. э., встречаются они и в таштыкской культуре (рис. 7, Б 7, 8).

Вероятнее всего, восточные истоки имеет и один из наиболее распространенных типов мечей у сарматов в начале нашей эры, отличительной чертой которого является наличие кольцевого навершия (рис. 7, А 5—13). Идея местного их происхождения не находит достаточной опоры в конкретном материале (Скрипкин А.С., 1992, с. 34—35). Кинжалы и ножи с кольцевым навершием были достаточно широко распространены на территории Северного Китая, Тувы, Алтая, Минусинской котловины, традиция изготовления такого типа оружия здесь уходит корнями еще в эпоху бронзы. Известны они в этих местах и в течение большей части раннего железного века. Их изображения встречаются на оленных камнях, обнаружены они и в погребениях (рис. 7, Б 9—6). Достаточно широко кинжалы этого типа были представлены в памятниках кочевников VI—III вв. до н. э. на территории Северного Китая, по последним данным, их здесь учтено несколько десятков (рис. 7, Б 17—20) (Чжун Сук-Бэ, 1998, с. 132—133; 1998а, 23—26). В хуннское время мечи с кольцевой формой навершия становятся достаточно популярными в Центральной Азии (Восточный Туркестан..., 1995, с. 389). Пока не совсем ясно, когда у сарматов появляются первые образцы такого клинкового оружия, однако в настоящее время вполне очевидно, что его заметное распространение на сарматской территории начинается во II—I вв. до н. э. С этого времени кинжалы или мечи этого типа начинают встречаться в раннесарматских комплексах наряду с мечами с серповидным навершием, а также, что весьма интересно, и с длинными мечами с ромбическим перекрестием, о которых подробно речь шла выше и которые своим происхождением связаны с Китаем.

До сих пор, говоря о восточных инновациях в сарматских памятниках, я в качестве примеров приводил отдельные категории вещевого материала, которые не могут трактоваться однозначно в плане определения путей их поступления к сарматам. Их появление здесь можно расценивать и как результат экономических связей или культурных заимствований, и иначе. В связи с этим мне хотелось бы обратить внимание на

наличие параллелей в погребальном обряде сарматов и населения, жившего от них за тысячи километров. Так, в раннесарматском погребении II—I вв. до н. э. на левом берегу Волги у пос. Рыбного в Волгоградской области была обнаружена деревянная колода, имевшая два параллельных выступа в головной части, находившийся в ней скелет человека был ориентирован головой на север (рис. 5, А 1) (Скрипкин А.С., 1980, с. 273—275). Аналогичной формы колоды известны в погребальных памятниках Тувы последних веков до нашей эры, причем с северной ориентировкой костяков в них (рис. 5, Б 1—2). Колоды с выемкой-нишей «в головах», близкие к найденной у пос. Рыбного, весьма характерны для этого района. Они обнаружены в могильнике Аймырлыг (Стамбульник Э.А., 1983, с. 35), Кокэль (Дьяконова В.П., 1970, с. 123, 129, 140), Байдаг II (раскопки А.М. Мандельштама, материалы не опубликованы).

Специально следует сказать об отмеченной северной ориентировке умершего в сарматском погребении у пос. Рыбного. Исследователями уже неоднократно отмечалось увеличение числа северной ориентировки погребенных в сарматских памятниках II—I вв. до н. э. в Нижнем Поволжье, на Нижнем Дону и в Северном Причерноморье (Скрипкин А.С., 1990а, с. 115—116; Глебов В.П., 1993, с. 22—24; Симоненко О.В., 1999, с. 7). Интересно, что эта ориентировка погребенных была достаточно широко распространена среди аналогичных памятников кочевников восточного ареала евразийских степей, в том числе и хуннских.

Выявленные в материальной культуре и погребальном обряде сарматов инновации восточного происхождения, видимо, связаны с некой общей тенденцией, начавшей определять исторические процессы развития кочевых обществ в евразийском степном поясе. Для Южной Сибири в определении этого времени и явлений, ему сопутствующих, используется, может быть, не совсем удачное название «гунно-сарматский период», в отличие от предыдущего скифского. Этот период ознаменовался существенными изменениями в этом регионе археологической ситуации, приведшими к смене предыдущих культурных стереотипов. Становится ощутимым влияние той археологической культуры, носителями которой были кочевники, обитавшие на северной и северо-западной периферии Китая.

Все это объясняется, видимо, политическими причинами, сутью которых было образование к северу от Китая мощной хуннской державы³ и активность ее внешней политики, направленной на расширение территории и своего влияния. Основными направлениями хуннской экспансии были Южная Сибирь и Восточный Туркестан. Победы хунну на этих направлениях привели к изменению политической обстановки в этих районах, к отходу на запад ряда народов, ранее находившихся в контактах с китайской цивилизацией.

Особенно важной для хунну была их победа над юэчжами, от которых они в свое время находились в зависимости. Из китайских письменных источников эпохи Хань известно, что после своего поражения юэчжи, в течение нескольких веков обитавшие на северо-западных границах Китая, вынуждены были уйти на запад и в конце концов обосноваться в Бактрии. Вероятно, прав был Л.Н. Гумилев, утверждавший, что борьба хунну с западными кочевниками, в том числе и с юэчжами, имела особое значение, ибо «здесь решалась судьба Азии...» (Гумилев Л.Н., 1993, с. 56). Смысл последней фразы заключается в том, что успехи хунну в западном направлении положили начало длительному процессу, приведшему к постепенному преобладанию в степном евразийском поясе новых группировок кочевников в основном тюркского происхождения и утрате позиций ираноязычными кочевниками. Этот процесс длился несколько веков и завершился прорывом гуннов к Дунаю и созданием державы Аттилы, после чего судьба евразийских степей на много веков становится тесно связанной с различными подразделениями тюркоязычных кочевников, историко-культурные истоки которых уходят в центральноазиатские районы.

В сарматских памятниках перечисленные выше находки (оружие, детали одежды, конской упряжи), связанные своим происхождением с центральноазиатскими традициями, в отличие от находок вещей греко-римского производства, достаточно гармонично вписаны в контекст их культуры, так как они являлись составной частью культуры восточного кочевого мира. Китайские же заимствования, прежде чем попасть на берега Волги или в приуральские степи, так

же, видимо, проходили адаптацию в среде непосредственных соседей Китая.

Я уже отмечал, что, в соответствии с уровнем разработанности собственно сарматской хронологии, рассматриваемые здесь новые явления в материальной культуре сарматов начинают фиксироваться не ранее II в. до н. э. Однако, как мне представляется, эту дату можно уточнить. В этом могут помочь события, имевшие место в среднеазиатской истории, которые получили освещение в письменных источниках и имеют более точные хронологические привязки. Я имею в виду вторжение кочевников в центральные и южные районы Средней Азии, приведшее к падению Греко-Бактрийского царства. Это событие нашло отражение как у античных, так и у китайских авторов. Дата его в большей степени определяется по данным сочинения Сыма Цяня и его последователей, а также по греко-бактрийским материалам, в том числе и нумизматическим. Обычно падение Греко-Бактрии относят к 140—130 гг. до н. э. (Ставиский Б.Я., 1977, с. 96), или начало этого события датируют 145 г. до н. э., с момента нападения кочевников на восточные рубежи этого государства (Бернар П., Абдуллаев К., 1997, с. 68). Таким образом, давление кочевников на Греко-Бактрию начинается приблизительно со середины II в. до н. э.

Именно после этих событий в некоторых районах Средней Азии появляются курганные могильники, отдельные из которых насчитывают сотни насыпей с достаточно выраженной кочевнической культурой (Мандельштам А.М., 1972, с. 33—37). Кстати, в них найдены мечи, о которых уже упоминалось, обнаруживающие в своем оформлении влияние китайской традиции (Обельченко О.В., 1978, с. 119). В число памятников этого круга входит и Орлатский курганный могильник со своими яркими находками. Вне зависимости от его конкретной датировки культурные традиции, выявленные на основе материалов этого могильника, были привнесены той волной кочевников, которая была причастна к событиям середины II в. до н. э. Исследователи не раз уже отмечали появление восточного фона в археологических памятниках Средней Азии после падения Греко-Бактрии, обнаруживающего близкие параллели в алтайских и хуннских древностях (Бер-

³ О социальном статусе хуннского общества см.: Крадин Н.Н. Империя хунну. Владивосток, 1991.

нар П., Абдуллаев К., 1997, с. 68—84; Абдуллаев К.А., 1998, с. 86—88; Мандельштам А.М., 1992, с. 115).

Археологические новации, выявленные в памятниках Средней Азии, вслед за событиями 40—30-х годов II в. до н. э. находят соответствие в материальной культуре сарматов волго-донских и уральских степей. Это позволяет утверждать, что появление в сарматских памятниках вещевого материала, своим происхождением связанного с центральноазиатскими районами, имеет место в одно и то же время, что и в Средней Азии.

Для Средней Азии появление новых археологических реалий может быть объяснено данными, реконструируемыми по китайским письменным источникам, в которых содержится описание разгрома, учиненного хунну юэчжам, и отступления последних от китайской провинции Ганьсу через Джунгарию в Бактрию. Юэчжи были если не основной силой, то, по крайней мере, частью тех кочевников, которые повергли Греко-Бактрийское царство. Из китайских же источников известно, что вслед за юэчжами в Прибалхашье перемещаются усунь, ранее обитавшие по соседству с ними. Уход этих кочевых объединений от границ Китая, с которым они, так же как и с хунну, в течение длительного времени находились в тесных контактах и, естественно, испытывали его культурное влияние, в Среднюю Азию, по всей видимости, и способствовал первоначальному распространению здесь тех восточных инноваций, которые отмечались исследователями.

В отношении территории, занимаемой сарматами, мы не располагаем сколько-нибудь подробными письменными источниками, освещающими данный период времени. Однако можно уловить некоторую общую тенденцию, проявляющуюся в письменных источниках по среднеазиатскому региону, с одной стороны, и восточноевропейским степям — с другой. Эта общность просматривается в появлении примерно в одно и то же время новых этнонимов в том и другом регионе, что, видимо, свидетельствует об изменениях в их этнической структуре, связанных с выходом на политическую арену новых народов, ранее не фигурировавших в сочинениях древних авторов. В отношении Средней Азии — это юэчжи и усунь китайских источников, а также асии, пасианы, тохары и сакаравлы античных источников

(Страбон, XI, 8, 2). В Северном Причерноморье в сочинениях античных авторов и эпиграфических документах начинают упоминаться роксоланы (ревксиналы), сатархи, на Дону — аорсы, на Северном Кавказе — сираки, в Прикаспии — верхние аорсы. Для Средней Азии более или менее очевидно, что появление хотя бы части новых этнонимов связано с приходом с востока новых группировок кочевников. Что касается восточноевропейских степей, то в этом полной уверенности нет. Можно, например, предположить, что появление новых названий отдельных подразделений кочевников связано с большей осведомленностью античной истории и географии об этих районах и их населении по сравнению с более ранним временем. И все же ряд фактов говорит о том, что в донских, поволжских и северокавказских степях происходят какие-то изменения в прежней кочевнической номенклатуре. Об этом свидетельствует не только туманное упоминание Страбона, что «аорсы и сираки являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше» (Страбон, XI, 5, 8), но и очевидная подвижка сарматов в западном направлении и окончательное освоение ими примерно к середине II в. до н. э. территории между Доном и Днепром. Интересно, что это событие совпадает с передвижением кочевников в восточном евразийском ареале.

По вопросам миграции более объективные данные может дать антропологический материал. К настоящему времени наиболее полная обработка сарматских краниологических коллекций выполнена М.А. Балабановой. Разделив раннесарматский антропологический материал на два хронологических периода (IV—III вв. до н. э. и II—I вв. до н. э.), она отметила, что для поздней группы характерна морфологическая неоднородность. Восточная (приуральская) их ветвь достаточно резко отличается от западной (волго-донской и маньч-сальской), что, видимо, объясняется разным характером процессов расогенеза в этих районах, взаимодействием единого морфологического компонента приуральского происхождения с различными другими этническими группами (Балабанова М.А., 1999, с. 35). Полиморфизм ранних сарматов в этот период времени, по предположению М.А. Балабановой, может объясняться включением небольших групп населения скифского и гунно-сарматского времени Казахстана, Запад-

ной Сибири, Минусинской котловины, Алтая и Тувы (Балабанова М.А., 1999а, с. 56).

Видимо, цепь событий III—II вв. до н. э., связанных с прекращением существования Скифии в Северном Причерноморье и образованием на крайнем востоке этого ареала хуннской державы, которая начала оказывать сильное давление на своих западных соседей, привели к ситуации, когда напряжение на одном конце степного пояса и образование вакуума на другом вызвали подвижку части кочевого мира с востока на запад. Масштабы этих событий восстановить трудно, но тенденция в общих чертах просматривается. Периодичность передвижения сарматов с поволжских и донских степей до Дуная выявляется достаточно четко. Трудно предположить, что Поволжье и Дон не испытывали подпитки с востока в лице новых группировок кочевников, поскольку плотность населения здесь, судя по археологическим памятникам, сохраняется на протяжении нескольких веков.

В целом с рубежа III—II вв. до н. э. в евразийских степях наступает новая эпоха, во многом отличающаяся от скифской VI—III вв. до н. э., сутью которой является активизация восточных кочевников тюркского происхождения и постепенное их продвижение на запад. Основные этапы этого периода: образование хуннской державы в самом конце III — начале II в. до н. э. и начало активной ее внешней политики с последующим проникновением отдельных групп хунну в Западный край, закрепление уннов-гуннов во II в. н. э. в прикаспийских степях; освоение гуннами в конце IV в. н. э. Северного Причерноморья, выход их к границам Римской империи по Дунаю.

Таким образом, следует констатировать, что со II в. до н. э. кочевой мир степного евразийского пояса не только все больше обогащается теми достижениями культуры, которые были в значительной мере характерны для восточных районов этого обширного региона, но и осуществляет их трансляцию на значительные расстояния. Эта тенденция, как было показано, достаточно очевидно проявляется в памятниках сарматской культуры. При посредничестве сарматов в первые века нашей эры инновации восточного происхождения достигают Центральной и Западной Европы и интегрируются в культуру местных народов (Скрипкин А.С., 1999, с. 123—136; Müller U., 1998).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллаев К.А., 1998. Номады в искусстве эллинистической Бактрии // ВДИ. № 1.

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1986. III Кушелевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа.

Балабанова М.А., 1999. Антропологический состав и происхождение ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья (VI в. до н. э. — I-я половина II в. н. э.) // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград. (Научные школы Волгоградского государственного университета).

Балабанова М.А., 1999а. Антропология сарматских погребальных памятников Нижнего Поволжья IV—III вв. до н. э. // Нижне-волжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград.

Безуглов С.И., 1998. Позднесарматский меч из ст. Камышевской // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тезисы докладов VII Донской археологической конференции. Ростов-на-Дону.

Бернар П., Абдуллаев К., 1997. Номады на границе Бактрии (к вопросу этнической и культурной идентификации) // РА. № 1.

Бичурин Н.Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л.

Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986. Археологические работы в низовьях Белой. Уфа.

Волков В.В., 1967. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор.

Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье. Очерки истории, 1988. М.

Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье. Хозяйство, материальная культура, 1995. М.

Вязьмитина М.И., 1972. Золотобалковский могильник. Киев.

Глебов В.П., 1993. Раннесарматские захоронения с северной ориентацией погребенного на Нижнем Дону // Вторая Кубанская археологическая конференция: Тезисы докладов. Краснодар.

Глухов А.А., Скрипкин А.С., 1999. Савромато-сарматские погребения из курганов в районе поселка Котлубань // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 3. Волгоград.

Горелик М.В., 1993. Оружие Древнего Востока, IV тысячелетие — IV в. до н. э. М.

- Гугуев В.К., Трейстер М.Ю., 1995. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // РА. № 3.
- Гумилев Л.Н., 1993. Хунну. СПб.
- Дьяконова В.П., 1970. Большие курганы кладбища на могильнике Кокэль // Труды Тувинской КАЭЭ. Т. III. Л.
- Дьяченко А.Н., Мэйб Э., Скрипкин А.С., Клепиков В.М., 1999. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград.
- Дэвлет М.А., 1980. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. — I в. н. э. // САИ. Вып. Д 4—7. М.
- Еременко В.Е., Журавлев В.Г., 1992. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. СПб.
- Ковпаненко Г.Т., 1986. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев.
- Комиссаров С.А., 1988. Комплекс вооружения древнего Китая эпохи поздней бронзы. Новосибирск.
- Кожанов С.Т., 1990. Некоторые вопросы организации военного дела в Китае конца I тыс. до н. э. // История и культура Восточной Азии. Новосибирск.
- Королькова Е.Ф., 1999. Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии // Археологический сборник ГЭ. Вып. 34. СПб.
- Крадин Н.Н., 1996. Империя хунну. Владивосток.
- Кызласов Л.Р., 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.
- Максименко В.Е., Безуглов С.И., 1987. Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой // СА. № 1.
- Мандельштам А.М., 1966. Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136. М.; Л.
- Мандельштам А.М., 1972. История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.; Л.
- Мандельштам А.М., 1992. Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. (Археология СССР).
- Марченко И.И., 1996. Сираки Кубани. Краснодар.
- Маслов В.Е., 1999. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.
- Международные отношения и дипломатия на Древнем Востоке, 1987. М.
- Миняев С.С., 1980. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями (по данным спектрального анализа) // Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. — I в. н. э. М. (САИ. Вып. Д 4—7).
- Могильников В.А., 1992. Саргатская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Могильников В.А., 1992а. Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Мордвинцева В.И., 1996. Фалары с изображением Белерофонта из сарматского погребения у села Володарка в Западном Казахстане // РА. № 4.
- Мордвинцева В.И., 1999. Так называемый «греко-бактрийский стиль» в эллинистической торевтике // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград. (Научные школы Волгоградского государственного университета).
- Мордвинцева В.И., Зданович Г.Б., Таиров А.Д., 1997. Фалар эллинистической работы с берегов р. Ишим // РА. № 4.
- Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А., 1999. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград.
- Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д 1—10. М.
- Обельченко О.В., 1956. Кую-Мазарский могильник // Труды Института истории и археологии АН УзССР. Вып. VIII. Ташкент.
- Обельченко О.В., 1961. Лявандакский могильник // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 2. Ташкент.
- Обельченко О.В., 1978. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. № 4.
- Погодин Л.И., 1998. Лаковые изделия из памятников Западной Сибири раннего железного века // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск.
- Порохова О.И., 1983. Отчет о раскопках в Переволоцком и Оренбургском районах Оренбургской области. Архив ИА РАН. Р-1. № 9266.
- Пугаченкова Г.А., 1989. Древности Миканкала. Ташкент.
- Пишеницына М.Н., 1975. Культура племен Среднего Енисея во II—I вв. до н. э. (тесинский этап): Дис. ... канд. ист. наук. Л. (рукопись).

Пшеницына М.Н., 1992. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Симоненко О.В., 1999. Сарматы Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етно-політична історія: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Київ.

Скрипкин А.С., 1980. К датировке некоторых типов сарматского оружия // СА. № 1.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.

Скрипкин А.С., 1990а. О конечной дате раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста.

Скрипкин А.С., 1992. О происхождении мечей с кольцевым навершием у сарматов в свете миграционной концепции // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века. Ростов-на-Дону.

Скрипкин А.С., 1993. К проблеме исторической интерпретации археологических параллелей в культурах Алтайского и Дону-Уральского регионов в последние века до н. э. // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы III археологического семинара. Ч. II. Новочеркасск.

Скрипкин А.С., 1996. Китайские впечатления российского археолога // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Философия. Вып. 1. Волгоград.

Скрипкин А.С., 1998. Между Китаем и Римом // Festschrift — 5 Jahre wissenschaftliche Zusammenarbeit der Universitäten Köln und Wolgograd (1993—1998). Köln: Kirsch-Verlag.

Скрипкин А.С., 1999. Погребальный обряд и материальная культура сарматов европейских степей в первые века нашей эры // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград. (Научные школы Волгоградского государственного университета).

Ставиский Б.Я., 1977. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.

Стамбульник Э.А., 1983. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве // Древние культуры евразийских степей. Л.

Степугина Т.В., 1990. Империя Хань — завершающий этап развития древнекитайского общества: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.

Суин Тий, 1985. Длинные мечи с украшениями из нефрита и способы их ношения // Каогу (археология). № 1. (на китайском языке).

У Эн, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, 1990. Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда

Тунсинь в Нинся // История и культура Востока Азии. Новосибирск.

Чжун Сук-Бэ, 1998. Кинжалы эпохи раннего железа из Северного Китая // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы 6-го археологического семинара. Ч. I. Краснодар.

Чжун Сук-Бэ, 1998а. Проблема взаимоотношений племен Северного Китая с племенами Сибири в эпоху бронзы и раннего железа (на основании сравнительного изучения кинжалов и ножей): Дис. ... канд. ист. наук. М. Рукопись.

Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., 1995. Раскопки курганных могильников Покровка I и Покровка II в 1994 году // Курганы левобережного Илека. М.

Emma C. Bunker, Trudy S. Kawami, Kathryn M. Linduff, Wu En, 1997. Ancient bronzes of the Eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler Collections. New York.

Müller U., 1998. Der Einfluss der Sarmaten auf Germanen. Bern: Lang.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Мечи из сарматских погребений: 1 — Мечет-Сай, кург. 3, погр. 11; 2 — Курпе-Бай, кург. 2; 3 — Первомайский VII, кург. 14, погр. 3; 4 — Калмыково, кург. 1, погр. 1; 5 — Калмыково, кург. 2; 6 — Политотдельское, кург. 12, погр. 19; 7 — Яшкуль, гр. 37, кург. 1, погр. 1; 8 — Чкаловская гр., кург. 3, погр. 7; 9 — Новый, кург. 80, погр. 3; 10 — Кардаиловский I, кург. 11, погр. 1; 11 — Октябрьский V, кург. 1, погр. 1; 12 — Сладковский, кург. 19, погр. 1; 13 — Красный Кут, кург. 2, погр. 2; 14 — ст. Камышевская, кург. 8, погр. 1; 15 — канал Волга—Чограй, гр. 42, кург. 1, погр. 6; 16 — хут. Антонов, кург. 3, погр. 3; 17 — Сладковский, кург. 12, погр. 1; 18 — Аксай, кург. 2, погр. 2; 19 — Аксай, кург. 6, погр. 1.

1, 2, 4, 5, 8, 10 — Южное Приуралье; 6, 13 — Нижнее Поволжье; 3, 9, 11, 12, 16, 17, 18, 19 — Нижний Дон; 7, 15 — Калмыкия.

Рис. 2. Мечи с ромбическими перекрестиями из сопредельных с сарматами территорий: 1 — мог. Золотая Балка; 2 — Камышлы-Тамакский мог.; 3 — Ново-Сасыкульский мог.; 4 — мог. Кушулевский III; 5 — Богданово I; 6, 7 — Орлатский мог.; 8 — Тулхарский мог., гр. II; 9 — Кызылтепинский мог.; 10 — Первомайский VII, кург. 14, погр. 3 (деталь: бронзовое перекрестие меча).

Рис. 3. Китайские мечи: 1—7 — эпоха Восточного Чжоу; 8—10 — эпоха Хань; 11 — эпоха Цинь (погребальный комплекс Цинь Шихуанди, терракотовая армия); 12 — нефритовое перекрестие меча (музей Шицзячжуанского пединститута, провинция Хэбэй).

1—7, 10, 11 — бронза; 8, 9 — железо.

Рис. 4. Изображение воинов с мечами на орлатской поясной пластине.

Рис. 5. Находки в раннесарматских погребениях и их восточные аналоги:

А. Находки в сарматских погребениях: 1 — Рыбный, кург. 3, погр. 12; 2, 10 — Подгорненский VI, кург. 1, погр. 6; 3 — Лебедевка V, кург. 16, погр. 3; 4, 8, 14 — Быково, кург. 11, погр. 6; кург. 2, погр. 11 (раскопки А.С. Скрипкина, 1977, 1978 гг.); 5 — Торгун, кург. В4; 6 — Биктимирский мог., погр. 39; 7, 11, 12 — Верхнее Погромное, кург. 14, погр. 11; кург. 6, погр. 8; 9 — Кушум, кург. 2, погр. 2; 13 — Попов, кург. 58/26, погр. 9; 15, 16 — Покровка I, кург. 12, погр. 1; кург. 3 (раскопки Л.Т. Яблонского, 1994 г.); 17 — Верхний Балыклей, кург. 5, погр. 4; 18 — Калиновка, кург. 8, погр. 34; 19 — Кривая Лука XV, кург. 2, погр. 7.

Б. Восточные аналоги: 1, 2, 8—11 — Аймырлыг (Тува); 3—6 — таштыкская культура (по С.В. Киселеву и Л.Р. Кызласову); 7 — Сулуг-Хем (Тува); 12, 18 — Каменка III; 13 — Барсучиха; 14—16 — Калы; 19 — Разлив III (12—16, 19 — Средний Енисей, тесинский этап); 17 — Саглы-Бажи IV (Тува); 20 — Ханалы (Туркмения).

Рис. 6. Поясные пряжки из сарматских погребений и других культур:

А. Находки в раннесарматских погребениях: 1, 2 — Жутово, кург. 27, погр. 4; 3, 4 — Белокаменка, кург. 7, погр. 2; 5 — Косика, погр. 26; 6 — Заливский, кург. 1, погр. 9; 7 — Верхнее Погромное I, кург. 4, погр. 4; 8 — Петрунино II, кург. 1, погр. 4; 9 — Кривая Лука VII, кург. 9, погр. 28.

Б. Восточные аналоги: 1 — Даодуньцзы (Северный Китай); 2 — Калы (Средний Енисей); 3 — Иволгинское городище (Забайкалье); 4 — Кую-Мазарский мог. (Средняя Азия); 5 — Означенная (Средний Енисей); 6 — Дерестуйский мог. (Забайкалье); 7, 8 — Бабашовский мог. (Средняя Азия); 9 — Карамурун II (Центральный Казахстан); 10 — Лявандак; 11 — Шихривайрон (последние — Средняя Азия).

А. 1—2 — гагат; 3—9 — бронза; Б. 1, 3, 4 — гагат; 2 — ?; 5—11 — бронза.

Рис. 7. Вещи из погребений раннесарматской культуры Поволжья, Южного Приуралья и их аналоги в других культурах:

А. Находки в раннесарматских погребениях: 1 — Усатово, кург. 18; 2 — Шульц, кург. В4, погр. 8; 3 — 15-й поселок, кург. 5, погр. 4; 4 — Степная IV, кург. 1, погр. 38; 5 — Ровное, кург. 14, погр. 6; 6 — Алитуб, кург. 5, погр. 29; 7 — Эвдык, кург. 4, погр. 18; 8 — Барбастау III, кург. 3, погр. 9; 9 — Чкаловская гр., кург. 3, погр. 7; 10 — Ханата, кург. 5, погр. 14; 11—12 — Калмыково, кург. 2, погр. 4; 13 — Калиновка, кург. 12, погр. 23; 14 — Быково, кург. 9, погр. 7 (раскопки А.С. Скрипкина); 15 — Барбастау V, кург. 23; 16 — Красноселец, кург. 2, погр. 6.

Б. Восточные аналоги: 1—3, 8 — таштыкская культура (по С.В. Киселеву и Л.Р. Кызласову); 4—6 — Кокэль (Тува); 7 — Калы (Средний Енисей); 9 — Кош-Пей (изображение на оленном камне, Тува); 10 — Ушкин Увера (Монголия); 11 — Аржан (изображение на оленном камне, Тува); 12 — карасукская культура (по Н.Л. Членовой); 13 — тагарская культура (по Н.Л. Членовой); 14 — Шебалино (Алтай); 15 — Горный Алтай (по А.С. Суразакову); 16 — Лявандакский мог. (Средняя Азия); 17—20 — Северный Китай (по Чжун Сук-Бэ).

SUMMARY

NEW ASPECTS IN THE INVESTIGATION OF THE HISTORY OF SARMATIAN MATERIAL CULTURE

A.S. Skripkin

The material culture of the Sarmatians who occupied the Steppe areas at the juncture of Asia with Europe was under influence of both Western (ancient) cultural centres and Eastern ones, up to China.

A lot of investigations have been devoted to the cultural influence of the ancient civilization on the Sarmatians. As for the influence of the Eastern centres of the civilization, actually there have not written any generalizing work covering this question.

A great deal of materials evidencing the far eastern relationships of the Sarmatian nomadic world have been stored by the present time, and they require thorough investigation.

The most well-known Chinese imports found in Sarmatian burials are Han bronze mirrors and silk cloth remains.

In the article we mainly concentrate on the arms and particularly swords from Sarmatian burials which are decorated similarly to Chinese arms of this type. These are long swords with a diamond-shaped hilt made of iron (fig. 1, 4—7, 9—11, 15—19), bronze (fig. 1, 1—3, 8, 13) and nephritis (fig. 1, 12, 14). In Sarmatian culture such swords appear in the second half of the 2nd century BC and exist up to the 3rd century AD.

We can hardly affirm the direct influence of China on the nomads of the Volga and the Don. It's important to note the fact that arms, manufactured according to Chinese traditions, appear in the Sarmatian culture in the context of other items (belt buckles, several types of ceramics, small copies of cauldrons, spoon-shaped clasps, swords with a ring pommel and others; fig. 5Б, 6Б, 7Б), typical for the nomadic world which existed to the North and North-West from China.

The new phenomena of the oriental origin in the Sarmatian material culture must be explained by the following: beginning with the end of the 3rd — 2nd century BC Huns' power started growing, their politics in relation to the neighbouring peoples was aggressive. It made the nomadic unions which had earlier lived at the borders of China move westwards. This event is evidenced by the Middle Asiatic written and archaeological data. However, we can suppose that these events were of a larger scale, they probably also embraced Steppe regions of Eastern Europe.

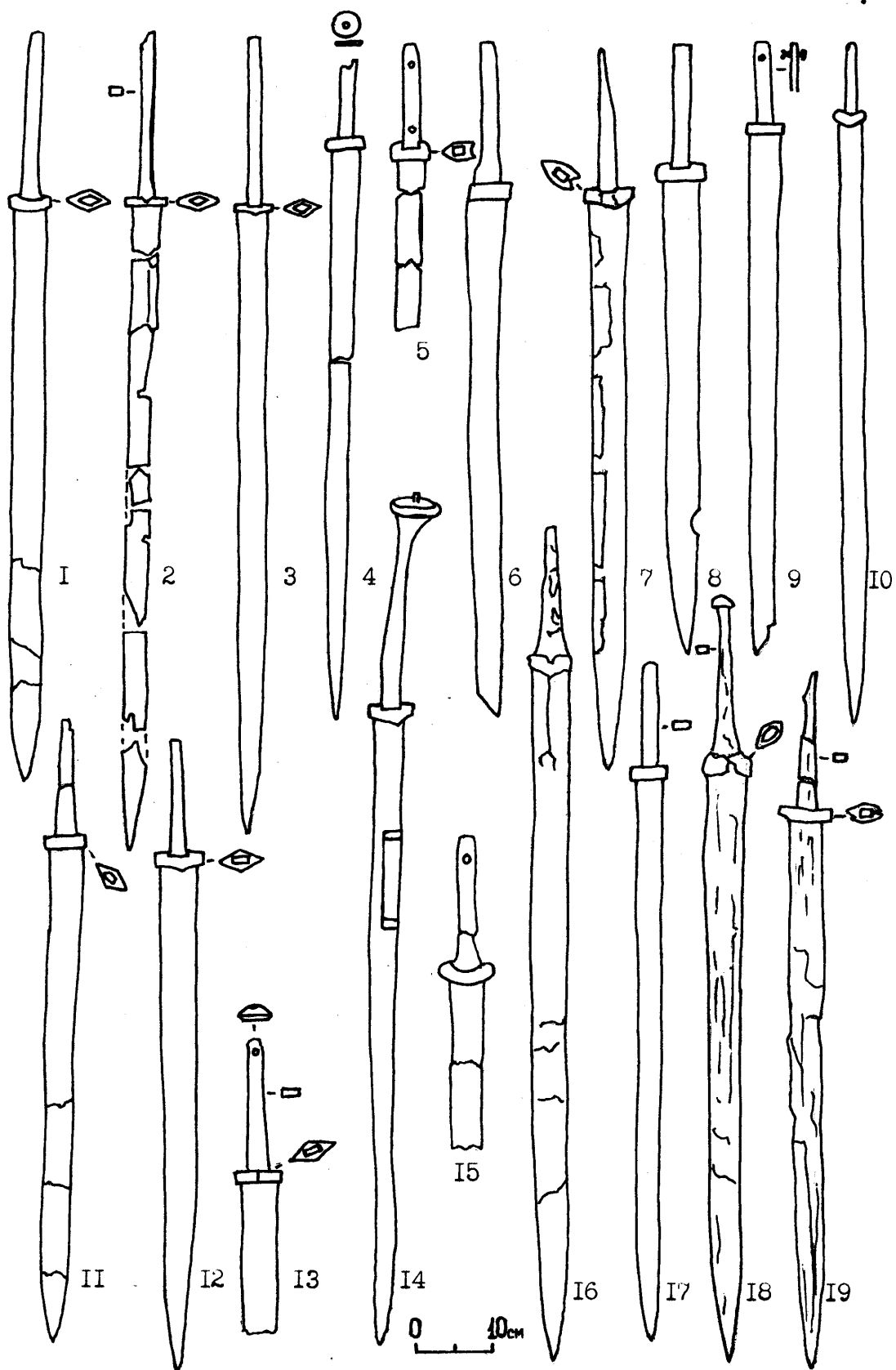

Рис. 1

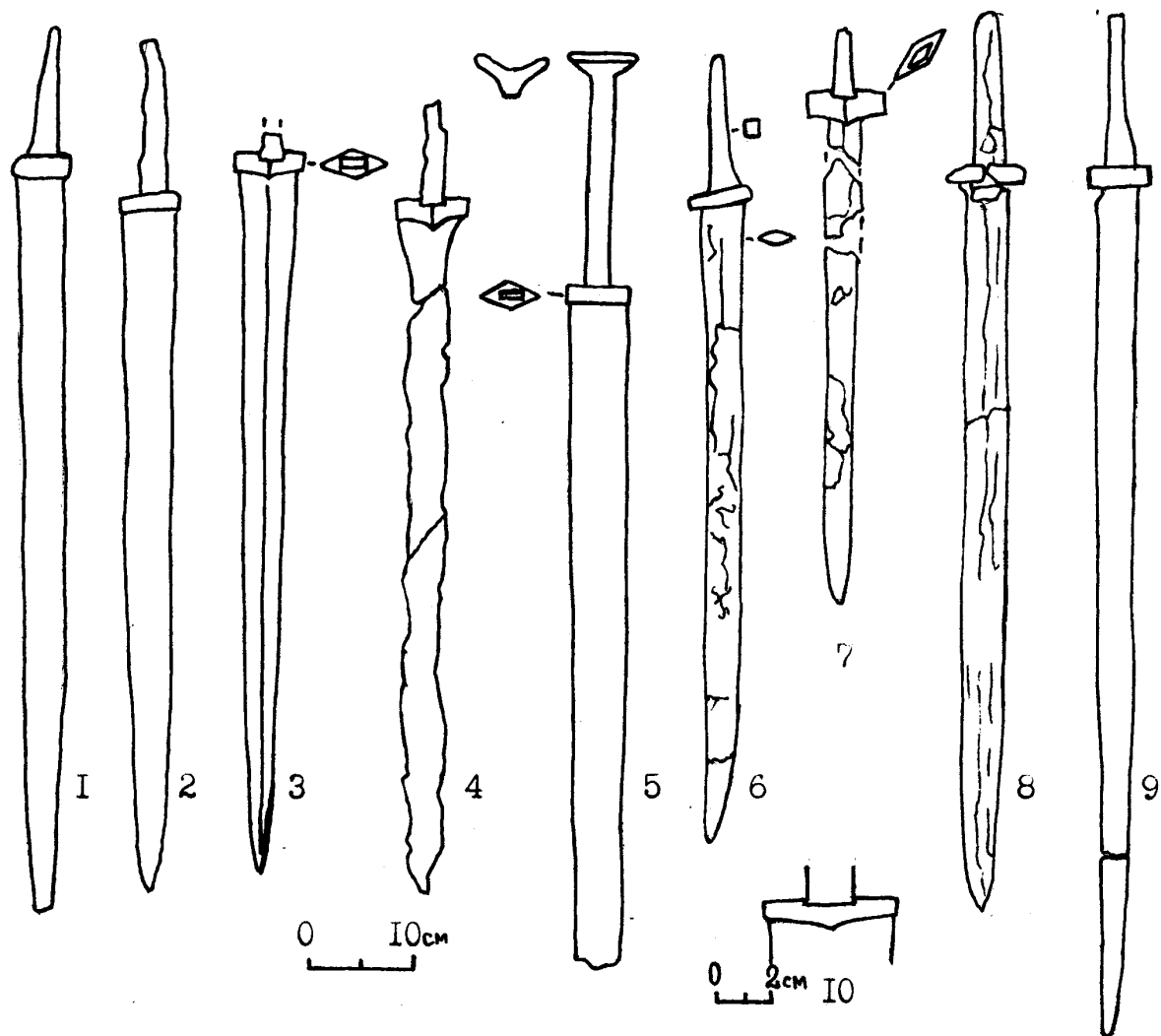

Рис. 2

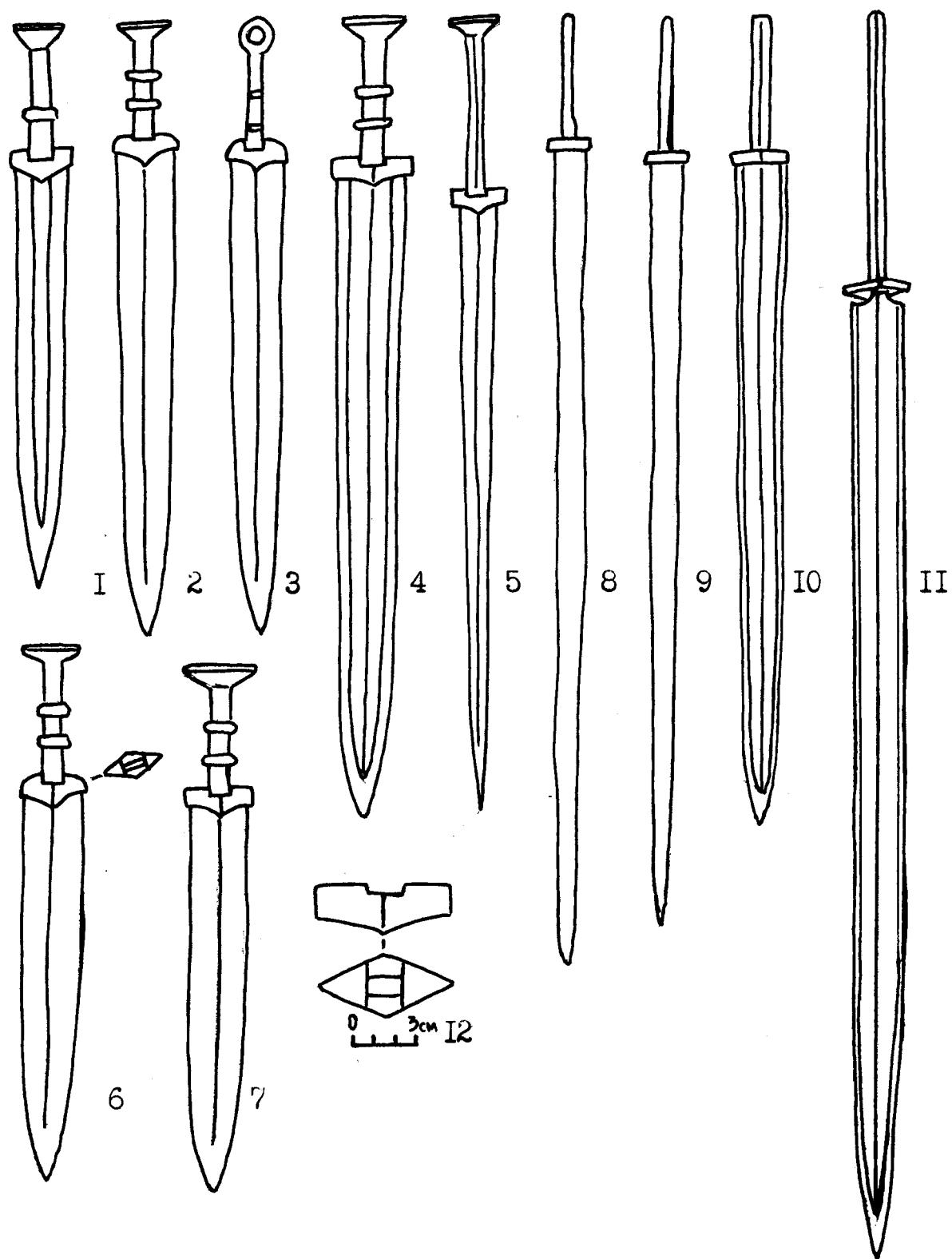

Рис. 3

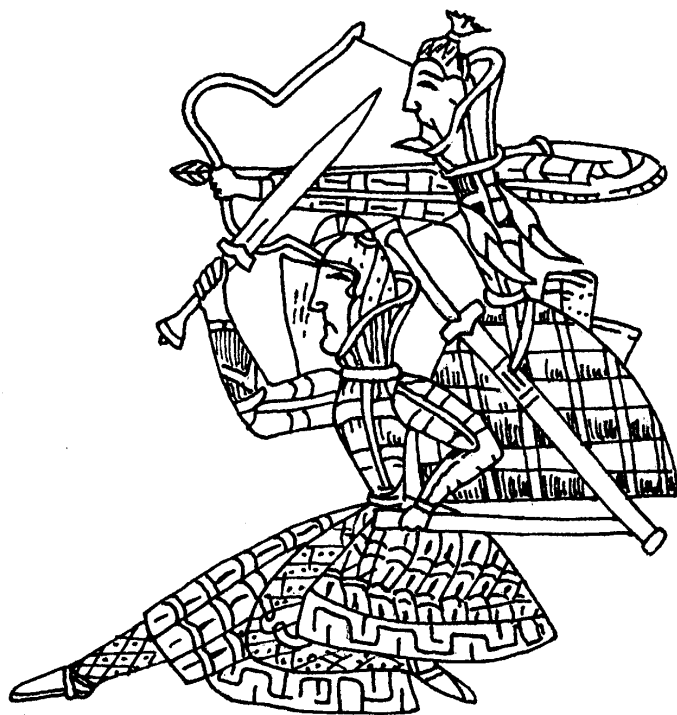
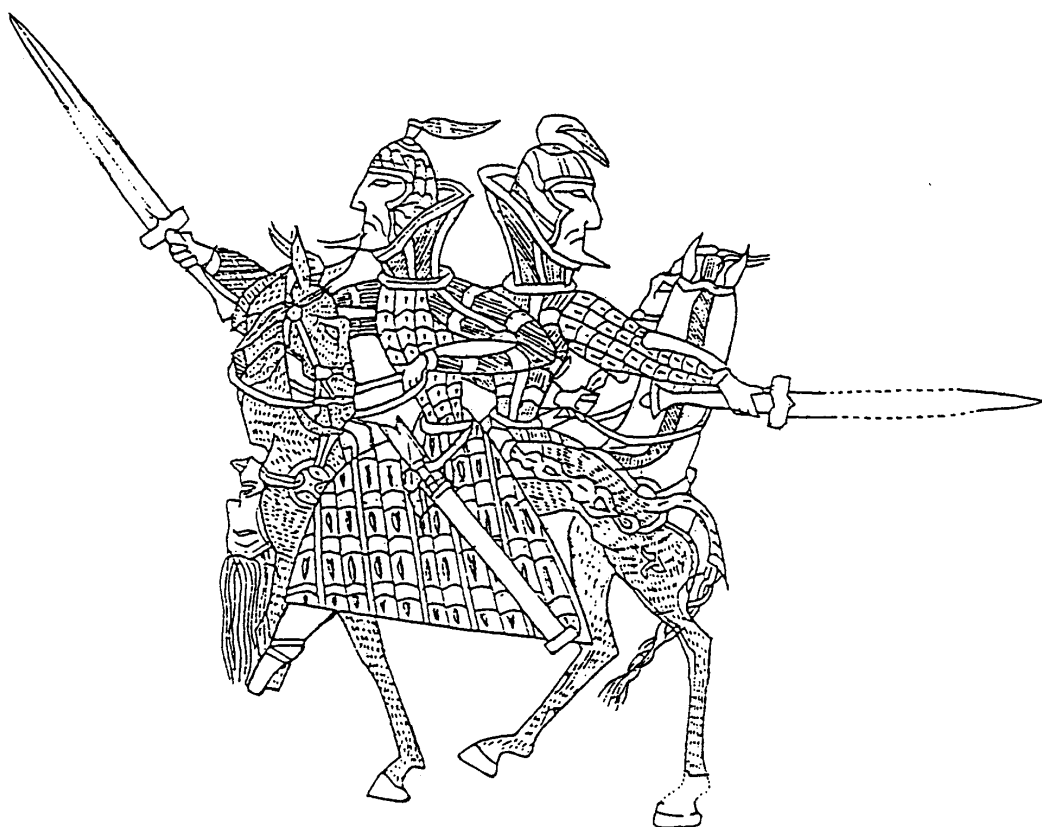

Рис. 4

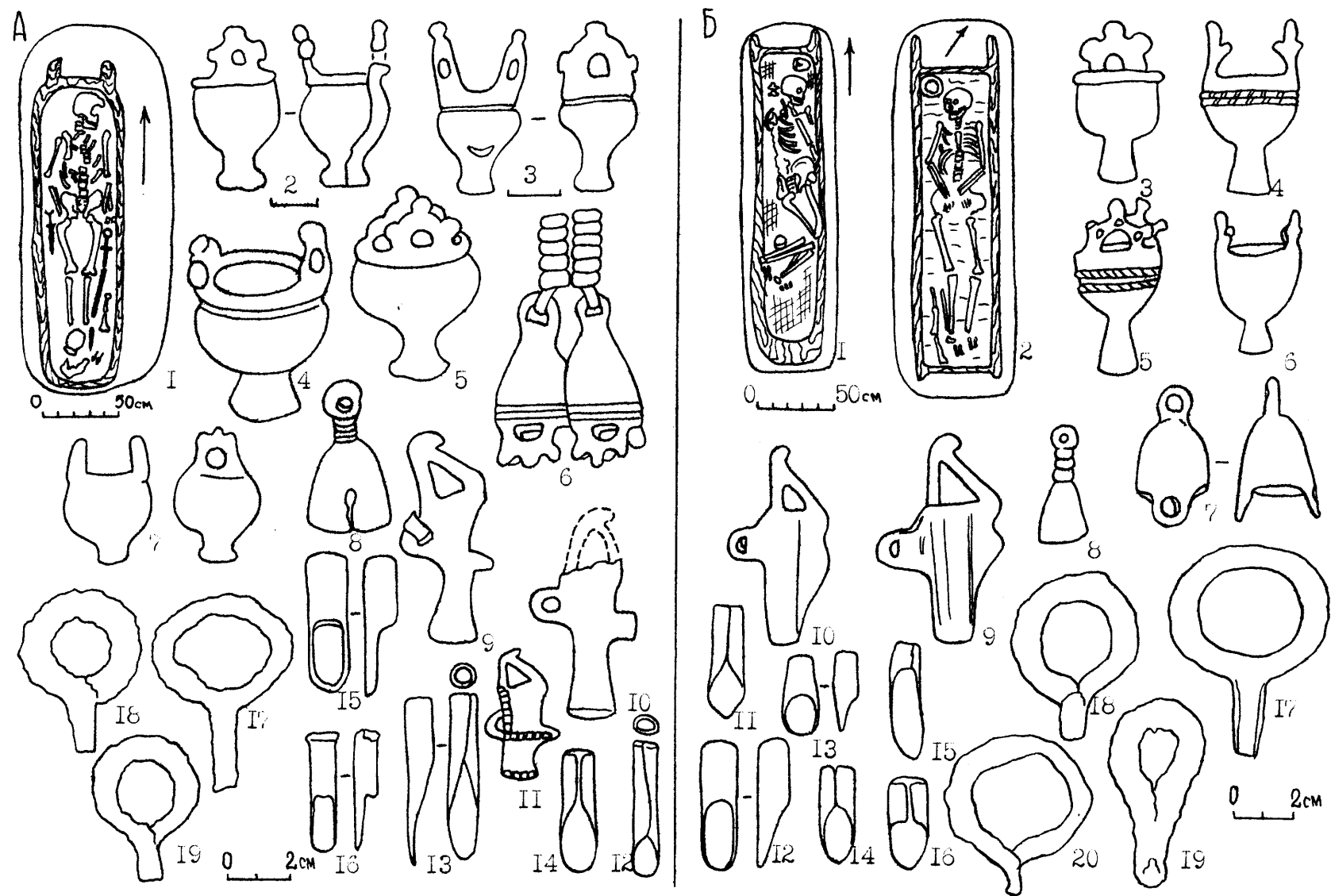

Рис. 5

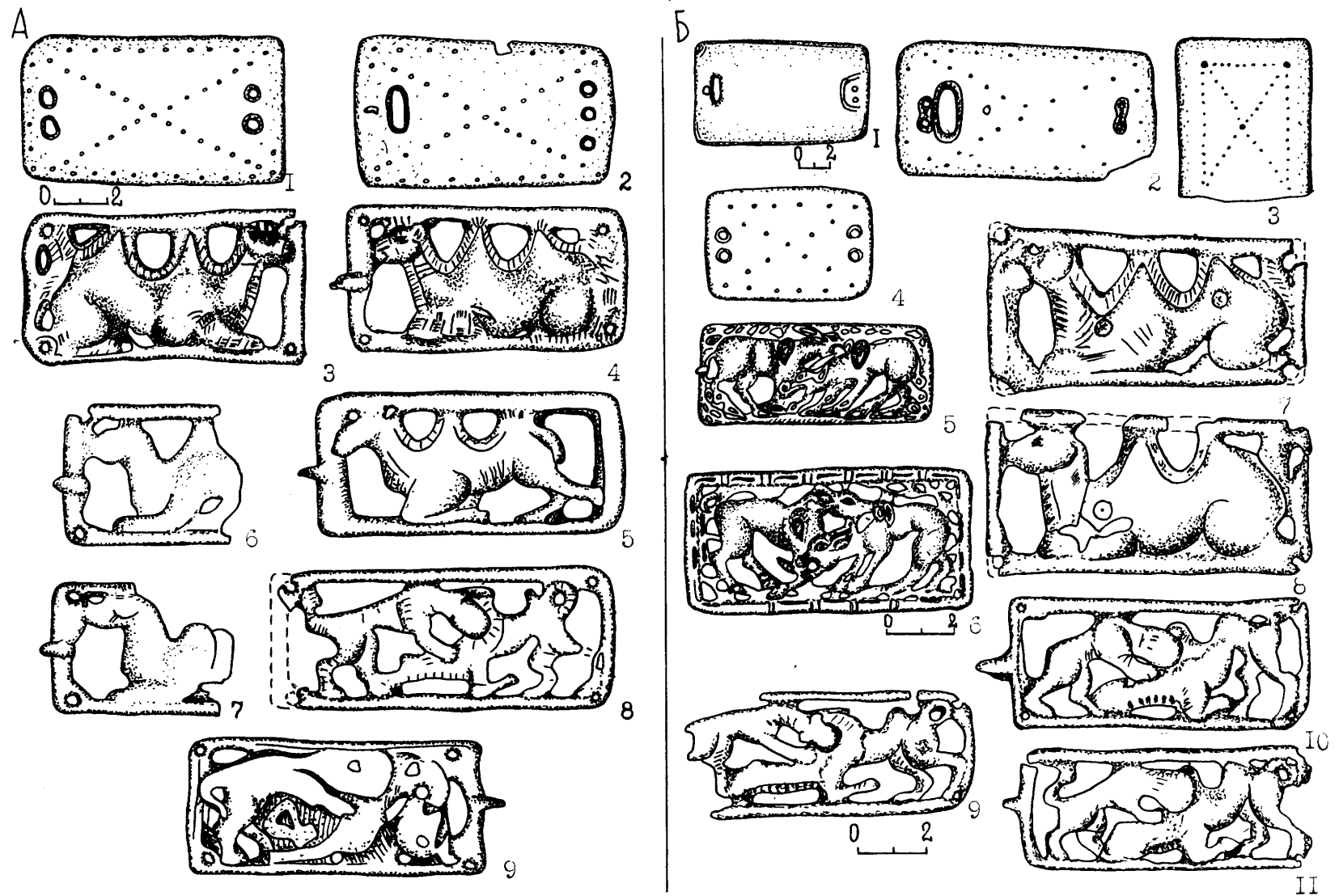

Рис. 6

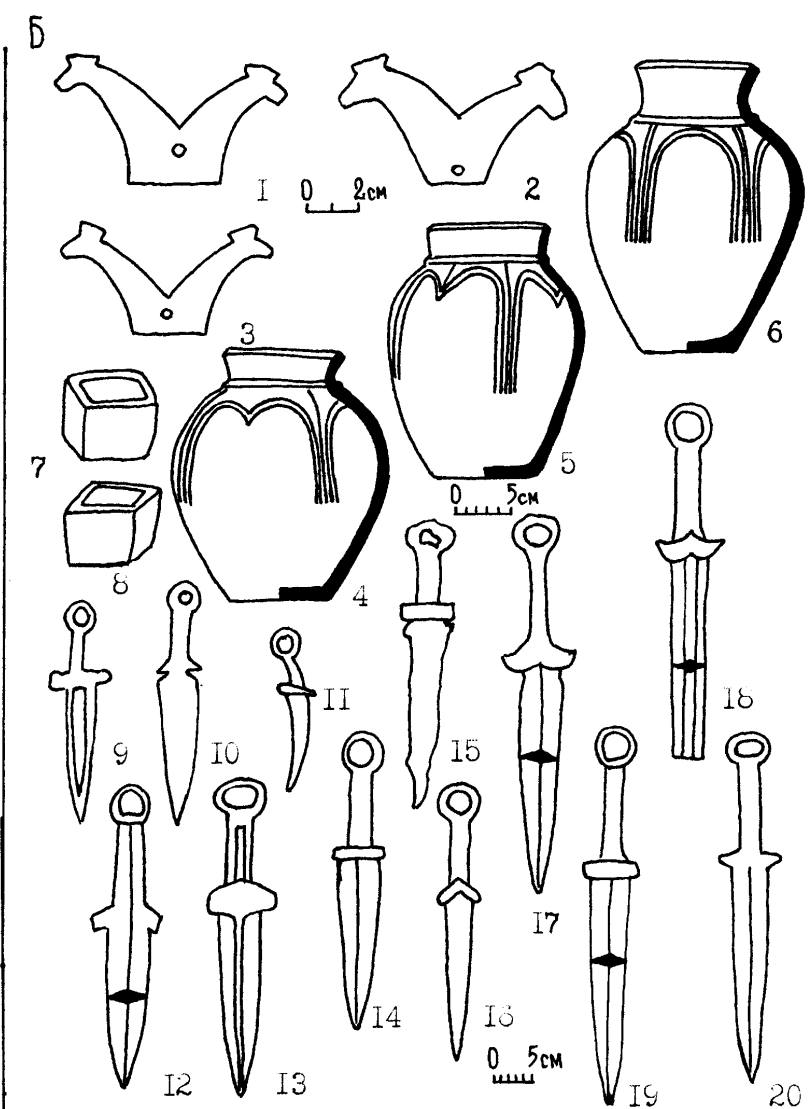
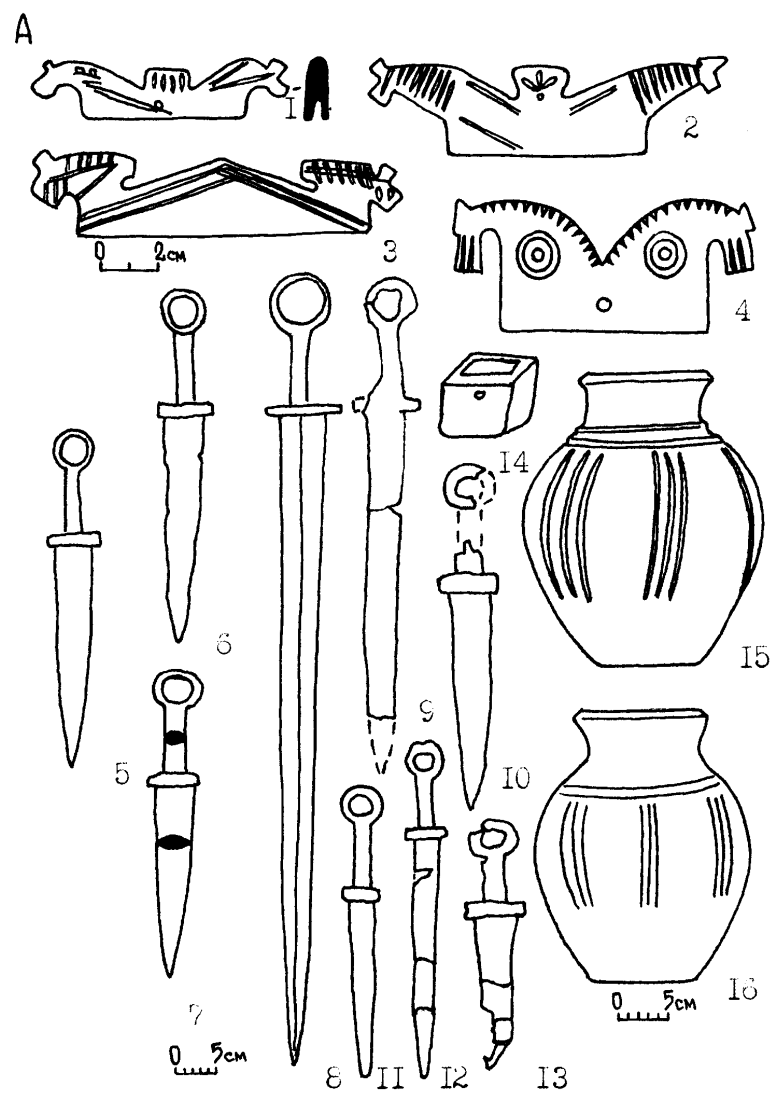

Рис. 7

КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ И СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

А.И. Юдин

Культурное взаимодействие неолитического населения Нижнего Поволжья с сопредельными регионами было обусловлено как общностью происхождения степных культур Юго-Восточной Европы, так и прямыми, активными контактами с лесостепными племенами. Конкретным отражением этих взаимодействий и контактов являются комплексы плоскодонной накольчато-прочерченной керамики, на анализе которых построены основные выводы данной статьи. К сожалению, в последней сводной работе «Неолит Северной Евразии» (1996) излагается культурная ситуация Нижневолжского региона в неолитическое время по материалам, известным к середине 80-х гг. За прошедшие годы источниковедческая база многократно возросла, что позволяет по-иному проводить культурную и хронологическую градацию неолитических памятников, определять их место среди культурных образований сопредельных регионов.

Неолит степной зоны Нижнего Поволжья представлен орловской культурой (Юдин А.И., 1995, с. 4—10), более южные, полупустынные районы — джангарской (Кольцов П.М., 1987) и каиршако-тентексорской (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988, с. 8—11) культурами.

Для орловской культуры характерна плоскодонная керамика четырех основных форм, орнаментированная прочерком и наколом, с примесью ракушки в глине. На позднем этапе с внутренней стороны венчика появляется характерный, богато орнаментированный наплыв. Техника расщепления камня пластинчатая, есть геометрические микролиты — сегменты, трапеции и трапеции со струганой спинкой. В позднем неолите отмечен переход к производящему хозяйству. Опорный памятник этого региона — многослойная Варфоломеевская стоянка.

Четыре культурных слоя Варфоломеевской стоянки (1, 2А, 2Б и 3) формировались на протяжении более тысячи лет. Нижний (3) слой датируется 6980 ± 200 л. н., слой 2А — по серии калиброванных дат — последней третью V тысячелетия до н. э. Интервал одной из этих дат приходится на конец V — начало IV тыс. до н. э. Верхний (1)

слой относится уже к энеолитическому времени, включает небольшое количество фрагментов сосудов раннеэнеолитической прикаспийской культуры Мариупольской области, но большая часть керамики сохраняет неолитические черты.

Орловская культура локализуется в степном Заволжье и степной зоне правобережья Волги, находящейся намного южнее. Дело в том, что степное Заволжье — самая северная степная провинция в Европе. Волга и Приволжская возвышенность являются естественным барьером, преграждающим поступление осадков с северо-западного, балтийского направления. Поэтому лесостепной зоне правобережья на левом берегу соответствует степь (в Заволжье степь начинается к югу от Самары, на правобережье — южнее Саратова). Водораздел между Волгой и Доном проходит по Приволжской возвышенности, и все ее западные склоны — это уже донской бассейн. Несмотря на близость к Волге, правобережные неолитические памятники лесостепной зоны развивались при доминировании культурных традиций лесостепного населения, степное воздействие здесь ощущается меньше.

Орловская культура, соприкасаясь с миром лесостепных культур гораздо в большей степени (в силу своего вышеуказанного географического положения), чем остальные степные, сохранила при этом удивительную целостность своего материального облика без каких-либо видимых признаков северного воздействия, тогда как в керамике, например, неолитических памятников лесостепи Среднего Поволжья контакты с югом проявляются очень явственно.

Сопоставление основных признаков (керамический комплекс, орудия из камня и кости, хозяйство, погребальный обряд) неолитических культур Юго-Восточной Европы позволило определить место орловской культуры в их ряду и характер культурных взаимодействий.

Ряд признаков позволяет безоговорочно включать памятники орловской культуры в неолитическую культурную область, занимающую территорию Северного и Северо-Западного Прикаспия и примыкающую с юга

к ареалу орловского населения. Исследователи региона по-разному называют общность культур, сложившуюся здесь в позднем каменном веке: нижеволжская культурная область с накольчато-прочерченной керамикой (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988, с. 18), североприкаспийский культурный очаг или ареал (Амирханов Х.А., 1990, с. 12—13), североприкаспийский культурный ареал (Кольцов П.М., 1990, с. 65—69). Культурная область включает в себя, кроме орловских, уже названные выше памятники каиршацкой, тентексорской, джангарской культур, а также ряд стоянок раннего неолита (рис. 1). Именно с культурами этой области наблюдается максимальная степень сходства технико-типологических признаков орловских комплексов.

Ранние орловские памятники пока неизвестны. На этапе среднего неолита находки из нижнего слоя Варфоломеевки хорошо сопоставляются с каиршацкими материалами (Выборнов А.А., Козин Е.В., 1988, с. 92—105; Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1989, с. 18—46; Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988, с. 8—11). Рассмотрим и сравним керамику двух опорных памятников — Варфоломеевки (нижний слой) и Каиршака III. Сразу заметно сходство в формах сосудов: баночные открытые и прикрытые, слабопрофилированные, плоскодонные. Показательно наличие сосудов ладьевидной формы (или близкой к ней) в обоих памятниках. Еще больше аналогий наблюдается в орнаментальных композициях, различия же касаются техники выполнения орнамента: в Каиршаке III предпочтение отдавалось прочерку с одиночными наколами, в Варфоломеевке — наколу в отступающей манере, но встречаются почти идентичные композиции и с прочерком (рис. 2, 1, 4). Пластинчатость, микролитичность, преобладание скребков различных типов над остальными категориями орудий и большое количество геометрических микролитов (на втором месте после скребков), идентичность типов изделий из кости (оправы для вкладышей, пронизки с насечками, тупики из лопаток) также сближают две стоянки. Комплексы этих памятников сосуществовали на определенном хронологическом отрезке. Это отражают радиоуглеродные даты $[6980 \pm 200$ л. н. (ГИН 6546) для нижнего слоя Варфоломеевки и 6950 ± 190 л. н. (ГИН 5905) для Каиршака III (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998, с. 69)] и совпадение споро-пыльцевых комплексов (по данным Е.А. Спиридоновой). Основываясь на приведенных параллелях, мож-

но говорить о единой культурной подоснове для Варфоломеевки и Каиршака III.

В позднем неолите (слой 2А Варфоломеевки) орловские материалы обнаруживают значительную близость с тентексорскими (рис. 2, 1, 2). Тожество прослеживается в формах сосудов и орнаментальных композициях. Но на стоянке Тентексор, при всех признаках позднего неолита, нет орнаментированных наплывов на внутренней стороне венчика, полностью отсутствует керамика с прочерченным орнаментом (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1989, с. 6—25).

Максимальная степень совпадений признаков изделий из всех памятников Нижней Волги наблюдается с материалами стоянки Джангар (Кольцов П.М., 1988, с. 66—86). Применяв различные критерии оценки степени сходства материалов, можно говорить о Варфоломеевке и Джангаре как о памятниках, принадлежащих к культурам одной культурной области, к локальным вариантам культуры или даже к одной культуре. Поэтому целесообразно рассмотреть подробнее то общее и разное, что характеризует эти стоянки.

Сравнительный анализ комплексов (рис. 3) показал синхронность 2-го и 3-го слоев Джангара и нижнего слоя Варфоломеевки. В обоих памятниках выделяются четыре основных типа, или группы, керамики, совпадающих по форме. Керамика нижних слоев Джангара украшена 24 типами орнаментальных композиций, керамика 3-го слоя Варфоломеевки насчитывает 26 основных композиций. Из них 15 полностью тождественны; еще 6 композиций, близких к джангарским (по большей части с включениями шевронов), появляются на Варфоломеевке в слое 2Б. Сразу следует оговориться, что подобное совпадение технико-типологических признаков керамики в верхних слоях обоих памятников уже не отмечается. Это может свидетельствовать об общей культурной подоснове и дальнейшем самостоятельном развитии.

Кремневые комплексы нижних слоев Варфоломеевки и Джангара не столь тождественны. Единство наблюдается в тех категориях изделий, которые являются хронологическими индикаторами и широко распространены в степных неолитических культурах. Это сегменты с лицевой и двусторонней ретушью и трапеции с боковой подработкой граней. Других микролитов в Варфоломеевке в нижнем слое нет. В целом набор категорий орудий совпадает, но имеются и различия, о чем будет сказано ниже.

В плане сопоставления еще следует отметить костяную пластинку с отверстием из третьего слоя Джангара (Кольцов П.М., 1987, с. 293, рис. 29, б). Аналогичные пластины в Варфоломеевке определены как орудия керамического производства (Килейников В.В., Юдин А.И., 1993, с. 74, рис. 6, 3, 4).

Технико-типологические характеристики материального комплекса слоя 2Б Варфоломеевки обнаруживают максимальное совпадение с материалами верхнего Джангара. Из 31 орнаментальной композиции керамики слоя 2Б и 12 композиций Джангара оказываются одинаковыми 10. Две оставшиеся композиции Джангара включают гребенчатый штамп, которого нет в Варфоломеевке. Аналогичны формы сосудов, особенно показательное наличие в обоих памятниках керамики с внутренним напывом, но напыв пока еще не представляет широкого пояса с орнаментом, резко отделенного от стенки сосуда. Есть ряд различий, не позволяющих полностью синхронизировать верхний слой Джангара и слой 2Б Варфоломеевки. Это уже упоминавшаяся гребенчатая керамика в Джангаре, где ее количество, правда, не превышает 1,85 %, и встреченные там же каменные наконечники стрел с двусторонней обработкой плоской ретушью, бытование которых в степном Заволжье начинается с раннеэнеолитического времени. С другой стороны, именно в этих слоях появляются трапеции со струганой спинкой.

Керамика слоя 2А Варфоломеевки обнаруживает более явные различия с джангарской. Ведущей формой керамики на всех четырех этапах Варфоломеевки являлись сосуды второй группы (с прикрытым устьем). Развитие этой группы проявилось в появлении на внутренней стороне венчика напыва (слой 2Б), который затем покрывается орнаментом (слой 2А), а в итоге напыв трансформируется в воротничок на внешней стороне. В Джангаре основная форма керамики — прямостенные сосуды, преобладающие во всех слоях. Слабопрофилированная керамика в обоих памятниках увеличивается от нижних слоев к верхним, в Варфоломеевке ее всего 24 %, а в Джангаре — 41 %. Формы сосудов, встречаемые в Варфоломеевке в единичных экземплярах (ладьевидные, с ребром по тулову, с высоким отогнутым венчиком), в Джангаре неизвестны, но здесь следует учитывать значительную разницу в величине керамических коллекций.

Керамика, орнаментированная только прочерком, в нижнем слое Джангара отсут-

ствует, в Варфоломеевке она составляет в нижнем слое до 33 %. В остальных слоях Джангара керамики с прочерком по 35 %, в Варфоломеевке — 28 и 12 %, то есть происходит ее плавное уменьшение в пользу накольчатой.

Следует отметить, что орнаменты на керамике Варфоломеевки — это зачастую сложные геометрические построения (особенно в слое 2А), включающие, кроме элементов общих для двух стоянок, ряд фигур, совершенно неизвестных в Джангаре: прямоугольники, шестиугольники, косую сетку, плетенку, «сотový» орнамент.

Сравнение комплексов по горизонтам показывает, что в своем развитии керамика подвержена как общим закономерностям (например, одновременное появление напыва на венчике), так и частным, присущим только одному памятнику.

Анализ каменных изделий выявил те же закономерности. С одной стороны, это наличие в нижних слоях сегментов и трапеций, одновременное появление трапеций со струганой спинкой, что позволяет провести синхронизацию двух стоянок, а с другой — заметны существенные различия: в двух верхних слоях Варфоломеевки преобладают трапеции со струганой спинкой, тогда как в верхнем слое Джангара сегменты сосуществуют с трапециями. Единственная джангарская трапеция со струганой спинкой и такая же трапеция со стоянки Ту-Бузгу-Худук II мало похожи на варфоломеевские по характеру нанесения состругающей ретуши и ее расположению (Кольцов П.М., 1990а, с. 31, рис. 3, 21, 23). Наиболее характерные нуклеусы Варфоломеевки — плоские и уплощенные. В Джангаре встречен всего один уплощенный нуклеус, все остальные — других типов. Ряд категорий орудий полностью отсутствует в Варфоломеевке — все четыре типа наконечников стрел, пластины с выделенной головкой, прямоугольники, топоры с двусторонней оббивкой. Список можно продолжить, но различия заключаются не только в наборе категорий, но и в характере вторичной обработки, что, на наш взгляд, гораздо существеннее. В частности, в Варфоломеевке почти не применялась техника двусторонней оббивки, встречная и противолежащая ретушь; подработка острия с брюшка ограничивалась двумя-тремя фасетками ретуши на рабочем конце, тогда как на джангарских изделиях брюшковая ретушь нанесена по одной или двум сторонам, что является отличительной особенностью комплекса.

В целом время существования Варфоломеевки и Джангара совпадает на значительном отрезке неолита. Регионы, занимаемые двумя культурами, вероятнее всего, будут смыкаться на границе степи и полупустыни, в узком коридоре Волго-Донского междуречья (рис. 1). Памятники орловской культуры расположены в степной зоне Нижнего Поволжья, джангарской — в полупустынной зоне правобережья Волги. Ландшафтно-климатические условия определяют культурно-хозяйственный уклад населения, и не случайно на саратовском правобережье Волги, в лесостепной зоне, орловские материалы не обнаружены, а располагаются южнее, в степях волгоградского правобережья. Природные различия обусловили комплексный охотничье-рыболовческий тип хозяйства орловской культуры в среднем неолите и переход к производящему хозяйству в позднем, тогда как в джангарской культуре ведущей отраслью хозяйства оставалась охота на сайгу. Максимальные различия в культуроопределяющих признаках приходятся как раз на период перехода от присваивающего хозяйства к производящему, тогда как наибольшее совпадение культурных признаков — на ранние этапы функционирования рассматриваемых памятников.

Итоги сравнительного анализа показывают, что Варфоломеевка и Джангар, вероятнее всего, имеют единую культурообразующую основу, но к моменту своего возникновения, в среднем неолите, они представляли уже две ветви некогда единого культурного процесса, развивавшиеся самостоятельно и на каждом новом этапе увеличивавшие различия в материальном комплексе.

Объяснить несоответствия комплексов Джангара и Варфоломеевки только локальными различиями нельзя: правобережная стоянка Орловка (давшая название культуре) расположена, как минимум, в два раза ближе к Джангару, чем к Варфоломеевке, но обнаруживает полную повторяемость признаков с последней.

Исследователь Джангара П.М. Кольцов также рассматривает Джангар и Варфоломеевку в рамках самостоятельных культур (Кольцов П.М., 1990, с. 68—69). С другой стороны, как уже говорилось выше, орловская и джангарская культуры столь близки, что, при изменении критериев сходства и различия в сторону их меньшей дифференциации, становится возможным говорить о локальных вариантах или даже одной культуре. Для по-

лучения более определенной картины необходимо исследовать серию памятников в каждой из культур, с тем чтобы иметь возможность проверить выводы, сделанные на реперных памятниках — Джангаре и Варфоломеевке.

Рассматривая неолитические памятники (средневолжской или волго-уральской культуры развитого периода) к северу от нижневолжской культурной области, сразу обращаешь внимание на преобладание традиции гребенчатой орнаментации керамики. Но среди нее встречается группа накольчатой, которая по своему облику практически полностью соответствует орловской (рис. 2, 3). Эта керамика несет характерный признак лесостепного неолита — пояски жемчужных вдавлений под венчиком, но остальные признаки чисто степные, орловские. Это относится к орнаментам, технике их нанесения, примесям в глине, характеру оформления внешней поверхности и среза венчика (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988, с. 27, рис. 31, 32, 39; Моргунова Н.Л., 1995, с. 57, рис. 7, 11, 12). При такой идентичности в керамике несомненно существование контактов степного и лесостепного населения. Ранее высказывалось мнение, что южные импульсы исходили от тентексорского населения Северного Прикаспия, но после исследования Варфоломеевской стоянки становится очевидным, что появление накольчато-прочерченной керамики в лесостепи следует связывать с орловской культурой степного Заволжья. Интересно отметить, что накольчатая керамика Средней Волги и орловская более похожи между собой, чем орловская и тентексорская, хотя две последние, скорее всего, связаны между собой общими истоками.

По мере продвижения к северу орловский импульс на облике керамики отражается все меньше, постепенно затухая. Если в керамике лесостепи южные элементы видны отчетливо, то в керамике памятников юга лесной зоны уже угадываются в самых общих чертах. Например, комплексы с накольчатой керамикой Марийского Поволжья можно сопоставить с орловскими только по нескольким признакам: форма сосудов, плоскостность, орнаментация днищ, растительная и раковинная примесь и простейшие композиции орнаментов. Для подобной керамики поселения Отарское VI ранее предлагался круг аналогий в направлении вниз по Волге, вплоть до Северного Прикаспия (Габышев Р.С., Никитин В.В., Николаев В.В., 1992,

с. 29—30). Затем истоки плоскодонной накольчатой керамики лесной зоны Среднего Поволжья стали усматриваться на Среднем Дону (Никитин В.В., 1996, с. 107, 111). Но если мы видим столь яркое воздействие орловской керамической традиции в лесостепи Поволжья, то следует предполагать появление накольчатой керамики в лесной зоне в результате контактов именно со своими соседями. Опосредованное воздействие орловских племен через население лесостепи, естественно, привело к появлению только некоторых южных черт. Правда, одна из них — плоскодонность — очень показательна, так как совершенно нехарактерна для керамики среднедонской культуры. Рассматриваемая накольчатая керамика Средней Волги датируется первой половиной IV тыс. до н. э., что хорошо согласуется с хронологией степного неолита. Именно в начале этого тысячелетия поздняя орловская культура начинает трансформироваться в раннеэнеолитическую прикаспийскую в результате усилившихся контактов с северным населением, что привело к появлению гребенчатой керамики (Юдин А.И., 1998, с. 87—105).

Население волго-уральской (средневожской) культуры, вероятнее всего, также явилось культурным посредником по передаче степных традиций в Зауралье. Только этим можно объяснить ряд параллелей, обнаруживаемых в кошkinsкой и боборыкинской культурах. Еще К.В. Сальников в начале 60-х гг. первым отметил немногочисленные тогда нижевожские аналоги для неолита Зауралья. При первой публикации материалов Орловской стоянки В.И. Мамонтов отметил их сходство с находками на южноуральской стоянке Чебаркуль II (Мамонтов В.И., 1974, с. 258). По мере изучения неолита Нижней Волги расширялась и база для сравнений. Исследование стоянки Джангар в Калмыкии (Кольцов П.М., 1984) показало наличие аналогов материалам, обнаруженным в памятниках боборыкинской культуры (Ковалева В.Т., 1989, с. 56).

При сопоставлении степных поволжских материалов с кошkinsкими и боборыкинскими из Зауралья наблюдается следующая картина. В орловской и кошkinsкой керамике имеется ряд общих черт, но полного тождества комплексов не наблюдается: орловские сосуды практически все плоскодонны, среди кошkinsких преобладают остроногие и отсутствуют профилированные горшковидные; внутренние наплавы на орлов-

ских разнообразны по форме, на кошkinsких — только одного вида, но есть воротнички, которые в Нижнем Поволжье появляются в раннеэнеолитическое время; для орловских характерен бордюрный орнамент (только маленькие сосуды могут быть украшены полностью) и совсем малое число орнаментированных днищ, кошkinsкие с неполной орнаментацией встречаются изредка, и все днища украшены. Техника нанесения орнамента совпадает — прочерченно-накольчатая при отсутствии гребенки и преобладании накола, но некоторые орловские орнаментальные композиции отличаются сложным геометризмом, кошkinsкие по сравнению с ними в целом выглядят обедненными (рис. 4).

Еще больше «степных» параллелей наблюдается при сопоставлении с боборыкинской культурой, вплоть до совпадения некалиброванных дат Ташкова I (5490 ± 60 л. н., Ле 1535) и позднеэнеолитического слоя 2А Варфоломеевки (5430 ± 60 л. н., Ки 3589). Калиброванное значение последней даты — 4351—4337 л. до н. э. Еще три даты слоя 2А доводят время его существования до начала IV тыс. до н. э. В боборыкинской керамике появляются профилированные формы, бордюрный орнамент из сложных геометрических фигур, но при этом, как и в орловской керамике, большая часть композиций составлена из горизонтальных линий и зигзага (Ковалева В.Т., 1989, с. 79, рис. 15, 3, 4, 10, 12). Привлекает внимание пластинчатая техника расщепления камня, наличие трапеций, высокая степень его утилизации — вторичное использование орудий, использование отщепов без подработки, — эти черты характерны и для орловских памятников. Можно назвать и более общие признаки, например, находки каменных и глиняных «утюжков» с орнаментом в обеих культурах, общие элементы в конструкции жилищ. Подобный комплекс совпадающих признаков нельзя объяснить только стадильностью в развитии, скорее, он заставляет предполагать какие-то периодические, на протяжении среднего и позднего неолита, культурные контакты если не путем прямой инфильтрации населения, то опосредованно. В данном случае на роль такого культурного посредника, как уже говорилось, хорошо подходит население лесостепной волго-уральской культуры, где наиболее отчетливо ощущаются прямые контакты с южными соседями — орловскими племенами. Аналогичные процессы контактов и взаимопроникновений давно отмечены для

лесных районов Зауралья, Приуралья и Поволжья, откуда протягивается цепочка культур с накольчатой керамикой к среднедонской культуре и культурам днепро-донецкой общности.

Правобережная лесостепь отделяется от ареала орловской культуры только Волгой, но сразу заметна совершенно иная культурная ориентация. Необходимо заметить, что лесостепное Волго-Донское междуречье в неолитическом плане совершенно не исследовано и все известные памятники неолита относятся к бассейну верховьев Хопра, левого притока Дона. Здесь, в северо-западных районах Саратовской области и юго-восточных Тамбовской, отчетливо видно развитие неолитических памятников под явным влиянием среднедонской культуры и племен с гребенчатой и ямочно-гребенчатой керамикой на более позднем этапе. Накольчатая керамика имеет ряд общих признаков с орловской: это характер постановки наколов, сочетание техники отступающего накола с разреженными наколами, использование «плетеных» орнаментов, изредка встречаются плоские днища. Но все же неолитическая керамика бассейна Хопра значительно отличается от степной. Например, на стоянке Шапкино II она плотная, тонкостенная, без раковинной примеси, на обратной стороне имеет негативы от наколов и у нее другой характер оформления венчиков (Хреков А.А., 1992, с. 10—11, рис. 3, 5, 6).

Севернее, в Верхнем Посурье, наблюдается аналогичная картина. Накольчатая керамика, также встречаемая совместно с гребенчатой и ямочно-гребенчатой (к примеру, на стоянке Подлесное VII), имеет ряд существенных различий: наколы чаще всего поставлены редко, композиции орнаментов просты, почти не встречается прочерк. Сходство обнаруживается самого общего порядка — некоторые орнаменты и формы сосудов (Ставицкий В.В., 1997, с. 16, рис. 2, 1; 1998, рис. 1, 12; 2, 3, 4; 3, 8, 10). В.В. Ставицкий отмечает, что на развитие местного неолита оказала влияние как среднедонская, так и средневолжская культура (Ставицкий В.В., 1998, с. 40—48). Для междуречья Суры и Мокши В.П. Третьяков и А.А. Выборнов предполагают определенное воздействие культур

лесостепной и степной зон в появлении там накольчатой керамики и проводят сравнения с неолитическими памятниками Среднего Дона. Совпадения с орловской культурой можно увидеть в самых общих чертах в накольчатой керамике стоянок Потодеево, Имерка I-A, Имерка X (Третьяков В.П., Выборнов А.А., 1988, с. 38—39, рис. 1, 4, 13).

Южнее, в Волгоградской области, на р. Бузулук (донской бассейн) исследовались два неолитических поселения — Староанненское и Козлиновское (Еремин В.И., 1989, с. 71—89). В Староанненском, содержащем смешанный комплекс неолитической керамики, хорошо выражены черты среднедонского неолита (остродонность, разреженный накол, композиции орнамента), а в Козлиновском, которое, вероятно, несколько моложе, достаточно ярко отразилось соседство со степью и орловским населением. Рассмотрим накольчатую керамику, не останавливаясь на небольшой серии ямочно-гребенчатой, гребенчатой и прорезной. В целом керамика значительно отличается от орловской — она лучшего обжига, более тонкостенна, глубоко вдавленный орнамент проявляется на внутренней стороне стенки. Но около трети сосудов имеют, хотя и небольшую, примесь толченой ракушки в глине; орнаменты накольчатой керамики, наряду с простыми композициями (ряды горизонтальных или наклонных линий), включают и типично орловские — шевроны, сочетание зигзага и линии, сочетание отступающего накола и крупных разреженных наколов (Еремин В.И., 1989, рис. 9, 1—3, 9; Наумов И.Н., 1992, рис. 3, 8). Причем именно эта керамика имеет примесь ракушки (рис. 5, 2—4). Эти сосуды находят аналоги в керамике из слоя 2А Варфоломеевки. О поздненеолитическом возрасте Козлиновской стоянки говорят также трапеции со струганой спинкой среди каменных орудий и фрагмент венчика с воротничковым утолщением, накольчатым орнаментом и прочерченной волнистой линией (рис. 5, 1)¹, характерной уже для керамики раннего энеолита мариупольской культурной области.

Более сложно сказать что-либо определенное о контактах орловских племен с населением к юго-востоку от степного Заволжья (Уральская обл.), т. к. в неолитическом

¹ В публикации материалов Козлиновского поселения указано, что венчик утерян (Еремин В.И., 1989, с. 88). У автора сохранилась зарисовка, возможно, именно этого венчика, сделанная ранее при осмотре коллекции в ВОКМ. Считаю уместным ее воспроизвести, т. к. подобная керамика является хронологическим индикатором на широкой территории.

отношении этот регион практически не исследован, но появление новых данных о плоскодонной прочерченно-накольчатой керамике в Казахстане (оюклинские, токсанбайские памятники) указывает на существование каких-то связей населения каспийско-аральского междуморья с племенами нижневолжской культурно-исторической области (Астафьев А.Е., 1996, с. 30—45; Самашев З.С., Ермолаева А.Е., Тепловодская Т.М., Галкин Л.Л., 1998, с. 86—99). Но в данном случае, естественно, речь должна идти о контактах именно со всей областью, а не только с одной орловской культурой.

Поиск аналогий орловской культуре за пределами нижневолжской культурно-исторической области показал наибольшее сходство с ракушечной культурой Нижнего Дона, где керамические комплексы с накольчатой орнаментацией, как и на Волге, представлены в наиболее чистом виде. Материалы двух самых выразительных памятников Нижнего Дона — Ракушечного Яра (сл. VI—IV) и Раздорского I (сл. I—II) (Кияшко, 1994) — при подробном сравнении с комплексами Варфоломеевки обнаруживают множество аналогий.

Многослойное поселение Ракушечный Яр всегда привлекало внимание исследователей, но, к сожалению, автор раскопок Т.А. Белановская практически не ввела в научный оборот керамическую коллекцию (Белановская Т.А., 1972; 1978; 1983а; 1983б). После дополнительных исследований стоянки в 1975 году Д.Я. Телегиным и уточнения стратиграфической колонки стало возможным проводить сравнения керамических комплексов с другими памятниками (Телегин Д.Я., 1981, с. 7—13).

Исходя из материалов раскопок, Д.Я. Телегин говорит о трех этапах ракушечной культуры, существование которой отражают нижние слои поселения — с 6 по 3Б. Слой 3Б содержит уже керамику мариупольской культурной области, генетически связанной с предшествующей неолитической (Неолит..., 1966, с. 59—62). В целом время существования и этапы развития орловской и ракушечной культур совпадают, что подтверждает и серия радиоуглеродных дат (рис. 6).

Перейдем к рассмотрению общего и разного в материалах Ракушечного Яра (слои 6—4) и Варфоломеевки (слои 3, 2А и 2Б). В первую очередь произведем сравнение керамики. Сразу необходимо указать на накольчатый и отступающе-накольчатый характер техники орнаментации керамики, плоскодонность,

бордюрный характер и геометризм орнамента, наличие примеси толченой ракушки в тесте. Интересно, что в обоих памятниках встречены сосуды с плоскими овальными днищами. Эволюция форм сосудов и техники орнаментации подвержена одинаковым закономерностям, в результате которых появляется воротничковая керамика мариупольского типа. При всех существующих различиях (остродонность некоторых сосудов, преобладание растительной примеси, очень редкое использование прочерка при орнаментации в ракушечном комплексе) керамика обоих памятников, несомненно, принадлежит к одной культурной традиции, и это хорошо видно при сопоставлении с кругом более северных, лесостепных культур, например, среднедонской или волго-уральской.

Техника обработки камня в неолитическую эпоху более универсальна и в силу этого не может являться надежным ориентиром при культурных сопоставлениях, но все же стоит отметить такие общие черты, как микролитичность кремня, пластинчатую технику расщепления, трапеции со струганой спинкой и отсутствие наконечников стрел с двусторонней обработкой.

Ракушечный Яр и Варфоломеевка также отличаются широким использованием кости для изготовления орудий и поделок. Здесь показательны аналоги среди орнаментированных предметов, особенно лошил и подвесок. Как и в Ракушечном Яру, в Варфоломеевке использовался орнамент в виде рядов глубоких ямок. Ими украшено охотничье острие (Килейников В.В., Юдин А.И., 1993, рис. 8, 8), типологически близкое двум орнаментированным игловидным наконечникам из Ракушечного Яра (Белановская Т.Д., 1983а, рис. 1, 17, 18). Максимальные аналогии прослеживаются с орнаментированными лошилами и подвесками. В Ракушечном Яру они представлены предметами удлинненно-овальной формы с орнаментом в виде нескольких поперечных или диагональных линий и групп коротких насечек (Белановская Т.Д., 1983а, рис. 1, 5, 6; 2, 5, 19; Кияшко В.Я., 1994, рис. 43, 9, 14). Только в Варфоломеевке аналогичные изделия типологически более разнообразны и зачастую украшены сложным геометрическим орнаментом (Килейников В.В., Юдин А.И., 1993, рис. 6, 4, 6; 7, 3, 4, 10; Юдин А.И., 1997, рис. 10, 3).

Есть определенные аналогии и в традициях домостроительства. В Ракушечном Яру отмечены остатки наземных жилищ подпря-

моугольной формы со столбовыми конструкциями и глиняной обмазкой (Белановская Т. Д., 1983б, с. 5—10). Полуземлянки Варфоломеевки также имели подпрямоугольную форму, и при их сооружении использовалась глиняная обмазка, а возможно, и сырцовый кирпич в нижней части стен.

Достаточно близок и погребальный обряд, практиковавшийся населением сравнимых памятников (если рассматривать в Ракушечном Яру погребения, достоверно связанные с поселением). Захоронения совершались на территории стоянок, они практически безынвентарны, отсутствует устоявшийся погребальный обряд — встречены погребения как с вытянутым, так и скорченным положением костяка. В Ракушечном Яру это скорченное на боку положение костяка с южной ориентировкой в погребении 2; скорченное на спине с северной ориентировкой — в погребении 3; вытянутое с северной ориентировкой — в погребении 6 (Белановская Т. Д., 1972, рис. 1, 2, 3, 5). В Варфоломеевке это вытянутое положение костяка с западной ориентировкой в погребении 3 и два скорченных — на правом боку с восточной ориентировкой [погребение 1 (верхний скелет)] и на спине с южной ориентировкой (погребение 2) (Юдин А.И., 1991, рис. 3, 1—3).

Проведем также сравнение с еще одним эталонным памятником Нижнего Дона — стоянкой Раздорская I. Сопоставляя первый слой Раздорского поселения с неолитическими материалами Варфоломеевки, мы также видим комплекс общих черт: плоскодонность керамики, накольчатый орнамент, микролитичность кремня и пластинчатая техника его расщепления, наличие трапеций со струганой спинкой (Кияшко В.Я., 1994, с. 26—27). Естественно, что наблюдаются и различия. В Раздорской I намного больше керамики с растительной примесью, тогда как для орловской все же характерна ракушечная. Кроме того, шиподонный сосуд, поднятый из воды на Раздорах, мне все же представляется более ранним относительно остального инвентаря (Кияшко В.Я., 1994, рис. 4, 1).

Второй слой Раздорского поселения также обнаруживает значительное сходство с орловскими материалами (слой 1 Варфоломеевки, переходный нео-энеолитический период, нач. IV тыс. до н. э.). Это обильная примесь ракушки в тесте глины, форма сосудов, наплыв по венчику, техника нанесения орнамента и даже его расположение. Аналогичны и совпадения в каменных орудиях: та же

самая пластинчатая техника расщепления камня, преобладание пластин средней величины (от 1,0 до 2,4 см шириной, т. е. крупнее, чем на предыдущих этапах), односторонняя обработка и отсутствие типологически выраженных наконечников стрел. Показательны параллели в изделиях и орудиях из кости: подвески из зубов, пластины из клыков кабана, фигурки животных, орнаментированные путовые кости лошади (Кияшко В.Я., 1994, рис. 9; 43, 1—4, 10, 13).

При реконструкции процесса формирования раннего мариупольского облика энеолита степного Поволжья и Подонья материалы верхних (1 и 2А) слоев Варфоломеевки, отражающие этот процесс, хорошо дополняются находками из трех нижних слоев Раздорской I.

На рубеже V—IV тыс. до н. э. в степи Нижней Волги начинает проникать северное население и приносит с собой традицию гребенчатой орнаментации керамики. В результате происходит трансформация орловской культуры в раннеэнеолитическую прикаспийскую (Юдин А.И., 1998, с. 83—105). Аналогичные процессы происходили и в Подонье, но, возможно, северное влияние там стало ощущаться раньше, что отразилось в более раннем появлении гребенчатого орнамента на керамике. Культурная преемственность между первым и вторым слоями Раздорского поселения и между четвертым и третьим слоями Ракушечного Яра неоднократно подвергалась сомнению, но вполне возможно использовать по аналогии модель развития, прослеженную на более многочисленных материалах Поволжья, и также допустить генетическую преемственность между ракушечной и мариупольской культурами Нижнего Дона.

Проведенное сравнение комплексов орловской культуры с материалами сопредельных территорий показывает, что она представляет одно из звеньев цепочки неолитических степных культур Юго-Восточной Европы. С частью этих культур ближайшего географического окружения орловская, несомненно, находилась в генетическом родстве, сходство материальных признаков с культурами более отдаленных регионов, возможно, объясняется единым типом хозяйства и сходными природными условиями, но не исключаются и прямые контакты. Контакты и связи орловского населения можно разделить на несколько уровней. Первый уровень — это взаимодействие с родственными культурами

нижневолжской области. В силу периодического ухудшения климата, делавшего невозможным проживание населения в южной, прикаспийской части Нижнего Поволжья и вызывавшего его миграцию (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998, с. 66—83), неолитические племена региона объективно были вынуждены вступать в контакты. Следы этих контактов хорошо отражены в керамике Варфоломеевской стоянки, местоположение которой оказалось пригодным для жизни даже во время природных катаклизмов: в нижнем слое выделяется керамика, имеющая комплекс каиршацких признаков, а в верхнем слое — тентексорских.

Второй уровень — это контакты с неолитическим населением степи за пределами нижневолжской культурной области, в частности, с ракушечной культурой Нижнего Подонья. Естественно, что отмеченные черты сходства орловской и ракушечной культур в определенной мере напрямую связаны с одинаковой экологической нишей, занимаемой ими, и это приводило к сходным типам хозяйства, орудий и предметов обихода. Тем не менее совпадение столь большого количества культурных признаков (в керамике, технике обработки камня, погребальном обряде, костяных орудиях и поделках) позволяет предполагать контакты и взаимовлияние на протяжении неолитической эпохи. Не случайно эти культуры одновременно сменяются также близкими по своему облику прикаспийской и нижнедонской в раннем энеолите.

Совершенно иной характер носил третий уровень связей — с северными, лесостепными племенами. Скорее всего, это была прямая инфильтрация орловского населения, что и нашло выражение в комплексах накольчатой керамики волго-уральской культуры (напр., Ивановская и Вилатовская стоянки) в Заволжье и Козлиновского поселения на правом берегу Волги. На заключительном этапе неолитической эпохи отмечается обратный процесс — проникновение северного населения в степь, принесший с собой традицию гребенчатой орнаментации керамики.

Пока нет данных о контактах орловского населения в восточном направлении, так как пограничная территория — северная часть Западного Казахстана — в неолитическом плане пока почти не исследована, а вопрос о возможном взаимодействии с культурами Зауралья и его путях требует отдельного рассмотрения.

В целом орловская культура Нижнего Поволжья — это самая северная степная культура с традицией накольчато-прочерченной керамики. Орловский культурный импульс проникал далеко на север и северо-восток, в среду лесостепных и лесных племен, а сама орловская культура долгое время оставалась невосприимчивой к лесостепным культурным традициям. Но с другой стороны, орловское население активно контактировало с населением нижневолжской области на юге и более отдаленными регионами в западном и юго-восточном направлениях. Культурно-хронологические комплексы Варфоломеевской стоянки показывают наличие широких связей на всем протяжении неолита, в результате которых постоянно происходил культурный обмен и заимствования. Это уже упоминавшаяся керамика южного облика, сосуды ладьевидной формы, а также орудия и изделия из шокшинского кварцито-песчаника, нефрита и мела. На позднем этапе культуры отмечено появление изделий из меди, вероятно древнейших в Поволжье, и костей домашней овцы, что, несомненно, явилось отражением активных внешних контактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А., 1990. Североприкаспийский регион — специфический очаг мезо-энеолитических культур // *Проблемы древней истории Северного Прикаспия (тез. докл.)*. Куйбышев.
- Астафьев А.Е., 1996. Памятники тюлюзской культуры на полуострове Мангышлак // *Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1*. Самара.
- Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998. Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене (краткие итоги исследования) // *Проблемы древней истории Северного Прикаспия*. Самара.
- Белановская Т.Д., 1972. Погребения близ неолитического поселения Ракушечный Яр у станицы Раздорской Ростовской области // *МИА. № 185*. Л.
- Белановская Т.Д., 1978. Хронологические рамки неолитического поселения Ракушечный Яр // *КСИА. № 153*.
- Белановская Т.Д., 1983 а. Орнаментированные изделия из кости и рога неолитического поселения Ракушечный Яр // *Изыскания по мезолиту и неолиту СССР*. Л.

Белановская Т.Д., 1983б. Ракушечная культура времени неолита и энеолита на Нижнем Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1989. Исследования неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.

Выборнов А.А., Козин Е.В., 1988. Неолитическая стоянка Каиршак I в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.

Габяшев Р.С., Никитин В.В., Николаев В.В., 1992. Отарское VI поселение // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань.

Еремин В.И., 1989. Неолитические поселения северо-западных районов Волгоградской области // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.

Килейников В.В., Юдин А.И., 1993. Костяные орудия и изделия Варфоломеевской стоянки // Археологические вести. Вып. 1. Саратов.

Кияшко В.Я., 1994. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V—III тысячелетиях до н. э.) // Донские древности. Вып. 3. Азов.

Ковалева В.Т., 1989. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск.

Кольцов П.М., 1984. Поселение Джангар в Сарпинской низменности // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев.

Кольцов П.М., 1987. Неолит Северо-Западного Прикаспия: Дис. ... канд. ист. наук. М. Архив ИА РАН. Р—2. Д. 2321.

Кольцов П.М., 1988. Неолитическое поселение Джангар // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.

Кольцов П.М., 1990. О культурной принадлежности неолитических памятников Северного Прикаспия // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста.

Кольцов П.М., 1990а. Хронология неолитических памятников Северо-Западного Прикаспия // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста.

Мамонтов В.И., 1974. Поздненеолитическая стоянка Орловка // СА. № 4.

Моргунова Н.Л., 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург.

Наумов И.Н., 1992. Поселение позднего неолита-энеолита на реке Бузулук // Древности волго-донских степей. Вып. 2. Волгоград.

Неолит Северной Евразии, 1996. М.

Никитин В.В., 1996. Каменный век Марийского края // Тр. МАЭ. Т. IV. Йошкар-Ола.

Самашев З.С., Ермолаева А.Е., Тепловодская Т.М., Галкин Л.Л., 1998. Токсанбай—памятник протогородской цивилизации Казахстана (предварительное сообщение) // Изв. Академии гуманитарных наук РФ. № 1.

Ставицкий В.В., 1997. Поселения Верхнего Посурья с гребенчато-накольчатой керамикой // Историко-археологические изыскания. Вып. 2. Самара.

Ставицкий В.В., 1998. Некоторые итоги охранных исследований в Посурье Пензенской неолитической экспедиции // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. Саратов.

Телегін Д.Я., 1981. Про неолітичні пам'ятки Подоння (Степового Поволжя) // Археологія. № 36.

Третьяков В.П., Выборнов А.А., 1988. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев.

Хреков А.А., 1992. Ранненеолитические стоянки лесостепного Прихоперья // Археология восточноевропейской степи. Вып. 3. Саратов.

Юдин А.И., 1991. Неолитические погребения Варфоломеевской стоянки // Археология восточноевропейской степи. Вып. 2. Саратов.

Юдин А.И., 1995. Неолит и энеолит степного Заволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Юдин А.И., 1997. Исследования Варфоломеевской стоянки в 1996 году (к характеристике материального комплекса слоя 2А) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов.

Юдин А.И., 1998. Орловская культура и истоки формирования степного энеолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Схема расположения неолитических культур и памятников Нижнего Поволжья и сопредельных регионов. Культуры: А — орловская, Б — джангарская, В — каиршакско-тентексорская, Г — волго-уральская (средневожжская), Д — ракушечная. Памятники: 1 — Варфоломеевская, 2 — Орловская, 3 — Каиршак III, 4 — Тентексор, 5 — Джангар, 6 — Ивановская, 7 — Виловатовская, 8 — Шапкино II, 9 — Подлесное VII,

10 — Потошеево, 11 — Имеркские, 12 — Козлиновское.

Рис. 2. Керамика стоянок Нижней и Средней Волги: 1 — Варфоломеевка, 2 — Тентексор, 3 — Ивановская и Виловатовская, 4 — Каиршак III.

Рис. 3. Керамические комплексы Варфоломеевки и Джангара.

Рис. 4. Зауральские аналоги орловской керамики.

Рис. 5. Накольчатая керамика Козлиновского поселения.

Рис. 6. Стратиграфическое и хронологическое соотношение культурных слоев Варфоломеевки, Ракушечного Яра и Раздорской I.

SUMMARY

CULTURAL CONTACTS AND RELATIONSHIPS OF THE LOWER VOLGA POPULATION AT THE NEOLITHIC TIME

A.I. Yudin

The Neolithic time in the Lower Volga is represented by the Orlovka-culture (Yudin A.I., 1995, p. 4—10), Dzangar (Koltchov P.M., 1987) and Kairshac-Tentecsor (Vasilev I.B., Vibornov A.A., 1988, p. 8—11) cultures (fig. 1, A — B). These cultures are united in the Lower Volga cultural area.

The steppe area of the Volga region is occupied by the Orlovka-culture. The main site of this culture is Varfolomeyevka., which is dated to the second half of the 6th millenium B.C. — the beginning of the 4th millenium B.C. and includes a four cultural-chronological complex (1, 2 A, 2 B, 3). The Orlovka-culture was a centre from which steppe cultural traditions were spreading to the North and North-East, in the ambience of wood-steppe and forest tribes. There exist analogies with the Orlovka culture in neolithic cultures of the right bank of the Volga, Volga-Kama, Volga-Uralian and Transuralian cultures (fig. 2, 3; 4; 5).

Tribes of the Orlovka-culture also had constant cultural contacts with their southern neighbours who seasonally migrated to the North because of the very fluctuating climate of the North Caspian area. This can be traced in ceramic complexes (fig. 2, 2, 4), stone and bone tools. There existed trade with some remote areas from which objects made of shoksha sandstone, nephritis, as well as chalk and honey were imported (on the late stage). Constant contacts of the Orlovka culture with other tribes were supported by the unitive scheme of development of the Dzangar, Racushechny Iar cultures in the late neolithic — early eneolithic epochs (fig. 3; 6).

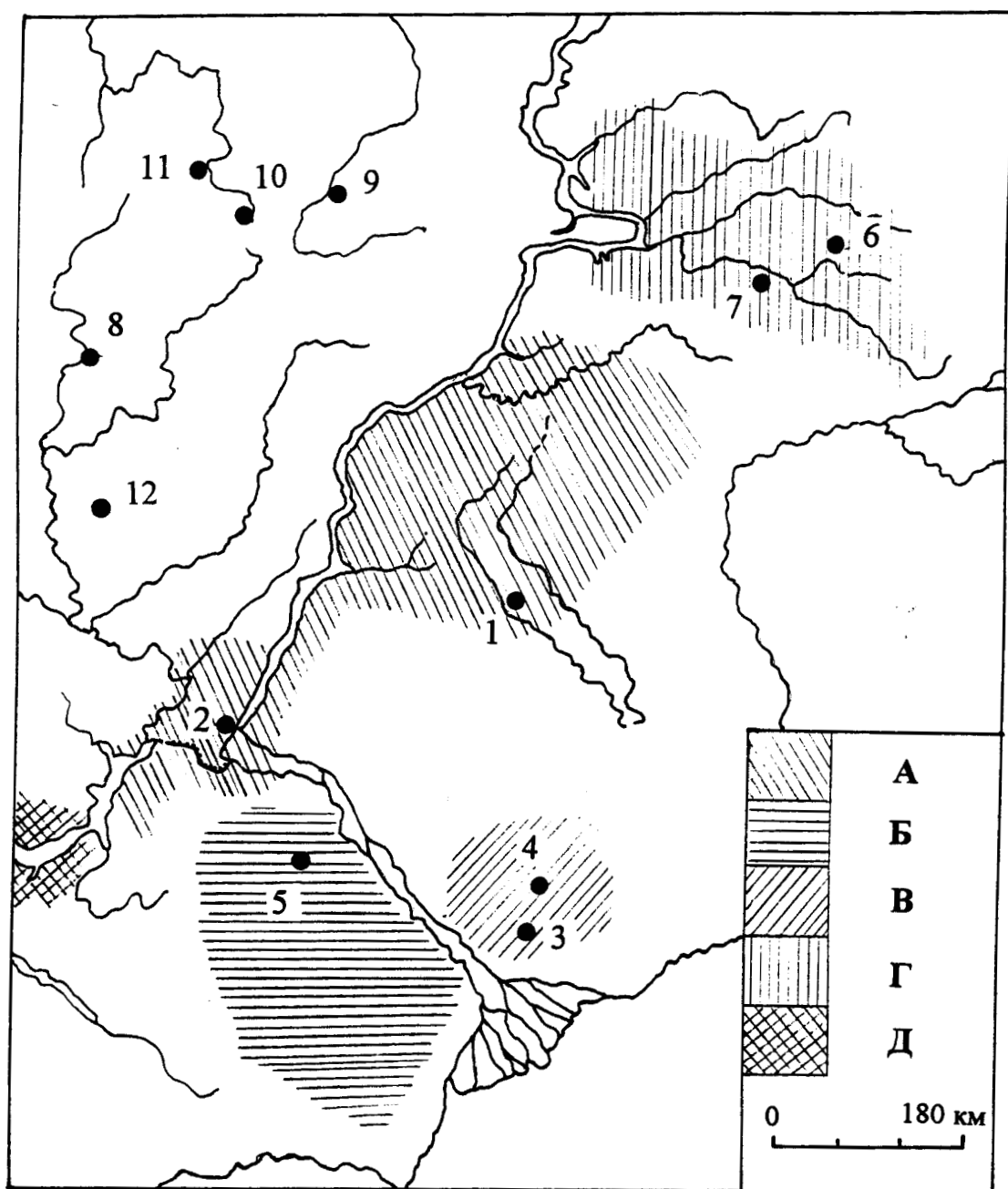

Рис. 1

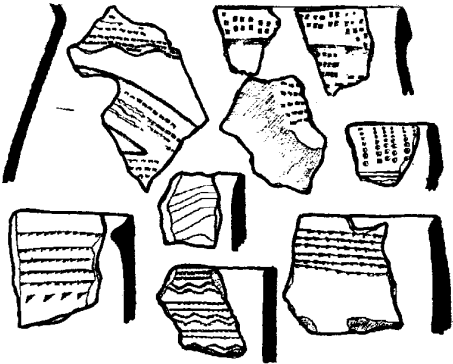
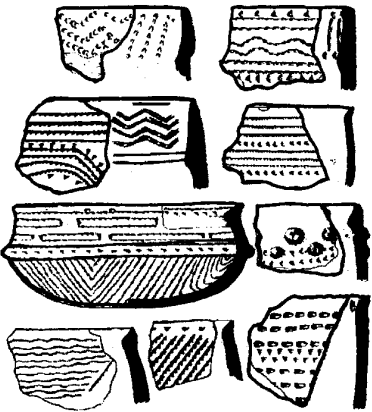
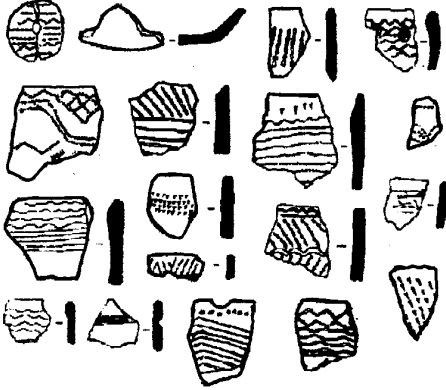
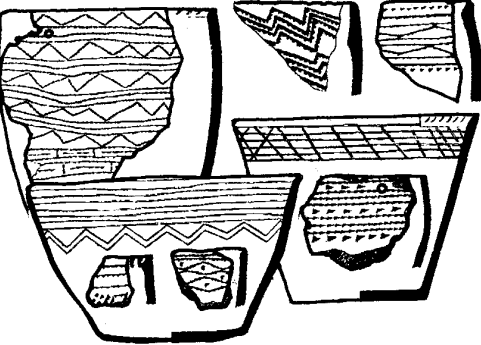
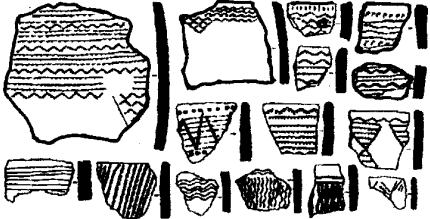
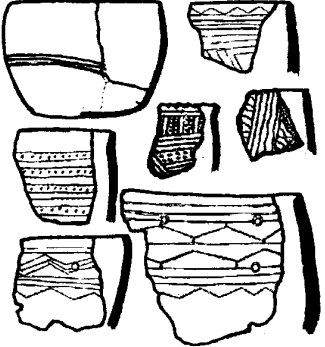
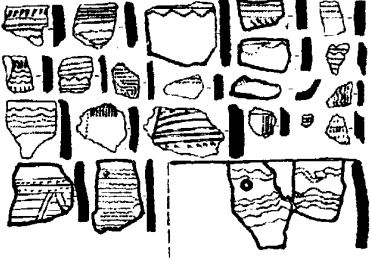
слой	Варфоломеевка	Джангар	слой
1			
2 А			1
2 Б			2
3			3

Рис. 3

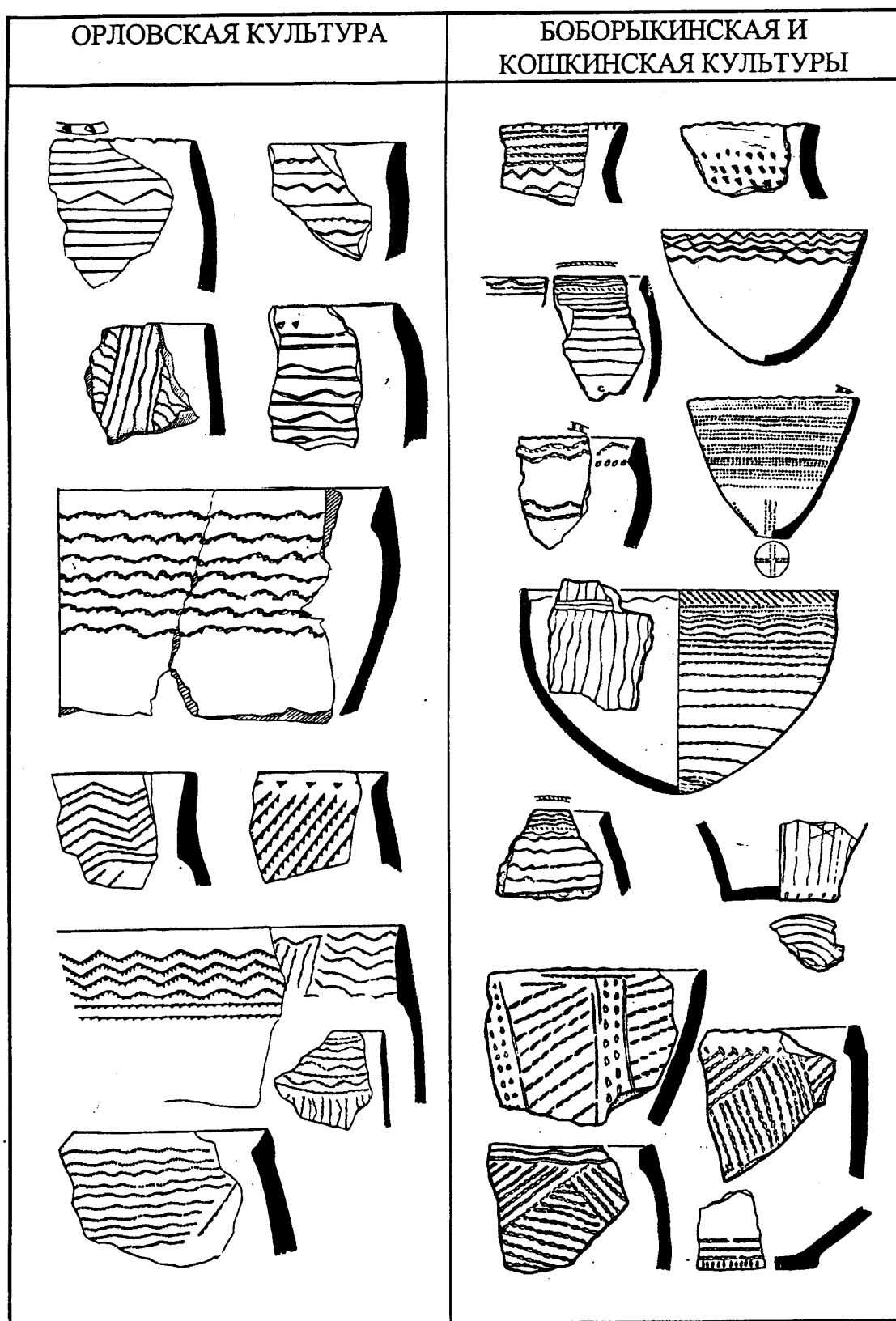

Рис. 4

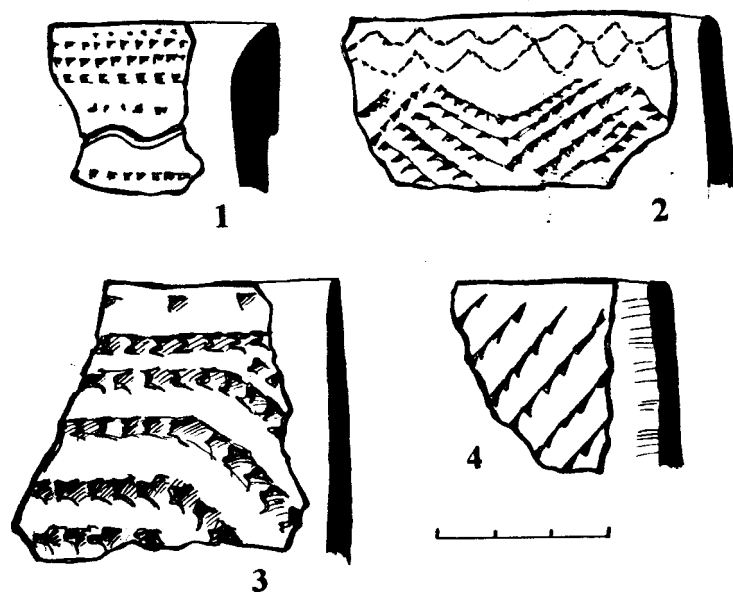

Рис. 5

Варфоломеевка		Раздорское I	Ракушечный Яр
Слой 1		Слой II	Слой III Б
Слой 2 А		Слой I	Слой IV
<p>4214-3991 л до н.э. (Ки 3596)</p> <p>4226-4002 л. до н.э. (Ки 3590)</p> <p>4334-4047 л. до н.э. (Ки 3595)</p> <p>4351-4337 л. до н.э. (Ки 3589)</p>			
Слой 2 Б			Слой V
<p>6090+160 л. н. (Лу 2620) или 5315-4590 л. до н.э.</p> <p>6400+230 л. н. (Лу 2642) или 5685-4970 л. до н.э.</p>			<p>5890+105 л.н. (Ки 995) или 4870+310 л. до н.э. 6070+100 л.н. (Bln 704) или 5000+260 л. до н.э.</p>
Слой 3			Слой VI
<p>6980+200 л. н. (ГИН 6546) или 6010-5245 л. до н.э.</p>			

Рис. 6

ДИНАМИКА КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ В ЭПОХУ БРОНЗЫ *

А.В. Кияшко

Накопление материалов по бронзовому веку Юго-Восточной Европы всегда стимулировало изучение эпохальных тенденций культурного развития (Кривцова-Гракова О.А., 1955; Мерперт Н.Я., 1968; и др.).

В 90-х годах XX в. это направление пополнилось рядом работ (Бочкарев В.С., 1991; 1995; Кияшко В.Я., Кияшко А.В., 1992; Рысин М.Б., 1997), чему способствовали также общетеоретические исследования проблем культурогенеза в контексте данных этнографии и археологии (Арутюнов С.А., 1979; 1985; Массон В.М., 1996).

Авторы упомянутых работ, как правило, изучали культурные процессы определенных периодов бронзового века в границах отдельных регионов, редко выходя на межрегиональный уровень (см., напр.: Бочкарев В.С., 1995). Настоящая статья также не претендует на детальный анализ материалов в тех территориально-хронологических рамках, которые указаны в ее названии. Такая широта охвата археологических данных необходима, на наш взгляд, как фон для осмысления культурных изменений на территории волго-донских степей, преимущественно в эпоху средней бронзы.

Обычно бронзовый век подразделяют на три этапа — ранний, средний и поздний — в соответствии с генетической классификацией источников, заимствованной археологами из области естественных наук (биология, геология и др.) (Брей У., Трамп Д., 1990, с. 40). Такой подход долгое время удовлетворял исследователей, особенно при изолированном изучении материала отдельных территорий, в условиях почти полного отсутствия данных по смежным районам, например при разработке В.А. Городцовым периодизации древностей бронзового века бассейна р. Северский Донец (Городцов В.А., 1905). Однако распространение схемы этого автора на памятники всего обширного Причерноморско-Прикаспийского региона ведет к искусственному объединению одновременных, но качественно разных явлений. Так, возникшая на Северном Кавказе как некий феномен май-

копская культура хотя и синхронна с культурами степного энеолита и раннего бронзового века, но явно опережает их по уровню развития, а ее потенциал реализуется лишь в эпоху средней бронзы. Другими словами, майкопская культура и открывает эту эпоху. То же можно сказать и об абашевской культуре Среднего Поволжья, синхронной памятникам среднего бронзового века Северного Причерноморья, но определяющей начало следующей, позднебронзовой, эпохи (Бочкарев В.С., 1991, с. 25).

Кроме того, вероятно, не следует ожидать равную выразительность материалов каждого из этапов бронзового века на всех территориях Юго-Восточной Европы. Неравномерность развития, когда наряду с его центрами есть и «застойная» периферия, подтверждается, например, крайней аморфностью памятников заключительной стадии позднего бронзового века Поволжья в сравнении с северопричерноморскими этого же периода древностями (Качалова Н.К., 1985, с. 46).

Таким образом, применение трехступенчатой периодизации в качестве универсальной не позволяет учесть всю сложность культурных взаимодействий в эпоху бронзы. Повидимому, сегодня наиболее приемлема схема, предложенная В.С. Бочкаревым. В соответствии с ней на территории Восточной Европы в бронзовом веке существовали три крупных очага культурогенеза: карпато-балканский, кавказский и волго-уральский. Важным проявлением их были металлургические провинции, базирующиеся на сырье соответствующих горнорудных месторождений (Бочкарев В.С., 1990, с. 4—5; 1995, с. 18—19).

В этих очагах зарождались традиции, распространение которых формировало блоки культур (Бочкарев В.С., 1995, с. 25—26; Массон В.М., 1996, с. 35—37). В их материальном комплексе воплощалась и как бы разворачивалась во времени и пространстве та или иная археологическая эпоха. Эти блоки культур имели довольно четкие территориальные границы, а также обширную сферу влияния, или периферию, как правило, очерчиваемую

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 00-01-00059а.

ареалом массового распространения изделий металлургии из данных очагов культурогенеза. В такой системе координат хронологические понятия — ранний, средний, поздний (бронзовый век) — утрачивают свой всеобщий даже в рамках Юго-Восточной Европы характер, становятся относительными и генетически не связанными и, более того, приобретают несвойственное им территориально-пространственное значение¹.

Даже поверхностный анализ находок, сделанных в последние три-четыре десятилетия, показывает, что эпоху ранней бронзы формируют карпато-балканский и кавказский очаги культурогенеза. В результате их активности возникают блоки культур соответственно позднетрипольского и майкопского облика, которые взаимодействовали на территории Северного Причерноморья в конце IV — первой половине III тысячелетия до н. э.

К первому блоку относятся такие культурные группы позднего Триполья, как усовская, выхватинская, брынзенская, городишеская, софиевская, городская и трояновская (Манзура И.В., 1990, с. 20). Ко второму — ряд аналогичных групп Северного Кавказа позднемайкопского и новосвободненского времени, о локализации и хронологии которых не прекращаются дискуссии (Трифонов В.А., 1991, с. 25), а также константиновская культура на Нижнем Дону (Кияшко В.Я., 1994, с. 64).

Влияние этих блоков культур прослеживается в материалах степных памятников Поднепровья и Подонья (Манзура И.В., 1990, с. 21), причем уже отмеченный в литературе (Кияшко В.Я., Кияшко А.В., 1992, с. 5) двусторонний характер такого воздействия говорит о равной значимости для населения степи и северокавказского, и прикарпатского культурных центров.

Другими словами, мы предполагаем, что раннебронзовая эпоха Юго-Восточной Европы имела северопричерноморский эпицентр, или ареал, где соединялись южные и западные влияния. За его пределами синхронные древности, например доминирующие в Волго-Донском междуречье репинские памятники, ни в коей мере не являются продуктом этой новой эпохи, а, уходя корнями в местный энеолит, заимствуют лишь некоторые достижения кавказской металлургии (см.,

напр.: Синюк А.Т., 1983, с. 25, рис. 8, 5—10). Подтверждением существования иных основ репинской культуры может служить крайняя редкость ее курганных комплексов, в то время как и для предгорных культурных очагов, и для прилегающей к ним степной зоны курганный обряд является важной и распространенной новацией.

Таким образом, если рассматривать северопричерноморский ранний бронзовый век как вторичный, производный от названных выше центров развития, то для древностей Волго-Донского региона придется вводить градацию третичности, «третьего сорта», или, что точнее, признать отсутствие здесь этой эпохи.

Следующий период, традиционно именуемый «средним бронзовым веком», характеризуется угасанием карпато-балканского очага и все большей активизацией кавказского центра культурогенеза. Теперь движение идей, технологий, да и самих древних племен в Северном Причерноморье, не обнаруживая встречного потока, надолго становится односторонним. Бронзовые изделия, выполненные в традициях кавказского центра металлургии, появляются на правом берегу Днепра и в Северо-Западном Причерноморье (Братченко С.Н., Шапошникова О.Г., 1985, с. 416—419, рис. 112, б, 9). Сюда же проникает из Предкавказья определяющая, как мы увидим далее, традиция этого времени — устройство катакомбных (склеповых) погребальных сооружений.

Однако влияние на запад кавказского очага культурогенеза, достигшее нижнедунайских степей (Тоцев Г.Н., 1991, с. 97), сочетается с не менее интенсивным влиянием на север, захватившим степь и лесостепь и угасшим лишь на границе лесных массивов, примерно на широте Курск — Воронеж — Саратов (Братченко С.Н., 1989, с. 27—29).

Группа родственных памятников, составившая ядро более широкого блока культур периода средней бронзы, представлена погребениями новотитаровского типа Прикубанья и близкими им комплексами низовий Дона и Днепра, которые охватывают полукольцом Азовское море (Гей А.Н., 1999). В этих материалах впервые появляются некоторые ведущие элементы ритуала эпохи средней бронзы (например, поза костяков «скор-

¹ Например, периоды средней и поздней бронзы степного Предкавказья могут быть определены, соответственно, как кавказский и волго-уральский бронзовый век.

ченно на спине с разворотом на бок»), а также наборы культовых амулетов, содержащих так называемые молоточковидные булавки (Кияшко А.В., 1991, с. 60).

Кульминацией среднебронзовой эпохи стало возникновение катакомбного погребального обряда в том же Приазовском регионе. Это был, по всей вероятности, ренессанс мегалитических традиций новосвободненской культуры, обрамлявший уже совершенно иное культурное явление — идею склепового погребального сооружения. Момент появления катакомб, вероятно, синхронен началу постройки на Западном Кавказе каменных склепов — дольменов (Кияшко В.Я., 1979, с. 49). Именно среди самых ранних катакомб часто встречается главный признак склеповой конструкции, присущий и дольменам, — дополнительные подзахоронения умерших в одну и ту же погребальную камеру.

Возникает блок культур, объединенных обычаем сооружения склепов. Это прежде всего дольменная и раннекатакомбная культуры. Затем, уже на базе последней, в степи формируется вторичный блок развитых катакомбных культур, куда входят: донецкая, среднедонская, манычская, батуриная, днепро-азовская, ингульская.

В данном случае показательны сами названия культур и их изменение. Сначала основным признаком служит погребальное сооружение, которое в качестве культовой новации имеет эпохальный характер (Кияшко А.В., 1998, с. 19). Возможно поэтому очень трудно установить соответствующую ранним катакомбам материальную культуру, локализовать ее на определенной территории. Это типичная проблема при изучении начальных звеньев культурогенеза (Бочкарев В.С., 1995, с. 26). При дальнейшем расширении культурного ареала происходит неизбежное «размывание» идеи склепа² и на первый план выступает четкое локальное своеобразие развитых катакомбных культур, отраженное в их названиях.

Это своеобразие имеет сложное и особое в каждом случае происхождение. Можно выделить, по крайней мере, три группы факторов. Во-первых, в процессе уже отмечен-

ной выше трансформации идеологии наблюдается структурирование погребального обряда. На территории распространения классического катакомбного обряда это происходит по принципу антитезы, или бинарных оппозиций, что лишь подчеркивает структурное единство противоположных на первый взгляд обычаев³ (Кияшко А.В., 1990, с. 23; 1999, с. 16). Во-вторых, практически во всех развитых катакомбных культурах проявляются местные традиции докатакомбного времени. Особенно это касается периферийных групп, например среднедонской и полтавкинской, но некоторые проявления подобного рода характерны и для эталонной донецкой культуры. Чаще всего древние традиции сохраняются в способах изготовления и орнаментации керамики, в микродеталях погребального ритуала. Наконец, в-третьих, особый облик некоторых катакомбных групп формируется, очевидно, под влиянием или даже при непосредственном участии соседних племен. Именно так можно объяснить, например, развитый и своеобразный керамический комплекс катакомбной культуры Калмыкии, близкий керамике раннеземледельческих памятников Северо-Восточного Кавказа (Гаджиев М.Г., 1991).

Древности Волго-Донского региона, как и некоторых других территорий, например Среднего Подонья и Северо-Западного Причерноморья, опять оказываются по отношению к северокавказскому очагу культурогенеза в числе явлений третьего порядка. Здесь по-прежнему доминирует кавказский металл, но совершенно отсутствуют классические катакомбы и очень мало периферийных проявлений склеповой идеи — индивидуальных камер и подбоев (Братченко С.Н., 1976, с. 51).

В период развитой донецкой культуры население Волго-Донского междуречья вырабатывает своеобразный вариант катакомбы, где погребальная камера устроена в дне входной ямы и перекрыта деревянным настилом, — это так называемые ямы с заплечиками. Судя по набору разнообразного инвентаря, в них хоронили людей высокого социального ранга (Кияшко А.В., 1999а).

² Во всех развитых катакомбных культурах она замещается идеей индивидуального захоронения в подземной камере. На Среднем Дону, в Поднепровье и в Калмыкии происходит возврат к погребениям в ямах и подбоях.

³ Например, донецкая культура ассоциируется с таким рядом признаков обряда и инвентаря: «правобочность» и восточная «обращенность» умерших + кубковидный сосуд и жаровня; а манычская культура в ее калмыцком варианте соответственно: «левобочность» и западная «обращенность» + чугунковидный сосуд и курильница.

Таким образом, и в период средней бронзы культура населения Волго-Донского междуречья занимала периферийную позицию по отношению к северокавказскому центру этой эпохи. Делая уже во второй раз столь пессимистичный вывод о значимости данного региона в бронзовом веке, следует немного оговориться. Можно предположить, что Волго-Донской регион в периоды карпато-кавказского и кавказского преобладания находился в сфере совершенно иных взаимодействий. И если памятники репинской культуры и другие древности междуречья эпохи энеолита — ранней бронзы — ввиду их слабостью изученности пока не могут дать даже наброска этих связей, то материалы полтавкинской культуры, существующей здесь в период средней бронзы, позволяют наметить некоторые их очертания. Во-первых, относительная хронология полтавкинских памятников междуречья, не стыкующаяся с периодизацией Предкавказья, свидетельствует об их особом положении в системе древностей Юго-Восточной Европы (Кияшко А.В., 1999, с. 175, табл. 7). Во-вторых, это своеобразие более всего проявляется в самом этнически значимом признаке археологической культуры — в орнаментации керамики. Большинство полтавкинских сосудов украшено оттисками шагающей гребенки. Этот элемент орнамента имеет корни как в местном энеолите, так и в энеолитических материалах Южного Приуралья (Матюшин Г.Н., 1982, с. 116, табл. 1). Также нередки случаи орнаментации днищ полтавкинских сосудов, наличие среди них баночных и слабопрофилированных форм, сплошь покрытых орнаментом. Эти признаки имеют аналогии на востоке в памятниках бронзового века Казахстана и Южной Сибири (Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А., 1980, с. 118—120, табл. XXVII—XXIX).

Наконец, на позднем этапе бронзового века на территории Восточной Европы происходит полная переориентация культурных взаимодействий. В результате влияния ряда факторов еще во времена северокавказской средней бронзы начинает действовать волго-уральский очаг культурогенеза, что приводит к распространению на просторах Евразии изделий уральской металлургии (Бочкарев В.С., 1991; 1995). К числу проявлений этого очага относится феномен возникнове-

ния на лесном севере могильников сеймурбинского типа, содержащих обильный бронзовый инвентарь (Бочкарев В.С., 1991, с. 25). Начальным звеном новой эпохи в Волго-Уральском регионе является абашевская культура, на базе которой в прежде отсталой и периферийной зоне лесостепного Поволжья появляются памятники типа Потаповского могильника и могильника Утевка VI, входящих в яркую синташтинскую культуру (Кузьмина О.В., 1992, с. 75). К этому же хронологическому горизонту относятся покровские памятники и культура многоваликовой керамики Среднего Дона. Племена-носители последней, более всего интегрированные в культурную среду эпохи средней бронзы, осуществляют передвижение по лесостепной зоне Восточной Европы на запад, вплоть до Северо-Западного Причерноморья. Толчком к этому передвижению стала миграция носителей покровских древностей в южном и юго-западном направлении (Литвиненко Р.А., 1995, с. 82—83, рис. 1). Все эти события положили начало формированию в широком Урало-Каспийском регионе блока культур, представленного алакульскими и срубными памятниками. Расселение их носителей по следам племен покровской культуры, переориентация населения Северного Причерноморья на волго-уральский очаг культурогенеза приводят к изоляции кавказского центра эпохи средней бронзы.

Хотя эти процессы происходили в основном в лесостепи, они затронули и Волго-Донское междуречье. Памятники синташтинского культурно-хронологического горизонта здесь пока не выделены⁴, однако раннесрубный период представлен с достаточной полнотой. Это многочисленные захоронения, а также редкие, но яркие поселения (напр., Мысков Е.П., 1991, с. 145—162). К ним применяется крайне неудачный, с точки зрения их локальной специфики, термин — *срубные (раннесрубные) древности*. В то же время эти памятники содержат ряд признаков, унаследованных от местного среднебронзового периода — полтавкинской культуры Волго-Донского междуречья. Эти признаки проявляются в плавной и закономерной эволюции погребального обряда, в морфологии отдельных типов керамики (традиция остросереберных и слабопрофилированных форм), в системе расположения орнамента на сосудах (фриз

⁴ Этой проблеме в последние годы были посвящены доклады Е.П. Мыськова и Э.С. Шарафутдиновой на Рыковских чтениях в г. Саратове.

в верхней трети тулова). Механизм возрождения этих древних традиций в эпоху поздней бронзы пока не ясен, но следует отметить, что промежуточные этапы представлены позднекатакомбными и синташтинскими (?) древностями, чужеродными для населения волго-донских степей и слабо повлиявшими на местную культуру.

В заключительных фазах позднего бронзового века Волго-Донское междуречье, при определенном дефиците самобытных форм культуры, начинает выполнять функцию миграционного коридора. Очевидно, одним из начальных доказательств этого могут служить сконцентрированные здесь погребения с черкаскульско-федоровскими элементами обряда и инвентаря (Мыськов Е.П., 1992, с. 86—96). Цепочка таких комплексов продолжается по правобережью Нижнего Дона и так до Поднепровья. Эта археологически засвидетельствованная миграция из Азии в Европу представляет собой обычное явление в ряду более поздних переселений.

Итак, в эпоху поздней бронзы Волго-Донской регион становится своего рода мостом между частями света. Этому способствует активизация волго-уральского очага культурогенеза: формирование здесь так называемого комплексного общества во главе с военной знатью (памятники синташтинского горизонта); периодические «выплески» из этого очага в процессе образования новых культур — алакульской, черкаскульской (Бочкарев В.С., 1991, с. 26—27).

Тем не менее сегодня еще довольно слабо изучен энеолит Волго-Донского междуречья, не решен ряд проблем эпохи средней и поздней бронзы. Дальнейшие исследования, очевидно, позволят уточнить либо пересмотреть изложенные в этой статье выводы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнов С.А., 1979. *Этнографическая наука и изучение культурной динамики* // Исследования по общей этнографии. М.
- Арутюнов С.А., 1985. *Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность* // Этнографические исследования развития культуры. М.
- Бочкарев В.С., 1990. *Факторы развития металлообрабатывающего производства южной половины Восточной Европы в эпоху поздней бронзы* // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии: Тез. докл. конф. Л.
- Бочкарев В.С., 1991. *Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы* // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте: Материалы методолог. семинара ИМК АН СССР. СПб.
- Бочкарев В.С., 1995. *Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы* // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы: Материалы конференции. Саратов; СПб.
- Братченко С.Н., 1976. *Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы*. Киев.
- Братченко С.Н., 1989. *Катакомбные культуры Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья* // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тез. докл. конф. Донецк.
- Братченко С.Н., Шапошникова О.Г., 1985. *Катакомбная культурно-историческая общность* // Археология Украинской ССР. Т. I. Первобытная археология. Киев.
- Брей У., Трамп Д., 1990. *Археологический словарь*. М.
- Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А., 1980. *Памятники окуневской культуры*. М.
- Гаджиев М.Г., 1991. *Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа*. М.
- Гей А.Н., 1999. *Новотитаровская культура*. М.
- Городцов В.А., 1905. *Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года* // Тр. XII АС. Т. I. М.
- Качалова Н.К., 1985. *Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья* // Срубная культурно-историческая общность. Самара.
- Кияшко А.В., 1990. *Ранний этап катакомбной культуры на Нижнем Дону: Автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Л.
- Кияшко А.В., 1991. *К вопросу о взаимодействии степных и кавказских культурных традиций в эпоху бронзы* // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы: Тез. докл. междунар. симп. Л.
- Кияшко А.В., 1998. *Полтавкинские подбойные погребения низовий Волги и Дона* // Нижневолжский археологический вестник. Вып. I. Волгоград.
- Кияшко А.В., 1999. *Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья*. Волгоград.
- Кияшко А.В., 1999а. *Волго-донские погребения эпохи средней бронзы в ямах с заплечи-*

ками // *Нижневолжский археологический вестник*. Вып. 2. Волгоград.

Кияшко В.Я., 1979. Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе // *Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. конф.* Донецк.

Кияшко В.Я., 1994. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V— III тыс. до н. э.) // *Донские древности*. Вып. 3. Азов.

Кияшко В.Я., Кияшко А.В., 1992. К вопросу о связях племен Подонья—Приазовья и Кавказа в бронзовом веке // *Историческая география Дона и Северного Кавказа*. Ростов-на-Дону.

Кривцова-Гракова О.А., 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // *МИА*. № 46. М.

Кузьмина О.В., 1992. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара.

Литвиненко Р.А., 1995. Территориально-хронологические соотношения культур многоваликовой керамики и доно-волжской абашевской // *Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы: Материалы конференции*. Саратов. СПб.

Манзура И.В., 1990. Переходный период от энеолита к эпохе бронзы в Нижнем Поднестровье и Попрутье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Массон В.М., 1996. Исторические реконструкции в археологии. Самара.

Матюшин Г.Н., 1982. Энеолит Южного Урала. М.

Мерперт Н.Я., 1968. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III— начало II тыс. до н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.

Мысков Е.П., 1991. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья // *СА*. № 4. М.

Мысков Е.П., 1992. Новые памятники позднебронзового века в Волго-Донском междуречье // *Археология восточноевропейской степи*. Саратов.

Рысин М.Б., 1997. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // *Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации)*. СПб.

Синюк А.Т., 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж.

Тоцев Г.Н., 1991. Западный ареал памятников катакомбной культуры // *Катакомбные культуры Северного Причерноморья: Сб. науч. тр.* Киев.

Трифонов В.А., 1991. Особенности локально-хронологического развития майкопской культуры // *Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы: Тез. докл. междунар. симп.* Л.

SUMMARY

DYNAMICS OF CULTURAL CHANGES IN THE STEPPES OF EASTERN EUROPE IN THE BRONZE AGE

A.V. Kiyashko

In the article — on the base of a broad series of materials of the Bronze Age in Eastern Europe — we take an attempt of discussing the epochal tendencies of cultural development.

The theoretical basis of the research is not the traditional view of the universal stage-development of the Bronze Age Cultures (scheme by V.A. Gorodtsov) but the scheme offered by V.S. Bochkaev. In consequence with this scheme there were three big centres of cultural genesis in the East-European area — the Carpathians-Balkans, Caucasian and Uralian regions. There were generated traditions which afterwards spread and formed blocks of cultures.

The author focuses his attention on the dynamic development of the Caucasian centre and to the place of the Volga-Don antiquities in the system of the Bronze Age Cultures.

ГЛАВНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Л.Т. Яблонский

С географической точки зрения Южным Приаралем называют регион, ограниченный современными и древними дельтовыми протоками Амударьи. Площадь, занятая дельтой Сырдарьи, относится к Юго-Восточному Приаралью (рис. 1).

С древнейших, по меньшей мере неолитических, времен Южное Приаралье археологически и антропологически составляло неотъемлемую часть евразийских степей (Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1986), хотя в силу экологических особенностей, связанных с непостоянным режимом водостока Амударьи, эта территория всегда имела собственную культурную специфику.

Западная, так называемая Присарыкамьшская, дельта Амударьи ныне представляет собой открытую аллювиальную равнину, образованную в основном многочисленными дельтовыми протоками Амударьи (рис. 2). Некоторые из них хорошо выделяются визуально. Геоморфологическую основу дельты составляют такыры, местами сильно запесоченные, местами перекрытые труднопроходимыми барханами. Заметную часть местного пейзажа образуют многочисленные останцовые возвышенности, которые концентрируются в основном в западной части древней дельты, в непосредственной близости от северной кромки Заунгузских Каракумов и Сарыкамьшской впадины. На поверхности этих возвышенностей расположены многочисленные диахронные курганные могильники, относящиеся к эпохе раннего железного века.

Периодическое смыкание дельтовых проток обеих рек обеспечивало существование широтных культурно-генетических связей, что было характерно, в частности, для раннесакской эпохи (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997).

Вместе с тем Южное Приаралье, и особенно Присарыкамьшская дельта Амударьи, являлось относительно изолированным районом. С юга он был ограничен труднопроходимыми песками коренных Каракумов; с северо-запада — каменистым, покрытым солончаками и почти постоянно безводным плато Устюрт; с запада — Сарыкамьшским озером и Заузбойским плато, плотность ант-

ропогенного покрова которого полностью зависела от непостоянного стока вод по руслу Узбоя; далее к западу — практически безводными пространствами Закаспийской низменности; с севера — зеркалом соленого Аральского моря и периодически сухими или заболоченными Северной и Акчадарьинской дельтами Амударьи. Тем не менее эти границы никогда не были непроницаемыми, и периодически на территории Южного Приаралья появлялись генетически и культурно разнородные популяции, которые активно вмешивались в специфику локальных этногенетических процессов.

Здесь мы лишь точно обозначим наиболее яркие моменты, связанные с воздействиями миграций на эти процессы в регионе.

Доахеменидский период

Собственно говоря, даже отправной точкой местного этногенеза в раннем железном веке стала миграция сюда гетерогенных кочевых популяций.

В конце II — самом начале I тыс. до н. э. в волго-уральских, североказахстанских, монгольских степях происходят глобальные климатические изменения. В палеоэкологическом отношении они были ознаменованы сдвигами природных поясов, изменениями в составе почв, степени атмосферной увлажненности. В историческом аспекте эти изменения стали причиной повсеместного кризиса культур эпохи поздней бронзы, активного и разнонаправленного перемещения степных и лесостепных групп населения, активизации процессов культурной и генетической диффузии, процессов, которые в конечном счете и привели к формированию культур сакского типа в восточном ареале степи.

Очевидно, именно с экологическим кризисом надо связывать почти полное отсутствие археологических памятников VIII—VII вв. до н. э. на значительных территориях от Дуная до Южного Приуралья (Железников Б.Ф., Сергацков И.В., Скрипкин А.С., 1995). В это же время начинается резкая аридизация и усиление континентальности климата в районах Центральной Монголии, сопровождавшиеся остепнением лугово-кашта-

новых почв горных долин. Сходные процессы происходят в Барабинской лесостепи (сводку данных см.: Демкин В.А., 1997, табл. 11). В то же время на севере Казахстана именно для этого периода отмечается начало увлажнения степи, что, в частности, привело к проникновению на юг популяций, чей культурно-хозяйственный тип сложился в устойчивой зоне лесостепей и южной кромки лесов. Вместе с тем наблюдается расширение ареала степных культур на север — до территории Зауралья, Южного Приуралья и Башкирии (Хабдулина М.К., Зданович Г.П., 1984, с. 153—154).

Начало приаральского этногенеза эпохи раннего железного века было связано с этими изменениями самым непосредственным образом.

В неолитический период Присарыкамьшская дельта Амударьи была занята носителями кельтеминарской культуры. В эпоху бронзы в связи с активным функционированием Акчадарьинской дельты произошло осушение (Вайнберг Б.И., 1991а, с. 126) или заболачивание (Итина М.А., 1977, с. 32) присарыкамьшских протоков. В любом случае территория Присарыкамьшья оказалась непригодной для постоянного обитания. Локальные поселения амирабадского типа возникают здесь не ранее VIII в. до н. э. и исчезают, по-видимому, в конце этого столетия (подробнее об этом см.: Вайнберг Б.И., 1991а, с. 126).

В конце VIII в. до н. э. (Яблонский Л.Т., 1991а) или в VII в. до н. э. (Вайнберг Б.И., 1991а,б) здесь появляются поселения и могильники куюсайской культуры (Вайнберг Б.И., 1979а) и синхронные им могильники сакского типа (Яблонский Л.Т., 1986; 1996). Независимо от решения дискуссионного вопроса о типологической принадлежности куюсайской культуры (Итина М.А., 1979), совершенно очевидно, что только с появлением здесь ранних скотоводов Присарыкамьшье вновь становится очагом этно- и культурогенеза. Локальные популяции, заселившие этот регион, не имеют здесь собственных корней и, по сути, являются мигрантами.

В начале I тыс. до н. э. вода в Акчадарьинских руслах стала иссякать, что способствовало их запустению. На территории Акчадарьинской дельты, по устным сообщениям специалистов в области археологии Хорезма, были сделаны подъемные находки наконечников стрел раннесакского типа. Однако закрытые погребальные комплексы ран-

несакского времени здесь не известны, стратифицированные поселения сакского типа не исследованы. Стоянка Якке-Парсан XIV, которая по керамическому материалу может быть датирована раннесакским временем, наследует в трансформированном виде традиции амирабадской культуры, но не имеет здесь собственного продолжения (Итина М.А., 1977, с. 171—172). Таким образом, вероятно, что территорию Акчадарьинской дельты следует исключить из очагов раннего этно- и культурогенеза саков Приаралья.

На территории Присарыкамьшья к доахеменидскому периоду относятся поселение Куюсай-II и могильник куюсайского типа Тумек-Кичиджик, возможно, могильник Тарым-кая I, раскопанные Б.И. Вайнберг (1979а,б), а также могильники и отдельные захоронения типа Сакар-Чага (Яблонский Л.Т., 1991а; 1996).

Представления о монокультурности скотоводческого населения области в доахеменидский период и о невхождении Присарыкамьшья в сакский культурный ареал (Вайнберг Б.И., 1979б; 1992) изменились после раскопок могильников сакарчагинского типа (Яблонский Л.Т., 1986; 1996). Было признано, что на начальном этапе формирования куюсайской культуры (конец VIII — середина VI в. до н. э.) здесь происходило взаимодействие разных по происхождению и культурным традициям групп населения (Вайнберг Б.И., 1991а, с. 126; 1991б, с. 10; Яблонский Л.Т., 1991б).

Большинство погребений в могильниках Тумек-Кичиджик и Тарым-кая I (Вайнберг Б.И., 1979а) были совершены в узкопрямоугольных неглубоких ямах (рис. 3). Преобладает широтная (западная или восточная) ориентировка захороненных. Хоронили в вытянутом положении на спине, но в могильнике Тарым-кая I значительную долю составляют скорченные положения погребенных на правом или левом боку. Встречаются захоронения полурасчлененных тел, а также многоактные захоронения в общую камеру, сопровождавшиеся перемещением относительно более ранних скелетов. Инвентарь в целом беден. Чаще всего это лепной сосуд, установленный в головах погребенного.

Характер погребальных камер, широтная ориентировка, сочетание в погребальном обряде вытянутых и слабо скорченных костяков, бедность сопровождающего инвентаря — все это признаки, характерные для захоронений времени переходного от эпохи

бронзы к раннему железному веку и связанные именно с восточным ареалом срубной культуры (Дворниченко В.В., Коренько В.А., 1989, с. 149—150). Захоронения расчлененных трупов также известны по материалам срубной культуры и в тех могильниках эпохи поздней бронзы Кавказа и Средней Азии, которые связываются с передвижениями племен срубного типа культуры (обзор данных см.: Яблонский Л.Т., 1996, с. 28).

Основные характеристики погребального обряда куюсайских могильников заставляют вспомнить давнюю гипотезу Б.Н. Гракова (1954, с. 167) о последней волне миграции срубных племен из Поволжья на юг в конце VIII — начале VII в. до н. э. Эта гипотеза хорошо вписывается в современные представления о миграциях населения позднейших этапов срубной культуры не только в причерноморские степи и Предкавказье (Козенкова В.И., 1982), но и на территорию Средней Азии (обзор данных см.: Кузьмина Е.Е., 1994, с. 226 и след.).

В то же время сакарчагинские могильники по общим характеристикам погребального обряда (рис. 4) обнаруживают параллели с памятниками эпохи поздней бронзы и раннего железа азиатской части степей, и прежде всего дельты Сырдарьи. К числу объединяющих признаков погребального обряда можно отнести следующие: сочетание в погребальных комплексах кремации и ингумации; сосуществование захоронений в ямах и на поверхности древнего горизонта; способы кремации с неполным сожжением тела умершего и возведением насыпи над непогасшим еще кострищем; сооружение кольцевых костров вокруг погребальных площадок; столбовые конструкции в ямах и на поверхности древнего горизонта; камышовые настилы в пределах погребальных площадок и по дну могильных ям; сожжение деревянных перекрытий могил. Список этих совпадений можно было бы продолжить.

Краниологический комплекс, зафиксированный в могильниках Тумек-Кичиджик и Тарым-кая I (Трофимова Т.А., 1974а, 1979; Яблонский Л.Т., 1996), специфичен и уникален для территории Средней Азии и Казахстана в целом. Черепа из этих могильников характеризуются резкой долихокранией при очень большом высотном диаметре мозговой коробки. Их лицевой скелет резко профилирован. В целом черепа очень массивные и гиперморфные. Степень выраженности протоморфных европеоидных особенностей в се-

рии такова, что Т.А. Трофимова писала о сходстве их с черепами ямной культуры. Однако Т.П. Кияткина (1983, с. 60—61) показала, что куюсайский краниологический комплекс на самом деле отличается от ямного еще большей массивностью и еще более резко выраженными европеоидными особенностями. Отмечу, что в этом же направлении идут различия между куюсайскими и тазабагыябскими черепами, представляющими эпоху бронзы Акчадарьинской дельты (сводку данных см.: Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1986).

Совершенно иной краниологический вариант демонстрируют черепа сакарчагинской группы. Мужские черепа брахикранные, относительно небольших размеров, со средними параметрами хорошо профилированного лицевого скелета. Женская серия по форме и относительным размерам мозговой коробки повторяет направление изменчивости мужской, но горизонтальная профилировка лицевого скелета у них ослаблена, носовые кости выступают умеренно. Эти признаки могут свидетельствовать о наличии в женской серии монголоидной примеси. По основным показателям сакарчагинские черепа хорошо вписываются в диапазон вариаций краниологических признаков, характерных для сакских серий Казахстана. Монголоидная примесь у женских черепов выражена не так ярко, как у казахстанских (могильник Уйгарак), но на внутrigрупповом уровне наблюдается та же тенденция — монголоидные особенности отчетливее выражены именно в женской серии.

Как бы то ни было, и археологические, и антропологические данные свидетельствуют о наличии на территории Присары-камышья раннесакского времени по меньшей мере двух культурных и антропологических компонентов. Один из них имеет волго-уральское происхождение, а другой — восточное. Оба компонента и легли в основу единой куюсайской культуры (Вайнберг Б.И. 1991а, с. 20; 1991б, с. 11—13; Яблонский Л.Т., 1996, с. 67). Но следует признать, однако, что в доахеменидский период на ранних стадиях взаимодействия сумма культурных различий между обеими группами была весомее, чем сумма сходных характеристик их материальной культуры.

Не исключено, что именно это взаимодействие легло в основу формирования тех групп населения Южного Приаралья, которые стали носителями архаической раннегосударственной кюзелигырской культуры Хо-

реза и которые положили начало становлению собственно хорезмийского этноса.

Нижняя дата кюзелигырской культуры остается дискуссионной. М.Г. Воробьева (1979, с. 39, 42) писала, что первая половина VI в. до н. э. (то есть доахеменидское время) — довольно надежная дата для нижних слоев Кюзели-гыра, хотя при этом она не исключала и VII в. до н. э. Позже О.А. Вишневская и Ю.А. Рапопорт (1997) обратили внимание на комплекс весьма архаических материалов из Кюзели-гыра. В него входят такие разнородные элементы, как пропорции сырцовых кирпичей, близкие к тем, что были зафиксированы в некрополе эпохи поздней бронзы Северный Тагискен, керамика, типологически сходная с сосудами типа Кобадан I, Анау IV, Яз II, бронзовые двухлопастные черешковые и втульчатые наконечники стрел, типологические аналоги которых восходят к VIII в. до н. э., бронзовые псалии, имеющие аналоги в раннем кургане Уйгарака, конусообразные предметы, выполненные из сырцовой глины и имеющие очевидные типологические аналоги в мавзолеях Северного Тагискена, длинные однолезвийные бронзовые ножи со слабо выделенной рукоятью, каменный жертвенник на ножках, бирюзовые каплевидные вставки для серег, имеющие прямые аналоги на Сырдарье и в раннесакских памятниках Присарыкамышья. С учетом этих находок авторы делают осторожный вывод о том, что строительство Кюзели-гыра разворачивается примерно на рубеже VII—VI вв. до н. э. (с. 171).

Со своей стороны я уже отмечал, что керамика явно кюзелигырского типа была обнаружена в погребальных комплексах раннесакского типа Присарыкамышья (Яблонский, 1996, рис. 10, 3, 4; рис. 34, 2, 6). После публикации статьи Вишневской и Рапопорта к прямым аналогам предметов материальной культуры из Кюзели-гыра, с одной стороны, и курганных комплексов этого района — с другой, нужно добавить бронзовые ножи (Яблонский Л.Т., 1996, рис. 17, 67, 68), псалии с конусовидным окончанием (Яблонский Л.Т., 1996, рис. 18, 1, 2), бронзовый вток (Яблонский Л.Т., 1996, рис. 21, 1) (по Вишневской и Рапопорту — подвеска), бирюзовые вставки от серег (Яблонский Л.Т., 1996, рис. 7, 7; рис. 19, 11), однотипные наконечники стрел (Яблонский Л.Т., 1996, рис. 35).

Таким образом, предположение о том, что «саки» и «куюсайцы» Присарыкамышья составили основу населения кюзелигырского типа или, во всяком случае, вошли в него в

качестве одного из слагающих компонентов, становится все более и более оправданным.

Ахеменидский период

Погребальный обряд раннесакского времени (коллективные и индивидуальные захоронения на поверхности горизонта и в разнотипных ямах), совершавшийся по принципу ингумации или кремации, просуществовал здесь, по одним данным, до рубежа VII—VI вв. до н. э. (Яблонский Л.Т., 1996), а по другим (Вайнберг Б.И., 1991а) — до середины VI в. до н. э. Как бы то ни было, сегодня можно смело утверждать, что не позже чем к середине VI в. до н. э. происходит кризис сакской культуры в Присарыкамышье. Это явление нашло отражение не только в данных погребального обряда, но и в палеоантропологических материалах. Весьма специфические краниологические комплексы, присущие раннесакскому населению, в «чистом» виде уже не фиксируются больше в присарыкамышских погребениях 2-й пол. I тыс. до н. э. И на этот раз нет никаких оснований предполагать, что причиной кризиса классической культуры сакского типа стали изменившиеся экологические обстоятельства. Тому есть прямые и косвенные доказательства.

Прямое доказательство состоит в том, что после обводнения Присарыкамышской дельты в начале I тыс. до н. э. этот режим стабильно сохраняется здесь, во всяком случае на протяжении всего этого тысячелетия (Вайнберг Б.И., 1997, с. 25). Косвенные доказательства предоставляет этнокультурная историческая ситуация, сложившаяся в раннесакское время на Нижней Сырдарье. В сакском погребальном обряде VII — 1-й пол. VI в. до н. э. прослеживаются многочисленные параллели с Присарыкамышьем. Эти параллели обнаружены не только в признаках погребальным камер, но и в типологическом составе сопровождающего инвентаря (Яблонский Л.Т., 1996). В середине VI в. до н. э. на Нижней Сырдарье происходит смена типологического состава инвентаря, что может быть обусловлено переориентацией местного населения на иные металлургические и культурные центры, бывшие для них источником приобретения предметов вооружения, сменой тактики ведения боя. Однако не вызывает сомнений факт, что сакская культура, пусть в трансформированном виде, доживет здесь в сходных с Амударьей экологических условиях до начала V в. до н. э. (Ити-на М.А., Яблонский Л.Т., 1997).

Следовательно, кризис сакской культуры Присарыкамышья наступил в результате обстоятельств, не имевших места на Сырдарье. Таким обстоятельством могло быть подчинение Хорезма Ахеменидами после их походов на Среднюю Азию в последней трети VI в. до н. э. Тогда мы имели бы дело с классическим проявлением военного кризиса, сопровождавшегося вероятными потерями скота, что и могло привести к гибели классической культуры скотоводов.

Однако кризис сакской культуры в Присарыкамышье произошел, очевидно, еще в доахеменидское время и был связан с возникновением здесь древнегосударственной архаичной (кюзелигырской) культуры. Недавние публикации, связанные с раскопками на городище Кюзели-гыр, недвусмысленно утверждают, что возникновение кюзелигырской культуры Хорезма надо относить к доахеменидскому времени, она уже сформировалась как культурно-историческое явление не позднее рубежа VII—VI вв. до н. э., а не во 2-й пол. VI в. до н. э., как думали раньше (Рапопорт Ю.А., 1996, с. 56; Итина М.А., Левина Л.М., Неразик Е.Е., Рапопорт Ю.А., 1996, с. 24; Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А., 1997, с. 150). Можно по-разному относиться к степени доказательности интересной гипотезы Ю.А. Рапопорта (1996, с. 56) о том, что именно саки Присарыкамышья стали создателями хорезмийского государства и кюзелигырской культуры. Окончательному признанию этой гипотезы мешает отсутствие погребений кюзелигырской культуры и, следовательно, краниологических материалов. Но факт векового сосуществования «сак» и «кюзелигырцев» на ограниченном пространстве в дельте Амударьи никаких сомнений уже не вызывает. Археологически известно, чем закончилось это сосуществование — развитием кюзелигырской культуры на протяжении всего ахеменидского периода в истории Хорезма и эволюционным перерастанием ее в культуру Хорезма эпохи античности, с одной стороны, и полным исчезновением на этой территории культуры собственно сакского типа — с другой.

Не исключено, что кризис этой культуры сопровождался еще проявлениями социально-потестарного кризиса (Шнирельман В.А., 1991, с. 19). Он стал причиной вытеснения и переселения части населения недовольного политикой, которая навязывалась группами, захватившими на данной территории социальное лидерство.

«Кангюйский» (койкрылганский) этап

На рубеже V—IV вв. до н. э. Хорезм фактически достигает политической независимости от ахеменидской державы, и это время становится началом развития нового, «кангюйского» этапа развития хорезмийской государственности. Очевидно, стремясь подчеркнуть культурно-типологическую дифференциацию собственно Хорезма и летописного Кангюйского царства, группа исследователей (Итина М.А., Левина Л.М., Неразик Е.Е., Рапопорт Ю.А., 1996) предложила заменить традиционный для обозначения этого этапа термин «кангюйский» на «койкрылганский» (по эталонному памятнику хорезмийской археологии Кой-Крылган-кале). Датировка нижнего хронологического рубежа этой эпохи оспаривается только Б.И. Вайнберг (1991, с. 84), которая устанавливает его в середине IV в. до н. э. Верхний хронологический рубеж также археологически определяется не очень четко. Если раньше его уверенно проводили через II в. до н. э., то теперь не исключают возможности доводить его до I в. до н. э. Такая постановка вопроса представляется правильной еще и потому, что как раз рубеж II—I вв. до н. э. ознаменован разгромом и последующим запустением многих крепостей и поселений Хорезма античного периода. Специалисты по-разному объясняют причины этого опустошения. Одни (Итина М.А., Левина Л.М., Неразик Е.Е., Рапопорт Ю.А., 1996, с. 25) связывают его с натиском кочевых племен, участвовавших в разгроме Греко-Бактрии, другие (Вайнберг Б.И., 1991а, с. 39—40) — с религиозной реформой, которая, в частности, привела к окончательному уничтожению культовых построек с круглой планировкой типа Кой-Крылган-кала, Калалы-гыр II и Гяур III.

Важно, что именно к этому времени относят выпуск древнейших хорезмийских монет и ввод собственного хорезмийского летоисчисления, что, по мнению ученых (Итина М.А., Левина Л.М., Неразик Е.Е., Рапопорт Ю.А., 1996, с. 25), является результатом обретения экономической независимости от «Кангюя». В Хорезме воцаряется новая династия.

Именно в начале этой эпохи, на рубеже V—IV вв. до н. э., на территории левобережного Хорезма, после длительного перерыва, появляются новые подкурганские могильники. Этот археологически фиксируемый факт нельзя не связать с общей исторической канвой внутривосточной ситуации в

регионе. Так, Б.И. Вайнберг (1991а, с. 46; 1991б, с. 136) считает, что в послеахеменидский период хорезмийское государство занимает протекционистскую позицию по отношению к скотоводам, расселившимся на территории левобережного Хорезма.

Археологически появление в Присарыкамышье новой волны скотоводов обозначено коллективными захоронениями в ямах с дромосами (Яблонский Л.Т., 1998) и захоронениями в могилах с подбоями (Яблонский Л.Т., 1986).

Не исключено, что появление новых скотоводческих коллективов на периферии Хорезма было обусловлено и внешним фактором (экологическим). Дело в том, что именно на IV—II вв. до н. э. падает период довольно резкой аридизации ландшафтов в степях Приуралья (Демкин В.А., Рысков Я.Г., 1996; Демкин В.А., 1997, с. 158), что и стало причиной массового оттока кочевого населения, в частности из Южного Зауралья (Таиров А.Д., 1995). Однако процесс аридизации и запустынивания степей не носил глобального характера. По данным Я.Г. Рыскова и В.А. Демкина (1997, с. 144), в пределах Южного Приуралья динамика природной обстановки не выходила за рамки степных-сухостепных условий и оставалась более благоприятной для жизнедеятельности. Это явилось одной из причин концентрации в Южном Приуралье популяций сарматского культурно-хозяйственного типа на начальной стадии формирования этой культуры. Концентрация кочевников, очевидно, привела здесь к демографическому кризису, который во многом и обусловил волнообразные и разнонаправленные миграции сарматов на протяжении III—II вв. до н. э. не только на запад (Железчиков Б.Ф., 1983; Скрипкин А.С., 1990), но и на юг, в оазисы Средней Азии (Скрипкин А.С., 1984; 1990). Заметные параллели в некоторых признаках погребального обряда классических сарматов и хорезмийских скотоводов позволяют предполагать, что и территория Присарыкамышской дельты Амударьи в этот период оказалась открытой для мигрантов из приуральских степей.

Антропологические данные со всей очевидностью свидетельствуют о резких переменах в физическом типе приаральских скотоводов по сравнению с предшествующей, раннесакской эпохой. Они не позволяют полностью исключить факт участия «куюсайского» населения в процессе формирования антропологического облика скотоводов Хорез-

ма 2-й пол. I тыс. до н. э. Вместе с тем участие это было эпизодическим. Данные краниологии со всей определенностью свидетельствуют об общем (на высоком таксономическом уровне) происхождении сарматских и присарыкамышских популяций кангюйской эпохи. При этом географическая прародина общего краниологического комплекса лежит за пределами Южного Приаралья и располагается, вероятно, в степях Приуралья и Зауралья савроматского времени.

Этому предположению не противоречат и данные археологии. Вместе с коллективными захоронениями в ямах с дромосами и с подбоями в Южном Приаралье впервые появляется лепная круглодонная керамика (рис. 5), совершенно не характерная для местных керамических комплексов предшествующих эпох.

Вместе с тем в Южном Приаралье нет некрополей, которые по комплексу признаков могут рассматриваться в качестве принадлежащих этническим сарматам. Исключительная неустойчивость ориентировки погребенных, отсутствие в захоронениях набора сопровождающего инвентаря, свойственного кочевническому погребальному обряду той эпохи, и прежде всего предметов вооружения, обычай многоактности захоронений в подбойных нишах, сопровождавшийся передвижкой скелетов людей, погребенных в этих нишах ранее, — все это говорит о постепенности и спорадичности, волнообразности миграционных процессов, что привело к известному синкретизму погребального обряда. Этот синкретизм возник на основе гетерогенности самих мигрантов, которая наложилась к тому же на местные культурные и идеологические традиции.

В общеисторическом плане заселение Присарыкамышья культурно неоднородными группами скотоводов восточного ареала степи и лесостепи было результатом общих подвижек, в основе которых лежали события как военно-политического (Дандамаев М.А., 1963), так и экологического (Рысков Я.Г., Демкин В.А., 1997) плана. В ходе этих событий в степях Южного Приуралья формируется раннесарматская (прохоровская) культура, антропологическая гетерогенность которой сомнения не вызывает (Яблонский Л.Т., 1997).

Параллельно, но на близкой культурно-антропологической основе в Южном Приаралье идет формирование культурно обособленной группы хорезмийских скотоводов. Спе-

цифика этого процесса дополнительно подчеркивается здесь обычаем искусственно деформировать голову (затылочно-теменная деформация). Для населения раннесарматского культурного круга этот тип деформации неизвестен.

Заметный синкретизм погребального обряда среднеазиатских скотоводов (получивший в археологической литературе странное название «сарматоидный») объясняется многокомпонентной основой, имеющей исходно общие черты в погребальных обычаях популяций, сформировавших собственно сарматский этнос.

Однако не позже чем для середины IV в. до н. э. в погребальном обряде Присарыкамышья отчетливо намечаются тенденции, окончательно обозначающие необратимый процесс культурной и этнической дивергенции приаральских и приуральских скотоводов. Прежде всего речь идет о массовом переходе хорезмийцев к обряду захоронения предварительно очищенных человеческих костей в сосудах-оссуариях. В «чистом виде» наиболее ранние проявления этого обычая были археологически зафиксированы в подкурганых захоронениях могильника Тарым-кая I (Вайнберг Б.И., 1979а). Примерно к этому же времени относятся редкие, правда, случаи перезахоронения костей скелетов в хумчевидные сосуды (подбойные погребения могильника Сакар-Чага I), маркирующие первые шаги перехода от использования ингумации к оссуарному обряду погребения. Поистине массовый переход к этому обряду, судя по археологическим данным, которыми мы располагаем на сегодняшний день, происходит не ранее I в. до н. э., быть может середины II в. до н. э., в позднекангюйское время, наступление которого было ознаменовано уже отмеченными выше глобальными переменами в общем процессе исторического развития Хорезма.

В системе археологической периодизации памятников Хорезма новый этап получил название «позднекангюйский». Продолжительность этого периода в датах абсолютной хронологии определяется в пределах середины II в. до н. э. — I в. н. э. (Неразик Е.Е., 1974, с. 43).

Согласно моим представлениям, именно в этот период на территории левобережного Хорезма появляются захоронения с классическим для кочевников инвентарем — богатым комплексом предметов вооружения, который включал, в частности, сложносос-

тавные луки «гуннского» типа (рис. 7, 1—5). Эти кочевники принесли с собой и разнотипные керамические сосуды, которые, тем не менее, объединяются в одну группу, чужеродную для Хорезма. В этой группе присутствуют сосуды, имеющие парфянское происхождение (Маслов В.Е., Яблонский Л.Т., 1996). Разнотипны и погребальные камеры, среди которых встречаются ямы без дополнительных конструкций, ямы с подбоями, ямы с катакомбами, ямы с продольными запелечиками и деревянными перекрытиями. Важно заметить, что именно этого периода захоронения в катакомбах впервые фиксируются на территории Южного Приаралья.

Разнотипность погребальных камер и керамики, скорее всего, говорит о культурной неоднородности этих кочевых групп. В свою очередь данные палеоантропологии свидетельствуют, с одной стороны, об их гетерогенности, а с другой — об антропологической специфике по отношению к тем популяциям, которые были признаны собственно хорезмийскими. Те могильники, которые мы рассматривали как относительно наиболее ранние в этой серии (Гяур IV, некоторые захоронения Тумека-Кичиджика и Тарым-кая I), дали немногочисленные и компактные группы погребений.

Краниологические материалы из могильника Гяур IV демонстрируют физические отличия популяции, оставившей этот могильник, от собственно хорезмийских. Захоронения этого типа принадлежат, по-видимому, первым группам кочевников, которые откатывались на север после военно-политических событий, связанных с падением Греко-Бактрийского царства. Погребальные комплексы с типологически аналогичным набором вооружения, и тоже немногочисленные, появляются в это время и на Узбое (Юсупов Х., 1986).

Культурно-однотипные, но относительно более поздние (I—III вв. н. э.) могильники на возвышенности Туз-гыр (а также, вероятно, Мангыр и Шахсенем) насчитывают уже десятки, а то и сотни курганов, содержащих подбойные и катакомбные захоронения (Лоховиц В.А., Хазанов А.М., 1979, с. 111). Столь представительных некрополей этого времени нет ни на Узбое, ни на Устюрте. Это может говорить о том, что Заузбойское плато и Устюрт в самом конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. стали ареной передвижения с юга кочевых групп, но их постепенная концентрация происходила имен-

но на территории левобережного Хорезма. И это, очевидно, не случайно.

Определяя этнокультурную принадлежность памятников этого типа, исследователи отмечали их исключительное сходство с курганными могильниками Бухарского оазиса и Ферганы (Лоховиц В.А., 1968, с. 156—167) и полагали, что эти могильники на территории Присарыкамышья были оставлены пришлыми группами, в которых присутствовал «определенный сарматский или сарматоидный элемент» (Лоховиц В.А., Хазанов А.М., 1979, с. 129). Б.И. Вайнберг (1979б, с. 175), подчеркивая культурную (по отношению к синхронным хорезмийским поселениям) специфику тузгырских погребений, констатировала, однако, прочные экономические отношения оставивших их людей с населением соседних земледельческих оазисов.

Т.А. Трофимова (1974б), которая опубликовала материалы по черепам из юго-западной группы тузгырских могильников, отметила, во-первых, их сходство с сарматскими, а во-вторых, — с черепами из синхронных оссуарных захоронений в крепости Калалы-гыр I. Необходимо уточнить, однако, что наибольшее сходство тузгырская мужская краниологическая серия обнаруживает с черепами из коллективных и подбойных захоронений могильника Сакар-Чага I, погребального комплекса, который, по всем данным, был оставлен аборигенами Хорезма. В этот же кластер попадают черепа из относительно более ранних оссуарных захоронений могильника Тарым-кая II, собственно хорезмийская принадлежность которого сомнений не вызывает.

В упомянутой статье Т.А. Трофимова делает важный и достаточно надежно обоснованный вывод о том, что, несмотря на общее сходство, черепа из подбойно-катакомбных могильников Средней Азии демонстрируют и признаки определенной гетерогенности популяций, оставивших эти могильники. С этой точки зрения *исключительное сходство* тузгырской серии с сериями заведомо хорезмийского происхождения дает возможность высказать важное предположение. Оно состоит в том, что юго-западная группа курганов на возвышенности Туз-гыр была оставлена популяцией *хорезмийских* скотоводов, которые приняли участие в греко-бактрийских событиях и затем вернулись на территорию своей прародины. Именно это и обеспечило им возможность не только свободного расселения на территории Хорезма, но и без-

болезненного вступления в разнообразные по форме контакты с местной властью и земледельцами локальных присарыкамышских оазисов. Тем не менее какое-то время (его продолжительность невозможно установить методами археологического датирования) они сохраняли здесь традиции погребального обряда, которые они приобрели за время обитания вне хорезмийской территории.

Некрополи Присарыкамышья позднекангюйского времени позволяют проследить и другую, параллельную этногенетическую линию, связанную с непрерывным культурно-историческим развитием населения скотоводческой периферии Хорезма. Эта линия и археологически, и антропологически ярко проявляется в материалах оссуарных кладбищ.

Кушано-афригидский период

Особое место среди памятников кушано-афригидского периода в левобережном Хорезме занимают захоронения, которые содержали предварительно очищенные кости людей с искусственно деформированными (кольцевой тип деформации) головами. Эталонным памятником в этом смысле является могильник Ясы-гыр IV. Материалы этого могильника в совокупности с другими многочисленными данными из поселений и крепостей имеют прямое отношение к глобальным изменениям этнополитической карты Казахстана, Средней Азии и южнорусских степей, которые последовали в результате гуннского нашествия.

Уникален *скульптурный* антропоморфный оссуарий, найденный в могильнике (Яблонский Л.Т., 1989). Он был изготовлен из хорошо промешанной глины с обильными примесями толченого гипса. Черепок в изломе красного или красно-коричневого цвета. На поверхности сохранились следы коричневого ангоба, иногда с красноватым оттенком. Костехранилище представляет собой человеческую фигуру, которая ниже пояса переходит в основание цилиндрического сосуда (рис. 8, 1). Общая высота фигуры — 58 см. Трагичность черт головы и лица характеризуется известной реалистичностью исполнения. Подчеркнута искусственная деформация головы кольцевого типа. Лицо округлой формы, с заостренным подбородком, тонкими губами и узким ртом. Нос длинный, с прямой спинкой и высоким переносьем. Рельеф надбровья и надпереносья сглажен, что в краниологической и соматологической практике обычно наблюдается у детских и женских че-

репов. Глаза миндалевидные, расположены слегка асимметрично. Подчеркнута линия бровей. В мочках реалистично выполненных ушных раковин были проделаны по сырой глине сквозные отверстия для подвешивания серег. Шея короткая, намечены линии ключиц. Корпус округлой в поперечном сечении формы. Молочные железы рельефом не выделены, соски обозначены конусовидными, с притупленным острием налепами. Кисти рук с запястьями были сформованы вручную отдельно от корпуса и привязывались к предплечьям через совмещающиеся парные сквозные отверстия, проделанные по сырой глине, которые были расположены по краям запястий и предплечий. В спине фигуры было прорезано по сырой глине круглое отверстие — люк для закладки предварительно очищенных костей. Впоследствии люк был прикрыт дисковидной крышкой, которая была примазана к корпусу алебастровым раствором. Кисть левой руки со сложенными пальцами была повернута ладонью вверх, тыльная сторона ладони правой руки с растопыренными пальцами фиксировалась в вертикальной плоскости.

Композиционно фигура напоминает женщину, которая держит на руках младенца. Голова ее чуть наклонена, так, что глаза направлены на левую кисть руки, туда, где должна была бы находиться голова ребенка.

Поверхность головы фигуры лишена каких-либо обозначений изображения прически. Не было и следов раскраски, которые можно было бы принять за попытку обозначить одежду.

Все это отличает данный экземпляр от всех прочих антропоморфных оссуариев, известных на территории Хорезма. Можно лишь предполагать, что в момент установки в курган скульптура была укрыта одеждой и головным убором, сделанными из органических материалов, которые не сохранились. По положению головы и лица, кистей рук можно предположить, что в руках у скульптуры была кукла, символизирующая, возможно, тело умершего ребенка. Такое предположение тем более оправданно, что внутри оссуария были найдены кости скелета девочки, умершей в возрасте 6—7 лет. Замечу, что череп девочки носил отчетливые следы искусственной деформации кольцевого типа, совершенно аналогичной той, что изображена на скульптуре.

Как уже говорилось, он не имеет сколько-нибудь близких аналогов в коллекции хо-

резмийских сосудов. Тем более интересно, что технологические, морфологические, стилистические и семантические аналогии ему находятся в районах восточной части азиатского материка. Исключительный интерес в этом плане представляют глиняные фигурки с территории Монголии. Здесь в парном захоронении мужчины и женщины, которое относится ко времени правления династии Северных Ваяв (386—534 гг. н. э.), были найдены две глиняные фигурки. Они имели высоту 39,0 и 43,5 см. Обе фигуры являются несколько стилизованными изображениями воинов в шлемах и с разведенными в стороны руками (рис. 8, 5). Для нас особо важно отметить, что технология изготовления этих фигур предполагала отдельную формовку кистей рук и запястий. Как и в ясыгырском экземпляре, кисти рук соединялись с предплечьями по принципу «стержень—втулка» (Kessler A.T., 1995, fig. 50). Фигуры воинов семантически исполняли охранительные функции.

В том же захоронении были найдены глиняные фигурки, изображающие музыкантов или танцоров (Kessler A.T., 1995, fig. 51). Они цельноформованные, но стилистически очень напоминают ясыгырскую скульптуру. Их головы носят отчетливые признаки искусственной деформации черепа. Лицо имеет округлые формы с заостренным подбородком. Нос с прямой спинкой, глаза миндалевидной формы показаны линиями, прочерченными по сырой глине, губы тонкие, выполненные глубоким прочерчиванием по сырому материалу (рис. 8, 2—4). Эти фигурки экспонировались на выставке китайской археологии в музее Лос-Анджелеса (США). Авторы каталога отмечают (Kessler A.T., 1995, p. 86), что и сама гробница, и предметы, помещенные в нее, свидетельствуют о влиянии китайской культуры, распространившемся и на области Внутренней Монголии.

Параллели этим культам можно найти и еще дальше, к востоку от Монголии — на территории островной Японии. В эпоху господства династии Ямато здесь строили большие курганные насыпи для представителей высших слоев общества. Одной из важнейших составных частей погребального ритуала стали так называемые ханивы (*haniwa*), которые окружали насыпь у ее основания. Иногда их насчитывалось до 11 тысяч. Ханива представлял собой цилиндрический глиняный сосуд, который использовали в качестве своеобразного постамента для скульптурных изображений животных и людей. Они выде-

ливались из красной глины. Глаза и рот антропоморфных изображений обычно прорезали по сырой глине. Одна из таких фигур, изображавшая воина в шлеме, с кинжалом в руках, экспонировалась в Азиатском музее Сан-Франциско (США). В контексте нашей темы важно отметить уже знакомый технологический прием: кисти рук фигуры формировались отдельно от предплечий и корпуса и скреплялись впоследствии по принципу «стержень—втулка» с помощью веревок, продетых в парные сквозные отверстия, расположенные по краям и проделанные по сырой глине. Описание и фотография этой фигурки были опубликованы в проспекте выставки. Курганы датируются периодом Кофун — 200—552 гг. н. э. (Woodson Y., 1992).

Я далек от мысли устанавливать прямые причинные зависимости между среднеазиатскими и дальневосточными культами. Тем не менее существование отмеченных выше параллелей на протяжении единой исторической эпохи представляется не только отвлеченно любопытным, но может свидетельствовать о хронологической близости всех упомянутых находок.

Археологические, антропологические, нумизматические и другие данные говорят в пользу присырдарьинского, а возможно и более восточного (вплоть до Северной Монголии), происхождения пришельцев (Неразик Е.Е., 1974, с. 51—52; Вайнберг Б.И., 1979б, с. 177; Яблонский Л.Т., Болелов С.Б., 1991, с. 32—33).

Е.Е. Неразик (1974, с. 51 и след.) приводит целый комплекс археологических свидетельств тех глубоких перемен в жизни населения Хорезма, которые в IV—V вв. н. э. привели здесь к формированию культуры, резко отличавшейся от культуры этого государства периода античности и эллинизма.

Таким образом, объективный процесс, направленный на создание предпосылок для формирования единого хорезмийского этноса, никогда не был прямолинейным и восходящим. Он периодически прерывался через воздействие внешних факторов — экологического, военно-политического, социально-потестарного, религиозного, которые могли действовать в совокупности или сепаратно. Периодически этот процесс корректировался появлением на территории Южного Приаралья новых и новых кочевнических группировок. Часть из них, оседая на периферии Хорезма, вносила свой культурный и генетический вклад в развитие этноисторической

и антропологической ситуации в регионе на каждом хронологическом срезе.

Основные линии этногенеза населения скотоводческой периферии Хорезма проходят в рамках общих моделей развития человеческих сообществ, известных по данным этнологии. Следовательно, они, в свою очередь, могут послужить моделями для решения проблем этногенеза и в других регионах, прежде всего в оазисах Средней Азии и Казахстана. Естественно, что они должны быть модифицированы применительно к особенностям конкретных этногенезов локальных районов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вайнберг Б.И., 1979а. Памятники куюсайской культуры // ТХАЭЭ. Т. XI. Кочевники на границах Хорезма. М.

Вайнберг Б.И., 1979б. Курганные могильники Северной Туркмении (присарыкамышская дельта Амударьи) // ТХАЭЭ. Т. IX. Кочевники на границах Хорезма. М.

Вайнберг Б.И., 1991а. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70—80-х годах // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и Средневековье). Вып. 1. М.

Вайнберг Б.И., 1991б. Древняя история обводнения Присарыкамышской дельты Амударьи в свете археологических работ последних десятилетий // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М.

Вайнберг Б.И., 1992. Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Вайнберг Б.И., 1997. Экология Приаралья в древности и Средневековье // ЭО. № 1.

Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1986. Древнейшее население низовий Амударьи (археолого-палеоантропологическое исследование) // ТХАЭЭ. Т. XV. М.

Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А., 1997. Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма // ВДИ. № 2.

Воробьева М.Г., 1979. Проблема «Большого Хорезма» в археологии // Этнография и археология Средней Азии. М.

Граков Б.Н., 1954. Каменское городище на Днепре // МИА. № 36.

Дандамаев М.А., 1963. Поход Дария против скифского племени тиграхуада // КСИЭ. Вып. 61.

- Дворниченко В.В., Коренько В.А., 1989. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и Южном Приуралье // *Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М.
- Демкин В.А., 1997. Палеопочвоведение и археология. Пушино.
- Демкин В.А., Рысков Я.Г., 1996. Почвы и природная среда сухих степей Южного Урала в эпохи бронзы и раннего железа // Пушино.
- Железчиков Б.Ф., 1983. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Заволжья в IV в. до н. э. — I в. н. э. // *История и культура сарматов*. Саратов.
- Железчиков Б.Ф., Сергацков И.В., Скрипкин А.С., 1995. Древняя история Нижнего Поволжья по письменным и историческим источникам. Волгоград.
- Итина М.А., 1977. История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тысячелетия до н. э.) // *ТХАЭЭ*. Т. X. М.
- Итина М.А., 1979. От редактора // *ТХАЭЭ*. Т. XI. Кочевники на границах Хорезма. М.
- Итина М.А., Левина Л.М., Неразик Е.Е., Рапопорт Ю.А., 1996. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции // *ЭО*. № 6.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.
- Кесь А.С., 1981. Антропогенное воздействие на формирование аллювиально-дельтовых равнин Амударьи // *Культура и искусство древнего Хорезма*. М.
- Кияткина Т.П., 1983. К вопросу об антропологии древнего населения Хорезма // *Хорезм и Мухаммед ал-Хорезми в мировой истории и культуре*. Душанбе.
- Козенкова В.И., 1982. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // *СА*. № 3.
- Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? М.
- Лоховиц В.А., 1968. Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении // *История, археология и этнография Средней Азии*. М.
- Лоховиц В.А., Хазанов А.М., 1979. Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-гыр // *ТХАЭЭ*. Т. XI. Кочевники на границах Хорезма. М.
- Маслов В.Е., Яблонский Л.Т., 1996. Могильник Гяур IV в Северной Туркмении // *РА*. № 2.
- Неразик Е.Е., 1974. Население Южного Приаралья в середине I тысячелетия до н. э. — III в. н. э. // *История Каракалпакской АССР*. Т. I. Ташкент.
- Рапопорт Ю.А., 1996. Религия древнего Хорезма. Некоторые итоги исследования // *ЭО*. № 6.
- Рысков Я.Г., Демкин В.А., 1997. Развитие почв и природной среды Южного Урала в голоцене. Пушино.
- Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века н. э. Саратов.
- Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.
- Таиров А.Д., 1995. Историко-экологическая ситуация в Южном Зауралье во второй половине I тыс. до н. э. и расселение ранних сарматов // *Россия и Восток: проблемы взаимодействия*. Ч. V. Кн. 2. Челябинск.
- Трофимова Т.А., 1974а. Краниологические материалы из могильника Тумек-Кичиджик // *СЭ*. № 5.
- Трофимова Т.А., 1974б. Черепа из подбойных и катакомбных захоронений могильника Туз-гыр (Юго-Западное Приаралье) // *Расогенетические процессы в этнической истории*. М.
- Трофимова Т.А., 1979. Черепа из погребений куюсайской культуры в могильниках Тумек-Кичиджик и Тарым-кая // *ТХАЭЭ*. Т. XI. Кочевники на границах Хорезма. М.
- Хабдулина М.К., Зданович Г.Б., 1984. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане. Челябинск.
- Шнирельман В.А., 1991. «Диффузия идей», кризисы и хозяйственная динамика в традиционных обществах (постановка вопроса) // *СЭ*. № 2.
- Юсупов Х., 1986. Древности Узбоя. Ашхабад.
- Яблонский Л.Т., 1986. Могильник раннесакского времени Сакар-Чага III // *СЭ*. № 5.
- Яблонский Л.Т., 1989. Каракумская мадонна // *Изв. АН Туркм. ССР. Сер. общ. наук*. № 1. Ашхабад.
- Яблонский Л.Т., 1991а. Формирование культуры саков Южного Приаралья // *СА*. № 1.
- Яблонский Л.Т., 1991б. Население Южного Приаралья в раннем железном веке (по материалам могильников): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Яблонский Л.Т., 1996. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.
- Яблонский Л.Т., 1998. Многоактные захоронения в подземных склепах Присарыкамышья эпохи железа // *Уфимский археологический вестник*. Вып. 1. Уфа.

Яблонский Л.Т., Болелов С.Б., 1991. Моги́льник Ясы-гыр в Присарыкамышье: погребальный обряд и антропология // Новые открытия в Приаралье. Вып. 2. М.

Kessler A.T., 1995. *Empires Beyond the Great Wall. The Heritage of Genhis Khan. Los-Angeles.*

Woodson Y., 1992. *Elegance and Simplicity. The Roots of Japanese Taste. San-Francisko.*

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Карта Приаралья (по Б.И. Вайнберг, 1997). Пунктиром обозначены границы пустынь, полупустынь и степей.

Рис. 2. Общая карта дельт Амударьи (по А.С. Кесь, 1981).

Рис. 3. Захоронения раннесакской эпохи могильников Тумек-Кичиджик (I) и Тарымская I (II) (по Б.И. Вайнберг, 1979а).

Рис. 4. Погребальный обряд и материальная культура ранних саков Присарыкамышья.

Рис. 5. Погребальный обряд и керамика пастушеских популяций Присарыкамышья: 1—4 — круговая керамика хорезмийского производства; 5—7 — лепная керамика.

Рис. 6. Погребальный обряд и инвентарь могильника Гяур IV: 1—4 — круговая керамика, 5—8 — лепная керамика; 9 — известняковая статуэтка; 10—12 — железные пряжки.

Рис. 7. Предметы вооружения из могильников Гяур IV и Тумек-Кичиджик: 1—5 — костяные накладки лука; 6—7 — железные наконечники стрел; 8—10 — железные мечи; 11—14 — железные кинжалы.

Рис. 8. Скульптурный оссуарий из могильника Ясы-гыр IV (I) и восточные аналоги (2—5), обожженная глина.

SUMMARY

MAJOR MIGRATIONS ON THE SOUTH ARAL AREA IN THE EARLY IRON AGE

L.T. Yablonsky

The objective process which lead to the creation of the preconditions for the unique Chorasmanian ethnos formation was never rectilinear and ascending. It was periodically interrupted by the influence of external factors — ecological, military and political, religious, which could work in complex or separately. Periodically this process was corrected on the territory of the Southern Aral Sea area by the appearance of new nomadic groups. A part of them, settled at the borders of Chorasmia, contributed culturally and genetically both to the local development of the ethnical historical situation and physical anthropological type of population on each chronological stage.

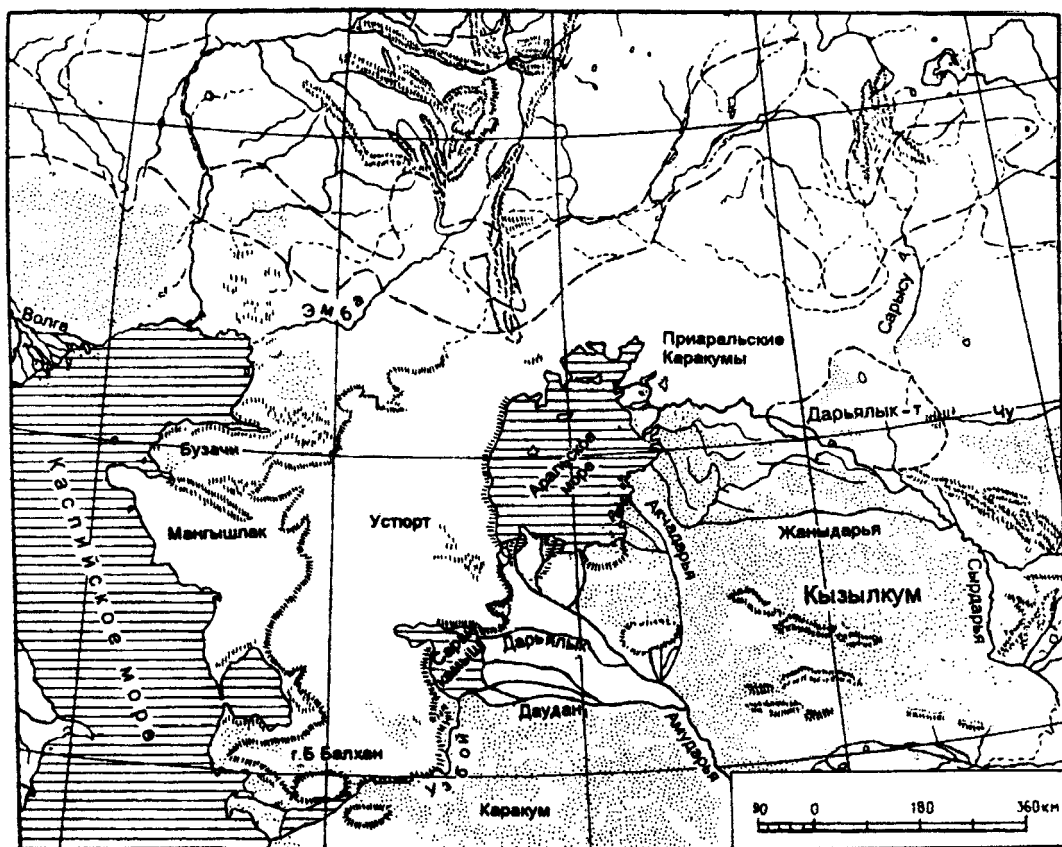

Рис. 1

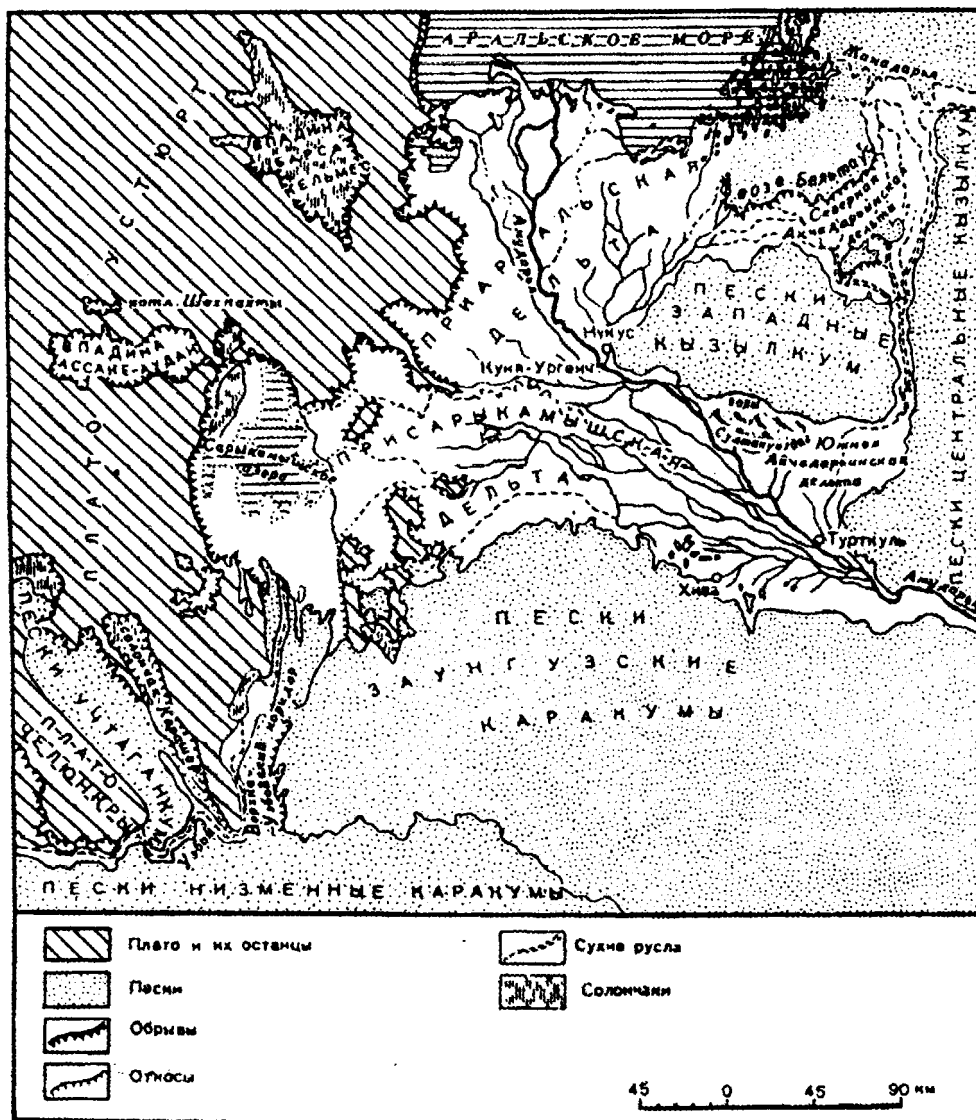

Рис. 2

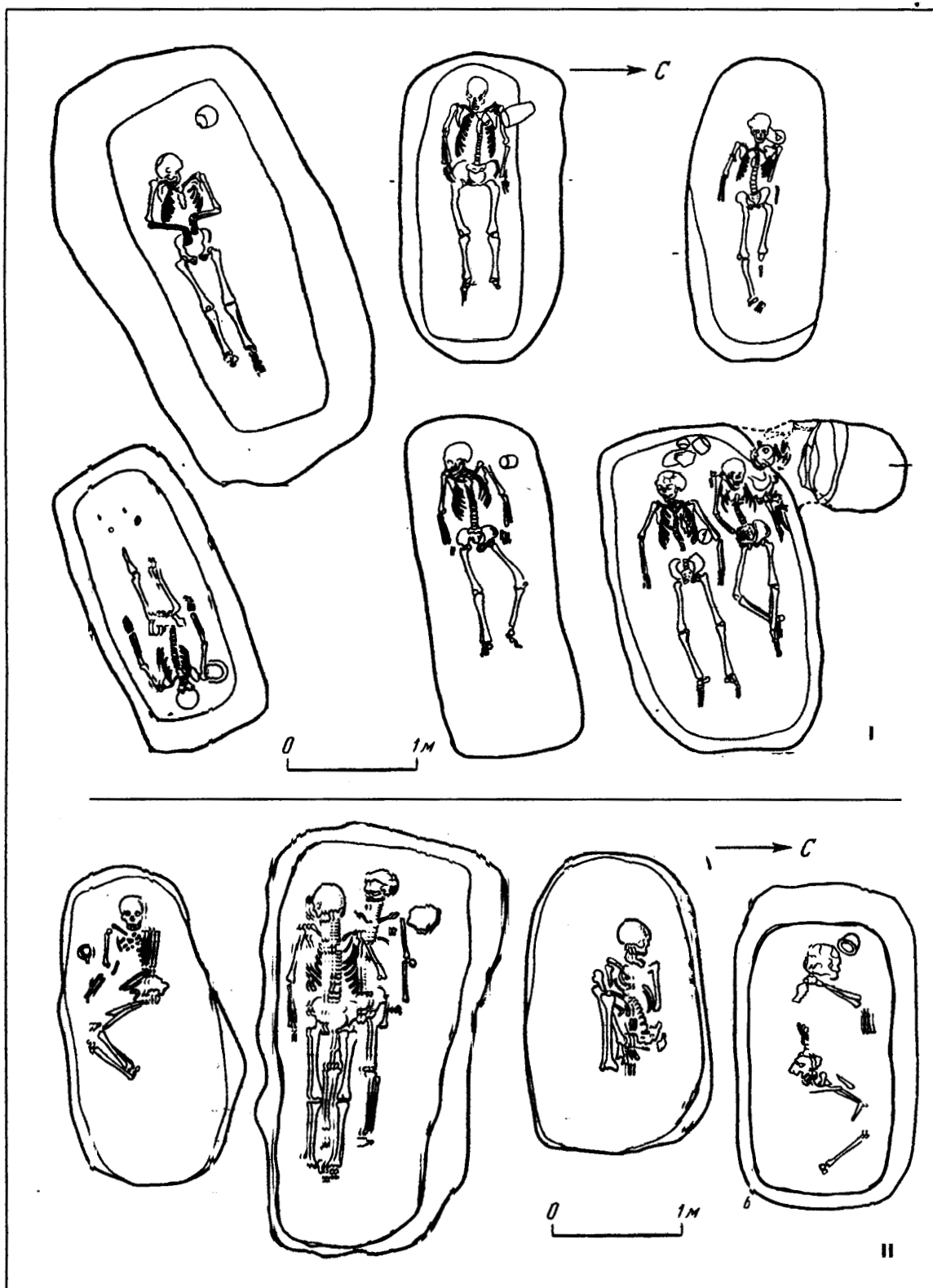

Рис. 3

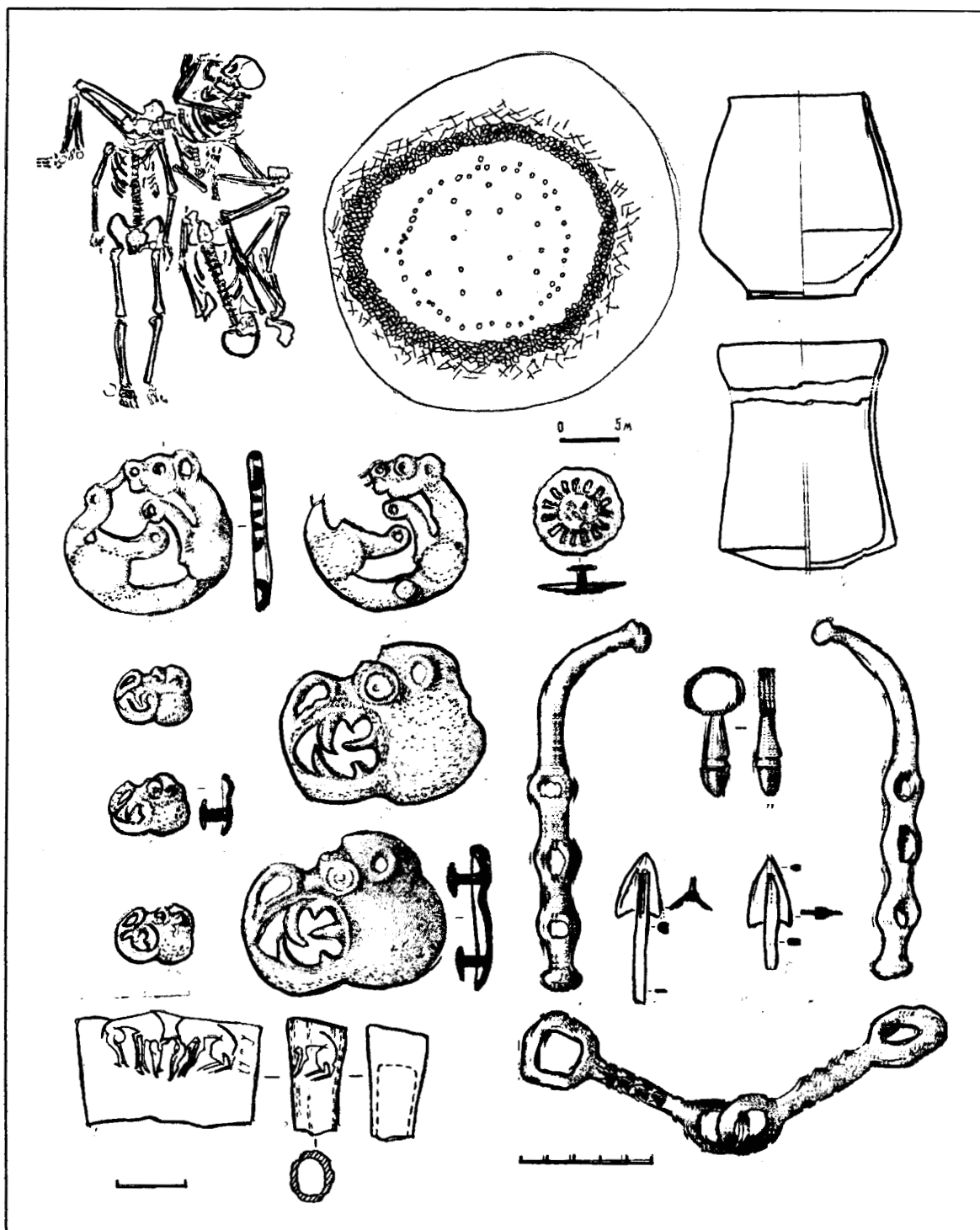

Рис. 4

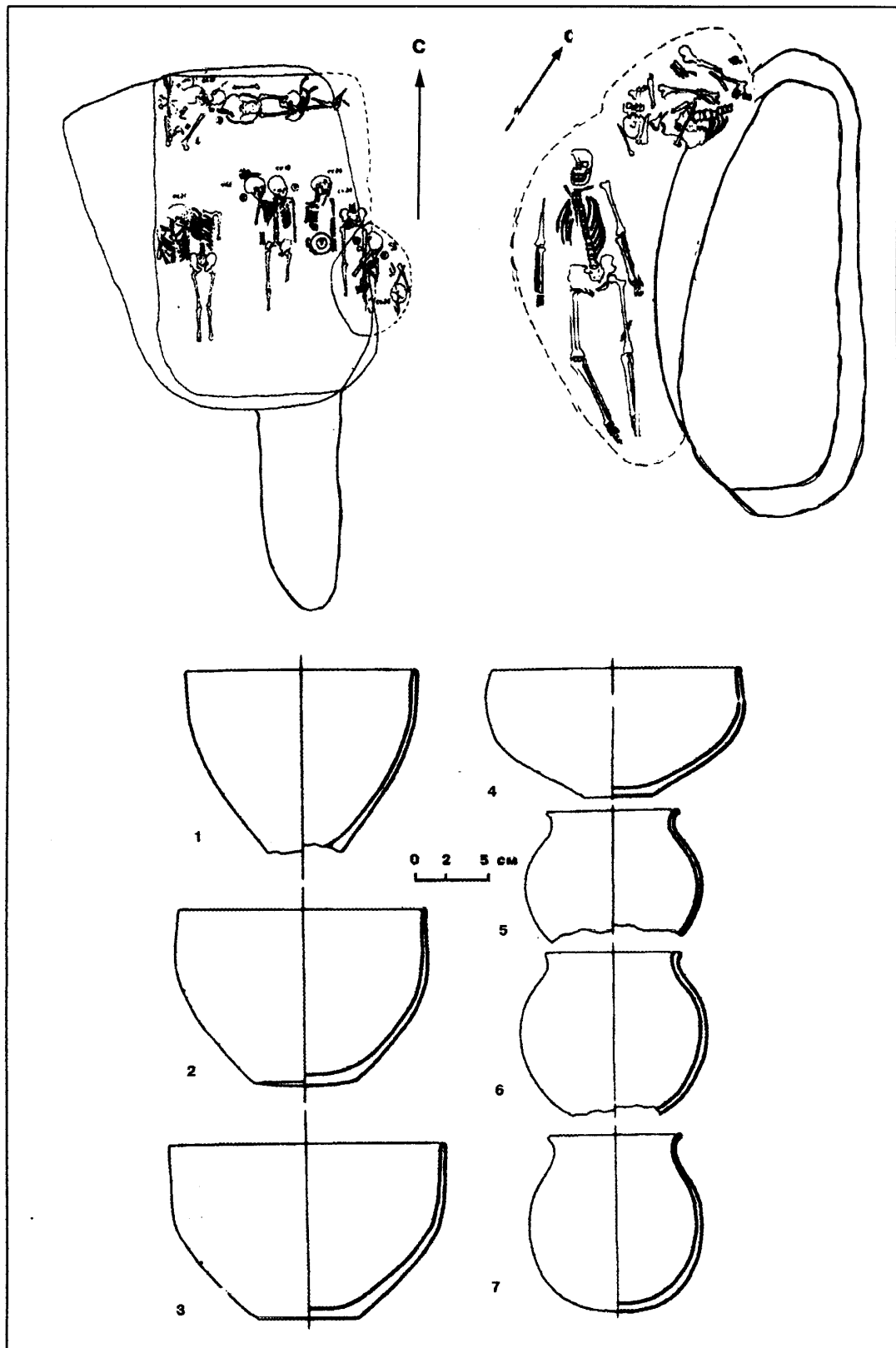

Рис. 5

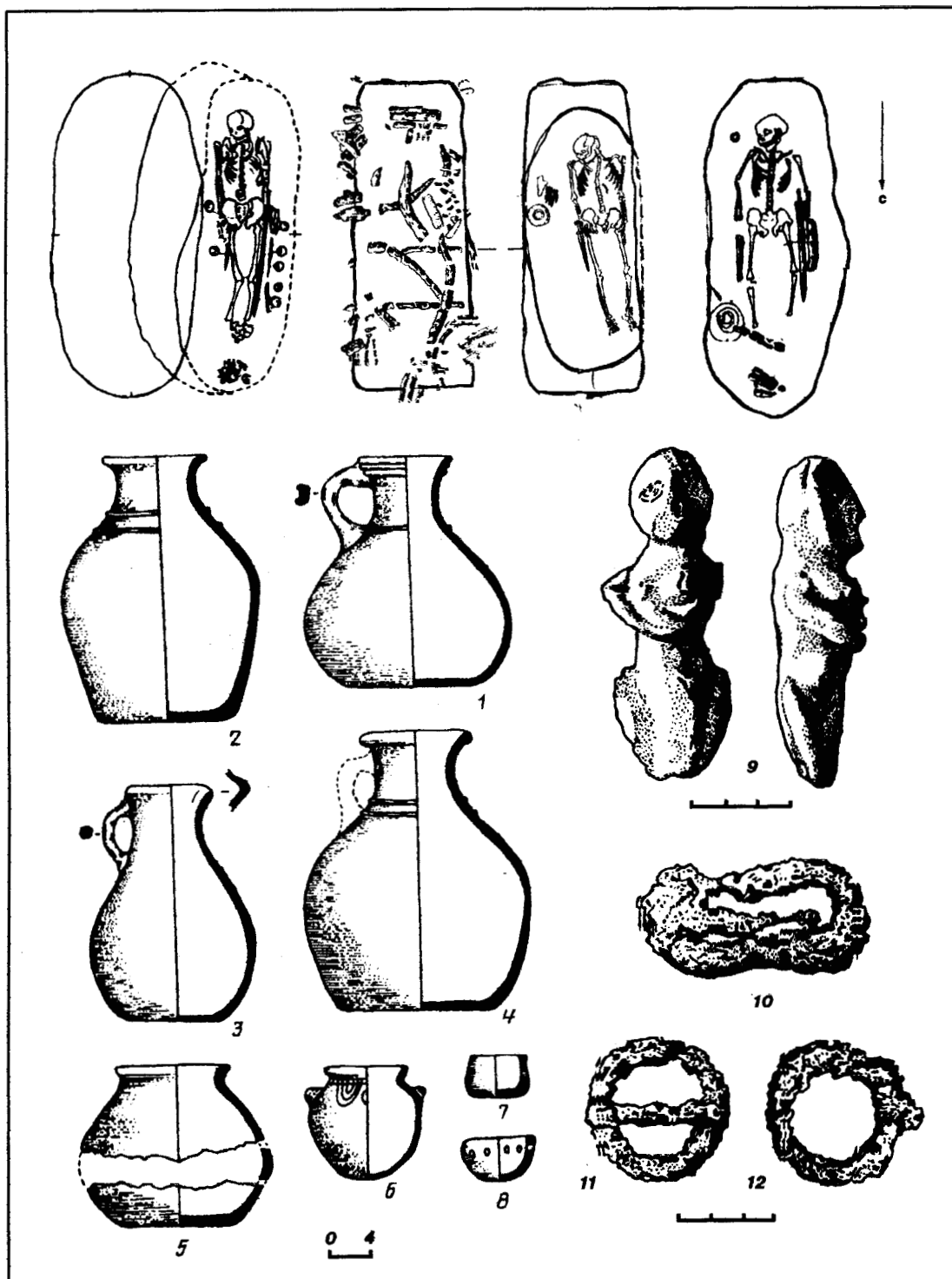

Рис. 6

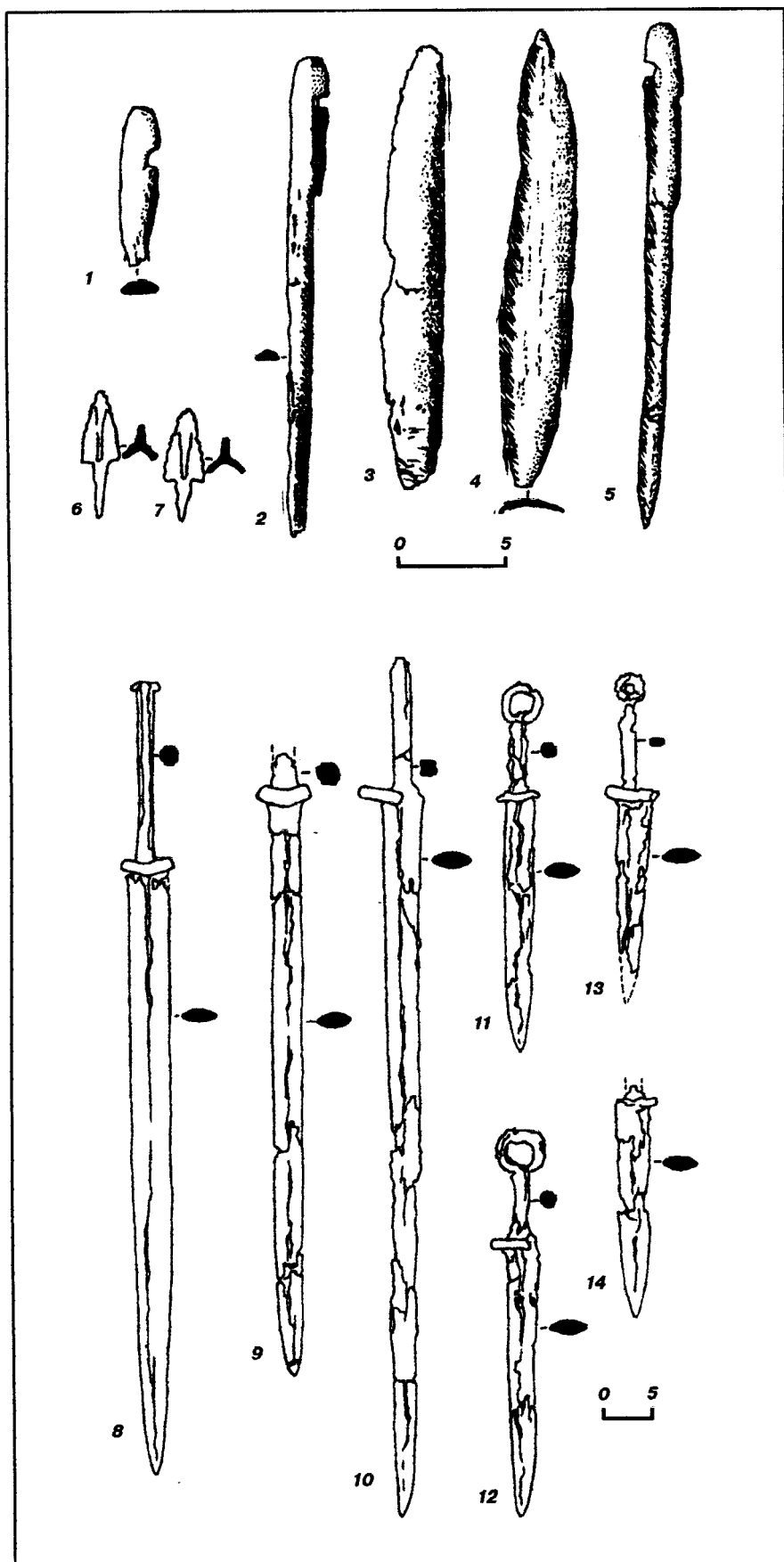

Рис. 7

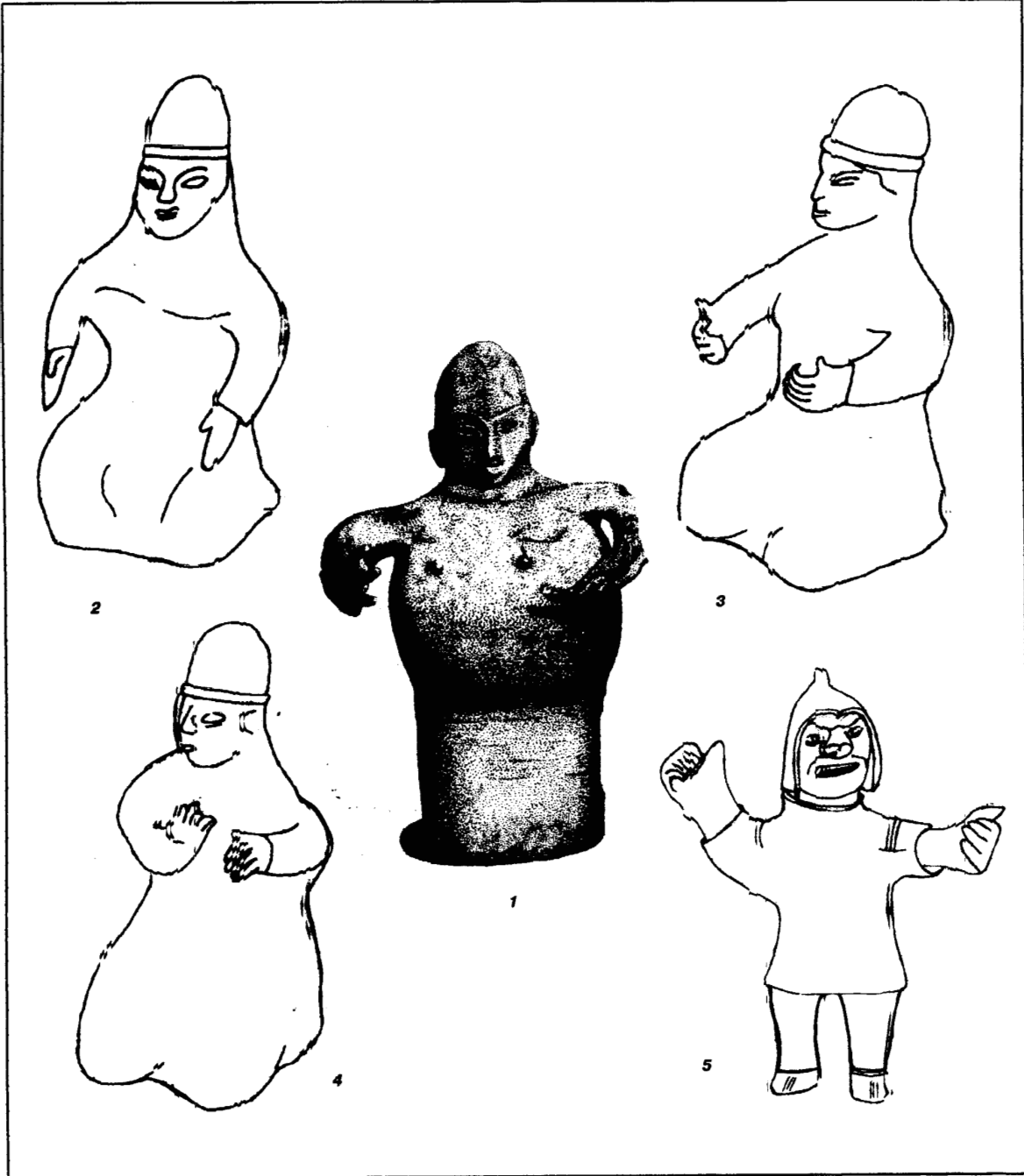

Рис. 8

ХАРИНКА

И.С. Каменецкий

Курганный могильник Харинка расположен в верховьях Сала, притока Дона, на левом его берегу (рис. 1). От русла Сала могильник находится довольно далеко, и ближайший природный ориентир — это балка Харинка, проходящая западнее могильника, примерно в 1 км (рис. 2). Сам могильник расположен на возвышении, водоразделе. Между могильником и балкой находится ферма Харинка. Вокруг фермы простирается сухая полынно-кипчаковая слабопересеченная степь, для которой характерны овальные западины, вероятно, карстового происхождения. Во время дождей в них скапливается вода, и они выделяются более высокой и более зеленой растительностью. Ближайший населенный пункт — хут. Сиротский, являвшийся ранее центральной усадьбой овцеводческого совхоза «Комиссаровский». В административном отношении это Дубовский район Ростовской области.

Работы проводились в связи со строительством второй очереди Верхне-Сальской оросительно-обводнительной системы и финансировались «Донгидростроем». В 1975 году Донская экспедиция Института археологии АН СССР, которой руководил автор, образовала Верхне-Сальский отряд. В конце сентября был совершен рекогносцировочный объезд района работ, во время которого и был обнаружен могильник Харинка (Каменецкий И.С., 1975). В 1976 году Верхне-Сальский отряд (начальник Е.И. Савченко) выполнил основной объем раскопок могильника (Савченко Е.И., 1976), а закончил их в 1977 году (Савченко Е.И., 1977). Из археологов, кроме Е.И. Савченко и автора, в раскопках могильника принимали участие Г.Е. Афанасьев, А.Г. Атавин, А.Н. Гей, Ю.Ф. Иващенко, Ю. Лихтер и М.Г. Харитонов. Всем им, а также Б.И. Гафту, Л.Г. Губаревой, А.И. Каменецкой, Т.А. Мунтяновой, К.В. Синяпкину, Е.Е. Сырневой, С.А. Тарасовой и другим отряд обязан своей успешной работой.

К сожалению, отсутствуют антропологические определения.

Все полученные материалы были отправлены в Ленинград, в МАЭ, А.Г. Шевченко. Там они были потеряны, и определений мы

не получили. Те указания, которые приводятся в тексте, основываются прежде всего на инвентаре и в меньшей мере на антропологическом материале. Они даны Е.И. Савченко и мной в меру наших скудных познаний в антропологии. При подготовке публикации я консультировался с антропологом А.П. Бужиловой (Институт археологии РАН). Дело в том, что в 1977 году были сфотографированы все целые черепа и кости с выраженной аномалией. Рассмотрение этих фотографий и позволило А.П. Бужиловой сделать ряд замечаний. Ее выводы специально оговариваются в тексте.

Могильник представляет цепочку, вытянутую по дуге в общем направлении с СЗ на ЮВ (рис. 3). В центре цепочка уплотняется и превращается в полосу. В могильнике могут быть выделены три группы, разделенные некоторыми промежутками. В «западную» входят 5 насыпей, в «южную» — 6, остальные составляют центральную группу. Курганы небольшие, некоторые едва видимые. О том, насколько трудно они различимы, свидетельствует тот факт, что при первом знакомстве с могильником в 1975 году мы насчитали в нем всего 19 курганов. При более пристальном рассмотрении в 1976 году было отмечено 36 насыпей (рис. 3). При раскопках выяснилось, что три из них являются естественными всхолмлениями («курганы» 7, 19, 25), а два кургана образовались в результате обвалования скирд в недавнее время («курганы» 22 и 31). Иными словами, значительная часть курганов находилась на грани различимости. Не исключая, что некоторое число насыпей мы не смогли разглядеть, что они выровнялись под влиянием распашки, атмосферных осадков и ветров. Данные о высоте насыпей хорошо подтверждают высказанное утверждение. Для сравнения я привожу данные и по «ложным» курганам. Одновременно даются и диаметры курганов.

Курган 1, самый крупный в группе, не копался, так как на нем находился триангуляционный знак. Все остальные насыпи были исследованы. Почти полная исследованность позволяет получить некоторые данные о формировании могильника.

Таблица

№ кургана	Высота (м)	Диаметр (м)	Примечания
1	1,85	27,0	Не копался
2	0,72	15,0	
3	0,40	21,0	
4	0,75	17,2-18,8	
5	0,60	14,2-17,5	Без могилы
6	0,40	11,1-13,3	
7	0,37	20,0-22,0	Не курган
8	0,40	18,5	
9	0,75	17,9	Без могилы
10	0,40	8,9-10,1	
11	0,45	9,9-11,0	
12	0,65	12,1-13,2	
13	0,60	12,1-12,8	
14	0,30	12,5-13,1	
15	0,35	13,7-14,0	
16	0,51	12,2-14,8	
17	0,40	12,0-15,8	Без могилы
18	0,50	16,0-17,7	
19	0,30	12,0	Не курган
20	0,35	14,0	
21	0,45	18,0-20,0	Без могилы
22	0,35	12,0	Не курган
23	0,80	25,5	
24	0,50	18,0-24,0	
25	0,40	18,0	Не курган
26	0,45	18,0-20,0	
27	0,25	18,0	
28	0,60	18,0-20,0	
29	0,35	15,0	
30	0,47	24,0-26,0	
31	0,35	12,0-14,0	Не курган
32	0,26	12,0-14,0	
33	0,27	12,0-14,0	
34	0,31	14,0-16,0	
35	0,54	12,0-16,0	Без могилы
36	0,40	24,0-26,0	

Курганный могильник «строился» постепенно. После датировки погребений мы можем в общих чертах проследить процесс его формирования. При этом Харинка дает в этом плане ряд преимуществ. Большинство ее курганов имеют по одному погребению, и, следовательно, новые погребения связаны и с территориальным ростом могильника. В могильниках, где курганы имеют по многу погребений, такой наглядности нет. Харинка дает ограниченное

число хронологических срезов. Древнейшие ее погребения относятся к срубной культуре, что опять же достаточно редко для курганных степных могильников. Тут, правда, сказывается местная специфика: курганы восточных районов Ростовской области содержат в среднем гораздо меньшее число погребений, чем курганы западных районов. Одним словом, мы можем проследить историю роста могильника Харинка. Но это только формальная сторона дела.

Гораздо интереснее понять внутреннюю логику этого процесса. Между срубниками и сарматами нет прямой связи, нет преемственности. Нет ее и между сарматами и половцами. Можно пойти и дальше, отделить савроматское погребение от сарматских. Между ними тоже прошли века, и трудно предположить, что сохранялась в течение этих веков информация о наличии здесь «родственного» захоронения. Меня уже давно занимает вопрос: как «осваивался» могильник вновь пришедшей на территорию группой? Скажем, сарматы застали уже существующий могильник. Что в кургане похоронены люди, они наверняка знали, т. е. курганы они, скорее всего, воспринимали как кладбище, поскольку сами практиковали тот же обряд. По опыту они должны были знать, что в этих могильниках люди похоронены по чуждому обряду, что это «чужие» люди и, следовательно, чужое кладбище. В степи много места, но сарматы почему-то не начинают строительства нового могильника, а используют уже существующий, чужой. Почему? Археологи часто исходят из представления о существовании родовых могильников. Очевидно, что такие представления вступают в вопиющее противоречие с практикой «присвоения» чужих могильников. Встает целый ряд вопросов, и прежде всего вопрос о допущении наличия чужих погребений на своем кладбище. Не обязательно при этом говорить о родовых могильниках. Тот же вопрос возникает и в случае, если мы говорим о кладбищах племенников или единоверцев. Наша сегодняшняя практика допускает подобное смешение, но еще совсем недавно каждая конфессия имела свои кладбища или особые участки на общем кладбище. Многочисленные примеры из археологической практики показывают, что смешение, освоение или присвоение чужих кладбищ было обычной практикой в степях Северного Кавказа, да и всей степной полосы. Для чего это делалось? Можно предположить, что, когда погребение впускалось в существующий курган, рассчитывали на экономию трудовых затрат. Сделав небольшую досыпку или просто запорошив выкидом поверхность уже существующего кургана, родичи без особого труда получали большой курган. Почти несомненно, что величина кургана была связана с положением погребенного. При этом курган не обязательно отражал богатство погребенного или его социальный статус. Наличие многочисленной родни тоже могло считаться престижным, и именно этот

момент мог находить выражение в величине насыпи кургана. И присвоение кургана могло имитировать наличие большой родни, которой в действительности не было. Конечно, это только один из вариантов объяснения.

Можно также исходить из предположения, что курган воспринимался как территория, уже связанная с потусторонним миром. В этом случае использование даже чужих курганов выглядит вполне логичным.

Другой случай, когда в существующем могильнике возводят новые курганы, расширяя тем самым могильник. В Харинке мы обнаруживаем преимущественно такое поведение, хотя имеет место и вышеописанное. Как уже было указано выше, в Харинке курганы расположены цепочкой. Новые насыпи удлиняют эту цепочку. Что преследовалось в этом случае? Возможно, таким путем хотели создать представление о длинном ряде предков, о древности рода. Из этнографии мы знаем, что это ценилось и ценится. Второй вариант объяснения: группа пытается создать представление о своей многочисленности, о чем может свидетельствовать обширный могильник. Возможны и другие объяснения. Выяснение всех этих обстоятельств крайне интересно, и следует пытаться, когда материал это позволяет, извлекать соответствующую информацию, накапливать ее. К сожалению, на эту сторону наших источников не обращается внимание. Вероятно, действует сила инерции. Еще совсем недавно постановка такого вопроса была бы чистой абстракцией, так как число полностью раскопанных могильников было ничтожно. Благодаря новостроечным работам мы получили уже достаточно большой материал, но «традиционно» не задаем эти вопросы. Я намерен попытаться на примере Харинки выяснить некоторые моменты истории могильника.

Еще одной проблемы следует коснуться прежде, чем приступить к описанию нашего некрополя. Обычно в отчетах и публикациях обращается основное внимание на погребения и курган. Последний выступает как некий комплекс, объединяющий находящиеся в нем погребения. Только при описании материала, и то не всегда, выделяются культурные горизонты. При этом такое описание выступает обычно как нечто дополнительное к основному описанию, как исследовательский момент. Мне представляется, что курган не может рассматриваться как комплекс, имеющий какое-то историческое значение. Думается, что объединение в одном кургане

достаточно случайно. Это, бесспорно, касается разнокультурных (как правило, разновременных) погребений, а во многих случаях и однокультурных погребений. В последнем случае можно выделить три группы: несомненно связанные между собой погребения (например, расположенные по кругу), несомненно не связанные между собой погребения (например, режущие друг друга) и погребения, связь между которыми не доказывается и не опровергается. Эту классификацию тоже необходимо иметь в виду, но главное для меня сейчас — это соотношение разнокультурных погребений.

Конечно, объединение в кургане чрезвычайно важно в смысле выяснения стратиграфии, т. е. последовательности совершения погребений, как разнокультурных, так и однокультурных. И этому моменту, естественно, надо уделять самое пристальное внимание как во время раскопок, так и при описании могильника. Думаю, что в отчетах и публикациях следует выделять раздел, специально посвященный исследованию стратиграфии курганов, где фиксировать не только случаи прямой стратиграфии, когда погребения режут друг друга, но и более тонкие наблюдения, когда последовательность устанавливается через связь с определенными слоями насыпи или благодаря прорезанию этих слоев.

Могильник следует рассматривать как многослойный памятник, каковым он, по существу, и является. Поэтому и описание его следует давать по «слоям». Тут нет особого преувеличения. Если мы принимаем, что культурным слоем является все то, что «насыпано» человеком или перекопано им, то курганный могильник предстает перед нами как разновидность культурного слоя, к которому относятся насыпи, расположенные около них сооружения (чаще всего ровики) и заполнения могильных ям, включая и сами погребения. От культурного слоя поселения слой курганного могильника отличается только своей прерывистостью. Конечно в теоретическом плане он непрерывен, поскольку и межкурганное пространство претерпело определенные изменения в результате деятельности человека. Не говоря даже о возможной распашке, предшествующей или последующей, при сооружении кургана строители его вытаптывали территорию вокруг него, брали землю, снимали дерн для обкладки насыпи. Наконец, они жили какое-то время в этом месте, неизбежно оставляя следы своего пребывания. Пусть следы эти были незначитель-

ны, пусть они не всегда улавливаются археологами, но они были. Это не только теоретические рассуждения, но вывод из практики раскопок. Широкое применение скреперов при раскопке курганов в новостроечных экспедициях при хорошо известных недостатках имеет и то несомненное преимущество, что грунт при углублении в материк снимается на гораздо большей площади, чем занимаемая курганом. Это было сначала технической необходимостью, но быстро выяснилось, что это дает нам и новый материал — погребения вне насыпи, жертвенные комплексы, отдельные находки и т. д. Все это при ручной работе, несомненно более тщательной, тонкой, оставалось вне нашего внимания, так как никто не выходил за пределы насыпи. Более того, стремились сократить площадь раскопа, оставляя «краешки» кургана за границами исследуемой площади. Такой взгляд на культурный слой курганного могильника приближается к пониманию, которое набирает сторонников в последнее время, когда культурный слой отождествляется с антропосферой, т. е. зоной обитания человека, им преобразуемой (Стоянов В.Е., 1984). Таким образом, даже если мы не исследуем межкурганное пространство, то раскопанные нами насыпи оказываются тождественны раскопам на поселении, разделенным нераскопанными участками. Ведь такие раскопы или шурфы тоже дают нам культурный слой в «прерывистом» виде. При обработке материала мы, проведя синхронизацию слоев разных раскопов, будем описывать его по слоям, двигаясь от древнейших слоев вверх. Нет решительно никаких оснований поступать иначе и при обработке материалов курганных могильников. Сначала изучение стратиграфии отдельных курганов, в результате чего выделяются культурно-хронологические «слои», а потом описание по слоям.

Стратиграфия Харинки

По сравнению с В.А. Городцовым мы находимся в гораздо более благоприятных условиях: нам уже известны основные культуры и их последовательность. Поэтому сортировка погребений может быть осуществлена еще на начальном этапе изучения. Со стратиграфией в Харинке нет сложностей. Из 35 раскопанных всхолмлений, как уже говорилось, 3 оказались естественного происхождения. В бровках этих всхолмлений не наблюдалось слоя насыпного грунта и, следовательно-

но, погребенной почвы. Еще 2 «кургана» образовались в результате недавних работ по обвалованию скирд соломы. Таким образом, мы имеем 30 раскопанных курганов и один нераскопанный, содержание которого остается нам неизвестным. Из них 21 содержат по одному погребению и, следовательно, стратиграфия их предельно проста. В культурном отношении они распределяются следующим образом. В кургане 27 найдено савроматское погребение, т. е. принадлежащее раннему этапу истории сарматов. Девять курганов содержали сарматские погребения, — это курганы 10, 24, 26, 29, 30, 32, 33, 34 и 36. В своих отчетах Е.И. Савченко разделил поздние погребения на две группы: кочевнические, имея в виду, вероятно, половцев, и средневековые (Савченко Е.И., 1976; 1977). Историческое, да и хронологическое, понимание последнего определения не очень ясно. К кочевническим отнесены погребения в курганах 2, 4, 12, 13, 15, 18, к средневековым — погребения в курганах 6, 9, 11, 14, 20. Так как разница между этими группами для меня не ясна, то будем рассматривать их вместе, не разделяя, пытаясь выявить объективные основания для классификации. Всего три кургана содержат более одного погребения.

В кургане 16 выявлено 4 погребения. Прослежена только одна насыпь, лежащая на погребенной почве. Высота насыпи 48—50 см, включая дерновый слой (рис. 4). Древнейшим погребением, несомненно, является погребение 4. Только оно оказалось впущенным в материк, остальные находятся в насыпи и, следовательно, являются более поздними, чем она. Исходя из этого, следует признать, что насыпь принадлежит погребению 4, возведена над ним. Однако это «центральное» погребение не находится в центре, а значительно смещено к югу (рис. 4). В центре оказываются погребения 1 и 2. Появляется подозрение, что для одного из этих погребений была совершена подсыпка, переместившая центр (вершину) кургана к северу. На это как будто указывает и овальность насыпи в плане, вытянутой по линии С—Ю. Однако никакими подтверждениями этого подозрения мы не располагаем. Погребение 4 относится по ряду к срубной культуре и сопровождается раннесрубным биконическим горшком. С определением культурной принадлежности остальных погребений значительно сложнее. Прежде всего отметим, что погребения 1 и 2, очевидно, стратиграфически связаны. Рассто-

яние между позвоночными столбами этих погребений на плане около 40 см. Это означает, что даже без учета могильной ямы они должны либо перекрывать одно другое, либо прорезать. Погребение 1 находится на глубине 36 см, а погребение 2 — на глубине 46 см, т. е. несколько ниже. В этой ситуации возможны два варианта. Погребение 1 может перекрывать более раннее погребение 2, и тогда оба погребения должны быть целыми. Если же погребение 1 было бы более ранним, то при сооружении погребения 2 оно должно было бы быть прорезано. Мы имеем второй вариант. В погребении 1 у костяка отсутствуют кости нижней правой четверти: нет костей правой ноги, всего таза, нижних позвонков. Как раз сюда и был врезан северо-западный угол могильной ямы погребения 2. В погребении 1 из инвентаря имеется только плоский камень — плита. Ее можно определить как точильную, но чаще такие плиты определяют как разновидность жертвенника. В любом случае они характерны для погребений сарматской культуры, причем больше для ранних ее стадий. Западная ориентировка тоже свойственна именно ранним, савроматским погребениям. Не противоречит такому определению и поза погребенного. Таким образом, с известными сомнениями мы могли бы отнести погребение 1 к савроматским. В погребении 2 вообще нет инвентаря. Западная ориентировка и череп, повернутый лицевой частью к югу, могли бы означать принадлежность погребенного к мусульманам, но погребенный имеет перекрещенные в голенях ноги (рис. 5, 1, 2), что на этой территории свойственно, кажется, только сарматам, причем на поздней стадии их существования. Правда, в это время у сарматов преобладала северная ориентировка. Положение правой руки (кисть на поясе) тоже, скорее, указывает на сарматскую принадлежность погребенного, но сомнения остаются все же довольно большие. Погребение 3 находится рядом с центральным, и можно предполагать, что оно было впущено в центр насыпи до совершения подсыпки и перемещения вершины к северу. Если, конечно, такая подсыпка была. В этом случае получается, что погребение 3 более позднее, чем погребение 4, но предшествует погребениям 1 и 2. Погребенный лежал на левом боку, со слегка согнутыми ногами, что и дало основание Е.И. Савченко датировать его эпохой бронзы. Однако на «бронзовика» он не очень похож, и я скорее отнес бы его к весьма позднему

времени. На Нижнем Дону и его притоках встречаются такие погребения, всегда впущенные в насыпь и всегда без инвентаря. Они близки мусульманским погребениям, только разворот головы и тела у них не на юг, а на север. Я полагаю, что это погребение следует отнести в группу неопределимых. Если мы признаем погребение 3 поздним, то сомнительной становится и приведенная выше датировка погребений 1 и 2. По-видимому, на этом этапе исследования все три погребения следует отнести к «неопределенным».

В кургане 23 было расчищено 5 погребений (рис. 5). Первичным является погребение 5, впущенное в материк и, судя по обряду захоронения и сосуду, относящееся к срубной культуре. Вторым является погребение 4, впущенное точно в яму погребения 5, но расположившееся на 35 см выше. Судя по обряду и сосуду, оно также относится к срубной культуре. Погребение 3 впущено в материк на 20 см и прорезает верхнюю часть северной стенки ямы погребений 4 и 5. Оно явно сооружено позднее их, но точный возраст его не определяется, так как, кроме двух позвонков барана, сопровождающего материала нет. Нет и характерных черт в обряде. Положение кисти правой руки на тазобедренном суставе характерно для сарматов. Узкая яма отличает позднесарматские погребения, но западная ориентировка, как уже говорилось, характерна для ранней, савроматской стадии. Одним словом, положение этого погребения весьма неопределенно. Еще более неопределенно погребение 2. Оно совершено в неправильно овальной яме и было разграблено: нами обнаружены разбросанные по дну кости, которые не составляют полного костяка. И это при полном отсутствии вещей. Нет вещей и в погребении 1. Оно впущено в насыпь всего на 30 см, и уже одно это определяет его плохую сохранность. Потрудились также землерои, и в довершении всего погребение, оказавшееся в контрольной бровке, было «покалечено» скрепером. Судя по остаткам костей, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, т. е. мы наблюдаем тот же обряд, что и в погребениях 1 и 2 кургана 16, в погребении 3 кургана 23. Возможно, все они образуют особый горизонт. Отметим еще, что погребение 1 находилось над краем ямы погребения 2 и, следовательно, должно быть сооружено позднее его. Таким образом, мы имеем в кургане 23 два срубных погребения и три неопределенных.

Курган 23 имеет достаточно сложную насыпь. Напомню, что по высоте она занимает второе место среди раскопанных. Высота кургана 0,80 м, а высота насыпи 1,12 м, так как поверхность погребенной почвы находится ниже сегодняшней дневной поверхности. В разрезе различаются насыпь и 3 подсыпки. Первоначальная насыпь, без сомнения, возведена была над погребением 5. Погребение 1 было впущено в насыпь всего на 30 см. Толщина третьей подсыпки колеблется от 15 до 30 см. Если предположить, что третья подсыпка связана с погребением 1, то придется признать, что погребенный был положен на поверхность (вершину) кургана и присыпан тонким слоем земли. Если мы отказываемся от такого предположения, то на три подсыпки у нас остается три погребения. В этом случае увязка тех и других уже не представляет трудностей. Первая подсыпка возникла при совершении погребения 4. Вторая подсыпка связана с погребением 3. На ее поверхность лег выкид погребения 2. Только это погребение могло дать материковый выкид на таком уровне. Выкид погребения 5 должен был лечь на поверхность погребенной почвы, а выкид погребения 4, если бы его можно было выделить, должен был бы лечь на поверхность первоначальной насыпи. Погребение 3 заглублено в материк всего на 20 см, т. е. дно его находится в погребенной почве, и оно не могло бы дать выкид материковой глины. Таким образом, выкид может принадлежать только погребению 2, с которым связана третья присыпка. Третья присыпка отделяется от второй только выкидом, по структуре и цвету они одинаковы. Разумеется, в третью подсыпку входит и образовавшийся позднее дерновый слой. Наличие своих подсыпок у погребений 3 и 2 как будто говорит в пользу их относительно ранней даты. Это если ориентироваться на другие могильники. В Харинке же мы видим, что во все времена не ленились возводить насыпи. Можно думать, что и подсыпки тоже могли быть сделаны в любую из представленных эпох. И еще один момент. В восточной части бровки не очень уверенно прослеживается неглубокая западина, очень похожая на ровик. Границы его теряются в дерновом слое, и, следовательно, он был вырыт либо с поверхности второй присыпки, либо с сегодняшней поверхности, т. е. с поверхности третьей присыпки. Такие ровики обычно окружали половецкие погребения. Какое из трех поздних погребений связано с этим ровиком, сказать трудно.

Заканчивая общее рассмотрение кургана 23, следует еще упомянуть о следах внешнего рва. С северной стороны на расстоянии 1 м от полы кургана заметна была дуговидная западина длиной 28 м, шириной 8 м и глубиной до 50 см. Юго-западнее кургана, на расстоянии 1,5 м от его полы, прослежена еще одна западина — длиной 20 м, шириной 6 м и глубиной до 45 см. Учитывая структуру кургана, невозможно решить, с каким именно погребением связан этот «ров». Не очень понятно, были ли отмеченные участки его изначально изолированы, или это остатки когда-то кольцевого рва. Специального исследования не проводилось. К сожалению, так как аналогичные «рвы» мы находим и у ряда других курганов нашего могильника. Если брать курганы с одним погребением, то рвы прослежены как у сарматских курганов (24, 26, 36), так и у средневековых (2, 11, 13, 14, 15, 18, 20). Отмечены они и около курганов без погребений (5, 8, 35). Таким образом, и здесь не удастся связать эти рвы с определенным периодом. То же мы имеем и в других могильниках Поволжья и междуречья Волги и Дона. Приведу ряд достаточно случайных примеров. Это средневековые курганы 1 и 3 юго-западной группы Иджильского могильника (Васюткин С.М., 1987, с. 106, 109, рис. 4 и 7), курганы 5 и 6 Балкина хутора, содержащие погребения от ямников до позднекочевнических (Шилов В.П., 1982, рис. 8 и 10), курган 1 у Цацы с погребениями эпохи бронзы (Шилов В.П., 1985, рис. 3), курган 29 могильника Джангар с погребением XIII—XV вв. (Васюткин С.М., 1985, с. 163, рис. 5), курганы 3 и 4 того же времени в могильнике Никольское I, курган 2 того же могильника с сарматским погребением и курган 1, где были погребения от ямников до сарматов (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989, с. 62—70, 72, 75, 78, рис. 43, 49, 52, 55), курган 8 могильника Базар-тюбе I с погребениями II—I вв. до н. э. и средневековым (Кригер В.А., 1983, рис. 2, 2). Принадлежность курганов с «неполными» рвами к самым разным периодам местной истории заставляет думать, что этот признак лежит вне культурной традиции и, возможно, связан с природными условиями. Можно, например, предположить, что кольцевые рвы были частично засыпаны во время пыльных бурь.

Наконец, курган 28 содержит 2 погребения. Основным является погребение 2, выкид которого лежит на погребенной почве.

Это погребение было ограблено при сооружении половецкого погребения 1, которое прорезало погребение 2. Погребению 2 принадлежит насыпь, в которой не различается слоев, а погребению 1 — полукольцевой ровик. Что касается культурной принадлежности погребения 2, то, судя по обломкам сосуда, оно принадлежит сармату.

На этом можно было бы закончить рассмотрение стратиграфии могильника, если бы не серия курганов без погребений. Таких в могильнике шесть, что составляет пятую часть всех раскопанных курганов. Это курганы 3, 5, 8, 17, 21 и 35. От естественных возвышений их отличает то, что в контрольной бровке у них присутствует погребенная почва и перекрывающая их насыпь. Иными словами, искусственное происхождение насыпей не вызывает сомнений. Получается, что какая-то из групп, использовавших могильник, была заинтересована в увеличении размеров могильника и шла ради этого на совершенно бессмысленные, с нашей точки зрения, затраты труда. Правда, размеры этих курганов минимальные: высота 30—40 см. Исключение составляет только курган 35, имеющий высоту 55 см. Но тем не менее сооружение и таких курганов требовало труда. Тем более что при насыпке они, конечно, были выше. Размыв и распахка, несомненно, сказались на размерах всех насыпей. Понятно, что установить принадлежность насыпей чрезвычайно трудно по причине отсутствия материала. Однако имеются некоторые данные, опираясь на которые можно будет предложить некоторое достаточно убедительное решение и этого вопроса. Но это будет возможно только после разбора основных материалов.

В результате у нас выделилось 4 культурно-хронологические группы: срубники (погребения 16:4, 23:4 и 23:5), савроматы (курган 27), сарматы (курганы 10, 24, 26, 29, 30, 32, 33, 34, 36 и погребение 28:2), средневековые погребения (курганы 2, 4, 6, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 18, 20 и погребение 28:1). Кроме этого, имеется шесть погребений, которые пока не определяются (погребения 16:1, 16:2, 16:3, 23:1, 23:2 и 23:3), и 6 курганов без погребений (курганы 3, 5, 8, 17, 21, 35). Эти группы не связаны между собой и, в принципе, представляют отдельные могильники, объединенные только общей территорией. Соответственно и рассматриваться они должны раздельно, независимо друг от друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васюткин С.М., 1985. Погребения золотоордынского времени могильника Джангар // *Древности Калмыкии*. Элиста.

Васюткин С.М., 1987. Иджильские курганы // *Археологические исследования Калмыкии*. Элиста.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыcko-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // *Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. М.

Каменецкий И.С., 1975. Рекогносцировочный обезд Верхне-Сальской системы. Архив ИА РАН. Р—1. Д. 6045.

Кригер В.А., 1983. Сарматские курганы левобережья нижнего течения реки Урал // *История и культура сарматов: Межвузовский научный сборник*. Саратов.

Савченко Е.И., 1976. Раскопки могильников Попов и Харинка. Архив ИА РАН. Р—1. Д. 10618.

Савченко Е.И., 1977. Отчет о работах Верхне-Сальского отряда Донской экспедиции в 1977 году. Архив ИА РАН. Р—1. Д. 8099.

Стоянов В.Е., 1984. Некоторые особенности современной археологии в свете ново-

строечных исследований // *Древние поселения Урала и Западной Сибири: Сборник научных трудов*. Свердловск.

Шилов В.П., 1982. Проблема освоения открытых степей Калмыкии от эпохи бронзы до Средневековья // *Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков*. Элиста.

Шилов В.П., 1985. Курганный могильник у с. Цаца // *Древности Калмыкии*. Элиста.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Местоположение могильника Харинка.

Рис. 2. Местоположение могильника Харинка: 1 — могильник; 2 — поселение.

Рис. 3. План могильника Харинка.

Рис. 4. План и разрез кургана 16: 1 — гумусный слой, дерн; 2 — гумусированный суглинок; 3 — погребенная почва.

Рис. 5. План и разрез кургана 23: 1 — дерновый слой; 2 — сильно гумусированный темный суглинок; 3 — темно-серый гумусированный суглинок; 4 — темно-коричневый суглинок, погребенная почва; 5 — желтый суглинок; 6 — темный суглинок с включениями желтого.

SUMMARY

KHARINKA

I.S. Kamenetsky

Discussing the Kharinka cemetery (the left bank of the Lower Don) situated in Dubovsky district of Rostov region the author produces new non-traditional approaches to the research of barrow groups. The author supposes that the complexes of the cemetery should be investigated through the cultural-chronological «levels». Such a method is close to the way of investigation of the settlement stratigraphy.

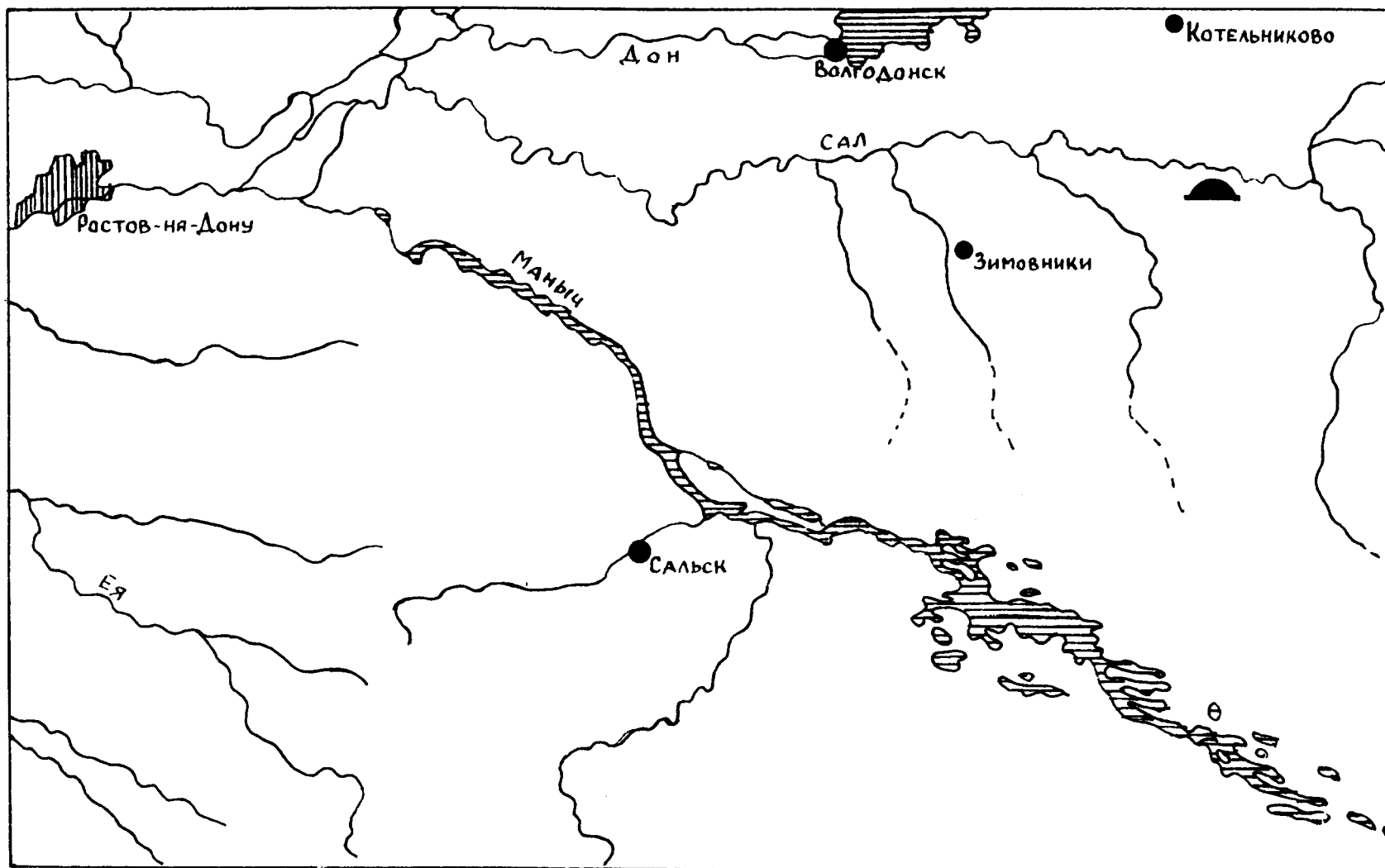

Рис. 1

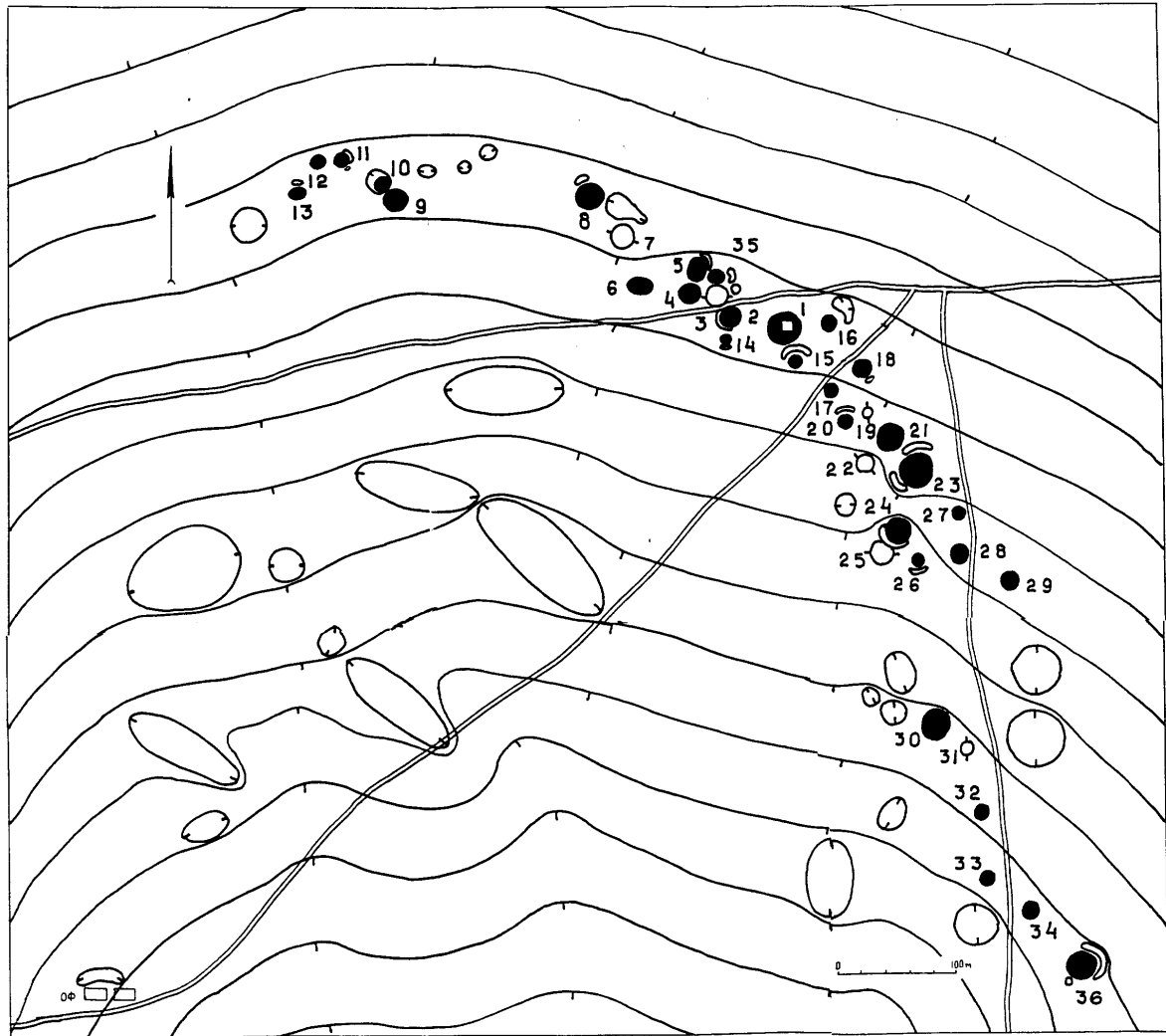
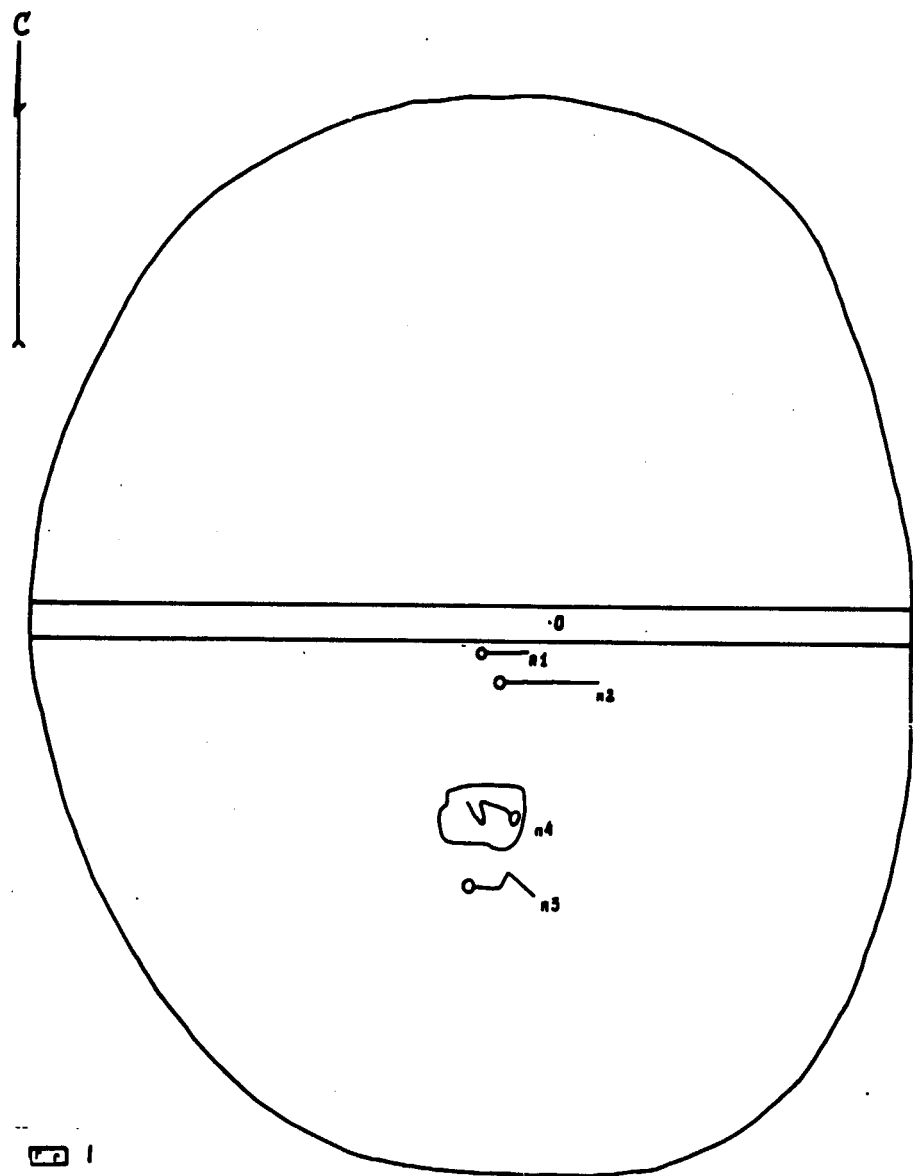

Рис. 3

Южный фас бровки

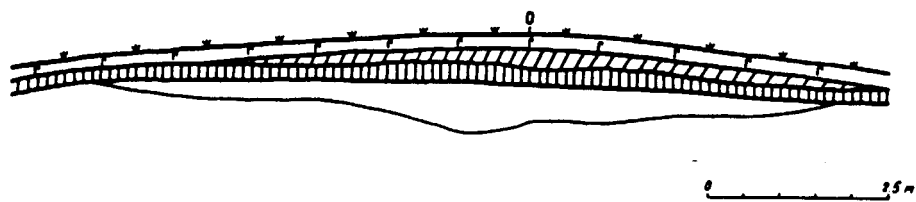

Рис. 4

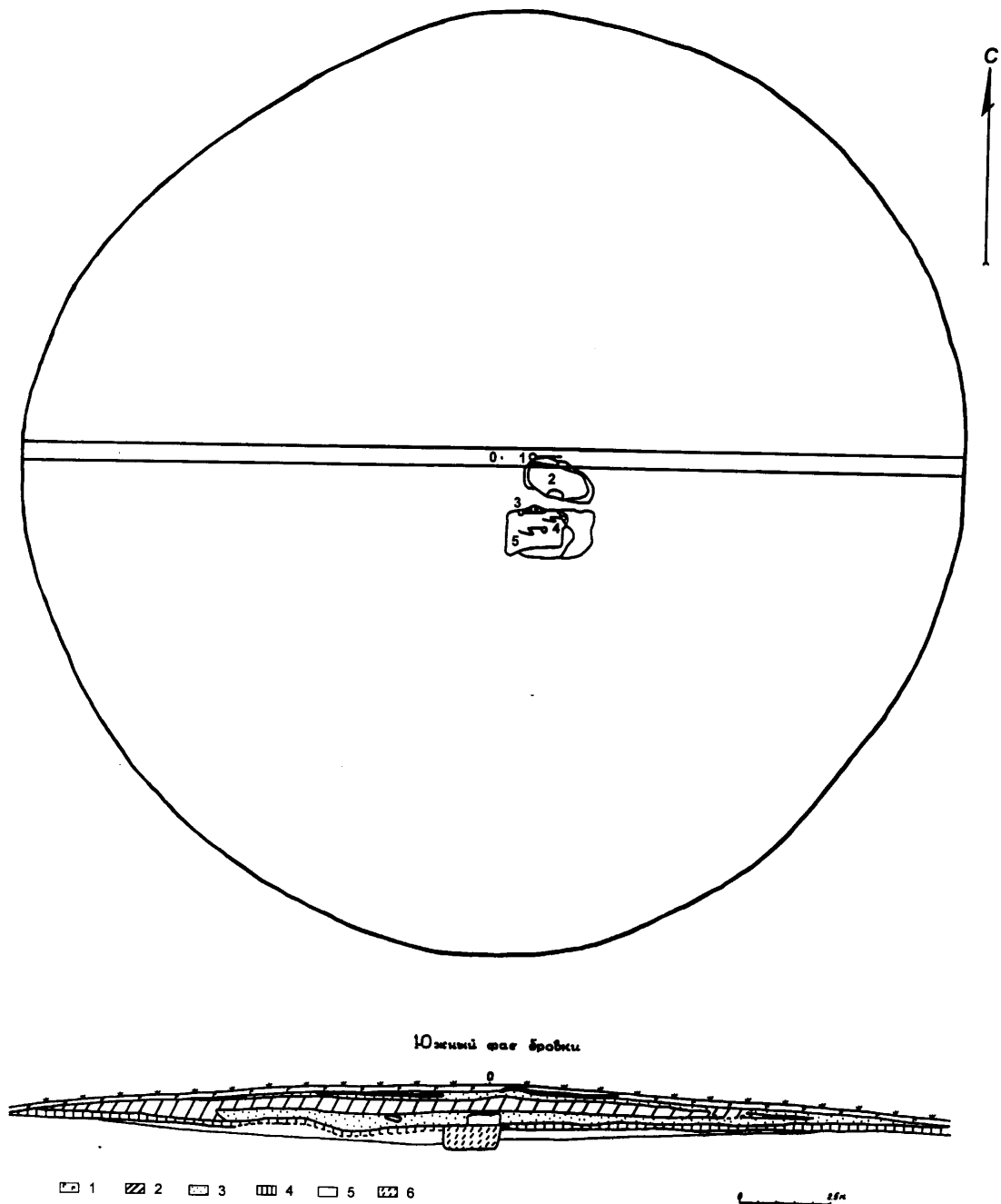

Рис. 5

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ САРМАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ III В. ДО Н. Э.*

В.М. Клепиков

В 80-х гг. Заволжская экспедиция ВГПИ под руководством А.В. Лукашова проводила раскопки в Палласовском районе Волгоградской области. Ряд сарматских погребений, открытых в 1982, 1984 гг. у оз. Эльтон, представляют несомненный интерес в контексте дискуссии о возможности выделения сарматских комплексов III в. до н. э. Два из них исследовано в курганный группе, расположенной в 2 км к ЮВ от с. Венгеловка, к С от оз. Эльтон.

Курган 2, высотой 0,7 м, диаметром по линии С—Ю 12,5 м, по линии З—В — 17,3 м, был сооружен в срубное время. В раннесарматскую эпоху в центральной части кургана была вынута часть насыпи и в материке приготовлена прямоугольная площадка. На ее поверхности были вырыты могильные ямы погребений 10 и 11, совершенных одновременно. Между ними была оставлена материковая перемычка. Остальные погребения в кургане также относятся к раннесарматскому времени (рис. 1).

Погребение 10 представляло собой подбойное захоронение. Входная яма подпрямоугольной формы, размеры 2,30 × 0,92 м, длинной осью была ориентирована по линии СЗ—ЮВ. Вдоль северной стенки на глубине 0,35 м была оставлена косая ступенька шириной от 0,4 до 0,1 м. Дно входной ямы находилось на глубине 0,75 м от поверхности площадки, с которой рылась яма, и 1,97 м от современной поверхности кургана. Подбой, устроенный в южной стенке, имел длину 1,83 м, ширину 0,49 м, высоту свода 0,41 м. На дне входной ямы лежал скелет мужчины 30—35 лет, вытянуто на спине, головой на ЮВ, череп на левом виске. В подбое лежал скелет ребенка 1—2 лет, вытянуто на спине, головой на ЮВ, черепом на затылке (рис. 2, 1).

1. Под правым плечом мужчины лежало бронзовое зеркало с обломанной боковой ручкой-штырем и валиком по краю, в деревянном, обтянутом кожей футляре. Диаметр диска — 10 см, ширина валика — 0,8 см (рис. 2, 7).

2. Справа от костяка, вдоль ступеньки, лежал длинный железный меч с прямым перекрестием и серповидным навершием. Длина меча — 120 см (рис. 2, 5).

3. Вдоль правого бедра лежал железный кинжал с прямым перекрестием и серповидным навершием. Длина кинжала — 42,5 см (рис. 2, 6).

4. В подбое, вдоль правой ноги ребенка, на 15 см выше дна лежали три фрагмента железного предмета, один из которых напоминает втулку (наконечник копья?).

5. У рукояти кинжала и у колена левой ноги ребенка найдено по альчику барана.

6—7. У входа в подбой, вдоль голени левой ноги мужчины, были положены бронзовые и железные наконечники стрел. Из них: 7 бронзовых трехлопастных наконечников с внутренней втулкой и опущенными вниз жалцами длиной 2,4 см (1 шт.), 3,4 см (4 шт.), 3,8 см (2 шт.); 20 железных наконечников с длинными черешками. Форма головок в большинстве случаев не ясна из-за коррозии, однако в двух случаях восстанавливается трехгранная форма. Черешки имели длину 6—8 см, головки — 2,0—2,5 см (рис. 2, 2).

8. В ногах мужского костяка стоял глиняный лепной горшок с шаровидным туловом, отогнутым наружу венчиком и уплощенным дном. Горло отделено от тулова двумя рельефными круговыми валиками. По верхней части тулова проходят косые полосы пучками из 3—5 полос. Поверхность горшка оранжевого цвета, тесто в изломе темное, с примесью керамического боя. Высота горшка — 22,5 см, диаметр венчика — 11,0 см, горла — 9,8 см, тулова — 23,0 см, дна — 9,5 см (рис. 2, 3).

9. В ногах детского костяка стоял глиняный лепной горшок с невысоким горлом, отогнутым наружу венчиком, несколько асимметричным туловом и уплощенным дном. По верхней части тулова проходят три круговых рельефных валика, от которых вниз отходят четыре пучка коротких полос, по три и по четыре полосы. Поверхность горшка от

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 00-01-00061а/В.

оранжевого до темно-коричневого цвета, тесто в изломе темное, с примесью керамического боя. Высота горшка — 16,4 см, диаметр венчика — 10,3 см, горла — 9,0 см, тулова — 16,3 см, дна — 6,3 см (рис. 2, 4).

10. В ногах мужского костяка, рядом с сосудом, лежали кости передних ног с лопатками и ребра барана.

Погребение 11 было совершено в широкой прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии С—Ю, размерами $2,37 \times 1,97$ м. На глубине 0,65 м от уровня площадки вдоль западной стенки была оставлена приступка шириной 0,81 м. Дно ямы находилось на глубине 0,75 м от площадки и 2,05 м от современной поверхности кургана. В заполнении ямы найден обломок донной части срубного сосуда со следами расчесов по тулову. Видимо, здесь при сооружении площадки и погребения 11 было уничтожено срубное захоронение. Судя по оставленной приступке, вероятно, первоначально планировалось выкопать подбойную яму, но в песчаном грунте подбой соорудить не удалось. На дне ямы лежал скелет мужчины 40—45 лет, вытянуто на спине, головой на юг, черепом на затылке. Вдоль левой ноги мужского костяка лежал скелет ребенка, на спине, с разворотом на левый бок, головой на юг, черепом на левом виске. Правая рука его была отставлена в сторону перпендикулярно туловищу и лежала на коленях мужского костяка, левая рука протянута вдоль туловища, ноги согнуты в коленях под острым углом и коленями направлены к западу. Под погребенными прослежен белесый тлен подстилки (рис. 2, 8).

1. Слева от мужского костяка, вдоль ступеньки, лежал длинный железный меч с прямым перекрестием и серповидным навершием. Длина меча — 1,19 м (рис. 2, 11).

2. На лезвии меча на уровне локтевого сустава лежала бронзовая ворворка в виде усеченного конуса диаметром 2,2 см и высотой 1,1 см (рис. 2, 9).

3. У черепа детского костяка найдена маленькая бусина (бисер) из желто-красного стекла (рис. 2, 10).

4. В ногах погребенных стоял лепной сосуд с уплощенным дном, яйцевидным туловом, цилиндрическим горлом и отогнутым наружу венчиком. С одной стороны имелась петлевидная ручка, с другой — носик-слив, выполненный в виде ручки. Горло отделено от тулова тремя круговыми рельефными валиками, ниже которых проходит орнамен-

тальный фриз из ромбов, вписанных друг в друга. Поверхность сосуда коричневого цвета с темными пятнами и следами лощения. Тесто в изломе темное, с примесью керамического боя. Высота сосуда — 21,4 см, диаметр венчика — 11,2 см, горла — 10,0 см, тулова — 20,0 см, дна — 8,0 см (рис. 2, 12).

5—6. На сосуде лежали кости половины тушки барана с черепом и обломок черенка железного ножа.

Курган 13, раскопанный в 1984 г. на целине у северного берега оз. Эльтон, представлял собой одиночную насыпь высотой 0,6 м, диаметром по линии С—Ю 30,5 м, по линии 3—В — 24,5 м. Анализ погребенной почвы (в сравнении с другими курганами, раскопанными в 1983 и 1984 гг.) показал, что курган был сооружен в эпоху бронзы. Основное погребение уничтожено ямой скотомогильника.

Находки в насыпи:

А. В 14 м к С от центра кургана на глубине 0,35 м найдены обломки глиняного горшка с чуть отогнутым наружу верхним краем, расширяющимся кверху туловом и плоским дном. По верхней части тулова нанесен орнаментальный пояс из фестонов, заштрихованных косыми линиями, и просверлены многочисленные отверстия диаметром 5—8 мм. Поверхность светло-коричневого цвета с темными пятнами. Тесто темное, с обильной примесью слюды и незначительной — керамического боя. Высота горшка — 40 см, диаметр по верху — 34 см, тулова — 34 см, дна — 11 см (рис. 3, 7).

Б. Рядом с горшком лежали остатки железного уздечного набора, в составе которого были два небольших восьмеркообразных двудырчатых псаля длиной 6—7 см, звено кольчатых удил с диаметром кольца 5,5 см и несколько мелких обломков удил (рис. 3, 8).

Погребение 2 было сооружено в подбойной могиле. Небольшой дромос ($1,55 \times 1,00$ м) под углом примыкал ко входной яме. Она имела прямоугольную форму, длину 2,8 м, ширину 1,0 м, глубину от современной поверхности 3,8 м и длинной осью была ориентирована по линии ССВ—ЮЮЗ. Вдоль западной стенки прослежены две ступеньки шириной по 30 см. В восточной стенке сооружен подбой, длиной равный длине входной ямы, глубиной 1,35 м. На дне на подстилке лежал костяк мужчины зрелого возраста, вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ, левая рука слабо согнута в локте, правая — вдоль туловища (рис. 3, 1).

1. На нижней ступеньке лежал предмет цилиндрической формы с выделенным торцовым краем, размерами $5,8 \times 2,1 \times 1,7$ см (рис. 3, 3).

2. Ниже кисти левой руки найден оселок длиной 8,6 см, сильно сточенный в средней части (рис. 3, 4).

3. Вдоль правого бедра лежал железный кинжал с прямым перекрестием, навершие не сохранилось. Длина клинка — 29,5 см (рис. 3, 6).

4. У колена левой ноги найдена костяная проколка с Г-образным выступом и сквозным отверстием, длиной 19 см (рис. 3, 5).

5. Рядом с проколкой находился пучок бронзовых и железных наконечников стрел, 29—30 штук. Из них: 3 бронзовых трехлопастных наконечника с треугольной головкой, внутренней втулкой и опущенными вниз жальцами длиной 2,7 см; 18 железных трехлопастных наконечников с длинными черешками, длиной головки 2 см, черешка — 6,8—7,0 см; 8—9 железных наконечников с массивной сводчатой головкой, опущенными жальцами и выступающей втулкой. Во втулки вставлены длинные железные черешки. Длина головки — 3,5—4,5 см, втулки — 1,8—2,0 см, выступающей части черешка — 3—4 см (рис. 3, 2).

6. В ногах погребенного стоял раздавленный землей глиняный лепной горшок. У него сужающееся кверху горло с отогнутым наружу венчиком, шаровидное тулово и уплощенное дно. Под горлом проходит круговой рельефный выступ, ниже которого нанесен орнаментальный пояс в виде двойной зигзагообразной линии, ограниченной снизу двумя врезными круговыми линиями. Поверхность горшка светло-коричневого цвета с темными пятнами, тесто в изломе темное, с примесью керамического боя и мелкотолченых костей. Высота сосуда — 28,6 см, диаметр венчика — 11,2 см, горла от 10,0 до 12,0 см, тулова — 30,0 см, дна — 12,2 см (рис. 3, 9).

Мною в ряде предыдущих работ предлагался метод датировки сарматских памятников III в. до н.э. по сочетанию в вещевом комплексе предметов, бытовавших в датируемых IV и II—I вв. до н.э. (Клепиков В.М., 1997, с. 16—17; 1998, с. 14—15; Клепиков В.М., Скрипкин А.С., 1997, с. 31—33). Следует лишь отметить, что список выделенных памятников будет невелик, поскольку сочетание в одном комплексе разновременных предметов не может быть частым явлением. Кроме того, «проблема III века» фак-

тически подразумевает временные рамки III и какой-то части II века, так как надежные датировки восстанавливаются преимущественно со второй половины II в. до н.э., с появлением импортов в сарматских погребениях (Скрипкин А.С., 1990, с. 106—107; 1992, с. 7).

Вышеописанные погребения могут быть датированы в упомянутом хроноинтервале. Одним из показателей служит сочетание в погребении бронзовых втульчатых и железных черешковых наконечников стрел. В Скифии бронзовые наконечники исчезают к началу III в. до н.э. вместе со скифами, а появившиеся в Северном Причерноморье сарматы во II в. до н.э. использовали железные наконечники стрел (Полин С.В., 1992, с. 77; Симоненко О.В., 1999, с. 7). На Кубани и в Подонье бронзовые наконечники отсутствуют с рубежа IV—III вв. до н.э. (Марченко И.И., 1996, с. 63—64; Максименко В.Е., 1983, с. 103—104). В Нижнем Поволжье они окончательно исчезают ко II в. до н.э. (Скрипкин А.С., 1990, с. 139). Во всяком случае, ни в одном из колчанных наборов в комплексах, обоснованно датированных II—I вв. до н.э., по данным А.С. Скрипкина, бронзовых наконечников нет (Скрипкин А.С., 2000, с. 143—144). Речь, разумеется, идет об использовании наконечников по прямому назначению, поскольку единичные экземпляры в качестве амулетов известны даже в среднесарматское время. Правда, В.Ю. Зуев высказал уверенность в боевом применении бронзовых наконечников стрел во II—I вв. до н.э., приведя в качестве доказательства материалы Красногорского кургана и кургана 7 из Белокаменки, где бронзовые наконечники были воткнуты в тела погребенных (Зуев В.Ю., 1998а, с. 149). К сожалению, он не указал, что в Красногорском кургане погребение с бронзовыми наконечниками и железным мечом с прямым перекрестием и серповидным навершием было основным в кургане, а в насыпи того же кургана найдены мечи, которые не могут быть старше самого погребения, и у одного из них сохранилась рукоять с дуговидными перекрестием и навершием (Аниховский А., 1906, с. 75; Макаренко Н., 1906, с. 76—88). Следовательно, комплекс должен быть датирован IV или рубежом IV—III вв. до н.э. Во втором комплексе (Белокаменка, кург. 7, погр. 3), безусловно, относящемся ко II—I вв. до н.э., единичный бронзовый наконечник нельзя считать вонзенным в тело погребенного. Он был просто найден на дне ямы около женского костяка. Учитыв-

вая, что рядом с соседним мужским костяком лежал целый колчаный набор исключительно из железных черешковых наконечников, было бы логичнее предположить вторичное использование бронзового (Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А., 1999, с. 138, рис. 3, 4; 4)¹.

Найденные вместе с бронзовыми железные черешковые наконечники стрел с трехлопастной и трехгранной головкой появляются на рубеже IV—III вв. до н. э., получив в дальнейшем широкое распространение в сарматском вооружении (Хазанов А.М., 1971, с. 36—37). Ранними признаками для них является наличие длинных черешков (Скрипкин А.С., 1990, с. 141). Сочетание в одном комплексе бронзовых втульчатых и железных трехгранно-трехлопастных наконечников стрел с длинными черешками в описанных выше погребениях позволяет датировать такие комплексы III — первой половиной II в. до н. э. В погребении 2 кургана 13 у оз. Эльтон найдены железные стержни, вставленные во втулки железных наконечников стрел. Такие стержни, известные как «утяжелители древков», появляются уже в савроматское время в Приуралье, употребляются в раннепрохоровских комплексах, а затем получают распространение в Прикубанье (Смирнов К.Ф., 1964, с. 255—256; Мошкова М.Г., 1963, с. 32; Марченко И.И., 1996, с. 111).

Мечи из кургана у с. Венгеловка относятся к одним из самых распространенных типов раннесарматских мечей и кинжалов с прямыми перекрестиями и разными вариантами серповидных наверший. Исследователи, отмечая их массовое распространение в раннесарматских погребениях, называют IV в. до н. э. как дату появления первых экземпляров (Смирнов К.Ф., 1961, с. 27; Мошкова М.Г., 1963, с. 34; Васильев В.Н., 1995, с. 10). Правда, обосновывая хронологическую лакуну III в. до н. э., В.Ю. Зуев развенчивает доказательную базу этого утверждения и ограничивает рамки бытования таких мечей концом II — I в. до н. э. (Зуев В.Ю., 1998а, с. 144—148). Тем не менее убедительнее выглядит традиционная дата, подтверждаемая комплексами Рычковских (кург. 2, погр. 1) и Яковлевских курганов (кург. 3, погр. 1). Мечи с прямыми перекрестиями и серповидными навершиями сочетаются в этих погребениях с таль-

ковой керамикой, большим количеством бронзовых наконечников стрел со сводчатой головкой и бронзовыми ворворками (Васильев В.Н., 1984, с. 34—35, рис. 1—2; Федоров В.К., Васильев В.Н., 1998, с. 66—67, рис. 11—13). К тому же со второй четверти, но не позже второй половины III в. до н. э. так называемые прохоровские мечи, не характерные для оседлого населения Прикубанья, фиксируются на Северо-Западном Кавказе и оказывают влияние на местные типы (Марченко И.И., 1996, с. 50—54; Абрамова М.П., 1999, с. 102—103). Следует заметить, что в Приуралье и Поволжье известен еще ряд комплексов с классическими прохоровскими мечами и тальковой керамикой (Железчиков Б.Ф., 1998, с. 61—63, рис. 43; Мысков Е.П., 1992, с. 127—135, рис. 4). К тому же приуральский комплекс (Жарсуат I, кург. 2 погр. 4) представляет собой коллективное захоронение четырех человек с положением меча поперек бедер одного из них, что более характерно для погребений V—IV, чем для II—I вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1974, с. 18; Скрипкин А.С., 1997, с. 188—189). М.Г. Мошкова, указывая на исчезновение талька в сосудах III—II вв. до н. э., не исключала редких находок такой керамики среди посуды этого времени (Мошкова М.Г., 1974, с. 22—23). Однако до сих пор не известно ни одного сосуда с тальковой примесью в хорошо датированных комплексах II—I вв. до н. э. Поэтому не будет большой натяжкой предположение, что тальковая керамика прекращает свое бытование в пределах III — первой половины II в. до н. э.

В недавних публикациях, посвященных хронологии раннесарматских памятников, предложенные подходы к проблеме III в. до н. э. нашли как сторонников (Железчиков Б.Ф., Скрипкин А.С., 1997, с. 213; Абрамова М.П., 1999, с. 98—107; Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А., 2000, с. 76—77), так и непримиримого критика (Зуев В.Ю., 1999а, с. 305—324). Не имея возможности в рамках этой статьи скрупулезно ответить на все вопросы, чтобы развеять сомнения, высказанные уважаемым оппонентом, хотелось бы выделить позиции, вызывающие у меня принципиальное несогласие с ним. Стремясь обосновать hiatus III в. до н. э., В.Ю. Зуев ставит под сомнение культурное единство ран-

¹ В описание вкралась досадная ошибка, поскольку бронзовый наконечник, упомянутый в списке мужского инвентаря, находился у локтя женского костяка и на чертеже обозначен планом 11.

несарматских памятников IV и II—I вв. до н. э., игнорируя те многочисленные общие черты в погребальном обряде массовой культуры, которые зафиксированы исследователями (Смирнов К.Ф., 1975, с. 156—175; Мошкова М.Г., 1974, с. 10—20; Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988, с. 141—159; Таиров А.Д., 1998, с. 87—96), и предлагая в качестве эталона элитарные комплексы, не ординарные по определению (Зуев В.Ю., 1998б, с. 45—50). Но как тогда объяснить общие традиции концентрического расположения могильных впускных захоронений, конструкций погребальных сооружений, южной ориентировки, напутственной пищи в комплексе диагностирующих признаков, определяющих раннесарматский погребальный обряд? Усиливая свою аргументацию, оппонент обращается к предложенным мной спискам хроноиндикаторов и отмечает, что лишь некоторые категории погребального инвентаря «встречаются в том и другом перечне и, следовательно, существуют без сбоев на всем протяжении существования... культуры IV—I вв. до н. э.» (Зуев В.Ю., 1999а, с. 322). Иными словами, предлагается видеть разрыв не только в погребальной традиции, но и в бытовании большинства вещей. При этом игнорируется то обстоятельство, что в упомянутые перечни вошли лишь те вещи, которые известны в IV в. до н. э., но отсутствуют во II—I вв. до н. э., и наоборот. Те категории и типы вещей, которые продолжали использоваться на протяжении всей эпохи, конечно, не привлекались в качестве хроноиндикаторов, но это ни в коем случае не говорит об их отсутствии.

Превращая III в. до н. э. из «темного века» в непроходимую пропасть, В.Ю. Зуев раздвигает ее размеры до трехсот лет, устанавливая пределы с V — начала IV в. по рубеж II—I вв. до н. э. (Зуев В.Ю., 1998а, с. 148). Мне непонятно, во-первых, как дата II—I вв. до н. э. превратилась в рубеж II—I вв. до н. э., а во-вторых, почему бытующие в это время вещи а priori используются как хроноиндикаторы, определяющие начало бытования? В этом качестве выступают, например, бронзовые зеркала с валиком по краю и боковой ручкой-штырем (Зуев В.Ю., 1999а, с. 311, 314—315). Если автора не убеждают находки таких зеркал вместе с бронзовыми наконечниками стрел, бронзовыми ворворками и тальковой керамикой, то античные импорты Прикубанья должны положить конец его сомнениям (Марченко И.И.,

1996, с. 21; Абрамова М.П., 1999, с. 103—104). Начальная дата предложенной лакуны тоже требует дополнительной аргументации. Даже если согласиться с весьма спорной новой хронологией курганов Прохоровки (Зуев В.Ю., 1999б, с. 327), нельзя игнорировать многочисленные раннесарматские комплексы IV в. до н. э., исследованные к настоящему времени. Во всяком случае, способ датировки, предложенный В.Ю. Зуевым в процессе полемики с Б.Ф. Железчиковым, не убеждает. Предложив список ранних памятников и не датируя их самостоятельно, автор отсылает читателей к работе А.Х. Пшеничнюка, который связывает эти комплексы «с так называемой «савроматской» культурой Южного Приуралья и приводит в соответствующем разделе своей книги весьма убедительные доводы в пользу их датировки V в. до н. э.» (Зуев В.Ю., 1998в, с. 15—16). Причем в список этих комплексов ненавязчиво вкрапляются такие памятники, как Тавлыкаево IV (кург. 1, погр. 2, 6), Михайловка (кург. 1), Байгускаково (кург. 1, погр. 1), самим А.Х. Пшеничнюком помещенные под рубрикой «Прохоровская культура (IV—II вв. до н. э.)» (Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 102, табл. 2). Затем следует пожелание В.Ю. Зуева своему оппоненту: «Если Б.Ф. Железчиков не согласен с этими датами, то он должен был бы сначала представить свои аргументы, позволяющие ему омолаживать на столетие памятники ранней и поздней классики, и только после этого включать их в свою БД» (Зуев В.Ю., 1998в, с. 16).

Мой уважаемый оппонент обладает несомненным даром образно представить проблему. Однако III в. до н. э. выглядит подобием «узкого места стеклянной колбы песчаных часов» (Зуев В.Ю., 1999а, с. 309) не из-за отсутствия самих памятников, а в силу сложности их выделения. Если в вещевом комплексе вместе с предметами, хорошо известными в погребениях раннесарматской культуры, не найдены вещи, бытующие в IV или исключительно (sic!) во II—I вв. до н. э., мы будем вынуждены датировать их широко — III—I вв. до н. э. В этом я абсолютно согласен с М.П. Абрамовой (Абрамова М.П., 1999, с. 106). Мне также близко представление В.Ю. Зуева о III в. до н. э. как проблеме «поиска черной кошки в темной комнате» (Зуев В.Ю., 1999а, с. 308). Однако я не могу взять в толк: почему, присоединившись к этим поискам, нужно еще и зажиматься?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П., 1999. О некоторых спорных вопросах хронологии раннесарматской культуры // *Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи*. М.

Аниховский А., 1906. Раскопка кургана в поселке Красногорском // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. XVI. Оренбург.

Васильев В.Н., 1984. Новые данные о каменных курганах ранних кочевников Южного Урала // *Памятники кочевников Южного Урала*. Уфа.

Васильев В.Н., 1995. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI—II вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа.

Железчиков Б.Ф., 1998. Археологические памятники Уральской области. Волгоград.

Железчиков Б.Ф., Скрипкин А.С., 1997. Заключительные замечания // *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии*. Вып. II: Раннесарматская культура (IV—I вв. до н. э.). М.

Зуев В.Ю., 1998а. К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского типа // *Военная археология: оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции*. СПб.

Зуев В.Ю., 1998б. Периодизация археологических памятников центральной части европейского пояса степей I тысячелетия до н. э. (по материалам Южного Приуралья) // *Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь: Международная конференция памяти М.И. Артамонова. Тезисы докладов*. СПб.

Зуев В.Ю., 1998в. Раннесарматская культура IV—III вв. до н. э. Статистический феномен и археологическая реальность. СПб.

Зуев В.Ю. 1999а. О путях решения «проблемы III в. до н. э.» в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // *Stratum. Скифский квадрат*. СПб.; Кишинев; Одесса.

Зуев В.Ю., 1999б. Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // *SUSSITIA. Памяти Юрия Викторовича Андреева*. СПб.

Клепиков В.М., 1997. Сарматские памятники III в. до н. э. и проблема их выделения // *Чтения в Волгоградском областном обществе краеведов*. Волгоград.

Клепиков В.М., 1998. Сарматы IV—III вв. до н. э. в Заволжье и Волго-Донском междуречье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С., 1997. Ранние сарматы в контексте исторических со-

бытий Восточной Европы // *Донские древности*. Вып. 5. Сарматы и Скифия. Азов.

Макаренко Н., 1906. Продолжение раскопки кургана около пос. Красногорского Оренбургского уезда // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. XVI. Оренбург.

Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д.

Марченко И.И., 1996. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар.

Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А., 1999. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // *Нижневолжский археологический вестник*. Вып. 2. Волгоград.

Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // *САИ*. Вып. Д1—10. М.

Мошкова М.Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.

Мысков Е.П., 1992. Сарматские погребения из курганов у Волжского и Кияковки // *Древности волго-донских степей*. Вып. 2. Волгоград.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А., 2000. Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия до н. э. // *Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Вып. 1. Самара.

Полин С.В., 1992. От Скифии к Сарматии. Киев.

Пшеничнюк А.Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Симоненко О.В., 1999. Сарматы Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етно-політична історія: Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.

Скрипкин А.С., 1992. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.

Скрипкин А.С., 1997. Анализ сарматских памятников III—I вв. до н. э. // *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии*. Вып. II: Раннесарматская культура (IV—I вв. до н. э.). М.

Скрипкин А.С., 2000. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II—I вв. до н. э. // *Раннесарматская*

культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101. М.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.

Смирнов К.Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.

Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск.

Таиров А.Д., 1998. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II. Оренбург.

Федоров В.К., Васильев В.Н., 1998. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. Уфа.

Хазанов А.М. 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Венгеловка-82. План и профиль кургана 2.

Рис. 2. Венгеловка-82. Кургана 2: 1—7—погребение 10; 8—12—погребение 11.

Рис. 3. Эльтон-84. Кургана 13, погребение 2.

SUMMARY

ON THE PROBLEM OF SINGLING OUT THE SARMATIAN MONUMENTS OF III BC

V.M. Klepikov

The materials of three burials of the Early Sarmatian Culture from Zhavolzhye region (the left bank of the Volga) are published in the article. These graves are of great interest being in the context of the discussion about singling out the monuments of the III BC. The author offers a method of dating which has made it possible to define the chronological frames of the graves as the III — beginning of the II BC. One of the criteria for such dating is the combination of bronze and iron arrow-heads. The chronological positions and dates of other items from the graves are also defined in the publication.

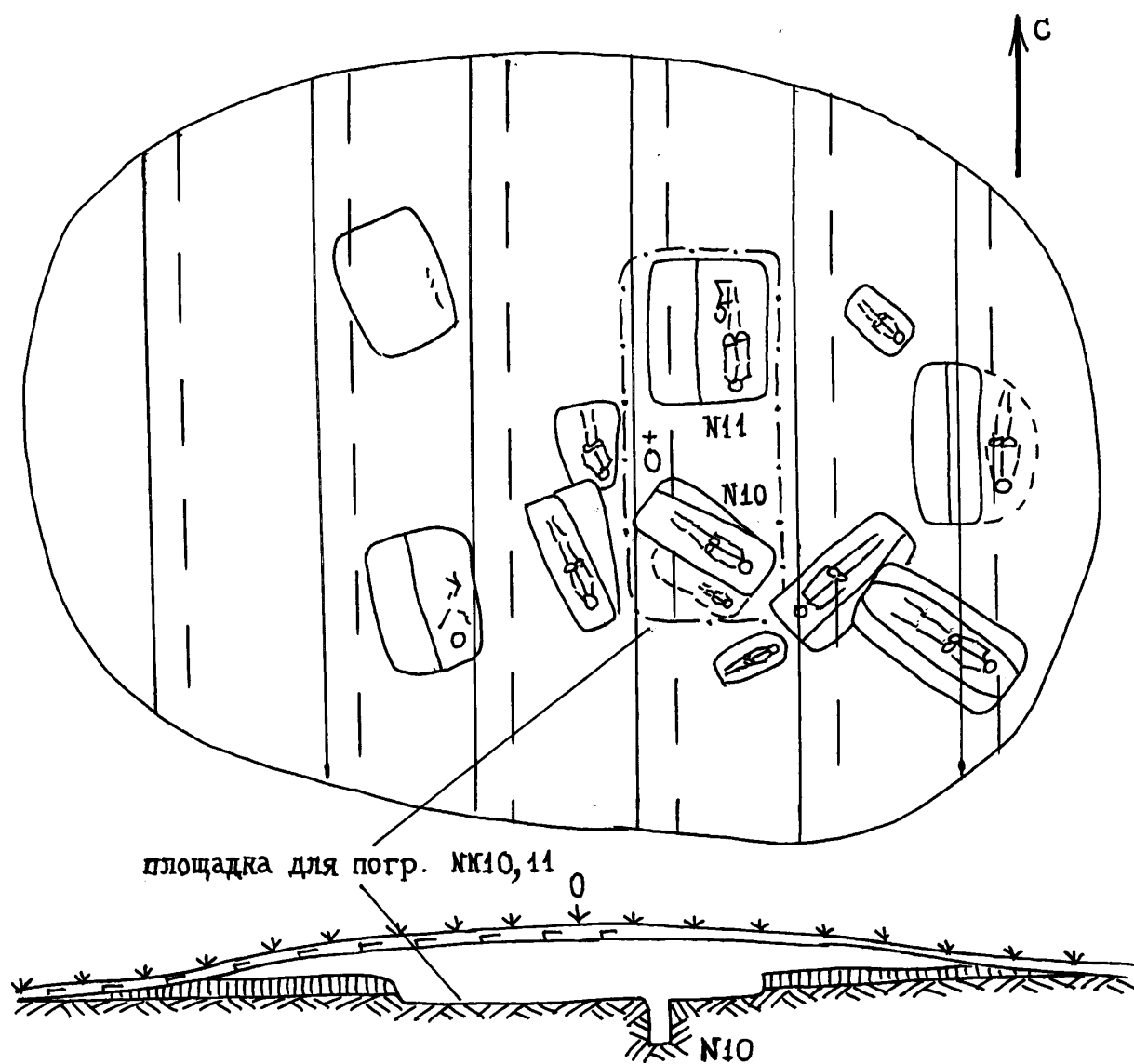

Рис. 1

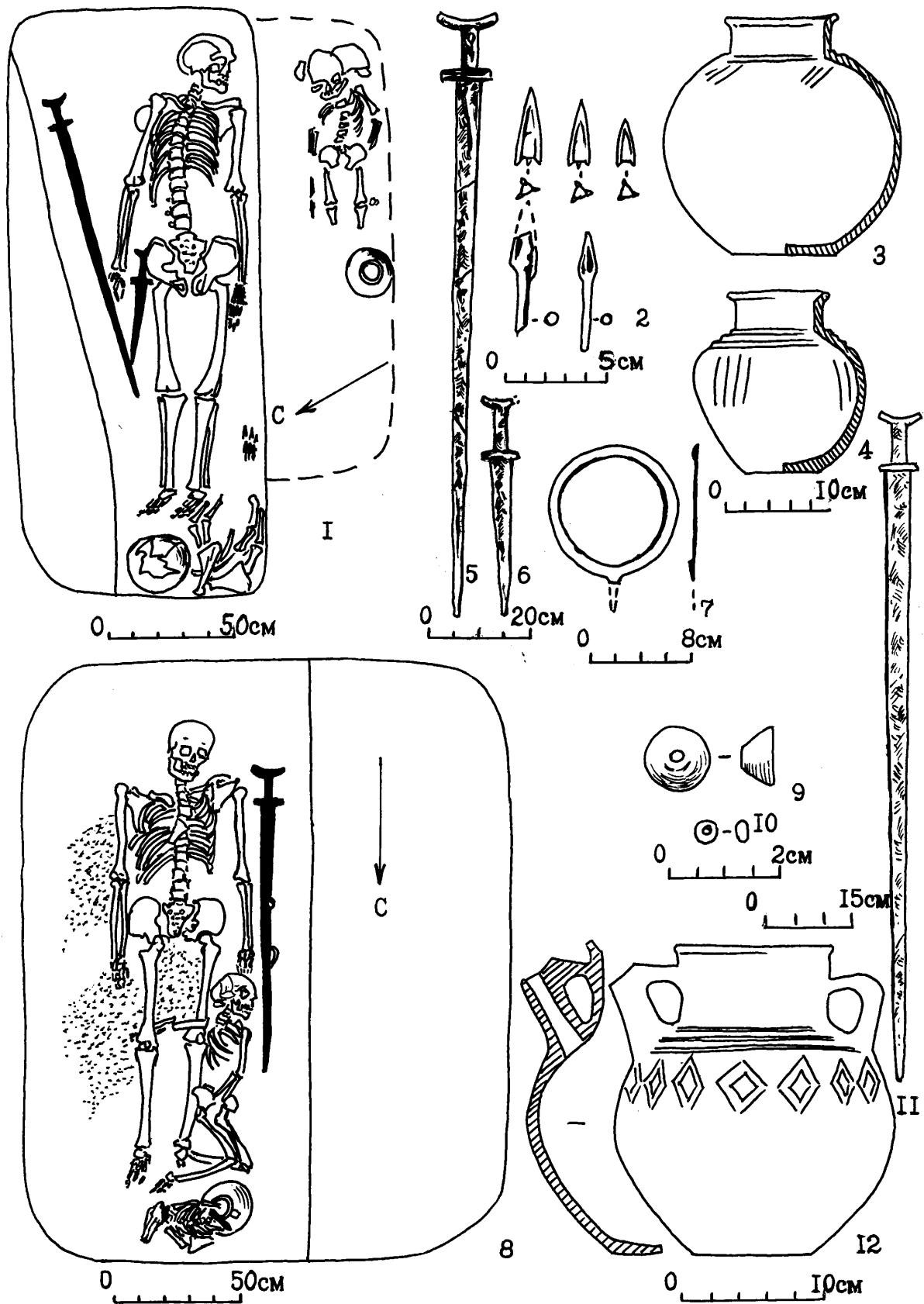

Рис. 2

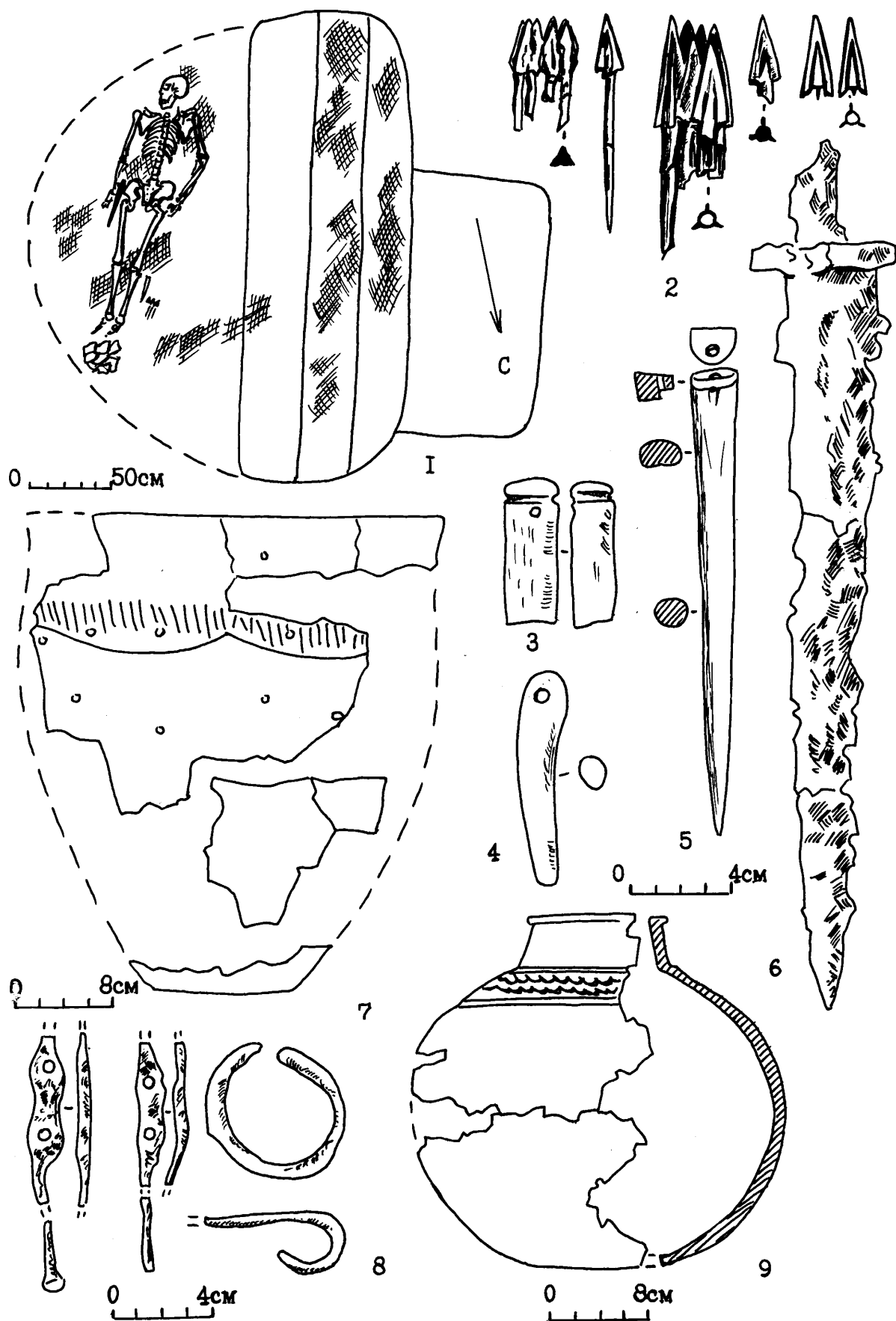

Рис. 3

ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ КОСТЮМА НА ФАЛАРЕ ИЗ ЯНЧОКРАКСКОГО КЛАДА

В.И. Мордвинцева, Е.В. Переводчикова

Как известно, среди фаларов Янчокракского клада имеется нагрудная бляха с изображением некоего крылатого персонажа (рис. 1, 1). При всем разнообразии точек зрения по поводу интерпретации данного существа, костюм его, как правило, споров не вызывает, — практически все исследователи, начиная с Б.В. Фармаковского, называют его подпоясанным хитом (Pharmakowsky В., 1909, s. 192; Ростовцев М.И., 1993, с. 42; Гущина И.И., 1969, с. 44). По отношению к этому мнению явно стоит особняком графическая реконструкция С.А. Яценко (Яценко С.А., 1993, с. 99, рис. 1/12), к сожалению, не снабженная никакими комментариями.

Объяснение одежды персонажа с Янчокракского фалара как хитона в значительной степени, видимо, основано на изображении спускающихся от плеч к поясу рельефных линий, которые можно интерпретировать как складки. Именно эти складки вполне отчетливо вызывают в сознании образ хитона, а при такой точке зрения остальные детали костюма оцениваются как второстепенные, незначительные. Следует заметить, однако, что некоторые из этих деталей, например треугольный вырез с орнаментированным кантом, не вполне соотносятся с исходной интерпретацией, поэтому обычно не объясняются.

В то же время совсем не обязательно так же воспринимал это изображение человек другой культуры. Мы не знаем, какие изобразительные элементы были для него значимы при восприятии костюма. Поэтому попытаемся рассмотреть все признаки одеяния янчокракского персонажа, не отдавая предпочтения ни одному из них.

Одежду можно проследить примерно до линии бедер. По талии фигуру пересекает полоса параллельных линий, рельефных и прочерченных, пространство между которыми заполнено различными графическими орнаментами — точками и зигзагами.

От плеч к талии спускаются рельефные линии, между которыми также проставлены точки.

Горловина оформлена двумя полосами графического орнамента (волнистая линия),

сходящимися почти под прямым углом. Свободное от рельефа пространство посередине фигуры заполнено тремя вертикальными линиями из точек.

Над локтями и на запястьях помещены параллельные линии с мелким графическим орнаментом.

От талии спускаются группы рельефных волнистых линий, заканчивающихся рельефными же кружочками с углублениями по центру. Ниже мы видим «бегущую волну», завитки которой заполнены беспорядочно набитыми точками. Под этим рядом орнамента прослеживаются параллельные линии с зигзагами и точками между ними, эта группа линий обрезана краем медаллона.

Прежде чем давать какую-либо интерпретацию одежде янчокракского персонажа, вспомним о том, что изобразительная традиция все же всегда условна. Имея дело с памятником искусства, едва ли следует рассчитывать на прямую, точную передачу всех деталей изображаемого предмета. Каждый мастер, работавший в рамках традиционной культуры, изображал не предмет, а некое представление о нем. Это представление передавалось соответствующим набором признаков, которые были понятны современникам. Варьирование, разумеется, не исключалось, но существовали некие пределы, его ограничивающие.

Специфика каждого стиля поэтому состоит в определенном наборе условностей, делающих изображения не вполне сходными с их реальными прототипами, причем «именно особенности этого «несходства» в значительной мере определяют специфику того или иного стиля» (Виппер Б., 1962, с. 11). Таким образом, пытаясь понять, что изображено в том или ином случае, нужно отталкиваться от специфики конкретной традиции.

Фалары Янчокракского клада выполнены в особом «причерноморском графическом стиле» (Мордвинцева В.И., 1996, с. 10–14), появившемся в Северном Причерноморье в начале сарматской эпохи — II в. до н. э. Стиль этот сочетает в себе элементы различных традиций, при этом в какой-то мере наследует

северопричерноморской торевтике IV в. до н. э. (Мордвинцева В.И., Переводчикова Е.В., в печати). Одной из характерных черт этого стиля, собственно, давших ему название, является выражение графическими средствами разнообразных нюансов рельефа, что во многом определяет специфику условности данной изобразительной традиции.

Итак, попробуем понять детали костюма янчокракского персонажа исходя из специфики изобразительного языка причерноморского графического стиля.

Полоса орнамента на талии, несомненно, обозначает пояс. Полосы похожего орнамента, помещенные на руках, М.И. Ростовцевым были интерпретированы как браслеты (Ростовцев М.И., 1993, с. 42).

Однако можно предложить и другую трактовку. Точно такие полосы мы видим на тех же местах в изображении костюма персонажей на колпачке из Передериевой Могилы (Моруженко А.О., 1992), — там прочерченные параллельные линии также чередуются с зигзагами и полосами точек (рис. 1, 3). В данном случае полосы на запястье обозначают край рукава кафтана, возможно, украшенный орнаментом. Что касается таких же полос, нарисованных выше локтя, то здесь они похожи на орнамент по шву спущенного плеча кафтана. На других же изображениях скифов в этой традиции на этом месте поперек рукава проходят рельефные поперечные складки (рис. 2, 1—3). При этом край рукава обозначается такими же складками (сосуды из Солохи, Гаймановой Могилы, Куль-Обы, Частых курганов). В любом случае — как в рельефном, так и в графическом варианте — эти полоски обозначают какие-то детали традиционного скифского костюма (кафтана). Различные же способы передачи этих деталей на скифских кафтанах, скорее всего, являются отражением работы разных мастеров (Савостина Е.А., 1999, с. 201—203).

Возможно, нечто подобное показано и на янчокракском фаларе. С этой точки зрения любопытно рассмотреть не менее известный фалар из Галиче, относящийся к той же изобразительной традиции (рис. 1, 2). На руках помещенного там персонажа показаны подобные рассмотренным полосы — параллельные рельефные линии с рядами треугольников по внешним сторонам. И в этом случае М.И. Ростовцев интерпретирует линии как браслеты, а треугольники — либо как детали браслетов, либо как татуировку (Ростовцев М.И., 1993, с. 41).

А не изображается ли и в данном случае такая же деталь костюма? К такой мысли нас подводят полосы треугольников, которые и М.И. Ростовцев затруднялся отнести к браслетам. Однако в данном случае трудно судить об этом с уверенностью, поскольку здесь руки персонажа изображены не полностью. При этом в любом случае этот мотив, видимо, происходит из того же круга предметов торевтики IV в. до н. э.

По-разному можно объяснить и треугольное оформление горловины на янчокракском костюме.

Если снова обратиться к греко-скифским древностям, то мы найдем там некое подобие треугольного выреза, образованного запахом кафтана (рис. 1, 3; 2, 1—3). В таких одеждах изображены скифы на тех же сосудах из Куль-Обы, Частых курганов, Гаймановой Могилы, Солохи, колпачке из Передериевой Могилы и др. На этих изображениях, однако, запах представлен более определенно: всюду мы наблюдаем, что одна пола перекрывает другую, в одних случаях почти у пояса (Частые курганы, Гайманова Могила, Передериева Могила), в других — значительно выше (Куль-Оба, Солоха, Чертомлык, Передериева Могила). Но в нашем случае мы этого не видим. Перед нами только окантованный треугольник выреза, от которого вниз спускаются три ряда мелких точек (рис. 1, 1).

В случае же интерпретации янчокракского костюма как хитона треугольное оформление горловины можно объяснить как изображение драпировки. В греческой торевтике она часто трактуется в виде рельефных линий, которые образуют угол, переходящий в вертикальную складку (например, см.: Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с. 131, рис. 145; *Macedonians...*, 1994, cat. № 258). В то же время на некоторых изображениях эта деталь хитона показана более схематично: линии горловины образуют четкий угол, от вершины которого спускается столь же четкая рельефная прямая линия (Засецкая И.П., 1965, с. 31, рис. 3). На янчокракском же костюме, как мы уже заметили, на месте такой линии расположены три вертикальных ряда точек.

Подобный элемент костюма явно читается на близких янчокракскому бляхах из Галиче, Хераштреу (рис. 4) и Якимова (Traci..., 1989, № 208/1—2), только здесь центральная вертикаль и линия горловины выглядят как кант, разрисованный узорами.

Интересно, что и на этих изображениях, и на янчокракском костюме по бокам от центральной линии расположены рельефные полосы с линиями точек в углублениях рельефа. Но если на костюмах из Галиче, Якимова и Хераштреу эти полосы более всего похожи на складки, то более графичное изображение из Янчокрака не дает возможности судить об этом. В данном случае эти группы линий могут обозначать как складки, так и орнаментированную поверхность по бокам от каймы запаха кафтана (как, например, на куль-обском и воронежском сосудах, колпачке из Передериевой Могилы).

Совершенно непонятной остается такая деталь янчокракского изображения, как спускающиеся от пояса волнистые полосы. Б.В. Фармаковский с некоторым сомнением определял их как бахрому (Pharmakowsky B., 1909, s. 192), М.И. Ростовцев на концах бахромы усмотрел металлические привески (Ростовцев М.И., 1993, с. 42), И.И. Гущина определяла данное изображение просто как широкий пояс с бахромой (Гущина И.И., 1969, с. 44).

Оставаясь в кругу памятников, рассматриваемых ранее, аналогов данному изображению мы не находим. Любые попытки расширить этот круг в поисках подобных деталей костюма также не увенчиваются успехом. Если же абстрагироваться от рассмотрения этого изображения как элемента одежды и искать параллели ему просто как изобразительному мотиву, то единственные близкие аналоги можно встретить на фракийских изделиях IV в. до н. э. Здесь таким образом изображали волосы и бороды антропоморфных персонажей, а иногда и змеевидные существа (Goldhelm..., 1994, № 49.2, 49.3). Поскольку стиль, в котором выполнен фалар из Янчокрака, — причерноморский графический стиль — имеет много общего с фракийской изобразительной традицией (Мордвинцева, Переводчикова, в печати), то исходя из этого можно интерпретировать данный элемент костюма как изображение прядей шерсти или волос, и даже змей. Но при этом остается загадкой, что, собственно, имел в виду мастер, поместивший такие пряди на костюме янчокракского персонажа.

Таким образом, формальные признаки изображения позволяют трактовать рассматриваемый костюм двояко — и как хитон, и как кафтан. Если же вспомнить о неоднократно наблюдаемых противоречиях, мешаю-

щих той или иной однозначной интерпретации этого костюма, приходится признать, что на самом деле трудно предпочесть какую-либо из версий.

Похоже, мы имеем дело с изображением не только сильно стилизованным, но и несущим груз полузабытой традиции — традиции, в которой когда-то необходимые детали становятся чем-то обязательным, но уже не вполне осмысленным. Иначе говоря, «конструктивные» детали изображения превращаются в чисто декоративные. Примером этого служат уже приводившиеся выше орнаментированные треугольники горловины на одежде персонажей из Галиче, Якимова и Хераштреу, где ставшая непонятной схема автоматически заполняется привычным декором.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю., 1997. К реконструкции одного утраченного предмета эллино-скифской торевтики V—IV вв. до н. э. // *STRATUM + ПАВ*. СПб.; Кишинев.
- Виппер Б., 1962. Несколько тезисов к проблеме стиля // *Творчество*. № 9.
- Гущина И.И., 1969. Янчокракский клад // *Древности Восточной Европы*. М.
- Засецкая И.П., 1965. Назначение вещей Федуловского клада // *АСГЭ*. Вып. 7. Л.; М.
- Мордвинцева В.И., 1996. Фалары конской упряжи на территории степной Евразии в III в. до н. э. — I-й пол. II в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Мордвинцева В.И., Переводчикова Е.В., в печати. О формировании «причерноморского графического стиля» на фаларах II—I вв. до н. э. // *Античная цивилизация и варварский мир*. Краснодар.
- Моруженко А.О., 1992. Скифский курган Передериева Могила // *Археология*. № 4.
- Раевский Д.С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.
- Ростовцев М.И., 1993. Сарматские и индо-скифские древности // *ПАВ*. № 5: Скифика. Избранные труды академика М.И. Ростовцева.
- Савостина Е.А., 1999. Греческая торевтика на «скифские» темы: заметки о стиле скульптурного декора // *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира: Материалы международной научной конференции*. СПб.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988. Мелитопольский курган. Киев.

Яценко С.А., 1993. Основные волны появления новых элементов костюма в Сарматии и политические события I в. до н. э. — III в. н. э. Происхождение стиля «клуазонне» // ПАВ. № 4.

Goldhelm, Schwert und Silberschätze. Reichtümer aus 6000 Jahren rumänischer Vergangenheit, 1994. Frankfurt am Main.

Macedonians. The Northern Greeks and the Era of Alexander the Great, 1994. Athens.

Pharmakowsky B., 1909. Südrussland. — Archäologische Funde im Jahre 1907 // Jahrbuch des kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts. Bd. XXIII. 1908. Archäologischer Anzeiger. Berlin.

Traci. Arte e cultura nelle terre di Bulgaria dalle origini alla tarda romanità, 1989. Venezia.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. 1 — фалар из Янчокракского клада; 2 — фалар из Галиче; 3 — изображение на колпачке из Передериевой Могины (по Алексееву А.Ю., 1997).

Рис. 2. 1 — сосуд из Гаймановой Могины; 2 — фрагмент изображения на воронежском сосуде (Частые курганы); 3 — фрагмент изображения на куль-обском сосуде (по Равскому Д.С., 1977).

SUMMARY

ON THE DEPICTION OF A COSTUME ON THE PHALERA FROM YANCHOKRAK DEPOSITION

V.I. Mordvintseva, E.V. Perevodchikova

The article is devoted to the problem of the possibility to reconstruct the costume of a person depicted on one of phalerae from Yanchokrak. Comparing this image with other items of toreutic the authors pay attention mainly to conventionalities of ancient representations. In this case the subject was treated too schematic to interpret the costume undoubtedly.

Рис. 1

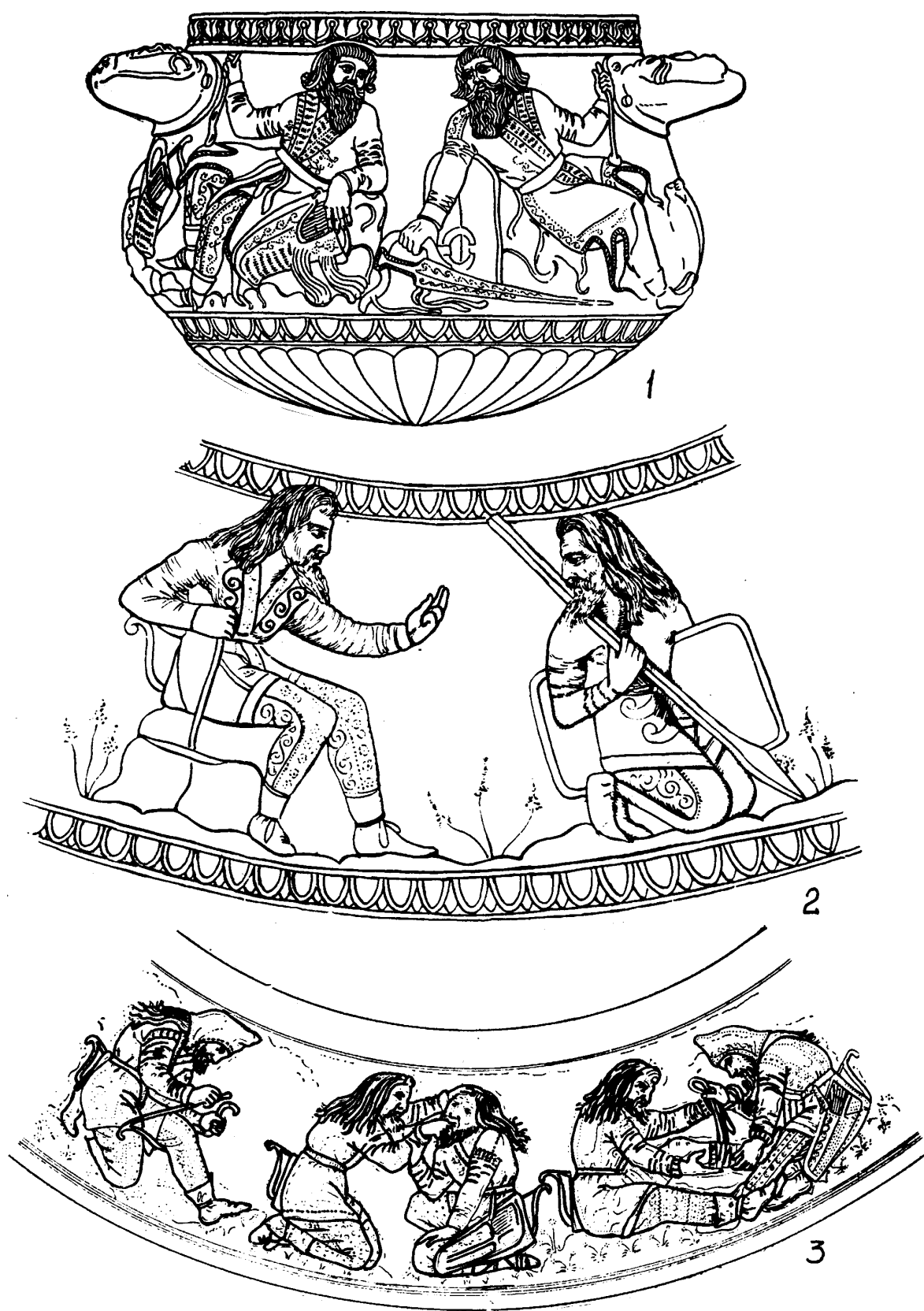

Рис. 2

О КОНЕЧНОЙ ДАТЕ РАННЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ **И.В. Сергацков*

Классическая схема периодизации савромато-сарматской культуры была разработана и опубликована в 1947 г. Б.Н. Граковым в известной статье «Пережитки матриархата у сарматов», являвшейся эпохальной для своего времени работой. Савромато-сарматскую, или прохоровскую, культуру он датировал IV—II вв. до н. э. (Граков Б.Н., 1996, с. 114). В определении верхней хронологической границы раннесарматской культуры Б.Н. Граков использовал разработки К.Ф. Смирнова, отнесшего начало среднесарматской культуры к концу II — началу I в. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1947, с. 75—82). Эта дата вошла во все основные работы по истории и культуре сарматов и долгое время никем не подвергалась сомнению (Мошкова М.Г. 1963, с. 8; Степи..., 1989, с. 159—177).

В 80-х годах начинается новый этап в изучении истории и культуры сарматов. Появление новых материалов, поиски новых подходов к их осмыслению вызвали к жизни иные, отличные от прежних взгляды на проблему хронологии у целого ряда исследователей-сарматологов. Наиболее интенсивные дискуссии вызывает вопрос о времени и самом механизме становления среднесарматской культуры, смене ею раннесарматской культуры. А.В. Симоненко пришел к выводу, что раннесарматская культура в Северном Причерноморье продолжает существовать в первой половине I в. н. э. (Симоненко А.В., 1989, с. 119; 1992, с. 29; 1993, с. 122). Исследования в области хронологии привели к становлению новой концепции, по которой формирование среднесарматской культуры связывается со значительными этническими изменениями, происходившими в I в. н. э. в восточноевропейских степях, в частности с перемещениями в Поволжье и Подонье из глубин Азии ранней группы аланов (Раев В.А., 1986, р. 58—63). В наиболее аргументированном, сконцентрированном виде эта концепция изложена в работах А.С. Скрипкина (Скрипкин А.С., 1988, с. 127—129; 1990а, с. 214—222; 1992а, с. 26—41). В своей основе она восходит к взглядам М.И. Ростовцева, отводившего очень большую роль миграци-

онным процессам в истории сарматов (Ростовцев М.И., 1993, с. 91—97). М.Г. Мошкова, будучи сторонницей традиционной концепции, считает, что «несомненно, существовал какой-то переходный период, когда шло формирование среднесарматского комплекса». Этот период она помещает в рамках I в. до н. э. (Мошкова М.Г., 1989, с. 41; 1994, с. 10). Основываясь на находках среднелатенских фибул, А.С. Скрипкин I в. до н. э. включил во время существования раннесарматской культуры, а границу между ранне- и среднесарматской культурами он проводит по рубежу эр (Скрипкин А.С., 1990б, с. 115; 1992б, с. 4—9). Однако погребения со среднелатенскими фибулами оказались не самыми поздними раннесарматскими комплексами. В 1989 г. на Иловле, в могильнике Петрунино II близ Камышина, были открыты захоронения с лучковой и прогнутой подвязной фибулами, которые датируются уже I в. н. э. (Сергацков И.В., 1995, с. 148—157).

Недавно М.Б. Шукин, подчеркнув несовершенство старой хронологической схемы Б.Н. Гракова для современного состояния дел в сарматологии, выразил сомнение в точности хронологических разработок А.С. Скрипкина и высказал предположение, что переход к среднесарматской культуре начался раньше рубежа эр (Шукин М.Б., 1994, с. 57).

Спор о временных границах ранне- и среднесарматской культур выходит за пределы чисто хронологических штудий. Вторая концепция, являясь в основе миграционной, подразумевает очень жесткие хронологические привязки появления новаций в культуре сарматов к историческим событиям, зафиксированным письменными источниками. Таким образом, речь идет об этноисторическом содержании двух сарматских культур и о характере и самом механизме процесса смены одной культуры другой.

Для проверки верности новой хронологической схемы периодизации сарматской культуры представляется необходимым применить метод перекрестных датировок. Совпадение дат разных категорий находок будет свидетельствовать об объективности опреде-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 98-01-00390а, и РФФИ, грант № 99-06-80347.

ления общих хронологических позиций комплексов. Наиболее четкими хронологическими ориентирами в сарматской археологии выступают античные импорты. К сожалению, в раннесарматских памятниках Нижнего Поволжья их немного и возможности для хронологических разработок весьма ограничены, но все же имеются. Важнейшую роль в этих исследованиях играют фибулы и бусы. Упомянувшиеся ранее фибулы из могильника Петрунино II были опубликованы с подробной аргументацией их датировок (Сергацков И.В., 1995, с. 148—157). В 80—90-х годах волгоградскими археологами было открыто несколько выразительных раннесарматских комплексов, имеющих большое значение для хронологических разработок.

В 1989 г. экспедиция Волгоградского педагогического института проводила раскопки могильника Солодовка I, находившегося в Ленинском районе Волгоградской области, на правом берегу р. Ахтубы. Особый интерес представляет погребение 6 в кургане 5¹. Оно входило в число захоронений, располагавшихся кольцом вокруг центра кургана, — характернейший признак погребального обряда раннесарматской культуры. Погребение впускное, совершено в подбойной могиле глубиной 2,2 м. Захоронение парное, в глубине подбоя находился скелет женщины 40—45 лет, а у входа в него — костяк ребенка 5—7 лет. Оба погребенных лежали вытянуто на спине, головами на Ю (рис. 1, 1). Дно погребальной камеры было выстлано тонкими досками и какой-то органической подстилкой. В погребении найдены:

1. Подвеска из талька (рис. 1, б).
2. Железная лучковая подвязная фибула (подвязка не сохранилась). Длина ее 7 см (рис. 1, 3).
3. Глиняный лепной горшок, по плечикам которого прочерчен орнамент в виде двух горизонтальных линий, обрамленных косыми насечками. Высота сосуда 27 см (рис. 1, 7).
4. 23 цилиндрические пронизи из зеленого зеленоватого стекла длиной 0,5—0,9 см (рис. 1, 5). 1 скарабеоид из опала длиной 2,2 см (рис. 1, 4).
5. Фрагмент глиняного лепного пряслица (рис. 1, 2).

Погребальный обряд и вещевой материал публикуемого комплекса уверенно позволяют отнести его к раннесарматской культуре. Горшок из Солодовки принадлежит к

посуде, хорошо известной в раннесарматских древностях (Мошкова М.Г., 1963, табл. 7.27; Скрипкин А.С., 1990а, рис. 9.32).

Молоточковидные предметы и подвески из талька — один из определяющих признаков раннесарматской культуры. Стеклянные пронизки относятся к типу 55 и датируются первыми веками нашей эры, причем пик их популярности приходится на II в. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 67, рис. 15). Опаловая бусина в форме скарабеоида не имеет точных обоснований для датировок, однако следует отметить, что скарабеи и скарабеоиды из сердолика, граната, альмандина и яшмы, по наблюдениям Е.М. Алексеевой, синхронны аналогичным изделиям из египетского фаянса и относятся к I в. до н. э. — II в. н. э. (Алексеева Е.М., 1982, с. 15—21).

Фибула довольно сильно корродирована, но вполне определима, она относится к первому, наиболее раннему варианту лучковых подвязных фибул по классификации А.К. Амброза. Эти застёжки датируются I в. н. э., преимущественно его первой половиной (Амброз А.К., 1966, с. 48). Такого же мнения придерживается и А.С. Скрипкин (Скрипкин А.С., 1977, с. 105). Еще никто не доказал, что этот тип застёжек появился ранее рубежа эр, лишь Б.Ю. Михлин в очень осторожной форме высказал предположение о возникновении лучковых подвязных фибул в самом конце I в. до н. э. (Михлин Б.Ю., 1980, с. 205—206). Если даже эта точка зрения и верна, то принципиально это новую хронологию раннесарматской культуры не меняет. Таким образом, погребение из Солодовки можно датировать около рубежа эр или даже началом I в. н. э.

В результате многолетних раскопок на Иловле (левый приток Дона) экспедицией Волгоградского государственного университета под руководством автора этой статьи было открыто несколько раннесарматских погребений, представляющих особый интерес для нашей темы. В них были найдены наборы бус, дающие возможность установить их максимально точную датировку. К числу этих комплексов относятся погребение 2 кургана 10 могильника Барановка I, погребение 6 кургана 4 могильника Петрунино II, погребение 1 кургана 1 у Большой Ивановки. Часть их опубликована, но без детального анализа состава бус (Сергацков И.В., 1992,

¹ Приношу благодарность Е.П. Мыськову за предоставленную возможность опубликовать материалы его раскопок.

с. 162—174; 1995, с. 148—157). Типологическое определение бус основано на фундаментальной работе Е.М. Алексеевой по классификации античных бус Северного Причерноморья (Алексеева Е.М., 1975; 1978; 1982).

Все рассматриваемые погребения являются впускными в курганы более раннего времени. Барановское и петрунинское захоронения входили в группы погребений, располагавшихся кольцом вокруг центра кургана.

Барановка I, курган 10, погребение 2. Совершено в узкой прямоугольной яме, дно которой было выстлано досками, а стены облицованы деревянными плахами. Погребенная лежала вытянуто на спине, головой на ЮЗ (рис. 2, 1). В погребении найдены глиняный лепной кувшин (рис. 2, 25), осколок бронзового зеркала с ручкой-штырем и валиком по краю (рис. 2, 26) и бусы, составлявшие ожерелье, браслеты и оторочку платья. Состав бус:

- стеклянные бусины биконической формы синего цвета (рис. 2, 16, 17) — тип 100 (Алексеева Е.М., 1978, с. 69);

- округлые бусины из глухого коричневого стекла (рис. 2, 23, 24) — тип 14 (Алексеева Е.М., 1978, с. 64);

- округлые бусины зеленого цвета с желто-сине-белыми глазками (рис. 2, 18, 19) — тип 29д (Алексеева Е.М., 1975, с. 61);

- двудольчатые стеклянные бусины бирюзового цвета (рис. 2, 11, 13) — тип 155 (Алексеева Е.М., 1978, с. 72);

- двудольчатые бусины из черного или темно-коричневого стекла с белыми полосками (рис. 2, 9, 10, 14) — тип 223 (Алексеева Е.М., 1978, с. 45);

- двудольчатая бусина из глухого светло-коричневого стекла (рис. 2, 12) — тип 155 (Алексеева Е.М., 1978, с. 72);

- округлая бусина из египетского фаянса (рис. 2, 21) — тип 3г (Алексеева Е.М., 1975, с. 31);

- стеклянные пронизи с внутренней позолотой (рис. 2, 22) — тип 32 (Алексеева Е.М., 1978, с. 33);

- гагатовая бусина бочковидной, поперечно сжатой формы (рис. 2, 15) — тип 9а (Алексеева Е.М., 1978, с. 12);

- сердоликовая бусина бочковидной, продольно вытянутой формы (рис. 2, 20) — тип 36 (Алексеева Е.М., 1982, с. 16).

Петрунино II, курган 4, погребение 6. Могила подбойная, погребение парное (женщина и младенец). Погребенная лежала вытянуто на спине, головой на В, а скелет ребенка,

обнаруженный в головах женщины, был ориентирован черепом на С (рис. 3, 1). В погребении найдены железный предмет (пешня?) (рис. 3, 11), глиняное пряслице (рис. 3, 10), костяная проколка (рис. 3, 12), осколок бронзового зеркала с валиком по краю (рис. 3, 13), куски мела и реальгара, бусы, составлявшие ожерелье. Состав бус:

- округлые бусины из синего стекла (рис. 3, 3) — тип 4 (Алексеева Е.М., 1978, с. 63);

- округлая бусина из зеленого стекла (рис. 3, 5) — тип 8 (Алексеева Е.М., 1978, с. 64);

- округлые бусины из черного стекла (рис. 3, 3) — тип 1 (Алексеева Е.М., 1978, с. 62);

- округлые бусины из прозрачного стекла (рис. 3, 5) — тип 17 (Алексеева Е.М., 1978, с. 65);

- бочковидные бусины из стекла янтарного цвета (рис. 3, 4) — сопоставимы с типом 24 (Алексеева Е.М., 1978, с. 65);

- бочковидная бусина из глухого белого стекла (рис. 3, 2) — тип 20 (Алексеева Е.М., 1978, с. 65);

- бусины усеченно-биконической формы из прозрачного стекла (рис. 3, 6) — тип 102 (Алексеева Е.М., 1978, с. 69);

- цилиндрическая бусина из глухого белого стекла (рис. 3, 9) — тип 55 (Алексеева Е.М., 1978, с. 67);

- цилиндрическая бусина с внутренней позолотой (рис. 3, 7) — тип 32 (Алексеева Е.М., 1978, с. 33);

- гагатовая короткоцилиндрическая бусина (рис. 3, 8) — тип 27а (Алексеева Е.М., 1978, с. 14).

Большая Ивановка, курган 1, погребение 1. Захоронение парное (женщина с ребенком), совершено в прямоугольной яме. Погребенная лежала вытянуто на спине, головой на ЮВ (рис. 2, 2). В погребении обнаружены фрагменты глиняного лепного горшка (рис. 2, 27) и бусины, которыми был расшит подол платья. Состав бус:

- бусины усеченно-биконической формы из прозрачного стекла янтарного цвета (рис. 2, 3, 4) — тип 99 (Алексеева Е.М., 1978, с. 69);

- бочковидная бусина из прозрачного янтарного стекла (рис. 2, 6) — тип 23 (Алексеева Е.М., 1978, с. 65);

- округлые бусины из синего полупрозрачного стекла (рис. 2, 5, 7) — тип 4 (Алексеева Е.М., 1978, с. 63);

- бисеринка из глухого фиолетового стекла (рис. 2, 8) — тип 166 (Алексеева Е.М., 1978, с. 72).

Публикуемые наборы бус были проанализированы с помощью метода «узких» датировок (Шукин М.Б., 1978, с. 28—32). На таблицах сплошной вертикальной линией показано время существования того или иного типа бус, а сгущение горизонтальных линий обозначает периоды их наибольшей популярности.

По мнению Е.М. Алексеевой, двудольчатые стеклянные бусины типа 223 наиболее характерны для рубежа эр, а гагатовые бусины типа 9а — для I в. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 12, 45). Судя по распределению хронологических позиций бус, наиболее оптимальной датой барановского комплекса является рубеж эр, возможно, первая половина I в. н. э. (табл. 1).

Как явствует из таблицы 2, наиболее вероятной датой формирования петрунинского ожерелья может считаться рубеж эр. Не исключается и самое начало I в. н. э.

Пики популярности бус в наборе из Большой Ивановки распределились в противоположных частях хронологического диапазона, однако позиции бус типов 99 и 23 позволяют достаточно жестко ограничить дату комплекса второй половиной I в. до н. э. (табл. 3).

Итак, три публикуемых комплекса бус датируются около рубежа эр с весьма вероятным заходом в I в. н. э. При этом следует заметить, что дату набора бус нельзя автоматически переносить на время совершения погребения — оно может быть и несколько

более поздним. Суммарная дата набора украшений — это период его формирования, но какое-то время ожерелье носилось своей хозяйкой, а возможно, и передавалось от матери дочери. По крайней мере, следы заношенности на некоторых бусах свидетельствуют об их длительном использовании.

Таким образом, хронологический анализ бус из трех раннесарматских погребений на Иловле выявил полное совпадение датировок петрунинских и солодовского комплексов с фибулами и служит показателем их объективности. Думается, что можно с большой долей уверенности утверждать, что самые поздние раннесарматские памятники Нижнего Поволжья относятся к началу I в. н. э. Насколько многочисленна группа таких погребений — сказать трудно, так как абсолютное большинство раннесарматских комплексов с бусами хронологическому анализу не подвергалось. Сохранение раннесарматских традиций вплоть до начала I в. н. э. не составляет какого-то локального явления, характерного лишь для бассейна Иловли. Кроме солодовского погребения, в Заволжье имеется еще несколько памятников, определенно раннесарматских, которые предварительно можно отнести к этому же времени: Богодушанский Ерик (Захаров П.Е., Мордвинцева В.И., 1995, с. 161—169), Бережновка (Захаров П.Е., Сергацков И.В., 1998) и некоторые другие, сводка их мной приводилась ранее (Сергацков И.В., 1995, с. 156).

Таблица 1

Хронологические позиции бусин из погребения 2 кургана 10 Барановского могильника

Тип \ Время	100	14	29д	155	3г	32	9а	3б
III в. н. э.								
II в. н. э.								
I в. н. э.								
I в. до н. э.								
II в. до н. э.								
III в. до н. э.								

Таблица 2

**Хронологические позиции бусин из погребения 6 кургана 4
могильника Петрунино II**

Тип время	1	4	8	17	24	20	102	55	32	27a
III в. н.э.										
II в. н.э.										
I в. н.э.										
I в. до н.э.										
II в. до н.э.										
III в. до н.э.										

Таблица 3

**Хронологические позиции бусин из погребения 1
кургана 1 могильника Большая Ивановка**

Тип время	99	23	4	166
III в. н.э.				
II в. н.э.				
I в. н.э.				
I в. до н.э.				
II в. до н.э.				
III в. до н.э.				

Находки однотипных фибул в ранне- и среднесарматских погребениях позволяют выдвинуть предположение, что племена ранне- и среднесарматской культур какое-то время сосуществовали, сохраняя свою культурную обособленность. Период этого

сосуществования, видимо, приходится на начало I в. н. э. Вероятно, указанный временной отрезок и следует считать тем переходным периодом, о котором писала М.Г. Мошкова (Мошкова М.Г., 1989, с. 41; 1994, с. 10).

Конечная дата раннесарматской культуры, приходящаяся на начало I в. н. э., с одной стороны, и отсутствие серьезных оснований для датировки среднесарматских памятников ранее рубежа эр, с другой стороны, как нельзя лучше согласуются с данными письменных источников о времени появления в восточноевропейских степях аланов и, на мой взгляд, служат веским аргументом в пользу второй (миграционной в своей основе) концепции происхождения среднесарматской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1—12.
- Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1—12.
- Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1—12.
- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып. Д1—30.
- Граков Б.Н., 1996. Пережитки матриархата у сарматов // Антология советской археологии (1941—1956). Т. III. М.
- Захаров П.Е., Мордвинцева В.И., 1995. Грунтовый могильник сарматского времени в Нижнем Поволжье // РА. № 2.
- Захаров П.Е., Сергацков И.В., 1998. Новые сарматские памятники у с. Бережновка // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. Волгоград.
- Михлин Б.Ю., 1980. Фибулы Беляусского могильника // СА. № 3.
- Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1—10.
- Мошкова М.Г., 1989. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности: Научный доклад ... дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Мошкова М.Г., 1994. Предисловие // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха.
- Ростовцев М.И., 1993. Сарматы // ПАВ. № 5: Скифика. Избранные работы академика М.И. Ростовцева.
- Сергацков И.В., 1992. О времени заселения сарматами северной части Волго-Донского междуречья // СА. № 1.
- Сергацков И.В., 1995. Новые данные к хронологии раннесарматской культуры // РА. № 1.
- Симоненко А.В., 1989. О периодизации сарматской культуры // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск.
- Симоненко А.В., 1992. Некоторые особенности культурно-исторического развития сарматов Таврии // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы III археологического семинара. Часть I. Новочеркасск.
- Симоненко А.В., 1993. Сарматы Таврии. Киев.
- Скрипкин А.С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. № 2.
- Скрипкин А.С., 1988. Азиатская Сарматия: проблемы истории и культуры // Проблемы сарматской археологии и истории: Тезисы докладов конференции. Азов.
- Скрипкин А.С., 1990а. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.
- Скрипкин А.С., 1990б. О конечной дате раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста.
- Скрипкин А.С., 1992а. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории: Научный доклад ... дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Скрипкин А.С., 1992б. Об уточнении хронологии сарматских культур // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов.
- Смирнов К.Ф., 1947. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. М.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время, 1989. М. (Археология СССР).
- Шукин М.Б., 1978. Об «узких» и «широких» датировках // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.
- Шукин М.Б., 1994. На рубеже эр. СПб.
- Raev B.A., 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series 278. Oxford.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Погребение 6 кургана 5 могильника Солодовка I: 1 — план погребения; 2 — глиняное пряслице; 3 — железная фибула; 4 — опаловая бусина; 5 — стеклянные пронизки; 6 — подвеска из талька; 7 — глиняный горшок.

Рис. 2. Комплексы из могильников Барановка I и Большая Ивановка: 1 — погр. 2

кург. 10 могильника Барановка I; 2 — погр. 1 кург. 1 могильника Большая Ивановка; 3 — 8, 27 — бусы и фрагменты горшка из Большой Ивановки; 9—26 — бусы, кувшин и фрагмент зеркала из могильника Барановка I.

Рис. 3. Погребение 6 кургана 4 могильника Петрунино II: 1 — план погребения; 2—9 — стеклянные бусы; 10 — глиняное пряслице; 11 — железный предмет (пешня?); 12 — костяная проколка; 13 — фрагмент бронзового зеркала.

SUMMARY

ON THE FINAL DATE OF THE EARLY SARMATIAN CULTURE

I.V. Sergatskov

The question of the final date of the Early Sarmatian Culture is the most disputable one in the Sarmatian archaeology. After the chronological analysis of brooches and sets of beads the author makes a conclusion that the Early Sarmatian Culture existed until the beginning of the 1st AD. The earliest monuments of the Middle Sarmatian Culture are dated to the same time. Thus, archaeological data correspond to the evidence of antique authors about the appearance of the Alani in Eastern Europe. This event has obviously influenced on the genesis of the Middle Sarmatian Culture.

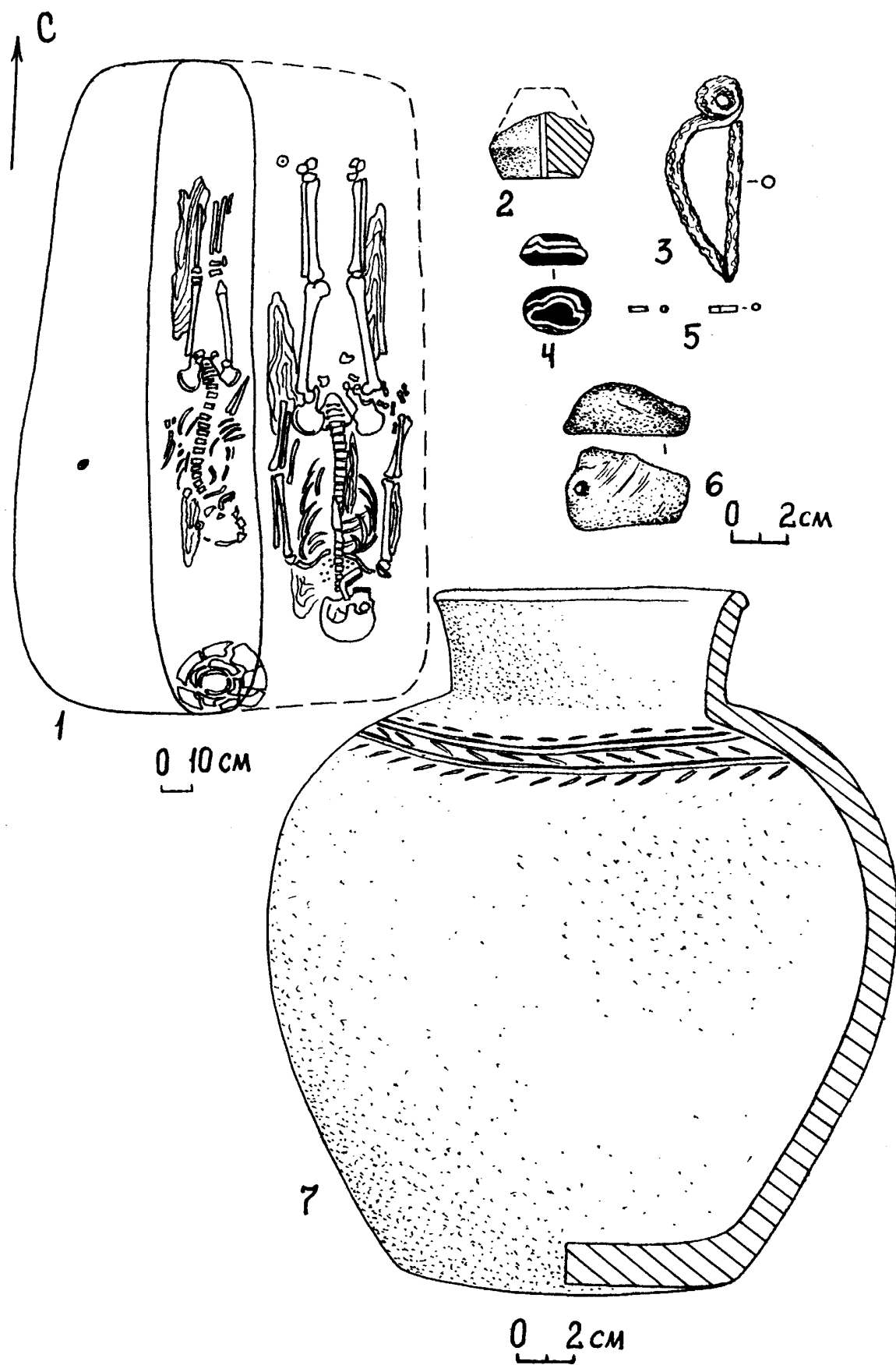

Рис. 1

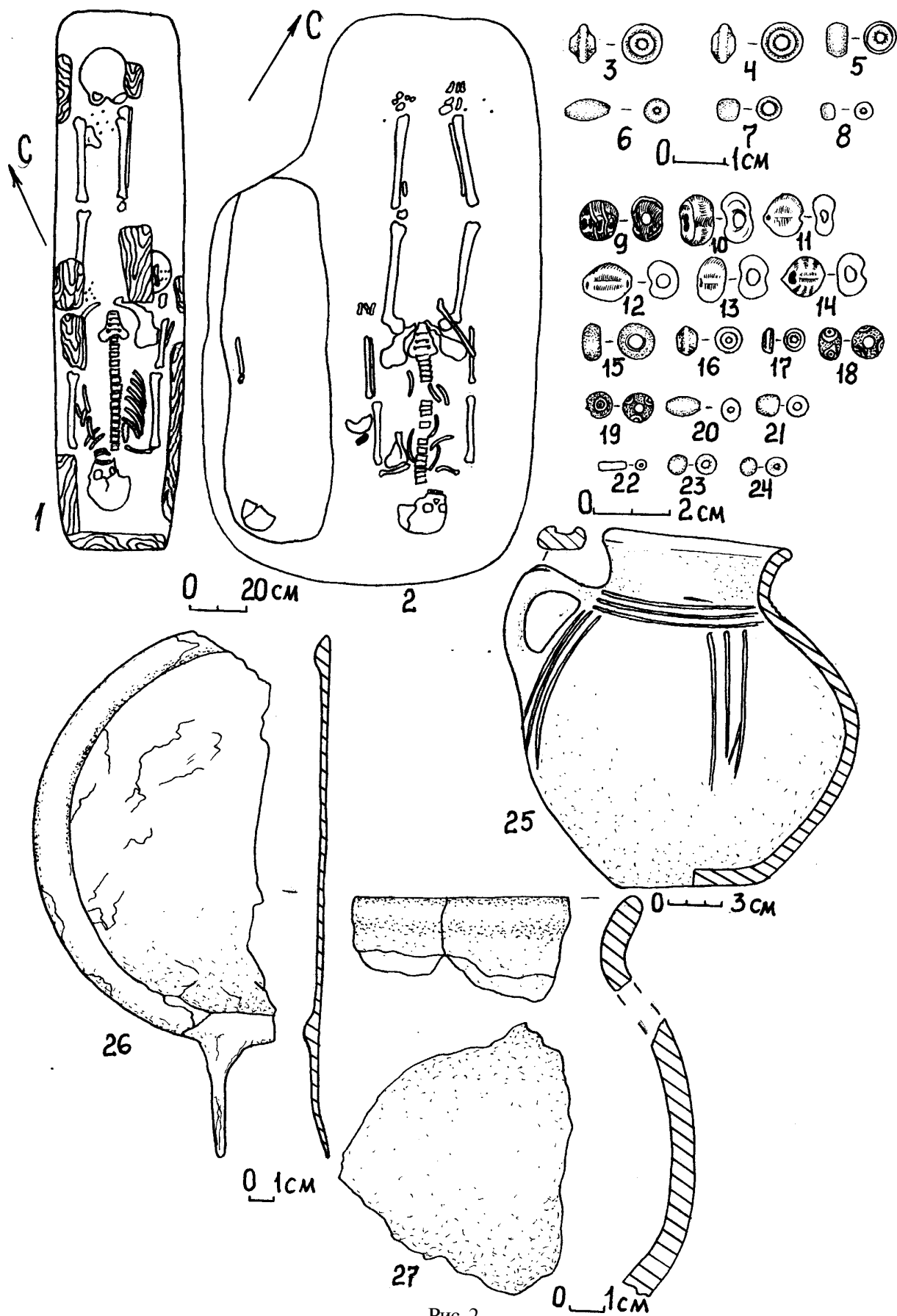

Рис. 2

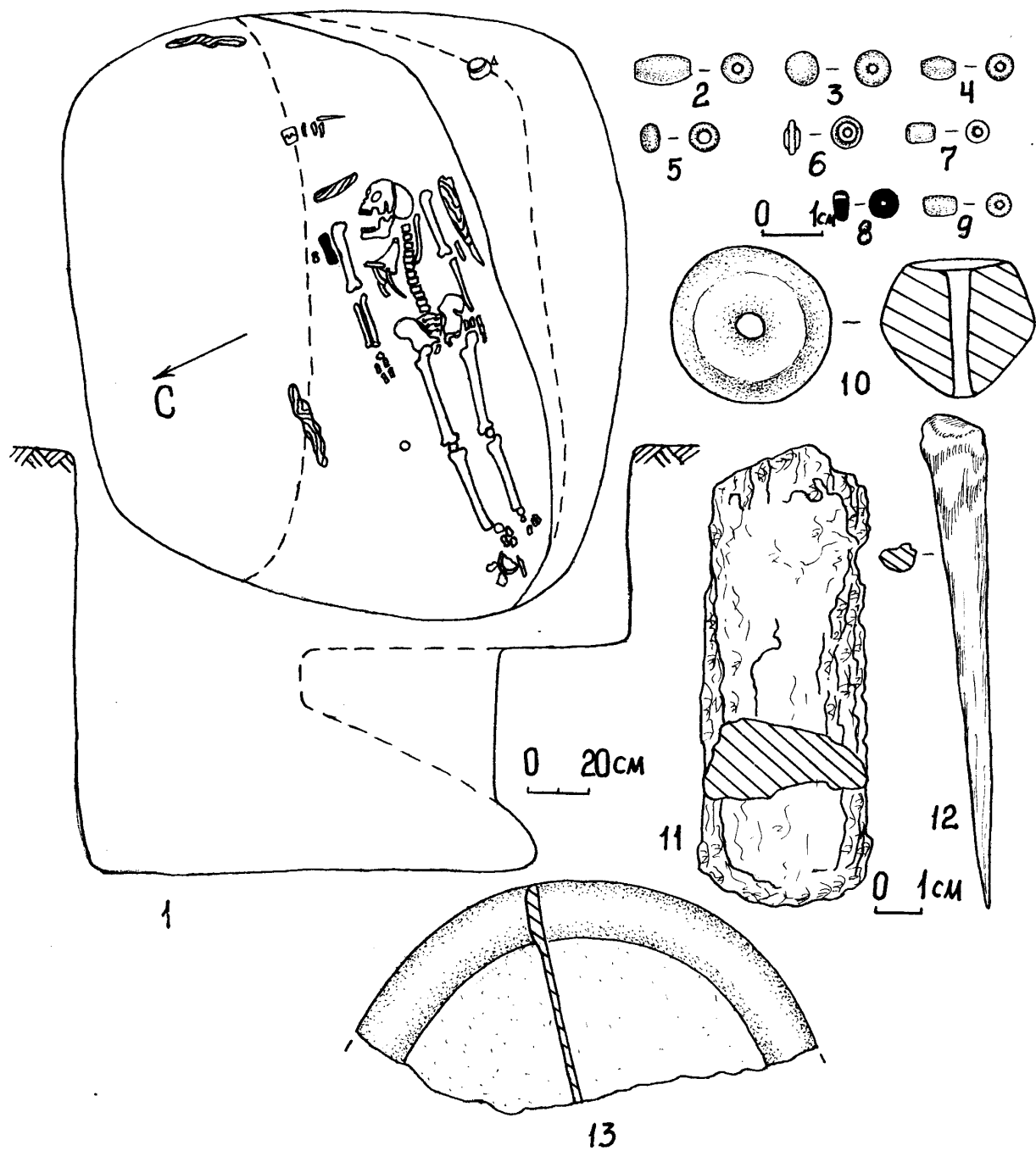

Рис. 3

О ПОГРЕБЕНИЯХ ЗУБОВСКО-ВОЗДВИЖЕНСКОЙ ГРУППЫ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

М.П. Абрамова

Среди археологических памятников Прикубанья рубежа и первых веков нашей эры наибольшую известность приобрели две группы подкурганных погребений. Это погребения так называемой зубовско-воздвиженской группы и «Золотое кладбище». Раскопки курганов, содержащих эти погребения, проводил в конце XIX — начале XX в. Н.И. Веселовский, который первым дал и общую их характеристику. Не противопоставляя обе группы этих памятников, он тем не менее отметил некоторые их территориальные различия: курганы правобережья Средней Кубани тянутся непрерывной полосой, хотя и неширокой, на протяжении более 70 верст — от станицы Казанской на востоке за станицу Усть-Лабинскую к станице Воронежской на западе. Здесь Н.И. Веселовский зафиксировал сотни курганных насыпей, расположенных преимущественно группами, при этом они не заходили вглубь степи. Обилие золотых предметов в могилах правобережья Кубани позволило Н.И. Веселовскому назвать это кладбище «Золотым». Однако в целом он не отделял курганы правобережья от закубанских: такие же курганы, отмечал он, имеются и по левому берегу Кубани — в тех же пределах и также группами, но в меньшем количестве (Веселовский Н.И., 1905, с. 342).

Н.И. Веселовский связывал раскопанные им курганы с «отуземившимися» римлянами и датировал их преимущественно II в. н. э., допуская возможность их существования несколько раньше и позже этого времени (Веселовский Н.И., 1905, с. 368—370).

Название «Золотое кладбище» закрепилось за курганными могильниками правобережья Средней Кубани, составлявшими довольно своеобразную группу, в которой господствовал катакомбный обряд погребения.

Материалы этих курганов были опубликованы И.И. Гущиной и И.П. Засецкой, ими же была проработана датировка отдельных могил, общие рамки которых укладываются в период с середины I в. до н. э. по II — начало III в. н. э. (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1992, с. 49—51). Основные катакомбные погребения в курганах I — начала III в. н. э., найденные в более восточных районах (например, Учк-

кенские курганы), относят к этому же кругу памятников (Алексеева Е.П., 1966, с. 182, 183).

Как отмечалось, Н.И. Веселовский не противопоставлял две группы памятников — «Золотое кладбище» правобережья Кубани и раскопанные им курганы Закубанья, называя последние «подобными же курганами». Он давал им общую датировку и общую этническую характеристику оставившего их населения.

Впервые некоторое противопоставление этих групп памятников мы находим у М.И. Ростовцева, который, связав кубанские материалы из раскопок Н.И. Веселовского с сарматами и датировав их в пределах II в. до н. э. — II в. н. э. (Ростовцев М.И., 1925, с. 570, 571, 619), разделил их на 2 хронологические группы: раннюю (в основном, I в. до н. э. — I в. н. э.) и позднюю — II в. н. э. (Ростовцев М.И., 1925, с. 570—575). Однако это было чисто хронологическое, а не локальное деление. Правда, в раннюю группу вошли преимущественно памятники Закубанья: курганы у х. Зубовского, ст. Воздвиженской, Ярославской, Некрасовской, Армавира, но сюда же были включены и некоторые курганы с катакомбами с территории правобережья (Тифлисская, курган 6). Эта ранняя группа была названа М.И. Ростовцевым «зубовской» (Ростовцев М.И., 1925, с. 570, 573).

Первым, кто разделил курганы, раскопанные Н.И. Веселовским, на две группы, учитывая их ареал и особенности погребального обряда, был К.Ф. Смирнов. Относя катакомбы правобережья Кубани к памятникам «Золотого кладбища», он отметил, что в курганах Закубанья господствуют погребения в ямах, основные или впускные, содержавшие иногда остатки деревянных конструкций. Все эти погребения Закубанья он объединил в «зубовско-воздвиженскую» группу и, связав их с сарматским племенем сираков, отметил, что в конструкции могильных ям прослеживаются древние местные традиции (Смирнов К.Ф., 1952, с. 14, 15).

Сиракская принадлежность погребений зубовско-воздвиженской группы была безоговорочно принята всеми. Для этого были и определенные основания: сам факт захоро-

нений в курганах и наличие характерных для кочевников вещей, таких как бронзовые котлы, локализация сираков, по сведениям письменных источников, на территории Северо-Западного Кавказа, в южных его районах (сираки, по данным Страбона, «спускаются к югу до Кавказских гор» — География, XI, II, 1) и отсутствие в Прикубанье каких-либо иных, связываемых с сарматами, памятников.

Однако с течением времени в связи с накоплением новых археологических материалов картина существенно изменилась. Во-первых, планомерные археологические раскопки в степных районах правобережья Средней Кубани выявили многочисленные памятники кочевого населения последних веков до нашей эры. Это были впускные погребения в курганах эпохи бронзы, которые по особенностям и погребального обряда, и материальной культуры находят ближайšie аналоги среди сарматских погребений Поволжья и междуречья Волги и Дона.

Материалы открытых на правобережье Средней Кубани погребений были обработаны И.И. Марченко, который дал подробную их характеристику, совершенно справедливо связав их с сираками и датировав их концом IV в. до н. э. — началом I в. н. э. (Марченко И.И., 1996).

В то же время широкие археологические исследования проводились и в Закубанье. Планомерным раскопкам подверглись не только грунтовые меотские могильники, но и курганы, содержавшие впускные погребения, близкие по многим особенностям к могилам сираков на правобережье Кубани. По данным С.П. Кожухова, на территории Закубанья известно более 700 комплексов меото-сарматского времени (Кожухов С.П., 1994, с. 1), включая и погребения грунтовых могильников.

Материалы впускных погребений обоих районов (правобережье Кубани и Закубанья) свидетельствуют о том, что культура сложившегося в Прикубанье сиракского союза племен испытывала значительное влияние меотской культуры, что проявлялось в господстве у сираков меотской керамики, некоторых образцов меотского оружия, предметов конского убора, зеркал и др.

К сожалению, большая часть новых материалов Прикубанья, полученных в результате работ экспедиции ГМИНВ под руководством А.М. Лескова, а также местных археологов (А.М. Ждановский, И.В. Каминский,

В.Н. Каминский, Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко, Н.Ф. Шевченко и др.), фактически не опубликована.

Тем не менее известны результаты обработки некоторых из новых материалов. Так, в диссертации А.М. Ждановского анализируются материалы 68 погребений из 38 курганов, расположенных преимущественно в Закубанье, в междуречье Лабы и Кубани. Сопоставляя эти материалы с материалами сираков правобережья, с одной стороны, и меотских грунтовых могильников — с другой, автор приходит к выводу о сходстве подкурганных погребений правобережья и Закубанья и об отличии их от памятников меотов (Ждановский А.М., 1985, с. 4, 5).

Анализ более широких материалов курганов Закубанья (336 комплексов) дан в статье Н.Е. Берлизова, И.В. Каминской, В.Н. Каминского (Берлизов Н.Е., Каминская И.В., Каминский В.Н., 1995). Авторы разделяют эти древности, в число которых они включили и комплексы, известные как погребения зубовско-воздвиженской группы, на 4 этапа: 1) IV в. до н. э., может быть, его конец — 28 погребений; 2) конец II — первая треть I в. до н. э. — 286 погребений; 3) последняя треть I в. до н. э. — I в. н. э. — 46 погребений; 4) II—III вв. н. э. — 6 погребений.

Эта периодизация вызывает ряд возражений в первую очередь из-за декларируемого отсутствия материалов III в. и большей части II в. до н. э. Представленные в статье две хронологические таблицы абсолютно не убеждают в правомерности такого деления. Не может быть принят и тезис о том, что 286 погребений второй хронологической группы получают столь позднюю дату (конец II — вторая треть I в. до н. э.) на основании единичных находок античных кувшинов, одной среднелатенской фибулы и одного италийского шлема (Берлизов Н.Е., Каминская И.В., Каминский В.Н., 1995, с. 122). Тем не менее даже такое распределение впускных погребений Закубанья по хронологическим группам показывает, что к началу третьего этапа (конец I в. до н. э.) расцвет сираков заканчивается, о чем свидетельствует резкое сокращение (более чем в 6 раз) числа погребений (с 286 до 46). Абсолютно такой же процесс (сокращение числа погребений в I в. до н. э.) наблюдается и по данным И.И. Марченко для материалов сираков правобережья Кубани (Марченко И.И., 1996, с. 91).

Необходимо подчеркнуть тот факт, что с накоплением новых материалов, а в пер-

вую очередь с открытием большого числа связываемых с сарматами впускных погребений в курганах Закубанья, погребения, составляющие так называемую зубовско-воздвиженскую группу, потерялись в общей массе подкурганных могил и критерии, необходимые для их выделения, фактически исчезли, они утратили свою значимость. Если все погребения сарматского времени, открытые в курганах Закубанья, связывать с сираками, в таком случае погребения зубовско-воздвиженской группы будут характеризовать определенный социальный слой — сиракскую знать — и признаки для их выделения становятся ненужными. Богатые погребения сиракской знати в значительно большем числе известны и в курганах правобережья Кубани, где локализовался основной массив сиракских племен, и естественно, что все эти погребения, богатые и бедные, рассматриваются вместе. В этом случае объединение всех подкурганных погребений Закубанья так же правомерно, как правомерна точка зрения тех, кто считает, что в связи с этим термин «зубовско-воздвиженская группа» теряет свое значение, он «не соответствует реальности, его можно признать только как географическое определение местоположения памятников» (Ждановский А.М., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 1988, с. 113).

Однако нельзя исключить возможности другого решения этого вопроса. Исходя из имеющихся археологических материалов, можно утверждать, что расцвет сиракского племенного союза падает на II в. до н. э.: именно к этому времени относится большая часть сиракских погребений, этим временем датируется и большинство богатых сиракских захоронений. По данным И.И. Марченко, из 20 золотых полихромных фибул-брошей, датируемых преимущественно II — началом I в. до н. э., найденных в Прикубанье, 15 обнаружены в погребениях сираков правобережья Кубани (Марченко И.И., 1996, с. 28—32). Сиракская знать занимала, по-видимому, в это время первенствующее положение в Прикубанье.

Как отмечалось, положение изменилось в I в. до н. э., когда могущество сираков пошло на убыль, что могло способствовать возрастанию роли местной меотской знати, памятниками которой, как представляется, могут быть курганы с погребениями зубовско-воздвиженской группы. Мнение об их сарматской принадлежности базируется в первую очередь на том, что мы имеем дело с

курганными могильниками, характерными для кочевников. Однако следует помнить, что обряд сооружения курганный насыпи над погребениями знати был характерен для населения Прикубанья и Тамани со скифского времени. Истоки его, несомненно, связаны с традициями греческого погребального обряда: в V в. до н. э. некрополи Пантикапея, Фанагории и других городов Европейского и Азиатского Боспора представлены как курганными, так и грунтовыми кладбищами. При этом в курганах хоронили высшую знать. Этот обряд был заимствован синдской и меотской знатью, сильно эллинизированной. Обычай сооружения курганов сохраняется у меотов в течение всей второй половины I тыс. до н. э. Можно, конечно, это отрицать, написав, что меотская принадлежность Курджипского кургана IV в. до н. э. — это «нонсенс» (Берлизов Н.Е., Каминская И.В., Каминский В.Н., 1995, с. 120). Однако есть и Северский курган II в. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1953), про меотскую принадлежность которого «нонсенс» никак не скажешь. Известны курганы меотской знати II—I вв. до н. э. у озера Четук в Адыгее (Лесков А.М., 1985, с. 44). Обычай сооружения курганов, хотя и немногочисленных, над погребениями меотской знати сохраняется на территории Прикубанья, прежде всего Закубанья, до времени появления курганов зубовско-воздвиженской группы и «Золотого кладбища».

Если признать правомерность существования точки зрения о меотской принадлежности курганов зубовско-воздвиженской группы, то в этом случае требуется определить критерии для отделения этих могил от богатых погребений в курганах, связываемых с сираками.

Следует отметить, что такие попытки предпринимались, но их нельзя назвать удачными. Речь в первую очередь идет о статье Б.А. Раева и С.А. Яценко, которые при выделении памятников зубовско-воздвиженской группы опирались в основном на наличие в погребениях центральноазиатских элементов культуры (Раев Б.А., Яценко С.А., 1993, с. 112), что вряд ли можно признать правомерным. Эта точка зрения уже получила критическую оценку, поэтому нет необходимости подробно на ней останавливаться.

Среди высказанных мнений следует отметить тезисы Н.Е. Берлизова, в которых он делает ряд заключений, как представляется, совершенно правомерных. Он отмечает, что погребения зубовско-воздвиженской группы

составляют единую группу с погребениями «Золотого кладбища», территориально и хронологически совпадающую; эта группа представляет собой погребения определенной социальной прослойки, включающей и представителей культа; для выделения погребений зубовско-воздвиженской группы следует опираться на детали погребального обряда в общей массе сарматских древностей Прикубанья второй половины I в. до н. э. — II в. н. э. (Берлизов Н.Е., 1993, с. 10).

В некотором смысле эта точка зрения близка позиции М.И. Ростовцева, который полагал возможным рассматривать вместе материалы двух групп богатых подкурганых могил знати. Н.Е. Берлизов объединяет в одну группу все — курганы сираков правобережья и Закубанья, погребения зубовско-воздвиженской группы и «Золотого кладбища», связывая все эти памятники с сарматами, что не представляется бесспорным.

Можно полностью согласиться с теми хронологическими рамками, которые Н.Е. Берлизов предлагает для погребений зубовско-воздвиженской группы (I в. до н. э. — II в. н. э.), опираясь на некоторые новые материалы (Берлизов Н.Е., 1993, с. 10). Однако подобная датировка памятников зубовско-воздвиженской группы устанавливается и на старых материалах, раскопанных Н.И. Веселовским.

Традиционно к погребениям зубовско-воздвиженской группы относят погребения в ямах, открытые Н.И. Веселовским в Закубанье. Материалы всех этих погребений были опубликованы И.И. Гушиной и И.П. Засецкой, которые датировали их в пределах I в. до н. э. — начала II в. н. э. (Гушина И.И., Засецкая И.П., 1989, с. 87). Позже хронология этих 11 комплексов была уточнена М.Б. Шукиным, который датировал их с середины I в. до н. э. по середину I в. н. э. (Шукин М.Б., 1992, с. 112).

Однако среди памятников, раскопанных Н.И. Веселовским, есть погребения в ямах, расположенные на правобережье Кубани, в пределах могильников с курганами «Золотого кладбища». Это курган 6 у ст. Казанской; два погребения в кургане 22 у ст. Ладжской; два погребения в кургане 30 у ст. Усть-Лабинской; курган 43 у ст. Усть-Лабинской; курган 3 у ст. Некрасовской, 1905 г.; курган 1 у ст. Некрасовской, 1906 г. и предположительно два кургана (24 и 25) у ст. Ладжской, дата которых не устанавливается, однако они могут быть синхронны кургану 22

этого же могильника, который датируется по сосуду с зооморфной ручкой II в. н. э.

Таким образом, мы имеем еще группу погребений (10 или 8), совершенных в могильных ямах прямоугольной формы. В подавляющем большинстве своем они были основными погребениями в курганах, лишь две из этих могил были впускными, но обе они были синхронны основным погребениям этих курганов. Некоторые могилы содержали остатки деревянных конструкций. Большая часть этих курганов находится на правобережье, лишь два из них (у ст. Некрасовской) — в Закубанье. По хронологии И.И. Гушиной и И.П. Засецкой ранние из этих могил датируются второй половиной I в. до н. э., поздние — II в. н. э. (Гушина И.И., Засецкая И.П., 1992, с. 51), то есть хронологические и территориальные границы этой группы те же, что и у курганов «Золотого кладбища».

Заслуживает особого внимания нижний хронологический рубеж погребений зубовско-воздвиженской группы, падающий, скорее всего, на середину I в. до н. э. Именно в это время курганный обряд знати, известный в Закубанье и ранее, получает большое распространение и в междуречье Лабы и Кубани, и на правобережье Средней Кубани. По времени это совпадает с началом упадка сираков.

Если рассматривать курганы с погребениями зубовско-воздвиженской группы как памятники меотской знати, то для подтверждения этого необходимо провести сопоставление их материалов с материалами грунтовых меотских могильников, тем более что эти курганы расположены, как правило, рядом с меотскими городищами. К сожалению, материалы грунтовых могильников в основной своей массе не опубликованы и не обобщены.

Имеющиеся данные позволяют высказать лишь одно предположение. Как известно, богатые впускные могилы хорошо представлены в курганах сираков и на правобережье Средней Кубани и в Закубанье. Однако следует подчеркнуть, что погребения зубовско-воздвиженской группы в основной своей массе не впускные, а основные в курганах, как и погребения «Золотого кладбища». Из 21 погребения этой группы (11 опубликованы И.И. Гушиной и И.П. Засецкой и 10 упомянуто выше) 16 являются основными либо (в трех случаях) впускными в курган того же времени (синхронные основным). Лишь 5 могил были впускными в курганы эпохи бронзы (по одной могиле у ст. Воздвиженс-

кой и Хатажукаевского аула и три — у Армавира), и все они были единственными впускными могилами в курганах. Все эти погребения относятся к первому хронологическому этапу (середина I в. до н. э. — середина I в. н. э.). Погребения зубовско-воздвиженской группы, датируемые более поздним временем (середина I — II в. н. э.), были в курганах основными; в отдельных случаях им сопутствовали синхронные впускные могилы, что наблюдается и в курганах «Золотого кладбища».

По-видимому, это основное отличие погребений зубовско-воздвиженской группы от богатых могил сираков. Тот же принцип мы наблюдаем и в курганах с катакомбами: впускные катакомбы типа II (камера расположена на одной оси со входной ямой), даже если они относятся к I в. н. э., связываются всеми с сираками; основные могилы этого типа позволяют относить содержавшие их курганы к «Золотому кладбищу». Правда, имеется одно исключение: в кургане 15 у ст. Тифлисской была впускная катакомба второй половины I — II в. н. э.; это была единственная впускная могила в кургане эпохи бронзы.

В заключение необходимо особо отметить еще один момент. Говоря о том, что рассматриваемые курганы оставлены меотской знатью, следует подчеркнуть, что эта знать быстро воспринимала различные новые веяния, новую моду. Как известно, синдо-меотская знать находилась в первую очередь в сфере влияния греческой культуры из-за территориальной близости к Боспору. Тесные взаимодействия сиракской и меотской знати прослеживаются на материалах сиракских курганов, которые свидетельствуют об очень тесных контактах сираков правобережья Средней Кубани и меотов, что способствовало формированию своеобразия всей культуры сираков. Это тем более относится к тем группировкам сираков, которые обитали не в открытой степи, а на территории Закубанья, где они находились бок о бок с меотским населением. Общеизвестно, что меоты принимали участие в военных походах сираков; не исключена возможность и заключения браков между представителями тех и других, в первую очередь браков среди представителей воинской знати. Поэтому меотская знать была в значительной степени и эллинизирована и сарматизирована. И по особенностям материальной культуры она вряд ли значительно отличалась от сиракской знати. Тем труднее выявить истинную картину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Е.П., 1966. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии // Тр. КЧНИИ ИЯЛ. Сер. История. Вып. 1. Ставрополь.

Берлизов Н.Е., 1993. «Зубовско-Воздвиженская» группа и ее место в системе кубанских древностей сарматского времени // 2-я Кубанская археол. конф.: Тез. докл. Краснодар.

Берлизов Н.Е., Каминская И.В., Каминский В.Н., 1995. Сарматские памятники Восточного Закубанья. Хронология и хронография // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир; М.

Веселовский Н.И., 1905. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе // Тр. XII АС. Т. I. М.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. — начало II в. н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1992. К вопросу о хронологии и происхождении «Золотого кладбища» в Прикубанье (по материалам раскопок Н.И. Веселовского // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов.

Ждановский А.М., 1984. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар.

Ждановский А.М., 1985. История племен Среднего Прикубанья во II в. до н. э. — III в. н. э. (по материалам курганных погребений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Ждановский А.М., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 1988. Погребальный обряд сарматов Закубанья (по раскопкам 1984 г. и дореволюционным материалам) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Кожухов С.П., 1994. Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья в меотосарматское время (III в. до н. э. — III в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Лесков А.М., 1985. Сокровища курганов Адыгеи: Каталог выставки. М.

Марченко И.И., 1996. Сираки Кубани. Краснодар.

Раев Б.А., Яценко С.А., 1993. О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе // Скифия и Боспор. Новочеркасск.

Ростовцев М.И., 1925. Скифия и Боспор. Пг.

Смирнов К.Ф., 1952. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. Вып. 46.

Смирнов К.Ф., 1953. Северский курган. М.

Шукин М.Б., 1992. Некоторые замечания к вопросу о хронологии зубовско-воздвиженской группы и проблема ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. I. Новочеркасск.

SUMMARY

ABOUT THE GRAVES OF THE ZUBOVSKY-VOZDVIZHENSKAYA GROUP (HISTORIOGRAPHY OF THE INVESTIGATION)

M.P. Abramova

The article is devoted to the historiography of investigation of the most brilliant Sarmatian group of Kuban region — barrows of the Zubovsky-Vozdvizhenskaya group. The author analyzes different points of view (M.I. Rostovtseff, K.F. Smirov, I.I. Guschina, I.P. Zasetskaya, M.B. Schukin, N.E. Berlozov etc) on the chronology and ethnic relations of the monuments. Most likely the barrows of the Zubovsky-Vozdvizhenskaya group do belong to the local nobles of the Maeothae who were under the strong influence of the Sarmatians, and especially the Siracae, who inhabited the right bank of the Middle Kuban.

САРМАТЫ-ГИППОФАГИ

А.П. Медведев

В перечне народов, населявших Азиатскую Сарматии, Клавдий Птолемей однажды упомянул сарматов-гиппофагов. Насколько нам известно, в античной традиции это единственное упоминание названного этнонима. Видимо, этим объясняется отсутствие специальных работ о сарматах-гиппофагах как в зарубежной, так и в отечественной науке, если не считать краткой статьи в энциклопедии Паули-Виссова. На реконструируемых картах Азиатской Сарматии сарматов-гиппофагов обычно помещали в северной части, где-то ближе к месту слияния двух истоков р. Ра, то есть современной Камы и Волги (Кулаковский Ю., 1899). На карте А.Д. Удальцова они занимают территорию между Хопром и Медведицей (Удальцов А.Д., 1946, с. 47, карта II). Ту же их локализацию мы находим на карте во 2-м томе «Всемирной истории» (Всемирная история, 1956, т. 2, с. 698). Однако после открытия сарматских памятников на Верхнем Дону нам представляется более вероятным искать гиппофагов среди сарматских групп, оставивших могильники типа Чертовичский I. Главный аргумент для такой локализации мы видим в самом их этнониме — гиппофаги (букв. «конееды»). Он как нельзя лучше подходит к сарматам глубинных районов донской лесостепи, у которых обнаруживается наличие выраженного коневодческого хозяйства. Но в начале необходимо хотя бы кратко проанализировать сведения Клавдия Птолемея.

Сразу же может возникнуть сомнение в правомерности использования свидетельств Птолемея для интерпретации среднесарматских памятников I — начала II в. н. э. на том основании, что он писал свой труд гораздо позже — в 60—70-х годах II в. (Латышев В.В., 1948, с. 24). Однако если учесть, что при работе над «Географическим руководством» Птолемей пользовался преимущественно материалом из сочинения Марина Тирского, то это возражение теряет силу. Давно установлено, что сочинение последнего отражало этногеографическую ситуацию начала II в. н. э. (Marinos von Tyros, 1930, col. 1767—1768). Поэтому и карта Птолемея, построенная на фактических данных Марина Тирского, должна отражать в пер-

вую очередь этнические реалии не 60—70-х годов II века, а самого его начала. Во всяком случае на ней практически отсутствуют сведения, полученные после 114 г., когда, скорее всего, и был завершён труд, послуживший источником исходных этногеографических данных для «Географического руководства».

Еще в прошлом веке была установлена сложность и противоречивость сведений Птолемея о Сарматии (Müllenhoff К., 1866, s. 91—100). Зачастую на его карте соседствовали современные ему народы и народы, давно сошедшие с исторической арены. Кроме того, у Александрийца иногда встречаются одни и те же (или слегка искаженные) этнонимы, помещенные в разных частях Сарматии. Все это создает почти непреодолимые трудности при использовании «Географического руководства» как исторического источника и часто порождает весьма скептическое отношение к нему исследователей. Однако еще Ф. Брауном было показано, что Птолемей может внести существенные поправки и дополнения в наши этногеографические знания о Сарматии и прилегающих областях (Браун Ф., 1899, с. IV). Новые возможности в интерпретации его сведений открывает археология (Романовская М.А., Шелов-Коведяев Ф.В., Щеглов А.Н., 1981; Зубарев В.Г., Масленников А.А., 1987).

Как известно, Клавдий Птолемей разделил территорию Восточной Европы на две части: Европейскую и Азиатскую Сарматии. В полном соответствии с античной географической традицией границей между ними он положил реку Танаис. Судя по указанным в «Географическом руководстве» ориентирам, Азиатская Сарматия включала все Волго-Донское междуречье, а также полосу земель в Заволжье. Если сопоставить карту Птолемея с территорией, занятой лесостепным Подоньем, то его правобережье оказывается в Европейской, а левобережье — в Азиатской Сарматии. Однако если принять во внимание, что интересующие нас сарматские памятники I — начала II в., обладающие выраженными локальными особенностями, концентрируются на р. Воронеж, то есть в левобережье Дона, то и соответ-

ствующий им этноним, скорее, следует искать в пределах Азиатской Сарматии.

У Птолемея этногеографическое описание Азиатской Сарматии фактически сводится к простому перечислению населяющих ее племен, начиная от крайних северных пределов и кончая областью, прилегающей к Кавказу. Всего здесь Птолемей упоминает 13 этнонимов. Нас, естественно, будут интересовать лишь те, которые локализируются только в северной половине Азиатской Сарматии, выше сближения Танаиса (Дона) и Ра (Волги). Птолемей называет их в следующей последовательности: «Сарматии занимают в местности, прилегающей к неизвестной земле, сарматы-гипербореи, ниже их — сарматы царские, народ модоки и сарматы-конееды, а еще ниже их закаты, свардены и асеи, затем вдоль северного поворота реки Танаиса многочисленный народ периербиды...» (Ptolem, V, 3, 16). По своему местонахождению нам явно не подходят полумифические племена, обитающие на крайнем севере Азиатской Сарматии (сарматы-гипербореи), и народ периербиды, который следовало бы локализовать где-то в степной части Среднего Дона¹. Из птолемеевского списка мы обращаем внимание лишь на один этноним — сарматы-гиппофаги («конееды»).

Скорее всего, сарматы-гиппофаги — не самоназвание, а иноназвание. Его могли дать лесостепным коневодам их южные соседи, видимо, полностью не отделявшие себя от откочевавших в донскую лесостепь своих сородичей. Однако степняки не могли не заметить важной этнографической особенности их северных соседей, проявлявшейся в составе стада, а значит, и в пище. В различных частях сарматского мира наиболее распространенной была напуганная пища в виде мяса барана (Смирнов К.Ф., 1964, с. 50). В частности, в погребениях среднесарматской культуры первое место всегда занимают находки костей овцы, затем лошади и, последнее, крупного рогатого скота (Джубанов А.А., 1983, с. 86—87; Степи..., 1989, с. 179). Хотя для территории лесостепного Подонья мы пока располагаем еще очень небольшой серией остеологического материала, тем не менее здесь уже намечается несколько иная картина.

В могильнике Чертовицкий I кости животных обнаружены в 12 курганах. В 10 слу-

чаях встречены кости лошади (7 — в насыпи и 3 — в погребениях), в одном — лошади или коровы и еще в одном — барана. В трех курганах Писаревского могильника встречены только костные остатки лошади. Причем если сарматы-кочевники использовали в качестве жертвенной пищи чаще всего лопатку барана в естественном сочленении с костями ноги, то их лесостепные соплеменники предпочитали оставлять в тризнах и погребениях черепа лошадей. Подобные находки встречаются в степных сарматских погребениях исключительно редко (Степи..., 1989, с. 179). Остатки традиционной для сарматов пищи в виде мяса барана найдены лишь в одном чертовицком погребении. Таким образом, между сарматами-степняками и сарматами верховий Дона наблюдается определенное различие в ритуальной пище. На наш взгляд, именно эта особенность может дать ключ к решению вопроса об их племенной принадлежности.

Еще В.О. Виттом была высказана мысль, что у скотоводов ритуальным животным становится в первую очередь то, которое играет определяющую роль в хозяйстве (Витт В.О., 1937, с. 14—15). Не так давно на большом фактическом материале различных европейских скотоводческих культур ее подтвердил Г. Беренс (Behrens H., 1964, с. 85). Плодотворное развитие она получила в работах К.Ф. Смирнова и других отечественных исследователей (Смирнов К.Ф., 1964, с. 50). Вслед за ними мы полагаем, что на основании остатков заупокойной пищи можно получить представление о составе сарматского стада, хотя и нельзя установить точного процентного содержания того или иного вида. Сейчас еще рано делать окончательные заключения о составе стада у скотоводческого населения лесостепного Подонья в первые века нашей эры. Но уже имеющиеся материалы могут свидетельствовать о преобладании в нем лошади.

В свете приведенных данных напрашивается мысль о складывании в донской лесостепи особой модели скотоводческого хозяйства, несколько отличной от той, которая была свойственна степным сарматам. На формирование ее решающим образом повлияли природно-климатические условия этой ландшафтной зоны и прежде всего такие факторы, как растительный и снежный

¹ В последнее время И.В. Сергацков отождествляет периербидов с сарматами степного левобережья Дона в бассейне р. Иловли (Сергацков И.В., 1997, с. 20).

покров. Хорошо известно, что тип кочевого скотоводческого хозяйства в первую очередь обусловлен видовым составом стада, который, в свою очередь, непосредственно зависит от естественной кормовой базы — растительного покрова (Шилов В.П., 1975, с. 6—15). До недавнего прошлого большую часть территории лесостепного Подонья занимали разнотравные степи. Как свидетельствует весь накопленный к настоящему времени этнографический и историко-археологический материал, скотоводы, получавшие в наделы ковыльно-разнотравные участки, занимались преимущественно разведением лошадей, мелкотравчатые степи использовались для выпаса овец, а сухие степи — для верблюдов (Плетнева С.А., 1982, с. 37). Если исходить из этой зависимости, то становится понятно, почему в стадах лесостепных сарматов возобладали лошади.

Однако одного благоприятного фактора для столь существенного изменения в скотоводческом хозяйстве, видимо, было недостаточно. Сарматы, как, впрочем, и все кочевники, крепко держались за свои традиции, в особенности за привычный состав стада. Нарушить их мог, по-видимому, только очень сильный неблагоприятный для ведения традиционного кочевого хозяйства фактор. В лесостепном Подонье им был более высокий, чем в степи, снежный покров. Здесь его высота к концу зимы достигает 20—30 см, тогда как, например, в степях Северного Причерноморья — менее 10 см (Милюков Ф.Н., 1977, с. 113—160). Хорошо известно, что при толщине снежного покрова более 40 см возможно лишь стойловое содержание домашних животных. Поэтому в донской лесостепи подвижное скотоводство могло развиваться лишь при наличии в стаде большого количества лошадей. Лошадь — единственное тебенюющее животное средней полосы Евразии. Она способна добывать корм зимой из-под снега. Установлено, что высокий процент лошадей на поселениях и городищах раннего железного века лесостепной и лесной полосы Восточной Европы определялся в первую очередь большей приспособляемостью ее добывать себе корм в суровых климатических условиях с высоким снежным покровом (Цалкин В.И., 1966, с. 93).

О том, что в природно-климатических условиях лесостепного Подонья лошадь круглый год могла находиться на подножном корму, свидетельствует хорошо известный

факт обитания здесь вплоть до середины XVIII в. диких лошадей-тарпанов. По сообщению академика Гмелина, тогда они встречались даже в окрестностях Воронежа (Берг Л.С., 1947, с. 382). Здесь необходимо еще учесть то обстоятельство, что приведенное свидетельство относится ко времени максимального похолодания (так называемый «малый ледниковый период» XV—XVIII вв.). По мнению многих современных исследователей, на рубеже нашей эры климат Юга России был несколько иной — более жаркий и менее влажный, с малоснежными зимами (Гумилев Л.Н., 1967; Демкин В.А., Лукашев А.В., 1993, с. 51). Объективно это благоприятствовало распространению скотоводческого хозяйства на север в глубинные районы лесостепи.

Таким образом, экологические условия лесостепного Подонья начала I тыс. н. э. способствовали сложению у перекочевавших сюда сарматов коневодческой модели скотоводческого хозяйства. Это были сарматы-коневоды, основу благосостояния которых составляло разведение лошадей. Скорее всего, их хозяйство было полуоседлым с ограниченным радиусом кочевания. Длительные перекочевки на большие расстояния здесь были не нужны в силу того, что продуктивность зеленой массы лесостепи в несколько раз превышает таковую в злаковой зоне степи (Милюков Ф.Н., 1977, с. 126—128, табл. 5). О большей степени оседлости лесостепных сарматов свидетельствуют и многочисленные следы их присутствия на поселениях и городищах, открытые в последние годы (Медведев А.П., 1998, с. 42—50).

По наблюдениям этнографов, образование этнонимов по хозяйственным особенностям как раз характерно для этносов со специализированным хозяйственно-культурным типом (Чеснов Я.В., 1982, с. 122). Заметим, что подобный способ образования этнонимов-иноназваний был очень широко распространен в античности, особенно у грекоязычных авторов («лотофаги», «ситофаги», «галактофаги», «ихтиофаги» и т. п.). В передаче Птолемея этноним «сарматы-гиппофаги», скорее всего, являлся греческой калькой с местного ираноязычного названия, полученного его информаторами от степных сарматов.

Вряд ли этот этноним служил для обозначения какого-то особого, сильно отличного от сарматов народа. Но все же он подчеркивал некоторые хозяйственные особен-

ности лесостепных сарматов, проявившиеся в составе стада. Любопытно, что тот же Птолемей в описании народов Азиатской Скифии «по ту сторону Имава» упоминает гиппофагов-скифов (Ptolem, VI, 15, 3). «Северные области этой Скифии населяют абии-скифы, области под ними — гиппофаги-скифы, за ними простирается область Авзакитида и под ней, еще у названного Горметериона, — область Касия, под ней хаты-скифы, затем область Ахаса и под ней у Эмодских гор — хаураней-скифы» (пер. И.В. Пьянкова). Видимо, не случайно александрийский ученый локализует и этих гиппофагов где-то на северной периферии Азиатской Скифии, где археологически также довольно отчетливо прослеживаются признаки развитого коневодческого хозяйства (Степная полоса..., 1992, с. 306).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берг Л.С., 1947. Географические зоны Советского Союза. М.
- Браун Ф., 1899. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб.
- Витт В.О., 1937. Лошадь Древнего Востока // Конские породы Средней Азии. М.
- Всемирная история, 1956. М.
- Гумилев Л.Н., 1967. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. № 1.
- Демкин В.А., Лукашов А.В., 1993. Почвенно-ландшафтные условия северо-западного Прикаспия во II тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // РА. № 4.
- Джубанов А.А., 1983. Видовой состав жертвенных животных курганных захоронений раннего железного века междуречья Волги и Эмбы // История и культура сарматов. Саратов.
- Зубарев В.Г., Масленников А.А., 1987. Историческая География Европейского Боспора по Клавдию Птолемию // СА. № 2.
- Кулаковский Ю., 1899. Карта Европейской Сарматии по Птолемию. Киев.
- Латышев В.В., 1948. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 2.
- Медведев А.П., 1990. Сарматы и лесостепь. Воронеж.
- Медведев А.П., 1998. III Чертовицкое городище // Археологические памятники Верхнего Подонья I тыс. н. э. Воронеж.
- Милюков Ф.Н., 1977. Природные зоны СССР. М.
- Плетнева С.А., 1982. Кочевники Средневековья. М.
- Романовская М.А., Шелов-Коведяев Ф.В., Шеглов А.Н., 1981. Городище Рудь — Метоний Птолемея? // ВДИ. № 4.
- Сергацков И.В., 1997. Сарматские памятники II в. до н. э. — III в. н. э. в бассейне Иловли: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Смирнов К.Ф., 1964. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. № 3.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время, 1989. М. (Археология СССР).
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время, 1992. М. (Археология СССР).
- Удальцов А.Д., 1946. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. // СЭ. № 2. М.
- Цалкин В.И., 1966. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. № 135.
- Чеснов Я.В., 1982. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.
- Шилов В.П., 1975. Модели скотоводческого хозяйства степных областей Евразии в эпоху неолита и ранней бронзы // СА. № 1.
- Behrens H., 1964. Die Neolithisch-frühmetallzeitlichen Tierskelettfunde der Alten Welt. Halle.
- Marinos von Tyros, 1930 // *Rw Re. Hbd. XXVIII. Stuttgart.*
- Müllenhoff K., 1966. Über das Sarmatien d. Ptol. // *Deutsche Altertumskunde. III.*

SUMMARY

THE «SARMATAE-HYPPOPHAGAE»

A.P. Medvedev

The paper deals with the ethnic-cultural situation which took place in the 1st-2nd cc. AD in forest-steppes of the Middle Don region. The climate conditions of this region do not fit the economy of mobile nomadism but at the same time they are very suitable for horse-breeding. Archaeological data suggest a horse as the main sacrifice animal, which likely played the determinant role in the housekeeping of nomads. All this has a good connection with the historical evidence given by Claudius Ptholemaeus who put the «Sarmatae-hippophagae» somewhere in the northern part of Asiatic Sarmatia.

МОГИЛЬНИК ДНЕПРОЗАВОДСТРОЙ И САРМАТСКИЕ ПАМЯТНИКИ «ВОСТОЧНОЙ ВОЛНЫ» В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

А.В. Симоненко

На заре становления украинской археологии под руководством одного из ее основателей Д.И. Яворницкого в 1927—1932 гг. работала экспедиция Наркомпроса УССР — едва ли не первая новостроечная экспедиция в Украине. В тяжелых физических и финансовых условиях при острой нехватке научных кадров археологи спасали сносимые в срочном порядке курганы и поселения на территории строительства Днепрогэса и металлургического завода. Дальнейшая судьба экспедиции достойна сожаления. Большинство ее участников были репрессированы, материалы распылены по музеям, частью утрачены, а в науке о результатах раскопок долго умалчивалось. На сегодняшний день в архиве Института археологии НАН Украины сохранились немногочисленные отчеты некоторых авторов раскопок¹. Часть материала, по данным И.Ф. Ковалевой, хранится в Днепропетровском историческом и Запорожском краеведческом музеях². В Национальном музее истории Украины также находится небольшая коллекция материалов Днепрозастрой, в их числе — некоторые находки из сарматских погребений.

Сарматский могильник был исследован сотрудником экспедиции М.А. Миллером в 1930 г. (Миллер М.О., 1930) на территории строительства металлургического завода («Майданчик А» по полевой номенклатуре). Публикуемые ниже данные базируются на его дневниках и материалах, хранящихся в НМИУ³.

Курган 21 сооружен над основным погребением 1. Могильная яма квадратная в плане, ориентирована сторонами по странам света, длина стороны 2,2 м, глубина ямы 1,65 м. Погребение ограблено. В заполнении ямы — 11 железных черешковых трехлопастных наконечников стрел (рис. 1, 1), оселок (рис. 1, 3), кремь (рис. 1, 2), обломки железных предметов⁴.

Курган 25, погребение 4 (впускное в курган эпохи бронзы). Контурь погребального сооружения не прослеживались. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ (рис. 1, 5). Вдоль правого бедра находился фрагментированный железный меч, слева у пояса — оселок (рис. 1, 6), рядом с ним кремь и серебряная пряжка (рис. 1, 7, 8).

Курган 26, погребение 4 (впускное в курган эпохи бронзы). Контурь погребального сооружения не прослеживались. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на Ю. При нем лепной горшок (рис. 1, 4).

Курган 26, погребение 6 (впускное в курган эпохи бронзы). Контурь погребального сооружения не прослеживались. Под каменным закладом лежал скелет — вытянуто на спине, головой на СЗ. При нем был железный меч с кольцевым навершием (рис. 1, 9, 10), два железных черешковых трехлопастных наконечника стрел (рис. 1, 12) и костяная пластинка.

Курган 29 сооружен над основным погребением 1. Могильная яма квадратная в плане, ориентирована сторонами по странам света, длина стороны 2,4 м (рис. 2, 1). Погребение ограблено. Судя по сохранившимся *in situ* костям правой руки, скелет лежал по диагонали ямы вытянуто на спине, головой на ЮЗ. В заполнении и на дне ямы — железный меч с кольцевым навершием, лежавший *in situ* у несохранившегося правого бедра, фрагменты гончарных сероглиняного (рис. 3, 3) и красноглиняного (рис. 2, 3) сосудов, бронзовая гарнитура пояса — полусферические бляшки (рис. 3, 1a), скобы (рис. 3, 1c), обойма (рис. 3, 1h) и спиральки (рис. 3, 1e, 1f), бронзовые и железная пряжки (рис. 3, 1b, 1, k, 2), бронзовые ножки римского сосуда (рис. 3, 1d), железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (рис. 3, 1i) и удила (рис. 2, 2), два бронзовых кольца.

¹ НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 118; Ф. 18.

² Подробнее об этом см.: Ковалева И.Ф., 1980.

³ Благодарю сотрудников археологических фондов НМИУ Л.В. Строкову и М.А. Хомчик за большую помощь в работе с материалом.

⁴ В связи с ограниченным объемом статьи дается лишь самое краткое описание.

Наиболее древним в могильнике является погребение 4 в кургане 26 с лепным прохоровским горшком. Оно уже анализировалось (Абрамова М.П., 1961; Симоненко О.В., 1994, с. 40) и является одним из самых ранних сарматских захоронений Украины. Остальные могилы Днепрозаводстроя снабжены столь выразительным инвентарем I — первой половины II в. н. э., что нет смысла тратить место на приведение многочисленных аналогий. Своеобразный наборный пояс и удила из кургана 29 рассматривались ранее (Симоненко А.В., 1979, с. 51—55; Зубарь В.М., Симоненко А.В., 1984, с. 151).

Для уяснения места могильника в кругу сарматских древностей Северного Причерноморья I — начала II в. н. э. следует рассмотреть общую археологическую ситуацию. Наиболее распространенным типом памятников этого времени являются впускные погребения. В большинстве регионов (Таврия, Донбасс, междуречье Днепра и Днестра, левобережная лесостепь) они доминируют. Их основные характеристики — преобладание простых прямоугольных ям и ориентации в северном секторе. Последняя по регионам распределяется следующим образом. Донбасс и лесостепное левобережье: южный сектор — 47,2 %, северный — 44,4 %, широтная — 8,3 % (далее в том же порядке без названия сектора); Приазовье: 21,1, 68,3 и 10,6 %; Таврия: 15,0, 76,2 и 6,2 %; междуречье Орели и Самары: 36,6, 53,3 и 10,0 %; междуречье Днепра и Днестра: 15,3, 75,7 и 8,9 %; междуречье Днестра и Дуная: 10,5, 83,6 и 6,2 %. Как видно, везде весомо преобладает ориентация в северном секторе, кроме лесостепного левобережья и Донбасса, где ориентация в обоих секторах почти в равной пропорции с незначительным преобладанием южного. В целом среднесарматские впускные погребения сохраняют обрядовые нормы раннесарматского времени и оставлены, скорее всего, потомками роксоланов и языгов II—I вв. до н. э.

Основные погребения, почти отсутствующие в раннесарматское время, в I — середине II в. н. э. сосредоточены в определенных регионах: Приазовье и Южном Донбассе, Ореле-Самарском междуречье, Надпорожье, низовьях Дуная (рис. 4, 1). Чаще всего они группируются в большие (Усть-Каменский, Молочанский, Подгороднянский) и малые (Богуслав, Вербки, Виноградное, Приморское, Турлаки, Белолесье) могильники. Количество насыпей в них колеблется от 71 (Усть-Каменка) до 3—5 (Богуслав, Вербки,

Виноградное, Белолесье). В некоторых случаях на подкурганной поверхности исполнялись определенные ритуальные действия: рассыпание материкового выкида по всей подкурганной поверхности, связанное с культом «белого» или «чистого» вещества (Бузовка) (Костенко В.И., 1979, с. 126), устройство неподалеку от могилы кострищ и скоплений вещей (чаще всего керамики) при отправлении тризны (Подгородное). Последний обычай распространен в курганах Нижнего Дона, где под «царскими» насыпями на небольшом расстоянии от могилы иногда оставались драгоценные украшения узды, не менее ценная римская бронзовая и серебряная посуда, бронзовые котлы (Садовый, Хохлач, Соколовский III, Дачи, Высочино). Этот обычай является одной из инноваций, составляющих устойчивые признаки новой среднесарматской культуры. На исследуемой территории, кроме кострищ и скоплений керамики в Подгороднянском могильнике, ярким проявлением нового обычая являются находки бронзовых котлов под насыпями и в насыпях над основными погребениями в Поорелье (Мухопад С.Е., 1986, с. 139). Там же зафиксирована еще одна восточная инновация (Максименко В.Е., 1990, с. 29) — кольцевые подкурганные рвы (Вербки, Марьяна Роша). Следует добавить, что и тризны, и рвы, и другие культовые действия на подкурганной поверхности присущи погребениям знати.

Погребальные сооружения основных погребений I — середины II в. н. э. объединяются в пять типов: открытые удлиненно-прямоугольные ямы, ямы с заплечиками, квадратные ямы, подбойные могилы и катакомбы. Первые никак не отличаются от аналогичных сооружений впускных погребений, на остальных следует остановиться особо.

Основные погребения в ямах с заплечиками немногочисленны (по две в Молочанском и Подгороднянском могильниках, по одной в Александровке, Богуславе и Усть-Каменке, по три в Турлаках и Белолесье). Таким образом, наблюдается определенная региональная концентрация могил этого типа: Ореле-Самарское междуречье и низовья Дуная; единичны находки таких ям в районе Днепровских порогов и Приазовье. Традиционная форма сооружения этого типа — широкие заплечики по длинным сторонам ямы. Несколько особняком стоят большие по площади (5,0 × 3,5 м) ямы в Александровке и Богуславе, являясь «аристократическим» вариантом этого типа. Их размеры продикто-

ваны высоким прижизненным статусом покойного.

Совершенно новым явлением в культуре сарматов Северного Причерноморья среднесарматского времени стали квадратные ямы. В неограбленных могилах скелет чаще всего лежит по диагонали ямы, поэтому такие погребения получили название «диагональные». Сам термин в какой-то мере условен. Типообразующим признаком этой своеобразной обрядовой группы является форма ямы — квадратная или подквадратная, со стороной длиной 1,8—3,5 м. При этом погребенный размещался не только по диагонали могилы, но, хотя и реже, и по продольной оси, иногда ближе к одной из стенок (Скрипкин А.С., 1984, с. 62—63). Поэтому в данную подборку включены не только диагональные, но и остальные погребения в квадратных или подквадратных ямах (в том числе и ограбленные). Последние ни по конструкции погребального сооружения, ни по составу инвентаря не отличаются от первых, что дает основания допустить если не обязательное, то очень возможное диагональное расположение тела перед ограблением, то есть принадлежность этих могил той же обрядовой группе.

Всего на территории Северного Причерноморья мне известно 58 погребений этого типа. Все они, кроме Усть-Каменского могильника, расположены на левобережье Днепра (рис. 4, 2). Последний также находится в непосредственной близости от Днепра и по всем признакам тяготеет к левобережным памятникам. Более тщательные наблюдения выявляют, что ареал диагональных погребений ограничен северо-восточной частью степного левобережья: в Таврии и лесостепи бассейнов Ворсклы, Псла и Сулы их нет. Неизвестен этот обычай на территории между Днестром и Дунаем. Итак, топография диагональных погребений вместе с остальными признаками очерчивает ареал обитания носителей этого обряда: Донбасс, степи Восточного Приазовья, Ореле-Самарское междуречье, бассейн Базавлука. За исключением нескольких одиночных погребений (Сватова Лучка, Дмухайловка, Лычково), большинство памятников этого типа входят в состав больших (Молочанский, Усть-Каменский, Подгороднянский) и малых (Филия, Вербки, Марьяна Роща, Приморское, Виноградное, Днепрозаводстрой, Ново-Подкряз, Каменка-Днепровская) могильников, в которых сосуществуют с погребальными сооружениями иных типов. В процентном отноше-

нии (около 7,1 %) диагональные погребения Украины значительно малочисленнее однотипных могил востока. По данным А.С. Скрипкина (Скрипкин А.С., 1990, с. 184—185), там это один из основных типов погребений I — середины II в. н. э. (междуречье Дона и Волги — 35,7 %, Заволжье — 40,9 %, Южное Приуралье — 47 %, Нижний Дон — 23 %). Практически все исследуемые погребения основные, лишь три из них впускные, но в сарматские курганы, основными в которых были такие же могилы. В могильниках они являются одним из ведущих типов погребального сооружения (Подгородное — 29,6 %, Усть-Каменка — 25,7 %, Молочанский — 12,7 %) при преобладании прямоугольных (Молочанский, Подгороднянский) и подбойных (Усть-Каменский) ям. Какой-либо системы в размещении диагональных погребений в могильниках не прослеживается. В Подгородном они группируются в центре и на южном и северном участках могильника, в Усть-Каменке равномерно расположены по всей площади. Средняя высота насыпей невелика, от полностью распаханых (то есть не больше 0,5 м в древности) до 1,0—1,9 м. Могильные ямы правильной квадратной либо приближающейся к квадрату формы, длина стороны от 1,8 до 2,3 м. Около 20 % погребений (в основном в Усть-Каменке) были оборудованы сложными деревянными конструкциями — гробовищами-«ящиками», иногда с дополнительным отделением для инвентаря, либо имели деревянную облицовку стенок. Иногда в заполнении встречены мел и угольки.

Квадратные могилы ориентированы по странам света углами (46,3 %) и сторонами (53 %). Связь этого различия с какими-либо другими признаками, то есть причины его, не устанавливается. В одном и том же могильнике встречены ямы, ориентированные как углами, так и сторонами по странам света. Устойчивой характеристикой этих погребений является ориентация покойных в южном секторе (84 %). Лишь в Усть-Каменке несколько скелетов (16 %) ориентированы в северном секторе. Преобладает ориентация на ЮЗ (48 %), на Ю ориентированы 28 %, на ЮВ — 8 % погребений. Этой чертой диагональные погребения Украины тождественны восточным, где ощутимо преобладает юго-западная ориентация (Скрипкин А.С., 1990, с. 184). Такой обряд практиковался для представителей обоего пола (мужчины — 31,4 %, женщины — 48,6 %) и лиц всех возрастов (5,7 % погребений детские). В 13 случаях за-

фиксировано наличие напутственной пищи (31,7 %). Поскольку почти половина погребений ограблена, точно установить удельный вес этого признака невозможно. Однако в наиболее сохранившемся Усть-Каменском могильнике почти все диагональные погребения сопровождались напутственной пищей. Учитывая то, что на востоке этот ритуал также характерен, следует допускать это и для Северного Причерноморья.

Диагональные погребения были снабжены многочисленным и более или менее богатым инвентарем (то, что большинство их ограблено, лишний раз это подтверждает). В мужских могилах это оружие, узда, ценная металлическая посуда, в женских — античная и меотская керамика, бусы и другие античные украшения, предметы личного убора (фибулы, зеркала) и туалета (некоторые также античного происхождения). Часты находки курильниц и других предметов культа. В целом инвентарь могил этого типа производит впечатление принадлежности их зажиточной части населения (хотя золотые украшения найдены лишь дважды).

Все поддающиеся датировке могилы этого типа содержат вещи второй половины I — середины II в. н. э.⁵ Исключение составляет погребение I кургана 8 у х. Филия Межевского р-на Днепропетровской обл., где найдена, по определению авторов, подвязная фибула 5-го варианта 1-й серии, датирующаяся II — началом III в. н. э. (Костенко - В.И., Чурилова Л.Н., 1995, с. 156). Но ряд обстоятельств вызывает у меня сомнения в этой дате. Прежде всего, остальные погребения этого небольшого могильника надежно датируются среднесарматским временем. В погребении 8 найдены бронзовая пряжка и характерные С-видные скобы от портупейного ремня, встречающиеся только в погребениях I — начала II в. н. э. Среди лучковых подвязных фибул есть застёжки 2-го варианта с длинной обмоткой, несколько напоминающие изделия 5-го варианта, но относящиеся ко второй половине I в. н. э. (Амброз А.К., 1966, с. 49, табл. 9, 7). Однако фибулу, которой датировано погребение, в Днепропетровске мне найти не удалось, и проверка не состоялась. Во всяком случае, я не могу считать предложенную авторами дату этого погребения окончательной.

Литература, посвященная диагональным погребениям, слишком обширна и хорошо известна специалистам, чтобы приводить ее здесь полностью. Итоги дискуссии подведены в работах И.П. Засецкой (Засецкая И.П., 1974, с. 112—122) и А.С. Скрипкина (Скрипкин А.С., 1992, с. 27—28). Выяснено, что как массовое явление диагональные погребения появляются не раньше I в. н. э., а их генетическая связь с очень редкими (не более 1 %) визуально сходными могилами Южного Приуралья савроматского и раннепрохоровского времени весьма сомнительна (Засецкая И.П., 1974, с. 113). Памятники этого типа, к тому же, не являются общесарматским явлением. Они сосредоточены в степях от Южного Приуралья и Заволжья на востоке до Днепра на западе; в Прикубанье, на Северном Кавказе и в Юго-Западном Причерноморье их нет. Эти наблюдения привели А.С. Скрипкина к выводу о том, что диагональные погребения, так четко ограниченные во времени и пространстве, отражают не социальные или религиозные представления, а являются этноопределяющим признаком, скорее всего — аланов (Скрипкин А.С., 1992, с. 28). Я разделяю эту точку зрения.

Анализируя вопрос, уместно будет коротко охарактеризовать давно известные большие могильники Северного Причерноморья — Усть-Каменский, Подгороднянский, Молочанский — и отметить их некоторые особенности. Все они возникли вокруг одного-двух курганов эпохи бронзы. В последних двух в эти курганы были впущены раннесарматские погребения II—I вв. до н. э. Но вряд ли они определяют время начала функционирования могильников — по типологическим признакам и хронологии они принадлежат другой культуре и оставлены иным населением. Впрочем, новым пришельцам эти места как некрополи их предшественников, скорее всего, были известны. Во всех могильниках представлены три основных типа погребальных сооружений: прямоугольные, квадратные и подбойные ямы. Процентное распределение их различно: в Молочанском и Подгороднянском могильниках на первом месте прямоугольные ямы (соответственно 65,9 и 62,9 %), в Усть-Каменке — подбойные (50 %). Квадратные ямы занимают второе место в Подгородном (29,6 %) и Усть-

⁵ Анализ известного диагонального погребения у д. Вороной (Засецкая И.П., 1974, с. 116, 118; Полин С.В., Симоненко А.В., 1990, с. 81), считавшегося раннесарматским, показал, что при его фиксации произошла какая-то путаница.

Каменке (25,7 %) и третье — в Молочанском (12,7 %). Во всех могильниках единичны ямы с заплечиками, овальные и трапециевидные.

В этих могильниках преобладает ориентация в южном секторе: 62,5 % погребений в Молочанском, 84,6 % в Подгороднянском и 74 % в Усть-Каменском. Соответственно в северном секторе ориентированы 31,2 % молочанских погребений, 26 % усть-каменских, в Подгородном такая ориентация не зафиксирована. Для сравнения: в Калантаевском могильнике в северном секторе ориентированы 60 % погребений, в южном — 30 %. Во всех могильниках незначительное количество погребений ориентировано на В или З (рис. 5, II).

Такое распределение ориентации и доминирование основных могил отличает погребальный обряд могильников от общей массы сарматских погребений Украины — впускных и ориентированных преимущественно в северном секторе (рис. 5, I) — и наряду с прочими признаками подчеркивает их близость однотипным памятникам Подонья, Поволжья и Приуралья. Это уверенно определяет названные регионы (скорее всего, два первых) как исходные в продвижении на территорию Северного Причерноморья населения, оставившего эти могильники.

По составу погребального инвентаря могильники несколько отличаются друг от друга. В Подгороднянском и Молочанском отмечен большой процент красноглиняной и краснолаковой античной керамики, в Усть-Каменском преобладает серолощенная меотская и чернолощенная северокавказская посуда. Вообще последний могильник отличается большей обрядовой компактностью и яркой восточной окраской инвентаря и, скорее всего, оставлен более или менее этнически чистой группой восточного населения. К тому же некоторые его хроноиндикаторы (фибулы Ауциса, лебяженские и прогнутые воинские), присущие более первой половине I в. н. э., создают впечатление того, что Усть-Каменский могильник возник немного раньше остальных. К этой мысли склоняет и отмеченная восточная «стерильность» культурного облика памятника. С другой стороны, выявляется большая близость между ним и Подгороднянским могильником, в то время как Молочанский по обряду и инвентарю более синкретичен.

Из подающихся датировке погребений ко второй половине I — середине II в. н. э.

относятся 54 могилы Молочанского, 27 Подгороднянского и 60 Усть-Каменского (с учетом ограбленных могил цифры должны быть больше) могильников. К начальной фазе позднесарматской культуры (вторая половина II — первая половина III в. н. э.) уверенно могут быть отнесены одно погребение в Молочанском могильнике и по три в Подгороднянском и Усть-Каменском. Кроме датирующих вещей, это подтверждает смена ритуала: все они ориентированы в северном секторе, совершены в прямоугольных ямах и подбоях, иногда впускные. Оставлены эти погребения, скорее всего, потомками среднесарматского населения. О том, что могильники не функционировали в позднесарматское время, свидетельствует единичность могил второй половины II в. н. э.

Таким образом, распространенная в литературе суммарная дата больших могильников Северного Причерноморья (II в. до н. э. — III в. н. э.) не совсем верно отражает динамику их функционирования, основное время которого должно быть определено как вторая половина I — начало II в. н. э. Они оставлены отдельной группой населения (племенным объединением?), единовременно мигрировавшей на территорию причерноморских степей. Как следует из топографии, носители этой обрядовой нормы занимали определенную территорию: Донбасс, Приазовье, далее к северо-западу по линии Молочная — Конка — Базавлук, на север от нее — до Поорелья. В других регионах Украины подобных памятников нет, а одиночные впускные погребения с южной ориентацией и инвентарем восточного облика немногочисленны на фоне общего преобладания североориентированных могил с местным инвентарем. Они, вероятно, отражают картину интеграции восточных пришельцев в среду причерноморских сарматов.

Итак, могильники с основными погребениями как культурное явление появились почти единовременно в середине I в. н. э. и резко отличаются от основной массы сарматских погребений Северного Причерноморья. Наиболее яркие из их типологических признаков — основное погребение, преобладание диагональных могил в квадратных ямах, ориентация в южном секторе, некоторые категории инвентаря (сероглиняная посуда, бронзовые котлы и др.) — присущи среднесарматской культуре I — середины II в. н. э. Подонья — Поволжья, которую связывают

с аланами (Скрипкин А.С., 1990, с. 217, 218). Интересно типологическое сходство больших ям с заплечиками в могильниках у Богуслава, Александровки (Ореле-Самарское междуречье) и Белолесья и Турлаков (Нижнее Подунавье). Важно также и то, что эти памятники синхронны, а их дата (вторая половина — конец I в. н. э.) удивительно хорошо совпадает с датировкой данных Сенеки об аланах на Истре. Перечисленные памятники по формальным признакам обнаруживают большое сходство и производят впечатление оставленных родственным населением. Если левобережные могильники с основными погребениями (и в их числе Богуслав и Александровка) принадлежали аланам, то появление таких же памятников на Нижнем Дунае может иллюстрировать известное сообщение Сенеки. Не исключено, что Истр «предоставлял пути к бегству» аланам — обитателям левобережных степей, оставившим памятники типа Богуслав — Александровка.

Весьма показательно, что антропологические характеристики населения, оставившего впускные погребения, отличны от тех, которые присущи погребенным в могильниках восточного типа с основными захоронениями. Это обстоятельство является еще одним доказательством этнокультурной разницы между двумя массивами сарматского населения исследуемого региона: потомками раннесарматских племен (роксоланами) и пришельцами (аорсами и аланами).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П., 1961. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э. — I в. н. э. // СА. № 1.
- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып. Д1—30.
- Засецкая И.П., 1974. Диагональные погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // АСГЭ. Вып. 16. Л.
- Зубарь В.М., Симоненко А.В., 1984. О снаряжении боевых коней в первые века н. э. на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. Киев.
- Ковалева И.Ф., 1980. Очерки древнейшей истории племен степной Украины (по материалам Днепрогэзовской экспедиции НКПроса УССР 1927—1932 гг.). Днепропетровск.

Костенко В.И., 1979. Сарматы в междуречье Орели и Самары // КДСП. Днепропетровск.

Костенко В.И., Чурилова Л.Н., 1995. Сарматские памятники на берегах р. Соленая // ПАП. Вып. 9. Днепропетровск.

Максименко В.Е., 1990. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону (археология и проблемы этнической истории): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.

Миллер М.О. Щоденник та журнал розкопів на терені Дніпрозаводбуду в 1930 р. НА ИА НАНУ. Ф. 18. Д. 76

Мухопад С.Е., 1986. Сарматские погребения с бронзовыми котлами в Орель-Самарском междуречье // ПАП. Вып. 5. Днепропетровск.

Полин С.В., Симоненко А.В., 1990. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Приднепровья. Днепропетровск.

Симоненко А.В., 1979. О сарматских поясах // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев.

Симоненко О.В., 1994. Ранньосарматський період в Північному Причорномор'ї // Археологія. № 1.

Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века н. э. Саратов.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.

Скрипкин А.С., 1992. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории: Науч. докл. ... дис. ... д-ра ист. наук. М.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Инвентарь сарматских погребений могильника Днепрозаводстрой: 1—3 — кург. 21; 4 — кург. 26, погр. 4; 5—8 — кург. 25, погр. 4; 9—12 — кург. 26, погр. 6 (1—8, 10—12 — по М.А. Миллеру; 9 — НМИУ, № Б56—394).

Рис. 2. Могильник Днепрозаводстрой, кург. 29: 1 — могильная яма; 2 — удила; 3 — красноглиняный кувшин.

Рис. 3. Могильник Днепрозаводстрой, кург. 29: 1, 2 — поясная гарнитура, пряжки; 3 — сероглиняный кувшин (1, 3 — по М.А. Миллеру; 2 — НМИУ, коллекция Б56, б. н.).

Рис. 4: 1 — основные погребения Северного Причерноморья I — начала II в. н. э.; 2 — диагональные погребения Северного Причерноморья.

Рис. 5. Ориентация сарматских погребений Северного Причерноморья I — начала II в. н. э.

I — впускные погребения: 1 — между-
речье Днепра и Днестра; 2 — Таврия; 3 —

междуречье Орели и Самары; 4 — Приазо-
вье; 5 — Донбасс.

II — могильники: 1 — Подгородное; 2 —
Усть-Каменка; 3 — Молочанский; 4 — При-
морское; 5 — Калантаево.

Summary

THE DNEPROZAVODSTROY CEMETERY AND SARMATIAN MONUMENTS OF THE “ORIENTAL WAVE” IN THE NORTH PONTIC AREA

A.V. Simonenko

The materials from the Sarmatian cemetery investigated in 1930 by M. Miller on the territory of Dneprozavodstroy are published in this paper for the first time. They belong to the circle of relics of the second half of the 1st — beginning of the 2nd cent. A.D. left by the migrants from the steppes of the Volga-Don basin. These relics in contrast to the secondary graves with the orientation in the North sector which dominate in the North Pontic area are characterized by the primary graves located in the South sector frequently in square pits with the corpse placed diagonally. The whole complex of the data of written sources and archaeological record allows us to identify them with Alanae and Aorsi.

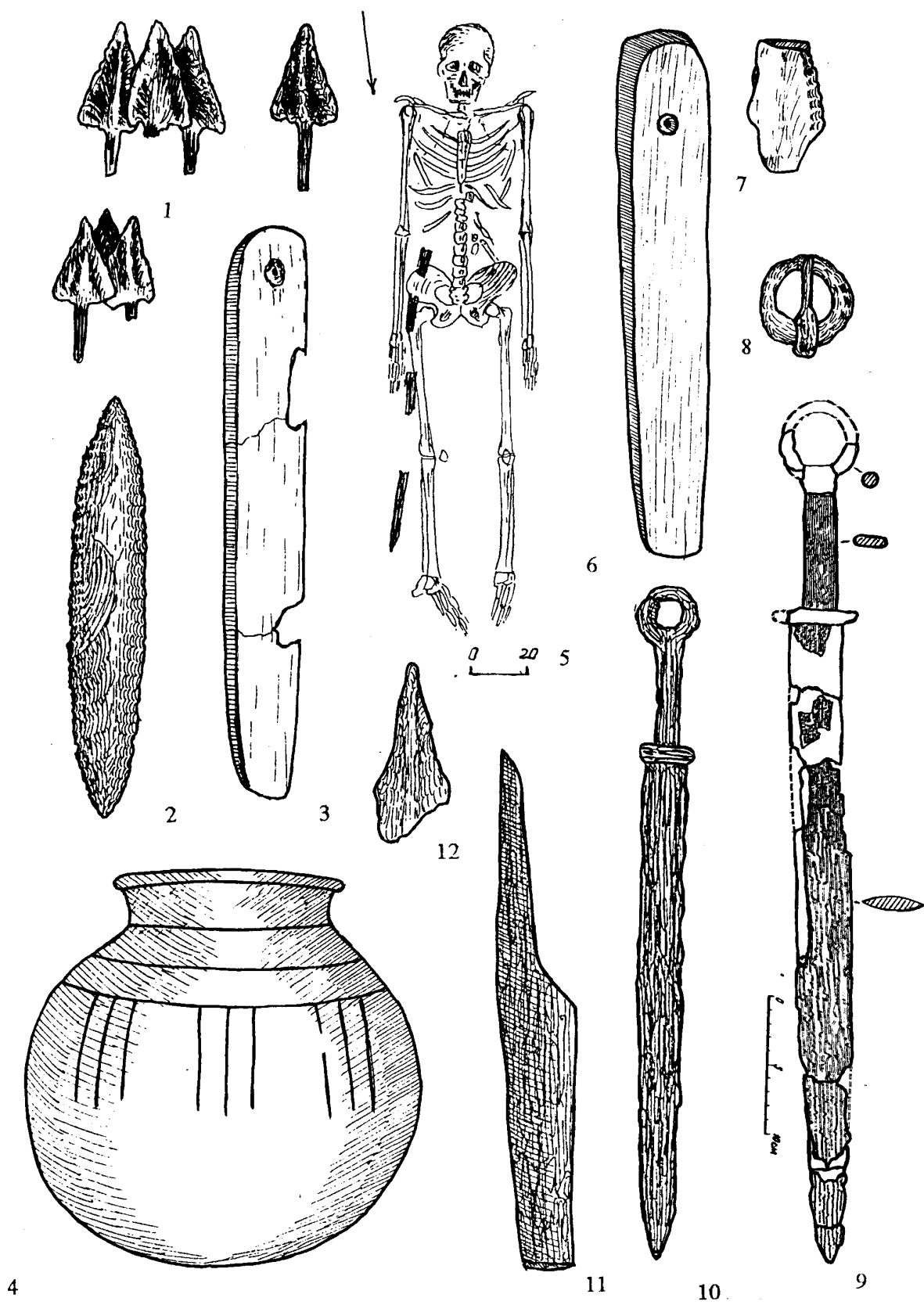
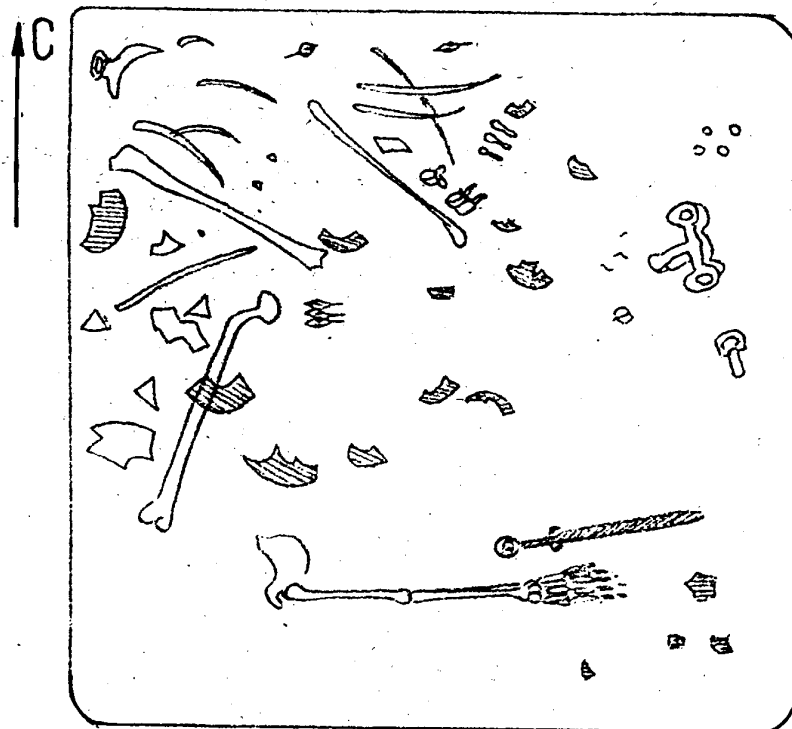
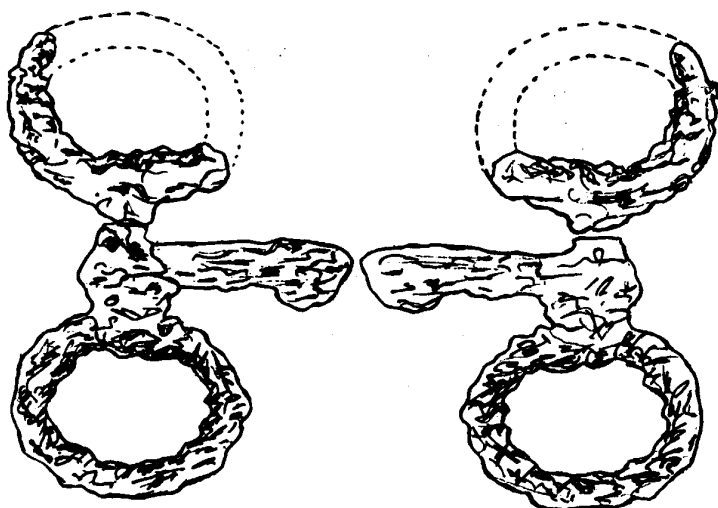

Рис. 1

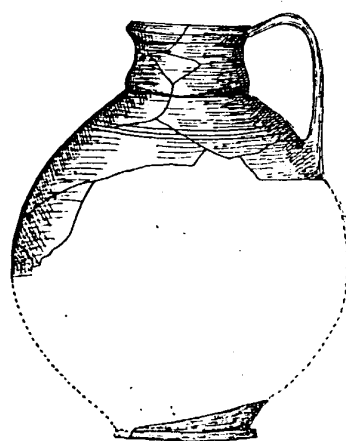
0 20

1

0 2

2

0 4

3

Рис. 2

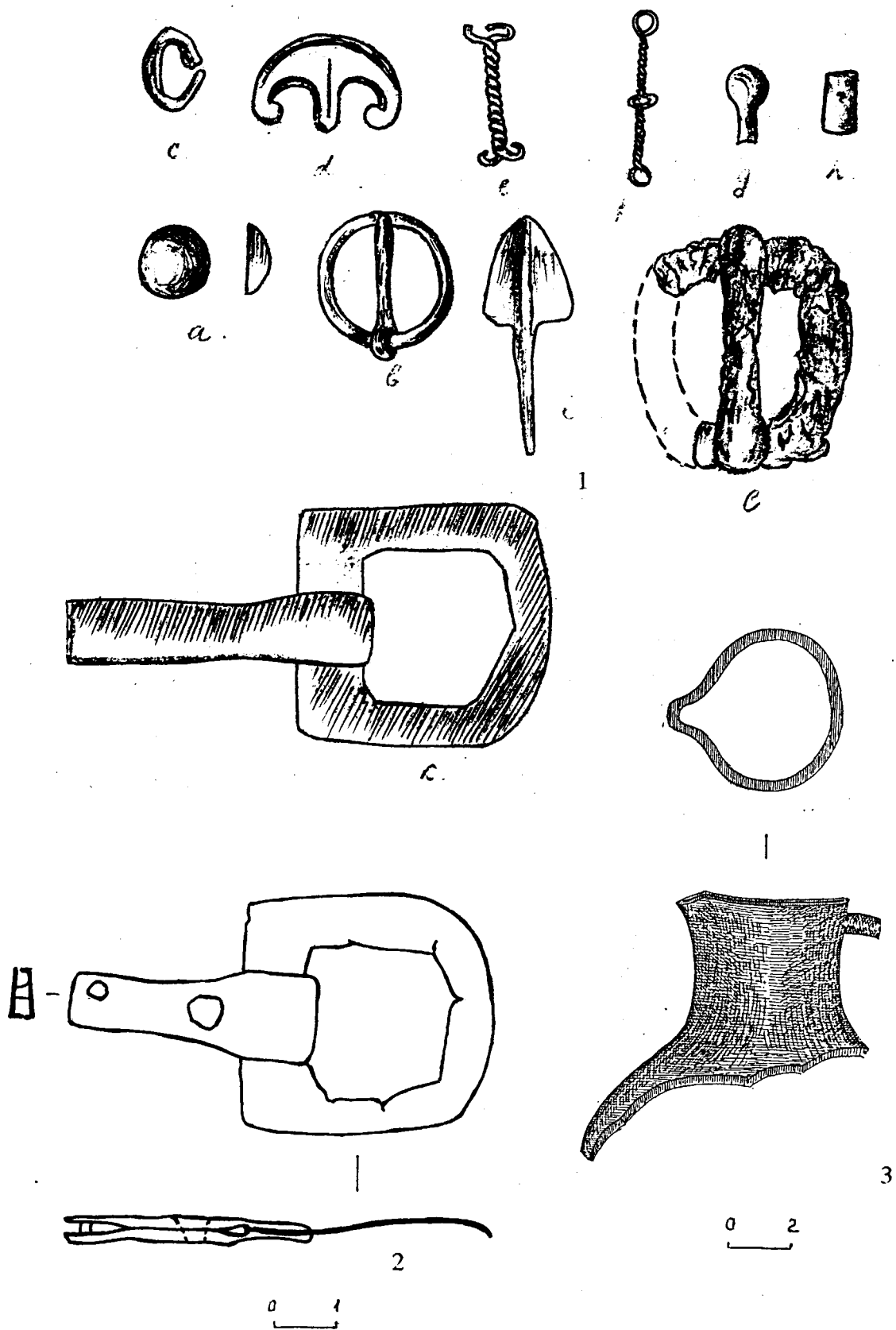
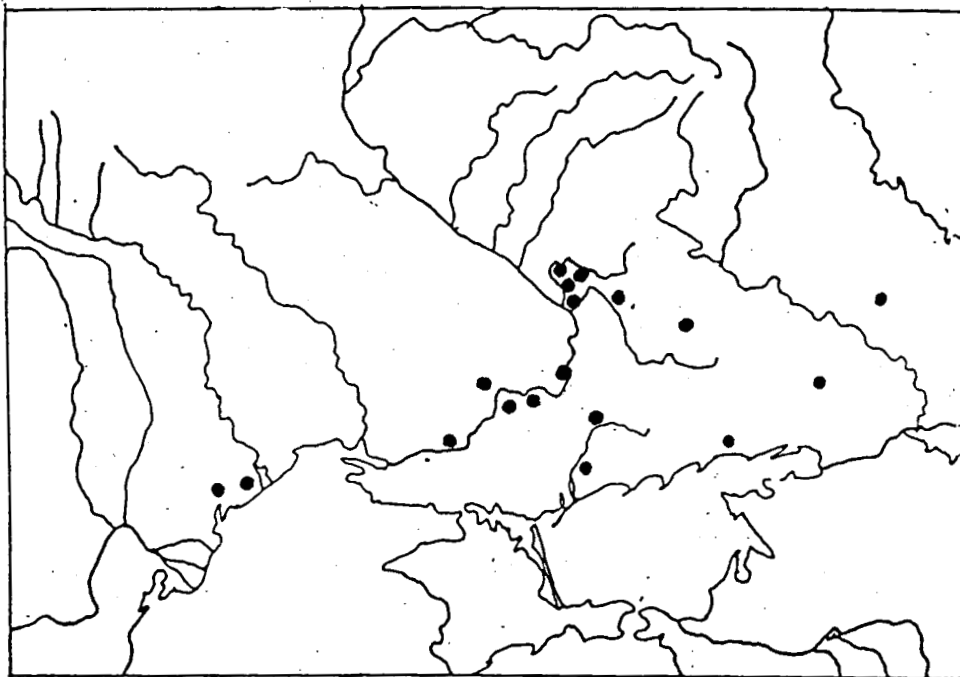
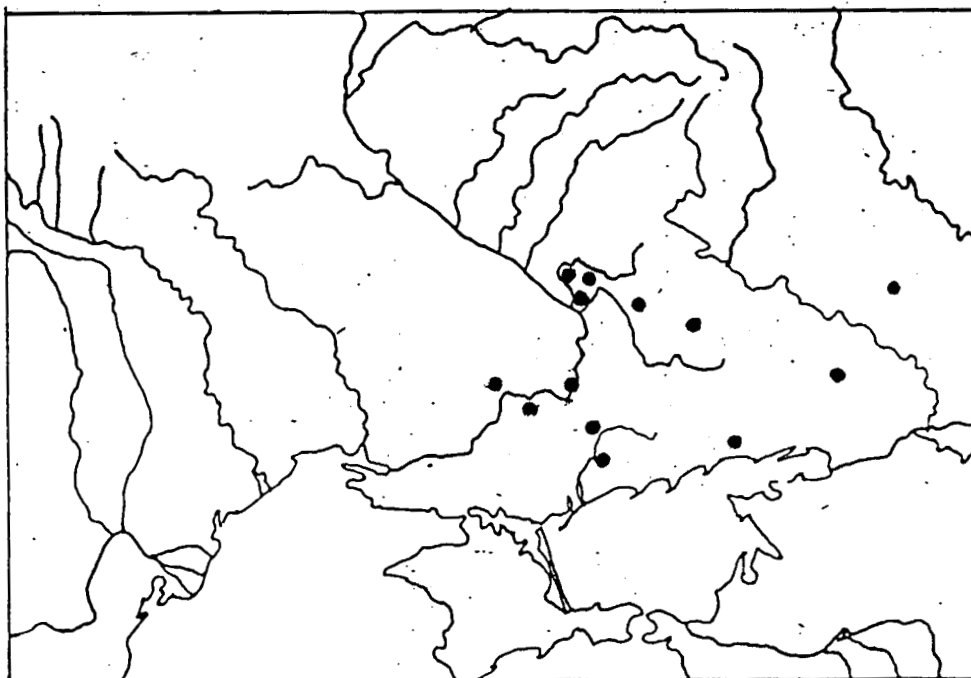

Рис. 3

1

2

Рис. 4

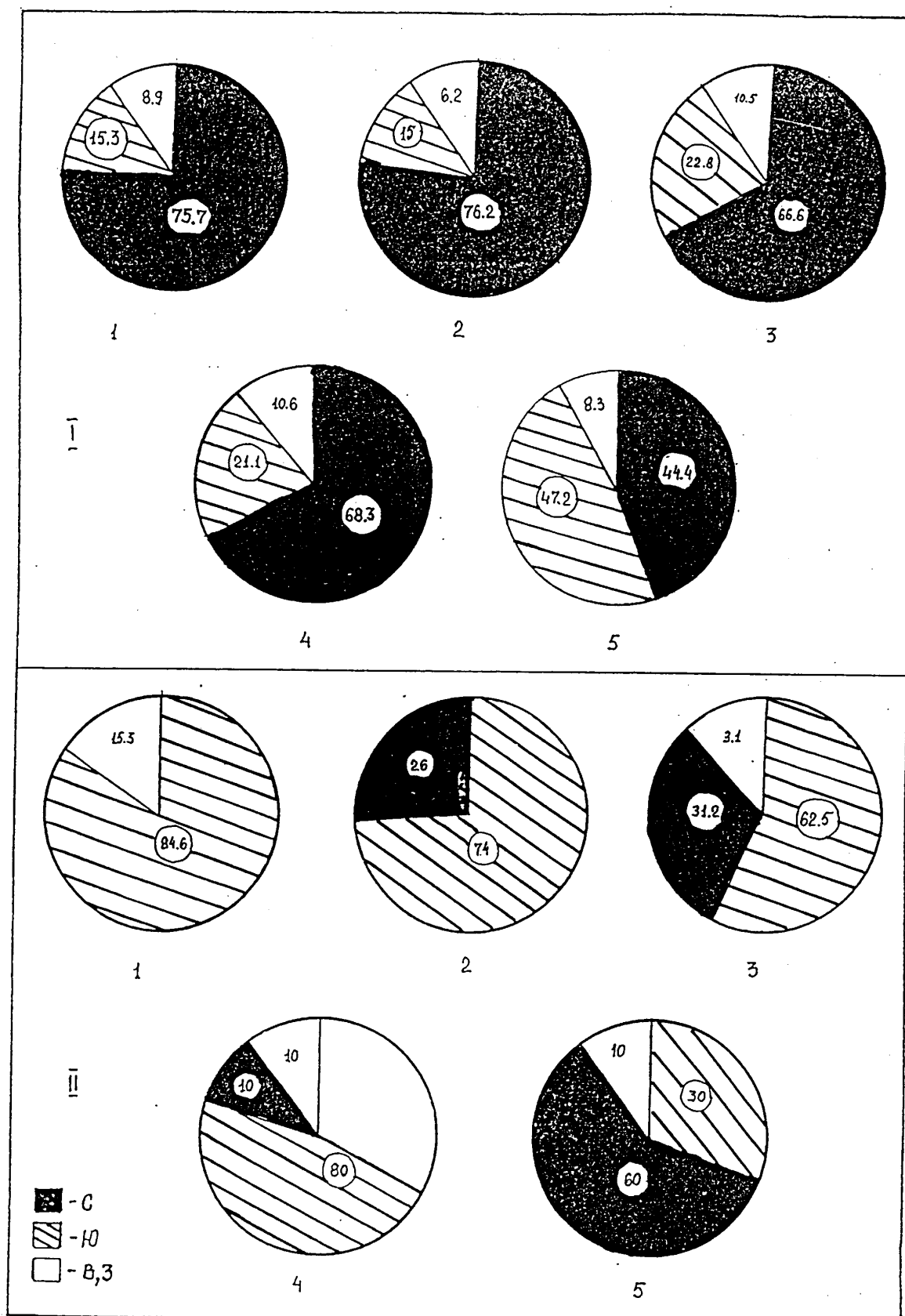

Рис. 5

АРЕАЛ КУВШИНОВ С «ПЫШНЫМ» ОРНАМЕНТОМ*Л.Б. Гмыря*

В 1898 г. среди инвентаря одного из погребений могильника, располагавшегося в окрестностях г. Темир-Хан-Шуры¹ (Западный Прикаспий), обнаружили кувшин, своеобразная орнаментация которого выделяла его среди других сосудов. Она изобиловала декоративными деталями: полоса из косых насечек опоясывала основание горловины, на плечиках тулова располагалась резная ломаная линия, от ее нижних углов опущены тонкие, длинные валики с круглыми налепами на концах (рис. 2, 8).

Кувшин из Темир-Хан-Шуры был первым экземпляром из серии однотипных сосудов, впоследствии найденных в Южном Приуралье, Волго-Донском междуречье и Заволжье, а также на других памятниках Западного Прикаспия. Эти сосуды часто упоминаются в археологической литературе благодаря своеобразию украшающей их орнаментации. На нее впервые обратил внимание И.В. Синицын. В публикации своих материалов из раскопок могильников Заволжья исследователь определил орнамент подобного кувшина из могильника Бережновский II (рис. 2, 2) как «богатый» (Синицын И.В., 1960, с. 100). В.Б. Виноградов охарактеризовал кувшин из Темир-Хан-Шуры как «оригинальный», имея в виду главным образом необычность его орнамента (Виноградов В.Б., 1963, с. 89—90). Нам также приходилось писать об этом типе сосудов, орнамент которых мы обозначили условным термином «пышный», как состоящий из большого количества декоративных деталей, придающих композиции в целом некоторую вычурность (Гмыря Л.Б., 1980, с. 125—127).

Несмотря на широкий ареал, кувшины, составляющие серию «пышноорнаментированных», однотипны по форме (высокогорлые с сильно расширенным туловом, узким донцем) и технологии выделки (тонкостенные, с залощенной поверхностью, серого с буроватым оттенком цвета). Сосуды снабжались ручкой двух типов: гребенчатой (три продольных валика вдоль тулова, средний зачастую имеет выступ в виде гребня) или реберчатой (продольные валики по краю тулова, ложбина в средней части). Тулово и боковые гра-

ни ручек, как правило, покрывались насечками, у основания ручек некоторых сосудов помещались дополнительные детали декора — тонкие валики с концевыми налепами и др. (рис. 2, 1, 3, 4, 6, 7, 11) (Гмыря Л.Б., 1997, с. 18—19; Гмыря Л.Б., 1998, с. 34—35; Гмыря Л.Б., 1980, с. 114—115, 120, рис. 5, 6—10, рис. 8, 11—17).

Орнамент, размещавшийся на тулове кувшинов, также однотипен, несмотря на его вариативность. Нами выделены его основной тип и три подтипа, различающиеся составом декоративных элементов (Гмыря Л.Б., 1998, с. 34—35). К основному типу «пышного» орнамента отнесена композиция, состоящая из трех элементов: косых насечек, резной ломаной линии и вертикальных валиков с концевыми налепами. Косые насечки составляли ее верхний уровень, ломаная линия являлась срединной частью, тонкие валики занимали нижний уровень. Некоторые сосуды имели дополнительные детали орнамента: оттиски трубочки, налепы кольцевидной формы, поперечные насечки поверх ломаной линии (Гмыря Л.Б., 1998, с. 35; Гмыря Л.Б., 1980, с. 115, 122, рис. 9, 1—5).

Несмотря на различия в деталях, орнаментация названных кувшинов, на наш взгляд, является цельной композицией, имеющей, вероятно, сюжетную основу (Гмыря Л.Б., 1997, с. 20; Гмыря Л.Б., 1998, с. 35). М.Г. Мошкова, говоря о кувшинах этой серии из погребений Заволжья, признавала их декор «интересным», отмечая при этом его «стандартность» (Мошкова М.Г., 1989, с. 181). Под стандартностью исследователь, как нам представляется, понимала не шаблонность и трафаретность изобразительных приемов, а непременно следование появившемуся когда-то образцу. Орнаментальный сюжет, помещавшийся на эти сосуды, как, впрочем, и декор в целом, вероятно, был канонизирован. Основные элементы орнамента оставались неизменными, несмотря на определенную вариативность в целом, на протяжении более пятисот лет (Гмыря Л.Б., 1997, с. 20).

По нашим подсчетам, серия кувшинов с «пышным» орнаментом насчитывает к на-

¹ Современное название могильника — Большой Буйнакский курган.

стоящему времени 17 целых сосудов и свыше 300 определяемых фрагментов. Подобная керамика обнаружена на 22 памятниках: 14 могильниках и 8 поселениях (рис. 1), причем 15 археологических объектов находятся в Западном Прикаспии (Прикаспийский Дагестан). Однако исследователи, как правило, не учитывают находки с его территории, что приводит к сужению ареала кувшинов с «пышным» орнаментом, ограничивает их хронологию, а в конечном счете усекает базу данных в поисках этнокультурной среды, породившей столь характерный тип сосудов.

Следует отметить, что при описании сосудов и при графическом их изображении авторами нередко допускаются искажения, приводящие к нарушению информативной чистоты источника, влекущие за собой разрушение общности признаков объекта исследования, что затрудняет его типологическую характеристику, а также проведение ряда классификационных операций (Гмыря Л.Б., 1997, с. 18—19; Гмыря Л.Б., 1998, с. 34).

Кувшины с «пышным» орнаментом используются современными исследователями при характеристике историко-культурного развития племен евразийских степей в сарматское время, а также населения Восточного Предкавказья в сарматский и гунно-хазарский периоды. Однако до сих пор не очерчен ареал этих сосудов, не выработана их хронология, нет типологической классификации всей серии, не определены семантика орнаментальной композиции и функциональное назначение.

Качественное накопление информации (неопубликованные или изданные частично материалы раскопок в Прикаспийском Дагестане в 50—80-е гг.), а также сложившаяся в археологической литературе ситуация, описанная выше, определили необходимость нового обращения к этому типу сосудов. Некоторые проблемы заявлены нами в литературе

в тезисной форме (Гмыря Л.Б., 1997, с. 17—21; Гмыря Л.Б., 1998, с. 34—35). В данной статье поднимаются в основном вопросы ареала кувшинов с «пышным» орнаментом.

Упомянувшееся выше погребение могильника у Темир-Хан-Шуры с «пышноорнаментированным» кувшином раскопал Ф.А. Афанасьев, который продолжил исследования Е.И. Козубского, проводившиеся в 1897 г.² Материалы могильника, в том числе и названный кувшин, были опубликованы 32 года спустя в 1930 г. А.А. Захаровым, сотрудником археологического отдела Исторического музея, в фондах которого они хранятся (Zakharov A.A., 1930, с. 183—216, рис. 24)³. Однако до 60-х гг. об этом сосуде никто не вспоминал.

В 1952—1955 гг. три аналогичных кувшина (рис. 2, 1, 2, 4) были найдены в подкурганных погребениях Заволжья — Бережновском I, Бережновском II и Политотдельском могильниках⁴; но исследователи памятников И.В. Сеницын и К.Ф. Смирнов восприняли их как один из характерных типов сосудов узколокального региона (Сеницын И.В., 1959, с. 91, рис. 23, 11; Сеницын И.В., 1960, с. 100, рис. 36, 8; Смирнов К.Ф., 1959, с. 274, рис. 26, 8). Кавказский аналог из Темир-Хан-Шуры в публикациях материалов этих могильников не упоминается.

К.Ф. Смирнов не обратил также внимание на обломки подобных сосудов, выявленных в погребенном слое исследованного им в 1950—1951 гг. в Прикаспийском Дагестане могильника Карабудахкентский I. М.И. Пикуль в своем отчете за 1951 г. ссылается на гребенчатые ручки с этого могильника как на прямые аналоги подобным ручкам из сборов ее экспедиции на городище Новая Надежда (рис. 5, 9) (Пикуль М.И., 1951, с. 7). Среди опубликованных К.Ф. Смирновым материалов могильника Карабудахкентский I образцов «пышноорнаментированных» кув-

² Оба исследователя не были профессиональными археологами (Мунчаев Р.М., 1959, с. 13), в силу чего нам представляется не совсем корректным замечание М.П. Абрамовой о недостаточной добросовестности авторов раскопок при выполнении ими полевой документации (Абрамова М.П., 1977, с. 54).

³ По всей вероятности, венчик кувшина утрачен. Это подтверждается тем обстоятельством, что верхнее основание ручки у сосудов данного типа крепилось к нижней части горловины, а не к венчику, как показано на рисунке. Горловина сосуда, как и у других кувшинов, украшенных «пышным» орнаментом, видимо, расширялась к венчику.

⁴ Рисунок сосуда могильника Бережновский I воспроизведен нами по фото (Сеницын И.В., 1959, рис. 23, 11). Рисунок сосуда могильника Бережновский II воспроизведен нами по описанию И.В. Сеницына (Сеницын И.В., 1960, с. 100), на опубликованном автором фото детали орнамента не просматриваются (Сеницын И.В., 1960, рис. 36, 8). У кувшина из Политотдельского могильника, возможно, утрачена верхняя часть горловины. Данных об этом у автора раскопок нет, но основные параметры горловины (форма и высота) не соответствуют типичным для этих кувшинов.

шинов нет (Смирнов К.Ф., 1961, рис. 3, 4). Обнаружить эту керамику в фондах ДГОМ, где хранится коллекция инвентаря могильника, также не удалось, видимо, она утрачена. Мы нашли рисунки этой керамики в альбоме В.И. Марковина «Дагестанские наброски», хранящемся в ДГОМ⁵. Обломки сосудов с «пышным» орнаментом — две гребенчатые ручки и три фрагмента с орнаментом (рис. 3, 6—10) — зарисованы автором в июле — августе 1950 и 1951 гг. (Марковин В.И., 1954, л. 32, 194, 195; л. 35, 201, 204; л. 71, 47). Если ручки специфической формы с названных памятников практически невозможно сопоставить с ручкой кувшина из Темир-Хан-Шуры (форма ручки на изданном рисунке сосуда не просматривается), то обломки с частью декора из Карабудахкента имели с ним однотипную орнаментацию. Однако ни К.Ф. Смирнов, ни М.И. Пикуль не обратили на это внимание.

Впервые на кувшин из Темир-Хан-Шуры как на аналог однотипным сосудам из погребений Заволжья указал в 1963 г. В.Б. Виноградов (Виноградов В.Б., 1963, с. 89—90, рис. 40, 4). Однако и он ошибся, утверждая, что узор, украшавший кувшин из Темир-Хан-Шуры, на Северном Кавказе отмечен впервые (Виноградов В.Б., 1963, с. 90). К этому времени керамика с аналогичным орнаментом была обнаружена на шести памятниках Прикаспийского Дагестана и, помимо названных выше, также еще на трех поселениях — Тарнаире, Бавтугае и Аркасе.

Ручка гребенчатой формы из сборов В.И. Марковина в 1952—1953 гг. на поселении Тарнаир (Марковин В.И., 1957, с. 124; 1959, с. 21) опубликована В.Б. Виноградовым (рис. 5, 3) (Виноградов В.Б., 1963, рис. 45, 2). В фондах ДГОМ сохранились еще две ручки с этого поселения, характерные для кувшинов с «пышным» орнаментом — гребенчатая и реберчатая (рис. 5, 1, 2)⁶.

На бавтугайском поселении «пышноорнаментированная» керамика обнаружена в 1957—1958 гг. М.И. Пикуль и Н.Д. Путинцевой, производивших его раскопки (рис. 4, 5—10) (Пикуль М.И., 1957, табл. XXI, 2, табл. XXII, 2, табл. XXVI, в, табл. XXX, 4;

Пикуль М.И., 1958, табл. 29, 123, 148, 229, 233; Путинцева Н.Д., 1958, табл. XVI, 8, табл. XVIII, 2, табл. XIX, 5, 7, 9). Из этих материалов публиковался рисунок одного обломка — горловины кувшина (Пикуль М.И., 1967, рис. 28, 3).

М.И. Пикуль в отчете за 1958 г. упоминает о сборах аналогичной керамики на Аркассском поселении (Накха-Меер), рисунок одной ручки гребенчатой формы с этого поселения (рис. 5, 4) опубликован (Пикуль М.И., 1967, с. 149, 151, рис. 17, 17).

Как видно, в 50-е гг. исследователи не связывали имеющиеся обломки кувшинов с «пышным» орнаментом с четырьмя известными к тому времени целыми сосудами. Поэтому оказались несопоставленными все образцы аналогичной керамики из Тарнаира, Новой Надежды, Бавтугая, Аркаса и Карабудахкента. Н.Д. Путинцева все же обратила внимание на своеобразие бавтугайских ручек с «рельефными валиками» (гребенчатые и реберчатые ручки), однако указала им ошибочные аналоги в керамике из слоев сарматского времени Пантикапея (Путинцева Н.Д., 1958, с. 21—23, 25; Путинцева Н.Д., 1961, с. 60).

Собранная М.И. Пикуль на городище Новая Надежда коллекция керамики с «пышным» орнаментом (рис. 5, 9) (Пикуль М.И., 1951, табл. 5в, 75) в 1966 г. пополнилась новыми находками, полученными Г.С. Федоровым при шурфовке культурного слоя городища (рис. 5, 5—8) (Федоров Г.С., 1966, табл. 3, 2, 8, 9, табл. 5, гребенчатая ручка)⁷. Один образец публиковался в 1978 г., но без указания места находки (Федоров Я.А., Федоров Г.С., 1978, рис. 2).

«Пышноорнаментированная» керамика имела, видимо, и на Казар-Калинском селище. В публикации материалов Казар-Калинского городища и одноименного селища, исследования которых проводились в 1966—1967 и 1969 гг., А.В. Гадло упоминает о находках на селище ручек с «продольными валиками» (Гадло А.В., 1974, с. 143), по всей вероятности ручек гребенчатой формы.

В 60-е гг. ареал кувшинов с «пышным» орнаментом расширился за счет находки сосуда этого типа в Южном Приуралье, в од-

⁵ Автор выражает благодарность В.И. Марковину за разрешение публикации его рисунков керамики из этого альбома, а также М.Д. Сагитовой за содействие в поисках интересующих нас материалов из фондов ДГОМ.

⁶ Автор благодарит В.И. Марковина за разрешение использовать неопубликованные материалы Тарнаирского поселения.

⁷ Выражаю признательность Г.С. Федорову за разрешение публикации этих рисунков.

ном из подкурганных погребений могильника Елембетово, раскопанного М.Х. Садыковой в 1962 г. Рисунок сосуда впервые опубликован через 14 лет (рис. 2, 3) (Археологическая карта Башкирии, 1976, с. 9, 158, табл. 10, 4).

К концу 60-х гг. находки кувшинов с «пышным» орнаментом были зафиксированы на 11 памятниках и 7 из них, в том числе 5 поселений, находились в Прикаспийском Дагестане. Однако количественное приращение серии мало что прояснило в вопросе о происхождении столь специфических сосудов, к этому времени не был очерчен даже их ареал. Одной из причин сложившейся ситуации, на наш взгляд, является тот факт, что образцы сосудов из раскопок 50-х гг. Заволжского региона были изданы только в 1959—1960 гг. Находки же из Прикаспийского Дагестана 50—60-х гг. остались практически неопубликованными.

В 70—80-е гг. выявился основной район памятников, в инвентаре которых имелись кувшины с «пышным» орнаментом. В долине среднего течения р. Акташ в Северном Дагестане (окрестности с. Эндирей) в это время открыто 6 таких памятников.

Особое место среди них занимает Андрейаульское городище, расположенное вблизи этого селения. Его раскопки проводились Д.М. Атаевым еще в 60-е гг. Исследования в северо-восточной части городища, предпринятые в 1975 г. М.Г. Магомедовым (Магомедов М.Г., Гмыря Л.Б., 1976, с. 136—137), дали не только значительное количество обломков кувшинов с «пышным» орнаментом, но и единственный в серии экземпляр сосуда с поселения, который удалось почти полностью восстановить (рис. 4, 1). Его рисунки часто публиковались, но не все из них точные (Гмыря Л.Б., 1980, рис. 5, 9; Абрамова М.П., Магомедов М.Г., 1980, рис. 7, 12; Абрамова М.П., 1987, рис. 2, 11). Раскопки на основной территории городища в 1976—1977 гг. (Магомедов М.Г., Абрамова М.П., Гмыря Л.Б., 1977, с. 108—109; Магомедов М.Г., Гмыря Л.Б., 1978, с. 128) выявили сравнительно крупную коллекцию обломков этих сосудов, включающую 268 экземпляров⁸. Она отличается большим разнообразием вариантов «пышного» орнамента (рис. 4,

2—4) (Гмыря Л.Б., 1980, с. 114—115, 120, рис. 5, 6—9, рис. 8, 11—17, рис. 9, 1—5, рис. 14, 34; Гмыря Л.Б., 1998, с. 34—35).

В 1975 г. был найден и первый подобный кувшин на Андрейаульском некрополе — Андрейаульском I грунтовым могильнике (рис. 2, 11). Его рисунок публиковался однажды, в 1980 г., но неудачно — авторы поместили его среди керамики Андрейаульского городища, не дав пояснений в подрисовочной подписи (Абрамова М.П., Магомедов М.Г., 1980, с. 137, рис. 7, 13). В 1976 г. М.П. Абрамова на этом могильнике выявила еще 2 кувшина с «пышным» орнаментом (рис. 2, 9, 10); (Абрамова М.П., Магомедов М.Г., 1980, рис. 3, 4, 18), обломки еще одного ею найдены в погребении Андрейаульского I курганного могильника (рис. 3, 1) (Абрамова М.П., Магомедов М.Г., 1980, рис. 6). Один сосуд (рис. 3, 2) (Абрамова М.П., Магомедов М.Г., 1980, рис. 1, 9) происходит с участка Андрейаульского I грунтового могильника, разрушенного строительной траншеей, инвентарь из которой собран Б.П. Дорогобедом также в 1976 г. В общей сложности коллекция кувшинов с «пышным» орнаментом Андрейаульского городища и его могильников состоит из 7 целых сосудов (в 1996 г. при строительных работах был найден еще один сосуд)⁹ (рис. 3, 3) и около 300 определяемых обломков.

В 1983—1985 гг. аналогичная керамика обнаружена еще на трех могильниках этого района — Андрейаульском II грунтовым и Андрейаульском II курганном могильниках, исследование которых проводил в эти годы М.Г. Магомедов (Магомедов М.Г., 1987, с. 143—144; Магомедов М.Г., 1988, с. 133—134), а также Ленинаульском грунтовым могильнике, разрушающееся погребение которого раскопал в 1983 г. О.М. Давудов (Давудов О.М., 1985, с. 117). На Андрейаульском II грунтовым могильнике подобная керамика выявлена в шести погребениях и погребальном слое (Магомедов М.Г., 1983, рис. 22, 2—5, 8—12; Магомедов М.Г., 1984, рис. 8, 1, 11, 13, 15, рис. 64, 11; Магомедов М.Г., 1985, рис. 7, 8, рис. 20, 2, рис. 36, 1, 2, 5, 8, 9, 16, рис. 44, 11, рис. 45, 9). С курганного могильника происходит одна гребенчатая ручка, обнаруженная в могильном выкиде (Магоме-

⁸ Подобная керамика имеется и в коллекции из раскопок Д.М. Атаева (1967—1968 гг.), но материалы из нее не исследовались.

⁹ Информацию предоставил Б.П. Дорогобед, которому выражаю признательность за разрешение публикации материалов его изысканий.

дов М.Г., 1985, рис. 65, 2). На Ленинаульском могильнике найден целый кувшин, украшенный «пышным» орнаментом, и обломок тулова другого (рис. 3, 4, 5) (Давудов О.М., 1996, рис. 16, 6)¹⁰.

К настоящему времени в долине р. Акташ в ближайших окрестностях с. Эндирей известно 6 памятников с местонахождениями кувшинов с «пышным» орнаментом (одно городище и пять могильников), что составляет четверть от всего количества памятников. Серия керамики из этого района насчитывает 9 целых и реставрированных кувшинов и свыше 300 обломков (25 обломков происходят с могильников). Помимо Андрейаульского городища, подобная керамика найдена в 12 исследованных погребениях и погребальном слое могильника, еще две находки получены при строительных работах.

В Северном Дагестане имеется еще один памятник, где обнаружена подобная керамика. Это поселение Аксайское, где в 1972 г. производил разведочные работы М.Г. Магомедов (Магомедов М.Г., 1972, рис. 63).

Самым южным пунктом в ареале кувшинов с «пышным» орнаментом является Паласа-сыртское поселение, в нижнем слое которого (шт. 14) в 1986 г. нами найден обломок гребенчатой ручки (рис. 5, 10).

В последние годы выявился еще один локальный регион, где обнаружены кувшины с «пышным» орнаментом, — Волго-Донское междуречье. Мы располагаем данными о трех найденных там сосудах — из подкурганного захоронения в Верхнем Колышлее (рис. 2, 5), информация о котором имеется в книге А.С. Скрипкина «Азиатская Сарматия» (Скрипкин А.С., 1990, рис. 15, 3 и др.), из погребения курганной группы Барановка I, исследованной в 1984 г. И.В. Сергацковым (рис. 2, 7) (Сергацков И.В., 1992, с. 138—139, рис. 3, 6), из погребения могильника Лебяжье его же раскопок в 1991 г. (рис. 2, 6)¹¹.

Как отмечалось, ареал находок кувшинов, украшенных «пышным» орнаментом, довольно широк. Он очерчивает огромную территорию — от Южного Приуралья на северо-востоке до Волго-Донского междуречья на западе, левобережья нижнего течения Волги на востоке и Западного Прикаспия на юге (рис. 1). Однако памятники, включающие по-

добную керамику, покрывают эту территорию не сплошь, а концентрируются в четырех локальных группах, между которыми в ряде случаев простираются тысячекилометровые пространства.

Количественно серия кувшинов, украшенных «пышным» орнаментом, распределяется по локальным группам неравномерно: Южное Приуралье — 1 сосуд, Волго-Донское междуречье — 3 сосуда, Заволжье — 3 сосуда, Прикаспийский Дагестан — 10 сосудов и свыше 300 их обломков. Основные находки сосредоточены в Прикаспии, причем они, в отличие от других регионов, происходят не только из погребальных комплексов, но и из культурных отложений поселений.

Несомненно, долину среднего течения р. Акташ (предгорье и контактную зону степей) следует признать основным районом средоточия памятников с этими сосудами (на отрезке протяженностью 15 км выявлено 6 памятников). Андрейаульское городище определено М.П. Абрамовой как центр производства кувшинов с «пышным» орнаментом, откуда эта керамика распространялась, по ее мнению, на сопредельной территории Прикаспия, а также попадала к сарматам Поволжья (Абрамова М.П., 1987, с. 71). На наш взгляд, нахождение подобных сосудов в регионах, удаленных от центра производства на огромное расстояние (к примеру, Прикаспийский Дагестан и Южное Приуралье разделяют около 2 тыс. км), недостаточно объяснить только экономическими причинами. Необходимо осмысление комплекса проблем, в том числе идеологического фактора, в жизнедеятельности древнего общества. Территория распространения кувшинов с «пышным» орнаментом могла включать в себя население, близкое по мировоззренческим представлениям, обуславливающим использование сходной религиозной атрибутики. Кувшины с «пышным» орнаментом, несомненно, принадлежали к атрибутам отправления верований населения. В пользу этого говорят как своеобразный декор сосудов, так и длительность их функционирования (примерно 500 лет) с практически неизменным декором (Гмыря Л.Б., 1997, с. 20; Гмыря Л.Б., 1998, с. 35).

В данной статье мы не поднимаем вопрос о датировке кувшинов с «пышным» ор-

¹⁰ Выражаю признательность О.М. Давудову за разрешение опубликовать рисунок обломка сосуда из его раскопок.

¹¹ Выражаю признательность А.С. Скрипкину, приславшему мне рисунок сосуда, а также И.В. Сергацкову, разрешившему использовать его в данной публикации.

наментом, так как он требует специального рассмотрения. Заметим только, что вне пределов Западного Прикаспия материалы погребальных комплексов относят к среднесарматской культуре, однако в установлении конкретных дат наличествует широкий разброс мнений исследователей (Синицын И.В., 1959, с. 198—202; Синицын И.В., 1960, с. 100, 159; Смирнов К.Ф., 1959, с. 274; Абрамова М.П., 1979, с. 47; Мошкова М.Г., 1989, с. 181; Скрипкин А.С., 1990, табл. 45, 46; Сергацков И.В., 1992, с. 141; Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 117, 119, 131). Погребальные комплексы Прикаспийского Дагестана, в инвентарь которых входят кувшины с «пышным» орнаментом, датируются в основном в пределах I—III вв. н. э. (Абрамова М.П., 1979, с. 47; Абрамова М.П., 1980, с. 116; Абрамова М.П., 1987, с. 69; Абрамова М.П., Магомедов М.Г., 1980, с. 129, 134), а культурные слои поселений, включающие подобную керамику, — I—III и IV—VI вв. н. э. (Пикуль М.И., 1967, с. 158; Гмыря Л.Б., 1980, с. 125—131).

С проблемой датировки в значительной степени связан вопрос о первичном ареале кувшинов с «пышным» орнаментом. За недостаточностью объема публикации отметим здесь, что этот вопрос носит в археологической литературе полемичный характер. Положения исследователей сводятся к нескольким основным версиям. Возможным местом производства данного типа сосудов считают: 1) левобережье нижнего течения Волги (Виноградов В.Б., Пшеничнюк А.Х.); 2) Подонье и Прикубанье (Мошкова М.Г., Скрипкин А.С.); 3) Северный Дагестан (Абрамова М.П.). Наша позиция сводится к тому, что появление кувшинов с «пышным» орнаментом в Прикаспийском Дагестане связано с процессом внедрения в местную среду культурных традиций пришлого сарматского населения (Гмыря Л.Б., 1980). Возможно также, что этот регион входил в ареал формирования среднесарматской культуры, являясь ее кавказским вариантом, характеризующимся как общими для всей культуры чертами, так и специфическими проявлениями в погребальной обрядности (каменные погребальные сооружения, коллективность захоронений, вторичность погребений), связанными с культурными традициями данной территории предшествующего периода (Гмыря Л.Б., 1997).

В связи с определением ареала кувшинов с «пышным» орнаментом, необходимо также остановиться на неточностях и ошибочных положениях, высказанных исследо-

вателями в археологической литературе по этому вопросу.

М.П. Абрамова в одной из публикаций, говоря о кувшинах с «пышным» орнаментом, отметила, что их «первые образцы... были найдены в сарматских погребениях Поволжья» (Абрамова М.П., 1987, с. 70). Это положение не находит объяснения, так как в 1977—1980 гг. исследователь переиздала материалы раскопок Большого Буйнакского кургана, в инвентаре которого находился первый экземпляр кувшинов из серии «пышноорнаментированных» (Абрамова М.П., 1977, с. 55, табл. 1, 2; Абрамова М.П., 1980, с. 115—116, рис. 1, 3).

В публикациях М.П. Абрамова в качестве поволжских аналогов дагестанским образцам кувшинов с «пышным» орнаментом указывает на сосуды из погребений могильников Бережновский II и Политотдельский или только Политотдельский (рис. 2, 2, 4) (Абрамова М.П., 1979, с. 47, рис. 5, 21, 22; Абрамова М.П., 1980, с. 115) и никогда — на аналогичный кувшин из кургана 30 могильника Бережновский I (рис. 2, 1) (Синицын И.В., 1959, рис. 23, 11). Такие же аналогии приведены и в совместной с М.Г. Магомедовым статье (Абрамова М.П., Магомедов М.Г., 1980, с. 135). Сосуд из могильника Бережновский I исследователь относит к иному типу кувшинов — с налпами у основания ручек, имитирующими лапы и хвост животного (Абрамова М.П., 1979, рис. 4, 19). Однако типологический анализ показывает, что вертикальные валики у основания ручки сосуда являлись дополнительными элементами общей орнаментальной композиции кувшинов одного типа (рис. 2, 1, 3, 4, 6, 7, 11) (Гмыря Л.Б., 1998, с. 35).

Приводя аналогии кувшинам из Заволжья на территории Дагестана, М.П. Абрамова упоминает находку подобного кувшина в Таркинском могильнике без ссылки на источник (Абрамова М.П., 1987, с. 72). Нам не удалось определить, о каком точно сосуде идет речь. В отчетных материалах и публикациях о раскопках Таркинского могильника сведений о таком сосуде нет. Может быть, имелся в виду кувшин из погребения 11 этого могильника (раскопки Е.И. Крупнова в 1947 г.): «Большой кувшин... в трех местах имеет прямые по плечам опущенные вниз валики» (Крупнов Е.И., 1951, с. 216). Однако ни по технологии выработки, ни по форме сосуда и его ручки, ни по характеру орнамента этот сосуд не относится к типу «пышноорнаментированных» (Крупнов Е.И., 1951, рис. 9, 1).

А.Х. Пшеничнюк, в свою очередь, приводя аналоги кувшину с «пышным» орнаментом из Елимбетовского могильника в Башкирии, среди других привлекает кувшин из подкурганного захоронения 100 могильника Бережновский II (Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 131). Однако указанный сосуд иного типа. Исследователь, видимо, посчитал орнамент обоих сосудов схожим: «...по корпусу прочерчены тонкие вертикально расположенные линии» (Синицын И.В., 1960, с. 102, рис. 39, 1). У кувшинов с «пышным» орнаментом на тулове помещены не резные линии, а лепные валики.

М.Г. Мошкова среди керамики, поступавшей к сарматам восточных областей из кубанских и донских экономических центров, указывает и кувшин с «пышным» орнаментом из Политотдельского (рис. 2, 4) (Мошкова М.Г., 1989, с. 181, табл. 76, 10), а аналогичный сосуд из могильника Бережновский II считает импортом из северокавказских керамических мастерских, не называя конкретные пункты (рис. 2, 2) (Мошкова М.Г., 1989, с. 181, табл. 76, 9). Третий кувшин из этого же Заволжского региона (могильник Бережновский I) вообще не учтен исследователем (рис. 2, 1) (Мошкова М.Г., 1989, с. 181). Мы считаем, что, если исходить из очерченного ареала кувшинов с «пышным» орнаментом, Подонье, Прикубанье и Центральное Предкавказье не могут считаться возможными районами производства этих кувшинов.

Одной из причин ошибочных аналогов названным сосудам является недостаточно точное их описание в публикациях, как, впрочем, и некачественные сопровождающие их иллюстрации. Отсутствие типологической характеристики всей серии кувшинов с «пышным» орнаментом приводило к исключению из нее типологически однородных сосудов. Частично этот пробел восполнен нами публикациями в тезисной форме (Гмыря Л.Б., 1997, с. 18—19; Гмыря Л.Б., 1998, с. 34—35), основные материалы подготовлены к изданию.

Сложившееся положение затрудняет восприятие кувшинов с «пышным» орнаментом, происходящих из различных регионов, как однотипных сосудов. Это приводит к установлению несоответствующих аналогий, ошибочных центров производства этих сосудов, а также истоков культурного влияния на характер их орнаментации. Мы считаем, что наиболее продуктивным направлением в решении проблем, связанных с «пышноорнаментированными» кувшинами, является

выявление этнокультурной среды, где названные сосуды являлись одним из компонентов культуры, что возможно через определение семантики их орнаментальной композиции и других деталей декора. Декор этих сосудов несет в себе ритуально-религиозную нагрузку, являясь знаковым выражением мировоззренческих представлений, господствовавших в обществе (Гмыря Л.Б., 1997, с. 20; Гмыря Л.Б., 1998, с. 35).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П., 1977. Большой Буйнакский курган // *Археологические памятники раннесредневекового Дагестана*. Махачкала.

Абрамова М.П., 1979. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // *СА*. № 2.

Абрамова М.П., 1980. Буйнакский курган // *Древние и средневековые археологические памятники Дагестана*. Махачкала.

Абрамова М.П., 1987. Особенности культуры населения Дагестана в албано-сарматскую эпоху // *СА*. № 4.

Абрамова М.П., Магомедов М.Г., 1980. О происхождении культуры Андрейаульского городища // *Северный Кавказ в древности и в средние века*. М.

Археологическая карта Башкирии, 1976. М.
Виноградов В.Б., 1963. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный.

Гадло А.В., 1974. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья // *Древности Дагестана*. Махачкала.

Гмыря Л.Б., 1980. Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия) // *Средневековые древности евразийских степей*. М.

Гмыря Л.Б., 1997. Кувшины с «пышным» орнаментом: типологическая характеристика, ареал, хронология, функциональное назначение // *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии): Тезисы докладов II Международной археологической конференции*. Самара.

Гмыря Л.Б., 1998. Особенности декорирования кувшинов с «пышным» орнаментом // *Юбилейные международные XX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов*. Ставрополь.

Давудов О.М., 1985. Новые исследования Центральнодагестанской экспедиции // *АО 1983 г.* М.

Давудов О.М., 1996. Материальная культура Дагестана албанского времени. Махачкала.

Крупнов Е.И., 1951. Новый памятник древних культур Дагестана (опыт первого исследования Таркинского могильника 1947 года) // МИА. № 23. М.

Магомедов М.Г., 1972. Отчет о работе Верхне-Чирюртовской археологической экспедиции Даг. ФАН АН СССР в 1972 г. Архив ИА РАН. Р—I. № 4706, 4706а.

Магомедов М.Г., 1983. Отчет о работе Северодагестанской экспедиции в 1983 г. РФ ИИАЭ ДНЦ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 566, 566а.

Магомедов М.Г., 1984. Отчет о работе Северодагестанской экспедиции в 1984 г. РФ ИИАЭ ДНЦ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 595, 595а.

Магомедов М.Г., 1985. Отчет о работе Северодагестанской экспедиции в 1985 г. РФ ИИАЭ ДНЦ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 666, 666а.

Магомедов М.Г., 1987. Раскопки могильника в Дагестане // АО 1985 г. М.

Магомедов М.Г., 1988. Работы Северодагестанской экспедиции // АО 1986 г. М.

Магомедов М.Г., 1994. Хазары на Кавказе. Махачкала.

Магомедов М.Г., Абрамова М.П., Гмыря Л.Б., 1977. Исследование Андрейаульского городища // АО 1976 г. М.

Магомедов М.Г., Гмыря Л.Б., 1976. Работы на Андрейаульском городище // АО 1975 г. М.

Магомедов М.Г., Гмыря Л.Б., 1978. Итоги раскопок Андрейаульского городища // АО 1977 г. М.

Марковин В.И., 1954. Дагестанские наброски (1950—1954 гг.) // Фонд ДГОМ. Инв. № 38.34396.

Марковин В.И., 1957. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан) // КСИМК. Вып. 67.

Марковин В.И., 1959. Неолитическая стоянка близ Махачкалы // МАД. Т. I. Махачкала.

Мошкова М.Г., 1989. Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. (Археология СССР).

Мунчаев Р.М., 1959. К истории археологического изучения Дагестана // МАД. Т. I. Махачкала.

Пиккуль М.И., 1951. Отчет по археологическим разведкам в Северном Дагестане в 1951 г. Архив ИА РАН. Р—I. № 639.

Пиккуль М.И., 1957. Отчет о результатах археологических исследований в 1957 г. Архив ИА РАН. Р—I. № 1530, 1530а.

Пиккуль М.И., 1958. Отчет о работе III Бавтугайского отряда ДАЭ в 1958 г. Архив ИА РАН. Р—I. № 1838, 1838а.

Пиккуль М.И., 1967. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала.

Путинцева Н.Д., 1958. Отчет о работе II Бавтугайского отряда в зонах строительства Чирюртовской ГЭС в 1958 г. Архив ИА РАН. Р—I. № 1842, 1842а.

Путинцева Н.Д., 1961. Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья. Махачкала. РФ ИИАЭ ДНЦ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 113, 113а.

Пшеничнюк А.Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Сергацков И.В., 1992. Новые сарматские памятники северных районов Волгоградской области // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов.

Синицын И.В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.) // МИА. № 60. М.

Синицын И.В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.) // МИА. № 78.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия: (Проблемы хронологии и ее исторический аспект). Саратов.

Смирнов К.Ф., 1959. Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское // МИА. № 60. М.

Смирнов К.Ф., 1961. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент // МАД. Т. 2. Махачкала.

Федоров Г.С., 1966. Отчет о разведывательных работах Прикаспийского отряда ДАЭ в 1966 г. Архив ИА РАН. Р—I. № 3576.

Федоров Я.А., Федоров Г.С., 1978. Ранние турки на Северном Кавказе. М.

Zakharov A.A., 1930. Contributions to Caucasian archeology: A large barrow in Dagestan. ESA. V. Helsinki.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Карта кувшинов, украшенных «пышным» орнаментом: 1 — Елембетово; 2 — Бережновка I, II; 3 — Политотдельское; 4 — Барановка I; 5 — Лебяжье; 6 — Верхний Колышлей; 7 — Новая Надежда; 8 — Андрейаул, гор.; 9 — Андрейаул I, кург. и грунт. могильники; 10 — Андрейаул II, кург. и грунт. могильники; 11 — Ленинаул; 12 — Казар-Кала; 13 — Аксай; 14 — Бавтугай; 15 — Тарнаир; 16 — Буйнакск; 17 — Аркас; 18 — Карабудахкент; 19 — Паласа-сырт.

Рис. 2. Кувшины с «пышным» орнаментом: 1 — Бережновка I, кург. 30; 2 — Бережновка II, кург. 98; 3 — Елембетово, кург. 1,

погр. 3; 4 — Политотдельское, кург. 14; 5 — Верхний Колышлей, кург. 2; 6 — Лебяжье, кург. 8; 7 — Барановка I, кург. 9; 8 — Большой Буйнакский курган, погр. 17; 9—11 — Андрейаул I, грунт. мог.: 9 — погр. 1 (1976 г.), 10 — погр. 4 (1976 г.), 11 — погр. 1 (1975 г.) (1, 2 — по И.В. Синицыну, 3 — по «Археологической карте Башкирии»; 4 — по К.Ф. Смирнову; 5 — по А.С. Скрипкину; 6, 7 — по И.В. Сергацкову; 8 — по В.Б. Виноградову; 10 — по М.Г. Магомедову и М.П. Абрамовой).

Рис. 3. Кувшины с «пышным» орнаментом: 1 — Андрейаул I, кург. могильник, погр. 1 (1976 г.); 2—3 — Андрейаул: 2 — из тран-

шеи (1976 г.), 3 — случайная находка (1996 г.); 4—5 — Ленинаул, погр. 1; 6—10 — Карабудахкент I, погреб. слой (1, 2 — по М.Г. Магомедову и М.П. Абрамовой; 4 — по О.М. Давудову; 6—10 — по В.И. Марковину).

Рис. 4. Кувшины с «пышным» орнаментом: 1—4 — Андрейаул, гор.; 5—10 — Бавтугай, пос. (5—9 — по Н.Д. Путинцевой; 10 — по М.И. Пикуль).

Рис. 5. Кувшины с «пышным» орнаментом: 1—3 — Тарнаир, пос.; 4 — Аркас, пос.; 5—9 — Новая Надежда, пос.; 10 — Паласырт, пос. (3 — по В.Б. Виноградову; 4 — по М.И. Пикуль; 5—8 — по Г.С. Федорову; 9 — по М.И. Пикуль).

SUMMARY

THE DISTRIBUTION OF PITCHERS WITH THE «RESPLENDENT» ORNAMENT

L.B. Gmyrya

The ornament of pitchers that can be called «resplendent», consists of a large number of rich decorative details. Such vessels were found in four regions: South Ural, Zavolzh'e (the left bank of the Volga), the Volga-Don basin, and the West Caspian region. There were found 17 complete vessels and more than 300 fragments. The main part of the collection (10 vessels and more than 300 sherds) is from the West Caspian area.

In South Ural, Zavolzh'e and the Volga-Don regions this sort of pitchers is dated to the time of the Middle Sarmatian Culture. Vessels from the West Caspian region are dated to the I—III and IV—VI AD.

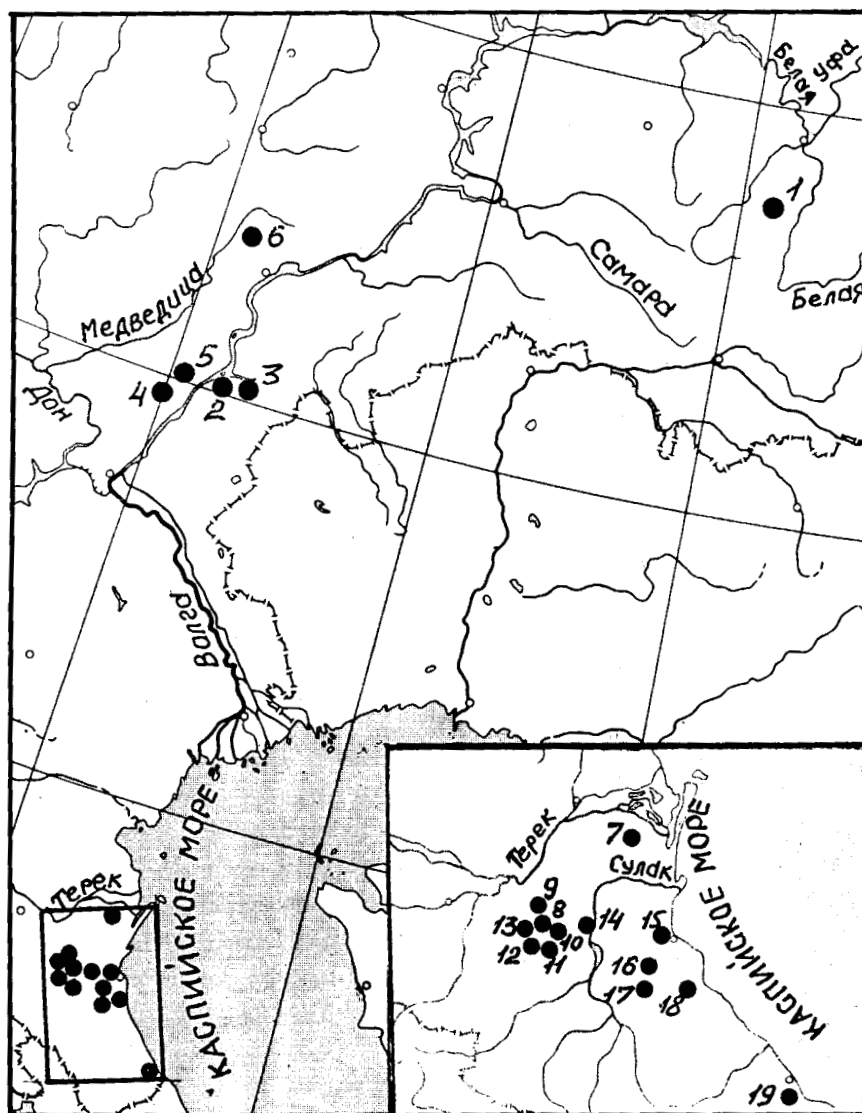

Рис. 1

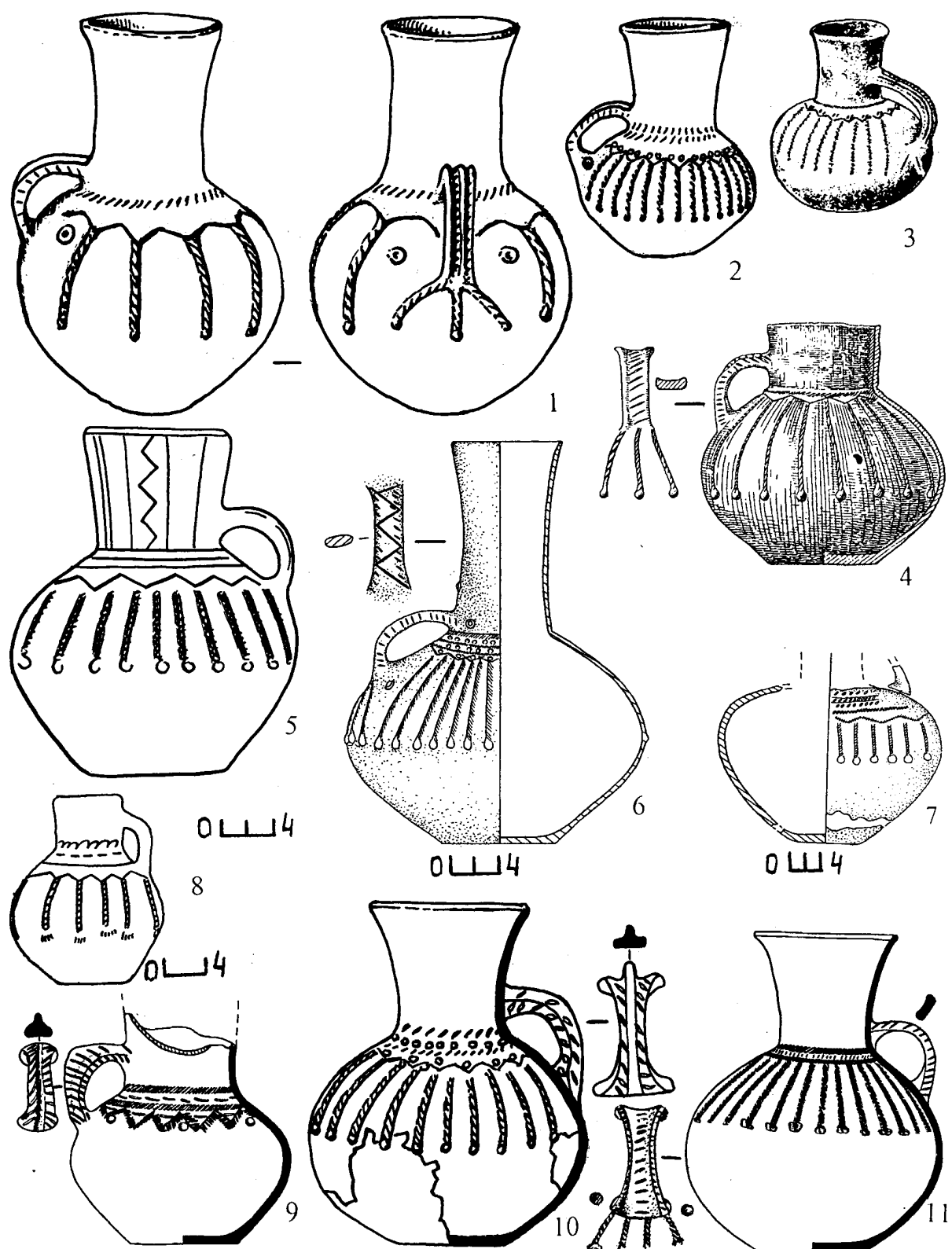

Рис. 2

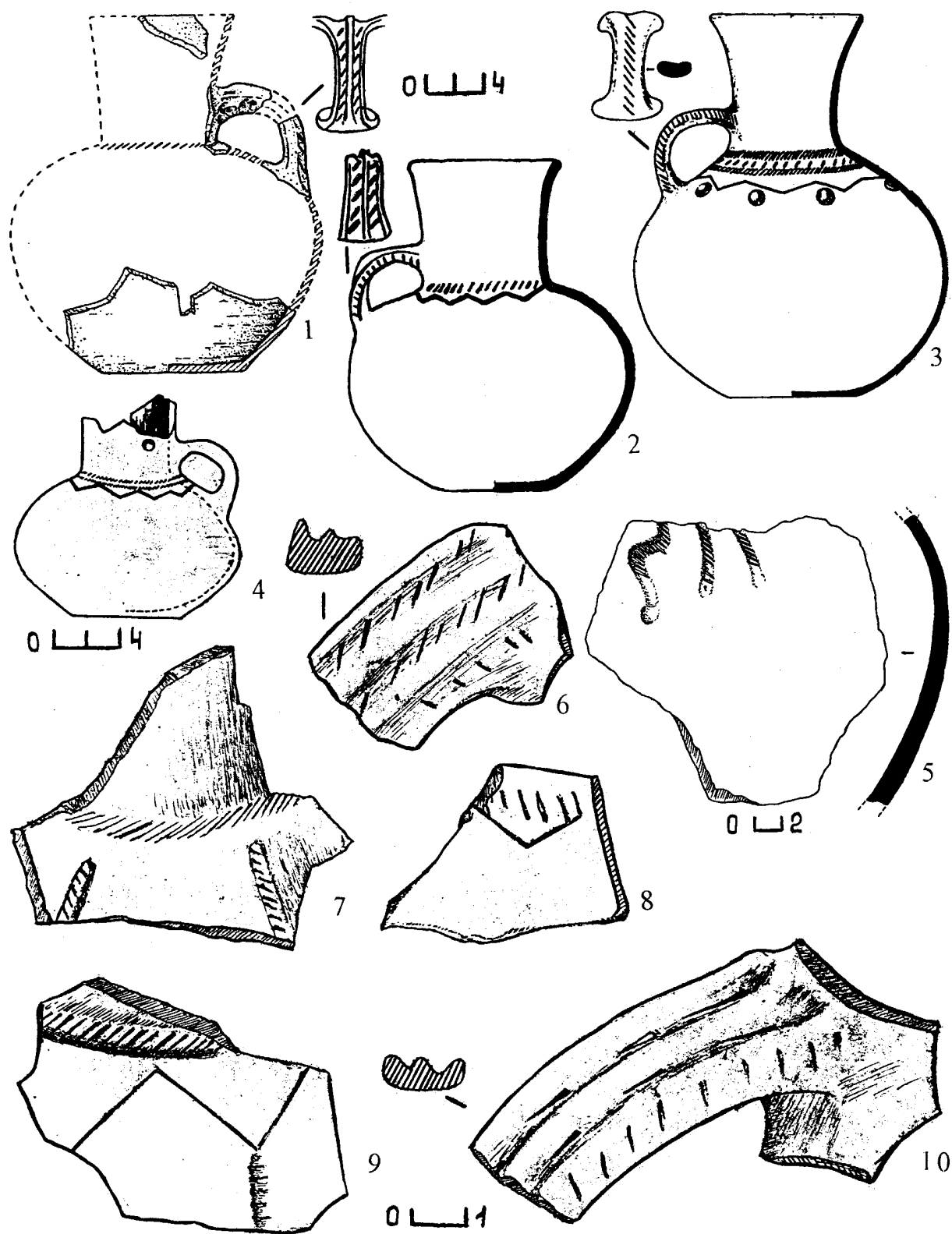

Рис. 3

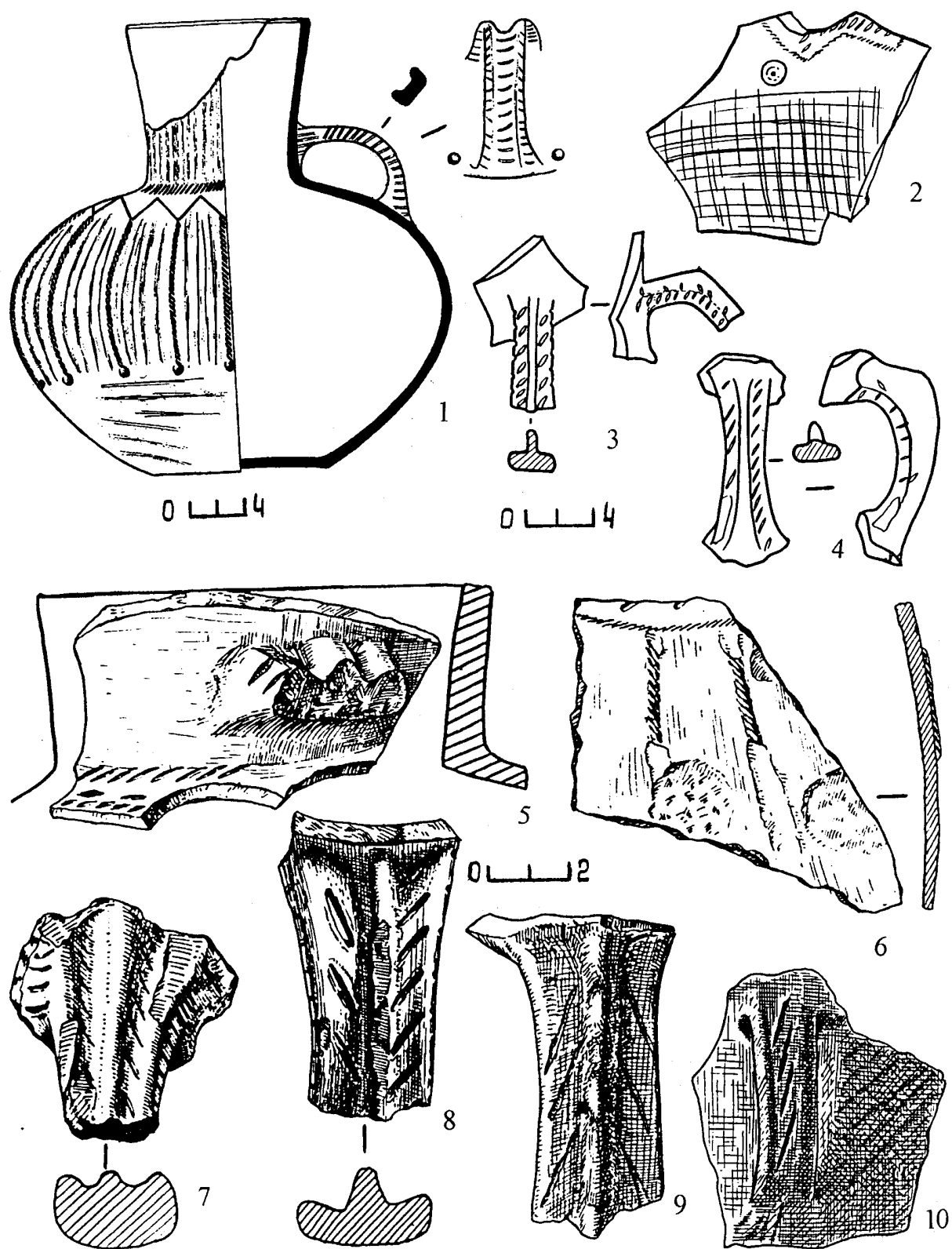

Рис. 4

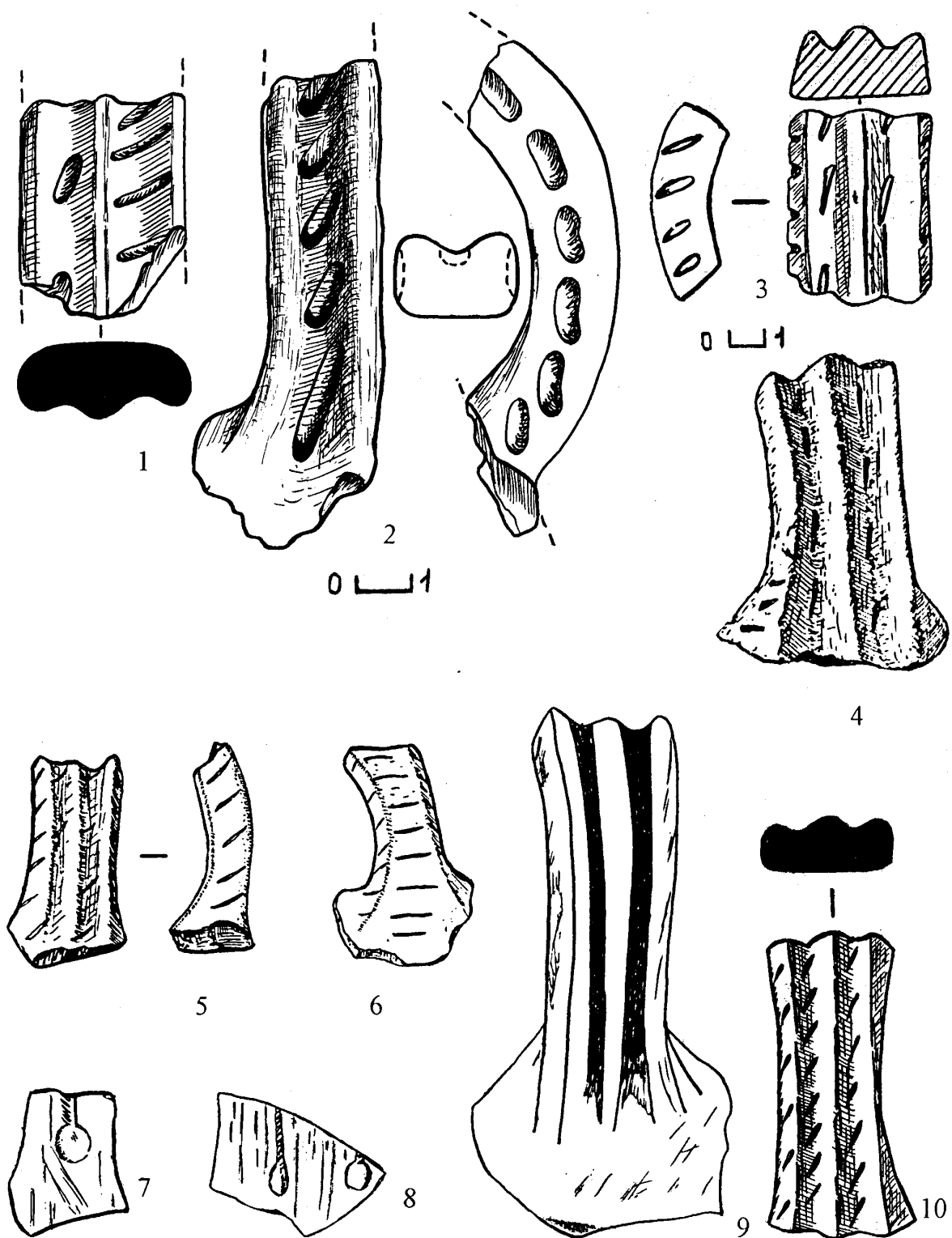

Рис. 5

АЛАНСКИЕ ЗНАМЕНА-ДРАКОНЫ

А.А. Туаллагов

Письменные источники и археологические находки ярко свидетельствуют о высоком уровне воинского искусства ираноязычных кочевников Евразии. Известно, что их всадники зачастую появлялись на поле битвы под необычными штандартами в виде драконов, которые были наиболее полно описаны Флавием Аррианом (Флавий Арриан. Тактика, 35, 3—5) в 135 г. н. э.: «Скифские военные значки представляют собой драконов, развевающихся на шестах соразмерной длины. Они сшиваются из цветных лоскутков, причем головы и все тело вплоть до хвостов делаются наподобие змеиных, как только можно представить страшнее. Когда кони стоят смирно, видишь только разноцветные лоскутки, свешивающиеся вниз, но при движении они от ветра надуваются так, что делаются очень похожими на названных животных и при быстром движении даже издают свист от сильного дуновения, проходящего сквозь них. Эти значки не только своим видом причиняют удовольствие или ужас, но полезны и для различения атаки и для того, чтобы разные отряды не нападали один на другой».

Описание наместника Каппадокии относится к римским знаменам, которые использовались не только в бою, но и для тренировочных занятий всадников (*hippika gymnasía*), что свидетельствует о перенятии римской конницей не только тактики ведения боя кочевников, но и их воинских атрибутов. Подобное заимствование отмечается у парфян и иранских Сасанидов. Вероятно, к драконообразным штандартам восходит появление звероподобных знамен у сванов (леммы) и поляков. Как мы видим, римляне оценили не только большую демонстративную силу знамен, столь важную для психологии боя, но и их сугубо практическое применение, способствующее сохранению визуальной связи во время сражения. По ним могли определять скорость и направление ветра лучники. Обращает на себя внимание способность знамен свистеть, что могло помогать ориентироваться воинам при потере их из вида. Исследователи (Исаенко А.В., Цзвэндолор Ч., 1993, с. 54) отмечают особую роль при командовании в бою и на тренировке у тюрко-монгольских народов «свистящих

стрел», устанавливая для них преемственность со скифскими стрелами. Возможно, знамена-драконы обладали не только разным обликом, но и индивидуальным звучанием.

Заключение, что истоки их появления лежат в Центральной Азии (Яценко С.А., 1993, с. 65), представляется справедливым. Аналогичный штандарт известен в средневековом Синьцзяне («святой воин» в Кирише), который связан с историей тохаров-юэчжей, мигрировавших из Ганьсу через данную территорию на запад во II в. до н. э. На средневековой пластине из Орлата, как предполагают, принадлежавшей поздним кангюйцам, которые во II в. до н. э. захватили Согд, или эфталитам, стяг без головы прикреплен за спиной всадника. Считается, что в сцене сражения представлена междоусобица у кангюйцев, однако находка в Синьцзяне в могильнике Субаши рубежа эр шлема с полым штырем, полностью идентичного изображенному, позволяет видеть в ней кангюйцев и тохаров-юэчжей (Заднепровский Ю.А., 1997, с. 102). Кроме того, из источников известно, что кангюйцы были тесно связаны с юэчжами. Их правители происходили из юэчжей Чжаову (Бичурин Н.Я., 1950, с. 271, 280), ушедших под давлением хуннов из Ганьсу, что может отражать сообщение об уничтожении сакаравлов (Юстин, XIII, пролог), отождествляемых с саками Кангюя. Они состояли в родстве с юэчжами-кушанами, вместе с которыми захватывали Греко-Бактрию (Страбон, XI, 8, 2). Птолемей сообщает о расположении сакаравлов и тохаров между Оксом и Яксартом (Птолемей, VI, VII, VI, 12, VI, 14). Эфталиты же происходили от юэчжей-кушан (Бичурин Н.Я., 1950, с. 322). Расположение прародины юэчжей и история их ухода на запад напоминают о находках подобных разобранных штандартов в хуннских курганах Ноин-Улы.

Валерий Флакк, творивший во второй половине I в. н. э., оставил нам яркое описание варварского воинства. Среди всех упомянутых им народов только «белокурые сатархи», эксоматы и торины выступают под своими знаменами (Аргонавтики 8 книг, VI, 145). В сатархах специалисты обычно видят часть юэчжей-тохаров (Maenchen-Helfen O., 1945,

р. 78—79), которая появилась в Восточной Европе. Поэтому вполне вероятно, что знамена у них были в виде драконов. Упоминание сатархеев рядом с эксоматами (яксаматы/язаматы) и ториными (тореты) свидетельствует о меотийской локализации племен, где яксаматы представляли савроматский мир.

На колонне Траяна 113 г. н. э. в Риме изображено вторжение варваров в Подунавье зимой 101/102 гг. н. э. На нем знамя держит в руках воин-дак, однако здесь же присутствует изображение катафрактариев-роксаланов. Специалисты неоднократно отмечали связь роксаланов («светлые/блестящие аланы»), которых Плиний и Птолемей помещают рядом с аланами, с первой волной аланов, появившихся в Восточной Европе во II в. до н. э., и отделяли их от сарматского мира (Мачинский Д.А., 1974, с. 125—127). Интересно, что первое подробное описание вооружения роксаланов у Страбона (Страбон, VII, III, 17) свидетельствует об использовании ими легкой конницы и об отсутствии у них драконообразных знамен. Их перевооружение могло произойти за счет связей с причерноморскими центрами. Но нельзя исключать возможности вливания в ряды роксаланов нового азиатского элемента, или мы имеем дело с целиком новым роксаланским объединением. Всадник с флагом-драконом (иногда его неправильно интерпретируют как плеть) изображен на надгробии из Честера в Британии. Его появление связано с переселением языгов, которые в 175 г. н. э. подчинились Марку Аврелию и в количестве 5500 воинов были отправлены нести службу (Дион Кассий, LXXI, 16).

Итак, в Европе драконообразные штандарты оказываются в руках роксаланов и сатархов, которые появляются здесь в конце II в. до н. э. с первой волной аланов. Языги также фиксируются с данного времени. Сообщения Страбона, Валерия Флакка, Овидия, Тацита, Плиния и Птолемея свидетельствуют о передвижении языгов от Меотиды далеко на запад, где они в середине I в. н. э. расселяются на Тисской равнине, находясь в тесном взаимодействии с роксалами. В данном направлении движутся и аланы. Вскоре языги оказываются вовлечены в водоворот политических событий в римских провинциях вместе с другими, в том числе ираноязычными племенами. Не исключено, что языги принадлежали к аланскому миру, а их название сближается с названием асов (алан). Предполагают, что языги поставлены Вале-

рием Флакком на месте аланов Иосифа Флавия во время похода 35 г. н. э. Причем Валерий Флакк приписывает языгам обряд убийства стариков, который другие источники связывают с закаспийскими племенами и аланами (Гаглюев Ю.С., 1962, с. 136—144; Kalmon R., 1977, с. 8—10). Следует отметить, что известные решения об аланском происхождении роксаланов и языгов не являются бесспорными, так как имеются аргументированные возражения как со стороны анализа письменных источников, так и со стороны изучения археологических материалов (Симоненко А.В., 1993). Однако с учетом деятельности аланов, истоки этногенеза которых лежат в Центральной Азии, вполне закономерно распространение у сарматов драконообразных штандартов.

Обращает на себя внимание, что все известные изображения знамен-драконов сопровождают подразделения тяжеловооруженной конницы (катафрактарии), чье зарождение и появление в Европе связано с юэчжийско-тохарским движением (Горелик М.В., 1987, с. 119—124). Причем для подобной конницы использовалась особая, ферганская порода лошадей, которая и появляется в Восточной Европе в результате азиатского движения. Таким образом, следует констатировать, что такие знамена использовались не всеми подразделениями, а только катафрактариями, которые у ираноязычных кочевников формировались из представителей аристократии (Тацит. История, I, 79; Юстин, II, 2, 3, XXII, 5, 83). Но исходя из значительной численности подобных отрядов логично предположить включение в них воинов-дружинников, выступавших под знаменами своих вождей. Следовательно, драконообразные штандарты прежде всего связаны с правителями и должны были выражать соответствующую идею власти.

Показательно, что Валерий Флакк связал «воздушных драконов» с символом легендарного скифского прародителя Колакса, предварительно отметив историю его рождения от змеи-девы, которая передала сыну правление над своей страной (Валерий Флакк, VI, 60). С учетом истории распространения тяжеловооруженной конницы и драконообразных знамен отметим следующие наблюдения. В Азии, где были особенно многочисленны изображения драконов, чудовище служило символом верховной власти и было связано с идеей плодородия и светоносных и грозных сил. Его схематичное изображение пере-

дано в тамгообразных знаках, которые аланы принесли в Европу из Юго-Восточной Монголии. Такой знак становится личной тамгой позднебоспорских династов (Алексеев В.П., 1991), аланское происхождение которых вполне вероятно (Туаллагов А.А., 1997, с. 151). Свидетельство Валерия Флакка напоминает описание в ассирийских источниках предводителя киммерийцев Тугдамме как «отпрыска» Тиамат. Авестийский Ажи-Даххак (Заххак «Шахнаме»), олицетворявший турано-сакский мир, предстает со змеиными головами на плечах, что подтверждают его изображения. В осетинском эпосе в роли Заххака выступает Хуандон-алдар, чьим историческим прототипом являлись боспорские династы. В «Шахнаме» описывается знамя с фиолетовым драконом Рустама, чьим историческим прототипом был правитель Сакастана первой половины I в. н. э. из династии Аршакидов (Shahbazi A.Ch., 1993, p. 160). «Драконидами» Мовсес Хоренаци называет потомков мидийского царя Астиага, в кровном родстве с которыми находились аланские правители Аравелиане. Через языгов драконообразные штандарты были переданы островным кельтам, у которых слово «дракон», видимо, стало синонимом слову «правитель». Причем подобный стяг приписывается легендарному королю Артуру, чей образ связан с аланским правителем. Отца самого Артура звали Утер Пентрагон — «Голова дракона» (Лебединский Я., 1996, с. 221—229).

Исследователи уже предполагали связь подобных штандартов с образами Сэнмурва или Ажи-Даххака (Лебединский Я., 1996, с. 222—223). Образ Сэнмурва непосредственно связан в древнеиранской религии с образом мирового древа, которое играет особую роль и в образе скифской змееногой богини, вероятно, выступавшей покровительницей царского рода у скифов, подобно Ардвиг-Суре Анахите у иранцев. Мировое древо, как и змея, служит символом непрекращающегося круговорота жизни и смерти, вечной регенерации. С другой стороны, аксиомой является связь образа змеи с солярно-огненным началом. К.В. Тревер (Тревер К.В., 1940, с. 167—180), сближая зооморфное навершие сасанидского штандарта с Сэнмурвом, отметила легендарный эпизод о фарне-«баране» Ардашира, предстающем в облике фантастического чудовища.

Сэнмурв (saena-mereuo), кроме того, соотносится с образом грифонов, охраняющих золото в скифских легендах, в которых передается идея борьбы за солнечно-огнен-

ную основу жизни (фарн). Приобщение к фарну служило основой верховной власти. Примечательно, что позднее у тюрков легендарные грифоны превращаются в змееподобных чудовищ. В скифском мире грифон соотносится с солнечным богом Гойтосиром-Аполлоном. В Греции грифона связывали с дальними частями Скифии и относили к посвященному солнцу божеству. В «Авесте» фарн предстает в образе летящего огня или хищной птицы. По Геродоту (Геродот, V, 79), дворец скифского царя в Ольвии украшали сфинксы и грифоны, первые из которых, по Плинию Старшему (Плиний Старший, XXXVII, IV), служили атрибутом царской власти. О прямой связи образа дракона с солнечно-огненной стихией в аланской традиции свидетельствует покрытие знака позднебоспорского царя Тиберия Евпатора красной краской (Алексеев В.П., 1991, с. 67). По нашим наблюдениям, образы дракона и грифона оказываются связанными между собой, выражая идею фарна и его обладания правителями. Показательно, что в скифском искусстве их образы оказываются взаимозаменяемыми в сценах терзания, которые прямо относятся к идее круговорота жизни и смерти и царскому культу. Известно, что тамгообразные знаки позднебоспорских царей, подобно знакам царя Аорсии Фарзоя, появляются на каменных стелах и зданиях, предполагая использование образа чудовища как государственного символа (герба).

Привлекаемые материалы позволяют полагать, что под драконообразными штандартами у аланов собиралась привилегированная тяжеловооруженная конница, служившая своим правителям, которые и поднимали личные знамена как символы богоданности их власти. Типологической параллелью такому положению могут оказаться сообщения древних китайских источников о том, что тюрки вели свое происхождение от волчицы, их хан отождествлялся с волком, а на знамени красовалась золотая волчья голова (Бичурин Н.Я., 1950, с. 220, 229, 237). Те же источники сообщают, что ставка хуннского шаньюя называлась «городок змей», а сам правитель прозывался «змеиный бог». Мы знаем, что скифская легенда вела начало народа от змеи. На востоке со змееобразными существами ассоциировались саки (Чеснов Я.В., 1980, с. 214; Ельницкий Л.А., 1977, с. 84—85).

К сожалению, осетинская этнография не засвидетельствовала использование драконообразных знамен. Однако имеющиеся све-

дения по традиционным осетинским знаменам дают показательные параллели к нашей теме. Название флага *тырыса/туруса* восходит к древнеперсидскому *draws/dros* — «свет, блеск», указывая на его связь с небом. Аналогичную ассоциацию вызывает название *авгил* — «небесный шест», прилагавшееся к шесту с подвешенной шкурой барана или козла, посвящавшегося божеству Уацилла, связанному с плодородными и грозowymi силами. Особенно замечательным является *фарны хыл* — «шест фарна», который представлял из себя древко, увешанное разноцветными лоскутьями и лентами. Его использовали в праздниках, посвященных родившимся мальчикам, опускали в свето-дымовое отверстие дома. Перед отправлением в воинский поход (балц) осетины приносили клятву, касаясь правой рукой знамени, под которым было сложено оружие (Уарзиати В.С., 1987, с. 146—148).

Нам остается высказать некоторые замечания в отношении суждений о драконообразных штандартах (Перевалов С.М., 1997, с. 133). Действительно, Арриан описывает не собственно аланские («скифские»), а римские значки, фиксируя заимствование. Но это было именно заимствование, которое связано не с сарматами, а с аланами. Упоминание же «воздушных драконов» Валерием Флакком у скифов следует воспринимать критически, поскольку у европейских скифов мы их не знаем. Причину же такого описания мы и попытались объяснить выше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П., 1991. К вопросу о семантике сложных царских знаков // СА. № 2.
- Бичурин Н.Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л.
- Гаглов Ю.А., 1962. Аланы и скифо-сарматские племена Северного Причерноморья // ИЮОНИИ. Вып. XI.
- Горелик М.В., 1987. Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.
- Ельницкий Л.А., 1977. Скифия евразийских степей. Новосибирск.
- Заднепровский Ю.А., 1997. Древние номады Центральной Азии. СПб.
- Исаенко А.В., Цэвээндолгор Ч., 1993. Об эволюции некоторых политических институтов в кочевых обществах Древней Монголии // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ.
- Лебединский Я., 1996. Драконообразные штандарты Востока и Запада // Дарьял. № 2.
- Мачинский Д.А., 1974. Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э. — I в. н. э. // АСГЭ. Вып. 16. Л.
- Перевалов С.М., 1997. Военное дело у аланов II в. н. э. (по трактатам Флавия Арриана «Диспозиция против аланов» и «Тактика») // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир; М.
- Симоненко А.В., 1993. Сарматы Таврии. Киев.
- Тревер К.В., 1940. Серебряное навершие сасанидского штандарта // Труды отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Т. III. Л.
- Туаллагов А.А., 1997. О происхождении ранних алан // ПАВ. № 10.
- Уарзиати В.С., 1987. Название флага в осетинском языке // Проблемы осетинского языкознания. Вып. 2.
- Чеснов Я.В., 1980. Этноним зо/су/сак у тибето-бирманских и других народов // Ономастика Востока. М.
- Яценко С.А., 1993. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I—II вв. н. э. // ПАВ. № 3.
- Ka Imon R., 1977. A jaszok eredete es uyelve. Kecskemet.
- Maenchen-Helfen O., 1945. The Yueh-chih Problem Re-examined // JAOS. Vol. 65. № 2.
- Shahbazi A. Ch., 1993. The Parthian Origins of the House of Rustam // BAI. New Series. Vol. 7.

SUMMARY

ALANIAN DRACONIC STANDARDS

A.A. Tuallagov

Dragon-shaped standards appeared in Eastern Europe with the Alans from Central Asia. They were the symbols of the highest royal power, connected with the Iranian deity of Earth and the productive forces of nature.

О СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА СЕРЕБРЯНОМ КУВШИНЕ ИЗ КУРГАНА 28 ГРУППЫ ВЫСОЧИНО VII *

С.И. Лукьяшко

В 1984 году Е.И. Беспалым в кургане 28 группы Высочино VII был обнаружен замечательный комплекс (Bespalyi Ye.I., 1986). Публикации материала и его предварительные оценки привели к возникновению противоположных мнений о происхождении серебряного кувшина (Раев Б.А., 1987) и к появлению оригинальной трактовки отдельных персонажей и сцен сюжетной композиции (Трейстер М.Ю., 1994). Отсутствие убедительной версии о происхождении сосуда и сомнения в достоверности семантики изображений потребовали дополнительного изучения находки.

Отметим, что серебряные предметы, среди которых находился интересующий нас кувшин, были обнаружены вне погребальной ямы. Тщательно проведенные полевые исследования позволяют выявить следующие конструктивные и ритуальные элементы. На древнем горизонте, на площадке будущего кургана сооружены две неглубокие ямки, в которые были помещены ценные вещи, — это тайники 1 и 2. Ямки были засыпаны рыхлым грунтом, а затем перекрыты выкидом из могильной ямы. Таким образом, закладка тайников предшествовала сооружению могильной ямы. Вскоре после сооружения ее в южной части кургана была вырыта яма 1, прорезавшая край выкида. Затем возведена часть насыпи, полукругом охватившая могильную яму. В эту часть насыпи были помещены два котла (тайник 3, в полевой документации). Могильная яма была подчищена, совершено погребение и досыпана насыпь.

Вещи в тайниках группировались следующим образом:

тайник 1 — на дне серебряный таз, в нем серебряный кувшин и деревянный кипарисовый ларец. Весь комплекс был накрыт сверху щитом, от которого сохранился умбон и детали крепления;

тайник 2 — на дне в ряд стояли: золотая чаша, внутри которой было ситечко, серебряный кубок и четыре канфара;

тайник 3 — два котла;

яма 1 — в рыхлом заполнении обнаружены мелкие обломки костей животных, фрагмент серолощенной миски, стеклянные бусы, обломок песчаниковой плитки.

Предметы в тайниках связаны функционально: таз и кувшин — в первом тайнике, сосуды для питья — во втором, котлы — в третьем тайнике, кухонные отходы — в яме 1. Естественно, возникает вопрос о содержании ритуальных действий, совершенных до возведения насыпи. Обрядовая практика знает несколько ритуалов, предшествующих погребению. Известно, что погребение и погребальные церемонии — это критические, переломные моменты в жизненном цикле человека, обладающие рядом родственных черт со свадебными церемониями. Семантическая близость обрядов объясняется проходами, переходом члена рода в другой род. Похороны — это те же проходы и уход члена рода в иной мир. «Смерть совпадала с зачатием, похороны — с брачной оргией, восстанавливающей жизненную силу коллектива и обеспечивающей его возрождение» (Петрухин В.Я., 1980, с. 89). Погребение — это встреча с потусторонним миром и (или) миром предков, наведение мостов. Вторжение в мир предков ритуально оформлялось подношениями предкам, совместными пирами, «испрашиванием земли» и другими обрядами.

По зороастрийской традиции, судя по 5 фрагменту «Видевдата», после смерти становятся нечистыми нижняя одежда, ложе, жилище и ближайшие родственники умершего. Поэтому следует вынести из жилища огонь, ритуальные предметы (чаши, давящие камни и хаому), барсман, использовавшийся при литургии, и тело умершего (Видевдат, 5, 39—40). Нечистота живущих снималась очистительными обрядами: омовениями и молитвами. Впрочем, как справедливо отмечают исследователи (Фрейденберг О.М., 1936; Антонова Е.В., 1999, с. 21—22), мир хтоники обладал не только негативным, но и позитивным воздействием. В его руках находились нити связи с умершими великими предка-

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 000354).

ми, выступавшими в роли посредников между миром живых и миром высших сил. Этот мир владел тайнами возрождения. Наконец, для носителя древней культуры он был объективной реальностью, с которой необходимо было считаться. По наблюдениям Е.В. Антоновой, в обряде *kispu(m)* — «жертва умершему», или «погребальные подношения», — вместе с предметами, предназначенными погребенному, в могилу или рядом с нею помещались предметы, использованные живыми в ритуале или предназначенные богам и духам того света (Антонова Е.В., 1999, с. 25—27). Положение ценных предметов вне пределов могильной ямы в функционально определенном наборе может свидетельствовать о наличии ритуала «подношения предкам» или неким хтоническим силам. Связывать эти предметы с тризной — поминовением усопшего — или тайником будет не верно.

К какому роду действий относится положение ценных предметов рядом с будущей могильной ямой? На этот вопрос мы не сможем ответить однозначно. Для нас важно подчеркнуть, что предметы в ямах связаны между собой обрядом, предшествующим погребению, но составлены из предметов, входивших в разные сервизы и, следовательно, изготовленных для иных целей. Это наблюдение позволяет отбросить версию о церемониальном характере изображений на сосуде.

Обратимся к характеристике интересующего нас предмета. Серебряный кувшин со сливом имел сферическое кованое тулово на кольцевом поддоне (рис. 1). Дно и горло изготавливались отдельно и припаивались к тулову. Отдельно была изготовлена серебряная конусная крышка-пробка, на верхней поверхности которой прочерчена циркулем 12-лепестковая розетка. Центр украшен выпуклой заклепкой. На плечике сосуда зооморфная ручка в виде фигурки хищника, отдаленно напоминающего гиену. Фигурка полая, изготовлена из отдельных деталей: туловище, ноги, голова. Уши отбиты в древности. Во рту — сквозное отверстие для крепления кольца (?). Хвост, вероятно, был из шнура, так как на месте хвоста имеется отверстие. Техника изготовления фигурки, детали и их проработка, а особенно морда животного, близко напоминают львов на плечевых фаларах из кургана Дачи (Беспалый Е.И., 1992, рис. 9). Вся фигурка покрыта тончайшей позолотой.

Центральное место в декоре сосуда принадлежит многофигурному фризу на тулове и плечиках (рис. 2). Изображения выполнены

в технике гравировки и покрыты позолотой. Состоят они из двух поясов. Сверху и снизу фриза ограничен изображением «бегущей волны». По гребням нанесены точечные насечки. М.Ю. Трейстер справедливо отметил близость мотива «бегущей волны» этрусской и римской традициям. Орнаментальные пояса разделены между собой небрежно прочерченными трехступенчатыми пирамидами.

Верхний орнаментальный пояс делится на 4 сектора схематичными изображениями растений. Пальмовидные листья или ветви противостоящих растений имеют закрученные вовнутрь или свисающие наружу листья. Между растениями — изображения птиц и пары коз, стоящих в геральдических позах лицом друг к другу [в статье М.Ю. Трейстера (Трейстер М.Ю., 1994, с. 195) ошибочно указано, что животные стоят «с двух сторон от мирового древа»]. Слева от них — изображение двух птиц (дрофы и стрепета?), охотящихся за насекомыми, справа — группа из четырех птиц: три, по-видимому, водоплавающие, на коротких ножках, обращены влево, четвертая птица, на длинных ногах, обращена вправо к следующему растению. Противостоят центральному изображению две крупные птицы, обращенные влево, с низко опущенными головами. К сожалению, эти изображения плохо сохранились и голов птиц не видно. Но можно смело предполагать, по аналогии с соседними изображениями, что они охотятся за насекомыми.

Нижний пояс содержит шесть регистров, разделенных между собой. Центральный рисунок, расположенный под козами, представлен изображением одной большой рыбы, плывущей вправо. Слева от нее — пара дельфинов, плывущих влево. На следующем квадрате изображен обнаженный рыбак, обращенный влево, на камне или скале с удочкой в вытянутых руках. Рыбак выводит рыбу средних размеров, попавшуюся ему на крючок. На свободном поле под удочкой рыбака изображена крупная рыба, плывущая вправо. Далее — сюжет с двумя рыбами, плывущими навстречу друг другу, изображение пары дельфинов и рыбы, стайки из трех рыб. Еще одна плохо сохранившаяся сцена рыбной ловли, в которой различим хвост крупной рыбы и подвешенная на леске мелкая рыба. И наконец, изображение существа из мифологического бестиария с туловищем дракона, покрытым чешуей, раздвоенным рыбьим хвостом и крокодильей зубастой пастью. Голову этого дракона — так может быть названо это существо

— венчают большие уши. На спине дракона восседает антропоморфное божество с обнаженным торсом и длинными ниспадающими к плечам курчавыми волосами. В правой руке божество держит трезубец. Завершает нижний пояс еще одна сцена рыбной ловли. Обнаженный мужчина стоит в свободной позе, обращенный влево, в правой руке он держит удочку, на крючке которой сидит рыба, левая рука мужчины опущена вниз, кисть находится в пасти пойманной рыбы. Так же как и в первом случае, на свободном поле под удочкой изображена крупная рыба, обращенная к сидящей на крючке рыбе. Это обстоятельство позволило автору раскопок трактовать сюжет как сцену рыбной ловли на живца.

Отметим несколько явных особенностей рисунка. Они сделаны рукой неумелого гравера и хотя передают типичные черты изображаемого объекта, далеки от совершенства. В ряде случаев линии дублируются. Мастер не смог рассчитать размер, и рисунки выходят за поле. Изображения фигур и лиц неумелые. Вполне вероятно, что гравировка на сосуде выполнена человеком, не имеющим достаточных навыков. Вместе с тем сложная многофигурная композиция заставляет полагать, что гравер воплощал на поверхности сосуда не серию бессвязных сюжетов, а единую композицию, иллюстрирующую некий важный эпизод мифологических представлений. Не случайно все изображение охватывает орнамент в виде «бегущей волны», не случайно нижний пояс изображений противопоставлен сюжетам верхнего пояса. Показательна в этом плане разделительная линия между поясами орнамента в виде трехступенчатой пирамиды, отмечающей границу — предел.

Композиция рисунка на сосуде близка авестийскому образу священного острова в океане Ворукаша, на котором произрастает благое растение Хаома, охраняемое рыбами. Как следует из текста «Хом-яшт», на благом острове посредине озера Ворукаша Ахура Мазда сотворил дерево бессмертия — Хаому. Сторожить Хаому от дэвовских исчадий — храфраста — Творец поручил 99 999 фраваш праведных и рыбе Кара. По другой версии, этих рыб десять. Рыба Кара плавает вокруг острова и охраняет Хаому. Кара в «Бундахишне» отождествляется с рыбой Азиз, обладавшей необыкновенными размерами: чтобы объехать ее, нужно было семь дней скакать на коне. Изображения суши с растениями и птицами на сосуде ограничены водой в виде «бегущей волны» в верхней части, а сцены рыбной лов-

ли, плавающих рыб и дельфинов ограничены «бегущей волной» в нижней части. Признаки острова легко угадываются на фризе.

Космогоническая картина земного мира иранцев представлена в виде 7 частей — каршваров. В центре мира, или на Севере, находится мировая гора Хукарья, с которой стекают две реки. Воды рек окружают сушу. Иногда Хукарья представляется самой высокой горой горного хребта Харайти, или Хара Березайти, окружавшего и восточные, и западные страны. У подножия горы находится наиболее сакрализованный каршвар Хванирата и огромное озеро-океан Ворукаша с островом, на котором у источника Ардвисуры произрастает мировое дерево Хаома и Дерево Всех Семян Виспобиш. Мастер, обладавший поэтической фантазией, увидел в горле сосуда с изливавшейся влагой подобие мировой горы. Розетка на крышке сосуда передавала образ солнца, простирающего свои лучи над божественным миром.

*Мы почитаем Митру...
Который самым первым
Из всех божеств небесных
Над Харю восходит...
И первым достигает
Прекрасных золотистых
Вершин, откуда видит
Он весь арийцев край...
Так, на Восток и Запад,
В две стороны на Север,
В две стороны на Юг
И на каршвар прекрасный,
Обильный населением
Оседлым, Хванирата
Взирает Митра сильный
(Михр-яшт, IV)*

Этой авестийской картине точно соответствует изображение на кувшине. За пределами острова в нижнем ярусе выделено 6 регистров, разделенных колоннами, что соответствует 6 оставшимся каршварам (...на Восток и Запад, В две стороны на Север, В две стороны на Юг...). Таким образом, композиция рисунка раскрывает миропредставление создателя, удивительно точно копирующего картину земного мира «Авесты» (ср.: Мачинский Д.А., 1998, с. 109—110, рис. 1, I).

На священном острове кроме Хаомы было высажено еще одно растение — Виспобиш. «Когда земля была отравлена ядом храфраста, издохших во время потопа, бог Амертат собрал семена всех растений, отнес их в океан Ворукашу и высыпал в воду. Из тех семян выросло дерево Виспобиш, плодоно-

сит оно семенами и зернами всех полезных растений, какие есть в мире. На дереве живет Сенмурв, царь птиц...» (Рак И.В., 1998, с. 106). Когда Сенмурв улетает, на дереве вырастает тысяча ветвей, когда он садится — ветви обламываются, а семена рассеиваются. Птица Чамраош сидит всегда недалеко и собирает семена с Древа Всех Семян, и относит их в то место, где Тиштрия пьет воду. Тиштрия выпивает воду с семенами и проливает ее дождем на весь мир. Изображение Древа Всех Семян — традиционный сюжет иранских орнаментов (см. напр.: Смирнов О.И., 1909, № 83, 89; Даркевич В.П., 1976, табл. 3; Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987, табл. 54). Как правило, оно изображалось отягощенным семенами, с опущенными вниз ветвями или с голыми, обломанными ветвями (Даркевич В.П., 1976, табл. 3, 3, 4). Таким образом, два разных вида растений с поднятыми вверх и с опущенными ветвями вполне уживаются в рамках маздаистских представлений о священном острове.

Следующее обстоятельство, позволяющее уверенно утверждать нашу интерпретацию сюжета, связано с изображением птиц, охотящихся на насекомых. Насекомые есть храфраста — порождение Анхра-Майнью. К этим исчадиям ада относятся волки, черепахи, змеи, лягушки, мухи и все бескрылые насекомые. Они были созданы Анхра-Майнью в начале творения. Затем последовала засуха, от которой мир избавил Тиштрия, излив на землю воду. Ядом разлагающихся трупов погибших храфраста земля была отравлена, воды стали горько-солеными. Тогда Тиштрия собрал семена всех растений и отнес их на священный остров, где из них выросло древо Виспобиш. Борьба с храфраста — основа праведного существования (Видевдат, 3, 10, 22). Авестийские божества имели птичьи ипостаси, в виде которых они боролись с храфраста. Любопытно отметить, что мифическая птица Чамраош в «Авесте» упоминается с соколоподобной птицей Амру (Яшт, 13, 109). На нашем рисунке охотящиеся птицы принадлежат к разным видам, одна из птиц, определенно, относится к хищным.

Таким образом, у нас достаточно оснований утверждать, что перед нами космологическая картина мира, на которой особенно тщательно прорисован священный остров в океане Ворукаша со священными растениями и птицами. Козы в геральдической позе подчеркивают сакральный характер изображенного пространства. Изображение козлов

или баранов у мирового древа довольно часто встречаются в искусстве иранского мира (см., напр.: Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987, табл. 100, 108).

Охрана острова, согласно мифу, была поручена рыбе Кара, зорко стерегущей все подходы. Рыбе Кара не требуется пища, ее ничто не отвлекает. Рыба Азиз, с которой позднее сопоставляется Кара, отличается огромными размерами. Береговая функция рыбы в «Авесте» выходит на первое место. На нижнем фризе изображены 10 рыб. Две из них (небольшие) находятся на крючке удильщика. Возможно, изображение рыбной ловли раскрывает неизвестный нам сюжет мифологической традиции, связанный с защитой священных деревьев. Вероятно, этот сюжет имел развитие в иранской торевтике. На сасанидском блюде из Оношат, известном как блюдо с львицей и лъвятами у водополя (Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987, табл. 113), изображено мировое древо у воды, под которым львица кормит лъвят, в воде плавают рыбы, к ним направляются водоплавающие птицы. На свободном поле чаши изображены птицы с пойманными рыбами в клювах. Следует полагать, что сюжет рыбной ловли вблизи священного острова с мировым древом не случаен в иранской культуре.

Мифология образа рыбы исполнена особого смысла в иранском мире. Изображения ее рано появляются на Востоке. Нам известно изображение хранителя рыбы на вавилонской печати середины II тысячелетия до н. э. В Северном Причерноморье изображения рыб появляются уже на ножках келермесского и мельгуновского мечей, где рыбами переданы крылья фантастических существ. С V в. до н. э. образ рыбы прочно входит в скифо-сибирский звериный стиль. Специальное исследование образа привело С.Г. Колтухова к убеждению, что рыбы выполняли роль магического апотропея и являлись символом скифского божества (Колтухов С.Г., 1997, с. 59—67).

Следует особо отметить, что в скифском искусстве изображения рыб встречаются: во-первых — на налобниках, нащечниках и украшениях конской упряжи, во-вторых — в качестве умбона щита, в-третьих — на обивках скифских деревянных чаш. Эту группу изображений объединяет ярко выраженная береговая функция. Значение рыбы как оберега, защитника, хорошо известно в средневековой иранской мифологии. «Когда один кафир выпустил из лука стрелу в небо, чтобы поразить бога, Рыба закрыла его своим

телом, жабры — раны рыбы» (Соколов М.Н., 1987, с. 393). Рыба-защитник оказывается на месте налобника, на центральной пластине щита и на ритуальных чашах. Обереговая функция рыбы существует и на поздних сасанидских блюдах, и на ранних персидских барельефах. То есть это многовековая иранская традиция.

В иранском искусстве мне не известны иные, кроме отмеченной выше на сасанидской чаше, сцены рыбной ловли. Рыбная ловля — сюжет, более характерный для Передневносточной, христианской традиции. В раннем христианстве рыбак сравнивался с крестителем, так как во время крещения неопита вынимали из воды, как и рыбу. Христос, обращаясь к апостолам — рыбакам Петру, Иакову и Иоанну, говорил: «Я сделаю вас ловцами человеков». На кольце Папы Римского выгравирована надпись: «Кольцо рыбака». Д. Кэмпбелл обратил внимание на то, что неопит у ранних христиан изображался в образе рыбы. Крещение воспринималось как новое рождение из воды: «Если кто не родится из воды и Духа, не может войти в Царствие Божие». В духовном контексте древности погружение в глубинные воды и возвращение из них означает возрождение. Истоки этой идеи исследователи видят в известной легенде о погружении вавилонского царя Гильгамеша. Погружению в воды синонимично омовение, составляющее важную часть многих религиозных систем. Учитывая влияние христианства на духовную культуру Парфии, можно предположить, что сцена рыбной ловли является аллегорией возрождения, очищения, нового рождения, посвящения в таинства и раскрывает функциональное назначение сосуда.

Центральное изображение дракона с крокодилей головой является калькой индуистского Макара, одного из популярных мифологических персонажей (рис. 3). Макара — существо гибридное, с преобладанием черт водного обитателя. По своему облику он близок крокодилу, акуле, дельфину с головой крокодила, рыбе или водному чудовищу с открытой пастью, имеет тело рептилии или чешуйчатой рыбы и хвост в виде рыбьего плавника. Изображается обычно с двумя или четырьмя лапами. Особенно популярным этот образ становится в скульптуре с III—II вв. до н. э. В образе Макара усматриваются следы греческого влияния, в частности образа Тритона. Иногда в нем заметна связь с растительным миром, с корнями лотоса. Отмечается близость лотоса с женской жизненной силой

и водой. Это божество — воплощение жизненной силы, плодородия и воды. Макара — вахана речных богинь Нади-девас. Он связан с локалами: Варуной, Сомой, Куберой, Индрой — и даже является ваханой Варуны и Сомы (Топоров В.Н., 1987, с. 90—91).

Демон с созвучным именем Мукара и функциями стража Севера — страны предков — фигурирует в нартском эпосе. «Север», «страна предков», «священная земля», «священный остров» в индоиранских и позднейших иранских представлениях обладали множеством сопоставимых признаков и локализовались в одном месте мифогеографического пространства. Есть все основания предполагать генетическую связь образов Макара индоиранской древности с образом Мукара нартского эпоса.

М.Ю. Трейстер сопоставил божество на драконе с образом Сциллы на гиппокампе. Но морской дракон с рыбьим хвостом, чешуйчатым змеиным туловищем и крокодилей головой не сопоставим с образом гиппокампа. Наши наблюдения позволяют говорить об индоиранских истоках образа этого демонического персонажа, связанного с плодородием, защитой и охраной. Следует полагать, что и на крышке сосуда из Косики (Трейстер М.Ю., 1994, рис. 12), вокруг центра, обозначенного меандром, изображены не гиппокампы, а Макара и рыбы Кара. В толковом словаре Б.Л. Смирнова ко второму изданию «Махабхараты» «Макара» объясняется как «делающий звук “М”»; морское чудовище; козерог зодиакального круга». Макара изображается на стяге бога любви (Махабхарата, 1989, с. 566).

Божество, восседающее на этом водном существе, должно быть связано с водой и плодородием. Этими функциями в иранской мифологии обладала «высоко подпоясанная» Ардвисура Анахита. Божество воинственное, способное даровать победу. Воинственность ее особенно ярко начинает проявляться при парфянских царях, когда она начинает соотноситься с Афиной Палладой (Авеста, 1998, с. 420). Но в обнаженном существе с трезубцем в руке трудно признать непорочную деву. Возможно, перед нами контаминация образа греческого Посейдона и иранского водного божества. С равной степенью достоверности можно предположить и связь этого божества с златооким Хаомой, ваханой которого в индуизме был Макара. Приходится признать, что наши материалы не позволяют пока однозначно определить этот мифологический персонаж.

И все же изображения на кувшине из кургана 28 отражают иранскую космологию, связанную со священным миром «Авесты». Создателем композиции мог быть только носитель этих представлений. Следовательно, сам предмет был произведен там, где господствовала эта идеология и где она развивалась, испытывая индийские и греческие влияния. Такой территорией в рассматриваемое время была, вероятнее всего, Парфия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

«Авеста» в русских переводах (1861—1996), 1998. СПб.

Антонова Е.В., 1999. Место умерших в жизни живых и погребальный инвентарь: археологические факты и исторические свидетельства (Месопотамия) // Погребальный обряд: Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.

Беспалый Е.И., 1992. Курганы сарматского времени у г. Азова // СА. № 1.

Даркевич В.П., 1976. Художественный металл Востока. М.

Колтухов С.Г., 1997. Образы рыб в греко-варварском искусстве Северного Причерноморья // Археология Крыма. С. 59—67.

Махабхарата, 1989. Вып. VI: Лесная. Ашхабад.

Мачинский Д.А., 1998. Страна аримаспов, простор ариев и скифские зеркала с бортиком // Проблемы археологии. Л.

Петрухин В.Я., 1980. Погребальная лада викингов и «корабль мертвых» у народов Оке-

ании и Индонезии // Символика культов и ритуалов народов Зарубежной Азии. М.

Раев Б.А., 1987. Новые находки римских импортов в Нижнем Подонье // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье — Приазовье: Тез. докл. к семинару. Новочеркасск.

Рак И.В., 1998. Мифы древнего и ранне-средневекового Ирана. СПб.

Смирнов О.И., 1909. Восточное серебро. СПб.

Соколов М.Н., 1987. Рыба // Мифы народов мира. Т. 2.

Топоров В.Н., 1987. Макара // Мифы народов мира. Т. 2.

Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М.

Трейстер М.Ю., 1994. Сарматская школа художественной торевтики: (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. № 1.

Фрейденберг О.М., 1936. Поэтика сюжета и жанра. Л.

Bespalyi Ye.I., 1986. The barrows with Roman Imports excavated by the expedition of the Azov Regional Museum in 1979—1984 // Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR. 278). Oxford.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Серебряный кувшин из кургана 28 группы Высочино VII.

Рис. 2. Орнаментальный фриз на серебряном кувшине. Прорисовка Н.Е. Беспалой.

Рис. 3. Мифологический персонаж на серебряном кувшине. Прорисовка Н.Е. Беспалой.

SUMMARY

ABOUT THE MEANING OF THE IMAGES REPRESENTED ON THE JUG OF SILVER PITCHER FROM THE BARROW 28, THE VYSOCHINO-VII GROUP

S.I. Lukyashko

The images represented on the pitcher and the composition itself make us conclude that they reflect the cosmological picture of the Indo-Iranian mythology. The picture of the sacred world of Avesta and the picture represented on the Vysochino pitcher coincide. Consequently the creator of the pitcher was a person acquainted with Mazda mythology. Most likely the vessel was made in Parthia.

Рис. 1

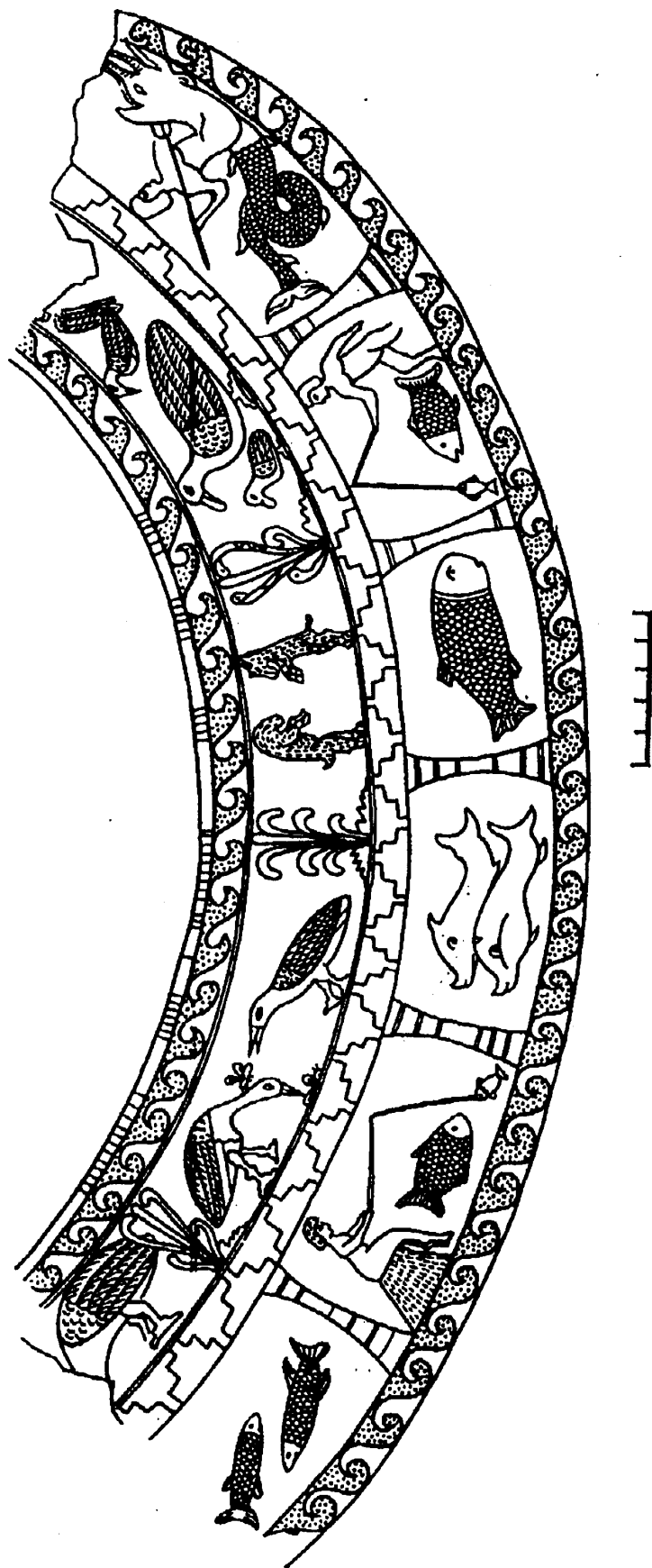

Рис. 2

Рис. 3

О МНИМЫХ «БАКТРИЙСКИХ» ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЯХ В САРМАТИИ I—II ВВ. Н. Э.

С.А. Яценко

На рубеже эр на территории Сарматии появляется серия золотых изделий в т. н. «бирюзово-золотом зверином стиле»¹. Точнее, речь идет чаще всего о подражаниях, в которых подлинная бирюза (и реже — сердолики или лазурит) заменена стеклянной пастой соответствующих оттенков², а вместо массивного литого золота — дешевый наполнитель из органики (битум, творог), покрытый тонким листом металла. Иногда касты просто имитируются на листе металла штамповкой. Известны единичные случаи использования древних литых изделий в этом стиле предположительно иранского (ахеменидского) производства [поясная пластина из кургана 2/2 в Верхнем Погромном (The dawn..., 1974, pl. 71)], которые, вероятно, происходят из разрушенных могил, как и «савроматская» пектораль из Косики.

На рубеже эр и в I-й пол. I в. н. э. подобные подражания со стеклом представлены как на Средней Кубани, так и в бассейне Нижнего Дона [фибула из Армавира 1902 г.; пряжка из кургана 46/6 в Новом; фалары из кургана 28/1 в Жутово; бляшки от выступов ножен кинжала из кургана 1 в Зубовском (Anfimov N.V., 1987, p. 197, 219; Власкин М.В., 1989, с. 30, рис. 1, 1; Шилов В.П., 1965, рис. 151)]. Единственная вещь с подлинной бирюзой известна на рубеже нашей эры на территории прикубанской Сиракены (Strabo., Geogr., XI, 2, 1; XI, 5, 2, 7—8; Tacit., Annal., XII, 16—17). Это поясная пряжка из Воздвиженской (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1989, табл. III, № 32). Однако и

она является подражанием, т. к. сделана из железа и лишь покрыта золотой фольгой.

Примерно с середины I в. н. э. территория распространения подражаний «бирюзово-золотым» изделиям резко расширилась, достигнув на западе Венгрии (Vaday A.V., 1989, Abb. 1, 5). При этом для замены бирюзы в кастах подчас используются материалы еще более дорогие: клык мамонта, специально окрашенный в зеленый цвет хлоридами меди [поясные пластины из кургана в Запорожье, 1968 г. (Манцевич А.П., 1976, с. 169)] или жадеит [колье из кургана 14 в Сладковке (The Treasures..., 1991, № 129)]. Однако показательно, что все изделия с подлинной бирюзой, и притом с сюжетами и орнаментикой восточного облика, найдены в комплексах Сарматии 2-й пол. I — 1-й пол. II в. н. э. только у устья Дона, где на небольшом участке диаметром всего около 40 км концентрируются богатейшие царские могильники Сарматии (Хохлач, Дачи, Садовый, Хапры, Кобяково, Мехзавод). Они не известны ни к западу, ни к востоку (вплоть до бассейнов Амударьи и Сырдарьи). Только в устье Дона мы находим на таких изделиях необычные вставки кораллов [большие браслеты из Дач, поясные застёжки из кургана 3 в Хапрах (The Treasures..., 1991, pl. 99, 110—111)] и декор из морского жемчуга — диадема из Хохлача, браслет из Тузлуков (Treister M., Yatsenko S., 1998, pl. 15, p. 57)], что пока находит аналоги на востоке лишь в сравнительно хорошо изученном ювелирном искусстве Бактрии и отчасти пограничных районов Согда (Тилля-

¹ Первоначальный вариант текста написан в марте 1994 г. по инициативе Ю.Г. Виноградова для дискуссии по истории сарматов I в. н. э. в «Вестнике древней истории», но затем, из-за возникших разногласий, к сожалению, издан там не был. Приношу благодарность за обстоятельное обсуждение этого материала в 1994—1997 гг. Б.И. Вайнберг, Ю.Г. Виноградов, Б.Я. Ставискому, М.Ю. Трейстеру (Москва), М.Б. Шукину (Санкт-Петербург).

² Самые ранние подражания ахеменидскому «бирюзово-золотому стилю» в V—IV вв. до н. э. в Европе можно видеть на предметах вооружения в «туземном» вкусе с перегородчатой инкрустацией голубой эмалью из скифских курганов Золотой и Толстая Токмаковская Могила. Позже, во II—I вв. до н. э. в погребении правителя в Мавзолее Неаполя Скифского мы обнаруживаем бляшки костюма (?) в форме головы льва в круге с подвесной круглой бляшкой, звездочки и круга с «бобами» внутри, инкрустированные той же голубой эмалью. Возможно, они подражают парфянским (?) образцам. Однако прямого отношения к более поздней сармато-аланской проблематике все эти находки, вероятно, не имеют.

тепе, Тахти-Сангин, Ер-Курган). Письменные источники к рубежу 60—70-х годов I в. документируют в этих местах, вместо проживавших здесь ранее донских аорсов, политический центр аланов (Ios. Flav. De Bello Iud. VII. 7. 4; Ambros. De exid. urb. Hierosol. V. 1.).

Мелкие предметы костюма со вставками подлинной бирюзы известны во 2-й пол. I — 1-й пол. II в. и в других районах Сарматии: фибула-брошь из кургана 28 в Ладожской под Краснодаром (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, табл. 19, № 179), поясная пряжка в форме «узла Геракла» из склепа 620 в Усть-Альминском в Крыму (материалы не опубликованы, раскопки А.Е. Пуздровского, 1996 г.). Однако по конструкции они являются вещами греко-римского облика. Их можно сопоставить скорее с поясными пряжками с бирюзой и сердоликами грузинской работы из могилы 905 в некрополе Самтавро у Мцхеты (которая по самой поздней монете — ауреусу Адриана 125—128 гг. — датируется 2-й третью II в.) (Apakidze A., Nikolaishvili V., 1994, fig. 27—28).

Многие массивные золотые украшения с подлинной бирюзой, найденные на Нижнем Дону, производят впечатление бывших в весьма длительном употреблении своего рода клановых реликвий. В них на многих участках сплошь утеряны бирюзовые вставки [гривна из Кобяково (The Treasures..., 1991, pl. 130)]. С полихромных изделий начинают изготавливать копии, для чего изредка привлекались и торевты античных центров [чаша из Мигулинской с греко-фракийской надписью (Смирнов Я.И., 1909, табл. X)]. Даже в богатейших могилах устья Дона дефицитная бирюза уже заменена на золотых вещах зеленым стеклом (The Treasures..., 1991, pl. 131—132, 134).

В связи с наличием на ювелирных изделиях «бирюзово-золотого стиля»³ в Сарматии сюжетов и декоративных приемов восточного облика, многие исследователи с начала века считали логичным видеть в них продукцию «обильной золотом» Бактрии. В самом деле, ведь именно из Бактрии (наряду с Лидией) брал Дарий I золото для нужд двора (Herzfeld E., 1931, S. 16—17); именно здесь был обнаружен богатейший в Центральной Азии «клад Окса» / «Амударьинский» (правда, со временем выяснилось, что почти все яркие изделия из него — дары в почитаемый

храм — выполнены не в местной, а в персидской традиции). Такой крупный ученый, как М.И. Ростовцев, полагал, что «бирюзово-золотые» изделия принесла с собой в Сарматию в I в. н. э. новая волна кочевников, мигрировавшая из соседних с Бактрией районов (Rostovtzeff M., 1922, p. 44—45). Позже заметное влияние на авторов оказала позиция А.П. Манцевич, глубоко убежденной в том, что развитое ювелирное дело возможно только в районах, непосредственно на территории которых имеются обильные собственные месторождения драгоценных металлов (увы, это утверждение далеко не всегда подтверждается мировой практикой). В диссертации Л.Я. Маловицкой (Маловицкая Л.Я., 1965) было высказано мнение, что происхождение «бирюзово-золотых» изделий Сарматии связано с югом Средней Азии, «где переплетаются в искусстве сарматские, сибирские и переднеазиатские тенденции» (см.: Засецкая И.П., 1989, с. 40—41). В середине 70-х годов Е.Е. Кузьмина в серии докладов и статей предложила гипотезу об исключительной роли «златообильной» Бактрии — главного центра производства подобных изделий скифо-ахеменидского времени для разных частей Евразии (Kuz'mina E.E., 1976). После эффектных находок в одном из некрополей Южной Бактрии (Тилля-тепе) В.И. Сарианиди «расширил» эту идею и на римское время, допуская, что практически все «бирюзово-золотые» изделия Сарматии I—II вв. являются бактрийским импортом (Сарианиди В.И., 1987, с. 82). К сожалению, общей чертой названных версий является отсутствие развернутой аргументации и необходимого в подобных случаях детального сравнительного анализа изделий «бирюзово-золотого стиля» разных регионов и периодов (по сюжетам, орнаментации бордюров и типам каменных вставок). Эту версию поддержал сарматолог В.К. Гугуев (Гугуев В.К., 1992, с. 127—128). При этом он посчитал возможным ограничиться сравнением всего трех (!) вырванных из контекста элементов предполагаемого стилистического сходства изделий с территориями Бактрии и Сарматии; вопрос о локальной специфике этого стиля в разных частях Евразии В.К. Гугуевым даже не поставлен (Гугуев В.К., 1992, с. 128). Важное место в построениях автора занимает тезис о «явно восточном происхождении» иконографии и реа-

³ О возникновении и распространении этого стиля в Евразии, основных этапах его формирования и условиях угасания см. подробнее: Treister M., Yatsenko S., 1998, p. 52—55.

лий, связанных с центральным персонажем гривны из Кобяково (Гугуев В.К., 1992, с. 122—125). Он вызывает большие сомнения⁴.

Представляется, что для проверки гипотезы Сарияниди — Гугуева о «тотальном» засилье бактрийского импорта среди «негреческих» ювелирных изделий Сарматии нельзя ограничиваться отдельными рассуждениями. Следует произвести полный сравнительный анализ «бирюзово-золотых» изделий рубежа эр — II в. н. э., реально найденных в Бактрии и в Сарматии (включая довольно дешевые подражания) по основным их параметрам: 1) сюжетам; 2) перечню зооморфных образов; 3) списку антропоморфных образов; 4) декору бордюров; 5) форме каменных вставок; 6) принципам размещения последних на изделиях.

К счастью, сделать это несложно, так как общее число таких изделий (и тем более пунктов их находок) в обоих регионах весьма невелико (при значительной пестроте сюжетов). В Бактрии это серия артефактов из Тилля-тепе (Sarianidi V., 1985), Дальверзин-тепе / Дальверзин-тепе (Pougatchenkova G., 1978, fig. 75, 80), Тахти-Сангина (Древности..., 1985, № 220), Сахсан-Охура / Саксанохура (Древности..., 1985, № 322, 324), могильников Бишкентской долины (Древности..., 1985, № 262, 266—268, 270—272, 282), Дангаринских могильников (Древности..., 1985, № 284—286), Тупхоны (Древности..., 1985, № 296—297), вероятная бактрийская поясная застежка из пограничного района Согда (Ер-Курган / Еркурган) (Древнейшие государства..., 1985, табл. СХХХVII, 9) и некоторые другие [золотая гривна с Амударьи (The Crossroads..., 1992, № 140); подвеска из Тулхарского могильника (Артамонов М.И., 1973, рис. 13)]. Что касается подобных изде-

лий Сарматии, то все материалы по ним уже опубликованы (за исключением упомянутой недавней находки в Усть-Альминском, которую мне удалось видеть лишь на фотографии).

1. При сопоставлении многочисленных сюжетов в обоих регионах выясняется, что они практически совершенно не совпадают. Исключение — поясная пряжка в виде ежа, схватившего двух змей, в Косике (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993, с. 173—174, рис. 19). Но и она по композиции ближе к образцу из «Сибирской коллекции Петра I» (Артамонов М.И., 1973, рис. 217), чем к предполагаемой бактрийской застежке из согдийского Ер-Кургана (Древнейшие государства..., 1985, табл. СХХХVII, 9).

2. Перечень многочисленных зооморфных образов также в основном не совпадает. Так, только в Сарматии известны крылатый волк [поясная пластина откуда-то с Кубани (Толстой И., Кондаков Н., 1890, рис. 151)], фантастический монстр с очень длинной шеей (футлярчик из Хохлача), «сарматский тарандр», по Л.С. Клейну (пояс из кургана в Запорожье, фалары из Садового), лось (сосуд из Хохлача), верблюд (кинжал из Дач), чубарый олень (браслет из Дач), гепард-чита (?) (сосуд из Мигулинской)⁵, тушканчик (?) (пояс из Мехзава), барано-люди (гривна из Кобяково) и др. Для Бактрии же характерны такие образы, как крылатый козло-грифон, тигр с рогами оленя, волк с хвостом в форме трилистника, дельфин (Тилля-тепе), петух (Дангаринские могильники), кабан (Саксан-Охур) и др.

3. Список антропоморфных персонажей тоже совершенно не совпадает. Так, только в Сарматии [многократно (см. примеч. 3) встречен упомянутый персонаж, сидящий по-ту-

⁴ Напомним атрибуты этого сидящего божества или героя (Яценко С.А., 1992а, рис. 6, 1): 1) меч (в ножнах, положен на колени); 2) шар или мяч (справа в ногах — он «изображен» особой сквозной заклепкой); 3) прямоугольный кусок ткани с «шахматным» узором, служащий ковриком; 4) чаша в руках. По основному этногенетическому преданию осетин (с прямыми предками которых — аланами — сегодня единодушно связывают курган 10 в Кобяково), прародитель народа Ос-багатар перед смертью завещал сыновьям несколько священных золотых предметов. В различных вариантах фигурируют 4 предмета — именно те, которые изображены на гривне (ср.: Ванети З.Н., 1956, с. 4—6; Яценко С.А., 1996, с. 141). Эта аланская легенда **этнически специфична и не имеет близких аналогов**. В.К. Гугуев почему-то полагает, что предметы с изображением названного сидящего по-турецки персонажа с сосудом должны были в степной Сарматии считаться чисто **мужскими** атрибутами (и следовательно, гривна использовалась новым хозяином-женщиной не по назначению). На деле **все** такие находки происходят из могил взрослых женщин [Кобяково; Соколова Могила; курган 26 в Алитубе (Яценко С.А., 1992а, рис. 6, 1—3; о семантике таких сцен см.: Там же, с. 199—200)]. Подобная композиция известна и у средневековых аланов Предкавказья [Даргавс, катакомба 3, 1993 г. (Щуцнев А.А., 1998, с. 44—45, рис. 2)].

⁵ Два последних вида никогда не обитали на территории Сарматии, но были известны в различных районах Средней Азии.

репки и держащий сосуд, и (также неоднократно) бог-«монголоид», сидящий на барсе или седлающий его (поясные пластины из Порогов и Кочковатки) (Яценко С.А., 1992а, сюжеты № 23—25; табл. 6, 1, 6—8)]. Для Бактрии же характерны образы греческих иранизованных божеств: Ареса/Фарро, Ники/Хванинды, Афродиты/Ордохшо, Диониса, Эротов и др.

4. Многочисленные варианты декора бордюров в Сарматии рубежа эр — I-й пол. I в. н. э. и 2-й пол. I — 1-й пол. II в. н. э. (рис. 1, А; рис. 2, А) и Бактрии этого времени (рис. 3, А) совершенно не совпадают.

5. Из форм каменных вставок Бактрии половина отличается относительной сложностью, и именно эти сложные формы не имеют аналогов в Сарматии! [Рис. 3, В (отсутствующие в Сарматии типы обведены пунктирной линией)]. Иными словами, для Сарматии не характерно использование вставок в форме всевозможных двулистников, полумесяцев с выступом в центре изнутри, искривленных треугольников и т. п.

6. Камни для вставок-кастов в Бактрии и Сарматии использовались совершенно по-разному. В Сарматии в изделиях описываемого типа отсутствует лазурит (ср., например, Тилля-тепе), нет вставок бирюзы и кораллов в мелкие бляшки. Практически нет характерного для Бактрии сплошного заполнения тел животных полихромной «чешуей» или «перьями» [исключение — орлы на кинжале из Дач (The Treasures..., 1991, pl. 108)]. К крупным полихромным изделиям Сарматии не подвешивался по краю ряд плоских золотых дисков.

Наконец, в полихромных изделиях Бактрии достаточно обильны греческие орнаментальные мотивы в «классическом виде», а в исполнении вещей иногда очевидно прямое участие греческих мастеров, работавших в лучших традициях эллинской торевтики (см., например: Sarianidi V., 1985, pl. 19, 99, 112). Ничего подобного мы не обнаруживаем на «бирюзово-золотых» вещах Сарматии I—II вв. (несмотря на прямое соседство соответству-

ющих могильников с греческими городами!), которые выглядят гораздо более варварскими и несколько провинциальными.

В целом приведенный выше анализ ни по одному из параметров не подтвердил мнения о бактрийской принадлежности полихромных изделий Сарматии. Несомненно, речь идет о весьма одностороннем увлечении нескольких поколений исследователей гипотезой о великой историко-культурной миссии «златообильной Бактрии». Это до сих пор мешает объективно оценить место Бактрии в ювелирном деле Центральной Азии I в. до н. э. — III в. н. э. Прежде всего, известно, что Бактрия до сер. I в. н. э. (то есть до объединения Куджулой Кадфизом) была раздробленной и находилась под политическим и культурным влиянием соседней весьма сильной **Парфии**. Такое влияние весьма ощутимо в ювелирных изделиях Тилля-тепе (Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1986, с. 23—24; Pugačenkova G.A., Rempel L.I., 1991, p. 12—13)⁶, датируемых не позже 1-й трети I в. н. э.⁷ Во-вторых, с сер. I в. до н. э. по сер. I в. н. э. к югу от Бактрии существует, действительно, сильная **держава индо-скифов** с центром в Гандхаре (Таксила). Влияние ее развитого ремесла на материальную культуру Сарматии достоверно прослеживается в различных сферах (Treister M., Yatsenko S., 1998, p. 74—76). В Таксиле обнаружены следы ювелирных мастерских 2-й пол. I в. до н. э. — времен Азеса I и Азеса II, изготовлявших полихромные изделия со вставками агата, нефрита и др. (Marshall J., 1951, p. 188—189)⁸. Однако не менее вероятно их влияние и на ювелирное дело Бактрии. Дело в том, что обнаруженные в Гандхаре полихромные и «простые» золотые изделия (см.: Bussagli M., 1984, p. 75 (3); Czuma S.J., 1985, № 82; Mani B.R., 1987, pl. 29, 31, 35)⁹ в ряде случаев имеют специфические элементы, идентичные или очень близкие именно синхронным комплексам соседнего с ними (т. е. расположенного в **Южной, Левобережной** Бактрии) Тилля-тепе (Sarianidi V., 1985, pl. 17, 37, 40; cat. 3, 31, 33, 44), но не имеют таких аналогов в торев-

⁶ Интересно, что выводы авторов (несомненно, известные В.К. Гугуеву, но плохо вписывающиеся в образ «великой Бактрии») в его статье вообще не упоминаются.

⁷ Как известно, самая поздняя датируемая вещь в могильнике — золотая монета императора Тиберия (Sarianidi V., 1985, pl. 130).

⁸ Любезное указание М.Ю. Трейстера (факс от 7.10 1997 г., Вена).

⁹ Самые поздние из оригинальных индо-скифских изделий найдены в реликварии одной из буддийских ступ и представляют собой предметы парадного костюма донаторши — супруги некоего Kadama. На золотой пластине упомянуто и имя захватившего ок. 65 г. Гандхару первого кушанского императора Куджулы Кадфиза (Czuma S.J., 1985, p. 167—168).

тике **Северной** Бактрии. На территории последней встречены, среди прочего, оригинальные ажурные сложнопрофильные подвески к мелким предметам костюма (Кампыртепа) (Древности..., 1991, № 220). Идентичные тилля-тепинским, сложносоставные подвески-лунницы к серьгам и булавам известны и в ювелирном деле Южной Ферганы (Темир-Корут) (Абдуллаев К.А., 1994б, рис. 1, 1; ср.: Sarianidi V., 1985, pl. 16, 20), которое пока нет никаких оснований считать как вышедшее из бактрийского. В стране Усунь в Семиречье, в знаменитом погребении в ущелье Каргалы (II—I вв. до н. э.) мы встречаем близкие тилля-тепинским, но все же оригинальные сложнопрофильные бляшки костюма со вставками бирюзы и каймой из зерни [в форме крестиков с округлыми концами или кругов с розеткой внутри с выступами в виде грифонов головок и бутонов (L'Uomo d'Oro, 1998, № 488, 491)]. Ни о каком влиянии бактрийских юэчжей на усуней не может быть и речи; напротив, в это время усунь были самым могущественным этносом Средней Азии и, как известно, господствовали над частью уэчжей (не бактрийских, а семиреченских).

Благодаря широкой известности материалов Тилля-тепе (княжеского некрополя соседнего города Емши-тепе) осталось незамеченным, что изделия его круга отнюдь не определяют облик торевтики всех пяти княжеств юэчжей. Первоначальная их столица Цяньши находилась не в Южной, а в Северной Бактрии, скорее всего — в Дальверзинтепе (Абдуллаев К.А., 1994а, с. 6—7). Позже специфический костюм Тилля-тепе (Яценко С.А., 1989, с. 264—269) в целом не нашел распространения среди аристократии Кушанской империи (Yatsenko S.A., 1999)¹⁰.

В своем вполне понятном увлечении яркими материалами, известными на сегодняшний день в Бактрии, В.И. Сарияниди и В.К. Гугуев не принимают в расчет развитое ремесло соседних с Бактрией государств. В силу

степени изученности, самого характера памятников и просто археологической удачи, в каждой из этих стран пока известно лишь по несколько мелких полихромных бляшек или сережек в одном (!) из пунктов: в Хорезме — во дворце Топрак-калы (Топрак-кала, 1984, с. 225—226; рис. 90), в Кангюе — во дворце городища Актобе 2 (Смагулов Е.А., Байпаков К.М., 1996, с. 278), в Согде — в Ер-Кургане (см. выше), в Усунь — в разрушенной могиле на Каргалинке (Акишев К.А., 1983, с. 158—169)¹¹. В этих условиях абсолютизация роли бактрийской торевтики кажется серьезной методологической ошибкой.

Вернемся, однако, к статье В.К. Гугуева. Хотя доводы этого автора в пользу бактрийской принадлежности всех сколько-нибудь ярких ювелирных изделий Сарматии I—II вв. А.С. Скрипкин справедливо назвал «абстрактными рассуждениями... выглядящими малоубедительными» (Скрипкин А.С., 1996, с. 163), разбор методических приемов и аргументации автора весьма поучителен.

1. Ключевым моментом для понимания происхождения многих «бактрийских» черт в сарматском искусстве I—II вв.¹² В.К. Гугуев считает уточненный Ю.Г. Виноградовым перевод одного отрывка у Страбона (Strabo, Geogr., XI, 5, 8). Судя по нему, верхнеаорсская знать брала с купцов мзду за пропуск и конвоирование караванов из Закавказья (Виноградов Ю.Г., 1994, с. 61; примеч. 64, 69). В.К. Гугуев склонен думать, что купцы брали с собой ювелирные изделия Бактрии для платы аорссским конвойным. Однако можно ли так обосновывать массовое попадание¹³ к кочевой знати драгоценных полихромных изделий с сакральными сценами [речь идет об аксессуарах парадного костюма, имевших в древности выраженную этническую специфику, в том числе миллионах дешевых бляшек специфических форм (Яценко С.А., 1993, с. 61)]?¹⁴ Не уверен я и в достоверности конкретного сообщения Страбона об уда-

¹⁰ Доклад автора «Костюм Тилля-тепе и некоторые проблемы этнической истории» в Институте востоковедения АН СССР на семинаре Б.А. Литвинского (Москва, 11.06 1986 г.).

¹¹ Кстати, упрек, сделанный мне в том, что я подчеркиваю **стилистическое** сходство гривны с Каргалинки с нижнедонскими (Сергацков И.В., 1998, с. 47), является недоразумением, т. к. в обеих цитируемых статьях я говорил лишь о сходстве их **конструкции** и частично — **сюжетов**.

¹² Я сознательно не касаюсь здесь весьма важного вопроса о **характере** влияния в более ранний период **греко-бактрийского** искусства на сарматские племена II—I вв. до н.э. (см., прежде всего: Тревер К.В., 1940, с. 34—38). Это тема особого исследования, возможно — с участием В.И. Мордвинцевой.

¹³ Нельзя забывать, что до нас дошла (в более или менее потревоженном виде) после «работы» грабителей лишь ничтожная часть богатств сармато-аланской знати.

¹⁴ Примеры международной торговли на многотысячные расстояния одеждами с обильно нашитыми золотыми бляшками в мировой истории ни разу не документировались. Это не удивительно: их перевозка была бы весьма неудобна и рискованна (потеря нашивок и т. п.), а низкая себестоимость бляшек не могла бы сделать этот «бизнес» выгодным.

ленных верхних аорсах¹⁵. Сегодня сопоставление характера «восточного импорта» рубежа эр и I—II вв., а также очень интересного свидетельства Страбона (XI, 2, 12) и этно-географических познаний Страбона и Птолемея приводит к выводу, что именно донские и «верхние» аорсы служили в каком-то смысле препятствием для интенсивной торговли как греко-римских, так и восточных купцов в Прикаспии (Яценко С.А., 1992в, с. 146—147; Скрипкин А.С., 1994, с. 10—11). Интересно, что тот же Страбон для начального периода попадания «бирюзово-золотых» изделий в Приазовье (т. е. к началу I в. н. э.) дает ясное указание на то, что в действительности интересовало кочевую знать у купцов, прибывающих на один из крупнейших рынков региона — в Танаис (Strabo., Geogr., XI, 2, 3). На первом месте стоит готовая одежда¹⁶, на втором — вино, а затем — «прочие принадлежности культурного [по эллинским стандартам!] обихода» (пер. Г.А. Стратановского).

2. В.К. Гугуев почему-то, увлекшись идеей торговли «бактрийскими» вещами, ни словом не упоминает о реально документированной письменными и археологическим источниками внешней торговле Бактрии юэчжийско-кушанского времени. Между тем такой обзор небезынтересен. Подобные сведения имеются пока для районов, расположенных к востоку от Бактрии. Так, где-то на островах Индонезии юэчжийские купцы, судя по недавно обнаруженному в Индии эпиграфическому памятнику, торговали породистыми лошадьми (Мукерджи Б.Н., 1992, с. 81, примеч. 23). Вероятно, уже в I—III вв. через Бактрию вывозились парфянские цветные стекла (ср.: Абдуразаков А.А., 1991, с. 92—93), рецепт которых позже китайцы переняли именно у бактрийцев (Бичурин Н.Я., 1950, с. 264). Можно думать, что юэчжи уча-

ствовали и в проходящей на их территории торговле нефритом из месторождений Синьцзяна, известных уже Плинию (Plin., NH. XXXVII, 110; Пьянков И.В., 1987, с. 267). Особенно показателен характер торговли на рубеже эр с бывшими соседями и победителями юэчжей на восточной прародине — хунну. Известно, что первые опасались их и на новой родине, и «хунну имели влияние на юэчжей» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 161). В могилах хуннской аристократии Монголии и Забайкалья встречены бытовые предметы из латуни именно бактрийского производства [лировидные пряжки, кольца (Миняев С.С., 1976)] и дорогие бактрийские ткани с антропоморфными сюжетами (Nowgorodowa E., 1980, Taf. 160)¹⁷, но золотые изделия бактрийского облика здесь отсутствуют. Дело, однако, в том, что все названные товары не могли заинтересовать сарматов и аланов. Ткани с античным декором, латунные и цветные стеклянные изделия приобретались на месте у греко-римских купцов, а породистые кони ахалтекинских обликов хотя и появляются именно в I в. н. э., но, видимо, из Усунь или Ферганы (Яценко С.А., 1993, с. 65, № 19).

Думаю, что картина проникновения в соседние страны предметов парадного костюма бактрийских юэчжей/кушан в I—III вв. была много сложнее, чем это видится В.К. Гугуеву. Даже более позднее могущество Кушанской империи и нахождение ее в центре т. н. Великого шелкового пути не создали господствующей моды на юэчжийский костюм хотя бы у соседей, например у покоренных на какое-то время жителей Хотана и Кучи (Яценко С.А., 1999). Почему же драгоценные, сакральные «бактрийские» полихромные изделия I—II вв. «доставлялись» во множестве только на удаленную на 4 тысячи километров территорию Сарматии, а в осталь-

¹⁵ В Европейской степи, как и в Закавказье, и на Юге Каспия, практически отсутствуют следы упомянутых Страбоном индийских и вавилонских **товаров** {единичные древние вавилонские цилиндрические печати-раритеты, хранившиеся в храмах и домах знати, вряд ли были таким **товаром**, а отмеченные в серии статей М.Ю. Трейстера драгоценные камни индийского (?) происхождения в ожерельях ольвийского и херсонесского производства, найденные в соседних сарматских могильниках I—II вв. [Михайловка, курган 3 (Treister M.Yu., 1998, fig. 1—2)], могли поступать (и скорее всего, поступали) в греческие города более южным путем}. Названное сообщение Страбона — типичное для греко-римских авторов объяснение (часто — полулегендарное) обычаев удаленного «варварского» народа. «Богатство» верхних аорсов якобы позволяет носить им золотые украшения [что, на деле, **характерно** для **всех** степных группировок еще со скифской эпохи (ср.: Her., Hist., IV, 104)].

¹⁶ Это полностью соответствует сведениям о торговле европейских кочевников, приводимым для хазар Истахри, для половцев Ибн ал-Асиром и др. (Яценко С.А., 1984, с. 56). При этом речь, судя по терминологии, везде шла именно об обычных предметах плечевой и др. одежды, приспособленных к местным вкусам, а не о золотых аксессуарах.

¹⁷ В последние годы их бактрийская атрибуция оспаривалась (Лубо-Лесниченко Е.И., 1994).

ные области Евразии не попадало ровным счётом ничего? [При этом на всем промежутке между Верхней Амударьей и Волгой (!) подобные предметы отсутствуют]. В контексте сказанного выше удовлетворительно объяснить этот факт может, пожалуй, лишь «миграционная» версия... Между тем в Сарматии I—II вв. известны вполне достоверные (хотя очень немногочисленные) примеры влияния этнографического костюма бактрийских юэчжей (именно они так и не привлекли внимания сторонников «бактрийской версии»!). Таковы, в частности, полихромные наконечники мужских поясов с изображением бутона из Дач и из могилы 4 Тилля-тепе (The Treasures..., 1991, pl. 116—117; Sarianidi V., 1985, cat. 4, 29) и золотые браслеты из круглого в сечении дрота с расширяющимися концами¹⁸, специфическая близость конструкции женских золотых диадем¹⁹.

3. Еще одним вероятным источником «бактрийских» вещей рубежа эр — I в. н. э. названы «сокровищницы... Северной Бактрии, ставшие добычей кочевников» (Гугуев В.К., 1992, с. 127). Подобное мнение свидетельствует о слабом знакомстве с бактрийской археологией. По любезному сообщению Б.Я. Ставиского, ни в одном из многочисленных исследованных поселений Бактрии этого времени не зафиксированы предполагаемые следы военного разгрома. Ничего не сообщают об этом письменные и эпиграфические источники. Если даже допустить, что кочевники устья Дона совершили поход на Бактрию, то их маршрут (включая возвращение домой) должен был составить не менее 6000 км (!). Подобное не известно в истории кочевых народов мира с таким уровнем политического развития²⁰. Правда, по старой (когда-то популярной среди сарматологов) версии О.В. Обельченко о «сарматском завоевании Средней Азии» в конце II в. до н. э., допускалось, что «вернувшиеся» спустя два века сарматы взяли с собой награбленные их прапрадедами в Бактрии ценности. Но она, как

известно, встретила возражения как методологического, так и чисто фактического характера (см. подробнее: Яценко С.А., 1993, с. 61; Заднепровский Ю.А., 1994, с. 55—59).

4. Допускается и ситуация, когда «мастера-бактрийцы выполняли заказы вождей... сарматов» (Гугуев В.К., 1992, с. 128). Эта версия, признаюсь (особенно в контексте всего сказанного выше), является для меня загадкой. Каким образом могут приниматься многократные и разнообразные заказы на ювелирные изделия в традиционных обществах на расстоянии 4 тыс. км, лучше судить читателю.

Интересно, что В.И. Сарианиди и В.К. Гугуев рассматривают только ювелирные изделия «цивилизованной» Бактрии, но никак не комментируют факта появления новых элементов погребального обряда Сарматии, имеющих прямые параллели в Тилля-тепе (см.: Раев Б.А., 1985, с. 131; Яценко С.А., 1993, с. 63—65, № 5, 6, 10).

Сказанное не означает, что я свожу объяснение ситуации с попаданием «бактрийской» торовитки в Европу лишь к альтернативе: или миграции, или торговля. Вероятно, здесь сыграл роль фактор длительной (вплоть до начала III в.) политической зависимости восточных районов Сарматии от крупнейшей «кочевой империи» Туркестана — Кангюя, твердо устанавливаемый китайскими хрониками [прежде всего — «Вэй люэ», информация в которой могла быть основана лишь на сведениях кушанского посольства императора Wo-t'iao²¹, прибывшего в Китай в январе 230 г. (Zürcher E., 1968, S. 371)]. В числе сарматских земель, которые до этого «весьма зависели от Кангюя», кроме южноприуральской Янь, названа и расположенная еще западнее и граничащая с Римом/Дацинь **кочевая страна Лю**, примерно соответствующая волго-донскимномадам (см. об этом: Яценко С.А., 1997, с. 159). Видимо, не случайно резкое усиление Кангюя на рубеже н. э. по письменным источникам примерно хронологически совпадает с появлением в Сарматии

¹⁸ В Бактрии это, например, находки из Тилля-тепе (Sarianidi V., 1985, cat. 3. 16; 5. 4; 6.16) и Дальверзинтепа (Rougatchenkova G., 1978, fig. 73), в Сарматии — из Порогов, из кургана 15 в ст-це Тифлисской (1902 г.), из кургана 12 в Никольском (Нижнее Поволжье) и др. (см. аналоги: Гушина И.И., Засецкая И.П., 1994, № 265).

¹⁹ На диадемах с изображением мировых деревьев и парных птиц в Хохлаче и могиле 6 Тилля-тепе фигурки вставляются в венечный фриз с помощью особых штырей внизу.

²⁰ При обсуждении этого текста Б.И. Вайнберг проводились аналогии с дальними походами Чингисхана и даже Тимура. Они кажутся неудачными, т. к. в таком случае речь идет о военных действиях с активной опорой на земледельческих вассалов правителями «кочевых империй», поставивших перед собой бредовую идею мирового господства.

²¹ Синологи обычно считают это имя транскрипцией кушанского — **Васудэва**.

первой серии «бирюзово-золотых» вещей и подражаний им. Еще в 1991 г.²² мною была высказано мнение, что появившиеся в I-й пол. I в. н. э. в Сарматии новые восточные мигранты были изначально в Европе культурно ориентированы не на соседние греко-римские области и не на эллинизированные Иран и Бактрию, а на Хорезм и на искусство великих «кочевых империй» восточной прародины — Кангюя, Усунь и более ранней, самой древней и притягательной долгое время для ближних и дальних кочевников Хунну [Яценко С.А., 1992б, с. 250—252; последние, в свою очередь, отчасти интерпретировали некоторые образы китайского искусства — дракон/лун, феникс/фэнхуан и др. (см. также: Яценко С.А., 1994, с. 201)]. Многочисленные находки последних лет на территории Сарматии как будто подтверждают эту версию.

Наконец, вполне вероятно, что такие изделия иногда могли быть дипломатическими дарами Кангюя и других стран Западного Туркестана (Скрипкин А.С., 1994, с. 9; следует отметить, что, исходя из имеющихся древних и средневековых хроник, в составе таких даров следует ожидать не преобладающие в нашем материале аксессуары костюма, а более «универсальные» — посуду²³ или оружие).

В ряде публикаций последних лет в качестве аргумента бактрийского происхождения тех или иных полихромных изделий используется даже наличие в них камней-самоцветов (агат, бирюза) по принципу «в Бактрии все есть» (здесь может иметься в виду реально только богатый ценными камнями Гиссарский хребет). Письменные источники и данные геологии не дают для этого никаких оснований. Так, в самой юэчжийской Бактрии не найдено ни одного изделия с агатами. Они (как и бирюза, лазурит) отсутствуют и на Гиссаре, хотя тут представлены оникс, сердолик и гранат-альмадин (Радивилловский В.В., Старшинин Д.А., 1995, с. 52—54). Бирюза еще с ахеменидского времени поставлялась в соседние и дальние страны из Хорезма²⁴, а лазурит — из Согда²⁵ (Herzfeld E., 1931, S. 16—17). Т. е. бактрийские ювелиры сами работали на привозных

материалах. Что касается центров производства часто упоминаемых в «бактрийском» контексте фаларов, несколько варварского облика, с «агатами» (сардониксами?) из Дач (The Treasures..., 1991, pl. 112), то одним из вероятных мест можно считать Грузию, где в могиле 905 в Самтавро (как и в других комплексах) известна серия сардониковых сосудов и плакеток различных форм, отчасти явно местного производства (Apakidze A., Nikolaishvili V., 1994, p. 46, № 49—51).

Во многих публикациях интерпретируется как бактрийское уникальное зеркало из Соколовой Могилы с ручкой в виде сидящего по-турецки мужчины с сосудом (Ковпаненко Г.Т., 1986, рис. 70—72). Такая трактовка кажется неправомерной. Во-первых, специфическим формам прически (короткие выющиеся волосы впереди, три длинных косы сзади) и наплечной одежды [простеганный вертикально (?) длинный халат с короткими рукавами] нет ни одного аналога среди огромного числа изображений Бактрии и территории Кушанской империи. Во-вторых, выше (примеч. 3) отмечалось, что серия разнообразных изображений с подобным сидящим персонажем с сосудом характерна именно для Сарматии I—II вв.

В целом я далек от мысли отрицать возможность попадания единичных бактрийских вещей в Сарматию (и сам факт ограниченной посреднической торговли между двумя регионами²⁶). Однако их бактрийская атрибуция должна быть обстоятельно аргументирована на основе комплексного изучения реально найденных в Бактрии артефактов местного происхождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдуллаев К.А., 1994а. К локализации столицы юэчжей // *Города Центральной Азии на Великом шелковом пути: Тез. докл. конф., посвящен. 60-летию Ю.Ф. Бирюкова. Самарканд.*
Абдуллаев К.А., 1994б. Золотая фигурка птицы из Темир-Коруга // *Фергана в древности и Средневековье. Самарканд.*

²² Доклад на 3-м семинаре «Античная цивилизация и варварский мир» (10 апреля, 1991 г., Геленджик).

²³ Форма знаменитого серебряного двуручного кубка с эпическими (?) сюжетами из Косики имеет только один близкий аналог — на глиняной юэчжийской сосуда (Пугаченкова Г.А., 1979, рис. 229).

²⁴ См. также: Виноградов А.В., Лопатин С.В., Мамедов Э.Д., 1965; Пругер Е.Б., 1976.

²⁵ См. средневековые данные: Шефер Э.Х., 1981, с. 300, 305.

²⁶ Так, несомненно, через Сарматию с I в. до н. э. проходил маршрут поступления балтийского янтаря в Бактрию (см.: Бубнова М., Половникова И., 1986, с. 24).

- Абдуразаков А.А., 1991. Исследование проблем взаимосвязей по Великому шелковому пути на основе химического анализа древних стекол Средней Азии // Города и караван-сарай на трассах Великого шелкового пути: Тез. докл. Междунар. семинара ЮНЕСКО. Ургенч.
- Акишев К.А., 1983. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата.
- Артамонов М.И., 1973. Сокровища саков. М.
- Бичурин Н.Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.
- Бубнова М., Половникова И., 1986. Торговый путь янтаря в Северную Бактрию и Согд // Городская среда и культура Бактрии, Тохаристана и Согда IV в. до н. э. — VIII в. н. э.: Тез. докл. сов.-фр. коллоквиума. Ташкент.
- Ванети З.Н., 1956. Народное предание о происхождении осетин. Сталинир.
- Виноградов А.В., Лопатин С.В., Мамедов Э.Д., 1965. Кызылкумская бирюза // СЭ. № 2.
- Виноградов Ю.Г., 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. № 3.
- Власкин М.В., 1989. Золотые зооморфные пряжки из курганного могильника у хут. Нового // ИАИАИД в 1988 г. Азов.
- Гугуев В.К., 1992. Кобяковский курган: (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов в I в. н. э.) // ВДИ. № 4.
- Гущина И.И., Засецкая И.П., 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье // Тр. ГИМ. Вып. 70. М.
- Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. № 3.
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, 1985. М.
- Древности Таджикистана, 1985. Каталог выставки / Отв. ред. Е.В. Зеймаль. Душанбе.
- Древности Южного Узбекистана, 1991. Под ред. Г.А. Пугаченковой. Токио; Ташкент.
- Заднепровский Ю.А., 1994. Юго-восточная экспансия сарматов: pro и contra // Проблемы истории и культуры сарматов: Тез. докл. Междунар. конф. Волгоград.
- Засецкая И.П., 1989. Проблемы сарматского звериного стиля: (Историографический обзор) // СА. № 3.
- Ковпаненко Г.Т., 1986. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев.
- Лубо-Лесниченко Е.И., 1994. Китай на Шелковом пути. Шелк и внешние связи древнего и средневекового Китая. М.
- Маловицкая Л.Я., 1965. Сарматский звериный стиль: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л.
- Манцевич А.П., 1976. Находка в Запорожском кургане // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Миняев С.С., 1976. Бактрийские латуни в сюннуских памятниках Забайкалья // Бактрийские древности. Л.
- Мукерджи Б.Н., 1992. Новые эпиграфические находки в Индии // ВДИ. № 1.
- Пругер Е.Б., 1976. К вопросу о сырьевых источниках бирюзы с археологических памятников Южной Туркмении // Известия АН ТуркмССР. Сер. обществ. наук. № 1.
- Пугаченкова Г.А., 1979. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1986. О золоте «безымянных царей» Тилля-тепе (к проблеме стиля и связей) // Из истории культурных связей Средней Азии и Индии. Ташкент.
- Пьянков И.В., 1987. Древнейшее античное известие о пути в Восточный Туркестан // Прошлое Средней Азии. Душанбе.
- Радивиловский В.В., Старшинин Д.А., 1995. Каменные украшения Бактрии и древние источники сырья Гиссара // Археология и художественная культура Центральной Азии: Тезисы докладов. Ташкент.
- Раев Б.А., 1985. «Княжеские погребения» сарматского времени в г. Новочеркасске // Археологические памятники европейской части РСФСР: Методические материалы к своду памятников истории и культуры. М.
- Сарианиди В.И., 1987. Бактрийский центр златоделая // СА. № 1.
- Сергацков И.В., 1998. О некоторых обстоятельствах появления аланов в Восточной Европе // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 1. Волгоград.
- Скрипкин А.С., 1994. Великий шелковый путь в истории Юга России // Российский исторический журнал. № 1.
- Скрипкин А.С., 1996. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. № 1.
- Смагулов Е.А., Байпаков К.М., 1996. Кангуй // История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Гл. 3. Алматы.
- Смирнов Я.И., 1909. Восточное серебро. СПб.
- Толстой И., Кондаков Н., 1890. Русские древности в памятниках искусства. Т. III. СПб.
- Топрак-кала. Дворец, 1984. М.

Тревер К.В., 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л.

Цуциев А.А., 1998. Об одном аланском антропоморфном изображении // Античная цивилизация и варварский мир: (Материалы 6-го археологического семинара). Ч. 1. Краснодар.

Шефер Э.Х., 1981. Золотые персики Самарканда: Книга чужеземных дикиховин в империи Тан. М.

Шилов В.П., 1965. Отчет о работе Астраханской экспедиции за 1964 год. Архив ИА РАН. Фонд Р-1. № 3156. (Рукопись).

Яценко С.А., 1984. «Сарматизация» и «эллинизация» костюма этносов Северного Причерноморья // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Майкоп.

Яценко С.А., 1989. Костюм и покровы кочевой аристократии из некрополя Тилля-тепе (Афганистан) // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. М.

Яценко С.А., 1992а. Антропоморфные изображения Сарматии // *Alanica-II*. Аланы и Кавказ. Владикавказ; Цхинвал.

Яценко С.А., 1992б. Элементы культуры хунну на территории Сарматии // VI Международный конгресс монголоведов: Докл. российской делегации. Вып. I. М.

Яценко С.А., 1992в. Торговые пути Сарматии в I в. до н. э. — III в. н. э. // Степи Евразии во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье: Тез. докл. Донецк.

Яценко С.А., 1993. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I—II вв. н. э. // ПАВ. Вып. 3. СПб.

Яценко С.А., 1994. К истории формирования одного из ключевых стереотипов сарматологии // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.

Яценко С.А., 1996. Некоторые культовые сюжеты в искусстве сарматов Северного Кавказа I в. до н. э. — I в. н. э. // Между Азией и Европой. Кавказ в IV—I тыс. до н. э.: Материалы конференции, посвященной столетию со дня рождения А.А. Иессена. СПб.

Яценко С.А., 1997. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236—276 гг. н. э. // *Stratum* + ПАВ. СПб.; Кишинев.

Яценко С.А., 1999. Костюм // Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье. М. (Архитектура и искусство. Т. IV). (В печати).

Anfimov N.V., 1987. *The Kuban's Ancient Gold*. Krasnodar.

Apakidze A., Nikolaishvili V., 1994. *An Aristocratic Tomb of the Roman Period from Mtskheta, Georgia* // *The Antiquaries Journal*. Vol. 74.

Bussagli M., 1984. *L'Arte del Gandhara*. Torino.

Czuma S.J., 1985. *Kushan Sculpture: Images from Early India*. Cleveland (Oh.).

Herzfeld E., 1931. *Die Magna Charta von Susa* // *AMI*. Bd. 3.

Kuz'mina E.E., 1976. *Les Relations entre la Bactriane et l'Iran du VIII au IV siècles avant J.C.* // *Colloques internationaux du Centre National de la Recherche Scientifique*, № 567. Paris.

L'Uomo d'Oro, 1998. *La cultura della steppe del Kazakhstan dall'eta del bronzo alle grandi migrazioni* / Cur. Di G.A. Popescu, C.S. Antonini, K. Baipakov. Milano.

Mani B.R., 1987. *The Kushan Civilization: Studies in Urban Developments and Material Culture*. Dehli.

Marshall J., 1951. *Taxila*. Cambridge.

Nowgorodowa E., 1980. *Alte Kunst der Mongolei*. Leipzig.

Pougatchenkova G., 1978. *Les Trésors de Dalverzin-tüppü*. Leningrad.

Pugachenkova G.A., Rempel L.I., 1991. *Gold from the excavations of the Tillya-tepe* // *BAI*. New Series. Vol. 5. Bloomfield Hills.

Rostovtzeff M., 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.

Sarianidi V., 1985. *Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afghanistan*. Leningrad; Vienna.

The Crossroads of Asia. Transformation in Image and Symbol in the Art of Ancient Afghanistan. An Exhibition at the Fitzwilliam Museum, 1992. Ed. E. Errington, J. Cribb. Cambridge.

The dawn of art. Paleolithic, neolithic bronze age and iron age remains, founded in the territory of the Soviet Union. The Hermitage collection, 1974. Leningrad.

The Treasures of Nomadic Tribes in Southern Russia: (Catalogue), 1991. Tokyo.

Treister M.Yu., 1998. *Further Thoughts about the Necklaces with Butterfly-Shaped Pendants from the North Pontic Area* // *The Journal of the Walters Art Gallery*. № 55/56.

Treister M., Yatsenko S., 1998. *About the Centres of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundels in «Gold-Turquoise Animal Style» of the I—II Centuries AD* // *Silk Road Art and Archaeology*. Vol. 5. Kamakura.

Vaday A.V., 1989. *Sarmatisches Männergrab mit Goldfund aus Dunaharaszti* // *Folia Archaeologica*. Vol. XL. Budapest.

Yatsenko S.A., 1999. *Costume of the Yueh-chih: Kushans and its Analogies to the East and to the West // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 6. Kamakura.*

Zürcher E., 1968. *The Yüehchi and Kaniska in the Chinese Sources // Papers on the Date of Kanishka / Ed. by A.L. Basham. Leiden.*

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Элементы «бирюзово-золотого звериного стиля» Сарматии рубежа эр — I-й пол. I в. н. э.:

А — типы бордюров; Б — формы каменных вставок; В — копытные; Г — хищники.

Пункты находок: 1 — Жутово, кург. 27; 2 — Верхнее Погромное, кург. 2/2; 3, 7 — Жутово, кург. 28; 4 — Курджипс (впускное погребение); 5 — Зубовский, кург. 1; 6 — Новый, кург. 46/4.

Рис. 2. Элементы «бирюзово-золотого звериного стиля» Сарматии сер. I — сер. II в. н. э.:

А — типы бордюров; Б — формы каменных вставок; В — копытные; Г — кошачьи; Д — птице-грифоны; Е — волко-грифоны; Ж — «сарматские тарандры»; З — дра-

коны; И — хищные птицы; К — антропоморфные персонажи.

Пункты находок: 2, 4, 7, 14, 21, 30 — Хохлач; 1, 5, 17, 29 — Дачи. кург. 1; 12, 15, 16, 22 — Садовый; 10, 27, 31 — Кобяково, кург. 10; 19, 26 — Запорожье; 6, 20 — Пороги, могила 1; 11, 25 — коллекция Лемме (приводится по: Руденко С.И., 1962); 3 — Тузлуки; 8 — Армавир, покупка 1904 г.; 9 — Мехзавод; 13 — Кочковатка; 18 — Мигулинская; 23 — Сладковка, кург. 14; 24 — район Кубани (по: Толстой И., Кондаков Н., 1890); 28 — Хапры, кург. 3.

Рис. 3. Элементы «бирюзово-золотого звериного стиля» Бактрии II в. до н. э. — II в. н. э.:

А — типы бордюров; Б — формы каменных вставок (рамкой обведены формы, отсутствующие в Сарматии); В — хищники; Д — копытные; Е — птицы; Ж — дельфины; З — костюм антропоморфных персонажей; И — конская попона; К — растительный орнамент.

Пункты находок: 12—13, 15—18, 20 — Тилля-тепе, могила 2; 19, 25, 27 — Тилля-тепе, могила 3; 2, 4, 5, 7, 14, — Тилля-тепе, могила 4; 1, 6, 9, 10, 21—24, 26 — Тилля-тепе, могила 6; 3, 8 — Тахти-Сангин; 11 — Дальверзин-тепе.

SUMMARY

ABOUT THE IMAGINARY «BACTRIAN» JEWELRY IN SARMATIA I-II CC. AD

S.A. Yatsenko

The hypothesis of V. Sarianidi / V. Guguev concerning the Bactrian origin of a series of wares in the «gold-turquoise animal style» I—II cc. AD is critically analysed. The elements of these wares (the types of border decorations; the shapes of stone inlays; the subjects; the list of zoomorphic and antropomorphic images) vary. It's doubtful that these wares were obtained by trade and the forays of nomads.

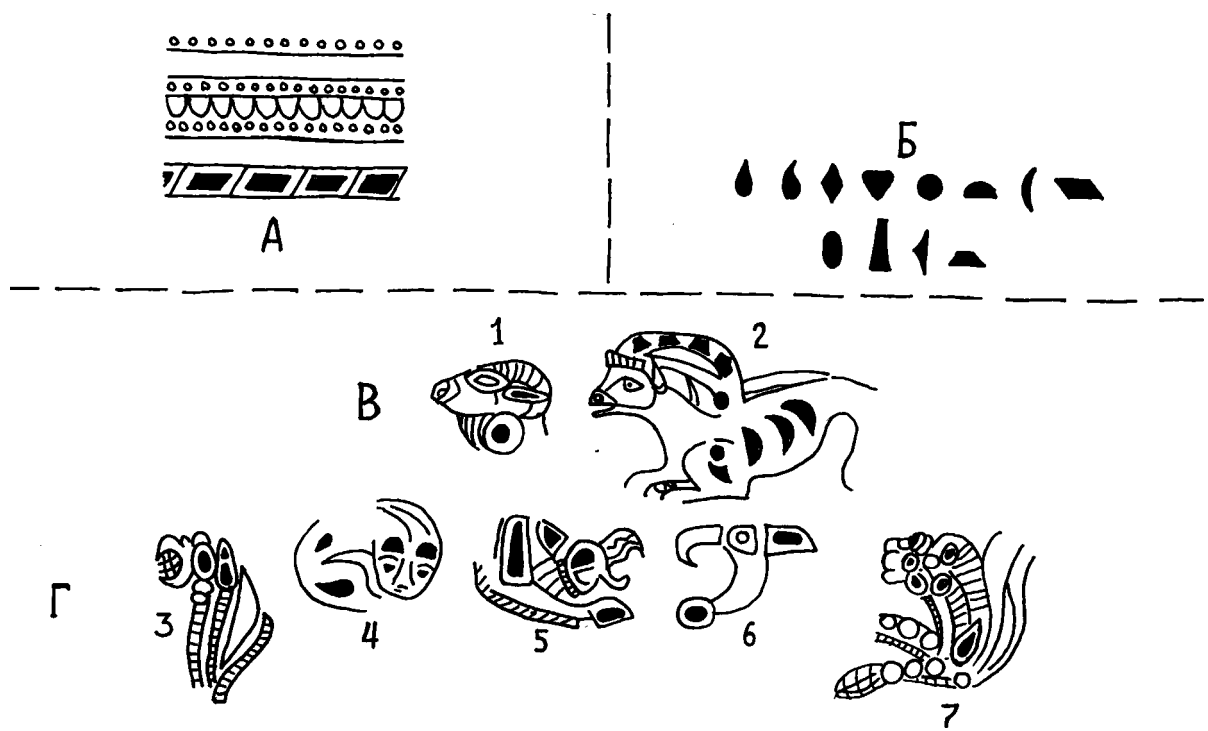

Рис. 1

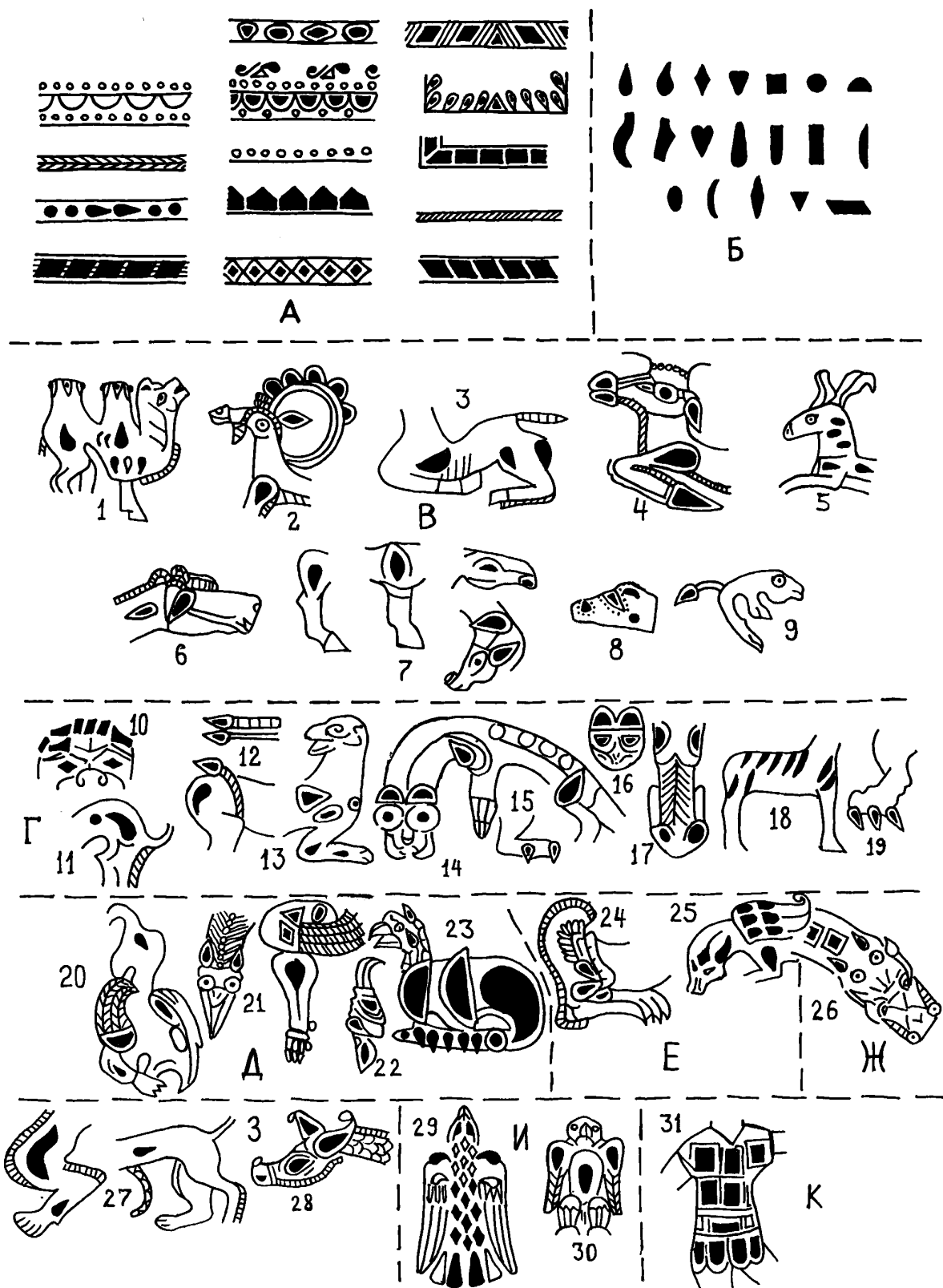

Рис. 2

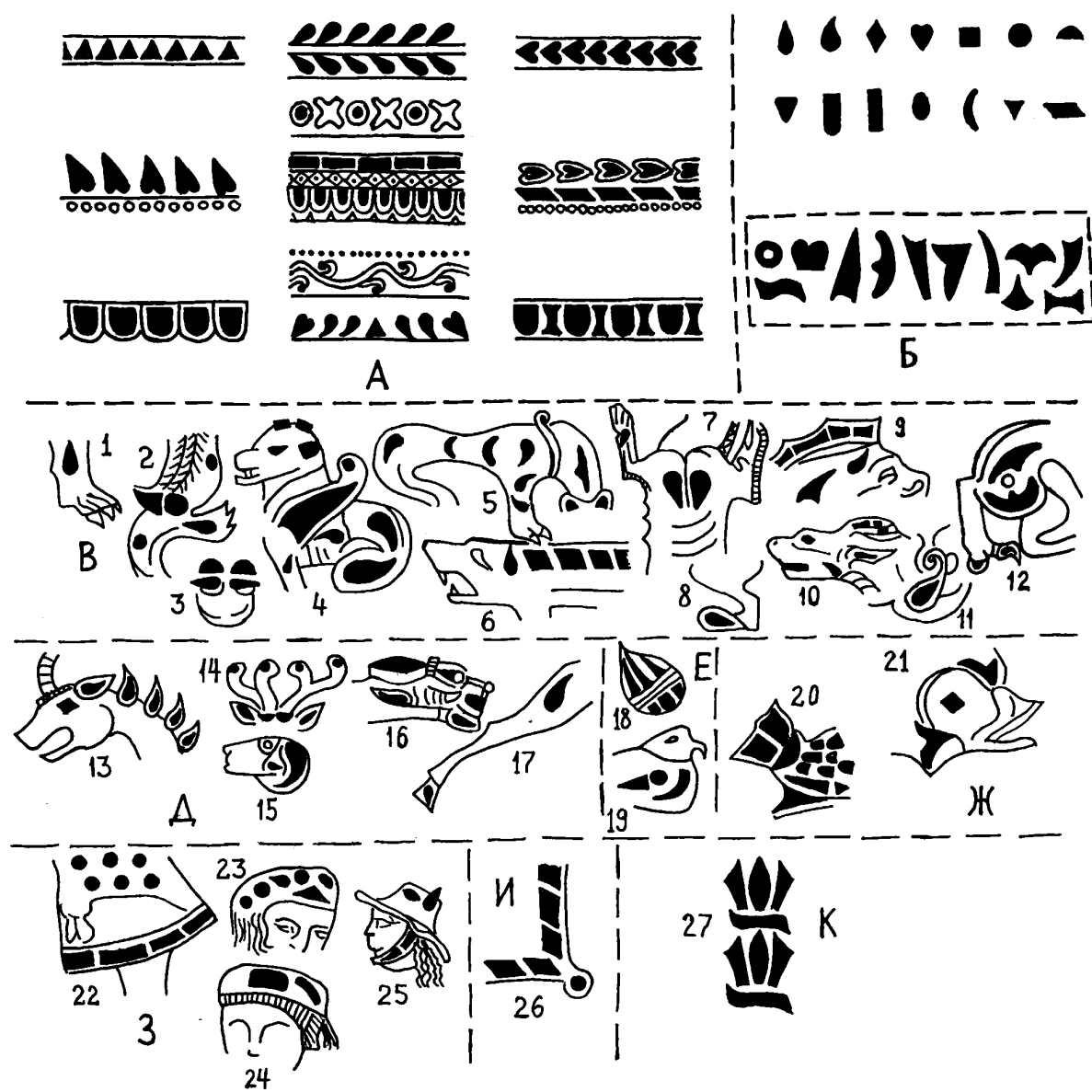

Рис. 3

ФИБУЛЫ ИЗ ПОЗДНЕСАРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ: ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ПРОИЗВОДСТВА*

М.Г. Мошкова

Классификация и типология восточно-европейских фибул последних веков до н. э. и первой половины I тыс. н. э., разработанные А.К. Амброзом в 60-х годах (1966 г.), как и предложенные им хронологические рамки собранных фибул, с самыми минимальными коррективами (Скрипкин А.С., 1977) остаются общепризнанными и по сей день. Фибулы стали одним из самых надежных ориентиров при датировке сопутствующих им комплексов. Но за время, прошедшее после публикации его книги, появился весьма значительный новый материал, особенно из восточных районов, в том числе из позднесарматских погребений Южного Приуралья. О них и пойдет речь в настоящей статье.

Взятая для исследования территория включает бассейны Урала с его притоками, Узень, Самары с Бузулуком и междуречье Самары и Большой Кинели (см. рис. 1—2). Привлечение памятников бассейна Самары обусловлено тем, что с глубокой древности и на протяжении всего раннего железного века этот район был тесно связан с южноуральским регионом. Примером тому могут служить погребения IV в. до н. э., расположенные в междуречье Самары и Иргиза, примерно в 65—70 км на восток от Волги (могильники Кировский I, Новопавловский), где были найдены совершенно стандартные для Южного Приуралья этого времени круглодонные сосуды с примесью талька (Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996, с. 216—217, рис. 4—5).

В настоящее время мне известно 102 экземпляра фибул примерно на сотню с небольшим позднесарматских погребений Южного Приуралья и 14 погребений Заволжья. Последние 14 погребений привлечены для исследования, поскольку содержали коленчатые фибулы с высоким приемником (рис. 2). Большая часть фибул Южного Приуралья (63 экз.) происходит из пяти могильников: Лебедевского — 24 экз., Целинного I — 15 экз., Покровского — 12 экз., Темясов-

кого — 7 экз. и Андреевского — 5 экз. В остальных могильниках они встречаются по одному-два, максимум три-четыре экземпляра.

Среди типов, характерных для всей Восточной Европы, в Южном Приуралье первенствуют лучковые одночленные фибулы с подвязным приемником (31 экз.), которые являются также специфической особенностью памятников Северного Причерноморья (Амброз А.К., 1966, с. 47). Согласно классификации А.К. Амброза, основная часть южноуральских фибул этого типа относится к вариантам 4 и 5, датируемым второй половиной II — III в. н. э., по А.К. Амброзу (1966, с. 50—51), или второй половиной II — первой половиной III в. н. э., по А.С. Скрипкину (1977, с. 107). Размер их колеблется от 3,8—4,0 см (2 экз.) до 5,0—8,2 см (основная часть фибул). Довольно крупные фибулы распадаются на две группы: одна в пределах 5,0—5,9 см (4 экз.) и вторая — 6,0—8,2 см (16 экз.) (рис. 3, 1—3, 5—6, 9—10). Пять лучковых фибул имеют фигурную или простую длинную обмотку, которая чаще встречается у фибул варианта 5 этого типа (рис. 3, 1—3, 6). Исходя из датировок А.С. Скрипкина, которые подтверждаются всем остальным инвентарем погребений, все южноуральские лучковые одночленные подвязные фибулы датируются в пределах второй половины II — первой половины-середины III в. н. э.

Географически эти фибулы распределяются довольно интересно (рис. 1). Половина находок (14 экз.) идет по северной границе распространения позднесарматских памятников, практически по южной кромке лесостепи. Еще две фибулы найдены чуть южнее, но на правобережье Урала (Красный Яр). Остальные 15 экз. обнаружены в крайних южных пунктах (Кисык-Камыс, Калмыково, Лебедевка, Атва) или чуть севернее их (Покровка, Восточно-Курайлинский, Целинный I)¹. Среди южных памятников, несомненно, выделяются два могиль-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 98-01-00390а.

¹ Приношу глубокую благодарность Л.Т. Яблонскому, разрешившему мне использовать в статье позднесарматские материалы из могильника Покровка X, и С.Ю. Гуцалову, предоставившему в мое распоряжение все материалы могильника Целинный I и фибулы из погребений, обнаруженных в памятниках Восточно-Курайлинский, Жаман-Каргала I, Атва I и Георгиевский бугор.

ника — Лебедевка и Целинный I, в которых найдено по три экземпляра лучковых подвязных фибул. Эти два некрополя содержат достаточно представительные компактные группы позднесарматских погребений, которые отличаются разнообразием и богатством инвентаря, что особенно характерно для Лебедевки. Оба могильника занимают особое место среди позднесарматских памятников Южного Приуралья. Видимо, к этой же группе примкнет и Покровка X, где с каждым годом раскопок растет число позднесарматских погребений.

В серии лучковых одночленных фибул выделяются 6 экземпляров, отличительной чертой которых является раскованная ножка в виде вытянутого орнаментированного прямоугольника. Две из них найдены в Лебедевке (рис. 3, 10), две — в Целинном и по одной — в Темясово (Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш., 1976, рис. 4, 1) и Атпе. Мне известна еще только одна такая же фибула — из могильника Усатово, в верховьях Ерусалана (Синицын И.В., 1947, с. 54, рис. 28, 1). Все они крупные (6,8—8,2 см) и по сопутствующему материалу датируются в пределах второй половины II — первой половины III в. н. э., не позднее.

Среди единичных форм в рассматриваемом регионе представлены 4 сильнопрофилированные фибулы с верхней тетивой и с пластинчатыми и одной стержневой спинками. Фибула со спинкой из узкого стержня (рис. 3, 7) по типологии А.К. Амброза датируется II в. н. э., а с пластинчатыми спинками — II — первой половиной III в. (Амброз А.К., 1966, с. 40—41). Одна из фибул находилась в употреблении, по-видимому, достаточно долго. Спинка ее была сломана и очень грубо починена (рис. 3, 8).

По типологии А.С. Скрипкина варианты сильнопрофилированных фибул с верхней и нижней тетивой и крючком различаются не по характеру спинки (стержневая, пластинчатая), а согласно длине спинки, ограниченной бусинами, и соотношению ее с кнопкой приемника. Время их распространения в нижневолжских сарматских погребениях, по мнению А.С. Скрипкина, ограничено II в. н. э. Редкие находки этих фибул в могилах III в. н. э. он рассматривает как пережиточное явление (Скрипкин А.С., 1977, с. 110, 112). В.В. Косяненко также пред-

лагает датировать их II в., возможно с заходом в III в. н. э. Но при этом справедливо замечает, что ее выводы построены на материалах Кобяковского некрополя, где погребений III в. мало (Косяненко В.М., 1987, с. 47). Мне представляется, что для позднесарматских погребений Азиатской Сарматии, особенно Южного Приуралья, датировка сильнопрофилированных фибул не только II в., но и первой половиной III в. н. э., судя по материалам могильников Лебедевка и Целинный I, является наиболее предпочтительной.

Еще три фибулы относятся к типу провинциальных шарнирных с эмалью и происходят, очевидно, из галло-римских мастерских. Две из них ромбические (Темясово — рис. 3, 4; Лебедевка) с рудиментами завитков на концах (Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш., 1976, рис. 4, 2; Багриков Г.И., Сенигова Т.Н., 1968, рис. 2, 1) и одна круглая с восемью небольшими округлыми выступами. Подобные фибулы известны на Нижнем Дону в некрополях Танаиса, Кобяковского, Мокро-Чалтырского и Гниловского городищ, откуда они, по-видимому, и поступали к сарматам Нижнего Поволжья (Суслы, Кано) (Скрипкин А.С., 1998, с. 113, рис. 2, 7; Гушина И.И., Мошкова М.Г., 1999, рис. 4, 3) и Южного Приуралья. В сарматских погребениях все они датируются второй половиной II — серединой III в. н. э. Наконец, еще одна небольшая (L — 4,5 см) раннеримская шарнирная фибула с плоской спинкой (Амброз А.К., 1966, табл. 5, 1) была найдена на Илеке (Целинный I, кург. 25) в разграбленном, к сожалению, кургане. Но судя по погребальному обряду — квадратная могила с деревянной рамой на дне, положение погребенного по диагонали ямы головой на юг, — можно с полной уверенностью относить это погребение ко времени среднесарматской культуры². Согласно типу фибулы его можно датировать I или началом II в. н. э.

Совершенно уникальной для восточных областей является так называемая щипцовая шарнирная фибула (L — 9,8 см, рис. 3, 11), обнаруженная в могильнике Липовка (бассейн Бузулука) (Смирнов К.Ф., Попов С.А., 1972, с. 4, 25, рис. 2, 1). Фибулы этого типа очень редки для Восточной Европы, особенно на юге, а для сарматских погребений

² Все сведения об этом погребении сообщены мне С.Ю. Гуцаловым, за что приношу ему глубокую благодарность.

липовская фибула вообще является единственной. Наибольшая концентрация находок шипцовых фибул известна в Восточных Альпах и Северной Италии. Ряд находок этих фибул сопровождается монетами II в. н. э. (Амброз А.К., 1966, с. 28). Липовское погребение довольно бедно, но по погребальному обряду и другим находкам оно, очевидно, датируется в пределах II — первой половины III в. н. э.

Самыми многочисленными (47 экз.) и разнообразными среди фибул Южного Приуралья оказались крупные фибулы с коленчато-изогнутой спинкой, входящие, по классификации А.К. Амброза, в группу фибул с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника. Они были названы им «поволжско-сарматские коленчатые фибулы с завитком» (группа 13, вариант 8; Амброз А.К., 1966, с. 45—46). Приуральские образцы отличает высокий прямоугольный приемник, высота которого почти всегда больше ширины (иногда в 2 раза), изредка равна ей. Спинки фибул пластинчатые, в большинстве случаев треугольные, вытянутые с большей или меньшей шириной основания у пружины (31 экз., рис. 4, 2—3, 6, 8, 10—11, 13). Ширина пластинчатой спинки у головки фибулы и ее длина создавали форму треугольника, бывшую достаточно разнообразной. Встречен экземпляр (Целинный I, кург. 32), спинка которого почти прямоугольная с округлыми углами, и лишь у самого приемника она образовывала острые углы. Очень редко спинки были орнаментированы резным мелким зигзагом, галочками или мелкими параллельными насечками. В могильнике Покровка X (кург. 65) найдена очень интересная большая фибула (L — 7,3 см) с широким и высоким приемником (h — 2,8 см с завитком), верхняя поверхность которого была украшена по краям с двух сторон глубокими фасетками, а завиток свернут в несколько оборотов (рис. 4, 3). Основным материалом изделий — бронза, изредка — железо (4 экз.) и серебро (1 экз.), размер их, как правило, в пределах 5,0—7,3 см, лишь 3 экз. маленькие — 4,0 см (1 бронзовая, 1 железная, 1 серебряная — рис. 4, 2). К этому же 8 варианту группы 13, по А.К. Амброзу, принадлежат фибулы с ромбической и круглой спинками (соответственно 16 и 1 экз.) (рис. 4, 1, 4, 5, 7, 9, 12), также иногда украшенные резным орнаментом (4 экз.). Коленчатый уступ у фибул с ромбической спинкой располагается или побли-

зости от пружины, или посередине спинки, придавая ей крышеобразный вид (рис. 4, 1, 4). Иногда форму спинки лишь условно можно отнести к ромбическим (Лебедевка VI, кург. 19; Темясово, кург. 3; Целинный I, кург. 86), настолько она вытянута от пружины к приемнику (рис. 4, 5) или сильно скруглена на боковых гранях (Целинный I, кург. 16). Лишь одна, сравнительно небольшая фибула (L — 4,5 см) была железной, все остальные — бронзовые (L от 5,5 до 6,5 см). Еще 7 коленчатых фибул с завитком на конце пластинчатого приемника найдены в обломках (Лебедевка — 4 экз., Темясово — 1 экз., Покровка X — 2 экз.). И наконец, одна фибула группы 13 представляет собой другой вариант, нежели предшествующие (вариант 7). При высоком приемнике с завитком на конце, ее треугольная спинка плавно изогнута, пружина фибулы была чинена (Лебедевка IV, кург. 19).

Особое место занимают еще две фибулы, объединившие в себе признаки двух групп: группы 12 с кнопкой и группы 13 с завитком на конце пластинчатого приемника (по А.К. Амброзу). По размерам (L — 6,2 см), форме пластинчатой спинки и высокому приемнику у одной из них (Максютово II, кург. 3) (Синицын И.В., 1947, с. 57, рис. 33) их следовало бы отнести к группе фибул с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника (гр. 13), к варианту 7 с мягко изогнутой спинкой. Однако у обеих приемник заканчивается кнопкой или округлым утолщением, что свойственно группе 12. По всем остальным параметрам эти две фибулы составляют единый массив с описанными выше, хотя и несут в себе смешение двух «типобразующих» признаков.

Могильники Южного Приуралья, где были обнаружены коленчатые фибулы с завитком на приемнике, сосредоточены примерно на той же территории, что и памятники, содержавшие лучковые фибулы с подвязным приемником. Также наибольшее количество их найдено в Лебедевском (14 экз.), Покровке (10 экз.), Целинном I (8 экз.) и Темясовском (6 экз.) могильниках. Однако на степном левобережье Урала увеличивается число пунктов находок (Ульке, Жаман-Каргала, Восточно-Курайлинский, Георгиевский бугор, Сар Атапа).

В последние годы появились новые находки фибул и лучковых с подвязным приемником, и коленчатых с завитком на приемнике на территории степной зоны, а так-

же южной и центральной части лесостепи Зауралья. Мною использованы из этих материалов лишь фибулы самого южного левобережного могильника — Большекараганского (Боталов С.Г., 1993; Любчанский И.Э., Таиров А.Д., 1995, рис. 4, 60; 5, 4), находящегося в степном районе и на той же широте, что и сарматские памятники правобережного Урала (Пшеничнюк А.Х., 1983). Что касается коленчатых фибул с треугольными спинками из курганов Байрамгулово (Боталов С.Г., Полушкин Н.А., 1996, с. 182, рис. 2, 10), Шатрово (Терехова Л.М., Чемякин Ю.П., 1983, с. 135, рис. 2, 9) и Першино (Минко Н.К., 1909), то все они находятся в центральной части лесостепной зоны: первый памятник — в 55 км на СЗ от Челябинска (поблизости от оз. Аргазы), второй — в 20 км на ЮВ от него и третий — в районе г. Челябинска. За исключением савроматского и начала раннесарматского периодов (VI—IV вв. до н. э.), эта территория (не севернее широты Челябинска) никогда позже не была зоной активного использования кочевниками, а тем более не была заселена ими. Но даже в VI—IV вв. до н. э., а особенно в IV в. до н. э. (Мошкова М.Г., 1969, с. 146—147), в этих районах жили люди, оставившие памятники смешанной культуры, содержащие элементы как степной кочевнической, так и местной оседлой культуры. Наиболее ярко местный лесостепной компонент проявляется в керамическом комплексе как в материалах VI—IV вв. до н. э., так и в памятниках II—IV вв. н. э. В последних встречаются еще и местные поясные наборы, связанные, очевидно, с угорским компонентом (см., например, Боталов С.Г., Полушкин Н.А., 1996, с. 180—182; рис. 1, IV; 2, 27—28, 31; 3, II). За исключением фибул, уздечного набора из Байрамгулово и деформированного черепа у погребенного в кургане у с. Першина, свидетельствующих о несомненном сарматском влиянии на эти районы, все остальные вещи, такие как бусы, китайские зеркала, встречающиеся и в упомянутых комплексах, и у сарматов, являются импортными предметами и в степи, и в лесостепи. Если говорить о северной ориентировке, характерной и для позднесарматских погребений, и для захоронений II—IV вв. н. э. лесостепи, то для последних она является исконной, существовавшей здесь

уже в VI—IV вв. до н. э. и позже, у сарматов же она появляется только со II в. н. э. Поэтому мне представляется, что термин «гунно-сарматские» памятники применительно к таким памятникам, как Байрамгулово, Першино, Шатрово, Малково, не обоснован и не аргументирован, не говоря уже о термине «Гунния» (Боталов С.Г., Полушкин Н.А., 1996, с. 190). Что касается большекараганских и агаповских курганов (Сальников К.В., 1950, с. 120), то их следует рассматривать как позднесарматские погребения II—III вв. н. э. Зауралья.

На представленной карте (рис. 2) отмечены также находки коленчатых фибул с завитком на приемнике в курганах Заволжья. Их немного — 16 экземпляров. В южных районах они встречены, как правило, в больших могильниках (Калиновка, Верхнее Погромное). И лишь совсем недавно 2 коленчатые фибулы (рис. 4, 7) были найдены в грунтовом могильнике Лбище, расположенном на Бэровском бугре в Володарском районе Астраханской области (Кутуков Д.В., Васильев Д.В., 1997, с. 120, рис. 2, 4; 5, 2). По всей вероятности, к этой же серии коленчатых фибул, но с мягко изогнутой спинкой (вариант 7) относится еще один экземпляр фибулы из могильника Лбище (Кутуков Д.В., Васильев Д.В., 1997, с. 141, рис. 4, 2). Она, несомненно, была чинена, и как будто дважды. Пружина ее развернута, конец пропущен через спинку, под которую подложена пластинка, и все это приклепано с помощью пяти гвоздиков к внутренней стороне спинки. Похоже, что был заменен и приемник, поскольку он также приклепан к концу спинки, на лицевой стороне которой испорчен орнамент. По своей форме и орнаменту на спинке фибула уникальна (рис. 5). Часть спинки, примыкавшая к пружине, представляет собой круглую плоскость, украшенную по краю круглыми вдавлениями (4 из них использованы для гвоздиков при починке). От этой окружности идет фигурный отросток, часть которого украшена мелкой резной сеточкой. На круглом окончании спинки и даже сетчатом орнаменте пробиты гвоздики, крепившие приемник к концу спинки (рис. 5)³. По всей вероятности, перед нами местный варварский вариант римских эмалевых фибул, которые никогда не имели подобного гравированного

³ Точный рисунок этой фибулы, сопровождаемый подробными пояснениями, предоставлен в мое распоряжение О. Шинкарь, за что приношу ей большую благодарность.

орнамента и всегда были симметричны в фигурах, составлявших спинку фибулы⁴.

В северных районах Заволжья коленчатые фибулы найдены в большом количестве памятников, но обычно в крупных могильниках (Суслы, Боаро). В позднесарматских памятниках правобережья Волги и далее на запад коленчатые фибулы мне не известны. Исключение составляет лишь фибула с ромбической орнаментированной спинкой, описанная И.В. Фабрициус (1951, с. 91, табл. XXII) в составе комплекса Марьевка (Южный Буг). Но сам комплекс не внушает доверия, поскольку состоит из разновременных вещей, а потому нет уверенности, что все предметы происходят из одного места. Поэтому будем считать, что коленчатые фибулы с треугольной, ромбической и круглой спинками и высоким плоским приемником с завитком были характерны лишь для восточных регионов распространения позднесарматской культуры, особенно Южного Приуралья, и составляли там основную часть среди фибул, применяемых кочевниками этих районов.

Сейчас, когда появилась столь значительная серия коленчатых фибул, обнаруженных в хорошо датированных комплексах, пришло время внести некоторые коррективы в даты, предложенные А.К. Амброзом. Согласно его хронологии, крупные фибулы с пластинчатым приемником и мягко изогнутой спинкой датируются второй (здесь А.К. Амброзом поставлен вопрос) половиной II — III в. н. э. А фибулы с коленчато-изогнутой спинкой и высоким приемником отнесены им лишь к концу III — началу IV в. н. э. (Амброз А.К., 1966, с. 46). Думаю, что последняя дата не точна, и распространение их охватывает весь III в. н. э., а может быть, и вторую половину II в. н. э. В этом отношении очень показательны захоронения из Лебедевки и Темясова, содержавшие наиболее разнообразный и многочисленный инвентарь. Богатые женские погребения этих могильников сопровождал достаточно стандартный, но представительный набор вещей. В него входили золотые нашивные бляшки, калачиковидные серьги со вставками, разнообразные бусы, бронзовые небольшие котелки, фибулы, зеркала, перстни, керамика, как лепная, так и гончарная, средне-

азиатского, кубано-донского и северокавказского производства. Очень показательна также серия совершенно одинаковых по исполнению и различных по форме медальонов-подвесок с цветными стеклянными вставками, составлявших иногда целые ожерелья. Все эти погребения, часто содержавшие и коленчатые фибулы, по всей совокупности инвентаря датируются II—III вв. н. э., а иногда второй половиной II — первой половиной III в. н. э.

Но особо следует выделить несколько очень важных для датировки комплексов. Так, коллективное захоронение в кургане 3 Темясовского могильника содержало три типа фибул — одночленную лучковую с подвязным приемником и раскованной орнаментированной ножкой, коленчатую ромбическую с завитком на приемнике и провинциальную римскую шарнирную ромбическую с эмалью (Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш., 1976, рис. 4, 1—3). Последняя в восточноевропейских кочевнических погребениях датируется не позднее II—III вв. н. э. (Амброз А.К., 1966, с. 33). Лучковая является полной аналогией такой же фибуле из погребения у с. Усатова (Синицын И.В., 1947, рис. 28, 1), в котором находилась и сильнопрофилированная фибула (Синицын И.В., 1947, рис. 28, 2). А.К. Амброз пишет о широком распространении последних в Северном Причерноморье, Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе во II — первой половине III в. н. э. (Амброз А.К., 1966, с. 94). В этом же усатовском погребении найдено массивное бронзовое зеркало с утолщенным валиком и штырем (Синицын И.В., 1947, табл. III, 3), дата которого не выходит за рамки II в. н. э. Следовательно, погребение у с. Усатова датируется II в. или рубежом II—III вв. н. э. Еще одна аналогичная темясовской лучковая фибула была найдена в Лебедевском могильнике (рис. 3, 10) вместе с фрагментами стеклянного боспорского кувшина второй половины II — первой половины III в. н. э.⁵ Соответственно и темясовский курган по шарнирной и одночленной лучковой с подвязным приемником (тождественной усатовской и лебедевской) фибулам следует датировать второй половиной II — первой половиной III в. н. э. Значит, этим же временем датируется и

⁴ Приношу благодарность И.В. Гавритухину за данную мне консультацию.

⁵ Определение и датировка обломков стеклянного сосуда сделаны Н.П. Сорокиной, за что приношу ей глубокую благодарность.

обнаруженная в нем коленчатая ромбическая фибула.

Кроме того, по содержанию и характеру инвентаря темясовский курган 3 и Лебедевский курган 49, гр. V, (содержали две коленчатые фибулы — с круглой и треугольной спинками; рис. 4, 12) очень близки богатому женскому захоронению того же Лебедевского могильника (Багриков Г.И., Сенигова Т.Н., 1968, с. 73—77, рис. 2—6). В последнем были найдены провинциальная шарнирная фибула с эмалью, серебряная цедилка, калачиковидные серьги, цилиндричскобчонковидные медальоны-подвески, сероглиняная гончарная керамика. К тому же описанное женское захоронение составляло пару находившемуся в соседнем кургане такому же богатому мужскому погребению, в котором была найдена светлоглиняная танаисская амфора начала III в. н. э.

Приведенные данные, которые могут быть подкреплены еще целым рядом аналогий, свидетельствуют о несомненном распространении коленчатых фибул с высоким приемником и завитком на его конце в погребениях кочевников Южного Приуралья с самого начала III в. н. э., а возможно и со второй половины II в. н. э. Они, бесспорно, существовали весь III в. и, очевидно, продолжали жить и в IV в. н. э., но, скорее, только в его первой половине. Однако на лесостепных территориях Башкирии и Зауралья они могли употребляться до конца IV в. н. э. и позже, судя по материалам мазунинской культуры, фибулы которой с круглыми щитками можно рассматривать как модификацию коленчатых южноуральских фибул (Генинг В.Ф., Мырсина Е.М., 1967, с. 96, табл. II, 1—4, 6). Тем более что в том же Мазунинском могильнике встречаются экземпляры, практически идентичные сарматским коленчатым фибулам (Генинг В.Ф., Мырсина Е.М., 1967, табл. II, 5, 7).

Остается сказать несколько слов о возможных центрах производства рассмотренных изделий.

Мы располагаем лишь результатами 18 спектральных анализов фибул из Лебедевского могильника (см. табл. 1), сделанных Т.Б. Барцевой, любезно предоставившей их в наше распоряжение вместе с рукописью своей работы «Цветной металл кочевников

Южного Приуралья савромато-сарматской поры», которая хранится в архиве лаборатории «Естественно-научные методы в археологии» ИА РАН⁶.

Позднесарматские металлические предметы составляли очень незначительную часть (98 предметов) всей южноуральской коллекции, изученной Т.Б. Барцевой (1145 изделий). Кроме фибул, в нее вошли несколько зеркал (в том числе 2 китайских), предметы уздечных наборов, пряжки, обоймы и другие мелкие вещи. В своей работе Т.Б. Барцева отметила, что из сплавов предшествующего времени в очень незначительных пропорциях в позднесарматское время оказались представленными медные и оловянные сплавы, а также сплавы с примесью мышьяка (7,9 %, 5 % и 4 % соответственно). Но на первое место выдвинулись цинковые сплавы на медной основе — латунь (около 30 %), оловянно-свинцовые бронзы (около 23 %) и серебряные изделия (около 26 %) (вышеуказанная рукопись Т.Б. Барцевой, с. 75). Из 18 исследованных фибул одна, маленькая коленчатая с высоким приемником (Лебедевка V, кург. 49), сделана из серебра. Результаты анализов остальных фибул были разделены мною по металлургическим группам, выделенным Т.Б. Барцевой для цветного металла Северного Кавказа раннего железного века (Барцева Т.Б., 1974а, с. 6, табл. 1), и добавлены еще 3 группы сплавов под литерами «а», отличающиеся от выделенных Т.Б. Барцевой лишь количественными показателями лигатур. В своей диссертационной работе и статьях, посвященных этой теме, Т.Б. Барцева писала, что даже суммарная характеристика сплавов III в. до н. э. — III в. н. э. Северного Кавказа, главным образом из Прикубанья и Северной Осетии (454 предмета), позволяет утверждать появление на этом этапе самого большого разнообразия типов сплавов по сравнению с предшествующим временем (VII—IV вв. до н. э.), т. е. произошло усложнение металлургической рецептуры. Именно в сарматский период на Северном Кавказе появились принципиально новые типы сплавов меди с цинком — латунь (тип VIII) и производные от латуней: медно-оловянисто-свинцовисто-цинковые (тип IV) и медно-цинково-оловянисто-свинцовые (тип VII) бронзы (Барцева Т.Б., 1974б,

⁶ Приношу глубокую благодарность Т.Б. Барцевой за разрешение пользоваться ее рукописью и опубликовать результаты сделанных ею спектральных анализов фибул из могильника Лебедевка.

с. 32). Надо заметить, что ту же тенденцию появления латуней и изготовления из них, как и из оловянных бронз, украшений отмечает С.В. Кузьминых уже для V в. до н. э. в восточных производственных центрах, существовавших на территориях иткульской, саргатской, гороховской культур, а также в бассейнах Камы и Белой (Кузьминых С.В., 1993, с. 122)⁷.

Поскольку происхождение и центры производства разных типов южноуральских фибул различны, то при выделении групп сплавов я рассматривала фибулы по трем морфологическим сериям: сильнопрофилированные (1 экз., № 1), лучковые с подвижным приемником (8 экз., № 2—9) и коленчатые с высоким приемником (8 экз. № 10—17). Именно в таком порядке они представлены на табл. 2, причем их порядковые номера соответствуют номерам в табл. 1.

Что касается очень редких в Южном Приуралье сильнопрофилированных фибул, то они совершенно определенно, о чем уже писал А.К. Амброз, поступали с запада, скорее всего из танаисских мастерских. Тем более что для обеих южноуральских фибул (рис. 3, 7, 8) имеются почти тождественные аналоги среди танаисских изделий (Амброз А.К., 1969, табл. V, 2, 6). В пользу импорта их с запада (Нижний Дон, Боспорские города) говорит и тот факт, что металл этой фибулы принадлежит к группе латуней (табл. 2, № 1). Из латуни были сделаны и все фибулы — сильнопрофилированные лучковые с подвижным приемником и пружинные с пластинчатой спинкой и кнопкой на приемнике, обнаруженные в Кобяковском некрополе (Капошина С.И., 1962, с. 109—110).

Состав сплавов, из которых изготовлены лучковые фибулы, достаточно пестр (табл. 2, № 2—9). Почти половина (3 экз.) сделана из оловянистых бронз (гр. I), 2 экз. — из оловянисто-свинцовистых (гр. III), и последние 3 сплава (№ 7—9) являются производными от латуни: цинково-оловянисто-свинцовые и оловянисто-цинковые (гр. VII; IVa). Все эти сплавы характерны как для Северного Кавказа и городов Боспора, так и для восточных приуральских центров. Поэтому спектрально проанализированные лучковые фибулы с одинаковой долей вероятно-

сти могли быть изготовлены и в танаисских, и в боспорских мастерских, и в уральских металлургических центрах, которых для этого времени мы пока не знаем. Но традиции высокой культуры металлообработки как в Приуралье, так и в Зауралье имели глубокие корни (Кузьминых С.В., 1983; Бельтикова Г.В., 1993; 1997). Можно только предположить, что лучковые фибулы с фигурной обмоткой (в том числе № 9, табл. 2), которые редко встречаются в сарматских погребениях Южного Приуралья, являются импортом из боспорских городов или Танаиса. Не исключено, что импортной была и фибула (№ 8) из очень богатой могилы, содержащей и другие импортные вещи (разнообразные бусы, китайское зеркало и др.). Тем более что сделана она из высокоцинкового сплава.

С наибольшей долей вероятности можно говорить о производстве коленчатых фибул с завитком на высоком приемнике в каких-то уральских металлургических центрах. Состав сплавов, из которых сделаны лебедевские коленчатые фибулы, также разнообразен (табл. 2, № 9—17). В одном случае это латунь (№ 11), в двух — многокомпонентные сплавы, производные от латуней (№ 3, 10—11), еще в двух — оловянисто-свинцовистые бронзы (№ 14—15). Но обращают на себя внимание 2 интересных сплава: цинково-мышьяковый сплав (№ 13) и мышьяковая бронза (№ 17). Сплавы с примесью мышьяка, как и медные, и оловянистые, Т.Б. Барцева (вышеуказанная рукопись, с. 75) связывает с рецептурой более древнего времени (VII—IV вв. до н. э.) этой территории. В пользу местного изготовления коленчатых фибул свидетельствуют также полное отсутствие их к западу от Волги и находки практически аналогичных фибул (с треугольной, ромбической и круглой спинками) среди инвентаря мазунинских могильников (Генинг В.Ф., Мырзина Е.М., 1967, табл. II, 1, 5, 7; Генинг В.Ф., 1967, табл. II, б), датированных в пределах III—V вв. н. э. Коленчатые фибулы найдены также в трех могильниках на правом берегу р. Белой — Ахмеровском, Салиховском (Васюткин С.М., 1977; 1986) и Дербеневском. В последнем были найдены и двучленные лучковые фибулы. Судя по погребальному обряду (размеры и расположение насыпей, размеры

⁷ Приношу глубокую благодарность С.В. Кузьминых за неоднократные консультации по всем вопросам, связанным с металлургическим производством цветных металлов.

Таблица 1

№№ пп	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Al
1	основа	0,015	0,04	8,0	0,0006	0,015	0,0015	-	0,3	0,01	0,001	-
2	- “ -	5,0	0,30	0,015	0,005	0,05	0,008	0,10	0,06	0,015	0,001	0,0
3	- “ -	7,0	0,02	-	-	0,06	0,008	0,005	0,07	0,007	0,002	-
4	- “ -	7,0	0,02	?	0,004	0,025	?	0,01	0,08	0,004	0,001	0,0
5	- “ -	6,0	1,20	?	0,0035	0,015	0,035	0,075	0,03	0,05	0,001	0,001-
6	- “ -	3,0	5,0	0,007	-	0,0004	0,01	0,03	0,10	0,002	0,001	0,001-
7	- “ -	2,0	0,002	8,0	0,003	0,08	0,10	0,02	0,09	0,02	0,005	0,001-
8	- “ -	1,8	1,5	14,0	0,045	0,025	0,06	0,25	0,15	0,08	0,003	0,001-
9	- “ -	1,0	0,4	0,70	0,07	0,20	0,10	0,01	0,10	0,01	0,004	0,001-
10	- “ -	3,0	2,5	4,5	0,025	0,2	0,15	0,3	0,3	0,045	0,003	0,001-
11	- “ -	0,6	0,35	14,0	0,06	0,025	0,1	0,35	0,01	0,035	0,002	0,0
12	- “ -	1,9	4,0	7,0	0,025	0,009	0,06	0,20	0,6	0,045	0,01	0,0
13	- “ -	0,15	0,45	10,0	0,01	0,05	0,025	0,90	0,3	0,09	0,015	0,001-
14	- “ -	4,5	1,0	0,025	0,0006	0,006	0,01	?	0,07	0,005	0,001	0,0
15	- “ -	0,9	1,0	-	0,005	0,0045	0,005	0,03	0,60	0,025	0,015	0,001-
16	- “ -	7,0	1,2	0,07	0,04	0,10	0,06	1,20	0,07	0,04	0,01	0,001-
17	- “ -	0,03	0,35	-	0,005	0,015	0,10	0,25	0,035	0,009	0,001	?
18	<50,0	есть	есть	мало	много	основа	следы	следы	мало	есть	-	мнс

1 — Лебедевка VI, кург. 35 (29275 — шифр лаборатории); 2 — Лебедевка IV, кург. 2 (29123); 3 — Лебедевка V, кург. 19 (25780); 4 — Лебедевка VI, кург. 28 (29259); 5 — Лебедевка VI, кург. 33 (29260); 6 — Лебедевка V, кург. 23, погр. 1 (25782); 7 — Лебедевка VI, кург. 1 (25760); 8 — Лебедевка VI, кург. 39, погр. 1 (29284); 9 — Лебедевка V, кург. 23, погр. 2 (25783); 10 — Лебедевка V, кург. 49 (30424); 11 — Лебедевка II, кург. 5 (30392); 12 — Лебедевка VI, кург. 19 (29189); 13 — Лебедевка VI, кург. 22 (29207); 14 — Лебедевка VI, кург. 16 (29182); 15 — Лебедевка II, кург. 2 (30352); 16 — Лебедевка IV, кург. 1 (29122); 17 — Лебедевка IV, кург. 19 (30361); 18 — Лебедевка V, кург. 49 (30429).

Таблица 2

№ п/п	элементы в %						тип сплава
	Cu	Sn	Pb	As	Zn	Ag	
1	основа	0,015	0,04	-	8,0	0,015	VIII
2	- “ -	5,0	0,30	0,10	0,015	0,05	I
3	- “ -	7,0	0,02	0,005	-	0,06	I
4	- “ -	7,0	0,02	0,01	?	0,025	I
5	- “ -	6,0	1,20	0,075	?	0,015	III
6	- “ -	3,0	5,0	0,03	0,007	0,0004	III
7	- “ -	2,0	0,002	0,02	0,8	0,08	IVa
8	- “ -	1,8	1,50	0,25	14,0	0,025	VII
9	- “ -	1,0	0,40	0,01	0,70	0,20	IVa
10	- “ -	3,0	2,5	0,30	4,5	0,20	VII
11	- “ -	0,6	0,35	0,35	14,0	0,025	VIII
12	- “ -	1,9	4,0	0,2	7,0	0,009	VII
13	- “ -	0,15	0,45	0,90	10,0	0,05	VIIIa
14	- “ -	4,5	1,0	?	0,025	0,006	III
15	- “ -	0,9	1,0	0,03	-	0,0045	III
16	- “ -	7,0	1,2	1,2	0,07	0,10	V
17	- “ -	0,03	0,35	0,25	-	0,015	IIa

I — оловянистые бронзы, II — оловянисто-мышьяковистые, IIa — мышьяковые, III — оловянисто-свинцовистые, IV — оловянисто-свинцовисто-цинковые, IVa — оловянисто-цинковые, V — оловянисто-свинцовисто-мышьяковые, VII — цинково-оловянисто-свинцовые, VIII — латунь, VIIIa — цинково-мышьяковые бронзы.

могильных ям), полному отсутствию оружия в погребениях всех трех могильников и нехарактерному для поздних сарматов керамическому комплексу, все эти памятники, на мой взгляд, оставлены смешанным населением. В составе его были местные оседлые племена, которые всегда населяли районы предгорной лесостепной полосы, и степные кочевники, переселившиеся сюда, возможно, на рубеже эр и в I в. н. э., когда в южноуральской степи наступила сильная аридизация и усилилась континентальность климата. Присутствие в погребениях названных могильников тех же фибул (коленчатые, лучковые), что были распространены и в рассмотренных нами позднесарматских памятниках, свидетельствует, как мне представляется, о возможности изготовления какой-то части их населением, обитавшим на этой территории. Не исключено, что такими же районами могли быть и зауральские предгорные лесостепные зоны, тем более что в VII—IV вв. до н. э. там существовала целая система металлургических центров (Бельтикова Г.В., 1993, с. 105—106). Значит, продолжение функционирования части из них вполне возможно. Однако окончательное ре-

шение вопроса о месте производства основной массы южноуральских сарматских фибул является делом будущего, когда в нашем распоряжении окажутся большие серии спектральных анализов фибул из памятников Южного Приуралья, Нижнего Поволжья, Северного Кавказа, античных городов Северного Причерноморья, когда будут проведены химико-технологические анализы и, возможно, найдутся остатки производственных комплексов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып. Д1—30.
- Амброз А.К., 1969. Фибулы из раскопок Танаиса // Античные древности Подонья—Приазовья. М.
- Багриков Г.И., Сенигова Т.Н., 1968. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II—IV и XIV вв.) // Изв. АН Каз. ССР. Сер. Общественная. № 2. Алма-Ата.
- Барцева Т.Б., 1974а. Цветные сплавы на Северном Кавказе в раннем железном веке // СА. № 1.

Барцева Т.Б., 1974б. Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Бельтикова Г.В., 1993. Развитие иткульского очага металлургии // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург.

Бельтикова Г.В., 1997. Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII—III вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Боталов С.Г., 1993. Большекараганский могильник II—III вв. н. э. // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург.

Боталов С.Г., 1996. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III—V вв. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.

Боталов С.Г., Полушкин Н.А., 1996. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III—V вв. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.

Васюткин С.М., 1977. II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Урала. Уфа.

Васюткин С.М., 1986. Салиховский курганный могильник конца IV—V в. в Башкирии // СА. № 2.

Генинг В.Ф., 1967. Ижевский могильник // ВАН. № 7. Ижевск.

Генинг В.Ф., Мырзина Е.М., 1967. Мазунинский могильник // ВАН. № 7. Ижевск.

Капошина С.И., 1962. Раскопки Кобякова городища и его некрополя // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону.

Косяненко В.М., 1987. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // СА. № 2.

Кузьминых С.В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.

Кузьминых С.В., 1993. Евразийская металлургическая провинция и цветная металлообработка раннего железного века: проблема соотношения // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тезисы докладов. Екатеринбург.

Кутуков Д.В., Васильев Д.В., 1997. Сарматские погребения из грунтового могильника Лбище в Астраханской области // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 2. Волгоград.

Любчанский И.Э., Таиров А.Д., 1995. Аркаимская долина в раннем железном веке // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Челябинск.

Минко Н.К., 1909. Дневник раскопок в Челябинском уезде Оренбургской губернии в 1909 г. Архив ИИМК РАН. Дело Императорской археологической комиссии № 63—1909.

Мошкова М.Г., 1969. Погребения VI—IV вв. до н. э. из челябинских курганов // МИА. № 169.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996. Савроматские и раннесарматские погребения Самарского Заволжья // Краеведческие записки. Вып. VIII. Самара.

Пшеничнюк А.Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Пшеничнюк А.Х., 1992. Дербеневский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов.

Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш., 1976. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа.

Сальников К.В., 1950. Сарматские погребения в районе Магнитогорска // КСИИМК. Вып. XXXIV.

Синицын И.В., 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Ученые записки СГУ. Т. XVII. Саратов.

Скрипкин А.С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. № 2.

Скрипкин А.С., 1998. Материалы Сусловского курганного могильника // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 1. Волгоград.

Смирнов К.Ф., Попов С.А., 1972. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.

Терехова Л.М., Чемякин Ю.П., 1983. Новый могильник раннего железного века в Челябинской области // История и культура сарматов. Саратов.

Фабрициус И.В., 1951. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Карта-схема мест находок лучковых фибул с подвижным приемником и фибул некоторых других форм в Южном Приуралье (условные обозначения: а — могильники; б — случайные находки): 1 — Кисык-Камыс; 2 — Калмыково; 3 — Липовка; 4 — Андреевка; 5 — Березняки; 6 — Дербенево; 7 — Темясово; 8 — Бекешево; 9 — Кара-Тал; 10 — Комсомольский; 11 — Сибай; 12 — Большекараганский; 13 — Красный Яр; 14 — Покровка; 15 — Лебедевка; 16 — Целинный; 17 — Восточно-Курайлинский; 18 — Атва.

Рис. 2. Карта-схема мест находок коленчатых фибул с завитком на конце приемника в Южном Приуралье и Заволжье (условные обозначения: а — могильники): 1 — Кисык-Камыс; 2 — Семиглавый Мар; 3 — Максютото-

во; 4 — Липовка; 5 — Андреевка; 6 — Березняки; 7 — Дербенево; 8 — Темясово; 9 — Альмухаметово; 10 — Комсомольский; 11 — Агаповский; 12 — Линевка; 13 — Бис-Оба; 14 — Покровка; 15 — Целинный; 16 — Георгиевский бугор; 17 — Восточно-Курайлинский; 18 — Ульке; 19 — Жаман-Каргала; 20 — Агпа; 21 — Саралжин; 22 — Лебедевка; 23 — Лбище; 24 — Верхнее Погромное; 25 — Калиновка; 26 — хут. Шульц; 27 — Бережновка; 28 — Покровск; 29 — Суслы; 30 — Боаро; 31 — Успенка.

Рис. 3. Лучковые фибулы с подвижным приемником и другие формы фибул: 1—3 — Андреевка, кург. 14; 4 — Темясово, кург. 4; 5 — Кара-Тал I, кург. 6; 6 — Лебедевка V, кург. 23, погр. 2; 7 — случайная находка на дюнах р. Токи у с. Никифоровка Бузулукского

уезда; 8 — Лебедевка VI, кург. 35; 9 — Покровка X, кург. 60; 10 — Лебедевка VI, кург. 1; 11 — Липовка, кург. 1.

1—11 — бронза.

Рис. 4. Коленчатые фибулы с завитком на конце приемника: 1 — Покровка X, кург. 88; 2, 12 — Лебедевка V, кург. 49; 3 — Покровка X, кург. 65; 4 — Андреевка, кург. 14; 5 — Лебедевка VI, кург. 19; 6 — Покровка X, кург. 73; 7 — Лбище, погр. 5; 8 — Агаповка, кург. 6; 9 — Лебедевка IV, кург. 4; 10 — Покровка X, кург. 68; 11 — Лебедевка II, кург. 2; 13 — Лебедевка VI, кург. 39.

1, 3—12 — бронза; 2 — серебро; 13 — железо.

Рис. 5. Грунтовый могильник Лбище, погр. 9, бронза.

SUMMARY

BROOCHES FROM THE GRAVES OF LATE SARMATIAN CULTURE OF SOUTH URAL: CHRONOLOGY AND PROVENANCE

M.G. Moshkova

The article gives a collection of brooches from Sarmatian burials of the South Uralian area which is the most complete one for the day present. The chronology of the brooches and the probable centres of manufacture are defined. A part of them was produced in city workshops of the Bosphorus kingdom. Another part is likely a product of the local Uralian manufacture. In the Uralian area there were found four provincial Roman brooches. The data given by the spectral analysis correspond to these conclusions. Chronologically the brooches under investigation were placed within the following limits: 2nd-4th century AD.

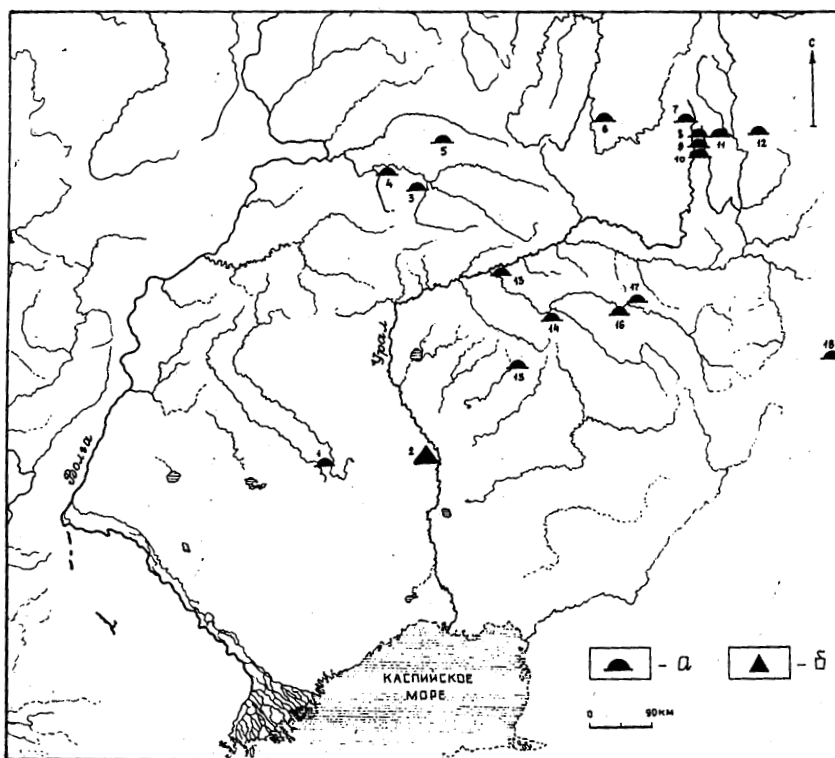

Рис. 1

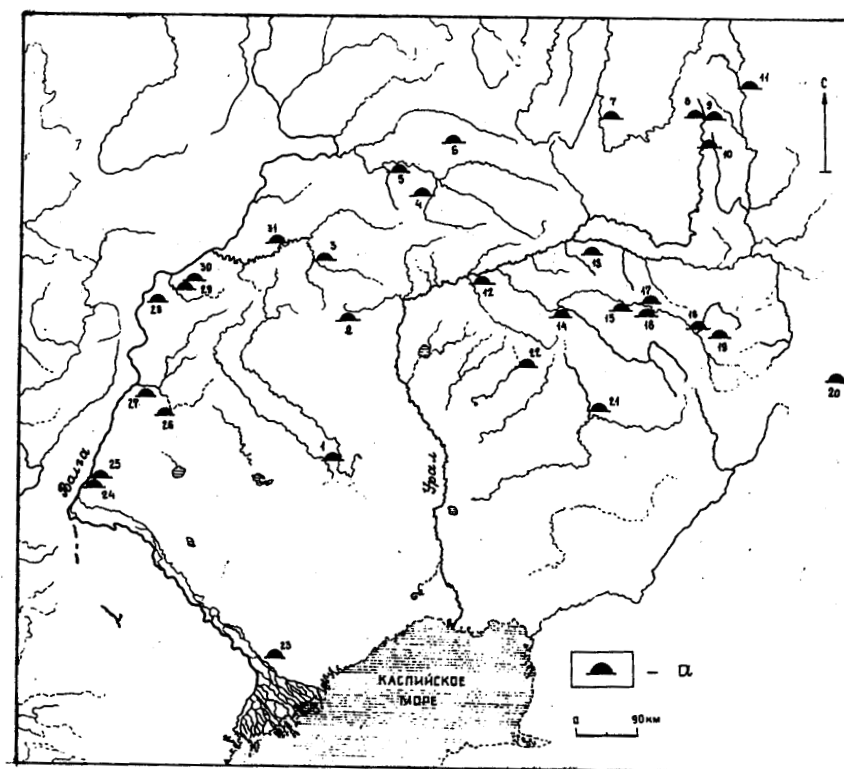

Рис. 2

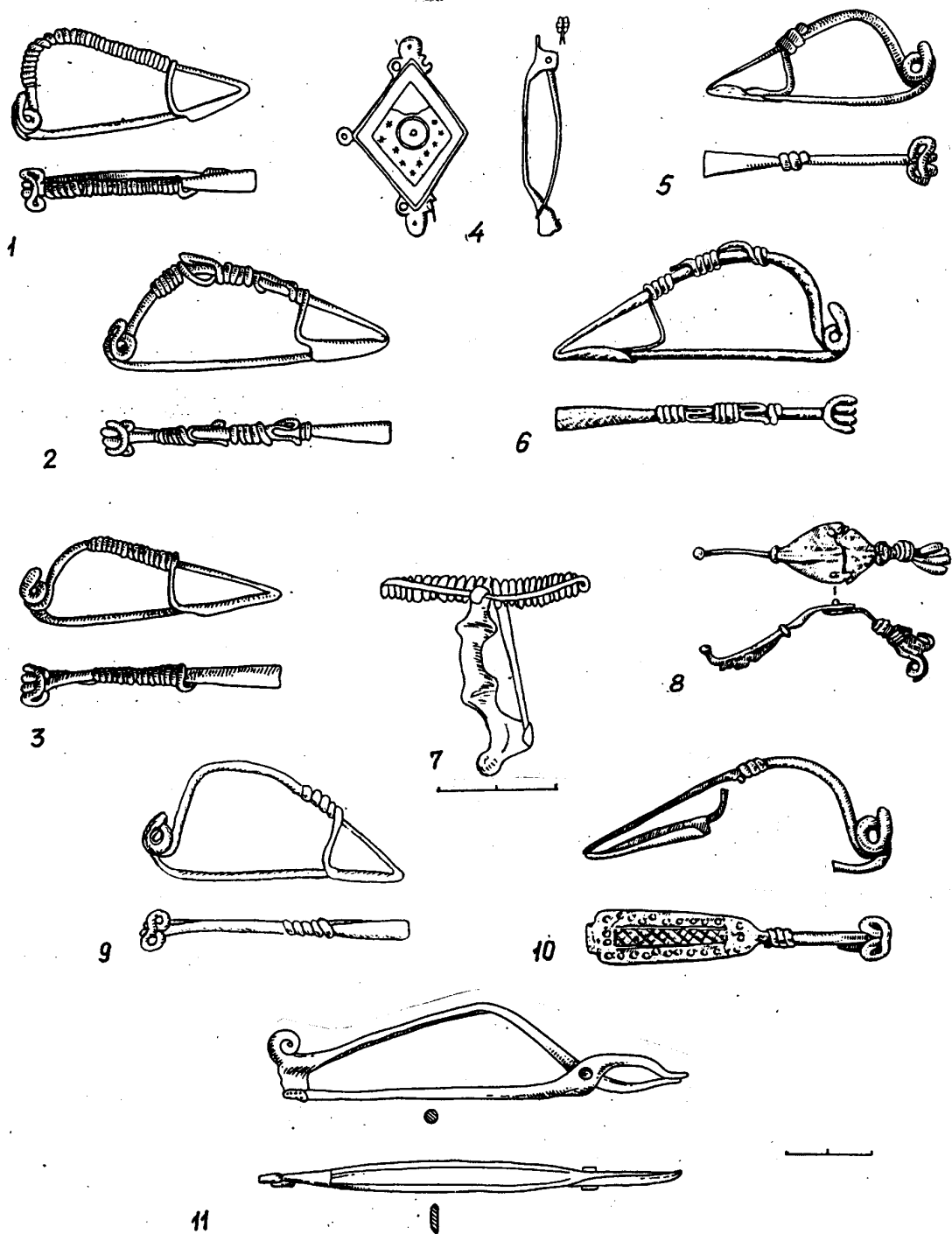

Рис. 3

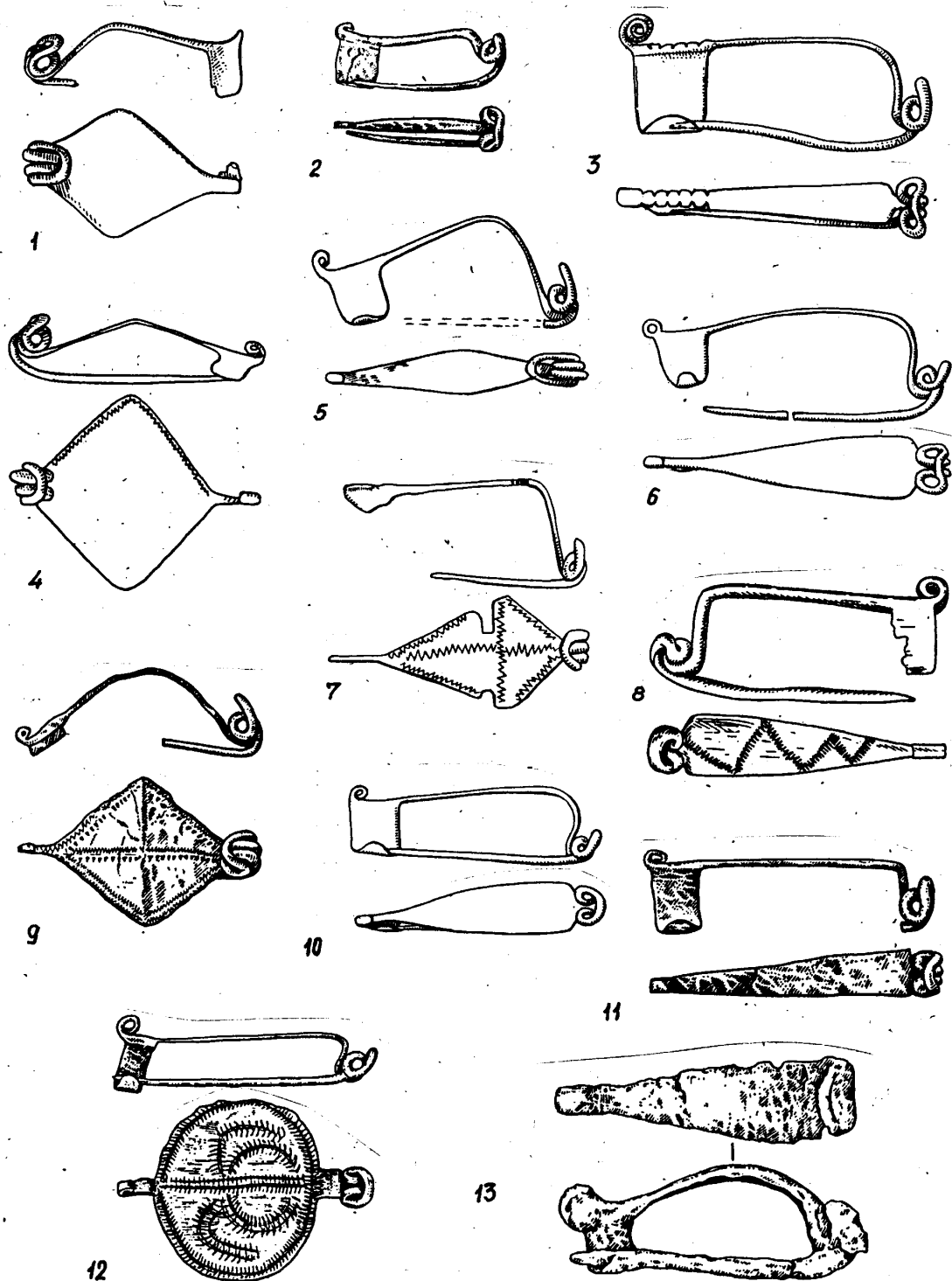

Рис. 4

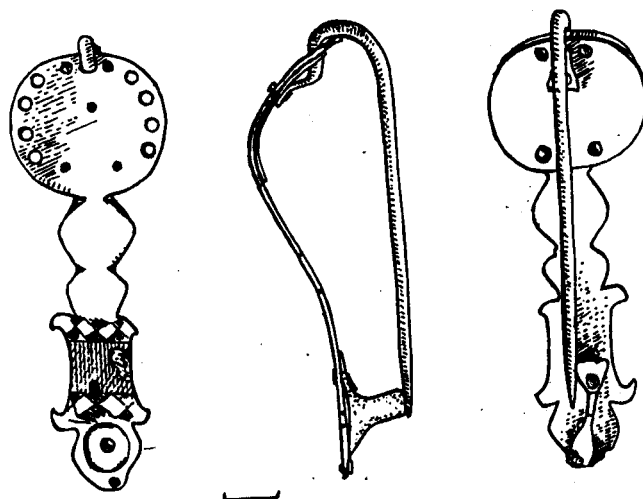

Рис. 5

ДЕМОГРАФИЯ ПОЗДНИХ САРМАТОВ **М.А. Балабанова*

Получение демографических характеристик на основе анализа палеоантропологического материала в последние десятилетия приобретает популярность (Алексеев В.П., Гохман И.И., 1970; Козинцев А.Г., 1971; Алексеев В.П., 1972; Мамонова Н.Н., 1978; Яблонский Л.Т., 1980; Медникова М.Б., Бужилова А.П., 1993; Бужилова А.П., 1995; и др.). При палеодемографических исследованиях выявляется половозрастная структура древних популяций с параметрами: средний возраст смерти с учетом детей и без их учета; уровень детской смертности; соотношение по полу; средний возраст смерти мужской части популяции; средний возраст смерти женской части популяции; распределение по возрастным группам взрослых и детей и др.

В процессе анализа в каждом конкретном случае ученым приходится мириться с тем, что исследуемый материал неполный, так как могильник лишь частично раскопан археологами, а среди раскопанных захоронений много разграбленных, в которых зачастую кости человека отсутствуют или же плохой сохранности. Поэтому практически всегда при вычислении палеодемографических характеристик невозможно получить полную информацию о могильнике. Несмотря на все эти недостатки, при презентабельности выборки все же стоит проводить подобные исследования, так как демографический анализ костного материала древних народов дает дополнительную информацию при исторической реконструкции.

Источником для моего исследования послужила большая часть известного на настоящий момент позднесарматского материала по Нижнему Поволжью и Подонью. В общей сложности проанализированы кости 355 индивидов¹. Кости в основном хорошей

сохранности, поэтому, по возможности, учтены все костяки, кроме костей, отсутствующих в разграбленных погребениях. В процессе работы сначала вычислялись демографические показатели по суммарной серии, а затем рассматривалась половозрастная структура по материалам отдельных позднесарматских могильников.

Определение пола и возраста не вызвало никаких затруднений и проводилось по общепринятой в антропологии программе (Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964). Половой диморфизм на костях очень хорошо выражен. Определение пола по черепу контролировалось определением пола по тазовым костям.

В суммарной серии представлены материалы из могильников Заволжья, Астраханского Правобережья, Калмыкии, Есауловского Аксая, Волго-Донского междуречья и небольшая серия материалов с Нижнего Дона. Таким образом, исследуемый материал представлял все районы распространения позднесарматских комплексов, кроме Приуралья. Половозрастная структура в суммарной серии материалов из могильников поздних сарматов приведена в табл. 1 и 3. Дифференциация по полу дается в сравнении с данными по ранне- и среднесарматской культурам² (табл. 1).

Таблица демографических характеристик по суммарным выборкам различных сарматских культур демонстрирует во всех случаях преобладание мужчин над женщинами, а начиная с IV в. до н. э. по IV в. н. э. наблюдается заметное повышение коэффициента полового отношения в сторону преобладания мужчин над женщинами. У поздних сарматов соотношение по полу (2,7) резко отличается от естественного (1,0—1,1) (Кувшинова Л.П., 1985, с. 422—423). Рассматривая в этом ракурсе позднесарматские серии,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 000-01-00061а/В).

¹ Выборка из 355 костяков производилась по материалам, впервые вводимым в научный оборот (298 скелетов), и по опубликованному материалу В.В. Гинзбурга (1959) и Б.В. Фирштейн (1970) (57 скелетов). Для исключения субъективных различий при половозрастных определениях на основе опубликованного материала (коллекции МАЭ), мои определения сопоставлялись с определениями В.В. Гинзбурга (1959) и Б.В. Фирштейн (1970).

² Данные по суммарным сериям получены по материалу, которым я располагаю.

дифференцированные по критерию «присутствие/отсутствие обычая преднамеренной искусственной деформации головы», приходим к выводу, что соотношение по полу аналогичное (2,5 : 3,2). Чтобы свести к минимуму элемент случайности, вычислялись некоторые демографические параметры и по отдельным позднесарматским могильникам, которые были полностью раскопаны археологами (табл. 2).

Половозрастная структура материалов отдельных могильников (табл. 2) также свидетельствует о значительном преобладании

тером смерти мужской части популяции, участвовавшей в военных операциях. Следы от ранений⁴ были зафиксированы и на некоторых мужских костях поздних сарматов. Очевидно, число мужчин, погибших во время боевых действий, было значительно больше того числа, которое удалось обнаружить, так как о ранениях исследователь может уверенно судить только в том случае, когда на костях скелета есть видимые следы от травм. Невидимые же палеопатологу повреждения мягких тканей, затрагивающие жизненно важные функции и органы, тоже

Таблица 1

Распределение умерших по полу в суммарных сериях сарматских культур

Археологическая культура	Мужчины	Женщины	Коэффициент соотношения полов >/□
Раннесарматская культура (IV—III вв. до н. э.)	44 (59,5 %)	30 (40,5 %)	1,5
	Итого 74		
Раннесарматская культура (III—I вв. до н. э.)	147 (64,8 %)	80 (35,2 %)	1,8
	Итого 227		
Среднесарматская культура (I — 1-я пол. II в. н. э.)	108 (67,9 %)	51(32,1 %)	2,1
	Итого 159		
Позднесарматская культура (2-я пол. II — IV в. н. э.) (суммарная серия), в том числе:	253 (72,9 %)	94 (27,1%)	2,7
	Итого 347		
- выборка поздних сарматов с преднамеренной деформацией головы	177 (71,7 %)	70 (28,3%)	2,5
	Итого 247		
- выборка поздних сарматов без деформации головы	76 (76,0 %)	24 (24,0 %)	3,2
	Итого 100		

мужских захоронений над женскими, а иногда и об отсутствии в могильнике женских погребений (Авиловский, Абганерово III). Исключение составляет половозрастная структура материалов Бережновских могильников: количество женщин и мужчин близко к норме (1,1)³.

Преобладание мужчин над женщинами было отмечено исследователями Кокзельского (Алексеев В.П., Гохман И.И., 1970, с. 247—248), Улангомского (Мамонова Н.Н., 1978, с. 127), Косасарского и других могильников (Медникова М.Б., Бужилова А.П., 1993; Бужилова А.П., 1995, с. 171). В первых двух случаях такая половозрастная стратиграфия объяснялась насильственным харак-

могли привести к смертельному исходу. Тем не менее, даже учитывая тех мужчин, которые погибли в сражениях, все же трудно объяснить такое резкое преобладание мужчин над женщинами у поздних сарматов. Коэффициент полового отношения у них гораздо выше, чем установленный по материалам других археологических культур (Улангомский могильник — 1,5—1,6; Кокзельский могильник — 1,8 и т. д.). Видимо, существовали и другие причины, объясняющие резкую диспропорцию полов в позднесарматской популяции. Одна из них обосновывается общепринятой в археологии концепцией о том, что позднесарматская культура формировалась посредством миг-

³ Бережновскую серию составили костяки из могильников Бережновка I, II и южная группа.

⁴ Следы обширных рубленых, колотых и стреляных ран очень часто встречаются на черепе и костях посткраниального скелета у поздних сарматов.

раций, и, вполне возможно, на основе мужских миграций⁵. Мужчины-воины, как наиболее активная часть общества, могли служить носителями культурных инноваций. Со временем мужские миграции теряли свою значимость или же были направлены уже с территории Нижнего Поволжья в другие районы, а впоследствии приобретали важность некоторые социальные атрибуты. Их могли принести первые мигранты с прародины, или же они могли возникнуть на месте, будучи однажды зафиксированы в погребальном обряде позднесарматской общины. Тем или иным способом мог возникнуть обряд избирательного погребения умерших людей под курганными насыпями у нижне-волжского населения первых веков нашей эры. При этом предпочтение отдавалось мужской части популяции.

Позднесарматская популяция в демографическом отношении отличается от их предшественников и соседей не только значительным преобладанием мужчин над женщинами, но и почти полным отсутствием детских захоронений (табл. 3). А.С. Скрипкин (Скрипкин А.С., 1984, с. 79), проанализировавший 465 комплексов позднесарматского времени, также отмечает небольшое количество детских погребений. Интересно, что среди восьми детских костяков, которые мне удалось обнаружить, только один ребенок подросткового возраста (около 10 лет) имел индивидуальную могилу, остальные дети были похоронены в парных погребениях вместе с взрослыми со-родичами, и умерли они еще в младенческом возрасте. Таким образом, у поздних сарматов, даже если учтены далеко не все детские костяки, уровень детской смертности (2,2 %) далек от нормы. Что касается исследований по материалам других археологических культур, то процент детской смертности составляет: по Кокзельскому могильнику — 22,3 %, по Улангомскому — 21,2 %, по различным тагарским могильникам — от 31,6 % до 51,4 %, по раннесарматским курганам — от 16,7 % до 50 % от общего числа умерших (Алексеев В.П., Гохман И.И., 1970, с. 251; Мамонова Н.Н., 1978, с. 131; Козинцев А.Г., 1971; Балабанова М.А., 2000, с. 85, 89).

Следует отметить, что за годы широкомасштабных археологических исследова-

ний степных курганов Азиатской Сарматии не найдено детских кладбищ, поэтому отсутствие детских погребений и резкое преобладание мужских погребений над женскими в позднесарматских могильниках, очевидно, отражают некоторые их социальные институты.

Оценка возраста смерти осуществлялась путем нахождения взвешенной средней арифметической, полученной умножением числа, равного половине интервала каждой возрастной группы, на число наблюдений⁶. Коррекция возраста у взрослых людей проводилась тщательно, при этом руководствовались степенью облитерации черепных швов, характером роста и стертости зубов, анализировались возрастные изменения посткраниального скелета. Отдельно была выделена возрастная группа *Maturus II*. У индивидов, отнесенных к этой возрастной категории, было зарегистрировано полное заращение швов, за исключением височного, затылочного-сосцевидного и отдельных отрезков лямбдовидного швов. Такая степень облитерации наступает к 50 годам (М.А. Гремяцкий, М.Г. Левин и Я.Я. Рогинский, Н.В. Vollois). При анализе костей посткраниального скелета индивидов возраста *Maturus II* зафиксированы дегенеративно-дистрофические поражения, которые, по мнению Д.Г. Рохлина (Рохлин Д.Г., 1965, с. 45), являются свидетельствами физиологического изнашивания и характерны для пожилого и старческого возраста. При подсчетах по этой возрастной группе (*Maturus II*) предполагался возраст 50 лет.

Как свидетельствуют данные табл. 2, в некоторых позднесарматских могильниках мужчины возраста *Maturus-Senilis* составляют 100 % (Абганерово, группы III и IV, Кермен Толга). На возраст *Maturus-Senilis* в суммарной мужской серии приходится 77,1 % умерших (серия с деформированными черепами — 81,4 %; серия с недеформированными черепами — 67,1 %), а в женской — 55,3 % (серия с деформированными черепами — 54,3 %; серия с недеформированными черепами — 58,3 %). Таким образом, пик смертности в разнородных группах приходится на возраст 40—60 лет (табл. 3—4, рис. 1). Средний возраст смерти у поздних сарматов, по сравнению с опубликованными данными палеопопуляций, высокий и составляет 43,7 года, с учетом детей, и 44,7 года, без учета детей.

⁵ О существовании мужских миграций достаточно сведений в научной литературе и в письменных источниках (Raspe P.D., 1988).

⁶ При подсчетах учитывались особенности данной серии и за младенческий возраст был принят возраст шестимесячных детей, возраст *Infantilis II* составил 10,5 лет; *Uvenis* — 16 лет; *Adultus* — 27,5 года; *Maturus* — 40,5 лет; *Maturus II* — 50 лет и *Senilis* — 60 лет.

Таблица 2

Половозрастная структура поздних сарматов по отдельным могильникам

Могильник, возрастная категория	Пол		Коэффициент соотношения полов > /+
	Мужчины	Женщины	
Абганерово-II	18 (72 %)	7 (28 %)	2,6
Juvenis	-	2 (28,6 %)	
Adultus	6 (33,3 %)	1 (14,3 %)	
Maturus	3 (16,7 %)	3 (42,9 %)	
Senilis	9 (50,0 %)	1 (14,2 %)	
Абганерово-III	8 (100 %)	-	3,0
Juvenis	-	-	
Adultus	-	-	
Maturus	-	-	
Senilis	8 (100 %)	-	
Абганерово-IV	3 (75 %)	1 (25 %)	8,0
Juvenis	-	-	
Adultus	-	-	
Maturus	-	1 (100 %)	
Senilis	3 (100 %)	-	
Авиловский	8 (100 %)	-	3,5
Juvenis	1 (12,5 %)	-	
Adultus	2 (25 %)	-	
Maturus	1 (12,5 %)	-	
Senilis	4 (50 %)	-	
Калиновский	14 (77,8 %)	4 (22,2 %)	3,9
Juvenis	-	-	
Adultus	1 (7,1 %)	2 (50 %)	
Maturus	8 (57,1 %)	2 (50 %)	
Senilis	5 (35,8 %)	-	
Кривая Лука	35 (79,5 %)	9 (20,5 %)	3,8
Juvenis	3 (8,5 %)	1 (11,1 %)	
Adultus	5 (14,3 %)	2 (22,2 %)	
Maturus	4 (11,4 %)	1 (11,1 %)	
Senilis	23 (65,7 %)	5 (55,6 %)	
Кузин	23 (79,4 %)	6 (20,1 %)	1,8
Juvenis	1 (4,3 %)	-	
Adultus	5 (21,7 %)	1 (16,7 %)	
Maturus	4 (17,4 %)	-	
Senilis	13 (56,5 %)	5 (83,3 %)	
Кермен Толга	9 (64,3 %)	5 (35,7 %)	5,5
Juvenis	-	-	
Adultus	-	2 (40 %)	
Maturus	5 (55,6 %)	1 (20 %)	
Senilis	4 (44,4 %)	2 (40 %)	
Кушцын Толга	11 (84,6 %)	2 (15,4 %)	1,1
Juvenis	-	-	
Adultus	2 (18,3 %)	2 (100 %)	
Maturus	3 (27,2 %)	-	
Senilis	6 (54,5 %)	-	
Бережновка	10 (52,6 %)	9 (47,4 %)	
Juvenis	-	-	
Adultus	1 (10,0 %)	4 (44,45 %)	
Maturus	7 (70,0 %)	4 (44,45 %)	
Senilis	2 (20,0 %)	1 (11,1 %)	

Таблица 3

Распределение материалов из могильников поздних сарматов по возрастным категориям

Суммарная серия				
Возрастные категории	Пол		Подростки	Дети младшего возраста
	Мужчины	Женщины		
Juvenis	7 (2,8 %)	7 (7,4 %)	1	7
Adultus	51 (20,2 %)	34 (36,2 %)		
Maturus	52 (20,6 %)	21 (22,3 %)		
Maturus II	37 (14,6 %)	8 (8,5 %)		
Senilis	106 (41,9 %)	23 (24,5 %)		
Итого по группам	253 (71,3 %)	94 (26,5 %)	1 (0,3 %)	7 (1,9 %)
Итого по культуре	355 (100 %)			
Выборка с искусственной деформацией головы				
Возрастные категории	Пол			
	Мужчины	Женщины		
Juvenis	5 (2,8 %)	5 (7,1 %)		
Adultus	28 (15,8 %)	26 (37,1 %)		
Maturus	32 (18,1 %)	16 (22,9 %)		
Maturus II	24 (13,6 %)	4 (5,7 %)		
Senilis	88 (49,7 %)	18 (25,7 %)		
Итого по полу	177 (71,7 %)	70 (28,3 %)		
Итого по группе	247 (100 %)			
Выборка без преднамеренной деформации головы				
Возрастные категории	Пол			
	Мужчины	Женщины		
Juvenis	2 (2,6 %)	2 (8,3 %)		
Adultus	23 (30,3 %)	8 (33,3 %)		
Maturus	20 (26,3 %)	5 (20,8 %)		
Maturus II	13 (17,1 %)	4 (16,7 %)		
Senilis	18 (23,7 %)	5 (20,8 %)		
Итого по полу	76 (76,0 %)	24 (24,0 %)		
Итого по группе	100 (100 %)			

В женской части выборки по сравнению с мужской отчетливо фиксируется более высокий уровень смертности в репродуктивном возрасте — 14–40 лет. Процентное соотношение по этой возрастной категории составляет 65,9 % у женщин и 43,6 % у мужчин от общего числа. Такое же распределение наблюдается при делении выборки на черепа с искусственной деформацией (мужчины — 36,7 %; женщины — 67,1 %) и недеформированные (мужчины — 59,2 %; женщины — 62,4 %). Высокий уровень смертности у молодых женщин почти всегда объясняется осложнениями, возникающими при беременности, родах и в послеродовой период. В связи с этим возраст смерти у женщин снижается до 39,1

года, а у мужчин он составляет 46,8 года. Более высокий, чем у женщин, возраст смерти у мужчин сохраняется и при делении выборки по признаку «наличие/отсутствие обычая преднамеренной деформации головы». У мужчин с искусственной деформацией черепа возраст смерти составляет 48,7 года, а без деформации — 42,2 года. У женщин — соответственно 35,8 и 39,8 года. Средний возраст смерти в суммарных сериях составил: у мужчин — 46,8 года, у женщин — 39,1 года. Несколько более высокий возраст дожития выявляется у поздних сарматов при использовании критерия «наличие/отсутствие преднамеренной деформации головы» — соответственно 45,9 и 41,6 года.

Таблица 4

Средний возраст дожития поздних сарматов

Суммарная выборка	Средний возраст, год
С учетом детей	43,7
Без учета детей	44,7
Мужчины	46,8
Женщины	39,1
Серия с недеформированными черепами	Средний возраст, год
Мужчины	42,2
Женщины	39,8
Итого по серии	41,6
Серия с преднамеренной деформацией головы	Средний возраст, год
Мужчины	48,7
Женщины	35,8
Итого по серии	45,9

На основе вышеприведенных цифр можно считать установленным фактом то, что возраст смерти у поздних сарматов был гораздо выше, чем у других древних народов⁷, особенно у мужской части популяции. Аналогичную демографическую ситуацию наблюдала и С.И. Круц (Круц С.И., 1994, с. 131), изучая сарматов Таврии. Возраст смерти у мужчин, по ее данным, составил 46 лет, а у женщин — 41,3 года. Как утверждает этот исследователь, в сарматских могильниках преобладает материал возрастной категории *Maturus-Senilis*. В нижеволжских могильниках возраст смерти составляет преимущественно 50 лет и старше. Правда, надо учесть и тот факт, что определенная часть боеспособных мужчин могла погибнуть в военных походах где-то на стороне. Активное участие сарматских мужчин в первые века нашей эры в военных событиях отражено в античных письменных источниках.

Высокий возраст смерти у поздних сарматов не обязательно свидетельствует о благополучной их жизни. Скорее всего, здесь руководствовались теми же принципами «избирательности» при погребении под курганами. В число избранных почему-то чаще попадали пожилые мужчины. Таким образом, на основе половозрастной стратиграфии по-

зднесарматского населения имеется достаточно оснований предполагать, что ее данные не соответствуют общепринятым нормам.

Причины перекосов половозрастных структур позднесарматской выборки, видимо, коренятся в имевшихся общественных реалиях: при совершении подкурганного погребального обряда предпочтение отдавалось мужчинам, умершим в пожилом возрасте. Не исключено, что какая-то группа поздних сарматов использовала иные способы изоляции умерших, о которых, к сожалению, у нас нет данных, но они известны по литературным и этнографическим источникам (трупосожжение, вывешивание трупов на деревьях и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964. Краниометрия: Методика палеоантропологических исследований. М.

Алексеев В.П., Гохман И.И., 1970. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени могильника Кокэль // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографичес-

⁷ Средняя продолжительность жизни в мужской выборке из могильника Кокэль равна 38,4 года; в женской — 37,9 года, а с учетом детей снижается до 31,5 года (Алексеев В.П., Гохман И.И., 1970, с. 251). Те же характеристики наблюдаются в выборках из могильника Улангом: в мужской выборке — 37,6 года; в женской — 36,3 года, с учетом детей — 30,1 года (Мамонова Н.Н., 1978, табл. 10, с. 135).

кой экспедиции. Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л.

Алексеев В.П., 1972. Палеодемография СССР // СА. № 1.

Балабанова М.А., 2000. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.

Бужилова А.П., 1995. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.

Гинзбург В.В., 1959. Этногенетические связи древнего населения Сталиградского Заволжья: (По материалам Калиновского могильника) // МИА. № 60.

Козинцев А.Г., 1971. Демография тагарских могильников // СЭ. № 6.

Круц С.И., 1994. Сарматы Таврии по антропологическим данным // Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев.

Кувшинова Л.П., 1985. Соотношение численностей полов // Демографический энциклопедический словарь. М.

Мамонова Н.Н., 1978. Демография Улангомского могильника // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.

Медникова М.Б., Бужилова А.П., 1993. Палеодемографический анализ по материалам

могильника Косасар 2 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 3. М.

Рохлин Д.Г., 1965. Болезни древних людей. Л.

Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.

Фириштейн Б.В., 1970. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т.А., Фириштейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л.

Яблонский Л.Т., 1980. К палеодемографии населения средневекового города Сарая Бату (Селитренное городище) // СЭ. № 1.

Raspe P.D., 1988. Models of human migration an inter-island example // Biological aspects of human migration edited by C.G.N. Mascil-Taylor and G.W. Lasker. Cambridge.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Половозрастная структура взрослого позднесарматского населения, выраженная в процентном соотношении.

SUMMARY

DEMOGRAPHY OF THE LATE SARMATIANS

M.A. Balabanova

The article gives the demographic characteristics of the Late Sarmatians of the Lower Volga and Don basin on the base of the analysis of mass anthropological material (355 examples).

Received paleodemographic signs show abnormal sex-age structure of the Late Sarmatians. The Late Sarmatian population is characterized by a harsh predomination of men over women and almost complete absence of children. Another important characteristic is the domination of elderly and old men. Among women all ages are represented. Several children's skeletons belong to juveniles and there was no any skeleton younger than 7 years old. It might be explained by the consequences of the Late Sarmatian Culture formed as a Culture of migrants.

Рис. 1

О ДВУХ КЛАССИФИКАЦИЯХ СТЕКЛЯННЫХ СОСУДОВ С ДЕКОРОМ ИЗ НАПАЯННЫХ КАПЕЛЬ И НИТЕЙ СИНЕГО СТЕКЛА *

И.П. Засецкая

До последнего времени единственной работой в отечественной литературе, специально посвященной стеклянным сосудам с синими каплями, была статья Н.П. Сорокиной, в которой представлена типологическая классификация изделий, показана территория распространения их, определены даты бытования каждого типа (Сорокина Н.П., 1971, с. 85—101). В 1995 г. вышла работа А. Сазанова, который предлагает свою версию классификации и хронологии данного вида стеклянных сосудов (Sazanov A., 1995, p. 331—341). При этом он отмечает, что типология Н.П. Сорокиной «малоудобна» и «мало использовалась исследователями». Поскольку мне неоднократно приходилось иметь дело со стеклянными сосудами и, в частности, со стаканами с синими каплями, я не могу согласиться с подобным мнением. Бесспорно, предложенная Н.П. Сорокиной типологическая классификация, я думаю с этим согласится и сама автор, не является примером совершенства. Впрочем, вряд ли найдется хоть одна классификационная схема, которая заключала бы в себе все исчерпывающие сведения изучаемого предмета и могла бы удовлетворить всех исследователей. Однако, как представляется, главным в любой типологической классификации является наглядность и логическое построение. Только в этом случае она может служить базой, основой для дальнейшего исследования рассматриваемого объекта, и только в этом случае возможны внесения в нее новых дополнительных сведений. Посмотрим же, в какой мере соответствует классификация Н.П. Сорокиной нашим представлениям.

В разработанной ею типологии фигурируют только две классификационные единицы — тип и вариант. Основу типа составляет форма сосуда в целом, варианты же выделены по детальным изменениям формы. В результате типологическая схема Н.П. Сорокиной содержит три типа и семь вариантов сосудов. Последние относятся только к

первому типу. Ею также учтены 17 орнаментальных композиций из синих капель разнообразных очертаний и нитей. В рисованной классификационной таблице они помещены под каждым вариантом и типом соответствующих сосудов. Составленная Н.П. Сорокиной классификационная таблица, а также пояснительный текст к ней дают наглядное и четкое представление о сочетании морфологических признаков с декоративными. Занимаясь в настоящее время подготовкой каталога стеклянной посуды из боспорского некрополя позднеантичного и раннесредневекового периодов, я вновь обратилась к работе Н.П. Сорокиной и еще раз убедилась в правильности выбранного ею направления в разработке типологической классификации одной из специфических групп стеклянных сосудов, вошедших во всемирную литературу под названием бокалов — стаканов и кубков с каплями синего стекла. Однако, как уже отмечалось выше, нет идеальных типологий. Так и в данном случае кажется уместным внести некоторые коррективы (ср. рис. 1 и рис. 2 и 3). Все дополнения, внесенные мною в классификационную таблицу Н.П. Сорокиной, сделаны лишь на основании изучения боспорских находок из коллекций Государственного Эрмитажа.

Прежде всего остановимся на стаканах вариантов Б и В типа I, к которому Н.П. Сорокина относит сосуды с округлыми стенками. В вариант Б она выделяет экземпляры, слегка расширяющиеся кверху, но четко сужающиеся ко дну; образцы варианта В ею определяются как сосуды почти цилиндрической формы (Сорокина Н.П., 1971, с. 86, 87, рис. 1, 2—3). Среди стаканов варианта Б из эрмитажного собрания выделяется один экземпляр с более выпуклыми стенками (ср. рис. 4, 2—3, 5—6 и рис. 4, 4), что позволило разделить изделия варианта Б на два вида: Б-а (рис. 2, 2; кат. 1, 2, 4, 5) и Б-б (рис. 2, 3; кат. 6).

Стаканы варианта В характеризуются более широким уплощенным дном и более

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 98-01-00234).

прямыми стенками, что формирует их внешний вид и отличает от стаканов варианта Б (ср. табл. 1 и 2; рис. 2, 2—3 и 4—5). Дальнейшее изучение сосудов варианта В показало, что они не вполне идентичны, а различаются по размеру и пропорциям. Изменения пропорций одной формы изделий в той или иной мере всегда влияют на их внешний вид. Таким образом, учитывая отличительные признаки сосудов варианта В, они также могут быть разделены на два вида: В-а (рис. 2, 4; кат. 7—13) и В-б (рис. 2, 5; кат. 14, 15).

К первому виду (В-а) относится большинство стаканов, отличающиеся более низкими пропорциями, что подтверждается соотношением высоты к диаметру устья, равным 0,95—1,07. В этом случае размеры высоты и устья либо полностью совпадают, либо одна из величин немногим больше или меньше другой (табл. 2, № 1—10).

Во второй вид (В-б) выделяются более высокие стаканы удлинённых пропорций, у которых соотношение высоты к диаметру устья равно 1,28; 1,40 (табл. 2, № 11, 12).

Ряд дополнений и изменений внесены мною в раздел, соответствующий сосудам типа II, которые Н.П. Сорокина характеризует как стаканы в форме усечённого конуса со слегка вогнутым или плоским дном (Сорокина Н.П., 1971, с. 90, рис. 1, 8). Предлагая свою версию классификации стеклянных стаканов типа II, я несколько расширила ассортимент исследуемого объекта, включив наряду с орнаментированными сосудами стаканы без декора (рис. 3, 1—6). Последние, возможно, могли бы составить самостоятельный тип. Однако, сохраняя принцип типологии Н.П. Сорокиной и учитывая их общую с другими сосудами типа II форму в целом — в виде усечённого конуса, отнесем стаканы без декора к этому же типу. Но в то же время, принимая во внимание целый ряд существенных отличий данных стаканов, представляется целесообразным ввести в типологическую таблицу новую классификационную единицу — подтип. В таком случае стаканы типа II могут быть разделены на два подтипа — 1 и 2. Вместе с тем в каждом подтипе различаются экземпляры с незначительными изменениями в деталях формы, что, соответствуя классификации Н.П. Сорокиной, позволяет выделить их в отдельные варианты.

К подтипу 1 отнесены стаканы в виде усечённого конуса с необработанным харак-

терных очертаний краем — слегка отогнутым наружу, а затем приподнятым вверх, небольшим вогнутым внутрь дном, отделённым от тулова перехватом (рис. 3, 1—4). Последние делятся на три варианта — А, Б, В.

Стаканы варианта А представлены экземплярами низких пропорций с более широким дном, у которых соотношение диаметра устья к диаметру дна равно 1,34—1,50 (табл. 3, № 1—3; кат. 16, 17).

Наибольшее количество изделий относится к варианту В. Они характеризуются более высокими пропорциями: соотношение диаметра устья к диаметру дна варьирует в пределах 1,75—2,0 (табл. 3, № 4, 5, 7, 9—16; кат. 18, 20, 21). Следует отметить также, что среди стаканов данного варианта находки из могильника Дюрсо отличаются большими размерами, сохраняя, однако, пропорциональность, присущую стаканам варианта В (табл. 3, № 12—16).

Вариант Б представлен одним стаканом, занимающим промежуточное положение между вариантами А и В. По соотношению высоты к диаметру устья, равному величине 1,33, они сближаются со стаканами варианта А, а по соотношению диаметра устья к диаметру дна, составляющему 1,94—2,0, близки стаканам варианта В (табл. 3, № 6; кат. 19).

Подтип 2 включает лишь два неорнаментированных стакана в виде усечённого конуса с широким вогнутым внутрь дном и широким устьем с обработанным краем. По краю узкий валик. Несмотря на кажущуюся идентичность, эти два стакана различаются в деталях, что позволяет разделить их на два варианта — А и Б. Первый из них, вариант А, имеет слегка вогнутые стенки и валик с внутренней стороны (рис. 3, 5; кат. 22), у второго, варианта Б, напротив, стенки слегка выпуклые и валик расположен с наружной стороны (рис. 3, 6; кат. 23). Кроме того, при одинаковой высоте ширина устья у них разная (ср. табл. 3, № 17 и 18), что вместе с вышеуказанными отличиями составляет специфику внешнего вида каждого экземпляра в отдельности.

Существенные изменения также внесены мною в классификационную схему Н.П. Сорокиной по сосудам типа III, представленные так называемыми кубками-лампадами, которые она определяет как сосуды конической формы со скругленным дном (Сорокина Н.П., 1971, с. 90, рис. 1, 9). Однако, объединяясь общим характером фор-

мы, они различаются в деталях, что позволяет выделить среди них два подтипа — 1, 2 и три варианта — А, Б, В.

Наиболее распространенными кубками-лампадами являются сосуды подтипа 1 варианта А (рис. 3, 7; кат. 26). В типологической таблице Н.П. Сорокиной они не воспроизведены, в тексте же рассматриваются вместе с другими разновидностями сосудов типа III (Сорокина Н.П., 1971, с. 90—92, рис. 3, 5). Кубки этого вида характеризуются удлинёнными пропорциями высотой 12,5—15,5 см при ширине устья 6—8 см, слегка выпуклыми стенками, плавно спускающимися книзу. На расстоянии $\frac{2}{3}$ длины кубка намечается слабый перехват, отделяющий нижнюю узкую часть сосуда с маленьким, скругленным, 0,9 см в диаметре дном. Край устья, как правило, необработан, отогнут наружу и приподнят кверху. Однако встречаются и экземпляры со срезанными и зашлифованными краями. Кубки-лампады варианта А чаще всего украшались одним, реже двумя горизонтальными рядами овальных или миндалевидных капель синего стекла, отдельные же образцы орнаментированы композицией из крупных овалов, чередующихся с треугольниками из мелких капель синего стекла.

Кубки-лампады подтипа 1 варианта Б имеют более прямые стенки, плавно сужающиеся к закругленному дну (рис. 3, 8). Их отличает также большая высота (16—22 см) и широкое устье (9—12 см). Край устья либо той же конфигурации, что и края сосудов варианта А, либо срезаны и зашлифованы. Среди кубков варианта Б различаются экземпляры, орнаментированные накладным узором из капель и нитей синего стекла, и сосуды, украшенные лишь гравированными или зашлифованными поясками, расположенными в определенном порядке вдоль всего тулова. Иногда оба варианта орнамента встречаются на одном изделии (рис. 3, 8).

К варианту В подтипа 1 относится один кубок-лампада, представляющий собой уникальный образец позднего античного декоративного стекла (рис. 3, 9; кат. 25). Прямых аналогов ему в настоящее время нет. Его отличает, прежде всего, полупрозрачный темно-синий цвет стекла и полихромный орнамент в виде треугольников и горизонтальных полос из цветных капель желтого, голубого, красного и белого стекла, покрывающий всю поверхность сосуда. Однако по

удлинённо-конической форме со слегка выпуклыми стенками и конфигурации края устья этот кубок сближается с другими, более простыми кубками-лампадами.

В подтип 2 мы выделяем один экземпляр, который характеризуется туловом конической формы со слегка выпуклыми стенками, плавно переходящими в округлое дно с небольшой площадкой с шероховатой неровной поверхностью. Край устья несколько отогнут и обработан в виде узкого валика, расположенного с внутренней стороны (рис. 3, 10; кат. 27).

Таким образом, проделанная работа показала состоятельность и актуальность типологии стеклянных сосудов Н.П. Сорокиной, а также возможность, не нарушая общей классификационной схемы, вносить в нее коррективы. Эти обстоятельства опровергают мнение А. Сазанова о том, что классификация Н.П. Сорокиной малоудобна в работе. Не могу согласиться и с другим высказыванием А. Сазанова о редком использовании данной классификации в научной литературе. До сих пор как отечественные, так и зарубежные авторы, занимаясь стеклянными сосудами с синими каплями, обращались и обращаются к статье Н.П. Сорокиной. Другое дело, что таких исследователей было не так много.

Что же касается работы самого А. Сазанова, то вот она-то как раз и представляется, на наш взгляд, в достаточной степени сложной для понимания. Прежде всего бросается в глаза отсутствие в ней обобщающей единой типологической схемы, которая обычно показывает взаимосвязь предметов, выделенных на основании специфических признаков в отдельные классификационные группы — типы, варианты, виды и т. д. Кроме того, использование автором одного и того же термина, в частности «типа», в разных значениях также затрудняет восприятие текста статьи. Не совсем логично, по нашему мнению, представлена последовательность классификационных единиц в разработанной типологии. Несмотря на условность выбора типологических терминов, «подтип», являясь производным от «типа», всегда отражает изменения в его главном определяющем признаке или признаках. А. Сазанов же, определив тип по форме сосудов, выделяет подтип по декору, а затем по изменению деталей формы делит предметы на варианты. Нам кажется это не только нелогичным, но и по сути

неверным. Вряд ли декор в данном случае может играть большую роль в типологической разработке рассматриваемых стеклянных сосудов, так как одни и те же декоративные композиции украшают сосуды разных форм с разными морфологическими и технологическими признаками. Конечно, нельзя исключить, что в отдельных случаях анализ сочетания формы и декора может дать интересные результаты. Но именно этого исследования у автора нет, и, таким образом, выделение декоративных особенностей в подтип представляется неоправданным.

И наконец, самое главное, что вызывает недоумение: зачем нужна была новая классификация, если в итоге автор приходит к тому же выводу, что и Н.П. Сорокина, т. е. выделяет три типа, полностью соответствующие трем типам в существующей и действующей классификации? То же можно сказать и о выделенных А. Сазановым семи признаках, включая и их разновидности, которые автор почему-то называет «типы». По сути своей они ничем не отличаются от описательных характеристик Н.П. Сорокиной по каждому типу и варианту сосудов. Исключение составляет лишь признак 4: переход стенок ко дну, отмеченный А. Сазановым, который имеет значение для стаканов типа II, варианты А, Б, В (по нашей классификации, см. рис. 5, 4—9). Даже 18 разновидностей декора, выделенные А. Сазановым, также соответствуют 17 орнаментальным композициям, опубликованным И.П. Сорокиной. Можно было бы привести еще ряд примеров, вызывающих сомнения и вопросы в правильности подхода автора к разработанной им типологии, но более полный и подробный разбор статьи А. Сазанова не входит в наши задачи.

Следующий вопрос, на котором я хотела бы остановиться и который с момента публикации статьи А. Сазанова оказался дискуссионным, — это проблема хронологии рассматриваемых нами стеклянных сосудов. Датировки стеклянных сосудов, представленных А. Сазановым в хронологических таблицах, на наш взгляд, носят несколько декларативный характер, поскольку в статье отсутствует развернутая аргументация, доказывающая принадлежность как отдельных находок, так и комплексов, из которых они происходят, к определенному времени. Не понятно, на каком основании А. Сазанов выделяет четыре хронологические ступени, какие комплексы подтверждают это и как

последние сочетаются с существующими датами стеклянных изделий? Чем, например, стакан из могилы 24/1962 Цебельдинского могильника отличается от стакана из погребения 483 могильника Дюрсо? А между тем один из них отнесен А. Сазановым к последним десятилетиям IV в., а другой — ко второй половине V в. (рис. 7, II, 1 и 7). Мало чем отличаются и изображения стаканов под порядковыми номерами 3 и 9 на рис. 7, II, в то время как разница во времени их бытования составляет 150 лет. К тому же надо заметить, что они относятся к одному подтипу и варианту. Также, например, в таблице, в которой изображены конические кубки, распределение их по хронологической шкале выглядит не убедительно: сравним кубок ступени 380—400 гг. и кубок периода 500—550 гг. (рис. 7, III, 1 и 5). Если судить по рисункам, то разницы нет никакой ни по форме, ни в размерах, ни в орнаменте. Предположение же, что по прошествии 150—170 лет внешний вид кубков совершенно не изменился, вряд ли будет соответствовать действительности. Следовательно, либо автор не отразил существующих между этими двумя кубками различий, либо неверны даты их бытования.

Исследуя стеклянные сосуды из боспорского некрополя, я также попыталась внести некоторые уточнения в датировки отдельных типов сосудов и их разновидностей. Остановимся сначала на хронологии сосудов, которые, по классификации Н.П. Сорокиной и А. Сазанова, выделяются в тип I, представленные стаканами и чашами с округлыми стенками, плавно переходящими в небольшое дно (рис. 1, 1—7; 7, I, 1—15).

Наиболее ранними являются стаканы варианта А. Опираясь на существующие тогда даты погребальных комплексов, в которых, по предположению Н.П. Сорокиной, были обнаружены стаканы этого варианта, она датирует их первой половиной IV в. (Сорокина Н.П., 1971, с. 99). К ним отнесены четыре экземпляра из могилы 27/1859, 100/1904 и склепа 154 боспорского некрополя. Однако, за исключением стакана из могилы 27/1859, который, определенно, соответствует данному варианту (Сорокина Н.П., 1971, рис. 2, 1), остальные три представляют образцы вариантов Б и В (см. настоящую статью, рис. 4, 6—8, 10, 11). У А. Сазанова этот вариант сосудов не нашел отражения. Здесь надо заметить, что существенным не-

достатком работы А. Сазанова является отсутствие списка находок, воспроизведенных в таблицах, а также отсутствие порядковых номеров под ними. Эту работу по восстановлению нужной читателю информации приходится делать самому, чтобы иметь возможность пользоваться иллюстративным материалом (см. рис. 7).

Стаканы варианта А типа I (рис. 1, Л) редко встречаются в памятниках Северного Причерноморья. Ближе всего к ним, как справедливо отмечала Н.П. Сорокина, стоят сосуды из Паннонии. При этом, наряду с сосудами, аналогичными боспорским, для которых характерен необработанный край устья специфического профиля, здесь присутствуют стаканы с ровным или слегка отогнутым зашлифованным краем и глубокими горизонтальными полосками в верхней части тулова. Последние на основании находок из комплексов паннонских могильников датируются второй половиной IV в. н. э. (Barkoczi L., 1988, Kat. 144, 146—148). Стаканы же с необработанным краем Л. Баркоци относит к концу IV — первому десятилетию V в. н. э. (Barkoczi L., 1988, Kat. 134, 135). Выводы Л. Баркоци представляются более правильными и не только для Паннонии.

Наиболее распространенными в Северном Причерноморье были стаканы вариантов Б и В (рис. 1, 2, 3), при этом, возможно, первые появляются несколько раньше. В литературе датировка стаканов варианта Б варьирует в пределах второй половины IV — первой половины V в. н. э., а варианта В — в пределах третьей четверти IV — первой половины VI в. н. э. (см. табл. 4). Далее, стаканы варианта Г (рис. 1, 4), которые, по данным Н.П. Сорокиной, встречены только в могилах у с. Гиляч на Северном Кавказе и датируются ею третьей четвертью IV — первыми десятилетиями V в., А. Сазанов относит ко второй половине V — первой четверти VI в. (рис. 7, I, 14). Также нехарактерны для Северного Причерноморья, в частности для Боспора, стаканы варианта Д (рис. 1, 5), найденные в могильнике Совхоз 10 близ Херсонеса. Отсюда происходят три идентичных сосуда и еще один той же формы, но без орнамента. В эрмитажном собрании имеется аналогичный и по форме, и по орнаменту экземпляр, также происходящий из Херсонеса (рис. 4, I; кат. 3). Эти сосуды Н.П. Сорокина датирует третьей четвертью IV — первыми десятилетиями V в., а А. Сазанов — второй половиной V в. (рис. 7, II, 13). И на-

конец, остановимся на сосудах-чашах, выделенных Н.П. Сорокиной в варианты Е и Ж (рис. 1, 6, 7). Наиболее известны чаши варианта Е, представленные четырьмя экземплярами из погребальных комплексов Северного Причерноморья. При этом интересно, что две из них найдены в комплексах позднеантичной культуры — боспорский склеп 154 и могила у деревни Синявки близ Танаиса, а две другие происходят из богатых захоронений, аналогичных погребениям кочевников южнорусских степей гуннской эпохи, — у д. Марфовки и на городище Беляус (Дашевская О.Д., 1995, с. 60, рис. 2, I). Н.П. Сорокина датирует чаши варианта Е второй половиной IV — началом V в., А. Сазанов часть из них датирует первой половиной V в. (рис. 7, I, 2, 5), а один экземпляр из боспорского склепа 154 (рис. 7, I, 15) — второй половиной V в.

Таким образом, мы видим, что даты стеклянных сосудов не идентичны у разных авторов. Составленная мною сводная таблица дат по стаканам и чашам всех вариантов типа I включает хронологические определения в основном отечественных исследователей, посвятивших специальные статьи данной категории изделий. Мнение венгерского ученого Л. Баркоци привлекается нами, во-первых, потому, что наиболее близкие аналоги стеклянным сосудам из Северного Причерноморья находятся в материалах хорошо датируемых могильников из Паннонии (см. кат. 1—15), а во-вторых, потому, что и Н. Сорокина, и А. Сазанов, выводы которых по определению времени бытования сосудов с синими каплями в значительной степени расходятся, ссылаются на его работы.

Н.П. Сорокина, сравнивая сосуды с синими каплями из Северного Причерноморья и Паннонии, полагала, что на Боспоре они появились раньше. Такой вывод был основан на ошибочном определении хронологии боспорских склепов и могил, из которых происходит большинство находок этого рода. Особенно это касается погребений, выделенных Н.П. Сорокиной в первую группу: могилы 100/1904 и 2/1890, склепы 145, 146, 154, 165, 179/1904, 181/1902, а также захоронение 33 из Харакса, которые она датирует первой половиной IV века. Разрабатывая относительную хронологию боспорского некрополя позднеантичного и раннесредневекового периодов, мы показали, что, несмотря на наличие в вышеупомянутых

погребальных комплексах вещей, определенно относящихся к IV в., нет ни одного погребения, дата которого ограничивалась бы только этим временем. Как правило, в одном и том же захоронении ранние находки сочетаются с более поздними, бытовавшими уже в V в. Перечисленные выше склепы вошли в первую хронологическую группу памятников, датирующуюся последней четвертью IV — первой половиной V в. н. э. (Засецкая И.П., 1990, с. 97—106; Засецкая И.П., 1993, с. 34—38). При этом самые поздние погребения, возможно середины V в., происходят из склепов 154 и 165. Исходя из нашей хронологической периодизации, все стаканы с синими каплями обнаружены только в комплексах первой хронологической группы. Таким образом, неверным будет отрицать существование рассматриваемых стеклянных сосудов еще в IV в., как это делает А. Сазанов, но также нет никаких оснований датировать их второй половиной V в. (Sazanov A., 1995, fig. 3; рис. 7, I, 1—15).

Оба автора, Н.П. Сорокина и А. Сазанов, в своей хронологии опирались на материалы одних и тех же погребальных комплексов. Даже в качестве иллюстраций А. Сазановым использованы рисунки из статьи Н.П. Сорокиной, к которым он присоединил рисунки лишь двух новых комплексов из могильника Дюрсо. При этом если Н.П. Сорокина «удревняет» даты могил и склепов, то А. Сазанов, напротив, «омолаживает» их. Однако всегда следует помнить, что даты захоронения и сопутствующих им вещей не совпадают абсолютно, и следовательно, нельзя механически переносить дату захоронения на весь погребальный инвентарь.

Кроме того, известно, что каждая вещь имеет две даты: одна — широкая, отражающая весь период встречаемости предмета, и может рассматриваться как величина постоянная, другая же — более узкая, соответствующая конкретному отрезку времени данного периода и, отличаясь большей подвижностью, непосредственно зависящая от датировки погребения. Именно этим обстоятельством можно объяснить разный подход к датировке стеклянных сосудов у Н.П. Сорокиной и А. Сазанова. Если Н.П. Сорокина определяет границы основного периода существования того или иного типа сосудов, то в хронологической схеме А. Сазанова дается лишь конкретная дата каждой конкретной находке. Так, на рис. 3 его рабо-

ты представлено 15 экземпляров стаканов и чаш типа I, каждому из которых определена дата, в основном соответствующая датировке комплекса (см. рис. 7, I, 1—15). Таким образом, в таблице отсутствуют обобщающие данные по каждому типу и варианту сосудов, что не позволяет рассматривать ее как критерий хронологической схемы распространения исследуемых стеклянных изделий. Не повышает ее значения и отсутствие строгой композиции сосудов по типам и вариантам. К тому же некоторые датировки комплексов представляются весьма спорными. Как уже отмечалось, у А. Сазанова в основном не указывается IV век, а между тем даты целого ряда приведенных им на рис. 6 погребений не ограничиваются только V в. Например, склеп 145, в котором наряду с предметами первой половины V в. были найдены вещи определенно IV в., в том числе и индикация монеты Валентиниана II (375—392 гг.), и небольшая пластинчатая фибула типа черняховских, и серебряная чаша с изображением Констанция II. Все это позволило мне датировать склеп в целом второй половиной IV — началом V в. Тоже можно сказать и о находках склепа 154. В нем, как и в 145-м склепе, имеются вещи IV в., например глиняные светильники, золотые изделия — серьги, перстни, броши — образцы ювелирного искусства, продолжающего античные традиции предшествующего периода, а также небольшие серебряные пряжки, бытовавшие в конце IV — начале V в. н. э. Но вместе с тем из этого же склепа происходят литые двупластинчатые фибулы, характерные в основном для первой половины V в., наконечники стрел, типичные для гуннской эпохи, массивные серебряные пряжки с зооморфным язычком и косым крестом на выступе, серебряные пластинчатые накладки с зазубренными краями середины V в. К наиболее ранним погребениям конца IV — начала V в. относится семейное захоронение мужчины, женщины и ребенка (погребения 9, 10, 11, расположенные на правой лежанке). С ними определенно связан комплекс стеклянных сосудов, найденный в нише, устроенной над лежанкой. Отсюда происходят два стакана типа I, два вида варианта B (рис. 4, 7; 5, 2), а также сходный конический кубок подтипа 2 типа III (рис. 6, б) и колбообразный небольшой сосуд ранней формы (Засецкая И.П., 1993, табл. 51, 25/). Погребения 7 и 8, расположенные на левой лежанке, да-

тируются также концом IV — первой половиной V в. В ногах этих погребенных стояли три стакана (рис. 4, 8, 10, 11), чаша (рис. 6, 3) и кувшин. А. Сазанов эти погребения относит ко второй хронологической ступени — 400—450 гг. (Sazanov A., 1995, p. 333). Не понятно тогда, почему стеклянная чаша из этого же комплекса датируется им второй половиной V в. Кстати, следует заметить, что чаша изображена в таблице не совсем верно (ср. рис. 7, I, 15 и рис. 6, 3). В действительности она имеет несколько более выпрямленные очертания стенок и слегка вогнутое дно, что объединяет ее с подобными же чашами типа I, вариант Е, из погребений у с. Синявки и д. Марфовки. Последние, как уже отмечалось, отнесены А. Сазановым к первой половине V в. н. э. Такое же несоответствие наблюдается между датами комплексов и стеклянных сосудов из могилы 5/1965 у с. Гиляч и склепа 6 у Совхоза 10. Оба погребальных комплекса датируются А. Сазановым в пределах 400—450 гг., а время стеклянных стаканов (тип I, варианты Г и Д) без всяких объяснений определяется им в одном случае как конец V — начало VI в. (рис. 7, I, 14), а в другом — второй половиной V в. (рис. 7, I, 13). Трудно согласиться и с датировками некоторых погребальных комплексов, таких, как, например, боспорский склеп 181 и могила 50 из Фанагории, которые А. Сазанов относит ко второй половине V в. н. э. (Sazanov A., 1995, fig. 6, 8, 9, 10). Материал из склепа 181 ничем не отличается от боспорских склепов нашей первой хронологической группы, здесь также присутствуют вещи, имеющие хождение еще в IV в., — глиняные светильники, костяная пиксида, железный меч, железный умбон и рукоятка от щита, к первой половине V в. относятся фибулы-«мухи». Это наиболее поздние находки в данном склепе. Могила 50 из Фанагории, вероятно, датируется первой половиной — серединой V в. по наличию в ней фибул типа «смолен». Однако наряду с этим в могиле обнаружено краснолаковое блюдо, аналогичное блюду из склепа 6 могильника у Совхоза 10 близ Херсонеса, которое, по типологии Дж. Хайса, относится к форме 67 первой и второй групп. Общая дата времени бытования керамических изделий этих двух групп — 360—450 гг. (Hayes Y.W., 1972, fig. 19).

Что же касается стаканов типа II, то здесь, как и в случае со стаканами типа I, представлена не обобщающая хронологичес-

кая схема, отражающая время бытования отдельных типов и вариантов данного рода изделий, а конкретная дата конкретной находки, обусловленная датой погребального комплекса. Например, стаканы на рис. 4 (Sazanov A., 1995, fig. 4) под номерами 1—4, 6 (рис. 7, II) из Цебельдинских могильников, бесспорно, принадлежат не только к одному типу, но и одному варианту, что, кстати, соответствует типологии А. Сазанова, и должны были бы занять в хронологической таблице одну ступень с датой последние десятилетия IV — первая половина V в. н. э. (рис. 8, 11). Не исключено, что воспроизведенные на рис. 4 стаканы происходят из комплексов разного времени, но это не значит, что период их бытования следует ограничивать датой захоронения. Как мы уже указывали, они, несомненно, принадлежат к одному варианту стаканов, и распределение их по отдельным хронологическим ступеням в целом небольшого отрезка времени представляется неоправданным. К тому же автор не дает никаких объяснений по этому поводу. Следует также упрекнуть автора таблицы в несоблюдении масштабного соотношения в рисунках сосудов. Ярким примером такого несоответствия является стакан, который, если мы правильно отождествили, происходит из боспорского склепа 145 (рис. 7, II, 5). В отличие от представленного здесь рисунка, боспорский стакан имеет приземистые пропорции и сравнительно широкое дно (рис. 5, 5), что позволило выделить его в отдельный вариант стаканов типа II (рис. 3, I). Кроме того, не ясно, почему его дата ограничена только первой половиной V в. Стакан происходит из разграбленного склепа 145 и был найден на лежанке, в то время как остальные находки из этого склепа были спрятаны в тайнике. При этом тайник включал разные по времени вещи, бытовавшие как во второй половине IV, так и в первой половине V в. н. э., в том числе и индикацию монеты Валентиниана II (375—392 гг.). Последняя свидетельствует, что тайник мог быть устроен не раньше последней четверти IV в., а склеп, судя по ранним находкам, был сооружен еще в третьей четверти IV в. н. э. Вероятно, в период нашествия гуннов в Северное Причерноморье (конец IV — начало V в. н. э.) владельцы семейной усыпальницы — родственники умерших — спрятали от разграбления дорогие реликвии и наиболее ценные вещи. В какое время попал в склеп стакан, точно

неизвестно, но мы с достаточной долей вероятности можем утверждать, что это произошло в течение второй половины IV — начала V в. н. э. (рис. 8, 5).

Как разновидность стаканов варианта В типа II я рассматриваю стаканы из могильника Дюрсо, отмечая их сравнительно большие размеры (табл. 3, 12—16). Опираясь на хронологические данные названного могильника, стаканы из Дюрсо можно отнести ко второй половине V — началу VI в. н. э. (рис. 8, 14). Однако следует учитывать, что хронология могильника Дюрсо не достаточно хорошо разработана и требует еще более углубленного исследования, а существующие в литературе даты отдельных комплексов — проверки. И наконец, обратимся к сосуду 8, изображенному в таблице со стаканами типа II, который А. Сазанов датирует первой половиной VI в. н. э. (рис. 7, II, 8). Прежде всего остановимся на вопросе, правомочно ли этот сосуд относить к данной классификационной группе? По форме, размерам и орнаменту, в котором сочетаются поперечные углубленные шлифованные полосы с композицией из капель синего стекла, он ближе всего к коническим кубкам типа III, подтип 1, вариант Б, отличаясь от них наличием маленького плоского дна (рис. 3, 8). Подобный кубок из Караниса большого размера — высотой 20 см и диаметром устья 10 см, с плоским дном-площадкой, орнаментированный поперечными полосками и каплями синего стекла, — относится к IV — началу V в. н. э. (Harden D.B., 1936, Pl. XVI, № 457). Н.П. Сорокина также относит цебельдинский и египетский сосуды к IV — началу V в. (Сорокина Н.П., 1979, рис. 1, 5, 42). Второй четвертью V в. (425—450 гг.) датируют цебельдинский кубок О.А. Гей и И.А. Бажан, отнеся его к периоду 8 цебельдинской культуры (Гей О.А., Бажан И.А., 1997, табл. 29, 24). Таким образом, я не вижу оснований датировать его первой половиной VI в.

Не менее спорными являются и датировки конических кубков, и их распределение по разным ступеням хронологической шкалы, представленных в табл. 5 в статье А. Сазанова (Sazanov A., 1995, fig. 5). Время их бытования охватывает период от последних десятилетий IV в. до первой половины VI в. н. э., при этом, по неизвестным причинам, почему-то в таблице пустует ступень 400—450 гг., т. е. первой половины V в. н. э.

Глядя на воспроизведения кубков, мало отличающихся друг от друга, а в некоторых случаях и совсем не отличающихся, трудно понять, на основании каких данных автор приходит к подобным выводам (рис. 7, III). Вызывают сомнения и даты некоторых конкретных экземпляров, в частности кубка из Северного Причерноморья (рис. 7, III, 4). Этот кубок отнесен мною к варианту Б типа III, для которого характерны сравнительно большие размеры и наличие орнамента из гравированных или зашлифованных горизонтальных полос. Подобные стаканы часто встречаются в памятниках черняховской культуры второй половины IV в. — первого десятилетия V в. н. э. (Кропоткин В.В., 1970, рис. 71, 6; 72, 17; 75, 9; 76, 10; Гей О.А., Бажан И.А., 1997, табл. 70, 6; Гудкова А.В., 1999, с. 357, рис. 60, 7). Этим же временем датируются аналогичные кубки из Паннонии (Barkoczy L., 1988, Taf. X, 110), а также из Восточного Средиземноморья (Harden D.B., 1936, Pl. XVI, 438, 455; Hayes Y.W., 1975, № 477). На основании проведенных аналогий нам представляется, что кубки-лампады варианта Б являются наиболее ранней разновидностью конических сосудов (рис. 8, 2).

Суммируя все вышесказанное, прежде всего следует указать на главный недостаток работы А. Сазанова — отсутствие веских доказательств и четкого изложения оснований своей точки зрения. К сожалению, кроме высказанного в общих чертах положения о наличии в закрытых комплексах набора монет, керамики со штампами и фибул, которые автор справедливо определяет как хронологический критерий, нет никаких объяснений, как они согласуются с тем или иным типом сосудов и почему сосуды того или иного типа, так же как тот или иной комплекс, следует датировать так, а не иначе. Из текста не ясно, чем руководствовался исследователь в своих выводах. В настоящей статье мы не имеем возможности пересмотреть все датировки комплексов, в которых были найдены стеклянные сосуды с синими каплями. Однако считаю нужным обратить внимание читателя на необходимость подходить критически к предложенным А. Сазановым датам как стеклянных сосудов, так и комплексов, из которых они происходят.

В заключение остановимся на предложенной мной хронологической таблице, в которую включены все разновидности рас-

смотренных выше стеклянных сосудов из Причерноморья (рис. 8). На основании приведенной выше аргументации, наиболее ранними (вторая половина IV — начало V в.) являются стаканы типа I, вариант А, и конические кубки типа III, подтип 1, вариант Б. Параллельно с ними появляются, но продолжают бытовать и далее, т. е. в первой половине V в., стаканы типа I, вариант Б, и стаканы типа II, подтип 1, вариант А, а также конический кубок типа III, подтип 1, вариант А (см. аналоги: кат. 1, 26). Однако, как я полагаю, пик распространения в Причерноморье стаканов разных вариантов, чаш и конических кубков приходится на последнюю четверть IV — первую половину V в. н. э. (рис. 8, 6—13). Например, в склепах позднеантичного боспорского некрополя стеклянная посуда представлена богатым и разнообразным ассортиментом изделий, в том числе и сосудами с каплями из синего стекла.

Все изображенные в таблице (рис. 8) сосуды данного хронологического периода происходят, как уже указывалось ранее, только из склепов первой хронологической группы и никогда не встречаются в комплексах второй половины V — VI в. н. э. Некоторые из них найдены в одних и тех же комплексах, что свидетельствует о их синхронном существовании. Как наиболее поздние экземпляры следует рассматривать высокие стаканы из могильника Дюрсо, а также стакан из склепа 178. Этот склеп, в котором уже присутствуют пальчатые фибулы разных типов, является типичным образцом памятников второй хронологической группы, широкая дата которой определена мною как вторая половина V — первая половина VI в. н. э. Дальнейшее более углубленное исследование погребальных комплексов поможет уточнить как даты самих комплексов, так и даты происходящих из них находок, а следовательно, и стеклянных сосудов.

Таблица 1

Размеры стаканов типа I, вариант Б, и их соотношения

№	Место находки	Выс.	Ди- ам. устья	Ди- ам. дна	Соотношение		Класси- фикаци- онный шифр	Публикация
					выс. и дна устья	диам. устья и диам. дна		
1	Боспор. Подбойная могила 100. Кат. 1	7,9	7,5	2,5	1,05	2,87	I, Б, а	Шкорпил В.В., 1907, с. 24.
2	Керчь. Собрание И. Толстого. Кат. 2	7,0	6,8	2,3	1,02	2,9	I, Б, а	Публикуется впервые
3	Керчь. Собрание Ю.Х. Лемме. Кат. 4	7,1	6,6	2,3	1,07	2,87	I, Б, а	Кунина Н.З., 1997, кат. № 422, с. 337
4	Керчь. Собрание Ю.Х. Лемме. Кат. 5	7,1	7,3	2,5	0,97	2,9	I, Б, а	Публикуется впервые
5	Керчь. Покупка. Кат. 6	6,5	6,4	2,3	1,01	2,78	I, Б, б	Публикуется впервые
6	Боспор. Могила 22/1949 г.	8,1	8,7	3,0	0,94	2,9	I, Б, а	Сорокина Н.П., 1971, рис. 2, 3; 5, 3
7	Боспор. Склеп 179	6,9	6,75	2,2	1,02	3,0	I, Б, а	Там же, рис. 2, 2; 5, 1
8	Харакс. Тамань	6,6	6,5	2,1	1,01	3,1	I, Б, а	Там же, рис. 2, 4; 4, 1
9	Боспор. Склеп 181	6,4	5,8	2,2	1,10	2,54	I, Б, а	Там же, рис. 2, 7; 6, 1
10	Боспор. Склеп 181	7,0	7,2	2,5	0,97	2,87	I, Б, а	Там же

Таблица 2

Размеры стаканов типа I, вариант В, и их соотношения

№	Место находки	Выс	Ди- ам. устья	Ди- ам. дна	Соотношение		Класси- фи- кацион- ный шифр	Публикация
					выс. и диам. устья	диам. устья и диам. дна		
1	Боспор. Склеп 154. Кат. 7	7,7	7,7	3,2	1,0	2,4	I. В, а	Засецкая И.П., 1993, табл. 51, кат. № 253
2	Там же. Кат. 9	5,8	5,9	2,8	0,98	2,1	I. В, а	Там же, табл. 50, кат. № 253
3	Там же. Кат. 12	7,2	7,0	3,5	1,02	2,0	I. В, а	Там же, табл. 49, кат. № 240б
4	Там же. Кат. 11	7,2	6,9	3,5	1,02	1,97	I. В, а	Там же, табл. 49, кат. № 240а
5	Боспор. Склеп 165. Кат. 8	7,5	7,0	3,0	1,06	2,3	I. В, а	Там же, табл. 56, кат. № 314
6	Боспор. Два скле- па. 24 июня 1904 г. Кат. 13	6,2	6,5	3,3	0,95	1,97	I. В, а	Там же, табл. 43, кат. № 191
7	Керчь. Собрание А. Бобринского. Кат. 10	7,3	7,2	3,3	1,0	2,18	I, В, а	Публикуется впервые
8	Фанагория. Моги- ла 50	7,0	7,3	3,5	0,95	2,08	I, В, а	Сорокина Н.П., 1971, рис. 6, 2
9	Заморское, могила 25	6,1	5,7	2,7	1,07	2,10	I. В, а	Корпусова В.Н., 1973, с. 39, рис. 11
10	Боспор. Склеп 181	7,0	6,6	3,2	1,06	2,0	I, В, а	Сорокина Н.П., 1971, рис. 2, 6; 6, 1
11	Боспор. Склеп 154. Кат. 14	9,1	6,4	3,4	1,42	1,88	I, В, б	Засецкая И.П., 1993, табл. 51, кат. № 252
12	Керчь. Собрание А. Бобринского. Кат. 15	8,5	6,6	3,9	1,28	1,69	I. В, б	Кунина Н.З., 1997, с. 335, кат. № 419

Таблица 3

Размеры стаканов типа II, подтип 1 и 2, вариант А, Б, В, и их соотношения

№	Место находки	Выс.	Диам. устья	Диам. дна	Соотношение		Класси- фи- кацион- ный шифр	Публикация
					выс. и диам. устья	диам. устья и диам. дна		
1	Боспор. Склеп 145. Кат. 16	9,3	6,9	4,8	1,34	1,42	II. 1, А	Засецкая И.П., 1993, табл. 20, кат. 69
2	Северное Причер- номорье. Покупка. Кат. 17	10,5	7,0	4,6	1,50	1,52	II. 1. А	Публикуется впервые
3	Крым	10,0	6,9	4,5	1,45	1,31	II. 1, А	Публикуется впервые
4	Боспор. Склеп 146. Кат. 18	10,7	6,8	3,5	1,57	1,94	II. 1.В,а	Засецкая И.П., 1993, табл. 20, кат. 70
5	Керчь. Собрание А. Бобринского. Кат. 20	10,0	7,0	3,9	1,42	1,80	II. 1, В, а	Кунина Н.З., 1997, с. 337, кат. 423
6	Керчь. Собрание А. Новикова. Кат. 19	10,0	7,5	3,9	1,33	1,94	II, 1, Б	Там же, кат. 421
7	Боспор. Могила 2/1890	10,2	6,8	4,0	1,50	1,70	II. 1, В, а	Сорокина Н.П., 1971, рис. 5, 2
8	Тамань. Харакс, могила 33	9,6	7,2	3,4	1,33	2,0	II. 1, Б	Там же, рис. 4, 1
9	Цебельда. Могила 14. Кат. 21	10,2	6,8	3,9	1,50	1,75	II. 1, В, а	Публикуется впервые
10	Там же, могила 5	10,9	6,8	3,8	1,60	1,78	II. 1, В, а	
11	Там же, могила 24	9,5	6,0	3,2	1,58	1,87	II. 1, В, а	
12	Дюрсо, погребение 483	15	9,6	4,0	1,56	,42	II. 1, В, б	Дмитриев А.В., 1982, рис. 9, 10
13	Там же, погребение 517	14,3	9,3	4,5	1,53	2,0	II. 1, В, б	Там же, рис. 10, 23
14	Там же	11,6	7,1	3,8	1,64	1,87	II. 1, В, б	Там же, рис. 10, 24
15	Там же, погребение 291	13,6	7,7	4,0	1,74	1,92	II. 1, В, б	Там же, рис. 5, 42
16	Там же, погребение 516	14,0	7,7	4,0	1,77	1,92	II. 1, В, б	Там же, рис. 10, 5
17	Боспор. Склеп 165. Кат. 22	8,8	7,4	5,0	1,14	1,50	II. 2, А	Засецкая И.П., 1993, табл. 56, кат. 315
18	Боспор. Склеп 78, погребение 2. Кат. 23	8,7	8,5	4,7	1,02	1,80	II. 2, Б	Скалон К.М., 1973, с. 50; За- сецкая И.П., 1998, табл. XIV, 13

Таблица 4

Даты стаканов и чаш типа I разных авторов

№	Шифр	Дата	Автор даты и публикации
1	I, А	Первая половина IV в. н.э.	Сорокина Н.П., 1971, с. 99
		Вторая половина IV в. — для стаканов с зашлифованным краем; конец IV — первое десятилетие V в. н. э. — для стаканов с необработанным краем.	Barkoczi L., 1988, кат. 144, 148, 150
2	I, Б	IV в. н. э. Конец IV — первое десятилетие V в. н. э.	Сорокина, 1971, с. 97 Barkoczi, 1972, S. 80; Он же, 1988, Kat. 152 Sazanov A., 1995, fig. 3
		Первая половина V (не исключает существование во второй половине V в. н. э.) Вторая половина IV в. н. э. Третья четверть IV в. н. э.	Воронов Ю.Н., 1973, с. 75, рис. 1, 2 Гей О.А., Бажан И.А., 1997, с. 23, 24, табл. 26; 17, II, 6
3	I, В	Середина, третья четверть IV — первая четверть V в. н. э. Конец IV — первая половина V в. н. э. Вторая половина V в. н. э. Вторая половина V — первая половина VI в. н. э. Третья четверть IV в. н. э.	Сорокина Н.П., 1971, с. 97 Barkoczi L., 1988, Kat. 151, 153—155 Sazanov A., 1995, fig. 3 Воронов Ю.Н., 1973, с. 75, рис. 1, 12 Гей О.А., Бажан И.А., 1997, с. 23, 24, табл. 26; 17, II, 2
		Третья четверть IV — первые десятилетия V в. н. э. Конец IV — первая половина V в. н. э. Вторая половина V — первая четверть VI в. н. э.	Сорокина Н.П., 1971, с. 97 Barkoczi L., 1988, Kat. 156 Sazanov A., 1995, fig. 3
5	I, Д	Конец IV — начало V в. н. э. Вторая половина V в. н. э.	Сорокина Н.П., 1971, с. 97 Sazanov A., 1995, fig. 3
6	I, Е	Вторая половина IV — начало V в. н. э. Первая половина V в. для чаш из с. Синявки и Марфовка; вторая половина V в. н. э. — для чаши из боспорского склепа 154. Вторая половина V в. н. э. Третья четверть IV в. н. э.	Сорокина Н.П., 1971, с. 97, 99 Sazanov A., 1995, fig. 3 Воронов Ю.Н., 1973, рис. 1, 13 Гей О.А., Бажан И.А., 1997, табл. 17, II, 7

Каталог

СТАКАНЫ

1. Рис. 4, 6.

СТАКАН. Тип I, вариант Б, вид Б-а (по классификации Н.П. Сорокиной и И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное оливково-желтое.

Выс. 7,9. Диамет.: устья 7,5; дна 2,5.

Керчь. Гора Митридата. 2-й Кладбищенский переулоч. Подбойная земляная могила 100, детское погребение.

Раскопки В.В. Шкорпила 1904 г.

Восточное Средиземноморье или Причерноморье. Вторая половина IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № 1820/147.

Стакан с округлыми, несколько выпуклыми стенками, сужающимися ко дну. Дно небольшое, слегка вогнуто внутрь, следов понтии нет. Вокруг тулова рельефный орнамент из пяти капель синего стекла и пояска из гравированных тонких линий. Стакан выполнен в технике свободного выдувания. В стекле незначительное количество пузырей. Поверхность иризована.

Литература: Шкорпил В.В., 1907, с. 24.

Аналоги: Сорокина Н.П., 1971, с. 86—87, рис. 1, 2; 4, I; 6, I, 2 (здесь приведена литература аналогичных находок Северного и Восточного Причерноморья, а также Херсонеса, Паннонии, Галлии); Barkoczy L., 1972, S. 78—86, Abb. 5, I—6; 6, I—64; 7, I; Шаламон А., Баркоци Л., 1982, с. 41, рис. 9, 16, 17; Glas der Antike, 1982, S. 107, № 139 (здесь приведен большой список аналогов); Barkoczy L., 1988, Taf. XIV, 152; LXXVI, 150, 151; Кунина Н.З., 1997, с. 337, кат. 422; Масленников А.А., 1997, рис. 33, 2; 45, I; 46, 14; Гей О.А., Бажан И.А., 1997, табл. 17, II, 6; 26, 9; Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 1998, рис. 8, 2.

2. Рис. 4, 3.

СТАКАН. Тип I, вариант Б, вид Б-а (по классификации Н.П. Сорокиной и И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное оливково-желтое.

Выс. 7,0. Диамет.: устья 6,8; дна 2,3.

Керчь (?). Из собрания И. Толстого.

Восточное Средиземноморье или Причерноморье. Вторая половина IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № 1822/7.

Стакан подобен предыдущему. На тулове рельефный орнамент из двух овалов и двух групп, состоящих из трех капель синего

стекла. Над ними пояска из тонких гравированных линий. На поверхности следы иризации.

Литература: публикуется впервые.

Аналоги: см. кат. 1.

3. Рис. 4, I.

СТАКАН. Тип I, вариант Д (по классификации Н.П. Сорокиной).

Стекло прозрачное оливково-желтое.

Выс. 7,1. Диамет.: устья 7,1; дна 3,2.

Херсонес (?). Из коллекции А.А. Бобринского.

Восточное Средиземноморье или Причерноморье. Вторая половина IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № Е 2174.

Стакан подобен предыдущим. Вокруг тулова рельефный орнамент из крупных одиночных и мелких сгруппированных по пяти капель синего стекла, над ними пояска из тонких гравированных линий. Склеен из кусков, по краю мелкие и крупные выщербины. Поверхность иризована.

Литература: Кунина Н.З., 1997, с. 336—337, кат. 420.

Аналоги: см. кат. 1.

4. Рис. 4, 2.

СТАКАН. Тип I, вариант Б, вид Б-а (по классификации Н.П. Сорокиной и И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное оливково-желтое.

Выс. 7,1. Диамет.: устья 6,6; дна 2,3.

Керчь. Из коллекции Д.Х. Лемме.

Восточное Средиземноморье или Причерноморье. Вторая половина IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № 503.

Стакан подобен предыдущим. Вокруг тулова пояска из тонких гравированных линий, под ним рельефный орнамент из восьми отдельных капель синего стекла. Поверхность иризована. Склеен из двух кусков.

Литература: Кунина Н.З., 1997, с. 337, кат. 422.

Аналоги: см. кат. 1.

5. Рис. 4, 5.

СТАКАН. Тип, вариант Б, вид Б-а (по классификации Н.П. Сорокиной и И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное оливково-желтое.

Выс. 7,1. Диамет.: устья 7,3; дна 2,5.

Керчь. Коллекция Д.Х. Лемме 1893 г.

Восточное Средиземноморье или Причерноморье. Вторая половина IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № Е 502.

Стакан подобен предыдущим. Вокруг тулова рельефный орнамент из пятнадцати капель синего стекла. Поверхность иризована.

Литература: публикуется впервые.

Аналоги: см. кат. 1.

6. Рис. 4, 4.

СТАКАН. Тип I, вариант Б, вид Б-б (по классификации Н.П. Сорокиной и И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное оливково-желтое.

Выс. 6,5. Диамет.: устья 6,4; дна 2,3.

Керчь. Покупка. Рапорт Керченского музея от 19 декабря 1898 г. № 178.

Восточное Средиземноморье или Причерноморье. Вторая половина IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № Е 2848.

Стакан подобен предыдущим, но с несколько более выпуклыми стенками. Вокруг тулова два пояска из сдвоенных тонких гравированных линий, между ними рельефный орнамент из двух одиночных капель и двух групп, состоящих из четырех капель синего стекла. Склеен из пяти фрагментов, часть стенки и края утрачены.

Литература: публикуется впервые.

Аналоги: см. кат. 1.

7. Рис. 4, 7.

СТАКАН. Тип I, вариант В, вид В-а (по классификации Н.П. Сорокиной и И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное оливково-желтое, темного тона.

Выс. 7,7. Диамет.: устья 7,7, дна 3,2.

Керчь. Гора Митридата. Госпитальная улица. Склеп 154, в нише над правой лежанкой.

Раскопки В.В. Шкорпила 1904 г.

Восточное Средиземноморье или Причерноморье. Последняя четверть IV — первая половина V в. н. э.

Инв. N 1820/357.

Стакан с туловом цилиндрической формы с несколько выпуклыми, закругляющимися ко дну стенками. Дно сравнительно широкое, уплощенное, слегка вогнуто внутрь, следов понтии нет. Необработанный край устья отогнут и приподнят вверх. Вокруг тулова рельефный орнамент из четырех овальных капель синего стекла и расположенного над ними пояска из гравированной тонкой линии. В стекле небольшое количество мелких пузырей. Стакан выполнен в технике свободного выдувания. Небольшая иризация в верхней части.

Литература: Шкорпил В.В., 1907, с. 44; Засецкая И.П., 1993, табл. 51, кат. 253.

Аналоги: Сорокина Н.П., 1971, с. 87—89, рис. 1, 3; 5, 4; 6, 1, 2 (здесь приведены аналоги, см. ссылки 17, 18, 19, 20); Barkoczi L., 1972, S. 80, Abb. 7, 3, 4; 8, 2, Kat. 28, 29; Корпусова В.Н., 1973, с. 39, рис. 11; Шаламон А., Баркоци Л., 1982, с. 41, рис. 9, 20, 21; Дмитриев А.В., 1982, с. 85, рис. 6, 28; Barkoczi L., 1988, Taf. XIV, 155; LXXVI, 153, 154; Кунина Н.З., 1997, с. 337, кат. 422; Масленников А.А., 1997, рис. 19, 8; 28, 5; Гей О.А., Бажан И.А., 1997, табл. 17, II, 2; Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 1998, рис. 20, 2; Svoboda B., 1965, Tabl. XXVII, 7; XXVIII, 6; XXXII, 14.

8. Рис. 5, 1.

СТАКАН. Тип I, вариант В, вид В-а (по классификации Н.П. Сорокиной и И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное оливково-желтое.

Выс. 7,5. Диамет.: устья 7,0; дна 3,0.

Керчь. Гора Митридата. На углу продолжения Госпитальной улицы и 2-го Эспланадного переулка. Склеп 165, в нише направо от входа.

Раскопки В.В. Шкорпила 1904 г.

Восточное Средиземноморье или Причерноморье. Последняя четверть IV — первая половина V в. н. э.

Инв. N 1820/436.

Стакан подобен предыдущему. Вокруг тулова рельефный орнамент из пяти капель синего стекла и поясок из тонких гравированных линий над ними. Склеен из мелких фрагментов, не достает части стенок.

Литература: Шкорпил В.В., 1907, с. 50; Засецкая И.П., 1993, табл. 56, кат. 314.

Аналоги: см. кат. 7.

9. Рис. 4, 8.

СТАКАН. Тип I, вариант В, вид В-а (по классификации Н.П. Сорокиной и И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное оливково-желтое, темного тона.

Выс. 5,8. Диамет.: устья 5,9; дна 2,8.

Керчь. Гора Митридата. Госпитальная улица. Склеп 154, погребения 7 и 8, в ногах погребенных.

Раскопки В.В. Шкорпила 1904 г.

Восточное Средиземноморье или Причерноморье. Последняя четверть IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № 1820/345.

Стакан аналогичен предыдущим, но меньшего размера. Вокруг тулова поясок из

гравированных линий и рельефного орнамента из пяти капель синего стекла. Поверхность по краю иризована.

Литература: Шкорпил В.В., 1907, с. 41; Засецкая И.П., 1993, табл. 50, кат. 241; I Goti, 1994, Kat. II, 2i (здесь неверный размер диаметра устья).

Аналоги: см. кат. 7.

10. Рис. 4, 9.

СТАКАН. Тип I, вариант В, вид В-а (по классификации Н.П. Сорокиной и И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное зеленое, с травянистым оттенком.

Выс. 7,3. Диамет.: устья 7,2; дна 3,5.

Керчь. Собрание А.А. Бобринского 1931 г.

Восточное Средиземноморье или Причерноморье. Последняя четверть IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № Е 2170.

Стакан подобен предыдущим. Вокруг тулова два пояска из тонких гравированных линий и между ними рельефный орнамент из двух отдельных капель и двух групп, состоящих из трех капель синего стекла. На поверхности следы иризации.

Литература: публикуется впервые.

Аналоги: см. кат. 7.

11. Рис. 4, 10.

СТАКАН. Тип I, вариант В, вид В-а (по классификации Н.П. Сорокиной и И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное оливково-желтое.

Выс. 7,2. Диамет.: устья 6,9; дна 3,3.

Керчь. Гора Митридата. Госпитальная улица. Склеп 154, погребение 7 и 8, в ногах погребенных.

Раскопки В.В. Шкорпила 1904 г.

Боспорское производство или Восточное Средиземноморье. Последняя четверть IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № 1820/344.

Стакан подобен предыдущим, но без орнамента из синих капель. Вокруг тулова поясок из двух сдвоенных тонких гравированных линий. Поверхность иризована.

Литература: Шкорпил В.В., 1907, с. 41; Засецкая И.П., 1993, табл. 49, кат. 240б.

Аналоги: см. кат. 7; Glas der Antiken Welt, 1973, Taf. 23, D 31; Дмитриев А.В., 1982, с. 85, рис. 6, 28; Масленников А.А., 1997, рис. 28, 5; Svoboda B., 1965, Tabl. XXVII, 7; XXXII, 14.

12. Рис. 4, 11.

СТАКАН. Тип I, вариант В, вид В-а (по классификации Н.П. Сорокиной и И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное темно-зеленое, травянистого оттенка.

Выс. 7,1. Диамет.: устья 7,0; дна 3,5.

Керчь. Гора Митридата. Госпитальная улица. Склеп 154, погребение 7 и 8, в ногах погребенных.

Раскопки В.В. Шкорпила 1904 г.

Восточное Средиземноморье или Причерноморье. Последняя четверть IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № 1820/343.

Стакан подобен предыдущему. Поверхность иризована по краю выбоины.

Литература: Шкорпил В.В., 1907, с. 41; Засецкая И.П., 1993, табл. 49, кат. 240а (здесь размеры неправильные).

Аналоги: см. кат. 7, 11.

13. Рис. 4, 12.

СТАКАН. Тип I, вариант В, вид В-а (по классификации Н.П. Сорокиной и И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное зеленовато-травянистого оттенка.

Выс. 6,2. Диамет.: устья 6,5; дна 3,3.

Керчь. Гора Митридата. Госпитальная улица. Из двух склепов, открытых кладочисателями 24 июня 1904 г.

Восточное Средиземноморье или Причерноморье. Последняя четверть IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № 1820/809.

Стакан подобен предыдущим (кат. 11, 12), но меньшего размера. Поверхность иризована.

Литература: Шкорпил В.В., 1907, с. 82, № 64; Засецкая И.П., 1993, табл. 43, кат. 191.

Аналоги: см. кат. 7, 11.

14. Рис. 5, 2.

СТАКАН. Тип I, вариант В, вид В-б (по классификации Н.П. Сорокиной и И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное оливково-желтое.

Выс. 9,1. Диамет.: устья 6,4; тулова 5,7; дна 3,4.

Керчь. Северный склон Горы Митридата. Госпитальная улица. Склеп 154, в нише над правой лежанкой.

Раскопки В.В. Шкорпила 1904 г.

Боспорское производство или Восточное Средиземноморье. Последняя четверть IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № 1820/356.

Стакан высокий, с туловом цилиндрической формы, со слегка выпуклыми и закругленными ко дну стенками. Дно широкое, уплощенное, слегка вогнуто, следов

понтии нет. Необработанный край устья отогнут и приподнят вверх. Вокруг тулова два пояска из тонких гравированных линий. Между поясками — рельефный орнамент из двух овалов и двух групп из шести капель синего стекла. Стакан выполнен в технике свободного выдувания. В стекле незначительное количество мелких пузырей. На поверхности следы иризаций.

Литература: Шкорпил В.В., 1907, с. 44; Сорокина Н.П., 1971, с. 88, рис. 2, 9; Засецкая И.П., 1993, табл. 51, кат. 252.

Аналоги: прямые аналоги нам неизвестны.

15. Рис. 5, 3.

СТАКАН. Тип I, вариант В, вид В-б (по классификации Н.П. Сорокиной и И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное зеленое.

Выс. 8,5. Диамет.: устья 6,6; дна 3,9.

Керчь. Из коллекции А.А. Бобринского.

Боспорское производство или Восточное Средиземноморье. Последняя четверть IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № Е 2169.

Стакан подобен предыдущему. Поверхность слегка иризована, сверху кусочек приклеен.

Литература: Кунина Н.З., 1997, с. 335, кат. 419.

Аналоги: см. кат. 14.

16. Рис. 5, 5¹.

СТАКАН. Тип II, подтип 1, вариант А, (по классификации И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное оливково-желтое.

Выс. 9,3. Диамет.: устья 6,9; дна 4,8.

Керчь. Гора Митридата. Госпитальная улица. Склеп 145, на правой лежанке.

Раскопки В.В. Шкорпила 1904 г.

Восточное Средиземноморье или Причерноморье. Вторая половина IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № 1820/156.

Стакан с туловом в виде усеченного конуса со слегка выпуклыми стенками. Необработанный, край устья отогнут и приподнят вверх. Дно плоское с утолщенными выступающими краями, немного вогнуто внутрь, следов понтии нет. Тулово украшено двумя поясками из тонких гравированных линий, между ними рельефный орнамент из двух овалов и четырех групп, состоящих из трех капель синего стекла. Стакан выполнен в технике свободного выду-

вания. В стекле мелкие и крупные пузыри. Склеен из двух частей, на поверхности следы иризаций.

Литература: Шкорпил В.В., 1907, с. 33; Сорокина Н.П., 1971, с. 95, рис. 4, 3; Скалон К.М., 1973, с. 52, рис. 5; Засецкая И.П., 1993, табл. 20, кат. 69.

17. Рис. 5, 7.

СТАКАН. Тип II, подтип 1, вариант А, (по классификации И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное оливково-желтое, темного тона.

Выс. 10,5. Диамет.: устья 6,9; дна 4,6.

Северное Причерноморье. Покупка у Новиковой в 1908 г.

Восточное Средиземноморье. Вторая половина IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № Е 828.

Стакан по форме подобен предыдущему, но несколько более высоких пропорций. Вокруг тулова два пояска из тонких гравированных линий, между ними рельефный орнамент из зигзагообразной нити синего стекла.

Литература: публикуется впервые.

Аналоги: см. кат. 16.

18. Рис. 5, 4.

СТАКАН. Тип II, подтип 1, вариант В-а (по классификации И.П. Засецкой). Стекло прозрачное оливково-желтое.

Выс. 10,7. Диамет.: устья 6,8; дна 3,5.

Керчь. Гора Митридата. Госпитальная улица. Склеп 146.

Раскопки В.В. Шкорпила 1904 г.

Причерноморье или Восточное Средиземноморье. Последняя четверть IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № 1820/285.

Стакан подобен предыдущему, но более высоких пропорций, с резко сужающимися ко дну стенками тулова, дно небольшое. Орнамент на тулове в виде отдельных овальных капель синего стекла. Поверхность иризована.

Литература: Шкорпил В.В., 1907, с. 37; Засецкая И.П., 1993, табл. 20, кат. 70.

Аналоги: Сорокина Н.П., 1963, с. 144, рис. 4, 28; Сорокина Н.П., 1971, с. 90, 99, рис. 1, 8; 2, 2, 3; 4, 1, 5; 5, 2, 5; Сорокина Н.П., 1978, с. 272, рис. 3, 4; Glas der Antike, 1982, P. 107, № 140 (здесь приведен список аналогов); Auth S.H., 1976, № 196; Дмитриев А.В., 1982, рис. 5, 42; 9, 10; 10, 23, 24; Кунина Н.З., 1997, кат. 421, 423;

¹ Сведения о стакане были любезно предоставлены мне А.Г. Герценом.

Гей О.А., Бажан И.А., 1997, табл. 17, III, 1, 2; 3—9; 26, 8; ср.: Sammlung K.L., Taf. 28, Kat. 196.

19. Рис. 5, 9.

СТАКАН. Тип II, подтип 1, вариант Б (по классификации И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное оливково-желтое.

Выс. 10,0. Диамет.: устья 7,5; дна 3,8.

Керчь. Из коллекции А.В. Новикова.

Восточное Средиземноморье или Причерноморье. Последняя четверть IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № Е 658.

Стакан подобен предыдущим. На тулове рельефный орнамент из двух одиночных капель и двух групп, состоящих из трех капель синего стекла. Поверхность иризована.

Литература: Кунина Н.З., 1997, с. 337, кат. 421.

Аналоги: см. кат. 18.

20. Рис. 5, 8.

СТАКАН. Тип II, подтип 1, вариант В, вид В-а (по классификации И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное зеленое.

Выс. 10,0. Диамет.: устья 7,0; дна 3,8.

Керчь. Из коллекции А.А. Бобринского.

Восточное Средиземноморье или Причерноморье. Последняя четверть IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № Е 2171.

Стакан подобен предыдущим. На тулове рельефный орнамент из крупных разной формы капель синего стекла. Поверхность иризована.

Литература: Кунина Н.З., 1997, с. 337, кат. 423, ил. 217.

Аналоги: см. кат. 18.

21. Рис. 5, 6.

СТАКАН. Тип II, подтип 1, вариант В, вид В-а (по классификации И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное оливково-желтое.

Выс. 10,2. Диамет.: устья 6,8; тулова 5,5; дна 3,9.

Абхазия. Окрестности с. Цебельда. Могильник, погребение 14. Находка 1963 г.

Причерноморье или Восточное Средиземноморье. Последняя четверть IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № 2330/140.

Стакан подобен предыдущим. Вокруг тулова рельефный орнамент из ряда миндалевидной формы капель синего стекла. Склеен из мелких фрагментов.

Литература: публикуется впервые.

Аналоги: см. кат. 18.

22. Рис. 6, 1.

СТАКАН. Тип II, подтип 2, вариант А (по классификации И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное оливково-желтое.

Выс. 8,8. Диамет.: устья 7,4; дна 5,0.

Керчь. Гора Митридата. На углу Госпитальной улицы и 2-го Эспланадного переулка. Склеп 165, в нише направо от входа.

Раскопки В.В. Шкорпила 1904 г.

Причерноморье. Последняя четверть IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № 1820/437.

Стакан в виде усеченного конуса с расширяющимися к устью стенками, с широким плоским дном, сильно вогнутым внутрь, со следами от прикрепления понтии. Край устья гладкий, оформлен в виде рельефного узкого ободка-валика. Стакан выполнен в технике свободного выдувания. На тулове трещина, поверхность иризована.

Литература: Шкорпил В.В., 1907, с. 50; Скалон К.М., 1973, с. 50—53; Засецкая И.П., 1993, табл. 56, кат. 315.

Аналоги: Сорокина Н.П., 1963, с. 136—138, рис. 1, 6, 7, 12, 14; рис. 3; Svoboda B., 1965, Tab. XXXVIII, 1; ср.: Doppelfeld O., 1966, Taf. 82; Edgar M.C.C., 1905, Pl. II, N 32463; III, N 32478; Burger A.S., 1966, Pl. XCVII, 1; CIII, 8; CIV, 4; Sammlung Oppenlander, 1974, Kat. 515 (по форме).

23. Рис. 6, 2.

СТАКАН. Тип II, подтип 2, вариант Б (по классификации И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное зеленовато-голубоватое.

Выс. 8,7. Диамет.: устья 8,5; дна 4,7.

Керчь. Гора Митридата. На углу 1-й Нагорной и 2-й Подгорной улиц. Склеп 78, погребение 2, на полу.

Раскопки В.В. Шкорпила 1907 г.

Причерноморье. Вторая половина V в. н. э. — начало VI в. н. э.

Инв. № 1820/918.

Стакан конической формы с широким устьем, плоским слегка вогнутым дном со следами от прикрепления понтии. По краю устья узкий рельефный валик. Стакан склеен из мелких фрагментов, на поверхности иризация.

Литература: Шкорпил В.В., 1910, с. 32; Скалон К.М., 1973, с. 52; Засецкая И.П., 1998, табл. XIV, 13.

Аналоги: ср. кат. 22; Edgar M.C.C., 1905, Pl. II, N 32461.

ЧАШКИ

24. Рис. 6, 3.

ЧАШКА. Тип I, вариант Е (по классификации Н.П. Сорокиной).

Стекло прозрачное оливково-желтое, темного тона.

Выс. 9,4. Диамет.: устья 11,5; дна 4,5.

Керчь. Гора Митридата. Госпитальная улица. Склеп 154, погребения 7 и 8, в ногах погребенных.

Раскопки В.В. Шкорпила 1904 г.

Сирия. Последняя четверть IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № 1820/342.

Чашка округлой формы с широким устьем. Зашлифованный край устья отогнут наружу и приподнят вверх. Дно небольшое, слегка вогнуто внутрь, следов понтии нет. По тулову орнамент в виде пояса из ромбов, образованных пересекающимися зигзагообразными нитями синего стекла. В стекле небольшое количество пузырей. Склеена из мелких фрагментов.

Литература: Шкорпил В.В., 1907, с. 41; Сорокина Н.П., 1971 с. 88, рис. 2, 11; Искусство Византии в собраниях СССР, 1977, с. 79, кат. 101; Засецкая И.П., 1993, табл. 50, кат. 242; I Goti, 1994, S. 126, Fig. II.

Аналоги: Сорокина Н.П., 1971, с. 89, рис. 1, 6; 2, 12 (сноски 24 и 25 — здесь приведены аналогичные находки); Barkoczi L., 1988, Taf. XIV, 149, 155, 156; ср.: Sammlung K.L., Taf. 22, 3, kat. 167. Аналоги по орнаменту на сосудах других форм: Edgar M.C.C., 1905, Pl. III, № 32487; ср.: Кунина Н.З., 1997, с. 333, кат. 406; Sammlung Hentrich, 1974, N 98, 99, 100; Glas der Antike, 1982, S. 95, № 119, 121, 128, 130; Glas der Antiken Welt, 1973, Taf. 35, D 82; Barkoczi L., Salamon A., 1968, с. 30, рис. 1, 1; Philippe J., 1964, с. 58, рис. 69.

КУБКИ-ЛАМПАДЫ

25. Рис. 6, 4.

КУБОК-ЛАМПАДА. Тип III, подтип 1, вариант В (по классификации И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное темно-синее.

Выс. 20,3. Диамет. устья 6,7.

Керчь. Гора Митридата. Госпитальная улица. Склеп 154, в углу, на полу, налево от входа.

Раскопки В.В. Шкорпила 1904 г.

Сирия или Египет. IV — начало V в. н. э.

Инв. № 1820/314.

Кубок конусовидной формы со слегка выпуклыми стенками, с отогнутым и при-

поднятым вверх краем. Край устья не обработан. Дно закругленное с маленькой площадкой в центре. На тулове рельефный орнамент из напаянных круглых капель глухого стекла желтого, голубого, красного и белого цветов: четыре пояса из трех рядов капель и между ними по два ряда треугольников, также составленных из капель цветного стекла. Склеен из кусков, утрачены кусочки края, местами пятна иризаций. Кубок выполнен в технике свободного выдувания.

Литература: Шкорпил В.В., 1907, с. 42, рис. 17; с. 77, рис. 122; Сорокина Н.П., 1971, с. 91, рис. 3, 1; Художественное стекло, 1967, № 24; Засецкая И.П., 1993, с. 73, кат. 213; Кунина Н.З., 1997, с. 337, кат. 425.

Аналоги: прямые аналоги нам неизвестны; ср. по форме и размерам: Harden D.B., 1936, Pl. XVI, № 436.

26. Рис. 6, 5.

КУБОК-ЛАМПАДА. Тип III, подтип 1, вариант А (по классификации И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное оливково-желтое.

Выс. 13,7. Диамет.: устья 6,1; дна 0,9.

Керчь. Гора Митридата. Близ Татарской Слободы. Могила 1, 1857.

Египет или Сирия. Вторая половина IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № П.1857.54.

Кубок в виде конуса удлинённой формы со слегка выпуклыми стенками в верхней и средней части, узкая нижняя часть отделена слабовыраженным перехватом, дно скругленное с маленькой площадкой без следов понтии. Необработанный край устья отогнут и приподнят вверх. В верхней части тулова пояс из восьми овальных капель синего стекла. В стекле незначительное количество мелких пузырей. Кубок выполнен в технике свободного выдувания. Поверхность иризована.

Литература: Сорокина Н.П., 1971, с. 91; Кунина Н.З., 1997, с. 337, кат. 424.

Аналоги: Сорокина Н.П., 1971, с. 91, 92, рис. 3, 5; Fremersdorf F., 1962, B. VIII, Taf. 106, 107; Radnoti A., 1957, Tabl. XXXIV, 2, N 114; Smith Collection, 1957, p. 213—214, № 426; Sammlung K.L., S. 60, Taf. 28, 197; Sammlung Hentrich, 1974, Kat. 111, 112; Hayes Y.W., 1975, № 380; Harden D.B., 1936, Pl. XVI, 440; Masterpieces of Glass, 1968, № 87; Кунина Н.З., 1997, с. 337, кат. 424 (см. рубрика «аналоги»); Glas der Antike, 1982, № 141 (здесь приведен подробный список аналогов); The Constable-Makswell Collection

of Ancient Glass, 1979, № 260; Auth S.H., 1976, № 201; Кропоткин В.В., 1970, рис. 71, 1; Barkoczi L., 1988, Taf. LXXVII, 158; Svoboda B., 1965, Tabl. XXVIII, 1.

27. Рис. 6, 6.

КУБОК-ЛАМПАДА. Тип III, подтип 2 (по классификации И.П. Засецкой).

Стекло прозрачное с зеленовато-голубоватым оттенком.

Выс. 11,8. Диамет. устья 7.

Керчь. Гора Митридата. Госпитальная улица. Склеп 154, в нише над левой лежажкой.

Раскопки В.В. Шкорпила 1904 г.

Восточное Средиземноморье или Причерноморье. Последняя четверть IV — первая половина V в. н. э.

Инв. № 1820/359.

Кубок конусовидной формы со слегка выпуклыми стенками и закругленным дном. Край устья несколько отогнут наружу и обработан в виде узкого гладкого валика. На дне небольшая площадка с неровной и шероховатой поверхностью, возможно, от отшиба понтии. На поверхности трещина, царапины, следы иризации и около дна небольшой наплыв стеклянной массы. В стекле незначительное количество мелких пузырей. Кубок исполнен в технике свободного выдувания.

Литература: Шкорпил В.В., 1907, с. 44; Сорокина Н.П., 1971, с. 91, рис. 3, 4; Засецкая И.П., 1993, табл. 51, кат. 254.

Аналоги: Edgar M.C.C., 1905, Pl. III, 32, 481; Burger A.S., 1966, Tabl. LIV, 2, 3; The Constable — Maxwell Collection of Ancient Glass, 1979, Kat. 310; Weinberg G.D., 1963, fig. 7.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 1998. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь.

Воронов Ю.Н., 1973. К истории экономических связей Асии в IV—VII вв. н. э. // КСИА. Вып. 138.

Гей О.А., Бажан И.А., 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.

Гудкова А.В., 1999. I—IV вв. в Северо-Западном Причерноморье // Время «Ч»: К 100-летию открытия черняховской культуры. СПб.; Кишинев; Одесса. [Stratum plus (археологический журнал). № 4].

Дашевская О.Д., 1995. Погребение гуннского времени на городище Беляус // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М.

Дмитриев А.В., 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков. М.

Засецкая И.П., 1990. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя (конец IV—начало VII в.) // АСГЭ. Вып. 30.

Засецкая И.П., 1993. Материалы боспорского некрополя второй половины IV—первой половины V в. н. э. // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь.

Искусство Византии в собраниях СССР, 1977. Том I. М.: Издательство «Советский художник».

Корпусова В.Н., 1973. Сельское население позднеантичного Боспора // Археология. № 8. Киев.

Кропоткин В.В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе // САИ. Вып. Д1—27. М.

Кунина Н.З., 1997. Античное стекло в собраниях Эрмитажа. СПб.: Изд-во АРС.

Масленников А.А., 1997. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.

Скалон К.М., 1973. О некоторых формах стеклянной посуды позднеантичного и раннесредневекового Боспора // СГЭ. Вып. XXXVII. Л.

Сорокина Н.П., 1963. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.

Сорокина Н.П., 1971. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. № 4. М.

Сорокина Н.П., 1978. Античное стекло в собрании одесского Археологического музея // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Сорокина Н.П., 1979. Стеклянные сосуды IV—V вв. и хронология Цебельдинских могильников // КСИА. Вып. 158. М.

Художественное стекло, 1967. Альбом по материалам выставки в Государственном Эрмитаже. Л.: Изд-во «Советский художник».

Шаламон А., Баркоци Л., 1982. Археологические данные к периодизации позднеримской Паннонии (376—476 гг.) // Древности эпохи великого переселения народов V—VII веков. М.

Шкорпил В.В., 1907 // ОАК за 1904 г. СПб.

Шкорпил В.В., 1910 // ОАК за 1907 г. СПб.

Auth S.H., 1976. Ancient Glass at the Newark Museum from the Eugene Schaefer Collection of Antiquities. Newark, New Jersey.

Barkoczi L., 1972. *Spatromische Glasbecher mit aufgelegten Nuppen aus Pannonien // Folia Archaeologica. XXIII. Budapest.*

Barkoczi L., 1988. *Pannonische Glasfunde in Ungarn // Studia Archaeologica. IX. Budapest.*

Barkoczi L., Salamon A., 1968. *Glasfunde vom Ende des und Anfang des 5 Yhs in Ungarn // Arch. Ert. 95. Budapest.*

Burger A.Sz., 1966. *The late Roman cemetery at Sagvar. Acta Archaeologica Hungaricae. 18. Budapest.*

Doppelfeld O., 1966. *Romisches und Fran-kisches Glas in Koln. Koln.*

Edgar M.C.C., 1905. *Catalogue general des antiquites egyptiennes. Caire.*

Fremersdorf F., 1962. *Die Denkmaler des Romischen Koln. Band VII. Die rjmischen Glaser mit aufgelegtten Nuppen. Koln.*

Glas der Antike, 1982. *Katalog / Ursula Liepmann. Kester Museum. Hannover.*

Glas der Antiken Welt, 1973. *Wissenschaftliche Kataloge des Romische Germanischen Museums. Band I. Koln.*

Harden D.B., 1936. *Roman Glass from Karanis. Ann. Arbor.*

Hayes Y.W., 1972. *Late roman pottery. London.*

Hayes Y.W., 1975. *Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum. A Cataloge. Toronto.*

I Goti, 1994. *Catalog. Milano.*

Masterpieces of Glass, 1968. *London.*

Philippe J., 1964. *Initiation f l Historie du Verre. Liege.*

Radnoti A., 1957. *Flasgefabe und Glasge-genstande Intercisa II. Archaeologia Hungarica. 36. Budapest.*

Sammlung Hentrich, 1974. *A. von Saldern. Glassammlung Hentrich. Antike und Islam. Kataloge des Kunstmuseums Dusseldorf. Dusseldorf.*

Sammlung K.L. Wissenschaftliche Kataloge des Romisch-Germanischen Museums. Bend III. Koln.

Sammlung Oppenlander, 1974. *Glaser der Antike. Sammlung Erwin Oppenlander. Hamburg.*

Sazanov A., 1995. *Verres a decor de pastilles bleues provtnant des fouilles de la mer Noire // Le verre de l Antiquite tardive et du Haut moyen*

age: Typologue-Chronologie-Diffusion. Musee Archeologique departemental du val d Oise.

Smith Collection, 1957. *Glass from the ancient world. The Rey Winfield Smith Collection. The Corning Museum of Glass. Corning New York.*

Svoboda B., 1965. *Cechy v dobe stenovani narodu. Praha.*

The Constable — Maxwell Collection of Ancient Glass, 1979. *Catalogue.*

Weinberg G.D., 1963. *A Parallel to the Higydown Hill Glass // J G S vol. V. Corning, New York.*

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Классификация стеклянных сосудов с орнаментом из синих капель Н.П. Сорокиной.

Рис. 2. Классификация стеклянных стаканов Н.П. Сорокиной с учетом внесенных в нее дополнений.

Рис. 3. Классификационная таблица стеклянных стаканов типа II и конических кубков типа III И.П. Засецкой.

Рис. 4. Стеклянные стаканы типа I из собрания Эрмитажа (кат. 1—7, 9—13).

Рис. 5. Стеклянные стаканы типов I и II из собрания Эрмитажа (кат. 8, 14—21).

Рис. 6. Стеклянные стаканы, чаша и конические кубки из собрания Эрмитажа.

Рис. 7. Хронологические таблицы из статьи А. Сазанова (расшифровка изображений И.П. Засецкой):

I: 1, 10, 12 — Цебельда; 2 — Синявки; 3 — Паннония, Sopron; 4, 7, 15 — Пантикапей: мог. 29/1949, склепы 179, 154; 5 — Марфовка; 6 — Харакс; 9 — Фанагория, мог. 50; 11 — ?; 13 — склеп 6, Совхоз 10; 14 — Гиляч.

II: 1, 2, 3, 4, 6, 8 — Цебельда; 5 — Пантикапей, склеп 145 (?); 7 — Дюрсо, мог. 483; 9, 10 — Дюрсо, мог. 517.

III: 1, 2 — Цебельда; 4 — Северное Причерноморье; 3, 5 — (?).

Рис. 8. Хронологическая таблица И.П. Засецкой.

SUMMARY

ABOUT TWO CLASSIFICATIONS OF GLASS VESSELS DECORATED WITH SOLDERED DROPS AND THREADS OF BLUE GLASS

I.P. Zasetskaya

The article is devoted to the comparative analysis of two classifications of glass vessels with drops of blue glass produced by I.P. Sorokina (1971) and A. Sazanov (1995). In the last work the author offered his own version of typology and chronology of the items marking the typology by Sorokina as not useful enough.

To be appreciated these two classifications should be clear and have the logical construction of a classification scheme. Only in this case the classification might be used as a base for the following investigation of the objects discussed. And possible to bring a new supplementary information in the classification.

Discussing glasses and cups from the Hermitage collection I tried to show that the typology by Sorokina, though slightly corrected, is still actual and useful. But the work by A. Sazanov seems to be more complicated and difficult for perception. There is no any general scheme of the classification. Some terms are used in different meanings. The consistence of classes is not logical. The scales and the list of items are absent. As a result it makes one perplexed — why was it necessary to build a new classification if in the end the author suggests the same conclusions and singles out three types as I.P. Sorokina did.

The dating of glass vessels offered by A. Sazanov has a declarative character. The developed argumentation — to prove the chronology of finds and their context — is completely absent in the article. In his chronological scheme of A. Sazanov gives only dates for separate items but generally he does not single out the periods of one or another type or version. It marks one to be unable to use this scheme for the chronological purpose. And it's the only way that makes it possible...

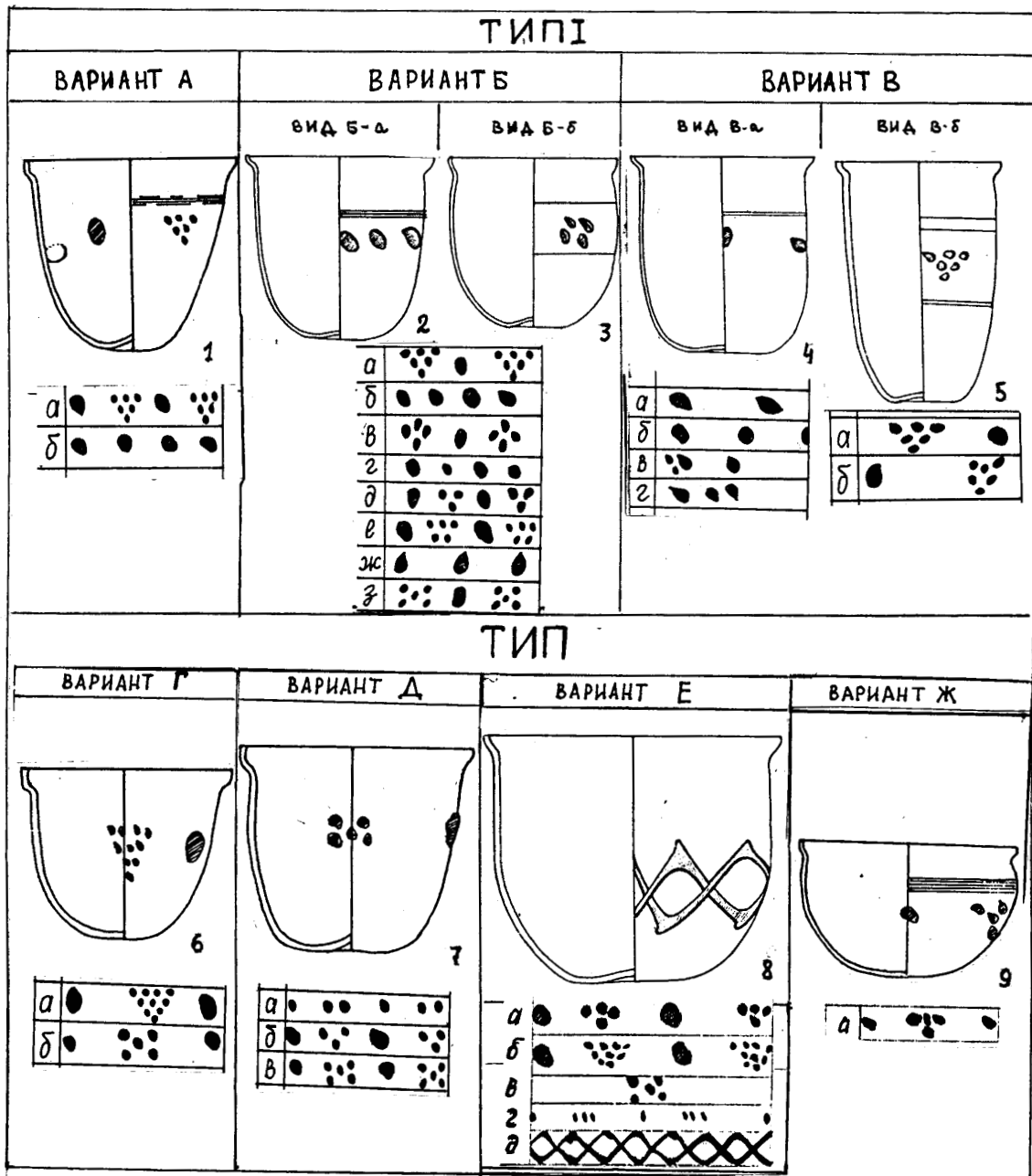
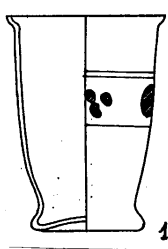
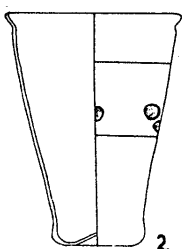
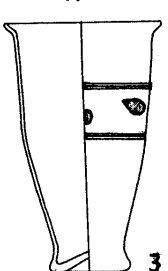
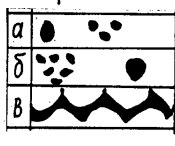
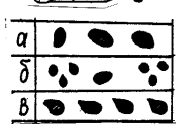
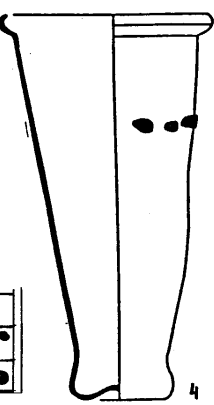
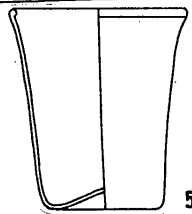
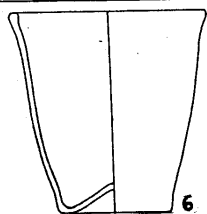

Рис. 2

ТИП II

ПОДТИП 1				ПОДТИП 2	
ВАРИАНТ А		ВАРИАНТ Б		ВАРИАНТ А	
 1		 2		 3	
				 4	
				 5	
				ВАРИАНТ Б	
				 6	

ТИП III

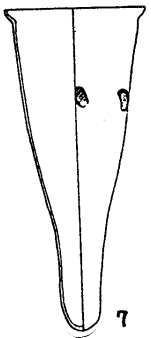
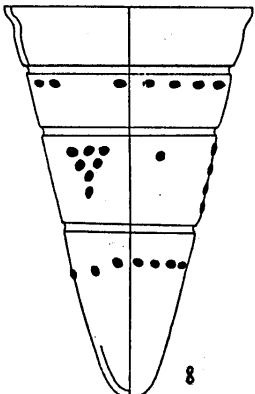
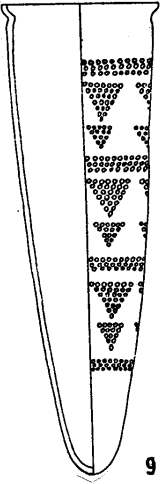
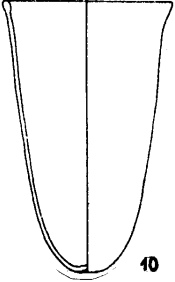
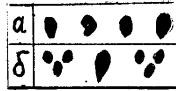
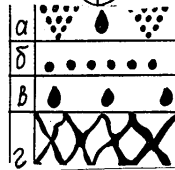
ПОДТИП 1			ПОДТИП 2
ВАРИАНТ А	ВАРИАНТ Б	ВАРИАНТ В	
 7	 8	 9	 10
			

Рис. 3

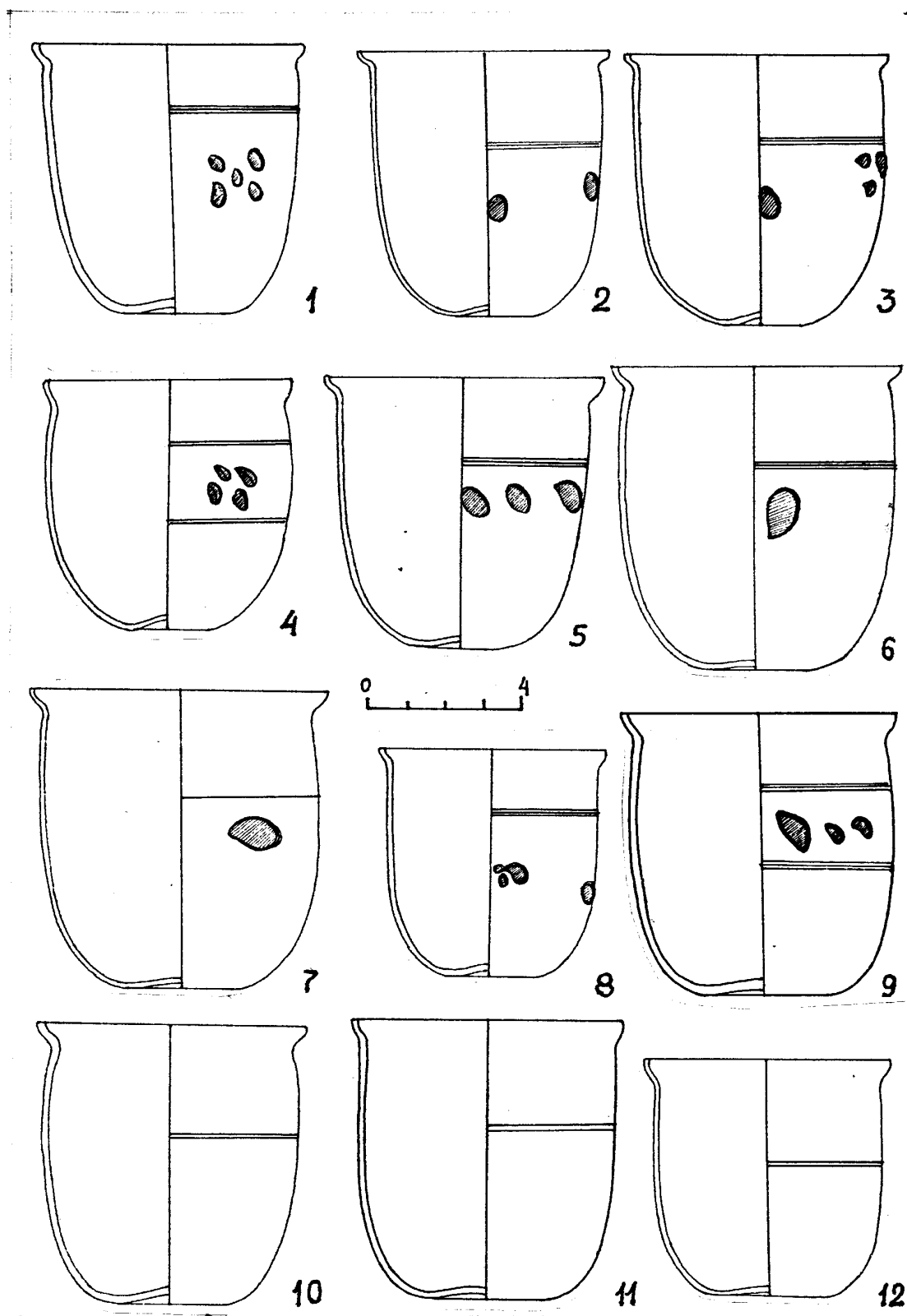

Рис. 4

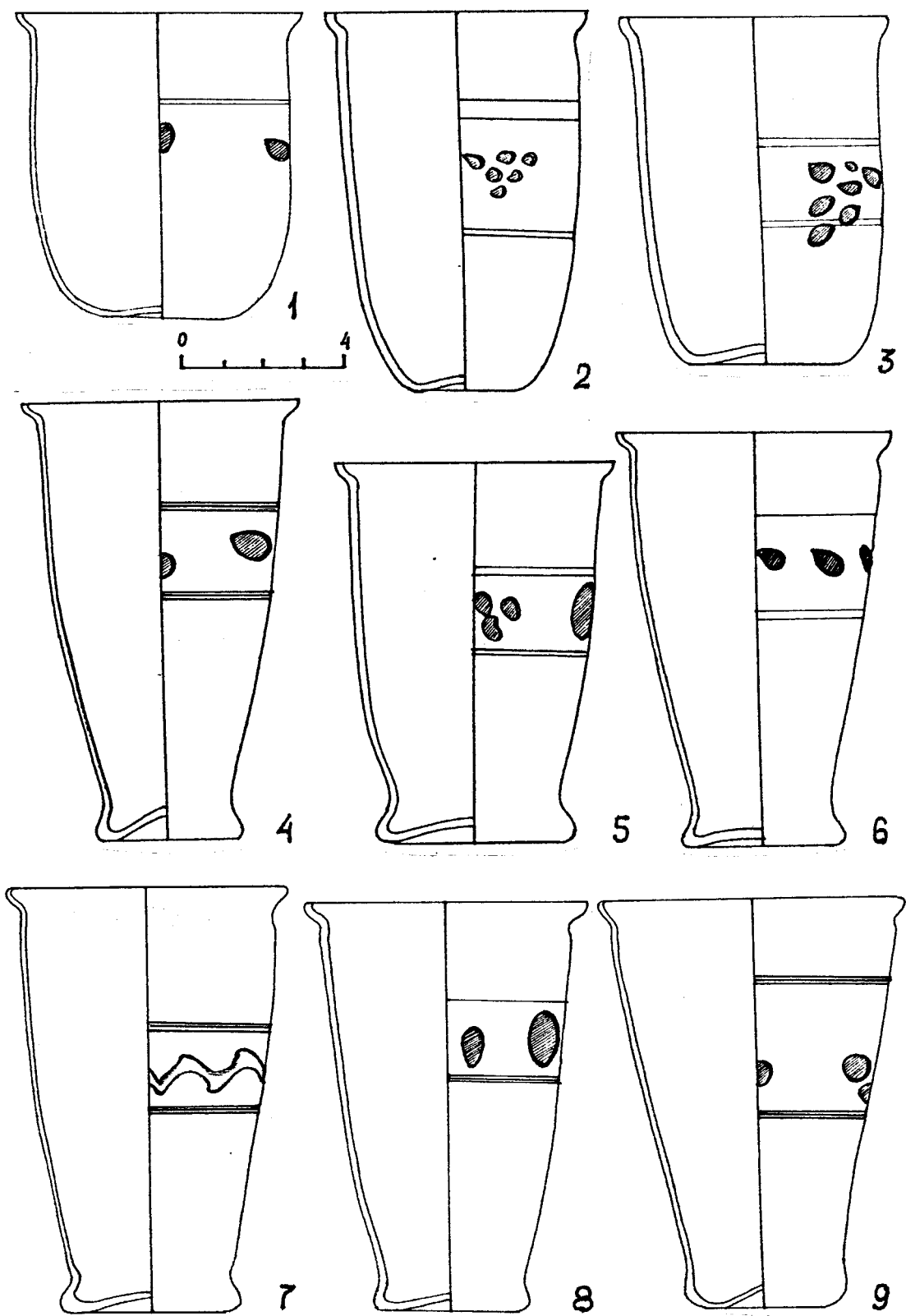

Рис. 5

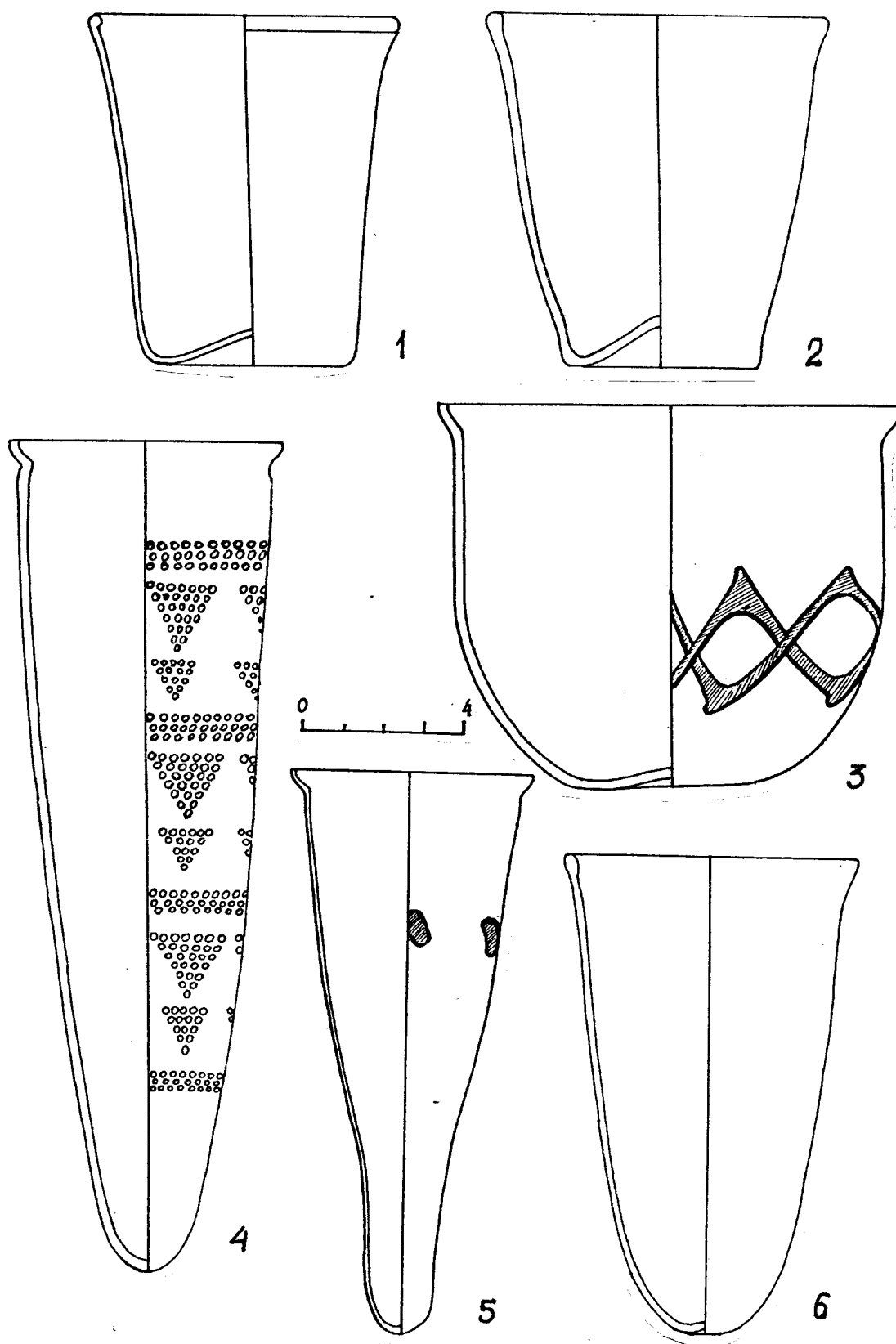

Рис. 6

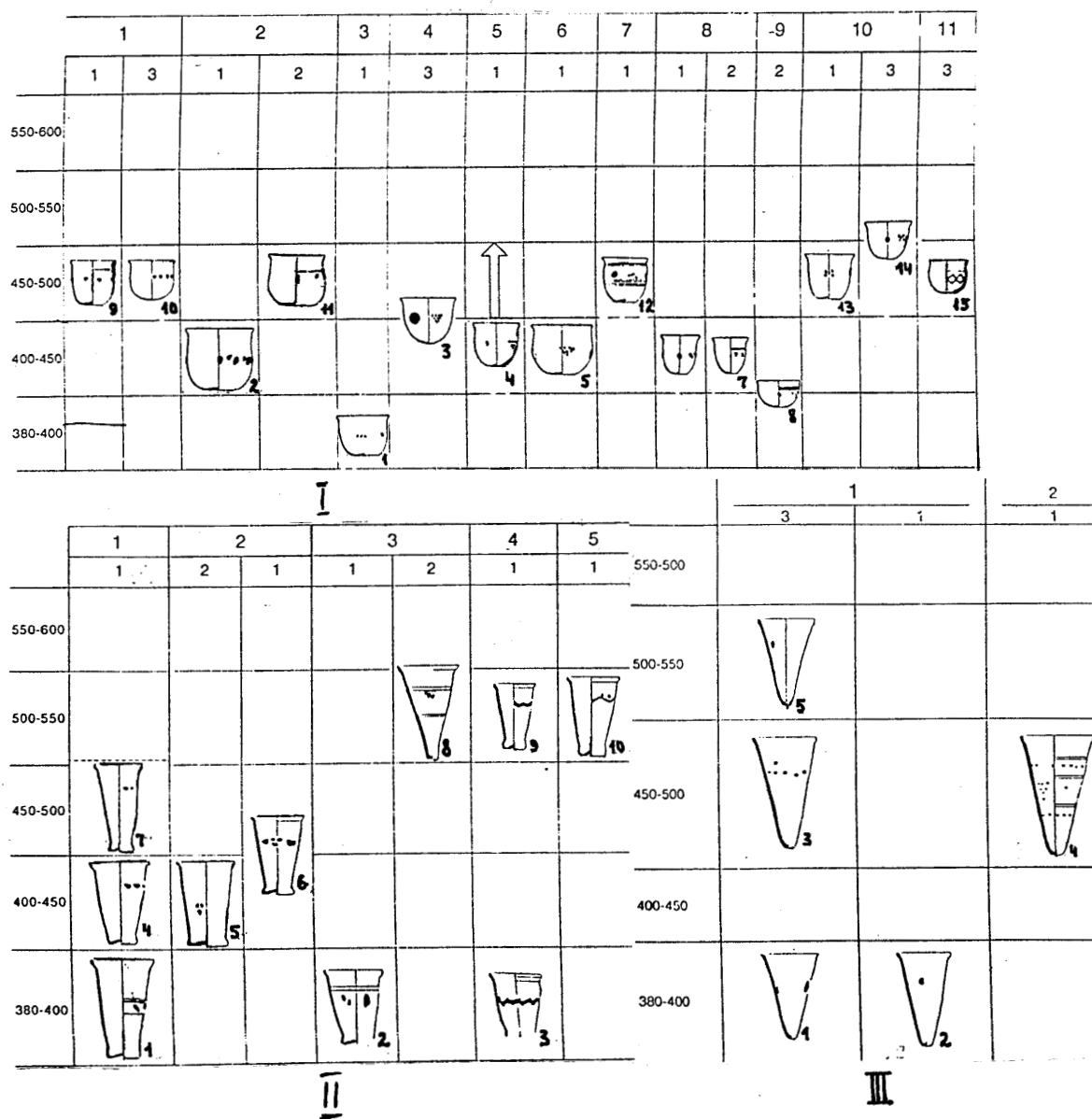

Рис. 7

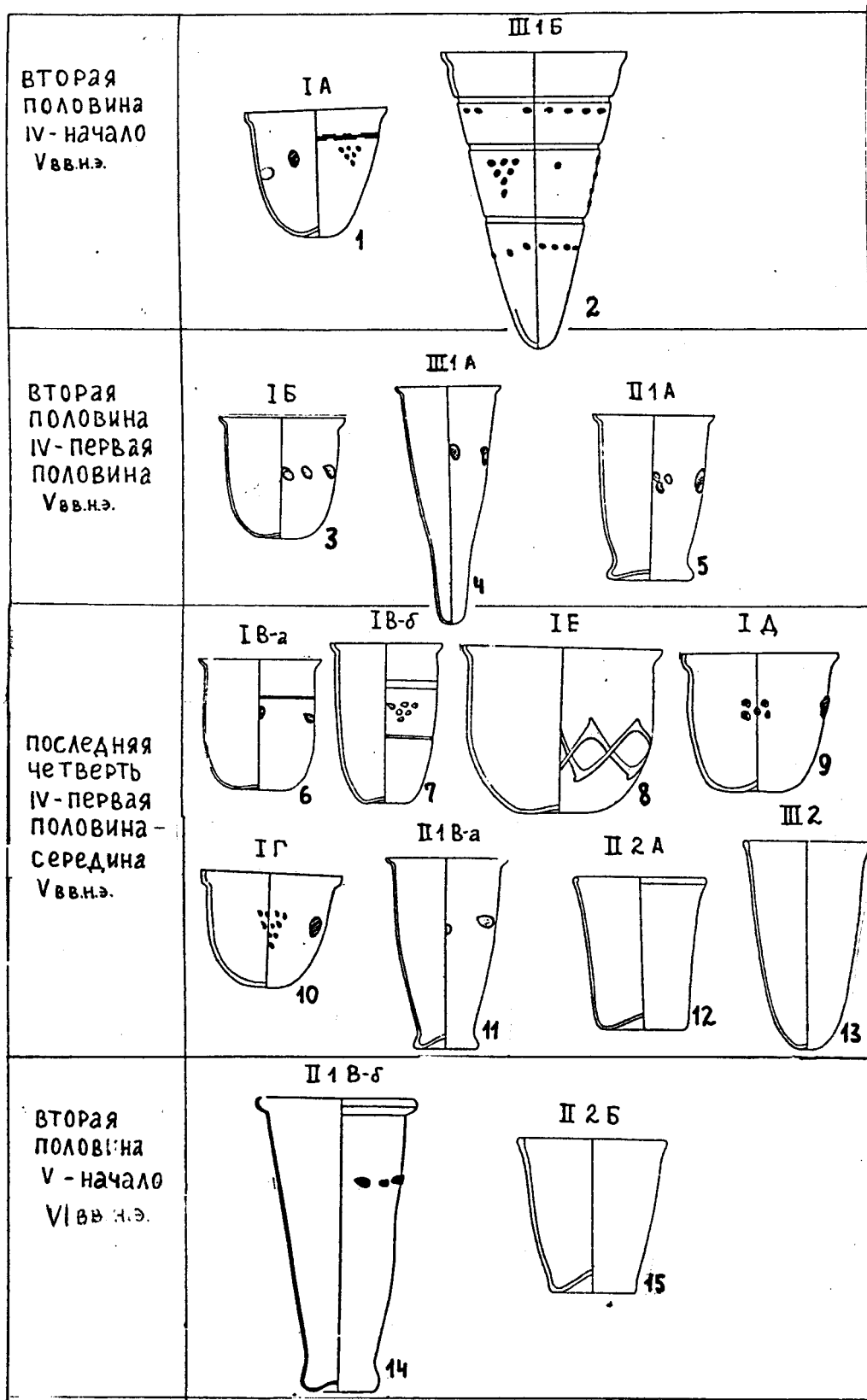

Рис. 8

РАССКАЗ О БАЧМАНЕ *

Е.П. Мыськов

О завоевании монголами Причерноморских и Прикаспийских степей в письменных источниках сохранились лишь весьма краткие, отрывочные и, как правило, недатированные сведения. Единственное исключение — довольно подробный рассказ Джувейни о действиях большого отряда половцев под командованием Бачмана, который неоднократно совершал смелые нападения на монгольские войска в нижнем течении Волги.

Он «бросался, как волк, в какую-нибудь сторону и уносил что-нибудь с собою. Мало-помалу зло от него усиливалось, смута и беспорядки умножались. Где бы войска [монгольские] ни искали следов [его], нигде не находили его, потому что он уходил в другое место и оставался невредимым. Так как убежищем и притоном ему большею частью служили берега Итиля... Менгу-каан велел изготовить 200 судов и на каждое судно посадил сотню вполне вооруженных монголов. Он и брат его Бучек оба пошли облавой по обоим берегам реки. Прибыв в один из лесов Итиля, они нашли следы откочевавшего утром стана... Когда узнали наверняка, что Бачман только что откочевал и укрылся на остров, то вследствие того что не было судна, а река волновалась, подобно морю, никому нельзя было переплыть [туда]... Вдруг поднялся ветер, воду от места переправы на остров отбросил в другую сторону, и обнаружилась земля. Менгу-каан приказал войску немедленно поскакать [на остров]... Бачмана схватили и уничтожили его войско. Когда Бачмана привели к Менгу-каану... тот приказал брату своему Бучеку разрубить его [Бачмана] на две части» (Тизенгаузен В.Г., 1941, с. 24).

Из общего контекста этого сообщения ясно, что преследование Бачмана и его сторонников войсками Менгу и Бучека было организовано поздней весной, летом или ранней осенью, т. е. в то время, когда Волга была свободна ото льда. В сочинении Джувейни «Рассказ о Бачмане...» не датирован, однако специально указано, что описанные в нем события происходили уже после завоевания областей «Булгара, асов, Руси и племен кип-

чакских, аланских и других, [когда] все эти земли были очищены от смутьянов и все, что уцелело от меча, преклонило голову перед начертанием [высшего] повеления» (Тизенгаузен В.Г., 1941, с. 24).

В книге Рашида ад-Дина также приведен рассказ о деятельности отряда Бачмана и о его поголовном истреблении, причем он представляет собой почти дословный пересказ соответствующей главы сочинения Джувейни (Тизенгаузен В.Г., 1941, с. 35—36). Тем не менее различия между этими источниками весьма существенны. Прежде всего, в книге Рашида ад-Дина полностью опущен абзац о том, что преследование Бачмана и его сторонников войсками Менгу и Бучека осуществлялось уже после того, как территории Волжской Болгарии, Руси, Кипчака, аланов и асов были «очищены от смутьянов». Кроме того, Рашид ад-Дин сообщает, что, уничтожив Бачмана, Менгу все лето провел в Нижне-Волжских степях, и только после этого, осенью 1237 г., начался поход монгольских войск на Русь. Следовательно, Рашид ад-Дин весьма точно датирует рассматриваемые события — весной или летом 1237 г., т. е. до нападения на русские княжества. Версия Рашида ад-Дина получила признание у некоторых исследователей (Майский И.М., 1962, с. 77; The history... , 1958, p. 554). Тем не менее ее следует признать ошибочной.

Хорошо известно, что именно сочинение Джувейни являлось одним из основных источников для книги Рашида ад-Дина. В сборнике летописей рассказ о Бачмане производит впечатление не очень удачной вставки в текст, взятой из какого-то другого источника, т. к. противоречит приведенной дате. Действия Бачмана, безусловно, следует расценивать как партизанские. Он постоянно скрывается от монгольских войск в лесах и даже не пытается вступить с ними в открытое противоборство. Такая ситуация могла сложиться в Нижне-Волжских степях только после того, как основные силы половцев уже были уничтожены. Между тем у того же Рашида ад-Дина имеется вполне конкретное указа-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 00-01-00068a/B).

ние на то, что только в конце 1237 г. или в первой половине 1238 г. «Берке отправился в поход на кипчаков и взял [в плен] Арджумака, Куранбаса и Капарана, военачальников Беркути», причем в этом отрывке нет ни слова ни о Бачмане, ни о Менгу, ни о Бучеке (Тизенгаузен В.Г., 1941, с. 37). Это дает основание предполагать, что Бачман, скорее всего, был захвачен в плен и казнен не ранее весны 1239 г.

По данным Рашида ад-Дина, Менгу по приказу Великого кагана Угедея покинул армию Бату и вернулся в Монголию осенью 1239 г. (Тизенгаузен В.Г., 1941, с. 37). В русских летописях имя Менгу названо среди имен других царевичей-чингизидов, осаждавших Киев в 1240 г. (ПСРЛ, 1843, с. 177; ПСРЛ, 1885, с. 116). При этом известно, что в походе против Польши и Венгрии, который начался зимой 1241 г., он участия не принимал. Таким образом, «Рассказ о Бачмане и уничтожении его» повествует о событиях, которые происходили в период с весны 1239 г. до осени 1240 г.

По мнению многих советских исследователей, монголы при покорении Половецкой степи, Волжской Болгарии и Руси понесли огромные потери, и поэтому для дальнейших успешных завоеваний у них уже не было сил (Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950, с. 217; Майский И.М., 1962, с. 77; Рамм Б.Я., 1959, с. 144; Каргалов В.В., 1966, с. 94; Тихвинский С.Л., 1977, с. 8). Кроме того, в тылу монгольских войск постоянно вспыхивали восстания покоренного населения, которые предопределили «провал» похода в страны Центральной Европы. Особое внимание при этом обращается на действия дружины Евпатия Коловрата, восстание в Бухаре под руководством Махмуда Тараби, восстание в Волжской Болгарии и деятельность отряда Бачмана (Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950, с. 58—59; Пашуто В.Т., 1977, с. 212—215).

Не ставя под сомнение значение освободительной борьбы народов против монгольских захватчиков, отметим, что Евпатий Коловрат погиб в 1238 г. (Черепнин Л.В., 1977,

с. 194), в этом же году произошло восстание в Бухаре (Петрушевский И.П., 1977, с. 131), а восстание в Волжской Болгарии — не ранее 1243 г. (Егоров В.Л., 1985, с. 179). Бачман, как мы установили, был казнен не позднее осени 1240 г., т. е. до взятия Киева. Следовательно, ни одно из этих событий не могло серьезно повлиять на подготовку и проведение похода монгольских войск в страны Центральной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950. *Золотая Орда и ее падение*. М.; Л.
- Егоров В.Л., 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* М.
- Каргалов В.В., 1966. *Монголо-татарское нашествие на Русь*. М.
- Майский И.М., 1962. *Чингисхан // Вопросы истории*. № 5.
- Пашуто В.Т., 1977. *Монгольский поход вглубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.
- Петрушевский И.П., 1977. *Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.
- ПСРЛ (Полное собрание русских летописей), 1843. Т. II. СПб.
- ПСРЛ, 1885. Т. X. СПб.
- Рамм Б.Я., 1959. *Папство и Русь в XV вв.* М.; Л.
- Тизенгаузен В.Г., 1941. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. II. М.; Л.
- Тихвинский С.Л., 1977. *Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе // Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.
- Черепнин Л.В., 1977. *Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.
- The history of the world-conqueror*, 1958. Vol. II. Manchester: Manchester University Press.

SUMMARY

THE STORY ABOUT BACHMAN

E.P. Myskov

In the sources there are several versions of a story about the actions of the Polovtsy detachment headed by Bachman against the Mongols. The events were dated to 1237. But this date is likely wrong. Apparently Bachman was executed in the period from spring 1239 to autumn 1240.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МИНЕРАЛОГИЧЕСКИХ И ПЕТРОФИЗИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ СОСТОЯНИЯ СОЕДИНЕНИЙ ЖЕЛЕЗА В ПАЛЕОПОЧВАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ КЛИМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ СТЕПЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ *

А.О. Алексеев, В.А. Демкин, Т.В. Алексеева

Погребенные почвы грунтовых археологических памятников — своего рода архив информации о пространственно-временной изменчивости природной среды за историческое время. При изучении этих объектов с целью реконструкции палеогеографических условий прошлых эпох необходимо решать проблему разделения свойств, являющихся, с одной стороны, показателями возраста почв, с другой — индикаторами биоклиматических условий в период их формирования и развития. К числу важнейших диагностических параметров, отражающих условия почвообразования, относится состояние минеральных компонентов почвы.

Почвенные минеральные компоненты являются, с одной стороны, консервативной частью почв, а с другой — памятью почвы, отражающей этапы ее развития при изменяющихся условиях окружающей среды (Stahr K., 1994). Вопрос о соотношении педогенных минеральных трансформаций при специфических биоклиматических условиях и возраста почвообразования остается нерешенным (Dixon J.B., 1995).

Состояние минеральной массы почв является фундаментальным свойством, обуславливающим генезис почв, их физико-химические свойства. Однако механизмы этой обусловленности, так же как и процессы формирования, природной эволюции и антропогенного изменения самих минеральных компонентов, изучены недостаточно, для того чтобы в полной мере представить себе результаты эволюции почв и экосистемы в целом. С одной стороны, это объясняется особенностями самого явления: процессы трансформации характеризуются длительностью и малыми скоростями, с другой — недостаточностью существующих методических подходов для анализа процессных явлений, изучения их механизмов. К числу новых и весьма информативных параметров состояния природ-

ной среды в прошлые исторические эпохи (сотни и первые тысячи лет назад), безусловно, относятся магнитные свойства палеопочв, содержание и формы железистых минералов в них.

Способность железа менять валентность, растворимость в зависимости от физико-химических условий вызывает повышенный интерес к нему как диагностическому элементу многих почвенных и природных процессов. Накоплен обширный литературный материал, позволяющий представить основные тенденции в поведении соединений железа в породах и почвах различных почвенно-климатических зон (Зонн С.В., 1982; Бабанин В.Ф., Трухин В.И., Карпачевский Л.О., Иванов А.В., Морозов В.В., 1995; Водяницкий Ю.Н., 1989; Алексеев А.О., 1992; Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Моргун Е.Г., Самойлова Е.М., 1996; Schwertmann U. and Taylor R.M., 1989; и другие).

Задача наших исследований заключалась в разработке системы минералого-петрофизических индикаторов для реконструкции истории развития природной среды в степной зоне Восточной Европы во второй половине голоцена (последние 5000 лет). В работе использован комплекс почвенно-археологических, инструментальных минералогических и физических методов (мессбауэровская спектроскопия, магнитные и термомагнитные исследования). Методы магнетизма окружающей среды в настоящее время широко используются в России и за рубежом при изучении почвенно-лессовых комплексов, но до сих пор не получили достаточного применения при изучении голоценовых погребенных почв.

Объекты и методы

Объектами изучения послужили палеопочвы, погребенные под разновозрастными археологическими памятниками эпох бронзы, раннего железа и Средневековья (кур-

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

ганный могильник Абганерово II), а также современные фоновые почвы. Исследованные курганы расположены в пустынно-степной части Ергенинской возвышенности (подзона светло-каштановых почв) в 80 км к юго-западу от г. Волгограда. Могильник приурочен к типичному для региона балочно-речному водоразделу. Время сооружения изученных памятников относится к рубежу IV—III тыс. до н. э. (ямная культура), XIX—XVII вв. до н. э. (катакомбная культура), III—IV вв. н. э. (позднесарматская культура) и XIII—XIV вв. н. э. (золотоордынское время). Использованный нами комплекс физических и минералогических методов в мировой практике почвенно-археологических исследований применен впервые. Поэтому, прежде чем обсудить полученные результаты, необходимо остановиться на его характеристике.

Состояние соединений железа в почвенных профилях изучалось с помощью современных физических методов: Мессбауэровская спектроскопия, магнитные измерения. Съемку мессбауэровских спектров осуществляли при комнатной температуре на спектрометре МС-1101Е в режиме постоянных ускорений с использованием источника γ -квантов ^{57}Co в матрице хрома. Изомерные сдвиги определялись относительно нитропрусида натрия. Измерения удельной магнитной восприимчивости и термомагнитные измерения проводились на приборе «KappaBridge KLY-2».

Основными свойствами соединений железа, которые позволяют использовать неразрушающие физические методы для их диагностики, являются разнообразие магнитного поведения атомов, молекул и минералов, содержащих Fe, возможность наблюдения ядерного гамма-резонанса (ЯГР) на одном из изотопов железа — ^{57}Fe .

Магнитные методы. Магнитные характеристики почв отражают количество и качество содержащихся в них оксидов железа. Магнитные свойства железосодержащих соединений вполне определенно связаны с их строением, составом, дисперсностью. Магнитные методы исследования ферромагнитных минералов (магнетит, гематит, маггемит, гетит и т. д.) достаточно просты и высокопроизводительны, что дает возможность проводить массовые исследования в масштабах, труднодостижимых при использовании немагнитных методов.

К магнитным параметрам, отражающим состояние железа в почве, относятся: маг-

нитная восприимчивость, намагниченность насыщения, температура Кюри и Нееля и другие. Магнитная восприимчивость χ одна из наиболее просто определяемых петрофизических характеристик, и в настоящее время накоплен достаточно большой материал по использованию этого параметра для задач почвоведения.

Основные магнитные свойства почвенных компонентов и магнитная восприимчивость зональных типов почв рассмотрены А.В. Вадюниной и В.Ф. Бабаниным (1972). Этими авторами, а также авторами ряда других работ (Водяницкий Ю.Н., 1989; Mullins С.Е., 1977; Maher В.А., 1986; и другие) показано, что величина χ почв определяется наличием в них железистых сильномагнитных минералов — магнетита и маггемита, а также титаносодержащих их разновидностей. В ходе почвообразования происходит изменение χ по сравнению с χ материнской породы, величина и знак которого зависят от факторов почвообразования. В целом условия трансформации железистых минералов приводят к возрастанию содержания ферромагнетиков, и следовательно χ , и во многом совпадают с условиями, при которых накапливаются гуминовые кислоты (Бабанин В.Ф., 1971). В автоморфных почвах, где преобладают окислительные условия, величина χ по сравнению с материнской породой возрастает, в восстановительных условиях — как правило, уменьшается. Как следует из анализа χ зонального ряда почв, характер изменения χ по профилю почвы отражает генетические особенности почв на типовом уровне (Бабанин В.Ф., 1971). В дальнейшем исследования χ и других магнитных параметров успешно использовались для картирования определения степени эродированности почв в качестве дополнительного диагностического показателя при изучении генезиса и плодородия почв (Водяницкий Ю.Н, 1989; Бабанин В.Ф., Трухин В.И., Карпачевский Л.О., Иванов А.В., Морозов В.В., 1995). Было показано, что магнитная восприимчивость почв — генетическая характеристика почвообразовательного процесса, отражающая распределение и состояние соединений железа в почвах и ландшафтах (Алексеев А.О., Рысков Я.Г., 1988; Алексеев А.О., 1992; Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Моргун Е.Г., Самойлова Е.М., 1996). Величина магнитной восприимчивости почв закономерно изменяется во времени. Это позволило предложить новый метод датирова-

ния палеопочв нарушенных археологических памятников, а также голоценовых почв, погребенных под естественными наносами (Алексеев А.О., Рысков Я.Г., 1988; Демкин В.А., Губин С.В., Рысков Я.Г., Алексеев А.О., Олейник С.А., Лукашов А.В., Кригер В.А., 1989).

Лессы и почвы, являющиеся уникальными индикаторами изменения палеогеографической обстановки, широко исследовались магнитными и палеомагнитными методами (Heller F. and Liu T., 1986; Kukla G. et al., 1988; Maher B.A. Maher B.A., Thompson R. and Zhou L.P., 1994; Maher B.A. and Thompson R., 1995; Большаков В.А., 1996; и др.). В этих работах была показана связь магнитных свойств почв и лессов с климатическими условиями их образования.

Определение значения χ как генетического показателя, способного наряду с другими признаками служить для диагностики почвы, а также изменений климатических условий почвообразования, представляется полезным и важным, поскольку χ определяется инструментальным путем, и следовательно, объективно, одинаково легко в полевых и лабораторных условиях, без химического разрушения образца, что обеспечивает картину, соответствующую природной.

Кроме того, магнитные измерения позволяют получить информацию о качественном и количественном составе железистых минералов почв. Наиболее перспективным методом в этом направлении является терромагнитный анализ. В работе использовалась методика дискретного терромагнитного анализа в разных окислительно-восстановительных условиях, предложенная Водяницким Ю.Н. (1996).

Мессбауэровская (ЯГР) спектроскопия.

Применение мессбауэровской (ЯГР) спектроскопии открыло значительные возможности для изучения почвенных окислов железа. Впервые этот метод к анализу почвенных соединений железа был применен Карпачевским Л.О. и Бабаниным В.Ф. (1972) и успешно используется для почвенных исследований (Бабанин В.Ф., Трухин В.И., Карпачевский Л.О., Иванов А.В., Морозов В.В., 1995). Широкое применение этот метод нашел и в работах зарубежных исследователей (Bigham J.M., Golden D.C., Bowden L.H., Buol S.W. and Weed S.B., 1978, p. 816—825; Murad E., 1988). Очевидная полезность этого метода является результатом трех факторов.

Во-первых, мессбауэровский спектр железистого минерала является характерным для этого минерала, своеобразным «отпечатком пальцев». Во-вторых, мессбауэровский эффект — явление ядерное и может быть применено для изучения тонкодисперсных или плохо окристаллизованных соединений. В-третьих, наиболее важным обстоятельством в исследовании почвенного железа этим методом является тот факт, что с помощью мессбауэровской спектроскопии на ^{57}Fe можно исследовать только состояние железа в составе почвы или других объектов, другие элементы для этого метода «невидимы». К параметрам, описывающим мессбауэровские спектры, относятся: интенсивность и ширина линии резонансного поглощения, изомерный сдвиг (δ , ИС), квадрупольное расщепление (Δ , КР) и эффективное магнитное поле ($H_{\text{эфф}}$ — внутреннее поле на ядре железа, созданное собственными электронами и окружением). Значение этих параметров зависит от типа и величины сверхтонких взаимодействий, существующих между распределением заряда ядер Fe^{57} и внутрикристаллическими магнитными и электрическими полями.

Величина изомерного сдвига (ИС) пропорциональна относительной разности электронных плотностей на ядрах источника и поглотителя. Значения ИС для ионных и ковалентных состояний лежат в пределах определенных областей. Так, изомерные сдвиги для Fe^{2+} и Fe^{3+} (Fe^{3+} — $0,4 \div 0,9$ мм/с; для Fe^{2+} — $1,0 \div 1,8$ мм/с) существенно различаются. Таким образом, измерение изомерного сдвига может быть использовано для определения валентного состояния железа в соединении без его разрушения.

Квадрупольное расщепление (КР) возникает за счет взаимодействия неоднородного внутрикристаллического поля с резонансным ядром. КР характерно для соединений, в которых атом железа находится не в кубическом окружении другими атомами. Величина КР позволяет судить о структуре непосредственного окружения резонансного атома. КР, как и изомерный сдвиг, изменяется с изменением степени окисления резонансного атома, электронной конфигурации и координационного числа. Так, для Fe^{2+} и Fe^{3+} величины КР лежат в пределах $1,5 \div 3,7$ мм/с и $0,0 \div 1,0$ мм/с соответственно и по-разному зависят от температуры, что позволяет разделить спектры двух- и трехвалентного железа в случае совпадения параметров.

В окислах железа, которые являются ферри-, ферро-, антиферромагнетиками, ядерные энергетические уровни ^{57}Fe могут далее расщепляться благодаря взаимодействию с сильными внутренними магнитными полями этих минералов. Величина этого расщепления пропорциональна силе внутреннего эффективного магнитного поля ($H_{\text{эфф}}$). $H_{\text{эфф}}$ — один из важнейших диагностических параметров для оксидов железа, так как каждое из этих соединений обладает магнитной структурой и определенным эффективным магнитным полем на ядрах железа. Кроме того, $H_{\text{эфф}}$ зависит от многих причин и в первую очередь от наличия изоморфных примесей и размера частиц оксидов железа.

ЯГР может быть использован для полной характеристики состояния Fe в изучаемом объекте (почва, порода, древние керамические изделия и т. д.): его валентности, координации, ионного и ковалентного типов связи, магнитного состояния, — пара, ферро-, антиферро- или суперпарамагнитного. Кроме того, ЯГР позволяет определять формы нахождения железа в виде дисперсных фаз и в примесном состоянии, определять количество и размеры кристаллов основных оксидов железа, находить распределения Fe^{2+} и Fe^{3+} в неэквивалентных структурных положениях. С помощью ЯГР возможно изучение фазовых превращений, магнитных фаз при нагревании и охлаждении минералов и почв, изучение процессов окисления и восстановления при изменении окислительно-восстановительных условий, процессов миграции и накопления железа. Для применения ЯГРС в почвоведении и археологии очень важно, что образцы могут исследоваться в виде порошков, без выделения мономинеральных фракций, в количествах до 200—300 мг в тонкодисперсных и рентгеноаморфных фазах, адсорбированных пленках, при любых концентрациях — от главного компонента до примесей (сотые доли процента). При этом объем информации, получаемый из спектров, не уменьшается при переходе от крупных минералов к глинам, почвам, для которых ЯГР вообще может быть источником наиболее полной характеристики состава железосодержащих фаз (Бабанин В.Ф., 1983; Бабанин В.Ф., Трухин В.И., Карпачевский Л.О., Иванов А.В., Морозов В.В., 1995; Murad E., 1988; Гончаров Г.Н., 1990). В заключение особо отметим, что применение ЯГРС при изучении древних керамических

изделий дает возможность получить информацию о процессе производства (методах изготовления и условиях обжига), происхождении материала, а также возрасте (Престон Р., Гонзер У., 1983). По-видимому, здесь следует упомянуть и о том, что мессбауэровский метод исследований является неразрушающим.

Результаты и обсуждение

На рис. 1 представлены профильные распределения величины магнитной восприимчивости изученных почв. Видно, что максимальные изменения в исследуемом хроноинтервале наблюдаются в верхнем слое (~ 50 см), в горизонтах A_1 , B_1 и B_2 . Поэтому более подробное изучение состояния соединений железа комплексом всех методов было проведено именно в этих образцах.

Мессбауэровские спектры, полученные при комнатной температуре, представляют собой суперпозицию линий Fe^{3+} и Fe^{2+} , занимающих различные структурные позиции в почвенных минеральных компонентах (рис. 2). Отсутствие секстета линий (СТС) в спектрах, полученных при комнатной температуре, позволяет предположить наличие в образцах слабо окристаллизованных и высокодисперсных форм железа. Для обработки спектров была выбрана модель из трех дублетов для программы UNIV (Дубовцев И.А., Брюгман С.А., Орлов С.В., 1988). Мы предполагали, что Fe^{3+} и Fe^{2+} содержится в структуре алюмосиликатов и в составе одной свободной формы (высокодисперсные гидроокиси железа). Отношение $\text{Fe}^{2+}/(\text{Fe}^{3+} + \text{Fe}^{2+})$ можно рассматривать в качестве показателя степени преобразованности материала в ходе выветривания (Алексеев А.О., 1992).

Известно, что главным источником железа в почвах являются первичные минералы почвообразующих пород при их разрушении и в результате выветривания и почвообразования. Основными факторами, определяющими скорость и интенсивность высвобождения железа при выветривании, являются температура, водный режим, pH, Eh и биологическая активность. Роль температуры и водного режима определяются достаточно прямой зависимостью: интенсивность выветривания возрастает с ростом температуры и уменьшается в отсутствие воды (аридный климат). Значения pH представляются наиболее важным фактором, поскольку протолиз является преимущественным механизмом,

обуславливающим разрушение кристаллических структур при химическом выветривании. Окислительный потенциал, который непосредственно связан с биологической активностью и положением относительно уровня грунтовых вод, определяет валентное состояние Fe и, как следствие, его миграционную способность. Выветривание энергично протекает там, где температура выше, ибо известно, что при повышении ее на 10 °C скорость всех химических реакций увеличивается примерно в 2—2,5 раза. Со временем зависимость скорости высвобождения оснований из решетки минералов уменьшается (Loughnan F.C., 1969). Не менее важную роль играют массы метеорных осадков, ибо чем большие порции влаги промывают кору, тем энергичнее идет гидролиз силикатов, тем интенсивнее вынос веществ, переходящих в раствор, т. е. выщелачивание (Страхов Н.М., 1963). Превращение железистых минералов в почвах — весьма характерный процесс и во многом определяется условиями почвообразования (или сменой условий).

Анализ изменения валентного состояния железа в структуре силикатов изученного хроноряда и изменение магнитной восприимчивости, отражающей содержание окристаллизованных форм железа, свидетельствуют о трансформационных переходах железа в ходе почвообразования *in situ* (рис. 3). В ходе выветривания железо (Fe^{2+}) высвобождается из структуры силикатов и кристаллизуется в виде оксидов (Fe^{3+}), а не связано с привносом оксидов железа из других источников. Анализ изменения содержания валового железа осуществлен по площади ЯГР-спектров, которая пропорциональна содержанию железа.

Для определения причин изменения магнитной восприимчивости в горизонте A_1 проведен дискретный дифференциальный терромагнитный анализ, позволяющий идентифицировать в почве гетит (αFeOOH), гематит ($\gamma \text{Fe}_2\text{O}_3$), лепидокрокит (δFeOOH), ферригидрит ($5\text{Fe}_2\text{O}_3 \cdot 9\text{H}_2\text{O}$), ферроксигит (δFeOOH). Как отмечалось выше, формированию каждого из этих минералов или их ассоциации способствуют определенные физико-химические условия в почве. Результаты терромагнитного анализа и сравнительное распределение исходной величины магнитной восприимчивости и содержания гумуса гор. A_1 представлены на рис. 4. Как видно, во всех образцах присутствует единственная фаза с температурным максимумом при 475 °C. Вероятнее всего, это гидроксид железа, представленный супердисперсным ге-

титом. Интенсивность максимума свидетельствует о различии в содержании этой фазы.

Максимальное количество гетита отмечается в образце почвы, погребенной под средневековым курганом. Этот факт подтверждает предполагаемый для Средневековья климатический оптимум с повышенным количеством атмосферных осадков (Демкин В.А., 1997; Демкин В.А., Дергачева М.И., Рысков Я.Г., Олейник С.А., 1998). Известно, что увеличение влажности и/или снижение температуры способствует образованию гетита (Schwertmann U., 1988). Основываясь на этих результатах, возможно предположить связь между содержанием гетита в почвах как следствием величины магнитной восприимчивости и количеством годовых осадков в исследуемом регионе. Аналогичный результат был получен для почв лессового плато Китая (Maher B.A., Thompson R., 1995). Основываясь на этом факте, авторы предлагали использовать магнитную восприимчивость для палеореконструкций количества годовых осадков.

Магнитная восприимчивость почв в пределах исследованной территории выше χ материнских пород. А.Ф. Вадюнина и В.Ф. Бабанин (1972) для сравнения различных почв успешно использовали отношение $K = \chi_{\text{п}} / \chi_{\text{мп}}$ (где п — почва гор. А; мп — материнская порода), которое рассматривается как количественный показатель роли почвообразования в изменении магнитных свойств почвы. В.А. Maher и R. Thompson (1995) предложили употреблять в качестве показателя педогенной магнитной восприимчивости разницу $K_1 = \chi (\text{гор. В}) - \chi (\text{мп})$, считая, что поверхностный горизонт А почвы часто подвергается воздействию огня и различных загрязнений. Для сравнительного анализа близких по генезису и χ почв, рассматриваемых в нашем случае, использовался показатель $\Delta\chi$, определяющий средний прирост χ в почве по сравнению с материнской породой и позволяющий в данных условиях более полно отразить особенности χ почвенного профиля (Алексеев А.О., Рысков Я.Г., 1988). Величина $\Delta\chi$ определялась как средневзвешенная для почвенного профиля разность между χ в генетических горизонтах или слоях почвы и χ породы:

$$\Delta\chi = \frac{\sum h_i (\chi_i - \chi_{\text{пм}})}{\sum h},$$

где h_i — мощность горизонта i ; $\chi_{\text{пм}}$ — магнитная восприимчивость материнской породы; χ_i — магнитная восприимчивость горизонта i .

В отличие от K и K_1 , зависящих лишь от соотношения χ в верхнем и нижнем горизонтах почвы, $\Delta\chi$ позволяет учесть распределение χ по всему почвенному профилю. Величина $\Delta\chi$ изученных почв положительна и связана с типом почв и климатическими условиями их формирования (рис. 5).

Анализ взаимосвязи $\Delta\chi$ со среднегодовыми осадками для современных почв степной зоны Северного Кавказа и Нижнего Поволжья представлен на рис. 6.

Используя полученные зависимости, представляется возможным получить количественную оценку реконструируемых палеоклиматических условий. В частности, для территории Ергенинской возвышенности динамика количества атмосферных осадков на протяжении последних 5000 лет имеет следующий вид:

IV тыс. до н. э. — I в. н. э. — аридные условия, годовая норма осадков около 250 мм;

II—IV вв. н. э. — микропловиял с увеличением нормы осадков до 300 мм в год;

XI—XIV вв. н. э. — средневековый климатический оптимум с годовой нормой осадков около 350 мм;

XV—XX вв. н. э. — усиление аридизации с уменьшением нормы осадков до 250 мм в год.

Предлагаемая реконструкция хорошо согласуется с динамикой климата в регионе, выявленной на основе изучения морфологических и химических свойств разновозрастных подкуранных палеопочв (Демкин В.А., 1997; Демкин В.А., Дергачева М.И., Рысков Я.Г., Олейник С.А., 1998).

Таким образом, обнаруженные закономерные изменения магнитных свойств почв во времени и установленная связь состояния соединений железа и магнитной восприимчивости с климатическими колебаниями за историческое время позволяют предложить новые характеристики для получения количественных показателей состояния гидротермических условий в прошлые эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.О., Рысков Я.Г., 1988. Магнитная восприимчивость как показатель направленности и скорости развития степных ландшафтов в голоцене // *Естественная и антропогенная эволюция почв*. Пуцино.

Алексеев А.О., Моргунов Е.Г., Ковалевская И.С., Самойлова Е.М., 1988. Магнитная

восприимчивость почв сопряженных ландшафтов // *Почвоведение*. № 8.

Алексеев А.О., 1992. Состояние соединений железа в почвах степных ландшафтов. Автореферат дис. канд. биол. наук. МГУ.

Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Моргунов Е.Г., Самойлова Е.М., 1996. Геохимические закономерности формирования состояния соединений железа в почвах сопряженных ландшафтов Центрального Предкавказья // *Литология и полезные ископаемые*. № 1.

Бабанин В.Ф., 1971. Магнитная восприимчивость некоторых типов почв европейской части СССР // *Вестник МГУ. Серия: Биология. Почвоведение*. № 4.

Бабанин В.Ф., 1983. Возможности ядерного гамма-резонанса при исследовании почв // *Почвоведение*. № 10.

Бабанин В.Ф., Трухин В.И., Карпачевский Л.О., Иванов А.В., Морозов В.В., 1995. Магнетизм почв. Ярославль; М.: Изд-во ЯГТУ.

Большаков В.А., 1996. Использование методов магнетизма горных пород при изучении новейших отложений. М.: ГЕОС.

Вадюнина А.Ф., Бабанин В.Ф., 1972. Магнитная восприимчивость некоторых почв СССР // *Почвоведение*. № 10.

Водяницкий Ю.Н., 1989. Оксиды железа и их роль в плодородии почв. М.: Наука.

Водяницкий Ю.Н., 1996. Изучение оксидов железа в почвах методом дискретного термоманетного анализа // *Почвоведение*. № 7.

Гончаров Г.Н., 1990. Ядерная гамма-резонансная спектроскопия // *Современные физические методы в геохимии* / Под. ред. В.Ф. Барабанова. Л.: Изд-во ЛГУ.

Демкин В.А., Губин С.В., Рысков Я.Г., Алексеев А.О., Олейник С.А., Лукашов А.В., Кригер В.А., 1989. Палеопедологическое изучение археологических памятников степной зоны // *Известия Академии наук. Географическая серия*. № 6.

Демкин В.А., 1997. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. Пуцино: ОНТИ ПНЦ.

Демкин В.А., Дергачева М.И., Рысков Я.Г., Олейник С.А., 1998. Эволюция почв и изменение климата восточноевропейской полупустыни в позднем голоцене // *Почвоведение*. № 2.

Дубовцев И.А., Брюгман С.А., Орлов С.В., 1988. Пакет программ для обработки мессбауэровских спектров на микро-ЭВМ // *Тез. докл. Всесоюзного совещания по прикладной мессбауэровской спектроскопии* М.: Изд-во МИФИ.

Зонн С.В., 1982. Железо в почвах М.: Наука.

Карпачевский Л.О., Бабанин В.Ф., Гендлер Т.С., Опаленко А.А., Кузьмин Р.Н., 1972. Диагностика железистых минералов почв при помощи мессбауэровской спектроскопии // Почвоведение. № 10.

Престон Р., Гонзер У., 1983. Мессбауэровская спектроскопия: Необычные применения метода. М.: Мир.

Страхов Н.М., 1963. Типы литогенеза и их эволюция в истории земли. М.: Госгеолтехиздат.

Bigham, J.M., Golden D.C., Bowden L.H., Buol S.W. and Weed S.B., 1978. Iron oxide mineralogy of well drained Ultisols and Oxisols: I. Characterization of iron oxides in soil clays by Mossbauer spectroscopy, x-ray diffractometry and selected chemical techniques // Soil Science Society American Journal. 42.

Dixon J.B., 1995. Dating soils: need, opportunity, and challenge // Euroclay'95. Leuven; Belgium.

Heller F., and Liu T., 1986. Magnetism of Chinese loess deposits // Geophysics Journal Research Astralian Society. V. 77.

Kukla G. et. al., 1988. Pleistocene climates in China dated by magnetic susceptibility // Geology. V. 16.

Loughnan F.C., 1969. Chemical weathering of the silicate minerals. New York; Elsevier.

Maher B.A., 1986. Characterisation of soils by mineral magnetic measurements // Physics of the Earth and Planetary Interiors. V. 42. № 1—2.

Maher B.A., Thompson R. and Zhou L.P., 1994. Spatial and temporal reconstructions of changes in the Asian palaeomonsoon — a new mineral magnetic approach // Earth and Planetary Science Letters. 125.

Maher B.A. and Thompson R., 1994. Pedogenesis and paleoclimate- Interpretation of the magnetic susceptibility record of Chinese loess-paleosol sequences // Comment, Geology. 22 (9).

Maher B.A. and Thompson R., 1995. Paleorainfall reconstructions from pedogenic magnetic susceptibility variations in the Chinese loess and paleosols // Quaternary Research. 44 (3).

Mullins C.E., 1977. Magnetic susceptibility of the the soil and its significance in soil science-review // Journal Soil Science. V. 28. № 2.

Murad E. and Fisher W.R., 1988. The Geobiochemical cycle of iron // Stucki J.M., Goodman B.A., Schwertmann U. (Editors). Iron in Soils and Clay Minerals. (NATO ASI Series. V. 217).

Murad E., 1988. Properties and behavior of iron oxides as determined by Mossbauer spectroscopy // J.M. Stucki, B.A. Goodman, U. Schwertmann (Editors). Iron in Soils and Clay Minerals. (NATO ASI Series. V. 217).

Schwertmann U., 1988. Some properties of soil and synthetic iron oxides // J.M. Stucki, B.A. Goodman, U. Schwertmann (Editors). Iron in Soils and Clay Minerals. (NATO ASI Series. V. 217).

Schwertmann U. and Taylor R.M., 1989. Iron oxides // Minerals in Soil Environments. 2nd Edition. Madison; Wisconsin, USA. (SSSA Book Series. 1).

Stahr K., 1994. Soil Minerals in Space and Time // 15th World Congress Soil Science. (Acapulco, ISSS. Vol. 1).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Распределение магнитной восприимчивости по почвенному профилю.

Рис. 2. ЯГР-спектр образца почвы D-463 гор. А₁ (~5000 лет назад) при 20 °С.

Рис. 3. Изменение во времени параметров состояния соединений железа в гор. А₁: магнитной восприимчивости, Fe²⁺ в структуре силикатов, Fe валового (относительные единицы).

Рис. 4: а) дифференциальные термомагнитные кривые почв горизонта А₁, нагрев восстановительный (цифра — время погребения, в скобках — номер разреза); б) магнитная восприимчивость и содержание гумуса (С гум., %) почв горизонта А₁ изученного хроноряда.

Рис. 5. Изменение Δχ почв во времени.

Рис. 6. Зависимость магнитной восприимчивости Δχ от годовых осадков для современных почв.

SUMMARY

MINERALOGICAL AND PETROPHYSICAL PARAMETERS OF IRON STATE IN ARCHAEOLOGICAL PALAEOSOILS AS INDICATORS OF PALAEOCLIMATE RECONSTRUCTION IN EAST-EUROPEAN STEPPE REGIONS

A.O.Alekseev, V.A. Demkin, T.V Alekseeva

The study of palaeosoils burried under archaeological monuments (burial mounds) was done. These burial mounds, known as kurgans, were constructed during the Bronze, Early Iron and Middle Ages in the steppe belt of Eurasia. The key site is located within the Yergeni Hills (Volgograd region). The relationships between the pedogenic magnetic susceptibility (MS), iron state in silicates ($\text{Fe}^{2+}/\text{Fe}^{3+}$), weathering duration and climate were examined over ~5000 years. In order to validate the magnetic susceptibility as climatic indicator, Mössbauer spectroscopy and the discrete differential thermomagnetic analysis were used to obtain additional information on the iron state. The correlation between the redistribution of Fe among silicates and oxides (goethite), age and changes in pedoenvironment were observed. Our climatic reconstructions on the rainfall identified: the period from the second half of III-II millenium BC to the I century AD was arid; the period from the II to the IV century AD was more humid (the micropluvial epoch); the period from the XII century to the XIV century AD had optimum climatic conditions (the climatic optimum of the Middle Ages); the period from the XV century AD to the modern time was arid again. The MS climate records were calibrated using the recent relationships between the rainfall and the average weighted pedogenic susceptibility values of the steppe soils.

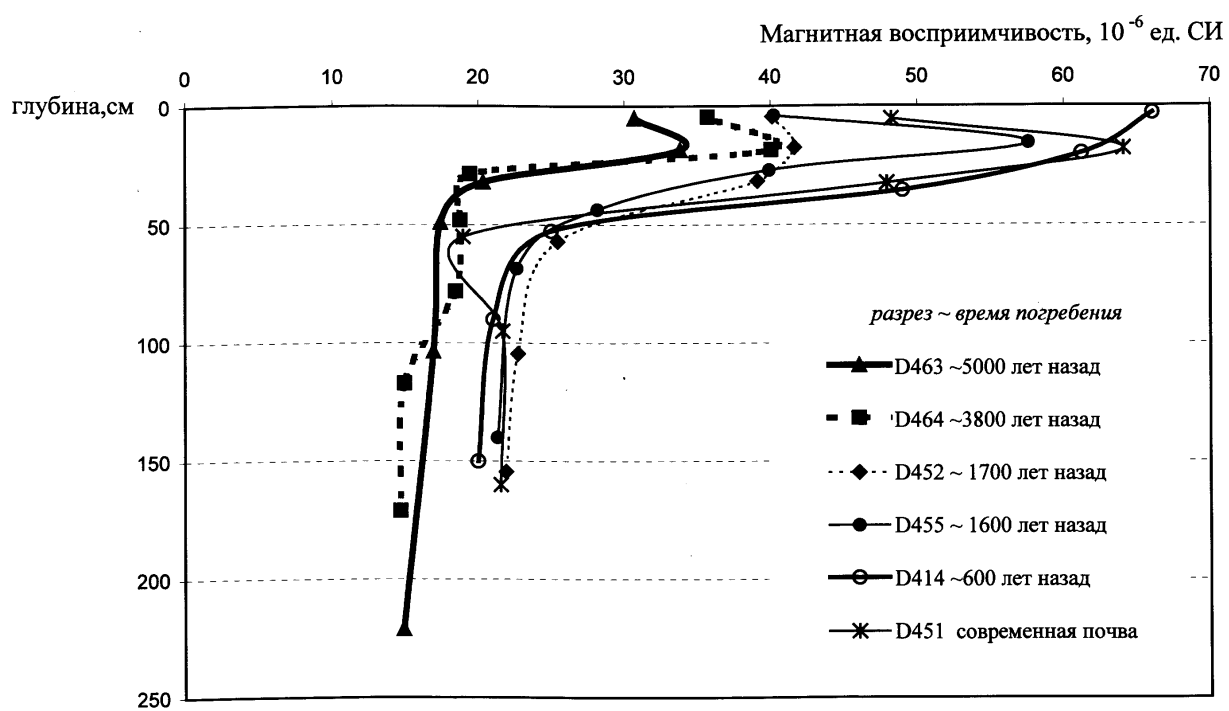

Рис. 1

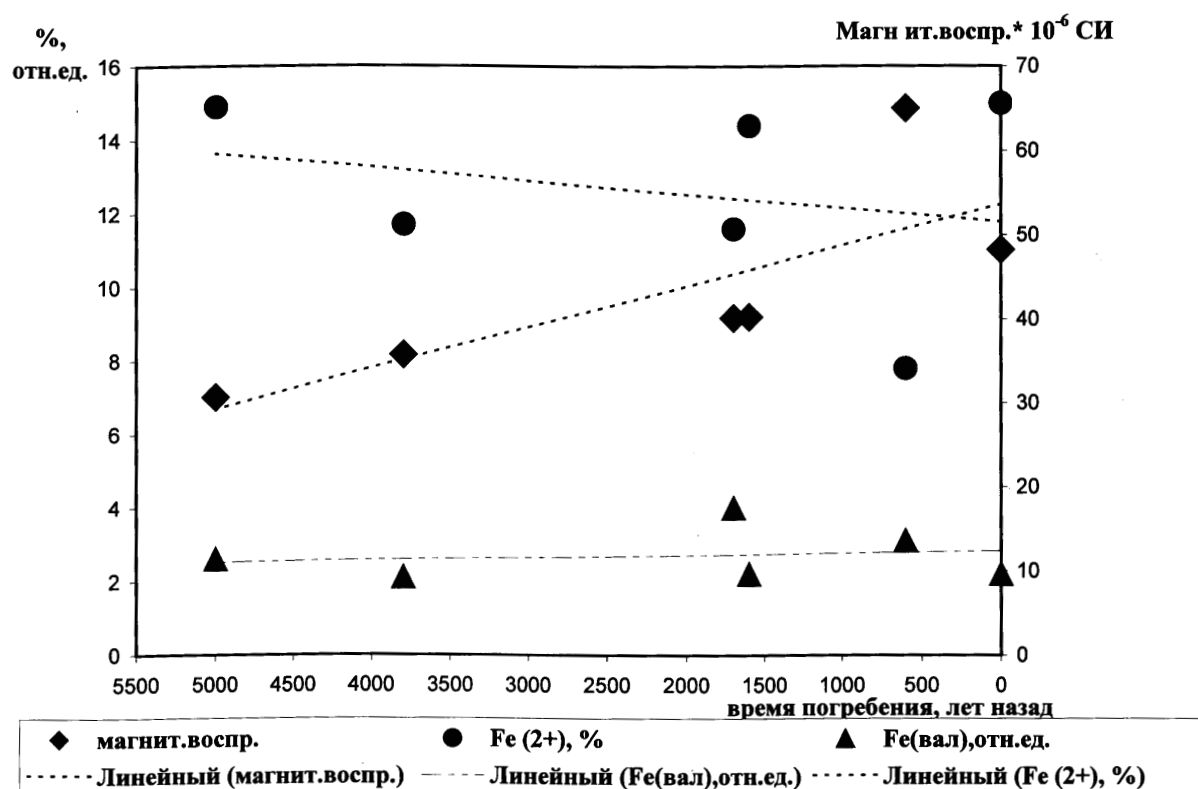

Рис. 2

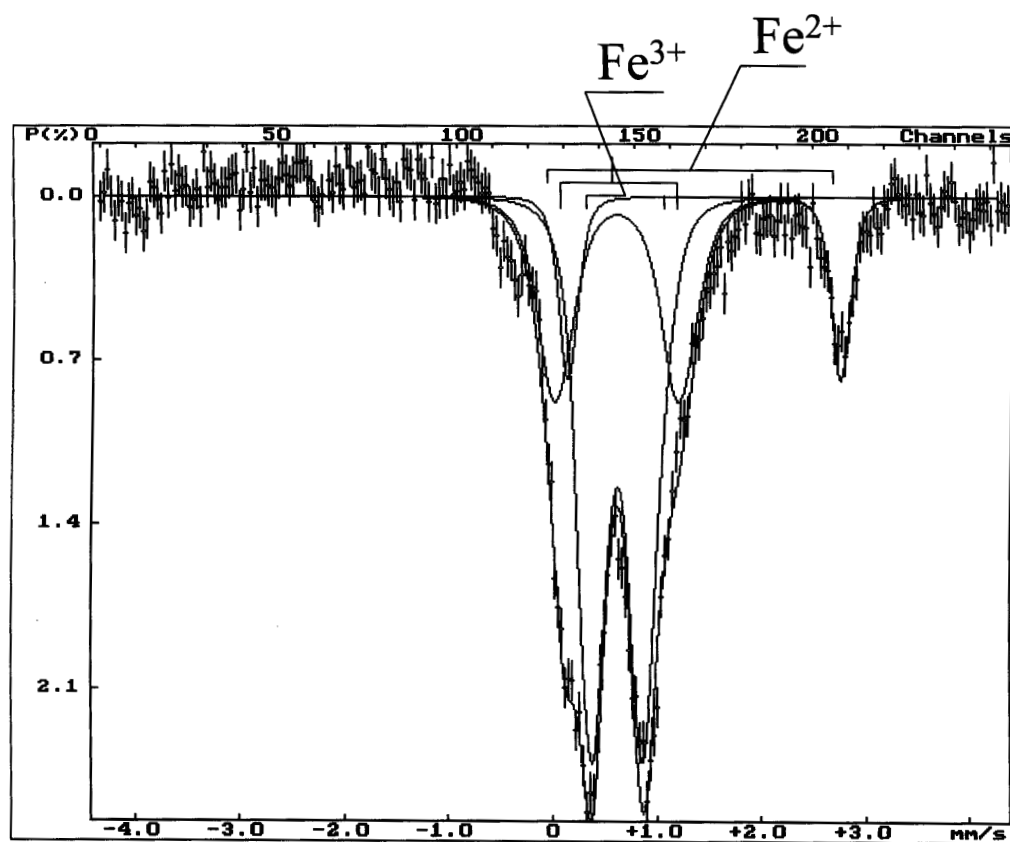

Рис. 3

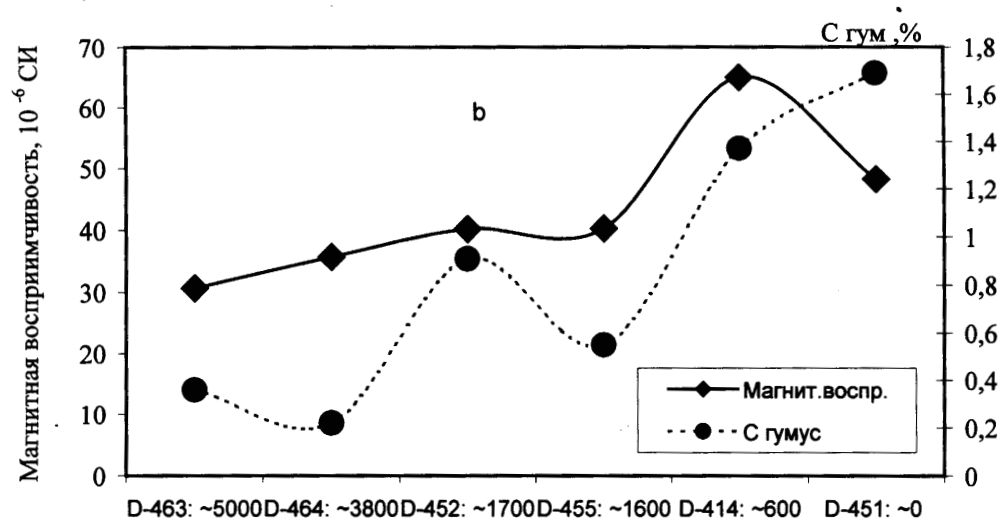
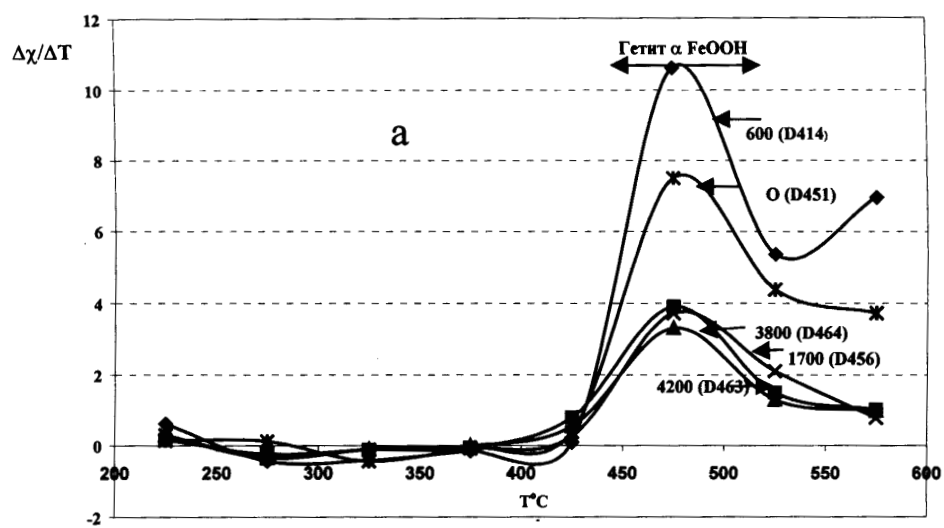

Рис. 4

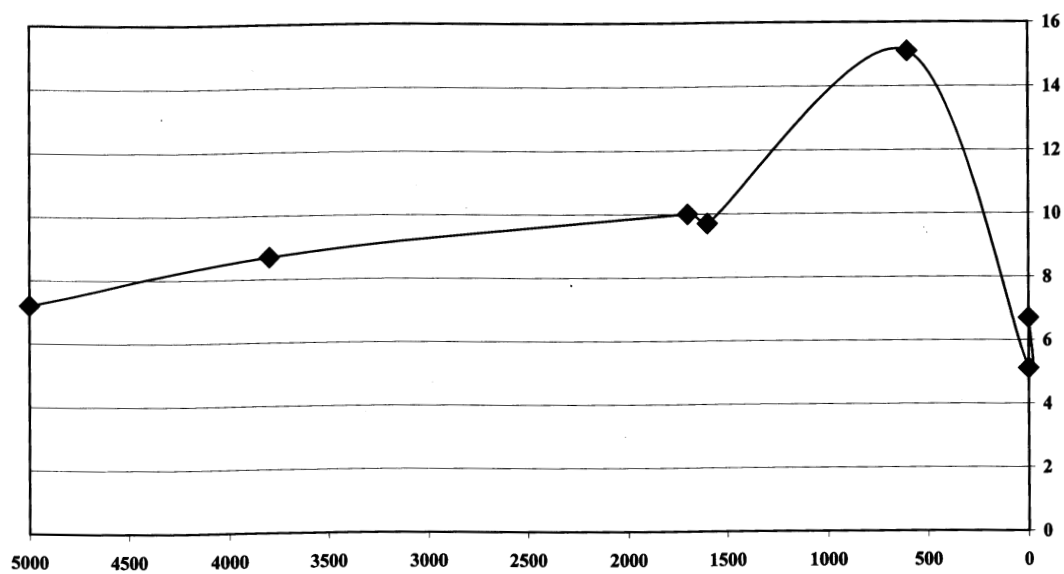

Рис. 5

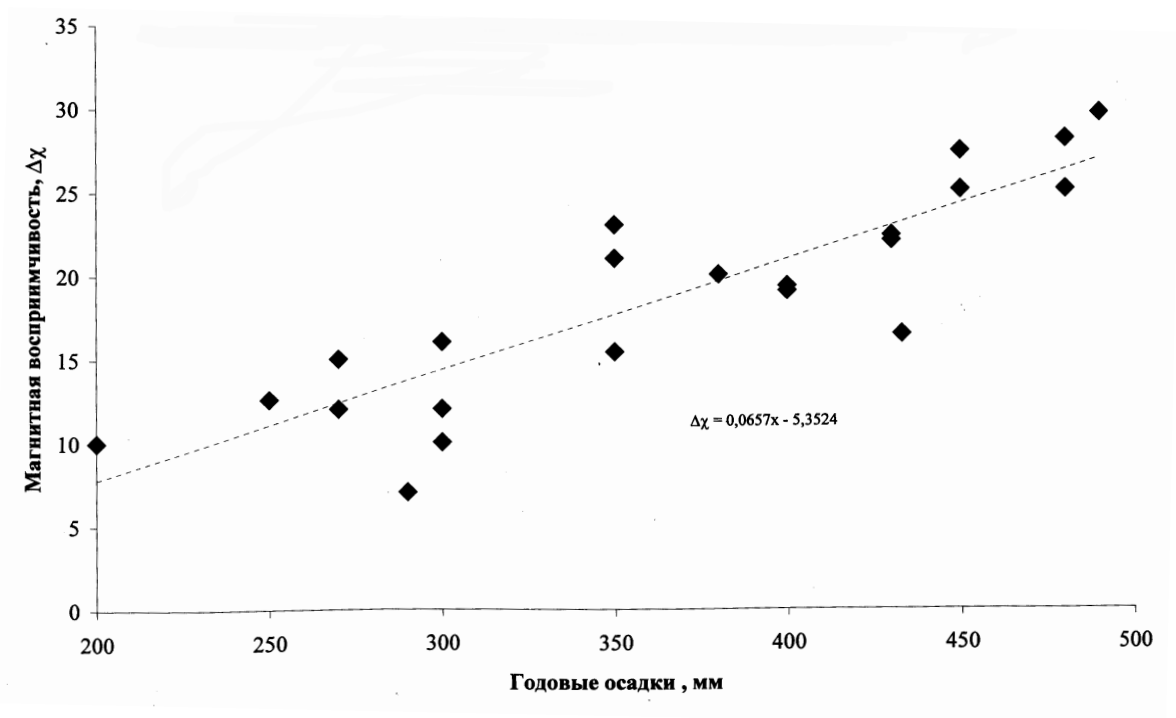

Рис. 6

ПУБЛИКАЦИИ

МАТЕРИАЛЫ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ХИМКОМБИНАТ, ГРУППА Б

В.И. Мамонтов

В 60-х годах на южных окраинах Волгограда началось интенсивное строительство крупных объектов, коммуникаций, отстойных прудов, связанных с химической промышленностью. В результате этого несколько курганных могильников оказалось в зоне разрушения. Срочные работы, проведенные здесь, позволили раскопать курганные могильники Химкомбинат, группа А, и Заканальный (Мамонтов В.И., 1967, с. 3—15, 30—47), где были найдены материалы, связанные с эпохой бронзы и ранним железным веком.

В 1981 г. были проведены охранные раскопки второй небольшой группы курганов, состоящих из 4-х насыпей, — Химкомбинат, группа Б (Мамонтов В.И., 1981, с. 2—23). Курганы находились в 1 км на ЮЗ от построек химобъединения «Каустик» (ТЭЦ-3), в 2 км на ЮВ от поворота шоссе на дороге Волгоград — Астрахань, через р. п. Светлый Яр, и в 1,5 км в ЮВ направлении от дороги, идущей на с. Чапурники Светлоярского района Волгоградской области.

Курган 4, на вершине которого был установлен железный репер 1-го класса, раскопан полностью. Но осталась часть насыпи под репером. В дальнейшем выяснилось, что яма одного погребения эпохи средней бронзы, ранее не замеченная, уходит под основание земляной колонны под репером. Только в 1990 г. это погребение было раскопано (Мамонтов В.И., 1990, с. 80—83).

Курган 1

Диаметр насыпи 18 м, высота 0,7 м. На срезе бровки отмечен грабительский перекоп. Уровень погребенной почвы (УПП) проходил на глубине 1 м от нулевой отметки. В центре кургана обнаружено большое темное пятно, ориентированное по линии СВ—ЮЗ. Длина ямы 3,45 м, наибольшая ширина 2,73 м. Здесь было устроено два захоронения.

Погребение 1. Яма подквадратного очертания, углы закруглены. СЗ сторона разруше-

на впускным погребением 2. Размеры: 2,35 × 2,35 м. Глубина от УПП 0,7 м.

В насыпи кургана над ямой погребения и в затечной засыпи были встречены фрагменты костей взрослого человека. На дне ямы, ближе к ее боковым сторонам, обнаружены следы подстилки из куги со слабой меловой посыпкой.

Сопровождающий инвентарь:

1. Фрагменты толстостенного баночного сосуда. Собраны у ЮВ края ямы и со дна погребения. Глина в изломе черная, с добавкой шамота. На тулове видны следы грубого сглаживания. Диаметр дна 9,5 см (рис. 3, 8).

2. Несколько фрагментов тонкостенного черноглиняного сосуда баночной формы. Найдены в засыпи в северном углу ямы. Внешняя поверхность светлая. Диаметр дна 10 см.

3. Несколько крупных позвонков животного (быка?). Обнаружены в южном углу ямы.

Погребение относится к срубной культуре.

Погребение 2. Узкая яма впущена в материк, разрушая ЮЗ часть погребения 1. Позднее, видимо, произошло общее ограбление погребений. Яма ориентирована по направлению СЗ—ЮВ. Длина ямы 2,73 м, ширина 1,1 м, глубина от УПП 1,25 м.

Скелет погребенного полностью разрушен. В засыпи и на дне ямы встретились лишь обломки костей взрослого человека.

Сопровождающий инвентарь:

1. Фрагменты серолощенного сосуда с реповидным туловом. На двух фрагментах имеются небольшие продольные ушки. Не восстанавливается.

2. Несколько мелких фрагментов бронзовой пластинки. Найдены ближе к северной стороне ямы. Назначение их неясно.

Погребение относится к сарматской культуре и является впускным в насыпь кургана.

Курган 2

Диаметр 21 м, высота 0,86 м. УПП проходил на глубине 1,2 м от нулевой отметки. На срезе бровки замечен след грабительского лаза. На север от нулевой отметки прослеживалась линза материкового выкида.

Погребение 1. Скелет погребенного разрушен. Находился в насыпи кургана на глубине 1,1 м, на расстоянии 1,2 м в СВ направлении от нулевой отметки. Грабительский лаз разрушил скелет по тазовые кости.

Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СЗ. Левая нога положена на правую.

Культурная принадлежность не определяется. Возможно, сармат.

Погребение 2. Яма прямоугольного очертания с закругленными углами. Находилась на расстоянии 0,5 м в СЗ направлении от нулевой отметки. Яма ориентирована по направлению СЗ—ЮВ. Длина ямы 3,2 м, ширина 1,9 м. Ко дну яма сужалась и имела размеры: длину 2,9 м, ширину 1,63 м. Глубина ямы 0,65 м от УПП.

Погребение разрушено. Мелкие фрагменты костей взрослого человека встретились в заплыве грабительского лаза прямоугольного очертания, пробившего дно ямы почти на 10 см.

Культурная принадлежность не определена. Возможно, относится к эпохе бронзы.

Курган 3

Насыпь кургана имела длину 48 м, ширину 22 м, высоту 1,46 м. Ориентирована длинной осью по направлению СЗ—ЮВ. Уровень погребенной почвы проходил на глубине 2,4 м от нулевой отметки. Структура бровок позволяет восстановить порядок сооружения насыпи кургана.

После устройства основного погребения, на расстоянии 3,2 м от его ямы в восточном направлении и на расстоянии 2,6 м в западном направлении были вырыты два глубоких рва, идущих параллельно друг другу. Длина восточного рва 14,6 м и наибольшая глубина 0,5 м при ширине 2,2 м. Длина западного рва 13,7 м, наибольшая глубина 0,34 м, ширина 2 м.

Насыпь кургана, особенно в северной части, была целиком насыпана вначале из материкового песка и шоколадной глины, взятых из глубоких ровиков, находящихся за пределами насыпи. Присутствие шоколадных глин отмечено на срезе бровки по длине

37,5 м. Наибольшая высота слоя от УПП у места погребения 1,4 м. Эта насыпь перекрывала и параллельные рвы, где было то же заполнение, что и первичная насыпь. В северной поле кургана начинаются и в южной поле продолжают слои чистого песка. Слой имеет длину 14,6 м и наибольшую ширину 1,3 м. Остальная часть насыпи кургана — серая плотная супесь (рис. 1, 1).

Погребение 1. Скелет взрослого человека был обнаружен на расстоянии 16 м в северном направлении от нулевой отметки, в насыпи кургана на глубине 0,4 м. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СЗЗ. Руки, слегка согнутые в локтях, кистями лежали у тазовых костей. Ноги несколько согнуты в коленях (рис. 1, 5).

Сопровождающий инвентарь:

1. Фрагменты сосуда. Обнаружены у левого плеча погребенного. Тулово реповидное, горловина срезана. Внешняя и внутренняя поверхности сосуда светло-розовые, в изломе глина черная, с добавкой песка. Диаметр дна, подчеркнутого круговым валиком, 9 см, высота оставшейся части 10,4 см (рис. 3, 5).

Погребение относится к сарматской культуре.

Погребение 2. Овальная яма обнаружена на расстоянии 8 м в северном направлении от нулевой отметки. Ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Длина ямы 2,3 м, ширина 1,45 м, глубина 0,6 м. Ко дну яма несколько сужалась, размеры: 2 × 1,27 м. Дно ямы покрыто слабым слоем мела (рис. 3, 3).

Погребенная — женщина пожилого возраста — лежала на левом боку с небольшим завалом на спину. Ноги поджаты. Левая рука согнута в локте, кистью лежала перед лицевыми костями. Правая рука, согнутая в локте, кистью лежала на локтевом сгибе левой руки. Погребенная ориентирована головой на восток.

Сопровождающий инвентарь:

1. Две крупные бронзовые височные подвески. Обнаружены у черепа погребенной. Одна подвеска изготовлена из толстого стержня с тонкой частью на изгибе, конец заострен. Длина 5 см (рис. 3, 9). Вторая подвеска аналогична по форме первой, но на изогнутых концах имеются шипастые выступы. Длина 5,5 см (рис. 3, 10).

2. Глиняный сосуд баночной формы. Лежал на боку у правого плеча погребенной. Тулово высокое, дно с защипами. Глина темная в изломе. Ниже края устья нанесена резная круговая борозда, выполненная острием.

Тем же орудием ниже круговой линии нанесена «елочка». Диаметр устья 16,6 см, высота сосуда 17,4 см (рис. 3, 11).

3. Глиняный сосуд баночной формы. Стоял перед кистью левой руки. Край венчика слегка отогнут наружу, дно с небольшими защипами. Глина темная, с примесью частичек шамота. По широкой части тулова от венчика вниз проходят следы расчесов. Диаметр устья 12,2 см, диаметр дна 8,4 см, высота сосуда 11,4 см (рис. 3, 12).

4. Низка бус. Собрана у шейных позвонков и на груди погребенной. Включает:

а) плоские бусины из красного сердолика с прожилками молочного цвета, сечение овальное — 2 шт. (рис. 4, 17);

б) стеклянный бисер, диаметр 2,5 мм — 278 шт. (рис. 4, 18).

Погребение относится к срубной культуре, является основным в кургане.

Курган 4

Диаметр 42 м, высота 2,89 м. В ЮЗ направлении от центра кургана установлен репер. В центре находилась большая заплывшая яма грабительской воронки. Насыпь кургана сооружалась дважды. Первичная насыпь устроена над погребением 12 катакомбной культуры, куда позднее были впущены погребения эпохи бронзы. Высота первичной насыпи 2,3 м. Подсыпка кургана, вероятно, связана уже с погребениями раннего железного века. УПП проходил на глубине 3 м от нулевой отметки.

Находки в насыпи:

1. Лепной толстостенный сосуд. Был найден на расстоянии 8,2 м в СВВ направлении, на глубине 2,2 м от нулевой отметки. Имеет прямую горловину с краем, направленным наружу. Тулово округлое, дно узкое. В месте перехода горловины в тулово проходит ряд редких косых ударов кончиком острия. Глина темная в изломе, с добавкой крупиц мела. На внутренней поверхности сохранились следы нагара от пищи. Диаметр венчика 12 см, высота сосуда 25 см (рис. 3, 7).

Рядом с сосудом лежали мелкие кости барана — часть ноги, ребра.

2. Фрагменты глиняного сосуда и кусочки лезвия ножа. Встречены в насыпи кургана на расстоянии 9,5 м в ССЗ направлении от нулевой отметки, на глубине 2,8 м. Сосуд тонкостенный, черноглиняный. На широкой части тулова, ближе к горловине, прикреплена округлая небольшая ручка, сдавленная с боков. Диаметр венчика 8 см, высота сосуда 14 см (рис. 2, 1).

Рядом с сосудом лежали фрагменты железного ножа. Длина сохранившейся части 5,5 см.

Оба сосуда относятся к сарматской культуре. Если они не связаны с разрушенными погребениями в насыпи (здесь проходит обширная грабительская воронка), то, возможно, они поставлены в насыпь кургана при поминальном обряде.

При раскопках траншеи в месте грабительского лаза, на разной глубине от поверхности, встретились кости и фрагменты костей погребенных, а также вещи из могильного инвентаря, которые можно разделить по хронологическим признакам на два комплекса, относящиеся к двум разрушенным погребениям.

Погребение 1. Фрагменты костей взрослого человека обнаружены на разной глубине от нулевой отметки в ЮЮВ направлении и на расстоянии 2,7 м. Здесь же собраны:

1. Биконическое глиняное пряслице (фрагмент). Глина темная, с примесью песка. Наибольший диаметр 3,8 см, высота сохранившейся части 2,9 см (рис. 4, 12).

2. Бронзовая ременная пряжка в виде восьмерки. По наружной стороне обоих колец и в месте их сопряжения имеются сферические выступы. Один конец пряжки имеет квадратный штифт с округлой шляпкой, другой — отогнутый наружу язычок. Длина пряжки 5,2 см (рис. 4, 3).

3. Фрагментированный наконечник копья листовидного очертания. Длина сохранившейся части 35 см, наибольшая ширина пера 10,4 см. Втулка отбита (рис. 2, 19).

4. Железный черешковый трехгранный наконечник стрелы. Длина 2,7 см.

5. Фрагмент железного втока (часть втулки, переходящей в стержень). Длина оставшейся части 7,1 см. Ширина втулки 2 см (рис. 5, 8).

Погребение относится к сарматской культуре.

Погребение 2. Фрагменты костей взрослого человека и некоторые вещи из инвентаря были обнаружены в СВ направлении от нулевой отметки, на расстоянии 2,1 м. Коллекция включает:

1. Фрагменты железных удил — части стержней.

2. Кремневый отщеп. Размеры: 3,8 × 2,9 см.

3. Фрагмент железного черешкового наконечника стрелы (рис. 4, 2).

4. Бронзовые ременные бляхи:

а) штампованная, сердцевидной формы, на внутренней стороне имеется два

штифта крепления, длина 1,3 см — 3 шт. (рис. 4, 9);

б) штампованная в виде трилистника, между основаниями лепестков округлые выступы, в центре округлая выемка, на внутренней стороне заметны следы трех штифтов крепления, размеры: $2 \times 1,8$ см — 2 шт. (рис. 4, 10);

в) штампованная бляха в виде листка, в центре бляхи округлая выемка и паз, имитирующий черенок листка, размеры: $1,9 \times 2,9$ см (рис. 4, 8).

Погребение относится к периоду поздних кочевников.

Погребение 3. Разрушенный грабительским лазом скелет взрослого человека обнаружен в ЮЗ направлении от нулевой отметки на расстоянии 3,3 м и на глубине 2,2 м. Сохранились кости ног. Вероятно, погребенный лежал на правом боку, в скорченном положении. Руки направлены кистями к коленям. Возможно, был ориентирован головой на восток. Под костями прослежена подстилка красной охры, которая заметна и на некоторых костях. Здесь же обнаружено пятно желтого цвета (сера?).

Сопровождающий инвентарь:

1. Тонкая костяная пластинка из кости крупного животного. Находилась у колен погребенного. Размеры: $6,3 \times 5,2$ см. Толщина 0,4 см. На поверхности заметны следы красной охры (рис. 4, 1).

Погребение относится к катакомбной культуре.

Погребение 4. Мелкие кости ребенка найдены в насыпи в ЮВВ направлении от нулевой отметки на расстоянии 5,1 м и на глубине 2,1 м. Он лежал на тонкой подстилке из куги в скорченном положении, на левом боку, головой на восток. Руки направлены к коленям.

Сопровождающий инвентарь:

1. Фрагменты сосуда. Найдены перед грудью ребенка. Он имеет подчеркнутое ребро с плавным переходом ко дну. По краю дна идут слабые защипы. Глина темная, с добавкой песка. Орнаментирован круговой дорожкой мелких ямок, выполненных острием. Часть выемок нанесена концом круглой палочки. На этом участке ряды круглых вдавлений проходят до дна. Наклонные ряды мелких ямок нанесены ниже ребра до середины тулова на небольшом участке сосуда. Диаметр венчика 10,2 см, высота сосуда 9,8 см (рис. 2, 6).

Погребение относится к катакомбной культуре.

Погребение 5. Скелет женщины обнаружен на СВ от нулевой отметки на расстоянии 5,3 м и на глубине 2,8 м. Она лежала на спине, в вытянутом положении, головой на СЗ. Руки слегка согнуты в локтях, кистями у костей таза. Под скелетом прослежена меловая посыпка (рис. 2, 21).

Сопровождающий инвентарь:

1. Золотые серьги. Найдены около черепа и под черепом погребенной. Серьга имеет вид крупной капли, полый внутри. Узкий конец переходит в изогнутый стержень, острие которого фиксировалось в небольшом отверстии, проделанном в нижней части серьги. Снаружи изогнутый стержень покрыт чеканкой, имитирующей заплетенную косу. По широкой части серьги проходит наплавленный перевитый пояс. По верхней части серьги напаяна в виде зигзага тонкая золотая проволока. Между ней, на широкой части серьги, и пояском припаяна золотая проволока, концы которой свернуты в спираль (рис. 2, 17).

Вторая серьга сломана в древности. Аналогична описанной. Но здесь к основанию серьги припаяны две проволочки в виде петель. На первой серьге они тоже были, т. к. остались на корпусе отверстия в месте припайки. Высота серьги 2,7 см (рис. 2, 17).

2. Бронзовое зеркало. Лежало рядом с черепом погребенной. Диаметр диска 11 см, по краю проходит валик шириной 1 см. В центре диска полусферический выступ. Длина штыря рукояти 2,5 см (рис. 4, 14).

3. Фрагменты железного ножа. Собраны у левой ноги. Однолезвийный, со слегка изогнутым лезвием. Длина 7,4 см на черенке имеются следы волокон дерева от рукояти (рис. 4, 5).

4. Лопатка барана. Лежала под ножом.

5. Сероглиняный кувшин. Его фрагменты обнаружены в ногах погребенной. Имеет широкое тонкостенное тулово, в верхней части которого прикреплен петлевидная ручка. Край короткой горловины отогнут наружу. Вокруг основания горловины нанесена круговая бороздка, от которой вниз, через промежутки друг от друга, проходят прочерченные борозды — «полотенца». Диаметр венчика 11,4 см, диаметр дна 10,4 см, высота сосуда 28 см (рис. 2, 18).

6. Низка бус. Собрана у пяточных и берцовых костей. Включает:

а) бочонковидные бусины из красного сердолика, длина 5 мм — 4 шт. (рис. 2, 2);

б) стеклянные пронизки с внутренней позолотой, длина от 5 мм до 1,5 см — 27 шт. (рис. 2, 3);

в) бусы из египетского фаянса с мелкими сферическими выступами, диаметр 4,5 мм — 4 шт. (рис. 2, 4);

г) стеклянная бусина темно-синего цвета, плоская, ширина 1,5 мм (рис. 2, 5).

7. Бусы. Собраны на груди погребенной. Низка бус включает:

а) стеклянные бусины темно-синего цвета, аналогичные бусинам из первой низки, — 87 шт. (рис. 2, 5);

б) стеклянные пронизки с внутренним золочением, аналогичные бусинам из п. 6б, — 11 шт. (рис. 2, 3);

в) асимметричные бусины синего стекла, длина 2 мм — 3 шт. (рис. 2, 7).

Погребение относится к сарматской культуре.

Погребение 6. Погребение мужчины обнаружено на ЮВ от нулевой отметки на расстоянии 7,7 м, глубине 2,6 м в насыпи кургана. Он лежал на спине, в вытянутом положении, головой на север, на подстилке из куги. Руки положены вдоль тела (рис. 1, 2).

Сопровождающий инвентарь:

1. Фрагменты железного ножа. Встретились слева от черепа погребенного.

2. Три бусины. Находились у левой кисти погребенного:

а) бусина-подвеска из мелкой косточки плюсны животного, в центре просверлено отверстие, размеры: 1,2 × 1 × 0,9 см (рис. 4, 20);

б) две стеклянные, глазчатые бусины зеленого стекла с синими глазками, диаметр 1,1 см (рис. 4, 19);

в) бусина черная с многоцветным глазком: желтый, синий, белый, коричневый, — диаметр 1,3 см (рис. 4, 21).

3. Костяной амулет из когтя медведя (?). Встретился у пальцев правой ноги. В середине косточки просверлено округлое отверстие диаметром 0,5 см, длиной 3,6 см (рис. 4, 16).

4. Фрагменты железного кинжала. Находились между правой рукой погребенного и тазовой костью. Навершие кольцевое. Перекрестие прямое. На фрагментах заметны следы волокон дерева от ножен (рис. 3, 6).

5. Лопатка и часть ноги барана. Были положены с левой стороны от черепа.

Погребение относится к сарматскому времени.

Погребение 7. Кости ребенка обнаружены на С от нулевой отметки на расстоянии 9,3 м и глубине 3,4 м. Он лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на восток. Руки направлены к коленям.

Сопровождающий инвентарь:

1. Жаровня из дна сосуда. Поставлена между тазовыми и берцовыми костями. Глина в изломе ближе к внутренней поверхности сосуда черная, а ближе к внешней — красная. На внутренней поверхности заметны следы сглаживания. Вся поверхность фрагмента покрыта «елочкой», выполненной мелкозубчатым штампом. Диаметр слегка прогнутого дна 5,6 см, высота фрагмента 7 см (рис. 2, 20).

2. Алыч. Был найден рядом с сосудом.

Погребение относится к катакомбной культуре.

Погребение 8. Скелет погребенного находился на ССВ от нулевой отметки на расстоянии 11,5 м и глубине 3,6 м. Он лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на СВ. Правая рука, согнутая в локте, направлена к коленям. Левая рука вытянута к бедренной кости и лежит на правой руке (рис. 1, 4).

Погребение относится к срубной культуре.

Погребение 9. Прямоугольная яма обнаружена на ЮЮВ от нулевой отметки на расстоянии 11 м. Ориентирована по линии 3—В. Длина ямы 2,6 м, ширина 1,85 м, глубина 0,7 м от уровня материка. Дно покрыто слоем куги. Погребенный, со следами охры на костях, покоился в центре дна ямы на левом боку, в скорченном положении. Левая и правая рука согнуты в локтях и сведены кистями у бедренных костей. Ориентирован головой на запад (рис. 3, 1).

Погребение относится к катакомбной культуре.

Погребение 10. Умерший лежал в СЗ направлении от нулевой отметки, на спине, в вытянутом положении, головой на восток. Руки вытянуты вдоль тела, кисти у тазовых костей (рис. 1, 3).

Сопровождающий инвентарь:

1. Фрагменты железного ножа. Лежали на правой руке погребенного ближе к кисти. Длина оставшейся части 9,5 см. На черенке заметны следы волокон дерева от рукояти (рис. 4, 22).

2. Фрагменты железного кинжала с прямым перекрестием и кольцевым навершием. Положен рядом с правым бедром. Кисть правой руки лежала рядом с рукоятью. Длина сохранившейся части клинка 22,2 см. На клинке отмечены следы волокон дерева от ножен (рис. 3, 4).

3. Бронзовая пряжка полукруглой формы: одна сторона ее прямая, вторая — полукруглая. Изготовлена из бронзовой пласти-

ны, внутри которой грубо вырублено отверстие подтреугольного очертания. На пластинке имеется штифт крепления. Размеры пряжки: $3,7 \times 3,9$ см. Обнаружена между кинжалом и правой ногой (рис. 4, 15).

4. Трехлопастные черешковые железные наконечники стрел. Собраны между ног погребенного (рис. 4, 13).

5. Две круглые костяные полусферические пуговицы. Найдены ниже левого колена. Диаметр 1,2 см. Возможно, обшивались сверху тканью и крепились к одежде (рис. 4, 11).

6. Фрагменты глиняного сосуда станковой работы. Лежали у правой ноги. Диаметр дна 9,2 см, высота оставшейся части 16,4 см. На тулове сохранились участки лощения и небольшой выступ от сломанной ранее ручки (рис. 5, 6).

7. Кости барана. Были положены рядом с сосудом.

Погребение относится к сарматской культуре.

Погребение 11. Найдено в насыпи на глубине 2,9 м в СВ направлении от нулевой отметки на расстоянии 7,5 м. Скелет женщины покоился на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗ. Правая рука лежала параллельно телу, левая рука несколько отведена в сторону. Правая нога согнута в колене, пяточной костью подведена к левой ноге.

Сопровождающий инвентарь:

1. Фрагменты бронзового зеркала. Находились выше правого плеча. Диаметр диска 14 см, длина штыря 5 см. По краю идет небольшой валик, подчеркнутый двумя концентрическими прорезными линиями. Ближе к центру проходит еще одна резная окружность (рис. 5, 1).

2. Бусы. Собраны у шейных позвонков и у левой руки. Низка включает:

а) пастовые конические бусины синего цвета с белыми полосками, диаметр 0,5 см — 3 шт. (рис. 2, 12);

б) стеклянные конические бусины синего цвета, диаметр 0,4 см — 4 шт. (рис. 2, 13);

в) стеклянные пронизки синего цвета, длина 1,1 см — 3 шт. (рис. 2, 10);

г) кольцевидные бусины синего и белого стекла, диаметр 0,5 см — 7 шт. (рис. 2, 11);

д) янтарные бусины, овальные, плоские, длина 1,5 см — 2 шт. (рис. 2, 9);

е) стеклянные бусины в виде амфорок с отверстием в широкой части бусины, длина 1,5 см — 2 шт. (рис. 2, 8);

ж) мелкий стеклянный бисер, диаметр 0,2 см — 12 шт. (рис. 2, 14).

3. Фрагмент железного шила. Находился на левой стороне груди, ближе к левому плечу. Длина 4,2 см, сечение округлое (рис. 2, 15).

4. Кусочки мела. Собраны с левой стороны левого предплечья.

Погребение относится к сарматской культуре.

Погребение 12. Яма находилась на расстоянии 1,4 м от нулевой отметки, на уровне материка в ЮЗЗ направлении. Овальное пятно ориентировано по линии ЮЗЗ—СВВ. Южная сторона прямая, СЗ — округлая. Длина ямы 2,75 м, ширина 1,75 м. На глубине 1,1 м вдоль СЗ стороны находилась ступенька шириной 0,2 м, высотой 0,2 м. В южной стенке вырыт подбой. Ширина подбоя 0,8 м, высота 0,6 м. Грабительский лаз разрушил погребение. В заполнении ямы и подбоя на разной глубине встречены окрашенные охрой кости взрослого человека.

В засыпи ямы на глубине 0,35 м от ее среза встречена лопатка быка.

Погребение относится к катакомбной культуре.

Погребение 13. Прямоугольная яма с закругленными углами находилась на расстоянии 9,4 м в ЮЗ направлении от нулевой отметки. Ориентирована по линии СЗ—ЮВ. Длина 2,6 м, ширина 1,7 м. В северном и южном углах были вырыты ямки для столбов глубиной 0,3—0,5 м и диаметром 10—12 см. Глубина ямы 1,2 м от уровня материка. Дно ямы покрыто кугой, посыпано охрой и мелом. Обильная посыпка мелом была под скелетом погребенного.

Он лежал на левом боку, в слабоскорченном положении, головой на ЮВ. Руки, несколько согнутые в локтях, направлены к тазовым костям.

Сопровождающий инвентарь:

1. Глиняная жаровня — фрагменты дна крупного лепного сосуда. Находились у пяточных костей погребенного, часть фрагментов лежала у головы. Диаметр дна 16 см. Глина темная в изломе, с добавкой песка (рис. 5, 5).

2. Бронзовое шило. Найдено за затылком погребенного. Длина 5 см (рис. 3, 2).

Погребение относится к катакомбной культуре.

Погребение 14. Яма квадратная. Находилась в ЮВ направлении от нулевой отметки на расстоянии 10,2 м. Углы ямы закруглены. Длина ямы по линии З—В 3,8 м, по линии С—Ю 3,7 м. На глубине 1,25 м от уровня материка вдоль всех стенок ямы оставлены заплечики. Ширина северного заплечика 0,54 м,

южного — 0,5 м, западного — 0,83 м, восточного — 0,15 м. Далее яма с прямыми стенками была прорублена уже в слое шоколадной глины. Общая глубина ямы 3,67 м от уровня материка. Дно покрыто слоем куги, охры, мела.

Ближе к северной стенке на подстилке покоился скелет взрослого человека, на левом боку, с сильно поджатыми ногами, головой на ЮВ. Руки слегка согнуты в локтях, правая кисть лежала на правом бедре, левая — направлена к коленям. Кости густо окрашены красной охрой (рис. 1, 6).

Сопровождающий инвентарь:

1. Кости быка. Стали попадаться в СВ углу ямы и шли слоем до заплечика.

2. Тонкая пластинка из серого песчаника. Лежала у теменной кости погребенного. Размеры: $8 \times 8,4 \times 0,4$ см (рис. 5, 4).

3. Бронзовое шило. Найдено между берцовыми костями погребенного. Длина 7,4 см. Сечение подквадратное (рис. 4, 7).

Погребение относится к катакомбной культуре.

Погребение 15. Прямоугольная яма находилась на СЗ от нулевой отметки на расстоянии 4,5 м. Ширина 3 м. На глубине 1,5 м от уровня материка проходил по периметру ямы заплечик, разрушенный с СЗ стороны. Ширина заплечика у ЮВ стороны 0,4 м, у СВ — 0,3 м, у ЮЗ — 0,35 м. Далее яма опускалась на глубину 1 м. От заплечиков ко дну яма расширялась. На уровне дна имела длину 3,3 м, ширину 2,85 м. Дно покрыто слабым слоем охры. СЗ часть ямы углублялась еще на 0,1 м. На этом уровне вдоль стены вырыта яма длиной 2,73 м и шириной до 1 м (рис. 1, 7).

В центре дна ямы покоился женский скелет. Он лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на восток. Руки были направлены к бедрам. Под скелетом обнаружена плотная посыпка охрой. Такое же пятно округлого очертания зачищено на юг от колена погребенной.

Сопровождающий инвентарь:

1. Небольшой фрагмент толстостенного сосуда. Встречен в засыпи ямы на глубине 1,2 м от уровня материка. Глина серая в изломе, с небольшой примесью песка. На внутренней и внешней поверхности черепка заметны следы грубого сглаживания. Размеры: $6 \times 7,4$ см.

2. Фрагменты глиняного сосуда. Лежали в головах погребенной. Сосуд баночной формы, с широким устьем. Венчик прямой, короткий. По плечу проходят чередующиеся круговые линии точек (продавлены концом

круглой палочки) и резных линий. От нижней линии вниз прорисованы углы, выполненные резной линией и рядами круглых вдавлений у одной из сторон. Ниже до дна идут короткие «проходы» мелкозубчатого штампа. Диаметр венчика 14 см, высота сосуда 14 см (рис. 5, 2).

3. Жаровня из боковины крупного сосуда баночной формы. Край устья направлен внутрь. Верхняя часть черепка украшена 7 параллельными круговыми рядами ногтевых защипов. Остальная часть черепка покрыта следами грубого сглаживания крупнозубчатым штампом. В темной глине заметна примесь песка (рис. 5, 7).

4. Каменный молот (?) овального очертания с неглубокой ложбинкой посередине. Лежал в западном углу ямы. Размеры: $14,6 \times 15 \times 10,5$ см (рис. 5, 3).

Погребение относится к катакомбной культуре.

Погребение 16. Яма прямоугольная, с закругленными углами, ориентирована длинной осью по направлению ЮВВ—СЗЗ. Над ямой находился плотный слой куги. Скелет погребенного покрыт плахами, лежащими по направлению ЮВ—СЗ: следы обвалившегося деревянного перекрытия.

Два черепа барана и отдельные кости были положены над ямой. Они встретились на уровне погребенной почвы у ЮВ угла. Длина ямы 2,2 м, ширина 1,5 м. Глубина от УПП 1,4 м (рис. 5, 9).

Дно ямы покрыто тонким слоем куги и посыпано мелом. На небольшом участке дна в западной части ямы находился слой охры. Взрослый человек был положен на левый бок, в скорченном положении. Руки направлены к коленям. Ориентирован головой на восток.

Сопровождающий инвентарь:

1. Фрагменты глиняного сосуда. Собранны у колен погребенного. Диаметр устья 16 см, высота сосуда 11,6 см. Край устья загнут вовнутрь. По широкой части тулова проходит небольшой уступ, подчеркнутый валиком, образовавшимся в результате сильного нажима штампом «веревочка», две параллельные круговые линии которого нанесены здесь. Выше, по устью, этим же штампом нанесены углы с тремя параллельными сторонами. По тулову, ниже уступа, нанесены «проходы» в два ряда «шагающей гребенкой» (рис. 5, 12).

2. Фрагменты крупного сосуда. Обнаружены в северном углу ямы. Широкое устье с уступом переходит в округлое плечико. Диаметр венчика 14,4 см, диаметр дна 6,8 см, вы-

сота сосуда 13,4 см. Половина сосуда украшена параллельными круговыми линиями «веревочки». Пространство между ними заполнено короткими параллельными нажимами того же штампа. Ниже по тулову, у самого дна, проходят три ряда «шагающей гребенки» (рис. 5, 11).

3. Фрагменты небольшого сосуда. Находились внутри большого горшка. Край устья загнут внутрь. Ниже его идут две параллельные линии, выполненные нажимом концом круглой палочки. От них опускаются углы, выполненные тем же штампом. Диаметр венчика 10,4 см, высота сосуда 8,8 см, диаметр дна 6,8 см (рис. 5, 10).

Полагаем, что основным погребением в кургане 4 было захоронение 12, устроенное в катакомбе, с которым связана первичная насыпь. Позднее по своеобразной дуге были впущены погребения катакомбной культуры: 3, 4, 7, 8, 9, 13, 14, 15, 16. Вторичная подсыпка, возможно, связана с впуском сарматских погребений 1, 5, 6, 10, 11. Самое позднее погребение в кургане относится к периоду поздних кочевников — погребение 2.

Курганный могильник Химкомбинат, группа Б, состоящий из четырех насыпей, дал интересный материал, относящийся к различным эпохам: средней бронзе, раннему железному веку и Средневековью. Кочевые племена, обитавшие здесь, максимально приспособились к природным условиям Сарпинской низменности, прилегающей своими западными и северо-западными границами к Ергенинской возвышенности. Именно здесь, в низменных участках, располагается цепочка озер (Сарпа, Цаца, Барманцак и др.), которые в прошлом, особенно в увлажненные годы или в период трансгрессии Каспийского моря (Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995, с. 13), могли сливаться в единую водную систему. Прилегающая зона была покрыта заливыми лугами, богата сочными прибрежными травами, что создавало прекрасные условия для содержания скота, особенно в зимний период.

Самыми ранними памятниками курганного могильника являются погребения катакомбной культуры. По всей видимости, курган 4 был насыпан над подбойным погребением 12, разрушенным грабительским лазом. Позднее в насыпь было впущено погребение 16. Все остальные погребения катакомбной культуры (4, 7, 9, 13, 14, 15) формировались по широкой дуге, огибая погребение

16, занимая, таким образом, подчиненное положение по отношению к нему.

Ямы катакомбных захоронений прямоугольные, на дне иногда встречаются следы красной охры, порошок серы, мел, насыпанные на подстилку из куги. Поражают своими размерами, объемом затраченного труда ямы с заплеками (погребения 14, 15), вырытые в плотном материковом грунте. Их аналоги встречаются в ряде могильников Волго-Донского междуречья (Мамонтов В.И., 1971, с. 212; Мамонтов В.И., 1997, с. 123—128). Они датируются первой четвертью II тыс. до н. э. (Кияшко А.В., 1999, с. 14).

Такие сложные по конструкции могильные ямы могли появиться в результате влияния на автохтонное население пришлых катакомбных племен, принесших в Волго-Донские степи «моду на обряд» (Гуренко Л.В., 1996, с. 26).

Почти все погребенные лежат на левом боку, в скорченном положении, руки чаще направлены к коленям. На костях встречаются следы охры. Ориентировка погребенных в основном на восток. Хотя отмечены случаи положения покойного головой на запад, юго-восток.

Могильный инвентарь скромный: кости барана и быка, пластинка из кости (рис. 4, 1), возможно, использовавшаяся для растирания косметических красок, бронзовые шилья (рис. 4, 1; рис. 3, 2), пластинка из песчаника, вероятно, служившая абразивом (рис. 5, 4), каменный молот (рис. 5, 3) — тяжелый булыжник с пропилом посередине для ленты крепления. Такие молоты могли использоваться в литейном деле (Пряхин А.Д., Сагайдак В.И., 1975, с. 185, рис. 8, 6, 7).

В погребениях встречены крупные фрагменты глиняных сосудов: боковины (рис. 5, 7), днища толстостенных кухонных горшков (рис. 2, 20; рис. 5, 5), где отмечена асимметрия рисунка и использованы такие сюжеты, как параллельные линии «шагающей гребенки», выполненные мелкозубчатым штампом, прочерченные углы, оформленные по углам наколами острия; приземистыми толстостенными сосудами с широким устьем, где при создании орнамента использовались мелкозубчатый штамп «веревочка» и плотно сдвинутые ряды «шагающей гребенки», нажимы и прочерки концом круглой палочки (рис. 5, 10, 11, 12).

Керамика подобного типа встречается в погребениях раннего периода средней бронзы и аналогична находкам из курган-

ных могильников Заволжья и Волго-Донского междуречья (Гуренко Л.В., 1995, с. 66).

Погребения срубной культуры курганного могильника Химкомбинат, группа Б: курган 1, погребение 1; курган 3, погребение 2; курган 4, погребение 8. Часть из них разрушена грабительским перекопом.

Сложный обряд погребения отмечен в кургане 3, где в его основе находилось захоронение эпохи поздней бронзы. Насыпь имеет растянутую форму, которая создавалась в несколько приемов. Вероятно, в начале была очищена и тщательно выровнена длинная площадка, ориентированная по направлению СЗ—ЮВ. В СЗ части площадки была выкопана овальная яма, на дне которой положили пожилую женщину в скорченной позе, головой на восток. Рядом с ней поставили сосуды с пищей, на некотором расстоянии от ямы были вырыты достаточно длинные рвы. Шоколадные глины из этого рва, так же как и из внешних ровиков, укладывались в насыпь на слой материкового песка, предшествовавшего отложениям «шоколадки». Причем почти вся южная часть насыпи состоит только из материкового песка. И только верхний слой вторичной досыпки состоит из обычной плотной серой супеси (рис. 1, 1).

Керамика в погребении 2 стандартна для эпохи поздней бронзы — баночный (рис. 3, 11) и горшковидный (рис. 3, 12) сосуды. Бронзовые подвески также характерны для ранних этапов срубной культуры. Но если подвеска, свернутая из простого стержня (рис. 3, 9), имеет аналоги во многих памятниках срубной культуры, что говорит о широком их распространении среди населения поздней бронзы (Памятники срубной культуры, 1993, табл. 4, 22, 23; с. 152, табл. 22, 14), то «рогатая» подвеска (рис. 3, 10) для степей междуречья является большой редкостью.

Вместе с погребенной было положено ожерелье из бус (280 шт.). Они изготовлены из красного сердолика, бисер — из стекла (рис. 4, 17, 18).

Номенклатура сопровождающего инвентаря, большой курган, воздвигнутый над умершей, подчеркивают ее высокий социальный статус в обществе, принадлежность женщины к элитарной прослойке срубного населения. Погребение относится к покровскому этапу срубной культуры (Мамонтов В.И., 1994, с. 82).

Фрагменты керамики, обнаруженные в разрушенных погребениях этой поры (курган 1, погребение 1, — рис. 3, 8) относятся к обычной бытовой посуде срубной культуры.

Сарматские погребения из курганного могильника относятся к раннесарматской и позднесарматской культуре. Погребенные лежат на спине, в вытянутом положении, руки направлены к тазовым костям. Иногда под скелетом прослеживалась меловая посыпка, следы куги. Ориентировка неустойчива.

В насыпи большого кургана сарматы устроили два жертвенных места. Вероятно, после совершения погребальных действий либо в день памяти в насыпь кургана поставили толстостенный сильнопрофилированный сосуд (рис. 3, 7). Сосуд явно относится к ранней керамике, к прохоровской культуре. Близкие аналоги — сосуд из Политотдельского (курган 19, погребение 20), который М.Г. Мошкова датировала III—II вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1963, табл. 6, рис. 35).

Второй сосуд также обнаружен в насыпи кургана (рис. 2, 1), рядом с ним лежали фрагменты железного ножа. Подобная форма лепных кувшинов была распространена в прохоровских памятниках Приуралья и Поволжья (Мошкова М.Г., 1963, табл. 8, рис. 6, 7, 11) и датируется III—II вв. до н. э.

Раннесарматский кувшин встречен в погребении 5 из кургана 4 (рис. 2, 18). Аналогичный лепной сосуд встречен в Заволжье, в курганном могильнике Бережновка II (курган 65, погребение 3). Он датируется III в. до н. э. (Мошкова М.Г., 1963, табл. 8, 13).

Несмотря на присутствие кувшина с архаическими признаками, погребение, возможно, относится к более позднему периоду, поскольку в нем встречено зеркало со штырем для рукояти и крупным полусферическим выступом в центре диска. Такие зеркала А.М. Хазанов относит к I в. до н. э. — I в. н. э. (Хазанов А.М., 1963, с. 58, рис. 1), А.С. Скрипкин полагает, что они были распространены в I в. н. э. (Скрипкин А.С., 1990, с. 275, рис. 49, 67). Кроме того, в погребении найдены полые каплевидные золотые серьги с напаянными тонкими проволочками (рис. 2, 17), которые характерны уже для памятников среднесарматского времени.

Еще одно раннесарматское погребение (курган 4, погребение 1), разрушенное грабительским перекопом, принадлежит воину-сармату. Здесь найдены железные черешковые наконечники стрел (рис. 2, 16), фрагменты крупного наконечника копья (2, 19) и обломки втока (рис. 5, 8). Погребение относится к прохоровской культуре: это подтверждается находкой бронзовой пряжки в виде восьмерки (рис. 4, 3). Такие пряжки

встречаются в погребениях III—II вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1960, с. 297).

Нам кажется, что наконечник копья из погребения относится к категории «копий с массивным листовидным пером и короткой втулкой» и датируется I в. до н. э. — I в. н. э. (Хазанов А.М., 1971, с. 46, 47).

Наконечники копий раннесарматского времени, приводимые в публикациях, имеют другое очертание: очень плавный изгиб пера от основания втулки к его широкой части и далее к острию. Причем в средней части пера проходит нервюра — укрепляющий валик. Наконечник копья из могильника Химкомбинат имеет совершенно другую форму. Основания пера около втулки утолщены и идут к изгибу под прямым углом. Втулка переходит в утолщение, которое хорошо заметно только у ее основания. Весь клинок копья тонкий, ровный, утончается только к боковым сторонам и острию.

Погребение 11 из кургана 4 также раннесарматское. Хорошо датируют его бусы ранних форм (рис. 2, 8—14). Например, крупная стеклянная бусина удлиненной формы в виде амфорки (рис. 2, 8), по Е.М. Алексеевой, относится к типу 107в. Они распространены в погребениях III в. до н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 19, табл. 22, 6).

В этом же погребении встречены фрагменты бронзового зеркала с широкой ручкой и валиком по краю. Диск зеркала украшен несколькими концентрическими окружностями. М.Г. Мошкова полагает, что зеркала такого типа могли встречаться в погребениях III—II вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1963, табл. 28, 20).

Погребения среднесарматской культуры могильника также впущены в насыпи ранних курганов. Курган 3, погребение 1 (рис. 1, 5). В погребение был поставлен кувшин станковой работы. Поверхность светло-серая, верхняя часть разрушена. Он относится к привозной посуде — небольшим кувшинчикам с прямой ручкой. Датируется первыми веками нашей эры. (Скрипкин А.С., 1990, с. 160, 271, рис. 45, М17).

Курган 4, погребение 6 (рис. 1, 2). Рядом с погребенным был положен кинжал с прямым перекрестием и кольцевидным навершием (рис. 3, 6), амулет из кости плюсны животного (рис. 4, 16), несколько глазчатых бусин (рис. 4, 19, 21), бусина из кости (рис. 4, 20).

Курган 4, погребение 10 (рис. 1, 3). В могиле найдены кинжал с кольцевидным навершием (рис. 3, 4), фрагменты трехлопастных черешковых наконечников стрел (4, 13),

костяные пуговицы (рис. 4, 11), фрагментированный красноглиняный сосуд станковой работы (рис. 5, 6). Весь комплекс найденных вещей позволяет отнести эти погребения к среднесарматскому времени.

В насыпи кургана 4 встречено погребение позднего кочевника (погребение 2). Датирующим материалом для этого разрушенного погребения являются, прежде всего, бронзовые ременные бляшки (рис. 4, 8, 9, 10) и фрагмент черешкового наконечника стрелы ранних типов (рис. 4, 2).

Сердцевидная бляшка имеет аналоги в погребении 5 из кургана 3 могильника Быково II. Она датирована К.Ф. Смирновым в пределах X—XI вв. (Смирнов К.Ф., 1960, с. 227, рис. 22, 12; с. 267). Бляшки в виде трилистника близки своим орнаментальным сюжетом бляшкам из могильника 15-й поселок (Волгоградская обл., левобережье р. Ахтубы), раскопанного В.П. Шиловым в 1958 г. Л.М. Гаврилина полагает, что бляхи такого типа бытовали в Нижнем Поволжье среди кочевников X в. (Гаврилина Л.М., 1991, с. 150, рис. 2, 1, 2; с. 154).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1—12. М.
- Гаврилина Л.М., 1991. Металлические украшения сруби из кочевнического погребения X в. в Нижнем Поволжье // Материалы по археологии Калмыкии, Элиста.
- Гуренко Л.В., 1995. Погребения эпохи средней бронзы из кургана на южной окраине Волгограда // ДВДС. Вып. 5. Волгоград.
- Гуренко Л.В., 1996. Об особенностях погребального обряда памятников средней бронзы Волго-Донского междуречья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.
- Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. Человеческая природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.
- Кияшко А.В., 1999. Волго-донские погребения эпохи средней бронзы в ямах с заплечиками // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград.
- Мамонтов В.И., 1967. Отчет о работе археологического отряда ВОКМ за 1967 г. Фонды ВОКМ. Волгоград.
- Мамонтов В.И., 1971. Курганный могильник Колпачки // СА. № 4. М.

Мамонтов В.И., 1981. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской экспедиции ВГПИ за 1981 г. Фонды ВОКМ. Волгоград.

Мамонтов В.И., 1990. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской экспедиции за 1990 г. Фонды ВОКМ. Волгоград.

Мамонтов В.И., 1994. Элитные погребения срубной культуры степной части Волго-Донского междуречья // Срубная культурно-историческая область. Материалы III Рыковских чтений. Саратов.

Мамонтов В.И., 1997. Погребение катакомбной культуры Первомайского курганного могильника // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 2. Саратов.

Мошкова М.Г., 1960. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. Вып. 78. М.

Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1—10. М.

Памятники срубной культуры. Волго-Донское междуречье, 1993 // Археология России. САИ. Вып. В1—10. Саратов.

Пряхин А.Д., Сагайдак В.И., 1975. Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры // СА. № 2. М.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.

Смирнов К.Ф., 1960. Быковские курганы // МИА. Вып. 78. М.

Хазанов А.М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4. М.

Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1: 1 — курган 3, план; 2 — курган 4, погребение 6; 3 — курган 4, погребение 10; 5 — курган 3, погребение 1; 6 — курган 4, погребение 14; 7 — курган 4, погребение 15.

Рис. 2. Курган 4: 1 — насыпь 2; 2—5 — погребение 7; 17, 18, 21 — погребение 5; 6 — погребение 4; 8—15 — погребение 11; 16, 19 — погребение 1; 20 — погребение 7.

Рис. 3: 1 — курган 4, погребение 9; 2 — курган 4, погребение 13; 3, 9—12 — курган 3, погребение 2; 4 — курган 4, погребение 10; 5 — курган 3, погребение 1; 6 — курган 4, погребение 6; 7 — курган 4, насыпь 1; 8 — курган 1, погребение 1.

Рис. 4. Курган 4: 1 — погребение 3; 2, 4, 6, 8—10 — погребение 2; 3, 12 — погребение 1; 5, 14 — погребение 5; 7 — погребение 14; 11, 13, 15, 22 — погребение 10; 16, 19—21 — погребение 6; 17, 18 — курган 3, погребение 2.

Рис. 5. Курган 4: 1 — погребение 11; 2, 3, 7 — погребение 15; 5 — погребение 13; 4 — погребение 14; 6 — погребение 10; 8 — погребение 1; 9—12 — погребение 16.

SUMMARY

MATERIALS OF THE CHIMKOMBINAT CEMETERY, «B» GROUP

V.I. Mamontov

Barrows of the group were situated in the North-Western part of Sarpinskaya lowland, close to the Ergeni hills. In the Bronze Age this area was occupied by nomads and semi-nomads. The largest barrow was made by the tribes of the Catacomb Culture. The interesting custom to make elite burials was borrowed from the Pokrovka Culture tribes. In this area they appeared in the first half of the 2nd millennium BC. The Sarmatian graves have standard material. It is characterized by the Early and Middle Sarmatian Cultures. But there were found several items, which are rarely met in graves of the Early Iron Age. These are: an iron spear, gold earrings, mirrors, an amulet. The latest grave belongs to the late nomads — 10 AD.

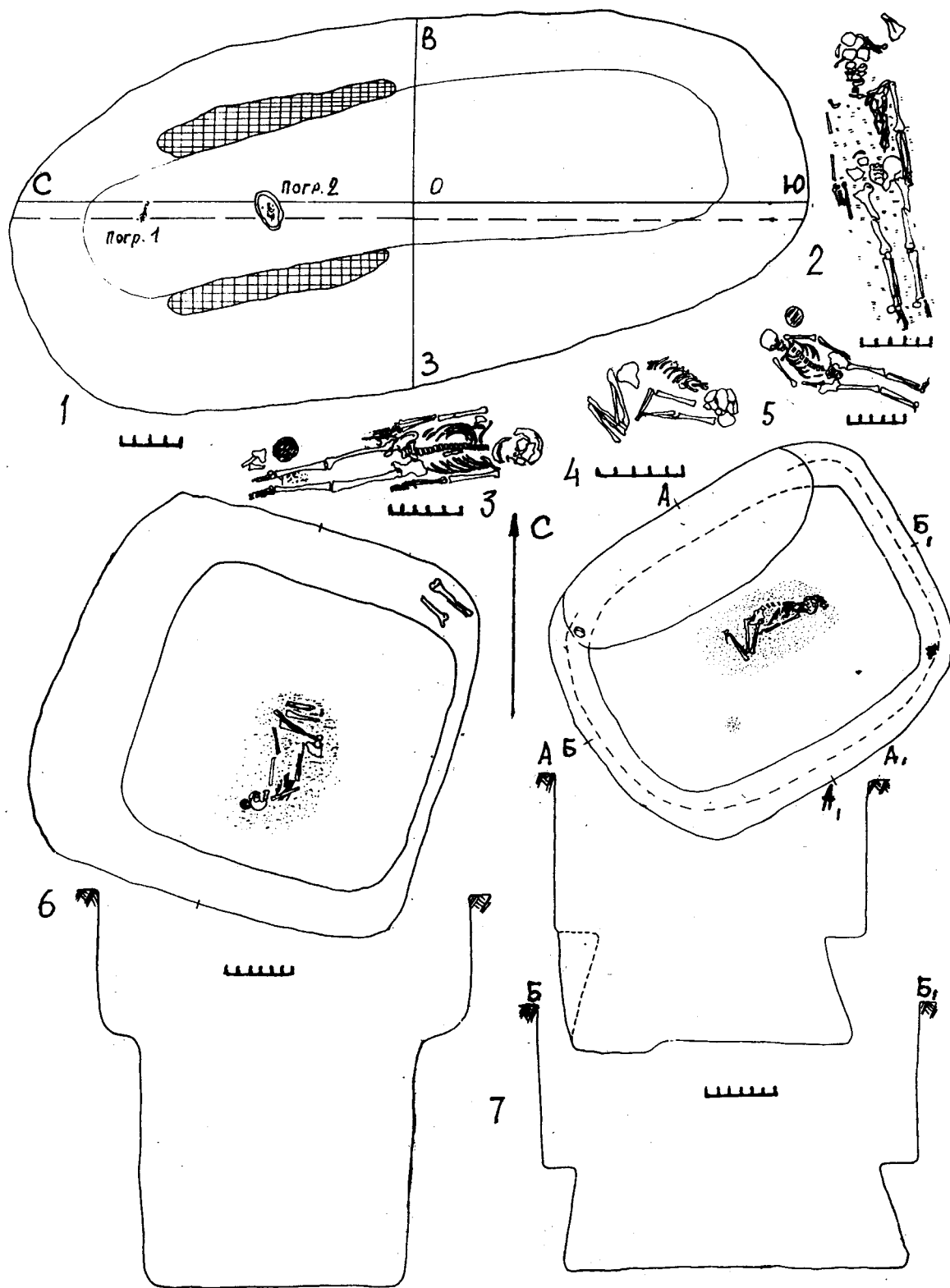

Рис. 1

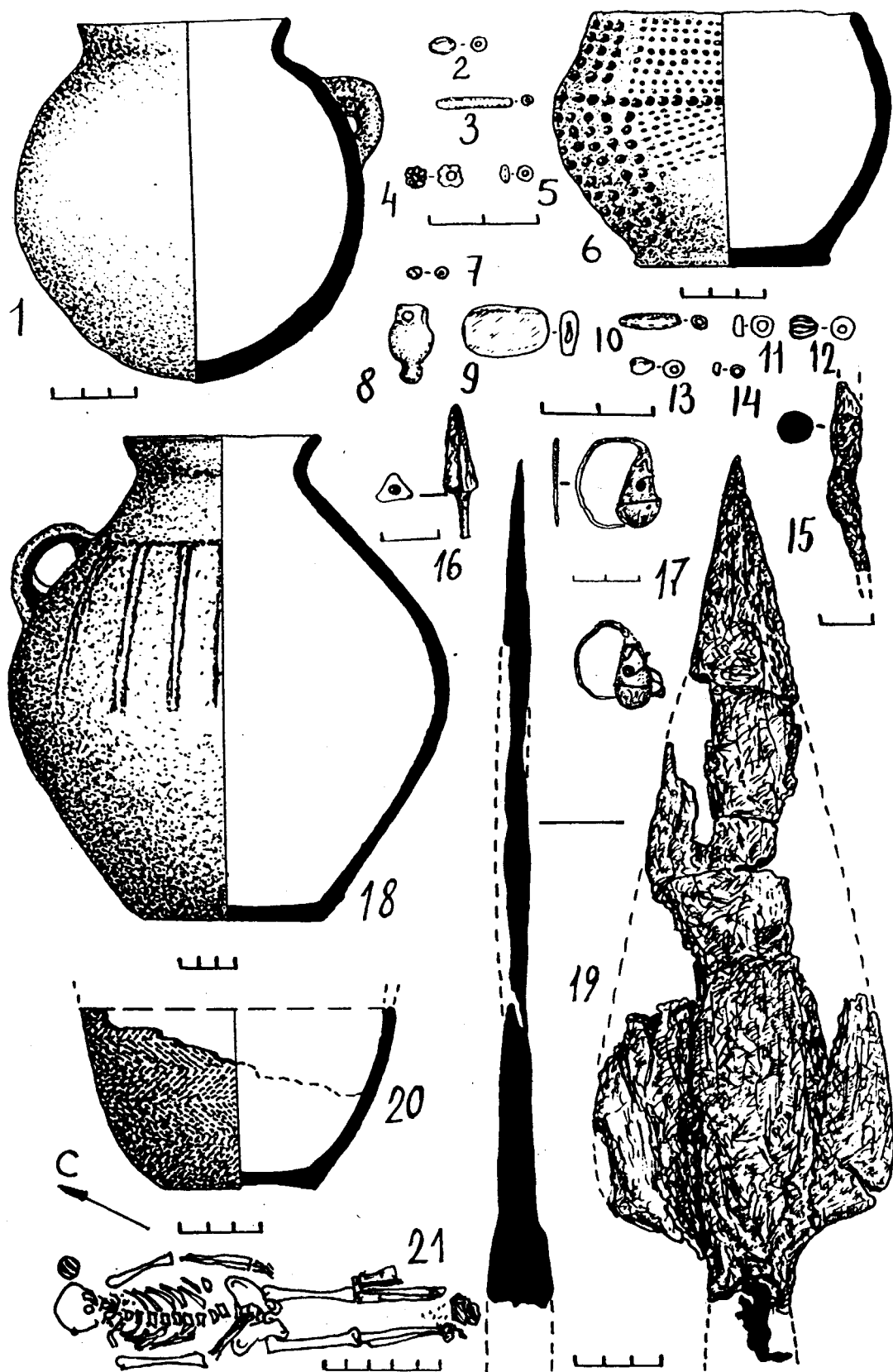

Рис. 2

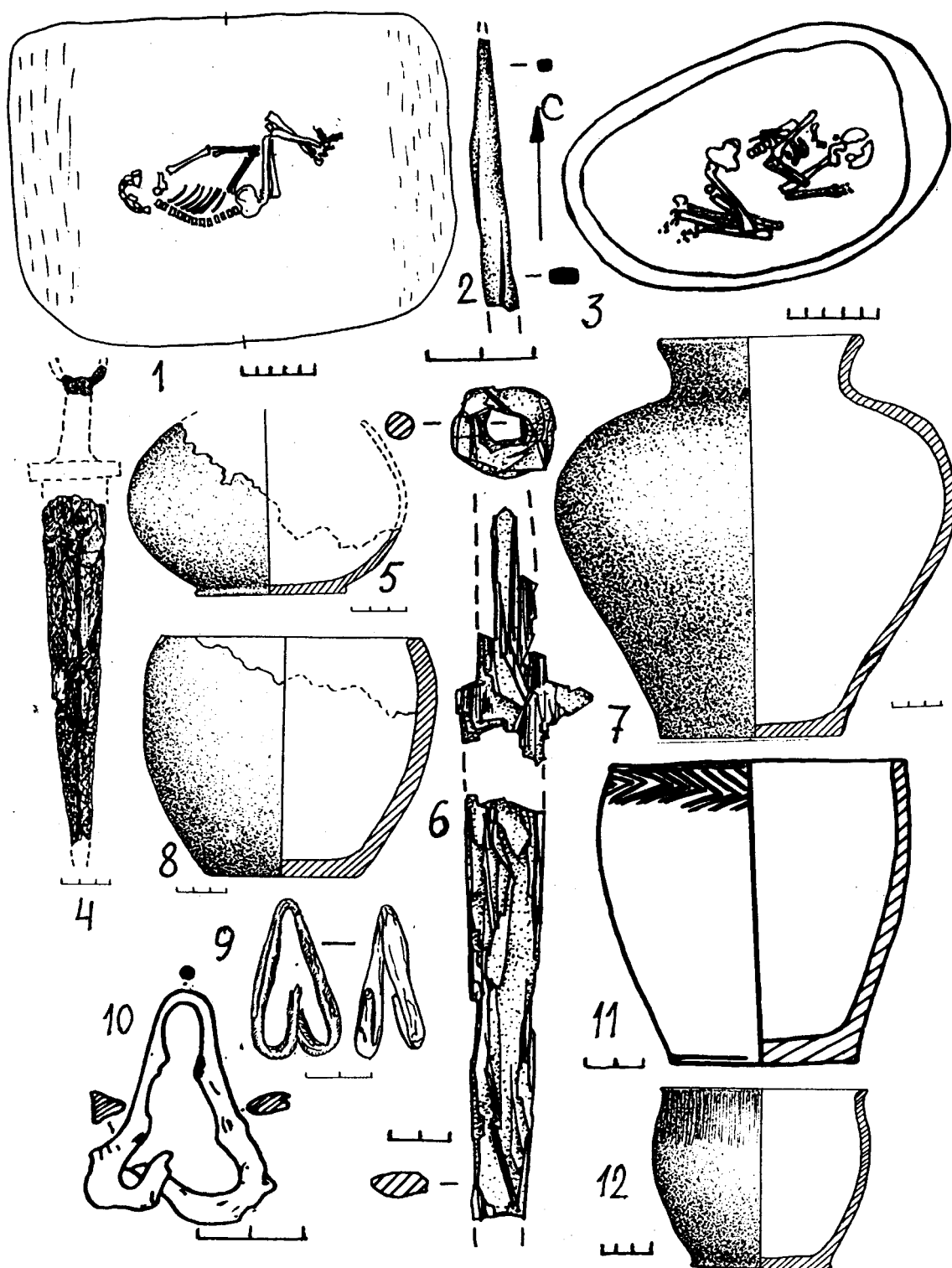

Рис. 3

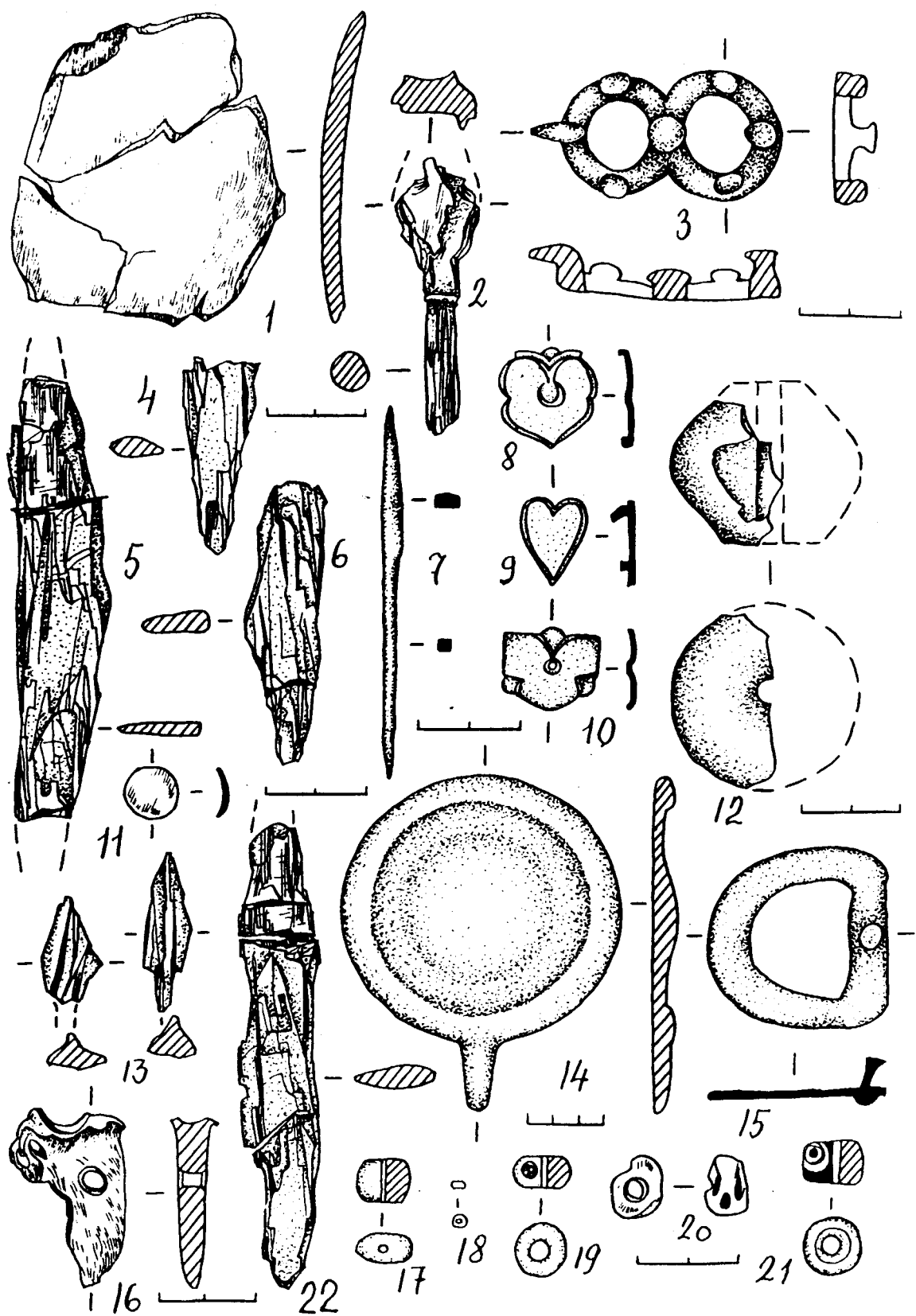

Рис. 4

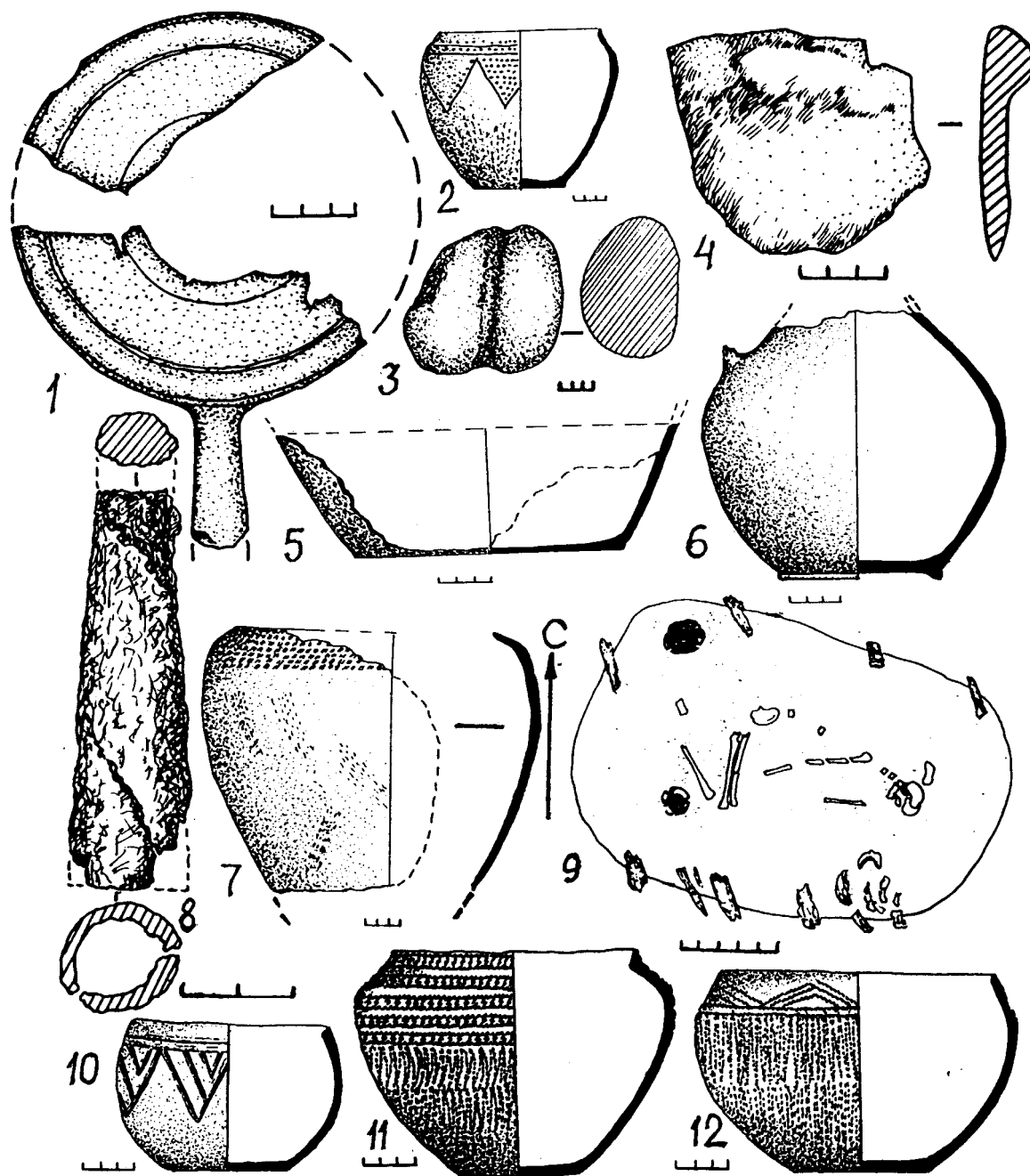

Рис. 5

КУРГАНЫ У ДЕРЕВНИ МАШЕВКИ, КОЛОНИИ НОРКА И СТАНЦИИ ЛЕБЯЖЬЕ В БАЛАШОВСКОМ И КАМЫШИНСКОМ УЕЗДАХ БЫВШЕЙ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК А.А. СПИЦЫНА В 1895 Г.)*

И.И. Гущина, К.Б. Фирсов

В 1897 г. Императорской археологической комиссией были переданы в дар Российскому Императорскому историческому музею имени Александра III (сейчас — ГИМ) коллекции из раскопок А.А. Спицына в 1895 г. курганных групп в верховьях р. Аркадак бассейна р. Хопра у д. Машевки Балашовского уезда и в верховьях р. Иловли близ немецкой колонии Норка и станции Лебяжье в Камышинском уезде Саратовской губернии (рис. 1, 1—3) (Отношение ИАК № 1391 от 18 августа 1897 г.). В настоящее время Балашовский район входит в состав Саратовской области, а Камышинский — Волгоградской. Исследования А.А. Спицына в 1895 г. положили начало археологическому изучению как бассейна р. Иловли в целом, так и вообще всего Нижнего Поволжья (Сергацков И.В., 1997, с. 5).

Коллекция насчитывает всего 66 предметов¹ (Инв. № 35218, оп. Б 273 (Машевка), 274 (Норка), 275 (Лебяжье и случайные находки). Из могильника у колонии Норка происходит 20 предметов из курганов 1—4, 6; у д. Машевки — 11 предметов из курганов 3, 4, 6, 12; у ст. Лебяжье — 27 предметов из курганов 1 и 5, а также 2 предмета, найденные «вне погребений». Пять предметов были куплены автором раскопок у местного населения. Отметим также, что материалы из раскопок А.А. Спицына в 1895 г. поступили в ГИМ не полностью: так, из значительной керамической коллекции, собранной в результате раскопок, в ГИМ поступил лишь один сосуд. В отношении ИАК по поводу некоторых сосудов сообщается, что они «уничтожены». Местонахождение остальных предметов нам не известно.

Интересно, что коллекция включает в себя материалы широкого хронологического

диапазона — от предсавроматского до позднесарматского времени. Эти комплексы известны в археологической литературе, нередко привлекаются исследователями для аналогий, однако до сих пор полностью не опубликованы.

Краткая информация о раскопках была опубликована А.А. Спицыным в ОАК за 1895 г. (ОАК за 1895 г., с. 30—32). В ней даны общие сведения о погребальных сооружениях, обряде и вещевом материале погребений, опубликованы фотографии отдельных предметов, предложены датировки комплексов. А.А. Спицын датировал впускные погребения курганов у д. Машевки и ст. Лебяжье II—IV вв. н. э., а курганы близ колонии Норка отнес к несколько более позднему времени, но «едва ли позднее» VI в. н. э. (ОАК за 1895 г., с. 32). Более подробная информация о раскопках также была опубликована в «Обзрении некоторых губерний и областей России в археологическом отношении» в одном из томов ЗРАО (Записки..., 1896, с. 141—145). Материалы из раскопок А.А. Спицына активно использовал в своих трудах П. Рау (Rau P., 1927; 1929). В одной из работ он дал краткие описания погребального обряда и инвентаря курганов, разделил исследованные комплексы на три хронологические группы. Первую, наиболее древнюю группу составили 5 погребений из одного кургана у ст. Лебяжье. В следующую хронологическую группу П. Рау включил ряд погребений из курганов у д. Машевки. Вслед за А.А. Спицыным автор монографии датировал эту группу II—IV вв. н. э. Третью, более позднюю группу погребений, отнесенную А.А. Спицыным к VI в. н. э., составили комплексы из курганов у колонии Норка, а также 2 ограбленных погребения из группы у ст. Лебяжье (Rau P., 1927, s. 52—53, abb. 83).

* Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Памятники скифо-сарматского времени в собрании Государственного Исторического музея: Каталог коллекций. 1883—2001» (№ 00-01-00238а).

¹ В настоящей статье рассматриваются материалы, относящиеся только к савромато-сарматскому времени. Комплексы из раскопок А.А. Спицына в 1895 г., датируемые эпохой бронзы и Средневековьем, также хранятся в ГИМ (Инв. № 35218, оп. А 319, А 320 (№ 24—25); оп. В 1668/7).

Материалы из раскопок А.А. Спицына в 1895 г. неоднократно привлекались рядом исследователей как для создания обобщающих работ по сарматской археологии и по отдельным категориям инвентаря (Смирнов К.Ф., 1961; Мошкова М.Г., 1963; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963; Амброз А.К., 1966; Скрипкин А.С., 1977; 1984; Смирнов К.Ф., 1989; Скрипкин А.С., 1990; Очир-Горяева - М.А., 1996; и др.), так и в ряде трудов, посвященных сарматским памятникам в бассейне р. Иловли (Сергацков И.В., 1992, 1997; и др.).

Отчет о раскопках А.А. Спицына хранится в Научном архиве ИИМК РАН (Спицын А.А., 1895)².

В настоящей работе мы использовали дневники А.А. Спицына для характеристики погребального обряда и инвентаря описываемых комплексов. Отчет А.А. Спицына воспроизведен нами не полностью, но в тексте сохранена вся имеющаяся информация о курганах и погребениях, относящихся к савромато-сарматскому времени. Также опущены описания нескольких маловыразительных и неинформативных комплексов, датировка которых затруднительна. Описания курганов и погребений адаптированы нами, но даны близко к тексту А.А. Спицына, орфография и пунктуация изменены на современную. В некоторых случаях в кавычках воспроизведены собственные фразы автора. У А.А. Спицына все размеры в дневнике были даны в старых русских мерах (саженях, аршинах, вершках). В настоящей работе мы перевели измерения автора раскопок в современную систему мер, результаты измерений округлены. Описания материалов раскопок, хранящихся в ГИМ, составлены авторами статьи.

Деревня Машевка Балашовского уезда Саратовской губернии (рис. 1, 1)

Курган 3 (рис. 2, 1)

Курган имел сильно расплывшуюся насыпь. Высота — около 0,71 м, диаметр — до 12,8 м.

Могильная яма длиной 2,13 м, глубиной около 1,42 м.

Костяк взрослого человека лежит головой на СЗ. В районе головы — глиняная тарелка с двумя костями барана, по ее сторонам — два горшка, в одном замечена рыба чешуя.

В ГИМ хранится один из сосудов (рис. 2, 1) — лепной, сероглиняный, с узким, расширяющимся кверху горлом и плоским дном. Глина с примесью песка, верхняя часть сосуда закопчена. Высота — 14,7 см, диаметр венчика — 8,8 см, диаметр дна — 7 см, максимальный диаметр тулова — 14,9 см, толщина стенок — 0,5 см. Подобные сосуды характерны для среднесарматского времени и имеют ряд аналогов (Мошкова М.Г., 1989, табл. 74, 24).

Погребение относится к среднесарматскому времени.

Курган 4 (рис. 2, 2—3)

Курган имел сильно расплывшуюся насыпь, на северной поле видны следы выемки земли. Высота — 0,89 м, диаметр — до 12,8 м. В центре, приблизительно на поверхности земли — плоский камень до 0,71 м в диаметре.

Могильная яма с закругленными углами находилась в южной поле кургана. Длина — почти 2,13 м, ширина — 0,71 м, глубина — 1,6 м. Костяк лежит на правом боку, головой на С, с отклонением на В. В районе головы — глиняная тарелка с двумя костями барана и 2 небольших глиняных горшка. Около костей плеча — железная круглая пряжка с язычком, в районе груди — бронзовая фибула.

В ГИМ хранится:

1. Пряжка железная, круглорамчатая, с подвижным язычком (рис. 2, 3). Диаметр — 3,6 см. Рамка в сечении круглая. Диаметр сечения — 1,3 см. Язычок в сечении овальный. Размер сечения: 1,3 × 0,8 см. Такие пряжки бытовали на протяжении всей позднесарматской культуры (тип 1 по А.С. Скрипкину) (Скрипкин А.С., 1984, с. 41, 57, рис. 15, 6, 7).

2. Фибула бронзовая, двучленная, лучковая, с подвижным приемником и с расширенной ножкой (рис. 2, 2). Изготовлена из массивного стержня. Ножка украшена перекидывающимся штрихованным орнаментом. Длина — 7,4 см, максимальная высота дужки — 2,5 см, ширина ножки — 1,3 см, диаметр стержня — 0,2—0,3 см. По А.К. Амбразу — вариант 1 серии III (II—IV вв. н. э.) (Амброз А.К., 1966, с. 52—53). Подобные фибулы А.С. Скрипкин относит ко II типу лучковых и считает, что они появились в Нижнем Поволжье после середины III в. н. э. (Скрипкин А.С., 1977, с. 108—109, рис. 3, 17).

Погребение датируется позднесарматским временем.

² Благодарим И.П. Засецкую и С.Н. Сенаторова за оказанную помощь при получении архивных материалов.

Курган 6 (рис. 3, 1—3)

Высота — 1,16 м, диаметр — около 27,74 м.

Могильная яма расположена в южной поле, почти на краю насыпи. Глубина ямы — 1,69 м.

Костяк лежит головой почти на С, правая рука согнута, левая — слегка откинута, ступни ног сдвинуты. В районе головы — тарелка с двумя костями барана и нож с костяной рукоятью, рядом 2 глиняных сосуда («один черной глины шаровидной формы и украшен волнистым орнаментом, другой — красивый с узким горлом и орнаментирован городками») и продолговатый камень в виде оселка, в верхней части левого бедра — бронзовая фибула.

В ГИМ хранится:

1. Нож железный (рис. 3, 1), однолезвийный, с прямой спинкой. Имеет костяную рукоять, состоящую из двух пластин, скрепленных тремя железными заклепками. Рукоять украшена резным циркульным орнаментом (диаметр кружков — 0,4 см). Общая длина ножа — 17,8 см. Длина сохранившейся части лезвия — 9,2 см, толщина — 0,2 см. Накладные пластины, составляющие рукоять, с одной стороны — подпрямоугольные, с другой — заканчиваются полукругом. Длина первой пластины — 9,6 см, ширина — 1,5—1,9 см, толщина — до 0,5 см. Длина второй пластины (обломана) — 7,2 см. Длина заклепок — 1,8 см, их диаметр — 0,15—0,4 см. Ножи подобного типа известны в савроматских памятниках VI—V вв. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1989, табл. 68, 7). Есть они и в позднесарматских комплексах (Калиновский, кург. 13) (Шилов В.П., 1959, с. 368, 508, рис. 60, 6).

2. Пест каменный, обломан (рис. 3, 3). Удлиненно-вытянутой формы, овальный в разрезе. Один конец подточен и сужается. Длина — 14 см, ширина — 6 см, толщина — 3,8 см. Такие песты-терочки также характерны для раннего времени. Они известны в южноуральских памятниках савроматского и прохоровского времени (Смирнов К.Ф., 1964, с. 314, рис. 21, 36; Смирнов К.Ф., 1989, табл. 68, 30—31, 74), но встречаются и в более поздних комплексах.

3. Фибула бронзовая, двучленная, лучковая, с подвижным приемником и с расширенной ножкой (рис. 3, 2). Длина — 6,9 см; максимальная высота дужки — 2,4 см; ширина ножки — 1,3 см; диаметр проволоки — 0,2—0,3 см. Полностью аналогична фибуле из кургана 4, датируется тем же временем.

Погребение относится к позднесарматской культуре.

Курган 12 (рис. 4, 1—8)

Высота — 0,18 м, диаметр — 4,27 м.

В центре кургана — неглубокая материковая яма. Глубина — до 0,71 м.

Женский скелет лежит головой почти на З, с отклонением на Ю, слегка на правом боку. Снизу — слой красной глины, сверху кости прикрыты сначала желтой глиной, а потом красной. В районе головы, сверху, лежат камни. В районе груди — 4 крупные бусины, бронзовая серьга и железный неопределенный стержень, между бедрами — железный наконечник дротика (шило), с остатками древка.

В ГИМ хранится:

1. Бусины:

Округлые синие бусины из глухого стекла (2 экз.) (рис. 4, 1—2). Тип 15 по Е.М. Алексеевой. Подобные бусины были особенно популярны в первые века н. э., хотя известны и в VI—I вв. до н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 64—65, табл. 33, 2).

Бочковидная, поперечно сжатая бусина из глухого серо-голубого стекла (1 экз.) (рис. 4, 3). Тип 31 по Е.М. Алексеевой. Встречены в комплексах I—II вв. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 66, табл. 33, 4).

Округлая бусина из глухого черного стекла с несколькими линиями фестонов белого цвета (фестончатый орнамент) (1 экз.) (рис. 4, 4). Тип 259а по Е.М. Алексеевой. Известны в комплексах, относящихся к III в. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 48, табл. 30, 7).

2. Бисер в описании погребения отсутствует, но записан в описи ГИМ как «бисер жемчужный».

Рубленый стеклянный бисер белого или голубого цвета (6 экз.) (рис. 4, 5). Тип 166 по Е.М. Алексеевой. Известен с III в. до н. э. по IV в. н. э., особенно популярен был в два периода — во II—I вв. до н. э. и во II—IV вв. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 72, табл. 33, 71).

3. Серьга бронзовая в виде вопросительного знака с обмоткой бронзовой проволокой (рис. 4, 7). Конец загнут. Диаметр кольца — 2,3 см, общая длина — 4 см, диаметр сечения проволоки — 0,15 см. Размеры: 4 × 2 см.

4. Шило железное с фрагментами деревянной рукояти (рис. 4, 8). В отчете А.А. Спицына, вероятно, значится как «железный неопределенный стержень, с остатками древка». Сечение в области рукояти и в середине шила овальное, плоское, на конце — круглое. Длина — 6,5 см. Похожие шилья известны в памятниках среднесарматской культуры (Мошкова М.Г., 1989, с. 182).

5. Костяная трубочка, изготовленная из трубчатой кости (рис. 4, б). Украшена резным циркульным орнаментом в виде правильных рядов кружков. В разрезе — полая; круглая и овальная. Длина — 7 см. Диаметры сечения: 1,3 см и $1,5 \times 0,9$ см. Этот предмет значится в описи ГИМ, но не упомянут в отчете А.А. Спицына.

Вероятно, это костяная орнаментированная игольница. Подобные предметы известны в погребениях прохоровского времени (Бишунгаровские курганы, кург. 11, погр. 8) (Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 30, табл. XX, 7). Они встречаются в III—II вв. до н. э., являясь характерной чертой раннесарматских погребений, хотя их можно найти и в более поздних комплексах (Мошкова М.Г., 1963, с. 39, табл. 23, 34—40).

6. В отчете А.А. Спицына упомянут «железный неопределенный стержень». В коллекции ГИМ он отсутствует.

Погребение относится, возможно, к первым векам нашей эры.

Колония Норка Камышинского уезда бывшей Саратовской губернии (рис. 1, 2)

Курган 1 (рис. 5, 1—5)

Расплывшийся, небольшой, почва песчаная.

В южной поле насыпи — входная яма в форме удлинённого овала, ведущая к подбойному погребению. Длина входной ямы — 2,13 м, ширина — 0,49 м, глубина — 2,31 м. Подбой был углублен на 0,22 м ниже дна входной ямы, имел такую же форму. Длина камеры — 2,40 м, ширина — 0,89 м, высота входа — 0,40 м.

В нише лежал скелет человека, «неловко придвинутый к стенке», головой на СВ. Кости в основном плохой сохранности. Отдельные кости, вероятно, были потревожены грызунами и лежали в разных частях подбоя (зубы, кости рук). Под костяком находилась какая-то растительная подстилка (тросник?), особенно хорошо прослеженная с левой стороны скелета. В районе головы — 2 кости барана и два сосуда: «один большой красной глины с ручкой, другой темной глины и менее искусной работы». В районе ног находился третий сосуд, «также грубого мастерства (погребальный)». В районе груди найдена бронзовая пластинчатая пряжка, у кисти левой руки — серебряная полая трубочка,

у левой стенки ниши около колена — зеркало, ниже, почти у ступни — глиняное пряслице. В районе головы найдены фрагменты бронзовой серьги. Рядом с большим сосудом находилась какая-то темная масса, «быть может, остаток хлеба».

В ГИМ хранится:

1. Фрагменты бронзовой круглой проволоочной серьги (рис. 5, 4). Диаметр — 2,8 см. В сечении — круглая. Диаметр сечения — 0,3 см.

2. Пряжка-застежка (сюльгама) круглая, пластинчатая, с подвижным язычком (рис. 5, 2). На рамке — «елочный» орнамент. Размеры: $3,8 \times 3,3$ см. Ширина пластины — 0,3—0,5 см. Толщина пластины — 0,1—0,15 см. Язычок в сечении плоский (шириной — 0,4 см, толщиной — 0,1 см), на конце — круглый (диаметром — до 0,2 см). Длина язычка — 3,6 см. Сюльгама имеет усики высотой, шириной и длиной до 0,4 см. Подобная застежка относится к наиболее раннему типу пластинчатых сюльгам, широко распространенных на памятниках поволжско-финского населения на территории Средней Оки и Среднего Прикамья и являющихся их своеобразным этническим индикатором. По материалам рязано-окских могильников (Кораблино, мог. 2, погр. 74, 84, 85) сюльгамы этого типа относятся ко второй половине III — первой половине IV в. н. э. (Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., 1998)³. Застежки типа сюльгам с несходящимися концами, свернутыми в виде втулок, в том числе и орнаментированные насечками на дужке, редко встречаются в сарматских памятниках Нижнего Поволжья середины III—IV в. н. э. Но они представляют собой другой тип этих застежек (Шилов В.П., 1959, с. 508; Синицын И.В., МИА, № 60; Мошкова М.Г., 1989, с. 200, табл. 82, 92; Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Шинкарь О.А., 1995, с. 118, рис. 12, 8; ГИМ, инв. № 57793, оп. Б 276, № 196 (с. Кано, кург. В 11, раскопки Рыкова, Б.Н. Гракова, 1925 г.).

3. Трубочка-игольница из белого металла, круглая в сечении, полая, со слегка утолщенными краями (рис. 5, 3). Сделана из свернутого металлического листа, края слегка заходят друг за друга на 0,2—0,3 см. В середине слегка перегнута. Края трубочки загнуты наружу на 0,2 см. Длина — 9,1 см. Диаметр — 0,7—1 см. Толщина листа — до 0,1 см. Подобные игольницы встречаются в памятниках позднесарматской культуры (Гущина И.И., 1966, с. 78, рис. 1, 4).

³ Благодарим И.Р. Ахмедова за любезную консультацию.

4. Зеркало-подвеска с боковой петелькой, утолщенным валиком по краю и массивным конусовидным утолщением в центре (рис. 5, 4). Диаметр — 4,5 см. Толщина — 0,25—0,5 см, в районе умбона — 1,1 см. Размеры умбона: 2,6 × 2,8 см. Высота петельки — 1,4 см, ширина — 1,5 см. Размеры отверстия: 0,6 × 0,8 см. Такие зеркала, сарматские по происхождению, были широко распространены на обширной территории в I — начале II в. н. э. и имеют большое количество аналогий. Зеркала этого типа датированы М.П. Абрамовой в основном I в. н. э. (Абрамова М.П., 1971, с. 125). А.С. Скрипкин датирует зеркала с валиком и коническим утолщением (тип 6.10 по А.С. Скрипкину), найденные на территории Азиатской Сарматии, в пределах I — начала II в. н. э. или несколько позже (Скрипкин А.С., 1984, с. 34, 49—50, рис. 13, 6, 7—16 (отдел В, тип I); Скрипкин А.С., 1990, с. 95, 153, рис. 36, 13—18).

5. Пряслице глиняное, усеченно-биконическое (рис. 5, 5). Высота — 3 см, диаметр верхний — 1,4 см, нижний — 3,2 см, максимальный — 4,3 см. Диаметр отверстия — 0,6 см.

Погребение относится к середине III — IV в. н. э.

Курган 2 (рис. 5, 6—8)

Распахан. Высота — до 0,71 м, диаметр — 8,53 м.

Длина входной ямы подбойного погребения — 2,13 м, ширина — 0,71 м, глубина — 2,49 м. В подбойной нише, размеры которой не определены, лежал в беспорядочном состоянии скелет человека, головой на ЮЗ. Кости скелета в основном перемещены: так, берцовые кости были обращены головками в разные стороны, череп лежал в ногах лицевой частью вниз. На месте найдены лишь кости голеней.

В районе ног обнаружена лопатка барана, в районе головы — фрагмент красноглиняного сосуда и бронзовая фибула.

В ГИМ хранится:

1. Фрагмент стенки красноглиняного неорнаментированного гончарного сосуда. Размеры: 4 × 4,6 см.

2. Фибула с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника (рис. 5, 6). Длина — 5 см. Крупная, с коленчато-изогнутой спинкой и высоким узким приемником. А.К. Амброз выделил такие застёжки в вариант 8 группы 13 — поволжско-сарматские коленчатые фибулы с завитком и дати-

ровал их концом III — началом IV в. н. э. (Амброз А.К., 1966, с. 46). Подобные фибулы относятся ко 2-му варианту I типа по А.С. Скрипкину и являются самыми поздними у сарматов Нижнего Поволжья, их дата — конец III — IV в. н. э. (Скрипкин А.С., 1977, с. 115). Для материалов Южного Приуралья М.Г. Мошкова датировала такие фибулы второй половиной II — III в. н. э. (Мошкова М.Г., 1997, с. 72—81).

3. Пряслице глиняное, усеченно-биконическое (рис. 5, 7). Высота — 2,3 см, диаметр верхний — 1,6 см, нижний — 2,3 см, максимальный — 3,2 см, диаметр отверстия — 0,2 см.

4. Пряслице глиняное, усеченно-биконическое, уплощенное (рис. 5, 8). Высота — 1,7 см, диаметр верхний — 2,1 см, нижний — 2,5 см, максимальный — 3,4 см. Диаметр отверстия — 0,6 см.

Погребение датируется концом III — IV в. н. э.

Курган 4 (рис. 6, 1—11)

Невысокая насыпь с неопределенными очертаниями.

Впускное погребение.

Могилая яма расположена недалеко от центра кургана. Длина ямы — 1,96 м, ширина — 1,16 м, глубина — 0,98 м. Скелет человека плохой сохранности лежал головой на З, ноги слегка согнуты в коленях и раздвинуты. В районе головы в углу ямы стоял раздавленный землей сосуд. Поверх костяка в разных местах лежали кости барана и собаки. В погребении находились только кости позвоночника одного из животных и черепа обоих животных, причем позвоночник животного лежал на костях ног человека. У правого локтя положен длинный железный кинжал, в разных местах погребения разбросано 9 бронзовых наконечников стрел и 1 железный, у кисти левой руки находился фрагмент каменного оселка.

В ГИМ хранится:

1. Набор из 8 бронзовых и 1 железного наконечников стрел (рис. 6, 1—9) (в дневнике А.А. Спицына указано 9 бронзовых наконечников, 1 стрела в коллекции и описи ГИМ отсутствует):

1) Наконечник стрелы железный, втульчатый, двухлопастный, плоский, с подтреугольной головкой и выступающей наружу втулкой (рис. 6, 9). Обломан. Длина — 3,6 см, ширина лопастей — до 1,2 см, внешний диаметр втулки — 0,7 см. Тип 1 по

К.Ф. Смирнову и тип 2 по М.А. Очир-Горяевой. По мнению Б.Н. Гракова, такие стрелы довольно часто встречаются в Скифии в VI в. до н. э., а потом совсем исчезают. П. Рау датировал такие наконечники второй половиной VI в. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1961, с. 39, рис. 14, В, 1; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 12, 5; Очир-Горяева М.А., 1996, с. 49, рис. 6).

2) Бронзовые наконечники стрел.

Наконечник стрелы бронзовый, трехлопастный, базисный, со сводчатой головкой (1 экз.), немассивный (рис. 6, 4). Длина — 2,5 см, максимальная ширина лопастей — 0,8 см, диаметр втулки — 0,4 см. Тип 10 по К.Ф. Смирнову и II 2, 1 по М.А. Очир-Горяевой (Смирнов К.Ф., 1961, с. 50, рис. 14, В 9; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 12, 115; Очир-Горяева М.А., 1996, с. 46, рис. 2).

Наконечники стрел бронзовые, трехлопастные, с узкой сводчатой головкой и короткой, едва выступающей втулкой (рис. 6, 1—2, 8). Пропорции легкие и изящные. Длина — 2—2,9 см, максимальная ширина лопастей — 0,8—0,9 см, диаметр втулки — 0,45—0,5 см. У одного наконечника фрагмент лопасти обломан. Соотношение высоты головки и высоты выступающей части втулки у таких стрел равно примерно 4 : 1. Это так называемый «блюменфельдский» тип. Тип II 1, 16 по М.А. Очир-Горяевой (Смирнов К.Ф., 1961, с. 47; Очир-Горяева М.А., 1996, с. 46, рис. 2).

Наконечники стрел бронзовые, трехлопастные, с выступающей втулкой и сводчатой головкой (рис. 6, 3, 5—7). Соотношение высоты головки и высоты выступающей части втулки у таких стрел равно примерно 2 : 1. Длина — 2—2,8 см, максимальная ширина лопастей — 0,8—1 см, диаметр втулки — 0,4—0,6 см. Выделяются массивный и немассивный варианты. Тип II 1, 1а по М.А. Очир-Горяевой. К.Ф. Смирнов выделил такие наконечники, как и предыдущие стрелы, в тип 6, но разделил их на варианты по массивности и соотношению высоты головки и выступающей части втулки [Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 12, 45, 48 (вариант А), 60 (вариант Б), 81 (вариант Г); Очир-Горяева М.А., 1996, с. 46, рис. 2].

У нескольких наконечников на одной из сторон в районе втулки имеются небольшие отверстия диаметром до 0,3 см, возникшие по естественным причинам в процессе литья (Русанов И.А., Ульянов И.В., 1996, с. 189).

Колчаный набор может датироваться второй половиной VI — первой половиной V в. до н. э. В пользу этого предположения свидетельствует преобладание в наборе трехлопастных наконечников стрел со сводчатой головкой и выступающей втулкой различных пропорций. Наконечники стрел из Норки имеют широкие аналогии, в том числе наиболее близкие в Казахстане и Блюменфельдском могильнике (Смирнов К.Ф., 1961, с. 50, рис. 14, В, 1—9; Очир-Горяева М.А., 1996, с. 52—54).

2. Меч железный, с широкой плоской рукояткой, с брусковидным навершием и узким, вероятно бабочковидным, перекрестьем (рис. 6, 11). Длина — 36,2 см, ширина лезвия — 1,8—3,3 см, толщина — 0,6—0,9 см. Ширина рукояти — 3 см, толщина — 0,8 см. Ширина сохранившегося перекрестия — 4,2 см. Ширина навершия — 5,8 см, толщина — 1,8 см, высота — 2,4 см. Кинжалы и короткие мечи этой формы встречаются на обширной территории Евразии, включая и Западную Сибирь. Особенно близки железные мечи из некоторых погребений Лугового могильника Чечено-Ингушской АССР (раскопки Е.И. Крупнова, 1956 г.) VI—V вв. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1961, с. 12, рис. 1, 7; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 11, 8).

3. Фрагмент оселка подтрапещевидной формы с отверстием для подвешивания (рис. 6, 10) из серого камня. Обломан. Длина — 5,3 см, ширина — 2,3—2,9 см, толщина — 1—1,1 см. Диаметр отверстия: внешний — 0,6—0,8 см, внутренний — 0,4 см.

4. Альчик овцы.

По комплексу стрел и мечу погребение датируется второй половиной — концом VI в. до н. э. — первой половиной V в. до н. э., то есть савроматским временем (Смирнов К.Ф., 1961, с. 12, рис. 1, 7; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, с. 11, кат. № 50; P. Rau, 1929, s. 84).

Курган 6 (рис. 6, 12—26)

Высота — 1,87 м, диаметр — до 106,18 м. Северная пола кургана круче южной. У основания прослеживался отлогий околочурганый ровик. Всего исследовано 8 погребений.

Погребение f.

Находилось в 0,40 м от вершины насыпи. Скелет человека лежал вытянуто, головой на Ю. Сверху был покрыт слоем бересты. У левого колена найдено пряслице, у левой ступни — глиняный небольшой сосуд в виде кубышки (курильница).

В ГИМ хранится:

1. Курильница овальной, в плане цилиндрической формы с ровно срезанным краем, толстостенная, сероглиняная, с двумя круглыми отверстиями в верхней части (расположенными в 0,6 см от края венчика, диаметр отверстий — 0,4 см) (рис. 6, 13). Высота — 4,5 см. Размеры венчика: 4,8 × 5,2 см. Размеры дна: 4,2 × 3,8 см. Толщина стенок — 0,5—0,9 см. Подобные курильницы встречаются в памятниках среднесарматской культуры (I — начало II в. н. э.) (Смирнов К.Ф., 1973, с. 174—175, рис. 1, тип IV¹ а).

2. Пряслице глиняное, усеченно-биконической формы, с закругленным основанием (рис. 6, 12). Высота — 3,5 см, диаметр верхний — 1,6 см, нижний — 1,9 см, максимальный — 4,3 см. Диаметр отверстия — 0,8 см. Орнаментировано вертикальными линиями-нарезками в верхней части.

3. В отчете А.А. Спицына не значится ожерелье из бусин, но они записаны в описи ГИМ (№ 47). Ожерелье из 33 бусин.

Округлые пропорциональные и поперечно сжатые бусины из прозрачного бесцветного стекла с металлической прокладкой (7 экз.) (рис. 6, 14—16, 19—20, 25—26). Тип 1а, б по Е.М. Алексеевой. Преобладают в эллинистических комплексах, в первые века нашей эры известны в небольшом количестве (Алексеева Е.М., 1978, с. 29—30, табл. 26, 2—4).

Усеченно-биконические уплощенные бусины из стекла с металлической прокладкой (7 экз.) (рис. 6, 18). Тип 8 по Е.М. Алексеевой. Известны в комплексах широкого хронологического диапазона (III в. до н. э. — I—II вв. н. э.), особенно много их во II—I вв. до н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 31, табл. 26, 15—16).

Рубленый бисер синего цвета из глухого стекла (7 экз.) (рис. 6, 17, 21). Тип 166 по Е.М. Алексеевой. Известен с III в. до н. э. по IV в. н. э. Особенно популярен был в два периода — во II—I вв. до н. э. и во II—IV вв. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 72, табл. 33, 71).

Округлые синие бусины из глухого стекла (8 экз.) (рис. 6, 22). Тип 15 по Е.М. Алексеевой. Были особенно популярны в первые века нашей эры (Алексеева Е.М., 1978, с. 64—65, табл. 33, 2).

Усеченно-биконические бусы из прозрачного и белого глухого стекла (4 экз.) (рис. 6, 23—24). Тип 100 по Е.М. Алексеевой. Характерны для II—III вв. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 69).

Станция Лебяжье Камышинского уезда бывшей Саратовской губернии (рис. 1, 3)

Курган 1 (рис. 7, 1—13; 8, 1—13; 9, 1—30; 10, 1—8; 11, 1—8)

Высота — 1,78 м. Диаметр — 25,60 м. Всего исследовано 6 погребений.

Погребение b (рис. 7, 1—3, 5—10).

Находилось в насыпи на материке, глубина — 1,65 м от вершины кургана. Скелет человека плохой сохранности, лежал головой почти на В. Левая рука согнута в локте, правая — отсутствует. У левой руки находились кости барана, у черепа справа — фрагменты глиняного сосуда из черной глины, но с красной отполированной поверхностью и с ушком, в районе ног — череп и две кости ног коровы. На грудной клетке — ожерелье из мелких бусин (гагатовых и фаянсовых («фарфоровых поливных»)), на ребрах — три клыка животных в виде подвесок и остатки бронзового перстня. Под костями — слой дерева до 0,05 м толщиной, кости коровы лежали также на дереве.

В ГИМ хранится:

1. Ожерелье из бусин (124 экз.). Короткоцилиндрический бисер бирюзового цвета из египетского фаянса (рис. 7, 8—10) (73 экз.). Типы 7, 9 по Е.М. Алексеевой. Тип 7 известен в комплексах второй половины VI в. до н. э. — первой половины V в. до н. э. и в I в. н. э. Тип 9 известен с VI в. до н. э. — по IV в. н. э., наибольшее распространение имел в I—II вв. н. э. (Алексеева Е.М., 1975, с. 31—32, табл. 5, 19).

Короткоцилиндрические неорнаментированные бусины из гагата (рис. 7, 6—7) (51 экз.). Тип 27а по Е.М. Алексеевой. Появились в III в. до н. э., но их количество невелико, большинство погребений с такими бусами относятся к I—III вв. н. э. (особенно к I—II вв. н. э.) (Алексеева Е.М., 1978, с. 14, табл. 20, 41).

2. Три подвески из клыков животных с круглыми отверстиями в верхней части (рис. 7, 1—3). Длина — 2,9 см; 4,6 см; 5,3 см, ширина — 0,7 см; 1,1 см; 1,3 см. Диаметр отверстий — до 0,2 см. Подобные предметы известны в савроматских памятниках (Смирнов К.Ф., 1989, табл. 71, 24—25).

3. Фрагменты пластинчатого перстня из белого металла (рис. 7, 5). Изготовлен из тонкой, выгнутой наружу пластины. Диаметр — 2 см, ширина пластины — 0,4 см, толщина пластины — до 0,1 см.

Погребение с (рис. 8, 1—13).

Моги́льная яма — узкая и удлиненная. Глубина — до 0,71 м от материка. Дно ямы вогнуто.

Скелет девочки лежал головой на С, с отклонением на З. В районе головы найдено: кость ноги барана, железный нож, фрагмент бронзового зеркала и глиняный сосуд грубой работы. У правого плеча — бронзовая фибула, у черепа — два бронзовых тонких колечка, на груди — ожерелье из мелких гагатовых и стеклянных бусин. Под головой и на голених сохранились остатки дерева.

В ГИМ хранится:

1. Фрагменты ножа железного, однолезвийного, с прямой спинкой (рис. 8, 7). Длина — 8,5 см, ширина — 1,6 см, толщина — 0,5 см.

2. Фрагмент бронзового зеркала с плоским валиком по краю и ручкой-штырем (рис. 8, 3). Ручка в сечении в верхней части — плоская, в нижней — овальная. Диаметр зеркала — около 18 см, ширина бортика — 2 см, толщина зеркала — 0,1 см. Длина ручки — 6,8 см, ширина — 0,6—1,2 см, толщина — 0,4—0,45 см. Подобные зеркала имеют аналог в памятниках раннесарматского времени, в том числе в бассейне р. Иловли (Сергацков И.В., 1992, 169, 172, рис. 5, 2 (Барановка I, кург. 10, погр. 2, II—I вв. до н. э.).

3. Фибула лучковая, с овально расширенной спинкой и относительно узкой ножкой (рис. 8, 4—6). Длина — 6,3 см, ширина — 0,4—1,5 см, толщина пластины — до 0,1 см. Сделана из пластины меняющейся ширины. Приемник односторонний. Орнамент — наколами снизу (некоторые сквозные) — имитирует зернь. В широкой части спинки — круглая выпуклость-умбон, выдавленная с обратной стороны (диаметр — 0,7 см). Пружина разбита на фрагменты (рис. 8, 5—6), но хорошо реконструируется. Фибула относится к группе 15 (лучковые подвязные фибулы) и серии VI (лучковые (и прогнутые) фибулы с овально расширенной спинкой и относительно узкой ножкой) по классификации А.К. Амброза, то есть к так называемой «лебяженской» серии. По мнению А.К. Амброза, эта фибула — имитация среднелатенских фибул с длинной пружиной, односторонним приемником, с низким резко изогнутым корпусом и скрепой около самой пружины. Датируется А.К. Амброзом I в. до н. э., о II в. не позволяют говорить поздние признаки фибулы: завязка у головки, резкий профиль (Амброз А.К., 1966, с. 55—56, табл. 10, 3). А.С. Скрипкин датирует подобные фибулы

второй половиной I в. до н. э. Самая близкая аналогия ей — фибула из пос. Сарепта, раскопки В.И. Мамонтова (Скрипкин А.С., 1990, с. 107—108, рис. 38, 44, 45). Лебяженская фибула — самая ранняя из памятников бассейна р. Иловли (Сергацков И.В., 1997, с. 9).

4. Фрагменты двух тонких проволочных колец, погнуты (рис. 8, 1—2). Размеры: $2,4 \times 1,6$ см; $2 \times 1,3$ см. Диаметр сечения — 0,1—0,2 см. Подобные кольца-серьги известны в раннесарматское время (Мошкова М.Г., 1963, табл. 29, 12—27; Смирнов К.Ф., 1989, табл. 71, 63—64).

5. Ожерелье из бусин (103 экз.). Короткоцилиндрические бусины с поперечным пояском из бугорков, которых насчитывается от 5 до 9, с небольшим валиком вокруг отверстия из стекла с металлической прокладкой (рис. 8, 9) (5 экз.). Типы 15, 16 по Е.М. Алексеевой. Бусины характерны для эпохи эллинизма, особенно для II в. до н. э., тип 16 датируется концом II—I в. до н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 31—32, табл. 26, 53, 54).

Округлые пропорциональные и поперечно сжатые бусины из прозрачного бесцветного стекла с металлической прокладкой (рис. 8, 10) (1 экз.). Тип 1а по Е.М. Алексеевой. Преобладают в эпоху эллинизма, небольшое количество известно в комплексах первых веков н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 29, табл. 26, 2).

Удлиненные пронизи из стекла с металлической прокладкой (1 экз.). Известны в римское время, особенно во II в. н. э. Тип 20 или 33 (Алексеева Е.М., 1978, с. 32—33).

Бочковидные продольно вытянутые бусины из янтаря (рис. 8, 8) (19 экз.). Тип 4 по Е.М. Алексеевой. Характерны для I—II вв. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 23, табл. 23, 26—27).

Короткоцилиндрические неорнаментированные бусины из гагата (рис. 8, 11—13) (77 экз.). Тип 27а по Е.М. Алексеевой. Появились в III в. до н. э., но их количество невелико, большинство погребений с такими бусами относятся к I—III вв. н. э. (особенно к I—II вв. н. э.) (Алексеева Е.М., 1978, с. 14, табл. 20, 41).

Погребение входит в группу раннесарматских погребений II—I вв. до н. э. северной части Волго-Донского региона, расположенных узкой полосой вдоль правого берега Волги и по Иловле (Сергацков И.В., 1992, с. 172—173).

Погребение d (рис. 9, 1—30; 10, 1—8).

На глубине около 0,71 м от поверхности земли в грунтовой яме находилась дубо-

вая колода, в которой лежал скелет человека вытянуто, головой почти на С, с отклонением на З. От колоды сохранилось изголовье с частью дна, сверху она прикрыта была доской. Под левым плечом найдено бронзовое зеркало, лежащее на фрагментах ткани; на голених — мелкие бусины в значительном количестве; гагатовые бусины обнаружены на кистях рук; на обеих руках найдено по бронзовому перстню с выпуклой передней частью, в районе колен — глиняные пряслица и альчик, на груди — кусочек краски (реальгар). В районе ног над колодой — фрагменты разбитого сосуда.

В ГИМ хранится:

1. Зеркало с небольшим плоским валиком по краю и с короткой ручкой-штырем (рис. 9, 1—2). В центре зеркала с лицевой стороны пробито отверстие. Диаметр зеркала — 11,5 см, ширина валика — 1 см, толщина зеркала — 0,1—0,15 см. Длина ручки — 3,2 см, ширина — 0,7 см, толщина — 0,3 см. Ручка в сечении — сегмент круга. Размеры отверстия: 1,2 × 0,3 см. На обеих сторонах зеркала сохранились отпечатки и фрагменты волокон ткани (рис. 9, 1—2). Такие зеркала широко известны в раннесарматское время (Смирнов К.Ф., 1989, табл. 80, 23).

2. В коллекции сохранился ряд фрагментов дерева, ткани и кожи, найденных в погребении (рис. 10, 3). На одном из фрагментов лежало бронзовое зеркало. Один из самых больших фрагментов имеет размеры: 7,5 × 4,6 см. Все фрагменты ткани и кожи потеряли первоначальную окраску. В настоящее время все они темно-коричневого цвета. Визуально прослеживается ткань трех видов: крупного, мелкого переплетения и типа войлока.

3. Реальгар (рис. 10, 8). Размеры: 1,8 × 1,2 см, толщина — 0,8 см.

4. Перстни бронзовые с круглыми выпуклыми щитками и с двумя узкими полосками-дужками, заходящими друг за друга (рис. 10, 1—2). Сделаны из тонкого бронзового листа. Фрагментированы. Первый перстень (рис. 10, 1) во фрагментах, отсутствует одна дужка, другая — сильно отогнута. Диаметр — до 2,1 см. Размеры щитка: 2,2 × 1,4 см. Толщина листа — до 0,1 см. Второй перстень (рис. 10, 2) во фрагментах, обломан щиток. Концы заходят друг за друга на 0,7 см. Диаметр: 2,1 × 2,2 см. Размеры щитка (сохранившейся части): 2 × 1,3 см. Толщина листа — до 0,1 см.

Такие перстни — с круглыми сферическими щитками — относятся к числу са-

мых ранних и известны в погребениях конца IV — III в. до н. э. Обычно это, в отличие от наших, гладкие золотые перстни, кольца которых с заходящими друг за друга концами составляют одно целое с щитком (Мошкова М.Г., 1963, с. 44, табл. 29, 5). Встречаются они очень редко. Среди аналогов — золотые перстни из Бережновки II (кург. 14, погр. 21) и из «Частых курганов» (кург. 13) (Синицын И.В., 1960, с. 25, с. 159, рис. 8, 4; Смирнов К.Ф., 1989, табл. 71, 61).

5. Альчик овцы.

6. Ожерелья.

1) Ожерелье из 28 бусин.

Округлые бусины из глухого белого стекла с тремя глазками в виде синих дисков с синими кольцами вокруг них (рис. 9, 18) (1 экз.). Тип 26а, 26и по Е.М. Алексеевой. Тип 26а датируется II в. до н. э., тип 26и зарождается в III в. до н. э. и существует до II в. н. э., наибольшее число их связано с комплексами I в. до н. э. (Алексеева Е.М., 1975, с. 59, табл. 14, 2—4).

Округлые бусины из глухого непрозрачного темно-синего стекла с тремя кольчатыми глазками из глухого желтого стекла (рис. 9, 19) (1 экз.). Тип 33в по Е.М. Алексеевой, датируются IV—II вв. до н. э. (Алексеева Е.М., 1975, с. 62, табл. 15, 30).

Округлые пропорциональные и поперечно сжатые бусины из прозрачного стекла с металлической прокладкой (рис. 9, 21, 23—24, 29) (5 экз.). Тип 1а, 1б по Е.М. Алексеевой. Известны в комплексах эпохи эллинизма и в первые века н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 29—30, табл. 26, 2—4).

Бочковидные поперечно сжатые бусины из прозрачного стекла с металлической прокладкой (рис. 9, 20, 22) (16 экз.). Тип 3 по Е.М. Алексеевой. Датируется второй половиной I — первой половиной II в. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 30, табл. 26, 10).

Усеченно-биконические уплощенные бусины из прозрачного стекла с металлической прокладкой (рис. 9, 25, 27—28) (3 экз.). Тип 8 по Е.М. Алексеевой. Встречаются в комплексах III в. до н. э. — I—II в. н. э., особенно широко — в II—I вв. до н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 31, табл. 26, 15—16).

Бочковидно-бугристые бусы бирюзового цвета из египетского фаянса (рис. 9, 30) (1 экз.). Тип 19 по Е.М. Алексеевой. Зарождаются в III в. до н. э., встречаются до II в. н. э., большинство комплексов датируется I в. н. э. (Алексеева Е.М., 1975, с. 35, табл. 5, 45—46, 49).

Короткоцилиндрические неорнаментированные бусины из гагата (рис. 9, 26) (1 экз.). Тип 27а по Е.М. Алексеевой. Появились в III в. до н. э., но их количество невелико, большинство погребений с такими бусами относятся к I—III вв. н. э. (особенно к I—II вв. н. э.) (Алексеева Е.М., 1978, с. 14, табл. 20, 41).

2) Ожерелье из 70 бусин.

Бочковидные поперечно сжатые (рис. 9, 6, 9—10) (27 экз.) и округлые пропорциональные и поперечно сжатые бусины (рис. 9, 7—8) (6 экз.) из прозрачного стекла с металлической прокладкой аналогичны бусинам предыдущего ожерелья.

Короткоцилиндрический бисер бирюзового цвета из египетского фаянса (рис. 9, 3—5) (37 экз.). Типы 7, 9 по Е.М. Алексеевой. Тип 7 известен в комплексах второй половины VI в. до н. э. — первой половины V в. до н. э. и в I в. н. э. Тип 9 известен с VI в. до н. э. — по IV в. н. э., наибольшее распространение имел в I—II вв. н. э. (Алексеева Е.М., 1975, с. 31—32, табл. 5, 19).

3) Ожерелье из 34 бусин.

Короткоцилиндрические неорнаментированные бусины из гагата (рис. 9, 11—13) (29 экз.) аналогичны бусинам из предыдущих ожерелий.

Бочковидные поперечно сжатые бусины (рис. 9, 14—15) (3 экз.) из прозрачного стекла с металлической прокладкой аналогичны бусам предыдущего ожерелья.

Бочковидные продольно вытянутые бусины из янтаря (рис. 9, 16—17) (2 экз.). Тип 4 по Е.М. Алексеевой. Характерны для I—II вв. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 23, табл. 23, 26—27).

4—5) Ожерелья из 19 и 25 бусин состоят из короткоцилиндрических неорнаментированных бусин из гагата (рис. 10, 4—7), аналогичных бусинам из предыдущих ожерелий.

7. Глиняные пряслица, упомянутые в тексте отчета А.А. Спицына, в коллекции ГИМ отсутствуют.

Погребение относится к раннесарматскому времени.

Погребение е (рис. 7, 4, 11—13).

На глубине 1,87 м от вершины кургана и в 0,45 м от уровня материка, над ямой погребения *f*, найден скелет человека, лежащий вытянуто, головой на Ю, в дубовой колоде. От колоды сохранилось изголовье и левая стенка, сверху она была прикрыта доской. На костях шеи — мелкие гагатовые бусины, в районе головы — «небольшой сосу-

дик изящной формы из черной глины». Над колодой в районе головы — глиняный сосуд «другой формы и работы». Сбоку выше колоды — обломок большого бронзового зеркала.

В ГИМ хранится:

1. Ожерелье из бусин (56 экз.). Короткоцилиндрические неорнаментированные бусины из гагата (рис. 7, 11—13) (56 экз.). Тип 27а по Е.М. Алексеевой. Появились в III в. до н. э., но их количество невелико, большинство погребений с такими бусами относятся к I—III вв. н. э. (особенно к I—II вв. н. э.) (Алексеева Е.М., 1978, с. 14, табл. 20, 41).

2. Фрагмент зеркала с плоским валиком по краю (рис. 7, 4). Диаметр — 18 см, толщина — 0,2 см, ширина валика — 1 см, толщина — 0,3 см. Зеркало, как и уже описанные зеркала из кургана 1, относится к раннесарматскому времени (Мошкова М.Г., 1963, табл. 28, 3).

Погребение можно датировать раннесарматским временем.

Погребение f (рис. 11, 1—8).

В глубокой и обширной грунтовой яме (длина — 3,30 м, ширина — 2,85 м) у правой стенки лежал скелет человека большого роста, головой на З. В изголовье у него найден альчик. В середине ямы лежали ребра коня (?), левее — костяные наконечники стрел, костяной цилиндр и костяная орнаментированная пластинка. В ЮВ углу найдена кость барана.

В ГИМ хранится:

1. Пластина костяная, вытянутой подтрапециевидной формы, состоит из фрагментов (рис. 11, 1). Слегка выгнута. Полирована. Имеет в узком конце в центре одно круглое отверстие для крепления, в центре — по краям и в широком конце — по два отверстия. Пластина украшена по краям тонкой прорезной линией, а на концах — прорезными треугольниками, поле которых заштриховано пересекающимися крест на крест линиями. Обратная сторона гладкая. Длина — 15,3 см, ширина — 1,8—2,9 см, толщина — 0,3—0,4 см, диаметр отверстий — 0,2—0,4 см.

По мнению К.Ф. Смирнова, пластина относится к предметам, связанным с украшением колчана или имеющим отношение к системе прикрепления колчана к поясу. Возможно, она служила украшением передней части колчана (Смирнов К.Ф., 1961, с. 33, рис. 9, 1).

2. Цилиндр (трубочка-пронизка) костяной, круглый, полый (рис. 11, 5). Орнаментирован в центре нарезным орнаментом в виде

зигзага, по краям — двумя нарезными линиями и зигзагами. Длина — 2,4 см, диаметр: $1,3 \times 1,2$ см, толщина — 0,2—0,3 см.

Возможное назначение костяной трубочки-пронизки — украшение колчанных ремней (Смирнов К.Ф., 1961, с. 34, рис. 9, 2).

3. Наконечники стрел костяные (рис. 11, 2—4, 6—8):

1) Наконечник стрелы костяной, черешковый, с лавролистным пером, ромбовидный в сечении (рис. 11, 1). Черешок обломан. Длина — 4,9 см, максимальная ширина пера — 1,8 см, толщина — 0,3—0,5 см. По мнению К.Ф. Смирнова, этот наконечник подражает каменным стрелам с короткими черешками сейминской, турбинской и андроновской культур (Смирнов К.Ф., 1961, с. 43). В позднесарматское время встречаются похожие черешковые наконечники стрел, но трехгранные в сечении и с вытянутым пером (с. Успенка, кург. 2; с. Бородаевка, кург. F 4) (Синицын И.В., 1956, с. 30, 59—60, рис. 37).

2) Наконечник стрелы костяной, втульчатый, в сечении треугольный (рис. 11, 3). Обломан. Длина — 4,5 см, длина стороны — 1,2 см, диаметр отверстия — 0,4 см.

3) Наконечник стрелы костяной, втульчатый, в сечении треугольный (рис. 11, 4). Обломан. Длина — 4,8 см, длина стороны — 1,2 см, диаметр отверстия — 0,3 см.

4) Наконечник стрелы костяной, втульчатый, в сечении треугольный (рис. 11, 6). Обломан. Длина — 3,5 см, длина стороны — 0,9 см, диаметр отверстия — 0,2 см.

5) Фрагмент наконечника стрелы костяной, втульчатый, в сечении треугольный (рис. 11, 7). Длина — 2,3 см, длина стороны — 0,7 см.

6) Фрагмент наконечника стрелы костяной, втульчатый, в сечении треугольный (рис. 11, 8). Длина — 1,7 см, длина стороны — 1,1 см, диаметр отверстия — 0,3 см.

Архаические костяные наконечники этого типа (треугольные с внутренней втулкой и опущенными вниз шипами, с гладкими гранями, тип 16 по К.Ф. Смирнову) представляют собой непосредственное связующее звено между простейшими вариантами типов 14 и 16 трехгранных стрел эпохи раннего железа и костяными стрелами эпохи бронзы. Близкие аналоги этим наконечникам известны в восточных районах Северного Кавказа (Смирнов К.Ф., 1961, с. 57, табл. V, A, 7, 8, 9).

К.Ф. Смирнов вслед за П. Рау относит этот комплекс ко времени не позднее VII в. до н. э. или даже рубежа VIII—VII вв. до н. э. и

считает его хронологически близким комплексу из погребения у озера Кизил-Куль в Минусинской котловине (кург. 1, погр. 1, раскопки А.В. Адрианова, 1895 г.) с набором архаических костяных стрел и бронзовым наконечником с лавролистной головкой (Смирнов К.Ф., 1961, с. 42; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, с. 11, кат. № 45; Rau P., 1929, s. 85). Подобные наконечники стрел исследователи относят и к раннесарматскому времени (Мошкова М.Г., 1963, табл. 17, 24—27; Смирнов К.Ф., 1989, табл. 81, 32—33, 38).

Погребение, вероятно, относится к предсавроматскому или савроматскому времени. Оно является самым ранним и основным из исследованных в кургане 1.

В этой коллекции также хранятся вещи, найденные вне погребений. Это глиняный фрагмент пряслица усеченно-биконической формы (рис. 12, 3) и глиняный шарик неправильной формы (рис. 12, 4). Из неопределенных погребений в группах у колонии Норка и ст. Лебяжье происходит небольшое количество минерального (?) вещества розового и красного цветов.

Вещи, купленные А.А. Спицыным (рис. 12, 1—2, 5):

1. Пряжка с овальной рамкой, овальным щитком и загнутым вниз язычком (рис. 12, 1). В щитке (обойме) — три отверстия для заклепок. Размеры рамки: $3,5 \times 2,2$ см, толщина — 0,5—0,6 см. Размеры щитка — $3,4 \times 2,6$ см, толщина листа — 0,1 см. Толщина всей обоймы — 0,6—0,8 см. Диаметр отверстий — до 0,2 см. Длина язычка — 2,7 см, диаметр — 0,4 см.

2. Наконечник стрелы бронзовый, двухлопастный, с выступающей втулкой и узкой ланцетовидной головкой, от которой с одной стороны отходит погнутый шип (рис. 12, 2). Имеет отверстие на втулке. Концы головки загнуты. Высота — 4,7 см, диаметр втулки — 0,8 см, максимальная ширина головки — 1,1 см, длина шипа — 1,5 см. Тип 3 по К.Ф. Смирнову и тип I 1, 9 по М.А. Очир-Горяевой (Очир-Горяева М.А., 1996, с. 45, рис. 1).

3. Наконечник стрелы бронзовый, двухлопастный, с выступающей втулкой и ромбовидной головкой (рис. 12, 5). Высота — 4,1 см, диаметр втулки — 0,7 см, максимальная ширина головки — 1,3 см. Тип 5 по К.Ф. Смирнову и тип I 1, 7 по М.А. Очир-Горяевой (Очир-Горяева М.А., 1996, с. 45, рис. 1).

4. Котел бронзовый, литой, с полусферическим туловом, с сужающимися к устью стенками, без поддона. Имеет две вертикальные петлевидные ручки с тремя выступами и орнамент по тулову в виде «веревочки». Тип VII, вариант 1, подвариант А по С.В. Демиденко. Вероятная дата — первая половина — середина II в. н. э. (Демиденко С.В., 1997, с. 128, № 71, рис. 8, 71).

5. В коллекции также хранится бронзовая вилка с тремя зубцами и надписью, относящаяся к эпохе Средневековья.

Таким образом, в настоящей статье мы рассмотрели интересные комплексы савромато-сарматского времени, исследование которых А.А. Спицыным в 1895 г. положило начало изучению древностей как всего Нижнего Поволжья в целом, так и археологических памятников бассейнов рек Иловли и Хопра в частности — районов, всегда привлекавших исследователей. Всего нами впервые полностью опубликованы комплексы 13 погребений, а также некоторые случайные находки. В результате работы удалось определить состав комплексов и идентифицировать ряд предметов этой коллекции. Также уточнена датировка некоторых погребений.

Хронологически исследованные погребения делятся на несколько периодов. К предсавроматскому времени относится погребение f кургана 1 у ст. Лебяжье. Савроматским временем может датироваться погребение в кургане 4 у колонии Норка и, вероятно, погребение b из кургана 1 ст. Лебяжье. К раннесарматскому времени относятся комплексы трех погребений — с, d и e из кургана 1 ст. Лебяжье. Среднесарматское время представлено двумя погребениями — из кургана 3 у д. Машевки и из кургана 6 (f) у колонии Норка. Четыре комплекса относятся к позднесарматскому времени. Два из них — курганы 4 и 6 у д. Машевки, еще два — из курганов 1 и 2 у колонии Норка. Погребение в кургане 12 у д. Машевки датируется, вероятно, первыми веками нашей эры.

Особый интерес представляет наиболее раннее погребение из публикуемых (ст. Лебяжье, кург. 1, погр. f, которое относится к предсавроматскому периоду. Известно незначительное количество подобных погребений. Такие основные подкурганные захоронения, сделанные в обширных подпрямоугольных ямах с внутренними деревянными конструкциями, с широтной ориентировкой погреб-

бенного в положении вытянуто на спине, известны пока только в Нижнем Поволжье (Смирнов К.Ф., 1961, с. 26. рис. 2, 2, а—г; Дворниченко В.В., Коренько В.А., 1989, с. 149, 151, табл. 60, 16; 62, 4, 31—35).

Комплексы савромато-сарматского времени представляют не меньший интерес для исследователей, учитывая их не всегда рядовой погребальный инвентарь, а также некоторые особенности погребального обряда.

Ставя своей целью в первую очередь подробную и полную публикацию материала и учитывая ограниченный объем работы, мы намеренно опускаем здесь подробный анализ погребального обряда и инвентаря могильников, останавливаясь подробнее лишь на отдельных предметах.

Подводя итог вышесказанному, считаем, что публикация материалов из раскопок А.А. Спицына в 1895 г. будет полезна исследователям для дальнейшего изучения этого региона Нижнего Поволжья, в котором, по мнению некоторых авторов, первое появление сарматских племен следует относить ко второй половине IV — началу III в. до н. э. (Сергацков И.В., 1992, с. 172).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П., 1971. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // *История и культура Восточной Европы по археологическим данным*. М.

Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // *САИ. Вып. Г1—12*.

Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // *САИ. Вып. Г1—12*.

Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // *САИ. Вып. Г1—12*.

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР // *САИ. Вып. Д1—30*.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., 1998. Могильник у с. Кораблино: Рукопись. Архив ОАП ГИМ. Группа Б.

Гущина И.И., 1966. Памятник позднесарматской культуры в Поднепровье (по фондам ГИМ) // *Археологический сборник. М. (Труды ГИМ. Вып. 40)*.

Дворниченко В.В., Коренько В.А., 1989. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и Южном Приуралье // *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.*

Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Шинкарь О.А., 1995. Археологические исследования у с. Абганеро-Октябрьского района Волгоградской области // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград.

Записки..., 1896. Труды отделения русской и славянской археологии. Книга первая. 1895 // Записки Императорского Русского Археологического общества. Том VIII. Вып. первый и второй. Новая серия. СПб.

Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1—10.

Мошкова М.Г., 1989а. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.

Мошкова М.Г., 1989б. Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. (Археология СССР).

Мошкова М.Г., 1997. Фібули кочовиків Південного Приуралья // Археологія. № 3.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1895 г., 1897. СПб.

Очир-Горяева М.А., 1996. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // РА. № 1.

Пшеничнюк А.Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Русанов И.А., Ульянов И.В., 1996. К вопросу о происхождении отверстий на втулках бронзовых наконечников стрел // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск. (Труды музея-заповедника Аркаим).

Сергацков И.В., 1992. О времени заселения сарматами северной части Волго-Донского междуречья // СА. № 1.

Сергацков И.В., 1997. Сарматские памятники II в. до н. э. — III в. н. э. в бассейне Иловли: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Синицын И.В., 1956. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени // Археологический сборник. Саратов. (Труды Саратовского областного музея краеведения. Выпуск первый).

Синицын И.В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.) // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Том II. (МИА. № 78).

Скрипкин А.С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. № 2.

Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.

Смирнов К.Ф., 1973. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

Смирнов К.Ф., 1989. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1—9.

Спицын А.А., 1895. Отчет о раскопках в 1895 г. в Саратовской губ. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1895. № 79. Л. 20—29.

Шилов В.П., 1959. Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья. Т. 1. М. (МИА. № 60).

Rau P., 1927. Die Hügelgräber Römischer Zeit an der unteren Wolga (Ergebnisse der Gräberforschung in der Wolgadeutschen Republik) // Mitteilungen des Zentralmuseums der Aut. Goz. Rate-Republik der Wolgadeutschen. Jahrg. 1. 1926. Heft 1—2. Pokrowsk = Pay П., 1927. Курганные погребения римского времени в Нижнем Поволжье (Результаты исследования курганов в Республике Немцев Поволжья) // Известия Центрального музея Автономной социалистической советской республики немцев Поволжья. Год издания 1. 1926. Выпуск 1—2. Покровск.

Rau P., 1929. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolga gebiet. Pokrowsk.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Схема расположения памятников: 1 — Машевка; 2 — Норка; 3 — Лебяжье.

Рис. 2. Машевка, кург. 3: 1 — горшок. Машевка, кург. 4: 2 — фибула; 3 — пряжка. 1 — глина; 2 — бронза; 3 — железо.

Рис. 3. Машевка, кург. 6: 1 — нож; 2 — фибула; 3 — пест.

1 — железо, кость; 2 — бронза; 3 — камень.

Рис. 4. Машевка, кург. 12: 1—4 — бусины; 5 — бисер; 6 — трубочка-игольница; 7 — серьга; 8 — шило.

1—5 — стекло; 6 — кость; 7 — бронза; 8 — железо.

Рис. 5. Норка, кург. 1: 1 — зеркало-подвеска; 2 — сюльгама; 3 — трубочка-игольница; 4 — фрагмент серьги; 5 — пряслице.

Норка, кург. 2: 6 — фибула; 7—8 — пряслица.

1, 2, 4, 6 — бронза; 3 — белый металл; 5, 7—8 — пряслица.

Рис. 6. Норка, кург. 4, впускное погр.: 1—9 — наконечники стрел; 10 — фрагмент оселка; 11 — меч. Норка, кург. 6, погр. f: 12 — пряслице; 13 — курительница; 14—26 — бусины.

1—8 — бронза; 9, 11 — железо; 10 — камень; 12—13 — глина; 14—26 — стекло.

Рис. 7. Лебяжье, кург. 1, погр. b: 1—3 — подвески; 5 — перстень; 6—10 — бусины. Лебяжье, кург. 1, погр. e: 4 — фрагмент зеркала; 11—13 — бусины.

1—3 — кость; 4 — бронза; 5 — белый металл; 6—7, 11—13 — гагат; 8—10 — египетский фаянс.

Рис. 8. Лебяжье, кург. 1, погр. c: 1—2 — фрагменты колец; 3 — фрагмент зеркала; 4 — фибула; 5—6 — фрагменты фибулы; 7 — нож; 8—13 — бусины.

1—6 — бронза; 7 — железо; 8 — янтарь; 9—10 — стекло; 11—13 — гагат.

Рис. 9. Лебяжье, кург. 1, погр. d: 1 — зеркало; 2 — фрагмент оборотной стороны зеркала с отпечатками ткани; 3—30 — бусины.

1—2 — бронза, ткань; 3—5, 30 — египетский фаянс; 6—10, 14—15, 18—25, 27—29 — стекло; 11—13, 26 — гагат; 16—17 — янтарь.

Рис. 10. Лебяжье, кург. 1, погр. d: 1—2 — фрагменты перстней; 3 — фрагмент деревянного настила с остатками войлока, ткани и кожи; 4—7 — бусины; 8 — реальгар.

1—2 — бронза; 3 — дерево, войлок, ткань, кожа; 4—7 — гагат; 8 — реальгар.

Рис. 11. Лебяжье, кург. 1, погр. f: 1 — пластина; 2—4, 6—8 — наконечники стрел; 5 — трубочка.

1—8 — кость.

Рис. 12. Вещи, найденные вне погребений: 3 — пряслице; 4 — шарик.

Вещи, купленные А.А. Спицыным: 1 — пряжка; 2, 5 — наконечники стрел.

1 — белый металл; 2, 5 — бронза; 3, 4 — глина.

SUMMARY

BARROWS NEAR THE VILLAGE MASHEVKA, THE COLONY NORKA, AND THE STATION LEBYAZHYE IN BALASHOV AND KAMYSHIN UYEZD OF THE FORMER SARATOVSKAYA GUBERNIYA (AFTER EXCAVATION MATERIALS BY A.A. SPITSIN IN 1895)

I.I. Guschina, K.B. Firsov

In the article we publish the materials of excavations made by A.A. Spitsin in 1895 in the Upper Ilovlya (the left tributary of Don) area. All these monuments belong to the Scythian-Sarmatian epoch. The earliest complex is grave F of barrow 1 excavated near the station Lebyazhye. It is dated to the VIII—VII BC. The latest ones are four barrows of the Late Sarmatian Culture dated to the II—IV AD.

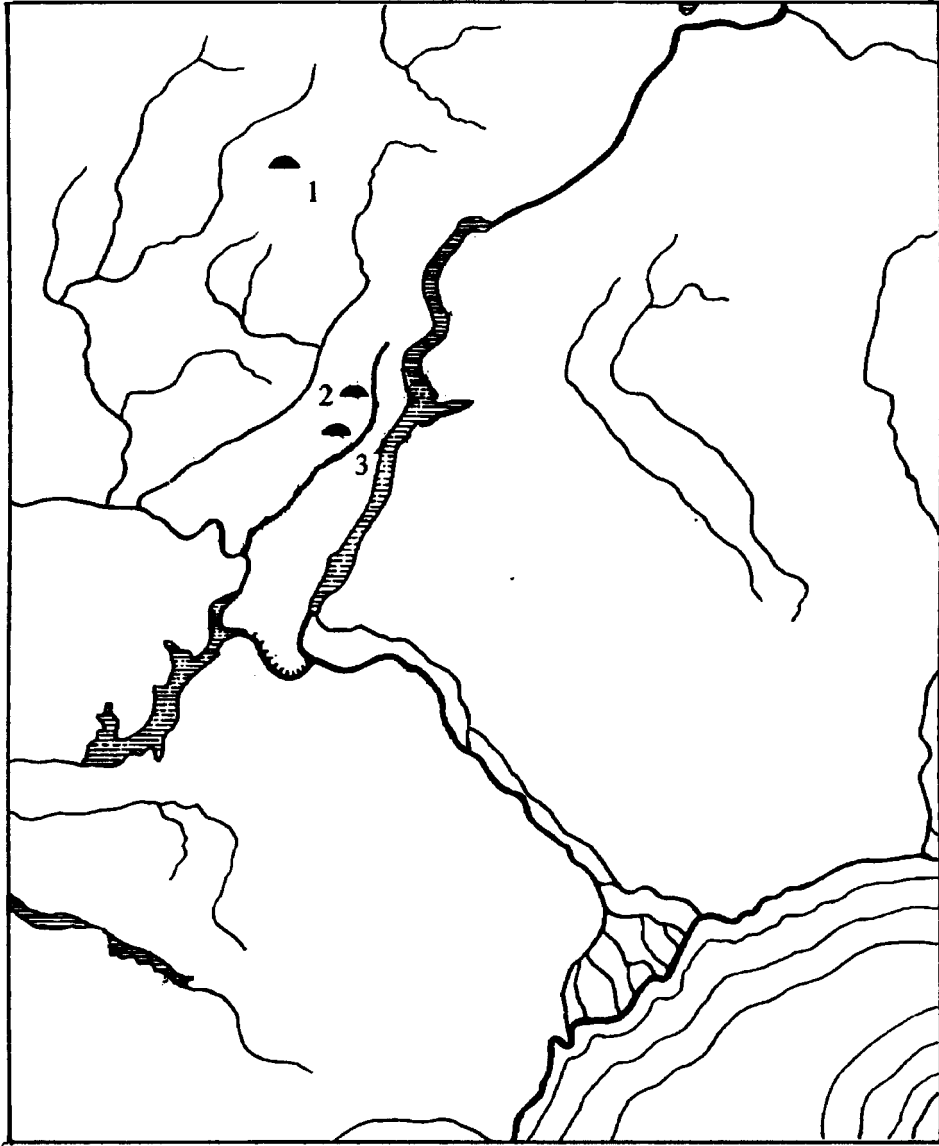
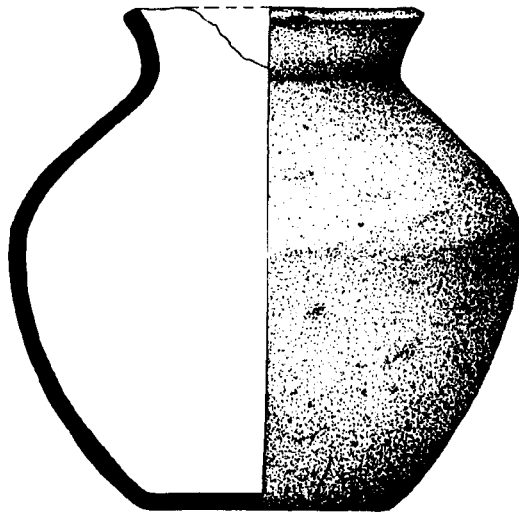
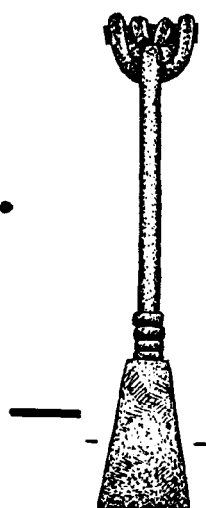
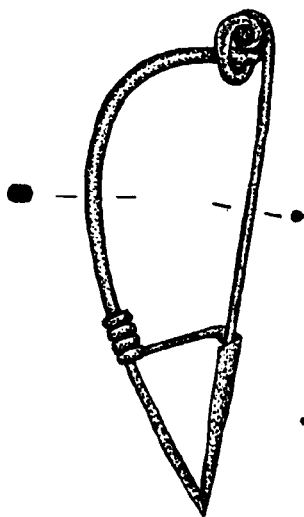

Рис. 1

0 1

1

2

3

Рис. 2

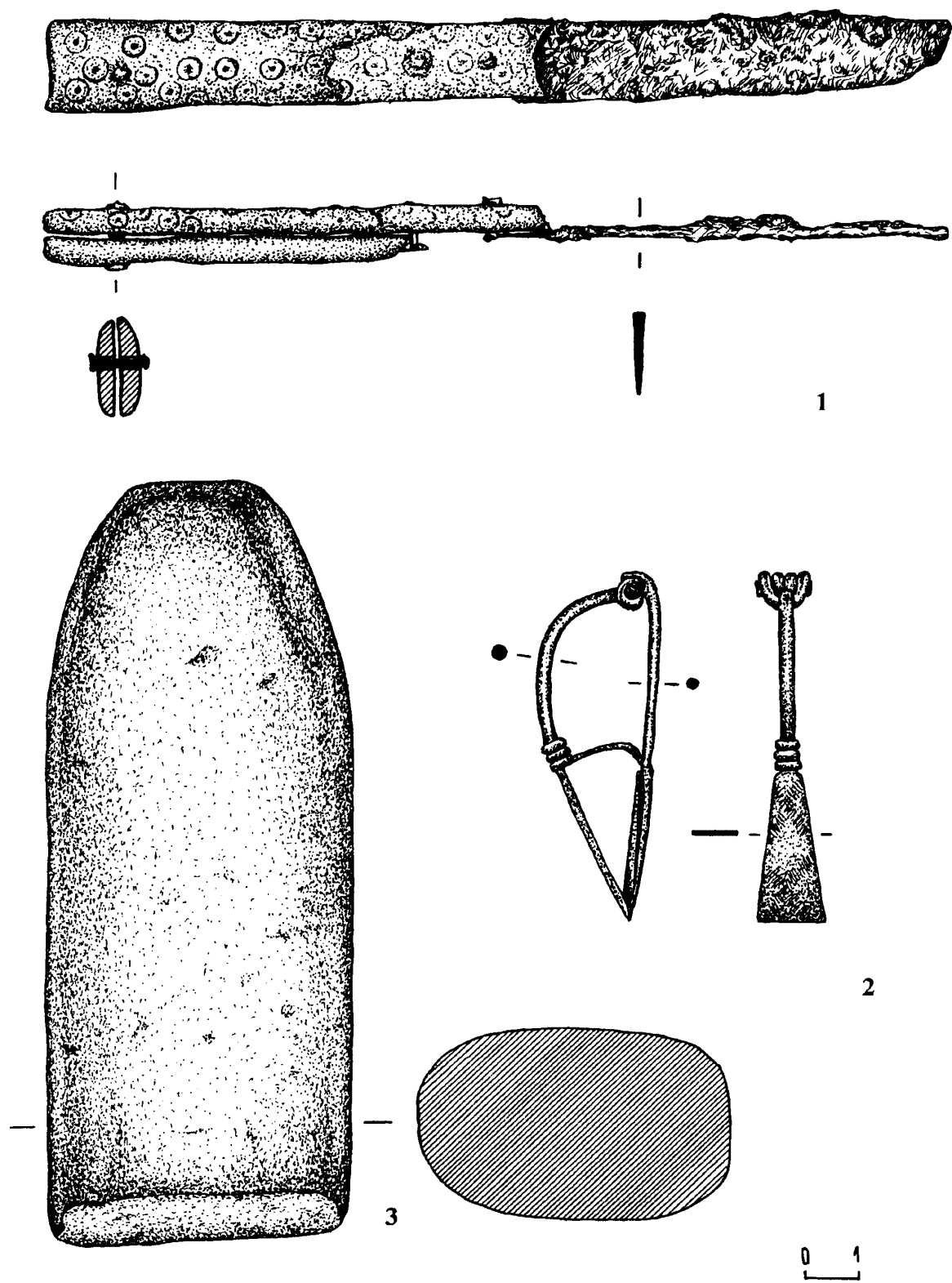

Рис. 3

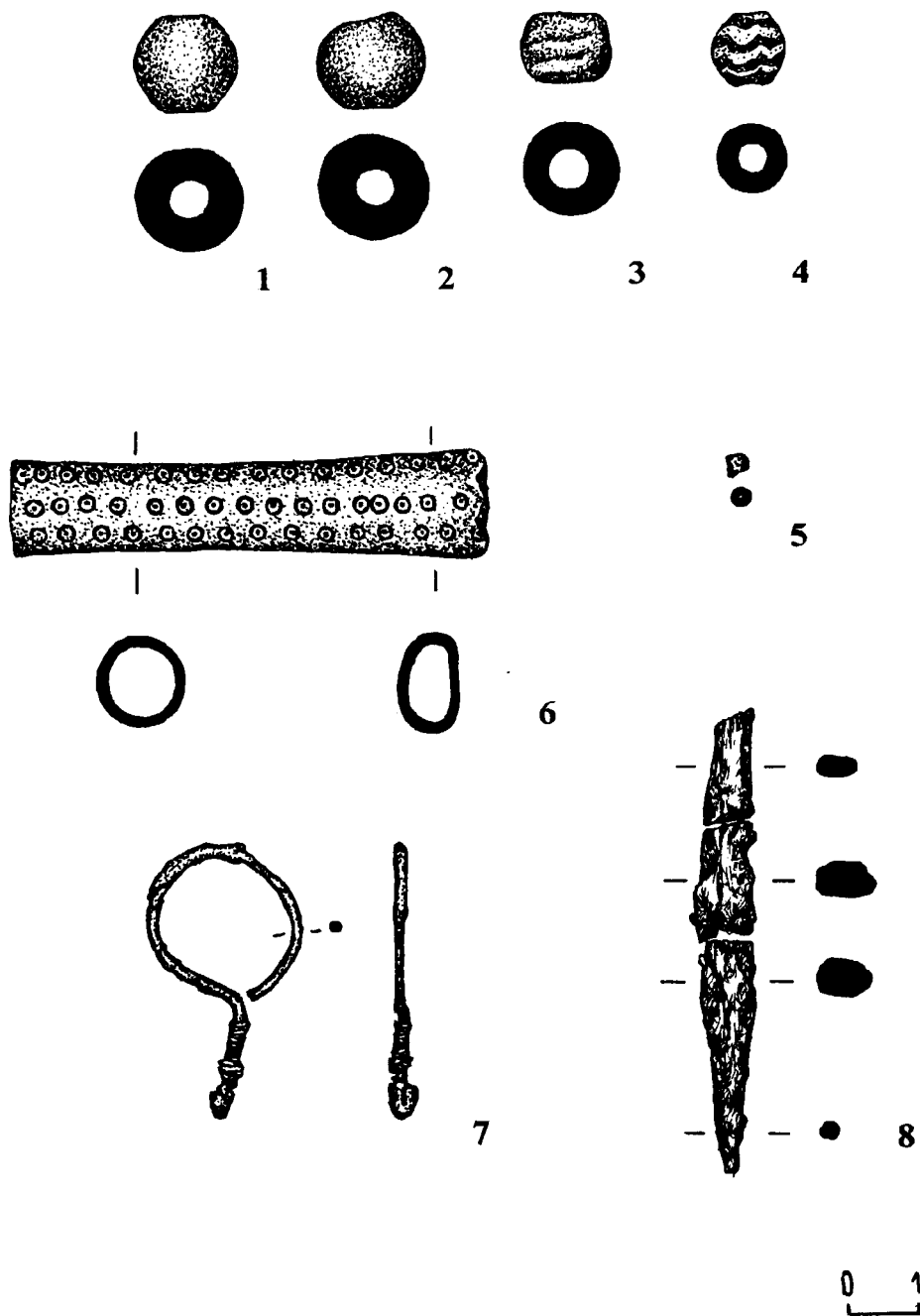

Рис. 4

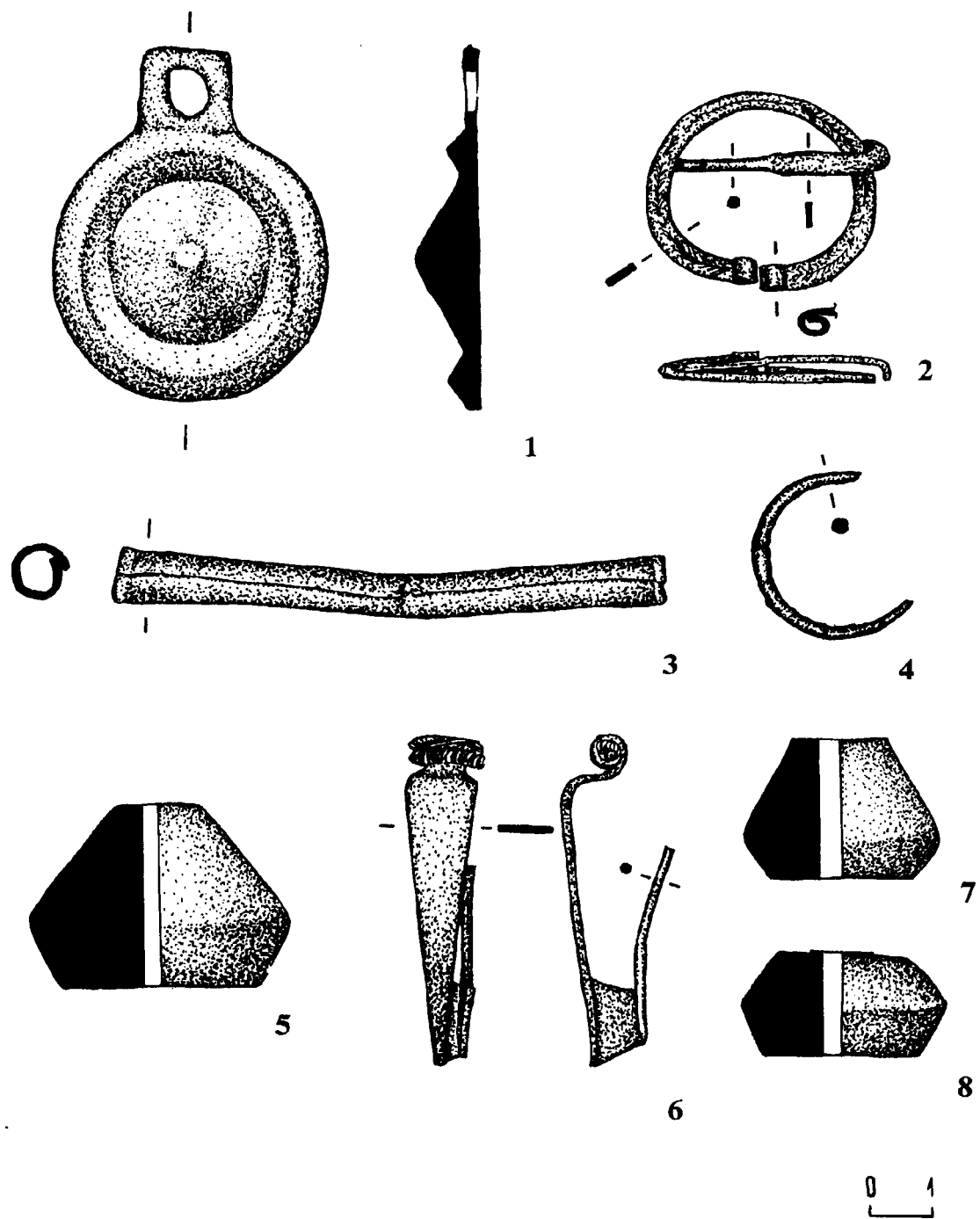

Рис. 5

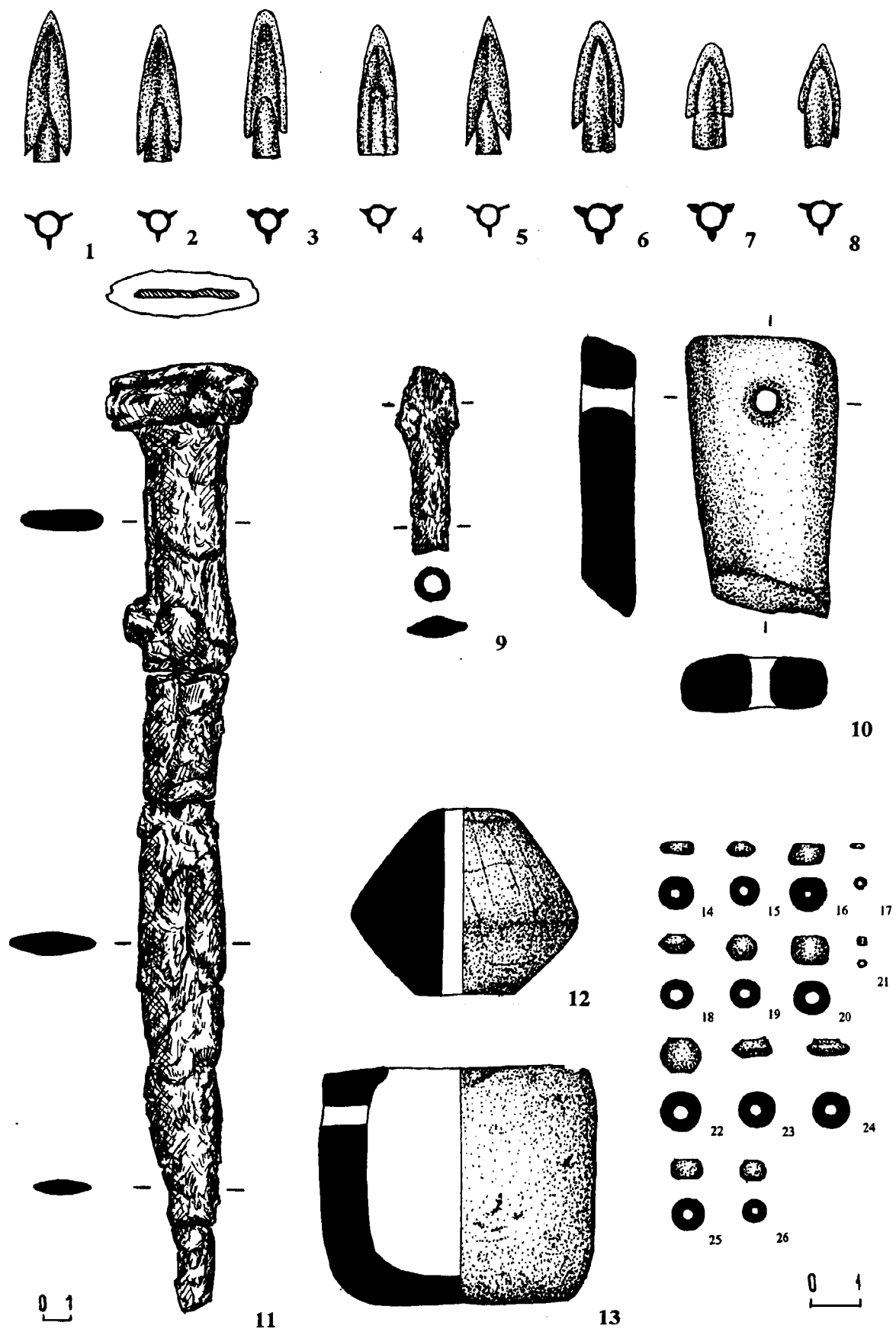

Рис. 6

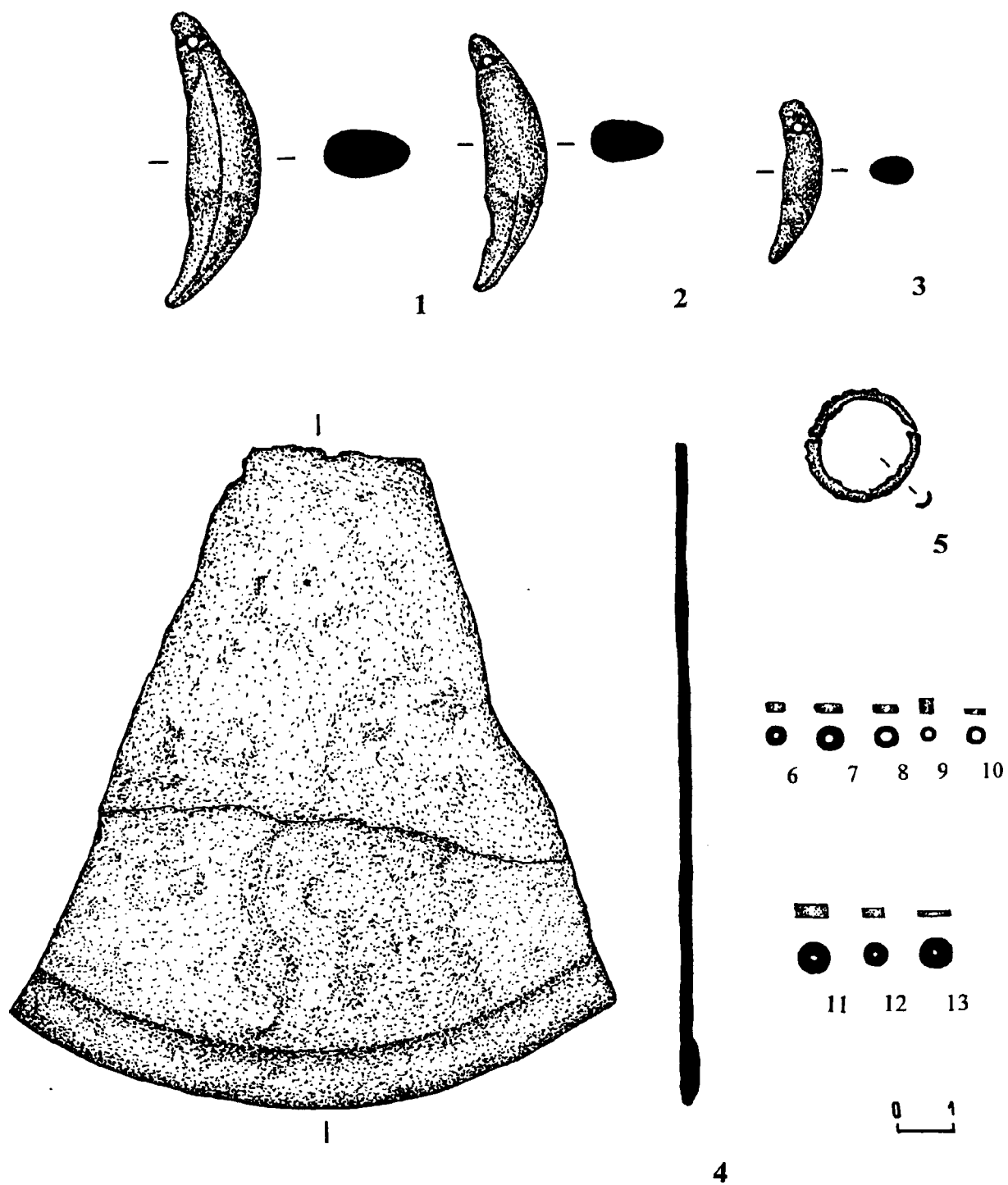

Рис. 7

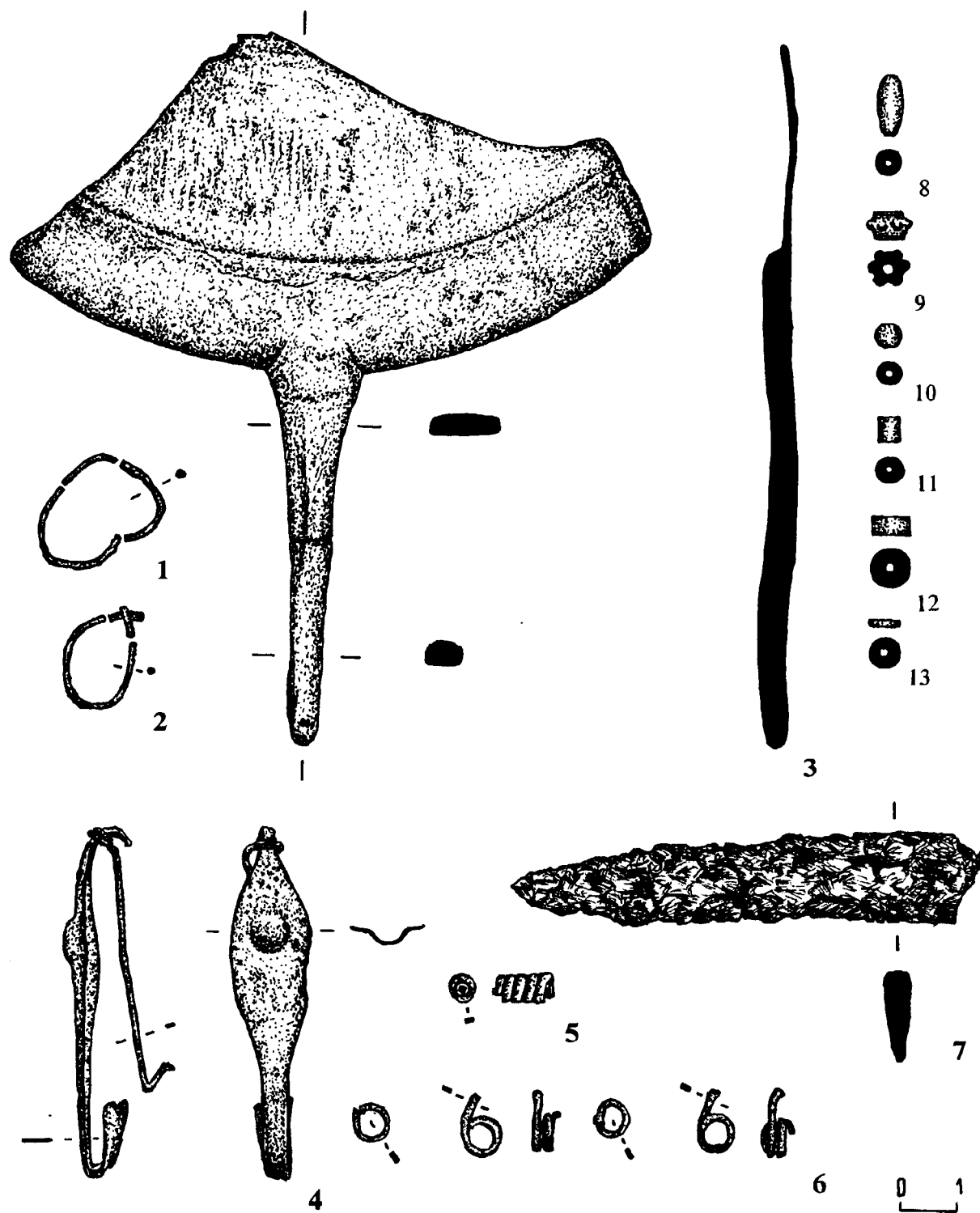

Рис. 8

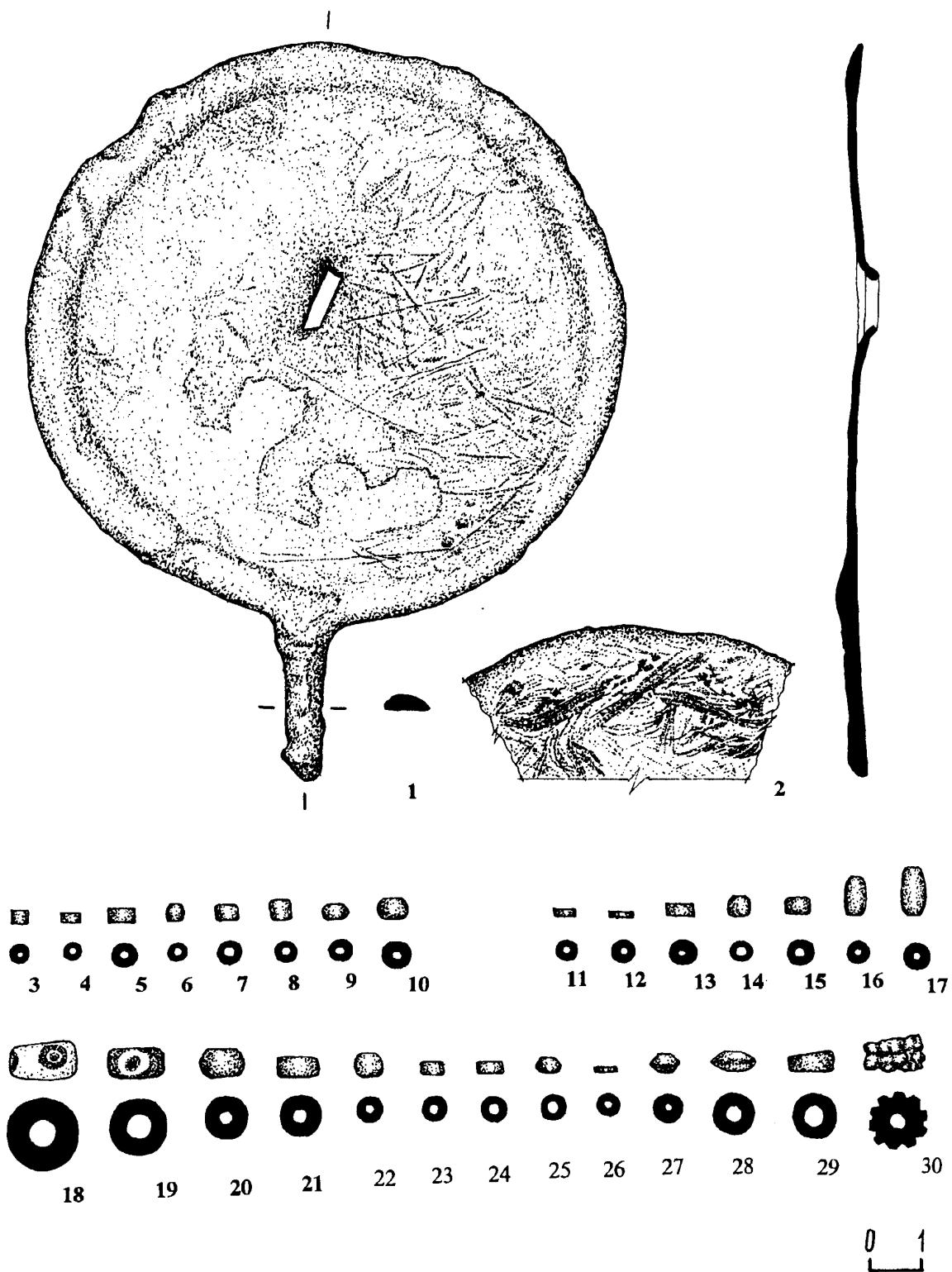

Рис. 9

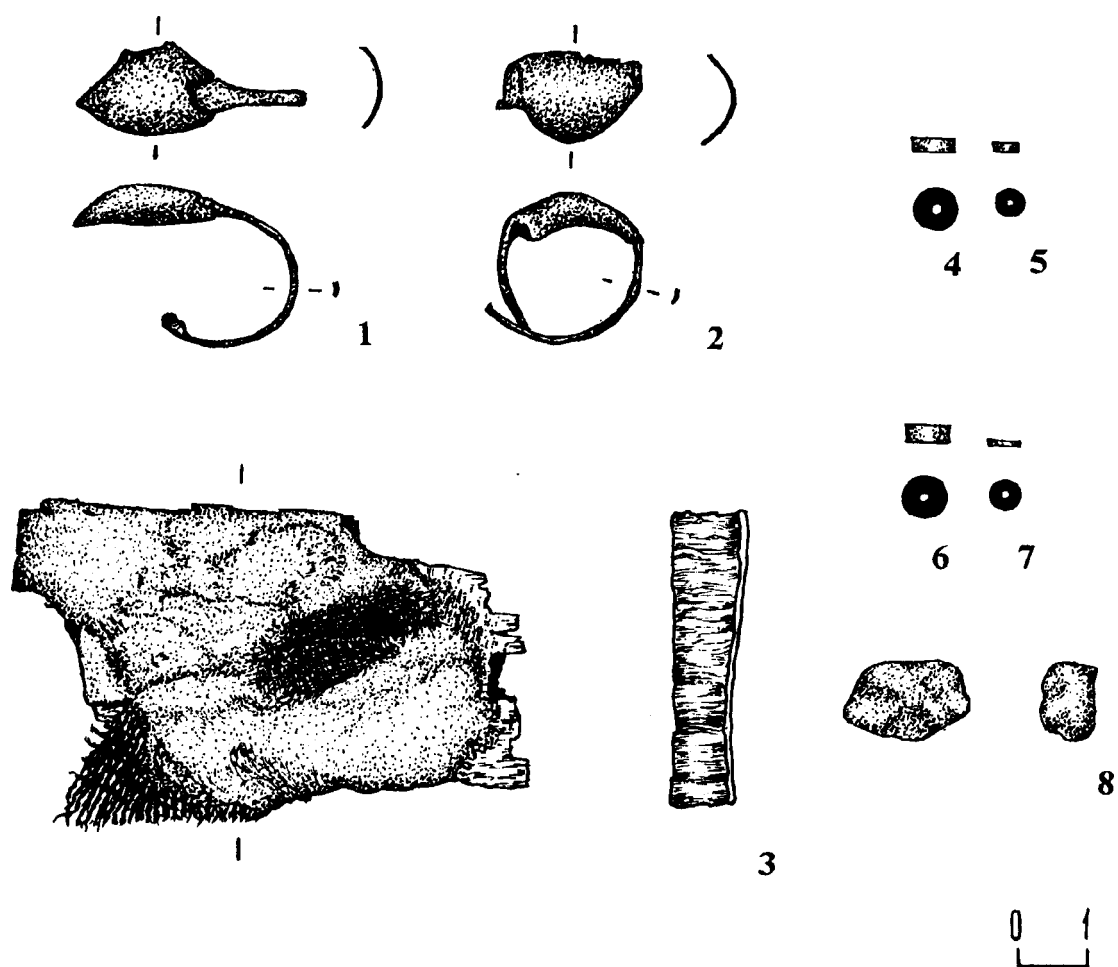

Рис. 10

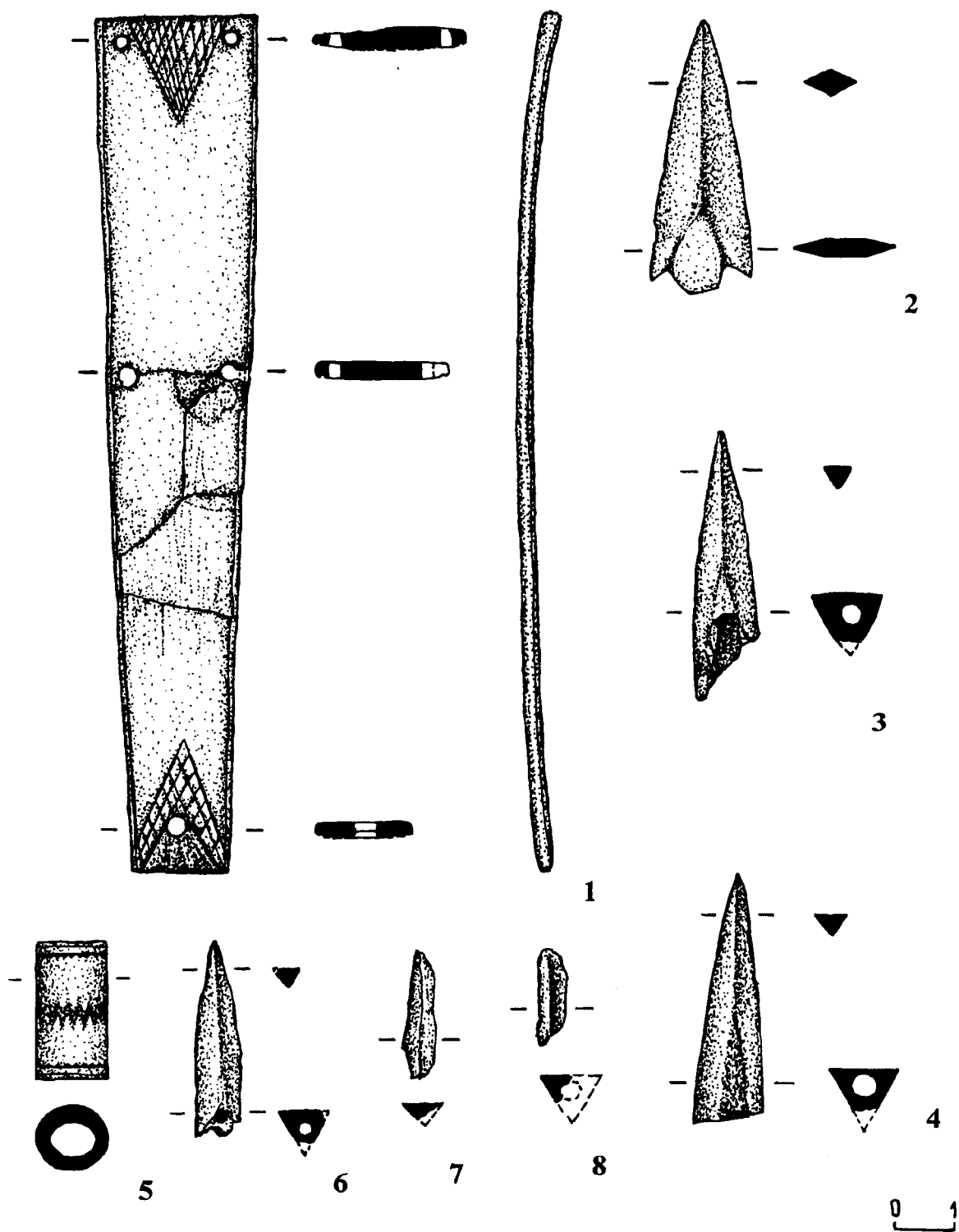

Рис. 11

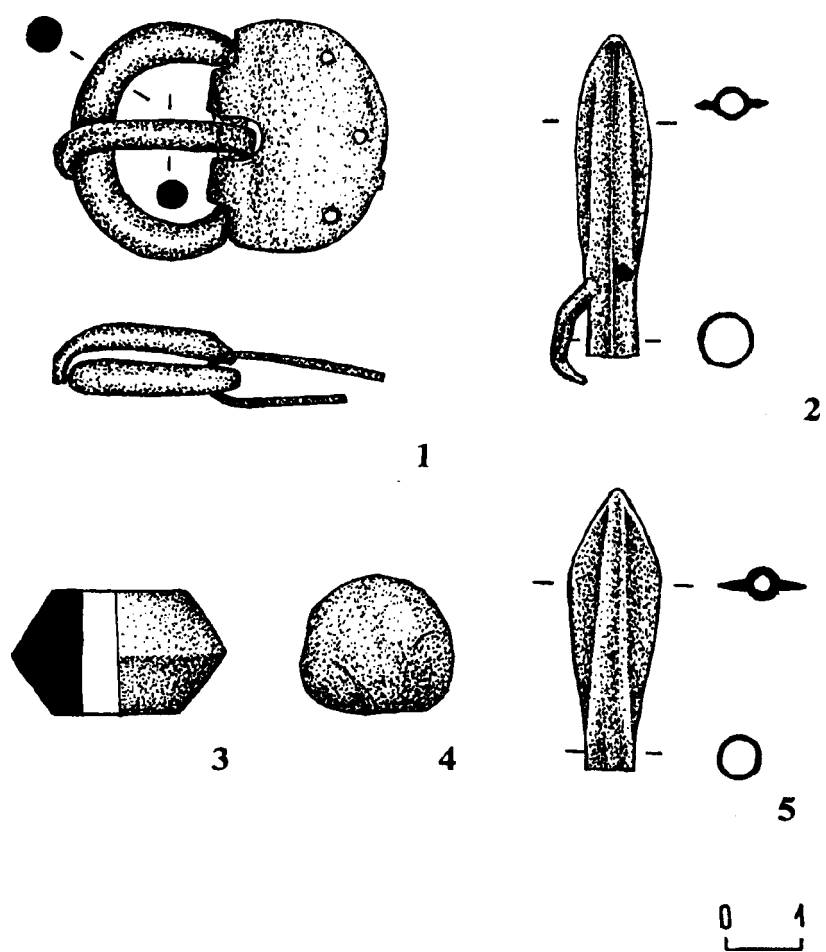

Рис. 12

САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В МОГИЛЬНИКЕ АЛЕБАСТРОВО I

Б.Ф. Железчиков

В 1974 г. экспедиция Уральского педагогического института произвела раскопки в Теректинском районе Уральской области. Могильник Алебастрово I из 33 курганов располагался на второй надпойменной террасе левого берега р. Урала в 1,5 км к юго-востоку от центральной усадьбы совхоза «Долинский». Курганы основной массой вытянуты с запада на восток (рис. 1). Значительное их число относится к эпохе бронзы и не представлены в данной публикации. Здесь же предлагаются погребения, относящиеся к раннему железному веку.

Курган 10

Расположен в центральной части могильника. D — 6 м, Н — 0,21 м. Насыпь лессовая, сильно задернована. В ней встречается мелкая и средняя галька в бессистемном состоянии. В 2 м от центра к западу на глубине 0,52 м встречено каменное грузило, изготовленное из крупного овального известнякового камня. Длина — 11 см, толщина — 8 см, ширина — 4 см. По центру одной из длинных сторон было выбито сквозное круглое отверстие длиной 1,2 см (рис. 2, 2).

Могильная яма почти круглая в плане, смещена к востоку от центра. Размеры ее С — Ю — 2,8 см, 3 — В — 2,58 см. На глубине 1 м обнаружено перекрытие ямы по всей ее площади, которое состояло из одного ряда камышин. На глубине 1,1 м обнаружено захоронение женщины, лежавшей по центральной оси могилы и ориентированной головой к ЮЗЗ (рис. 2, 1).

Погребенная лежала на спине вытянуто, левая рука слегка согнута в локте. Череп лицевой частью повернут к западу. На шее обнаружено 7 бусин: две из них — раковины каури, а 5 — керамические, кубические и цилиндрические длиной 0,4 см (рис. 2, 5).

У левого предплечья и правого локтя лежали два бронзовых браслета, изготовленных из проволоки, круглой в сечении, диаметром 3 мм. Они сильно разогнуты и представляют собой почти прямой стержень, с загнутыми концами. Концы браслетов изготовлены в виде головок змей (рис. 2, 6). Ниже таза, между ног лежало два бронзовых, трехлопастных наконечника стрел с внутренней

втулкой. Один наконечник довольно массивный. Второй наконечник аналогичен первому, несколько меньше в размерах (рис. 2, 4). У правой стопы лежало круглое бронзовое зеркало диаметром 12,5 см. По краю возвышается небольшой (2 мм) бортик (рис. 2, 7). У лицевой части черепа стоял керамический лепной сосудик высотой 5 см, диаметром 3,5 см (рис. 2, 3). Округлое тулово переходит в небольшое плоское дно. Венчик значительно отогнут, горловина невысокая, округлая. У стенки могильной ямы, левее черепа лежал костяк обезглавленной овцы. Кости ног овцы расположены у левого предплечья. Рядом с костями овцы лежало железное шило с костяной рукоятью, которая изготовлена из трубчатой кости длиной 6 см, диаметром 1,5 см. Железное лезвие полностью не сохранилось и выступает из рукояти только на 1 см (рис. 2, 8).

Курган 11

Расположен в центральной части могильника. D — 8,5 м, Н — 0,11 м. Насыпь лессовая, сильно задернована, еле заметна на местности. В насыпи встречалась галька (мелкая и средняя). На глубине 0,25 м в ЮЗ секторе кургана встречены кости человека и овцы. Кости человека (череп, бедренные кости, лучевая) находятся в бессистемном состоянии и восстановить положение костяка не удалось. Кости овцы — ноги и ребра. Среди костей человека и овцы обнаружено 5 бронзовых наконечников стрел. Все наконечники трехлопастные, 2 из них со скрытой втулкой и 3 — с выступающей. Лопастей одного наконечника опущены до 1 см и превращены в тонкие, острые шипы (рис. 1, 11).

Среди костей человека обнаружены фрагменты двух лепных горшков. Один массивный, яйцевидной формы, с носиком-сливом. Высота его — 26 см, диаметр венчика — 15 см, тулова — 20 см, дна — 11 см. Тесто в изломе черного цвета с примесью крупного песка и шамота (рис. 2, 10). Второй горшок шаровидной формы с воронкообразной горловиной и округлым дном. По верхней части тулова идет орнамент из трех параллельных волнистых прерывистых линий. Высота сохранившейся части — 13,5 см (рис. 2, 9).

Курган 13

Расположен в восточной части могильника. D — 6 м, Н — 0,2 м. Насыпь лессовая, слегка смещена с севера на юг. В южной части насыпи встречается мелкая и средняя галька. В 1,5 м от центра к югу на глубине 0,3 м встречен фрагмент керамики серого цвета. Фрагмент орнаментирован параллельными линиями, заполненными внутри вертикальными прорезными линиями (рис. 2, 13). Могильная яма располагалась в 1 м, юго-западнее центра. Она удлиненно-прямоугольной формы с закругленными углами и ориентирована длинными сторонами с СЗ на ЮВ. Длина ее — 1,59 м, ширина — 0,62 м, глубина — 0,33. На дне располагалось захоронение подростка на спине вытянуто. Сохранность костяка плохая. Верхняя часть костяка, таз, вероятно, растасканы грызунами. Сохранились кости ног и фрагменты черепа. Череп повернут лицевой частью к северному углу ямы и ориентирован к северо-западу. Погребальный инвентарь отсутствует (рис. 2, 12).

Курган 15

Расположен в центральной группе курганов. D — 18 м, Н — 0,87 м. В насыпи встречалась галька и отдельные куски дерева. В 1 м от центра к западу на глубине 0,6 м обнаружены остатки кострища почти квадратной формы. Длина сторон — 0,4—0,5 м. Прокаленность почвы до 12 см (рис. 3, 1). В зольнике на глубине 0,7 м обнаружены остатки двух сосудов. Один представлен большим сосудом яйцевидной формы, высота его — 18—20 см, диаметр венчика — 13 см, диаметр горла — 12 см, диаметр тулова — 15 см. Внешняя поверхность красновато-коричневого цвета и сильно обожжена. По-видимому, сосуд находился в костре и обгорел. Венчик в виде раструба, заметно отогнут, переходит в прямую горловину высотой 3,5 см. На переходе от горловины к тулову имеется уступ. Поверхность сосуда от верха тулова и до дна рифленая, в виде прочерченных по тулову вертикальных и глубоких линий. Расстояние между линиями — 1—2,4 см (рис. 3, 8). Второй сосуд сохранился в немногих фрагментах: часть венчика, горловины и тулова. Внешняя поверхность черного цвета, хорошо залощена. Отогнутый венчик переходит в слегка округлую горловину. На переходе от горловины к тулову расположен уступ. Сосуд имел округлое дно. Вероятная высота — 12 см (рис. 3, 10).

Второе кострище расположено в юго-западной части насыпи в 3,2 м от центра, на

глубине 0,7 м. Кострище овальной формы, длина его — 1,8 м, ширина — 1,2 м. В кострище встречены довольно крупные угли от деревянных плах длиной 12 см. Под углями найдены кости лошади, которые сильно кальцинированы. Третье кострище квадратной формы расположено в 1,3 м от центра к ЮВ, на глубине 0,6 м. Стороны кострища имеют размеры: 0,4 × 0,4 м. В нем встречены мелкие угли от сгоревших прутьев. В кургане встречено захоронение коня и 3 погребения. Все погребения располагались от центра к западу и находятся между кострищами.

Захоронение коня располагалось в 2 м от центра к западу в удлиненной яме, ориентированной длинными сторонами с З на В. Длина ее — 4,2 м, в западной части — 2 м, в восточной — 1,68 м. Глубина — 0,2—0,3 м. Захоронение коня в западной части. Встречены кости ног, ребра, череп. Кости находятся в бессистемном порядке. Рядом с костями находились угли и части деревянных досок. Дно могилы понижается от запада к востоку. Глубина в восточной части — 0,6 м (рис. 3, 4).

Погребение 1. Располагалось в яме овально-подквадратной формы, размеры: С—Ю — 2,86 м, З—В — 3,32 м, глубина — 0,9 м. Вдоль южной, восточной и северной сторон ямы шли уступы на глубине 0,5—0,4 м, шириной 0,3—0,8 м. В яме, вероятно, располагалось парное захоронение. Оно оказалось сильно разрушенным. Могила была разграблена, вероятно, в древности. Об этом говорит расположение таза и бедренных костей одного погребенного, которые расположены на восточном уступе. Кости встречены на разных уровнях. Таз — на глубине 0,2 м, бедренные кости — на глубине 0,4—0,6 м. Грабители, вероятно, через лаз пытались вытянуть полуразложившийся труп. Ориентировку погребенных удалось восстановить по сохранившимся *in situ* костям стопы. Оба захоронения располагались ближе к западной стенке могилы и были ориентированы головой к югу, лежали на спине. Западное захоронение лежало на деревянном основании, состоящем из 3 деревянных плах, длиной 1,6—2 м, шириной 0,25—0,15 м. По центру плах лежала еще одна продольная, длиной 0,8 м (рис. 3, 11). Погребальный инвентарь этих захоронений представлен рукоятью массивного меча или кинжала, лежащего в СЗ углу могилы. Рукоять состоит из 5 скovaných железных полос. Длина ее — 8 см, толщина — 4 см. Рукоять овальная, навершие сохранилось плохо и было, вероятно, серповидным, перекрестия не было.

Рукоять переходит в довольно широкое лезвие до 6 см (рис. 3, б). В центре ямы обнаружены 3 бронзовых втульчатых наконечника стрелы. Втулки у всех выступающие (рис. 3, 5). На восточном уступе лежал фрагмент тулова сероглиняного сосуда. Захоронение коня, по-видимому, имеет отношение к этому погребению.

Погребение 2. Располагалось в восточной части первой ямы. Яма имела размеры: длина — 2,5 м, ширина — 1,5 м, глубина — 0,9 м. Яма ориентирована длинными сторонами с севера на юг. На дне, ближе к восточной стенке, располагалось захоронение на спине вытянуто. Череп был сдвинут к западной стенке. Ориентирован костяк к югу (рис. 3, 3). В ногах стоял сосуд горшковидной формы, высота — 16 см, диаметр венчика — 11 см, диаметр горловины — 9 см, диаметр тулова — 16 см, диаметр дна — 6 см. Венчик заметно отогнут, горловина воронкообразная, тулово округлое. Тесто в изломе серого цвета. Внешняя поверхность серая с коричневым оттенком. Верхняя часть сосуда черного цвета, сильно обожжена (рис. 3, 9).

Рядом с сосудом лежало керамическое пряслице, изготовленное из стенки сосуда. Пряслице цилиндрическое, слегка выпуклое, диаметр — 5 см, высота — 1 см. Отверстие расположено несколько асимметрично по отношению к центру. На верхней части пряслица заметно легкое подлощение. В тесте присутствует тальк (рис. 3, 11).

Слева от костяка обнаружено 3 бронзовых втульчатых наконечника стрелы, аналогичных стрелам из первого погребения, слева в ногах лежали кости овцы (лопатка и нога), рядом — железный нож с прямым лезвием и горбатой спинкой.

Погребение 3. Располагалось ниже западной части могилы 1. Яма подквадратной формы, размеры: $2,04 \times 1,85 \times 1,4$ м. Погребение было полностью разрушено, костяк разбросан по всей яме (рис. 3, 3). В СЗ углу лежал железный нож треугольной формы. Длина лезвия — 9,5 см. Рукоять в виде треугольного штыря длиной 1,5 см. У южной стенки лежала бронзовая круглая пряжка с неподвижным язычком. Установить положение костяка не удалось.

Курган 16

Расположен на восточной окраине могильника. D — 16 м, Н — 0,66 м. Насыпь лесовая, хорошо сохранилась и заметна на местности. На глубине 0,4 м в центре замечены

вкрапления материковой глины как от могильного выброса. На глубине 0,85 м в 1,4 м к югу от центра обнаружен втульчатый трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой (рис. 4, 1). В 3 м от центра к югу обнаружено ребро лошади. Могильная яма и погребение не обнаружены.

Курган 17

Располагался в восточной части могильника в центре небольшой группы из 8 курганов. D — 26 м, Н — 0,74 см. Насыпь лесовая, сильно задернована, вытянута с севера на юг. В центре насыпи на глубине 0,6 м встречены кости ног и зубы лошади. В западной части насыпи в 1,5 м к западу от центра и 2,5 м к югу от центра, на глубине 0,5 м встречено кострище диаметром 0,96 м. Под кострищем наблюдается прокаленность на глубину 5 см. Второе кострище также в западной части насыпи в 1,6 м к северу от центра и 0,84 м к западу, на глубине 0,54 м. Диаметр кострища — 0,6 м. Прокаленность — 4 см. На обоих кострищах были сожжены деревянные доски шириной до 12 см, толщиной 2,3 см. В данном кургане обнаружено 3 могильных ямы (рис. 4, 2).

Погребение 1. Располагалось в центре кургана в большой округлой яме диаметром 2,85 м, на глубине 0,6—0,8 м. Вдоль северной и южной сторон располагались приступки шириной 0,4—0,6 м. На них оказалось перекрытие, состоящее из деревянных досок шириной от 15 до 25 см. Перекрытие было сплошное и обвалилось внутрь могилы. Сверху деревянное перекрытие было еще покрыто камышом. В южной части могилы на глубине 1,4 м обнаружены кости человека, расположенные в бессистемном порядке. В восточной половине могилы обнаружено тройное захоронение: 2 взрослых костяка и один детский.

Длина могильного ложа — 2,45 м, ширина — 1,44 м, глубина — 1,55 м. Все костяки расположены вытянуто на спине. Ориентировка — головой к западу. Детское захоронение расположено у южной стенки параллельно ногам взрослого костяка. Черепа детского и южного взрослого костяков повернуты к северу. В головах у южного костяка обнаружены кусочки охры.

Погребальный инвентарь отсутствует (рис. 4, 3).

В северной части могилы дно постепенно понижается до 1,8 м и образует еще одно могильное ложе длиной 2,5 м, шириной 0,82 см. У западной стенки в дно были врыты

2 деревянных столбика длиной 15 см, которые, по-видимому, держали перекрытие могилы на одном уровне с могилой, где три костяка. На дне этой могилы, ближе к северной стенке, располагалось захоронение взрослого человека на спине вытянуто, ориентированного головой к западу (рис. 4, 3). У левого локтя встречена стекловидная масса неизвестного назначения, чуть ниже встречен фрагмент бронзового зеркала диаметром 10—12 см с валиком по краю шириной 0,7 см (рис. 4, 8). У левой кисти обнаружены 3 бусины и 2 золотые трубочки, согнутые из золотой фольги. Длина трубочек — 0,4 мм, диаметр — 0,2 см (рис. 4, 5).

В северо-восточном углу могилы в небольшом углублении в стенке стоял красноглиняный сосуд яйцевидной формы: высота — 29 см, высота горловины — 4 см, диаметр венчика — 10,5 см, диаметр горловины — 9 см, диаметр тулова — 20 см, диаметр дна — 9 см. Венчик сильно отогнут, переходит в прямую, слегка расширяющуюся к тулову горловину, тулово яйцевидное, переходит в уплощенное дно (рис. 4, 4).

Сосуд имеет две диаметрально-противоположные ручки в виде защипов. Сосуд орнаментирован. Внешняя поверхность сосуда светло-коричневого цвета с легким лощением. Тесто в изломе серого цвета.

Погребение 2. Расположено в северной части кургана, яма прямоугольной формы, ориентирована длинными сторонами с ССВ на ЮЮЗ. Длина — 2,12 м, ширина — 0,82 м, глубина — 0,33 м. На дне несколько ближе к восточной стенке располагалось захоронение женщины 20—25 лет на спине, ориентировано головой на ЮЮЗ. Череп развернут к восточной стенке. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги в коленях согнуты и свалены влево к западной стенке. Тазовая кость также слегка развернута влево.

В юго-западном углу, вдоль левой плечевой кости располагались кости ног и лопатка овцы (рис. 4, 2).

Погребение 3. Располагалось в юго-восточной части кургана. Могильная яма прямоугольной формы, орнаментирована длинными сторонами с З на В. Длина — 2,3 м, ширина — 0,9 м, глубина — 0,6 м. Вдоль ССЗ стены могильной ямы располагалось захоронение женщины 25—30 лет на спине вытянуто, ориентировано головой на восток. Кисти рук слегка расставлены в стороны. Череп слегка смещен вправо (рис. 4, 2). Слева от него лежало бронзовое зеркало диаметром 18 см,

длина ручки — 12 см, ширина ручки у зеркала — 3 см, у верхнего края — 4 см (рис. 4, 7). В центре зеркала имеется круглое вдавление диаметром 12 см.

Левее костяка в 0,9 м у восточной стенки были положены кости овцы (нога, лопатка, ребра) и железный однолезвийный нож. Ручка округлая и широкая, постепенно сходит в треугольное лезвие. Конец лезвия не сохранился. Длина лезвия — 3,5 см, ручки — 11 см. На шее обнаружено 14 каменных бусин светло-коричневого и серого цвета. Бусины круглой формы. Одна бусина из бронзы (рис. 4, 5а).

Курган 18

Является самым западным в могильнике. D — 10 м, Н — 0,34 м. Насыпь задернованная, лессовая. По центру насыпи проходил ров, которым было огорожено все поле, где расположен могильник. В насыпи встречена галька средних размеров, кусочки дерева и ребра овцы. Могильная яма располагалась в 1 м юго-западнее центра, и в ней было сосредоточено 3 погребения.

Погребение 1. Располагалось в могильной яме прямоугольной формы, северная стенка полностью разрушена погребением 2. Однако по пятнам на материке удалось установить ее размеры. Длина — 1,95 м, ширина — 1,5 м, глубина — 0,7 м. Ориентирована длинными сторонами с севера на юг (рис. 5, 1). В южной части могилы сосредоточены кости, черепа двух погребенных. На деревянном перекрытии погребения встречен инвентарь, который, по-видимому, относится к разрушенному захоронению. Вместе с костями человека встречены кости овцы, фрагменты керамики, золотая спиралевидная подвеска. Подвеска изготовлена из бронзовой проволоки, покрытой сверху золотой фольгой (рис. 5, 4), фрагмент железного браслета (рис. 5, 5).

Погребение 2. Прорезало северную стенку погребения 1. Могильная яма овальной формы. Длина ее — 2,24 м, глубина — 1,6 м. Яма перекрыта на глубине 0,3 м деревянными плахами. Во входной яме в юго-западном углу обнаружены ребра крупного животного (коня). В юго-восточном углу лежали фрагменты бронзового зеркала. Его диаметр — 17 см (рис. 5, 11). Рядом с зеркалом лежало керамическое пряслице, изготовленное из стенки сосуда с примесью талька. Внешняя поверхность залощена. Диаметр — 4,5 см, толщина — 0,7 см. В центре круглое отверстие

диаметром 0,6 см. Верхняя поверхность пряслица слегка выпуклая (рис. 5, 9). Подбой был устроен в западной стенке и был отгорожен от входной ямы деревянной доской по всей длине подбоя. Длина подбоя — 2,55 м, ширина — 0,97 м, высота — 0,45 м. Дно подбоя ниже дна второй ямы на 0,16 м. На дне по центру лежал костяк на спине, ориентирован головой на юг. Руки слегка согнуты в локтях и расставлены от таза, ноги также слегка согнуты и свалены в стороны.

В головах костяка расположены два лепных сосуда. Один — черноглиняный яйцевидный сосуд с округлым дном высотой 18 см, высота горловины — 2 см, диаметр венчика — 13 см, диаметр горловины — 12 см, диаметр тулова — 18 см. Воронкообразная горловина переходит в тулово. Верхняя часть тулова богато орнаментирована 4 параллельными линиями, состоящими из ногтевых вдавлений, ниже их проходит широкий каннелюр, служащий основанием для треугольников. Внешняя поверхность сосуда подлощена (рис. 5, 7).

Второй сосуд шаровидный, больших размеров, высота — 33 см, высота горловины — 5 см, диаметр венчика — 16 см, диаметр горловины — 14 см, диаметр тулова — 33 см. Дно округлое. Горловина воронкообразная, прямая. Верхняя часть тулова орнаментирована. Внешняя поверхность сосуда коричневого цвета и следами закопченности. Центральная часть тулова слегка залощена (рис. 5, 6).

Погребение 3. Располагалось под погребением 2 в могильной яме прямоугольной формы на глубине 1,8 м. Длина ее — 2,1 м, ширина — 0,7 м. На дне по центральной оси лежал костяк женщины на спине вытянуто, головой к югу. Кости рук тесно прижаты к туловищу. Кости левой ноги чуть согнуты в колене (рис. 5, 3).

У левой кисти стоял лепной кувшин с шаровидным туловом, воронкообразной горловиной и плоским дном. Высота его — 22 см, диаметр горла — 10 см, тулова — 17,5 см, дна — 9,5 см (рис. 5, 10).

Рядом с ним фрагмент керамического круглого дисковидного пряслица диаметром 4 см (рис. 5, 9). На шее найдены четыре серо-коричневые керамические бусины (рис. 5, 8).

Курган 20

Расположен в восточной части могильника. D — 10 м, Н — 0,44 м. Насыпь лессовая, сильно задернована. В западной части кургана обнаружено большое кострище, ко-

торое можно разделить на 2 самостоятельных. Одно встречено на глубине 0,25 м и идет большей своей частью вдоль подошвы насыпи. Все кострище составляет незавершенный овал. Ширина кострища — 0,7—0,4 м. Прокаленность земли под кострищем — 0,1—0,15 м.

В центре этого кострища находится еще одно на глубине 0,3 м, которое имеет форму прямоугольника с незавершенным юго-восточным углом и частью южной стороны. Прямо в центре кургана сохранился ствол дерева длиной 1,5 м, диаметром 0,8—0,12 м. По-видимому, такое дерево использовалось для сжигания (рис. 6, 1). Под первым кострищем на глубине 0,25—0,4 м были обнаружены кальцинированные кости человека (фрагменты черепа, фрагменты пальцев рук, ребра), кости коня (ноги, часть черепа, ребра), кости овцы (ноги, лопатка, ребра). Кости находятся в бессистемном порядке. Здесь же обнаружена рукоять и конец лезвия железного кинжала. Длина рукояти — 8 см, она имеет форму овала, ширина — 2 см, толщина — 1,5 см, навершие небольшое когтевидное, концы плотно прижаты к рукояти. Перекрестие бабочковидное, изготовлено отдельно и состояло из 2 частей, а затем приковано к рукояти. Ориентировочно длина кинжала составляет 37 см. Лезвие толстое, овальное, конец кинжала заострен (рис. 6, 2). Между двумя кострищами было обнаружено 2 бронзовых трехлопастных наконечника стрелы. Наконечники массивные, втульчатые, с незначительно выступающей втулкой. На примере одного наконечника интересно проследить технологию изготовления. Наконечник не литой, а состоит из 3 частей в виде лепестков, которые в острых краях лопасти скрывались (рис. 6, 8).

Почти в центре кургана, восточнее кострища, обнаружена прямоугольная яма, ориентированная длинными сторонами с запада на восток. Длина ее — 1,54 м, ширина — 0,86 м, глубина — 0,7 м. Стенки ямы сильно прокалены на глубине 5—7 см, а почти вся засыпь состояла из золы. На дне лежали обожженные кости ног лошади.

Курган 21

D — 16 м, Н — 0,6 м. В насыпи встречалась мелкая галька. В кургане исследовано 9 погребений, но 6 из них относятся к эпохе бронзы и здесь не публикуются.

Погребение 1. Располагалось в центре кургана в прямоугольной могильной яме. Длина ее — 1,8 м, ширина — 0,8 м, глубина — 1,0 м от погребенной поверхности. На края ямы опи-

ралось поперечное деревянное перекрытие. На дне ямы по центральной оси лежал костяк женщины на спине вытянуто, головой к востоку, с незначительными отклонениями к северу. Правая часть туловища потревожена, пятки ног сведены вместе. В головах лежал костяк собаки, а в ногах лопатка и ребра овцы (рис. 6, 4).

В северо-западном углу стоял лепной кувшин. Высота — 24 см, диаметр горла — 14 см, тулова — 21 см, дна — 9 см. Верхняя часть тулова орнаментирована (рис. 6, 8).

Здесь же лежал фрагмент бронзового зеркала с валиком по краю. Вероятный диаметр — 16 см (рис. 6, 7).

Погребение 3. Располагалось юго-западнее центра. Костяк ребенка лежал на уровне погребенной поверхности на спине вытянуто, головой к югу (рис. 6, 5). Инвентарь отсутствовал.

Погребение 4. Располагалось юго-западнее центра в прямоугольной могильной яме. Длина — 1,2 м, ширина — 0,6 м, глубина — 0,4 м. На дне лежал костяк ребенка на спине вытянуто, головой к югу (рис. 6, 6). Инвентарь отсутствовал.

Курган 23

Расположен в восточной группе курганов могильника. D — 14 м, H — 0,74 м. В данном кургане обнаружено 2 погребения.

Погребение 1. Располагалось в центре кургана в прямоугольной яме, ориентированной длинными сторонами с запада на восток. Длина ее — 2 м, ширина — 0,7 м, глубина — 0,55 м. На дне лежал костяк мужчины. Кости правой руки вытянуты вдоль туловища, кисть левой положена на лобок. Череп слегка повернут вправо. Ориентировка костяка западная. Погребальный инвентарь не обнаружен (рис. 6, 9).

Погребение 2. Расположено также в центре кургана, юго-западнее первого. Могильная яма прямоугольной форме ориентирована длинными сторонами с северо-востока на юго-запад. Длина ее — 1,85 м, ширина — 0,85 м, глубина — 0,6 м. Уже с глубины 0,4 м встречались кости человека. На дне кости человека разбросаны по всей площади вместе с костями коня. In situ лежала правая бедренная кость. По ее расположению ориентировка погребенного была юго-западная. На дне встречены фрагменты сосуда. Высота его — 16 см. Сосуд горшковидной формы. Тулово слегка округлое. Дно плоское. По горловине шел орнамент в виде заштрихованных треугольников (рис. 6, 10).

Материалы расположенного рядом могильника Алебастрово II опубликованы и показывают несомненную близость между собой этих двух памятников (Железчиков Б.Ф., 1998, с. 52—57). Их объединяет то, что в обоих погребения датируются в пределах конца VI — начала III в. до н. э. Причем развитие материальной культуры шло непрерывно и поступательно.

В данных могильниках большое количество погребений относится к эпохе бронзы и датируется XIV—XII вв. до н. э. (Памятники..., 1993, с. 56—57). Затем идет хронологический разрыв, и новые погребения датируются временем IX—VIII вв. до н. э. К нему относится погребение 2 кургана 23. Эту дату дает сосуд, по форме относящийся к эпохе бронзы. Но подобные горшки характерны для более восточных районов Евразии, в частности для Степного Приишимья. Аналогичная керамика там найдена в кургане 2 могильника Новоникольское (Хабдулина М.К., 1994, с. 153, рис. 10, 2). Этот факт, может быть, еще раз свидетельствует о приходе кочевников в Южное Приуралье в VIII—VII вв. до н. э. с востока.

Следующими по времени являются погребения в курганах 10, 20 и кенотаф в кургане 16. О ранней дате погребения в кургане 10 свидетельствует большая овальная яма, западная ориентировка погребений, обезглавленная тушка овцы, бронзовое зеркало, бронзовые наконечники стрел и горшок с носиком-сливом. Захоронение в большой овальной яме с аналогичным зеркалом встречено в погребении 1 кургана 14 Нового Кумака. М.Г. Мошкова датирует его рубежом VI—V вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1972, с. 27, 40, рис. 1, 9). Но такие зеркала имели долгое распространение в Южном Приуралье. Так, в кургане 18 Нового Кумака два аналогичных зеркала датируются V в. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1977, с. 24, рис. 9, 8—9), а зеркало из кургана 3 Сибая II датируется уже IV в. до н. э. (Пшеничнюк А.Х., 1983, табл. XLI, 1). Бронзовые стрелы из этого погребения относятся к XI типу по классификации К.Ф. Смирнова и были распространены в Южном Приуралье в VI—V вв. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1961, табл. III). Таким образом, данное погребение вполне укладывается во время рубежа VI—V вв. до н. э.

В кургане 20 имелся факт трупосожжения, что, в общем-то, свойственно кочевникам Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (Смирнов К.Ф., 1964, с. 97—98). Аналогичное по обряду захоронение обнаружено

в Аландской группе, где встречены и похожие наконечники стрел, которые датируются рубежом VI—V вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1972а, с. 18, 74—75, рис. 4, 3, 8—9). Мечи и кинжалы с простыми антенными навершиями датируются второй половиной VI в. до н. э. — серединой V в. до н. э. и встречены у г. Покровска (совр. Энгельс) (Рыков П.С., 1923, с. 35 и след.), в виде случайных находок у д. Гороховки и г. Борисоглебска на Среднем Дону (Медведев Л.П., 1999, рис. 51, 9—10), у д. Берлячево Гафурийского района Башкирии (Смирнов К.Ф., 1961, рис. 7) и в Новом Кумаке — курган 5, погребение 3 (Смирнов К.Ф., 1977, с. 12, рис. 4, 7). Исходя из этого, данное погребение из Алебастрово I можно датировать рубежом VI—V вв. до н. э.

Скорее всего, к этому же времени относится и кенотаф в кургане 16, судя по наличию огня в насыпи, опять же как в III Аландской группе в кургане 6, погребение 1 и наконечники стрел (Мошкова М.Г., 1972а, рис. 4, 10б). По классификации К.Ф. Смирнова, данный наконечник относится к XIV типу (Смирнов К.Ф., 1961, табл. V) и датируется рубежом VI—V вв. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1977, с. 67—68).

Дата захоронений в кургане 15 определяется стратиграфическими наблюдениями. Скорее всего, наиболее ранним было погребение 1, которое разрушили при сооружении погребения 3, а то, в свою очередь, разрушило погребение 2. К сожалению, сохранность рукояти меча не помогает определить его тип. Но наконечники стрел относятся к типу V Б самаро-уральской группы и датируются серединой V — началом IV в. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1961, табл. IV). Южная ориентировка не влияет на эту дату. Погребение 2 по керамике, пряслицу с тальком, по ноге с лопаткой овцы может быть отнесено к рубежу IV—III вв. до н. э. Тогда погребение 3 датируется в пределах IV в. до н. э.

К рубежу V—IV вв. до н. э., скорее всего, относится захоронение в кургане 11. Хотя горшки подобной формы с простейшим орнаментом восточнее региона датируются более поздним временем. Пример — керамика из кургана 1, погребения 3 у с. Памятного на юге Тюменской области, которая датируется IV—III вв. до н. э. (Кожин П.М., 1972, с. 80, рис. 2, 10).

Сосуды с носиком-сливом имеют широкое распространение и по территории, и во времени, но аналогичные относятся к VI отделу и датируются VI—V вв. до н. э. (Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл.

7, 37) и из кургана 9 погребение 1 Мечет-Сая и у совхоза «Приречный» — IV в. до н. э. (Мошкова М.Г., 1974, рис. 4, 2, 10).

Не противоречат дате рубежа V—IV вв. до н. э. и бронзовые наконечники стрел.

Погребения в кургане 17, вероятно, относятся к одному времени, хотя у всех разная ориентировка умерших: западная, южная и восточная. Центральным является коллективное погребение 1. Вообще, для приуральских памятников характерно наличие в ямах двух и более костяков. Это свойственно как захоронениям северо-восточной Башкирии: Альмухаметово, Сибай (Пшеничнюк А.Х., 1983), Илека (Смирнов К.Ф., 1975; Курганы левобережья, 1994), Нового Кумака (Смирнов К.Ф., 1977, с. 6, 42), Челкара (Железчиков Б.Ф., 1999, с. 127—138). И этот обычай существует в пределах V—IV вв. до н. э. Думаю, прав Л.Т. Яблонский, который видит признак коллективности в Присарыкамышье местным, основанным на древней основе (Яблонский Л.Т., 1998, с. 12), в то время как для Приуралья это инновация. Обилие заgrabной пищи в погребении является признаком V в. до н. э., но обломок бронзового зеркала омолаживает дату. По классификации К.Ф. Смирнова, они относятся к отделу I, и ранние датируются IV—III вв. до н. э., но пока самый ранний, найденный в могильнике Веселый I, курган, раскопанный в 1935 г., относится к IV в. до н. э. (Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 28, 6, с. 33). Думаю, что зеркало из Алебастрово I чуть древнее. По комплексу признаков оно может быть датировано первой половиной IV в. до н. э. Дату погребения 3 определяет обломок железного ножа. Аналогичные найдены в кургане 7 Сары и датируются рубежом VI — началом V в. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1961, с. 82, 84; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 18, 17). Однако большое зеркало омолаживает захоронение. Такие зеркала часто представлены в восточной группе приуральских памятников: в Новом Кумаке, курган 26, погребение 1 — вторая половина V в. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1977, с. 6), IV Ивановское, курган 2, Альмухаметово, курган 6 — IV в. до н. э. (Пшеничнюк А.Х., 1983, табл. XXIX, 2; XXXI, 2), Муракаево, курган 2, погребение 5 (Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1977, с. 65, рис. 4.1) — IV в. до н. э. Таким образом, и данное погребение датируется в пределах IV в. до н. э. Погребение 2 безынвентарное, но с южной ориентировкой и датируется в рамках IV—III вв. до н. э.

Время погребений в кургане 18 хорошо прослеживается стратиграфически. Наиболее ранним является разрушенное погребение 1, затем идет 3 и, наконец, 2. Верхнюю дату погребений дают круглодонные горшки. Большой шаровидный по типу и орнаменту близок гороховским (Мошкова М.Г., 1974, рис. 12, 7. 8), найденным у д. Шкаково, курганы 5 и 6 (Стоянов В.Е., 1972, рис. 10, 12).

Этот горшок имеет аналоги в кургане 1 погребения 1 Близнецов и по классификации М.Г. Мошковой относится к III отделу и датируется IV—III вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1963, табл. 9. 20). Второй яйцевидный горшок аналогичен прохоровскому в кургане 4 и датируется также IV—III вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1963, табл. 9. 9). Зеркало также укладывается в это время. Наиболее раннее датируется IV в. до н. э., как в кургане 20 погребения 7—8 (Смирнов К.Ф., 1977, с. 30, рис. 12, 23). Кстати, в этом же кургане встречено большое количество погребений относительно одного времени в подбоях. Наиболее поздно этот тип зеркал датируется в кургане 7 погребения 2 Верхнего Погромного и в кургане 9 Кара-Обы, где они относятся к III—II вв. до н. э. Таким образом, это погребение датируется рубежом IV—III вв. до н. э. Остальные погребения сооружены чуть раньше, но в пределах этого же времени.

И, наконец, к IV—III вв. до н. э. относится и погребение 1 в кургане 21. В пользу этой даты говорит обломок зеркала с валиком по краю и особенно лепной горшок. Довольно точная аналогия ему известна из погребения 3 кургана 5, «15 поселок» IV—III вв. до н. э. (Мошкова М.Г., 1963, табл. 8. 26).

Остальные погребения в этом кургане датируются, скорее всего, также IV—III вв. до н. э., так как более поздних захоронений в этом могильнике не встречено.

Погребальный обряд обоих могильников Алебастрово I и II подвергался статистической обработке и анализу на предмет близости с памятниками Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Для савроматской эпохи VI—V вв. до н. э. эти памятники наиболее близки более восточным: Новый Кумак, Четыре Мара, Илекская группа (Статистическая обработка..., 1994, табл. 8), что, кстати, не противоречит и анализу инвентаря. А вот для раннесарматской эпохи сохраняются связи с Новым Кумаком, ослабевают с Илекской группой, но усиливаются с памятниками Степной Башкирии (Статистическая обработка..., 1997, табл. 29).

Погребения Алебастрово еще раз свидетельствуют, что на протяжении VI — рубежа IV—III вв. до н. э. на данной территории развивалась одна материальная культура, которая с середины V в. до н. э. по начало III в. до н. э. переживала период бурного прогрессивного развития, впитывая в себя передовые достижения в производстве керамики, предметов вооружения и т. д., как путем торговых заимствований, так и, возможно, незначительного включения каких-то новых этнических и инокультурных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Железчиков Б.Ф., 1998. *Археологические памятники Уральской области*. Волгоград.
- Железчиков Б.Ф., Кушаев Г.А., 1999. *Погребения на берегу озера Челкар в Западном Казахстане // Нижневолжский археологический вестник*. Вып. 2. Волгоград.
- Кожин П.М. *Новые материалы сарматского времени на юге Тюменской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени*.
- Курганы левобережья Илека, 1994. М.
- Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1977. *Курганы раннесарматской культуры в Южной и Юго-Восточной Башкирии // Исследования по археологии Южного Урала*. Уфа.
- Медведев А.П., 1999. *Ранний железный век лесостепного Подонья*. М.
- Мошкова М.Г., 1972а. *Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени*. М.
- Мошкова М.Г., 1972б. *Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени*. М.
- Мошкова М.Г., 1963. *Памятники прохоровской культуры // САИ*. Вып. D1—10.
- Мошкова М.Г., 1974. *Происхождение раннесарматской (прохоровской культуры)*. М.
- Памятники срубной культуры (Волго-Уральское междуречье), 1993. Саратов.
- Пшеничнюк А.Х., 1983. *Культура ранних кочевников Южного Урала*. Уфа.
- Рыков П., 1925. *Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г.* Саратов.
- Смирнов К.Ф., 1961. *Вооружение савроматов // МИА*. № 101.
- Смирнов К.Ф., 1964. *Савроматы*. М.

Смирнов К.Ф., 1975. *Сарматы на Илеке*. М.
Смирнов К.Ф., 1977. *Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала*. Уфа.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963. *Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. D1—9*.

Смирнов К.Ф., Попов С.А., 1972. *Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени*. М.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии (савроматская эпоха), 1994. Вып. 1. М.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии (раннесарматская эпоха), 1997. Вып. 2. М.

Стоянов В.Е., 1972. *Ранний железный век Западносибирской лесостепи (опыт классификации и периодизации): Дис. ... канд. ист. наук*. М.

Хабдулина М.К., 1994. *Степное Приишимье в эпоху раннего железа*. Алматы.

Яблонский Л.Г., 1998. *Многоактные захоронения в подземных склепах Присарыкамышья эпохи железа // Уфимский археологический вестник*. Вып. 1. Уфа.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. План могильника Алебастрово I.

Рис. 2. Планы погребений и инвентарь курганов 10, 11, 13:

1—8 — курган 10: 1 — план погребения; 2 — каменное грузило (насыпь); 3 — горшок; 4 — бронзовые наконечники стрел; 5 — бусины; 6 — бронзовые браслеты; 7 — зеркало; 8 — железное шило.

9—11 — курган 11: 9, 10 — горшки; 11 — бронзовые наконечники стрел.

12—13 — курган 13: 12 — план погребения; 13 — фрагмент керамики.

Рис. 3. Планы погребений и инвентарь кургана 15: 1 — общий план; 2 — план погребения 1; 3 — план погребений 2 и 3; 4 — план захоронения коня; 5 — бронзовые стрелы погребения 1; 6 — рукоять меча погребения 1; 7 — бронзовая пряжка погребения 3; 8, 10 — горшки из насыпи; 9 — горшок погребения 2; 11 — керамическое пряслице погребения 2.

Рис. 4. План погребения и инвентарь из курганов 16 и 17: 1 — бронзовый наконечник из кургана 16; 2—8 — курган 17: 2 — общий план; 3 — план погребения 1; 4 — кувшин погребения 1; 5 — бусины погребения 1; 6 — железный нож погребения 3; 7 — бронзовое зеркало погребения 3; 8 — бронзовое зеркало погребения 1.

Рис. 5. План погребений из кургана 18: 1 — план погребения 1; 2 — план погребения 2; 3 — план погребения 3; 4 — золотые серьги погребения 1; 5 — железный браслет погребения 1; 6—7 — горшки погребения 2; 8 — бусы погребения 3; 9 — керамическое пряслице погребения 3; 10 — кувшин погребения 3; 11 — бронзовое зеркало погребения 2; 12 — керамическое пряслице погребения 2.

Рис. 6. Планы погребений из курганов 20, 21, 23:

1—3 — курган 20; 1 — общий план; 2 — железный кинжал; 3 — бронзовые наконечники стрел.

4—8 — курган 21; 4 — погребение 3; 5 — погребение 2; 6 — погребение 4; 7 — бронзовое зеркало погребения 1; 8 — кувшин погребения 1; 9 — план погребения 1 кургана 23; 10 — горшок погребения 2 кургана 23.

SUMMARY

SARMATIAN GRAVES OF THE ALEBASTROVO I CEMETERY

B.F. Zhelezchikov

The article deals with the early nomads of the Southern Urals, VI—III BC. It is important to complete the archaeological data from Western Kazakhstan, which are nearly unreachable for Russians because the reports and materials themselves are kept in Kazakh institutions.

Burials from Alebastrovo I do convince the author in the unbroken development of Southern Uralian tribes during VI—III BC.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- - курганы VI - нач. III вв. до н. э.
- ⊗ - курганы других эпох

Рис. 1

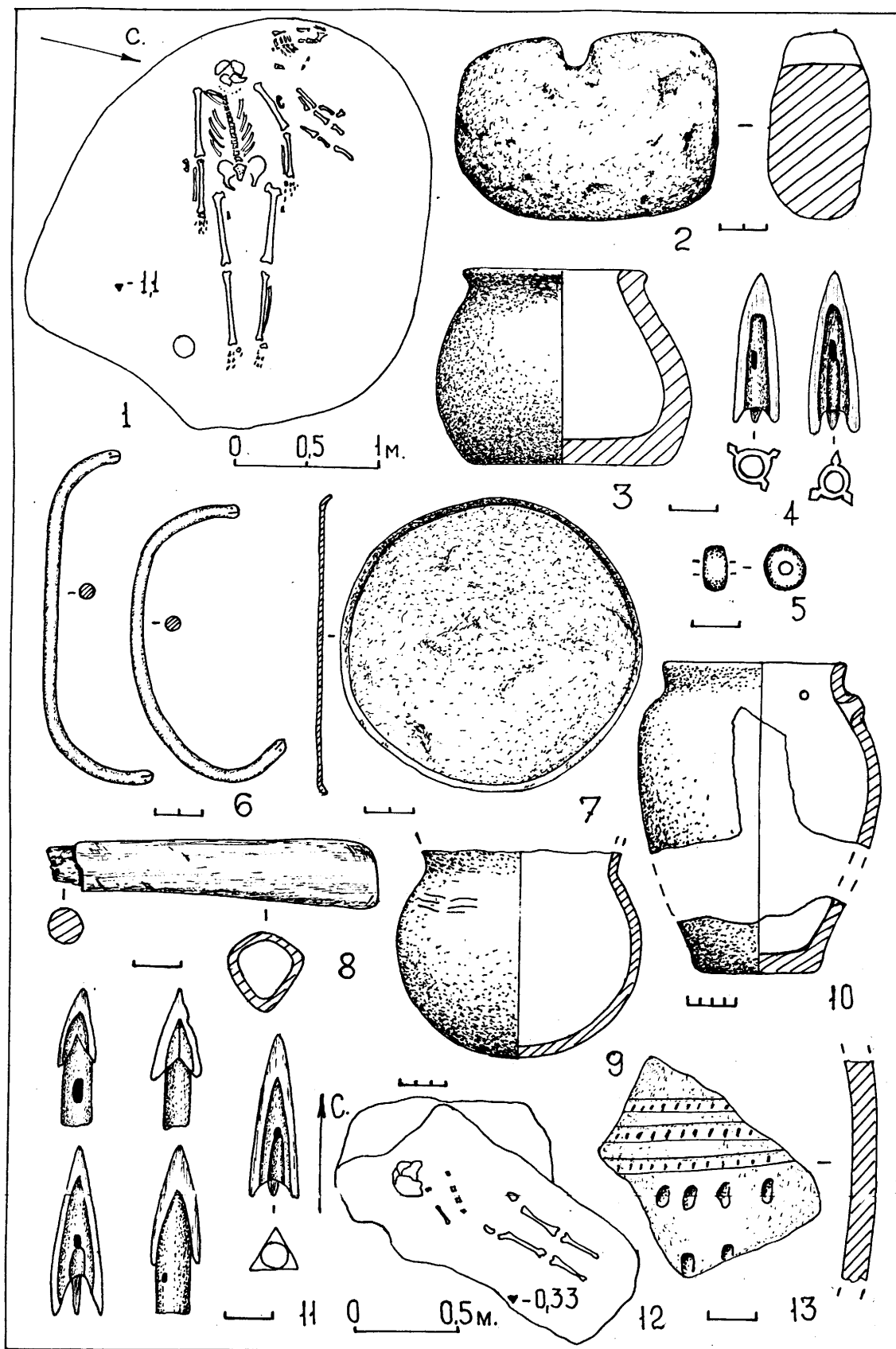

Рис. 2

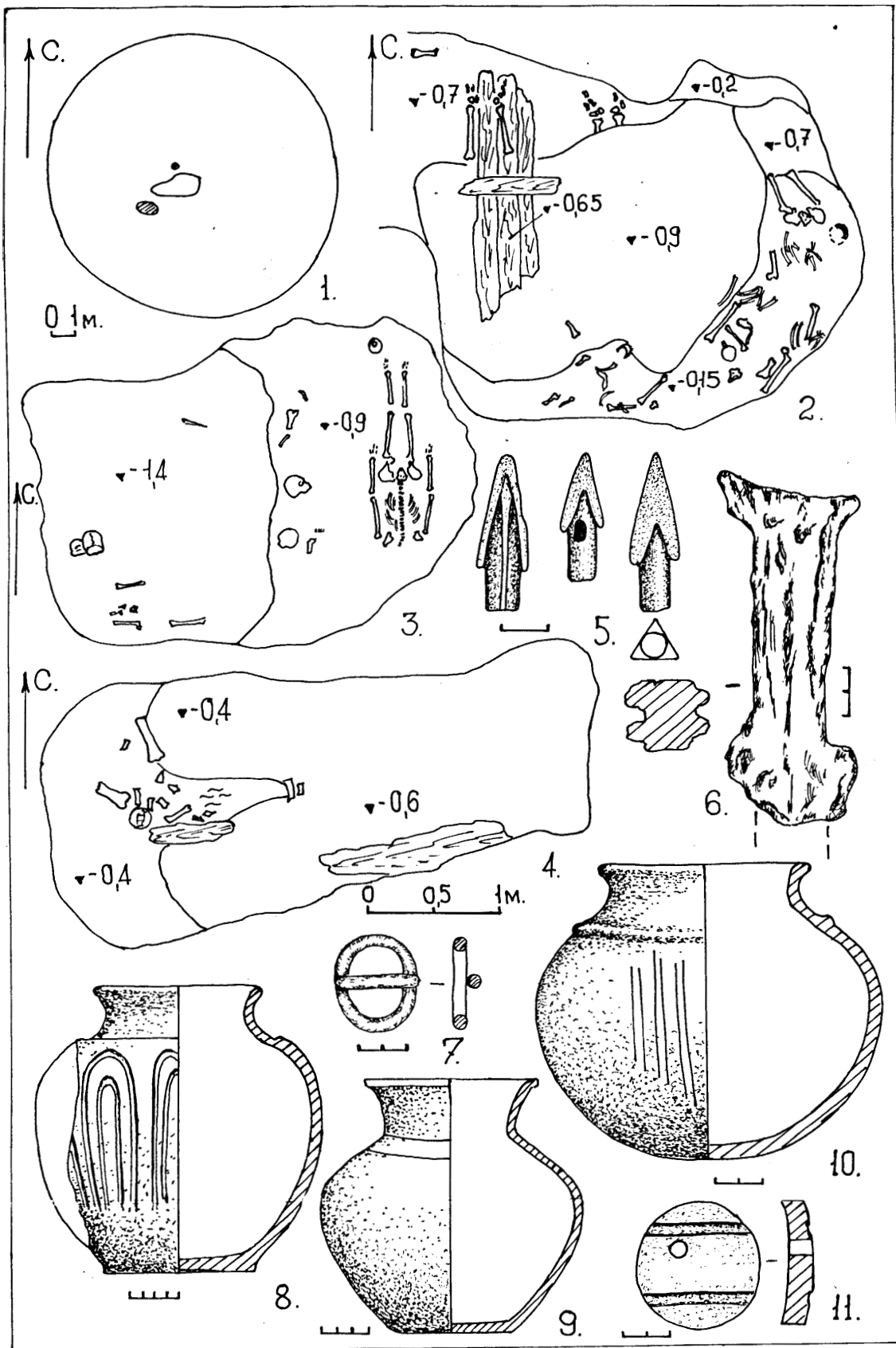

Рис. 3

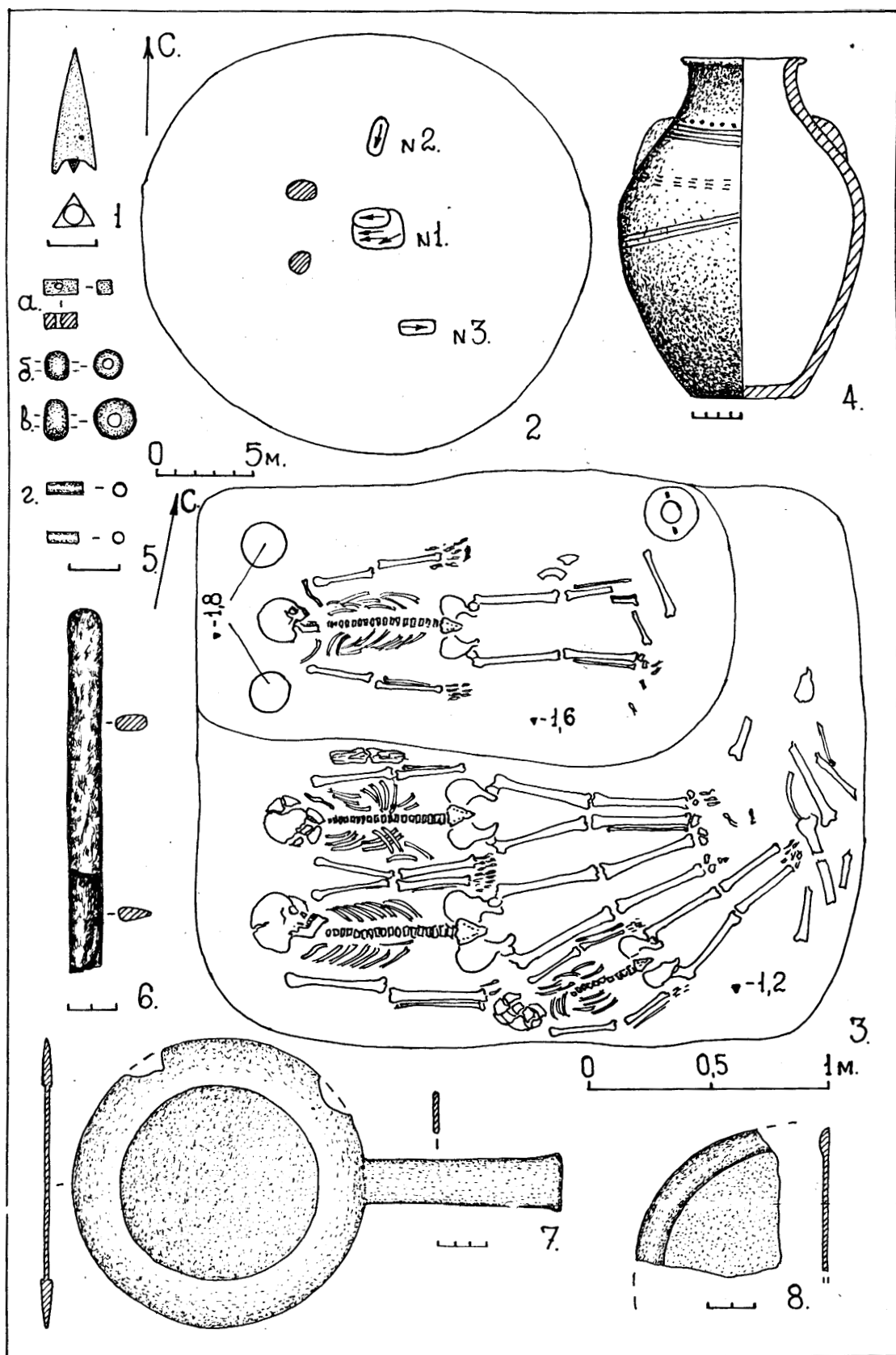

Рис. 4

2001/27

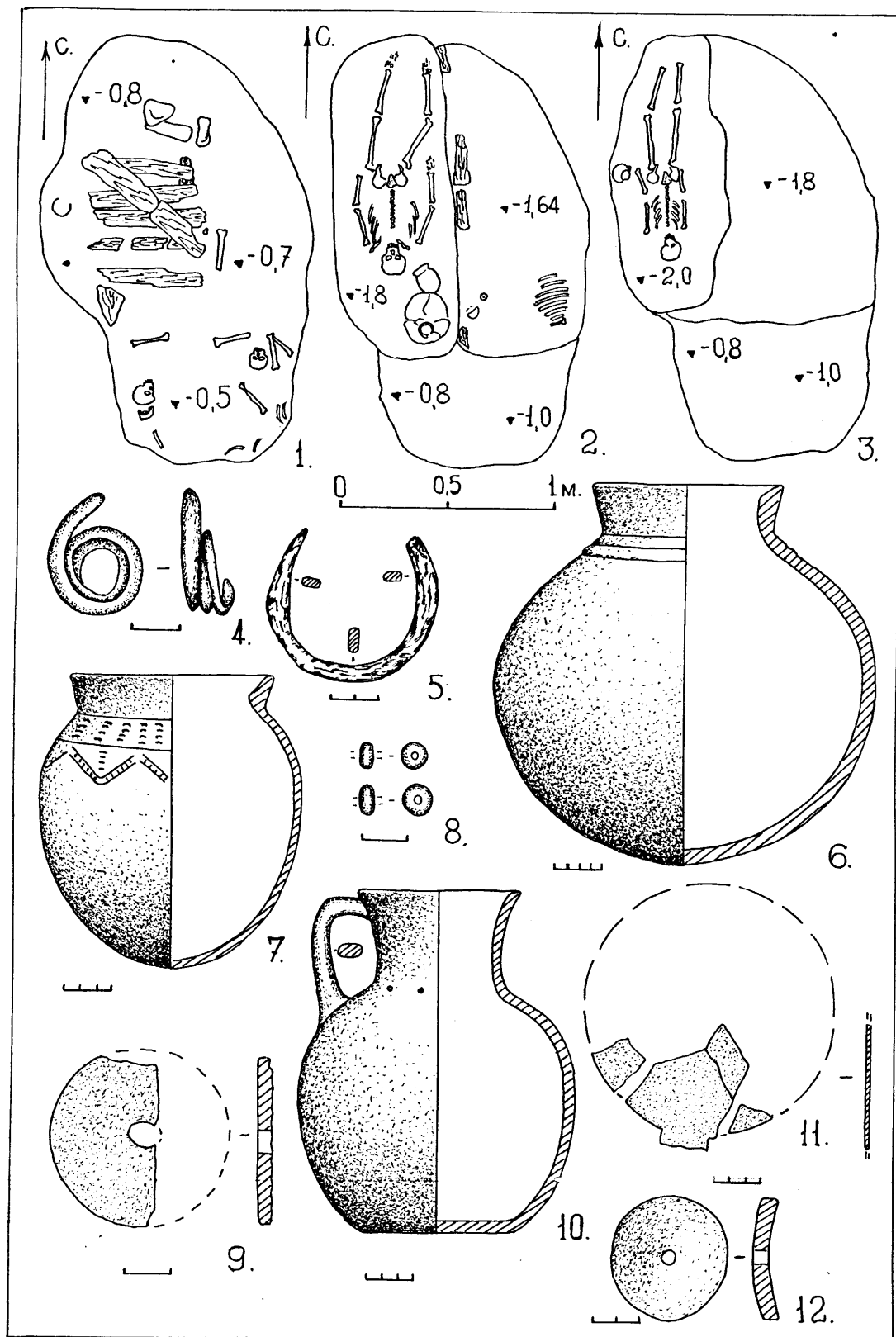

Рис. 5

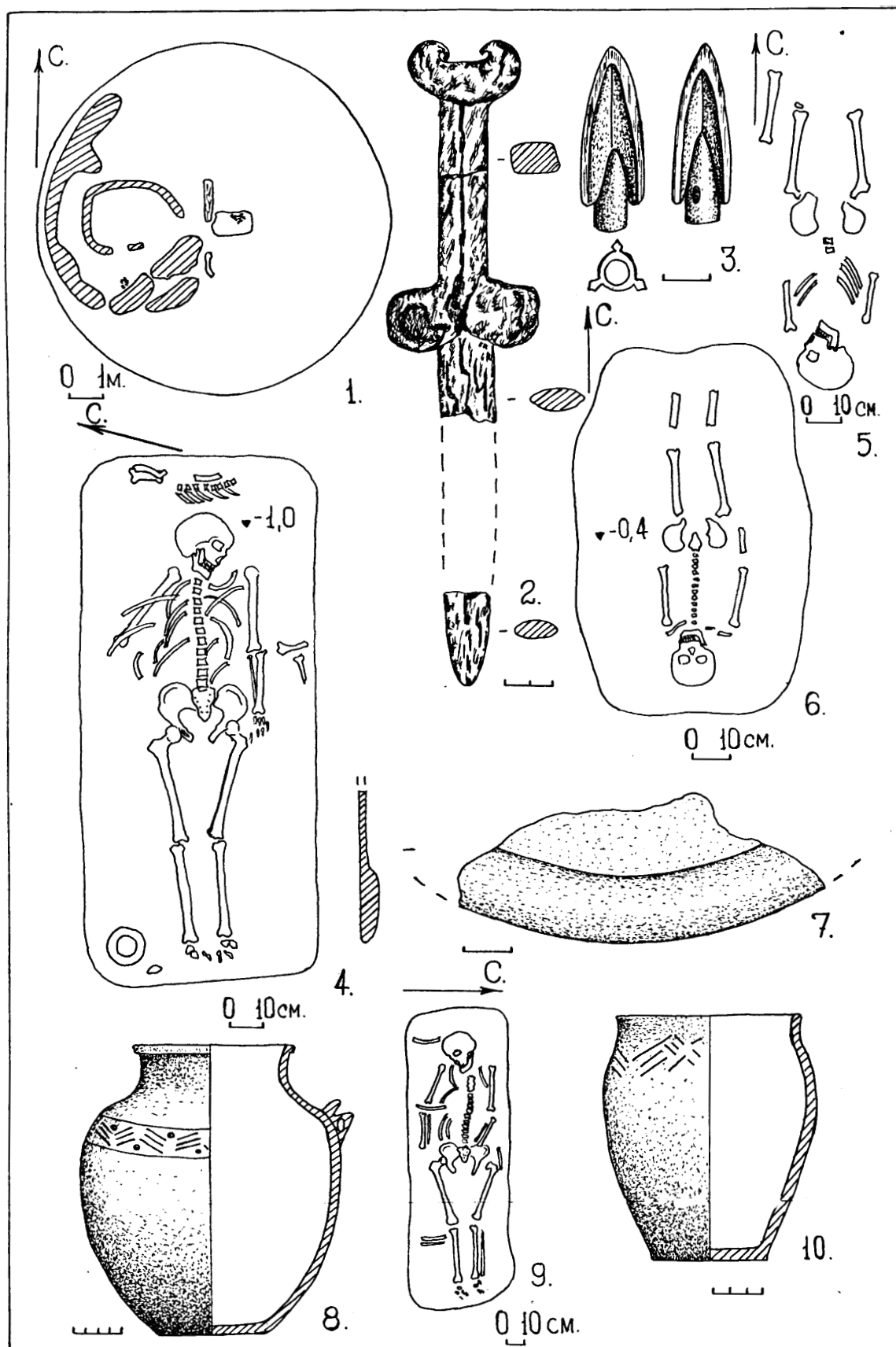

Рис. 6

СООБЩЕНИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ У СЕЛА ЦАРЕВ

И.В. Сергацков, В.В. Дворниченко, В.М. Клепиков

В июле 1999 г. совместная комплексная экспедиция Волгоградского государственного университета, Института археологии РАН, Волгоградского государственного педагогического университета и Института фундаментальных проблем биологии РАН продолжала археологические раскопки близ с. Царев Ленинского района Волгоградской области. Работы проводились в рамках проекта «Полевые археологические исследования столицы Золотой Орды г. Сарай-ал-Джедид и его округи» по федеральной программе «Интеграция».

Объектами раскопок послужили курганные могильники Маляевка V, исследования которого были начаты в 1998 г., и Колобовка III.

В могильнике Маляевка V были раскопаны курганы 11 и 15. Первый из них относился к эпохе бронзы. Основное погребение в нем полностью разрушено. Впускное погребение 4 было совершено в катакомбе оригинальной конструкции, близкой к Т-образной, и относится к катакомбной эпохе. Погребения 1 и 3 по своему обряду и лепному остросереберному горшку датируются развитой стадией срубной культуры Нижнего Поволжья. Самым поздним в кургане было средневековое захоронение 5, сопровождавшееся «шкурой» коня.

Курган 15 оказался позднесарматским. В нем обнаружено одно погребение. В подбойной могиле был захоронен взрослый мужчина с железным мечом, ножом и глиняным лепным горшком. Погребение датируется II—III вв. н. э.

На этом раскопки могильника Маляевка V практически завершены. Единственным объектом, нуждающимся в исследованиях, является золотоордынский мавзолей, сильно разрушенный пахотой.

Основным объектом исследований стал могильник Колобовка III, располагавшийся на высокой надпойменной террасе левого берега Ахтубы, на левом берегу ее притока речки Царевочки, севернее села Колобовка. Могильник насчитывает 10 курганов. Все насыпи подвергались распахке или были повреждены при посадке лесополосы. Было раскопа-

но 9 курганов, все они оказались сарматскими. Судя по обряду и вещевому материалу, они делятся на две группы: курганы 2, 4—8 относятся к среднесарматской культуре; курганы 1 и 9 — позднесарматские.

Все погребения среднесарматского времени, за исключением погребения 1 кургана 2, совершены под индивидуальными насыпями. Указанное захоронение впускное в среднесарматский курган. Погребения произведены в квадратных и широких прямоугольных (курганы 2, 4, 7, 8) и узких прямоугольных ямах (курган 2, погребение 1, курган 5) и подбойной могиле (курган 6, погребение 2). Несмотря на то что почти все курганы были разграблены, кроме курганов 5 и 6, в некоторых случаях, в частности в кургане 2, удалось зафиксировать диагональное положение умершего. В ориентировке погребенных господствует южный сектор, что характерно для среднесарматской культуры. Вещевой материал типичен для среднесарматской эпохи. Керамический комплекс представлен местной лепной и гончарной посудой кубанского и нижнедонского производства. Среди предметов вооружения преобладают железные черешковые наконечники стрел. В кургане 2 обнаружены обломки меча. В погребении 2 кургана 6 найдена бронзовая лучковая подвязная фибула 1-го типа 1-го варианта с оригинальным оформлением обмотки спинки. Среди украшений выделяется набор бусин из полихромного стекла, горного хрусталя и скарабеев из египетского фаянса, происходящий из кургана 7. Там же найден бронзовый перстень со стеклянной вставкой. В кургане 8 обнаружена золотая оковка деревянного сосуда. Перечисленные находки позволяют датировать всю серию среднесарматских курганов в рамках I — начала II в. н. э.

Позднесарматские погребения обнаружены в курганах 1, 6 и 9. Наибольший интерес представляют комплексы из кургана 1. Погребение 1 совершено в широкой прямоугольной яме, в которой по диагонали головой на ЮВ, в «позе всадника» был уложен взрослый мужчина. В могиле найдено: лепной гор-

шок, гончарный сероглиняный двуручный кувшин, крупный железный нож, костяной наконечник стрелы, оселок, железная пряжка, бронзовые пряжки и наконечники ремней, гипсовая конкреция, ребра овцы. В центре кургана в неглубокой яме были сложены железный меч без перекрестия с длинной рукоятью, увенчанной дисковидным халцедоновым навершием, железная и бронзовая пряжки, каменная ворворка, несколько известняковых бусин, уздечный набор, включавший железные удила с бронзовыми кольцами, серебряные накладки, наконечники ремней, подвески и крупные круглые бляхи со стеклянными вставками в центре. Этот комплекс, одновременный с погребением 1, возможно, является кенотафом, но не исключено, что он составляет часть погребального инвентаря основного захоронения, сложенного рядом с могилой.

Комплекс из Колобовки входит в состав компактной в культурно-хронологическом отношении группы позднесарматских воинских погребений. Безусловно, прав С.И. Безуглов, неоднократно анализировавший подобные комплексы и считающий, что «именно в них с максимальной полнотой выражена позднесарматская культурно-этнографическая специфика» (Безуглов С.И., 1997, с. 137). Колобовский курган 1, как и близкие ему по составу инвентаря памятники из Приуралья, Нижнего Поволжья и Подонья, датируется второй половиной II — первой половиной III в. н. э.

Погребение 1 в кургане 6 было детским и не содержало каких-либо вещей, а курган 9 оказался кенотафом. В нем обнаружен лепной горшок и осколки сероглиняного гончарного кувшина с зооморфной ручкой. Они также датируются позднесарматским временем.

Все средневековые погребения были впускными. Они обнаружены в курганах 1, 2, 4 и 9. В курганах 2 и 4 захоронения были полностью разграблены. Наиболее интересным оказалось погребение 3 в кургане 1. На перекрытие узкой прямоугольной ямы была положена «шкура» коня. Вместе с костями лошади обнаружены железные удила, стремяна, серебряные и бронзовые бляхи оголовья и уздечного набора. В самой могиле были похоронены взрослый мужчина и ребенок. Все находки связаны с погребением мужчины: железный нож, наконечники стрел и крепление колчана, железная и бронзовая пряжки, костяные накладки на лук, серебряные

наконечники ремня. Погребение датируется огузо-печенежским временем (X—XI вв.).

В кургане 9 обнаружено мусульманское захоронение, совершенное в склепе, сложенном из сырцового кирпича. Оно относится к золотоордынскому времени.

Во время работы экспедиции пастухом из с. Маляевка нам была передана интересная находка — бронзовый псалий. По словам находчика, он был найден в 1998 г. на пашне, на склоне террасы под могильником Маляевка V близ Царевского городища.

Псалий двудырчатый, с отверстиями, расположенными в петлях с четко выраженными углами, представляет не встречавшийся ранее вариант S-видных экземпляров. Один его конец оформлен в виде диска диаметром до 3,3 см, расположенного в одной плоскости с петлями, второй обломан, но, скорее всего, имел такое же завершение. Длина сохранившейся части изделия — 9,5 см (рис. 1).

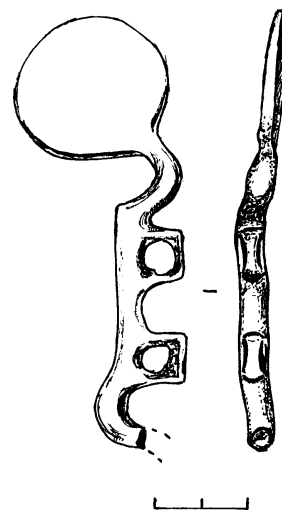

Рис. 1

Конструкция псалия отличается оригинальностью. Сама S-видная форма — одна из наиболее популярнейших, присущих двудырчатым псалиям евразийской области скифской эпохи, появившихся в конце VI в. до н. э. на смену предскифским и раннескифским трехдырчатым псалиям с петлями и без них, когда изменяется способ крепления удила с псалиями (Смирнов К.Ф., 1961, с. 81, 82, 84; Членова Н.Л., 1967, с. 73; Ильинская В.А., 1968, с. 110, 117—120). Однако ни в одной из разновидностей двудырчатых псалиев не получила развитие петельчатость. Наличие петель (без выраженных углов) — деталь, характерная для трехдырчатых пса-

лиев предскифского и раннескифского времени, в частности для вещей новочеркасского круга. Среди них на Северном Кавказе известны однолопастные, где лопасть оформлена в виде диска, находящегося перпендикулярно к петлям (Эрлих В.Р., 1994, табл. 26, 12, 14; Вальчак С.Б., 1997, с. 97—98, рис. 7; 6, 7). На оригинальном псалии из Билярска, видимо северокавказского происхождения, вместо двух петель (из трех) имеются два отростка с дисковидными окончаниями (Иессен А.А., 1953, с. 95, 96). Следует заметить, что такие элементы оформления одной из частей псалиев характерны для вещей, связанных с Северным Кавказом.

Царевский псалий сочетает двудырчатость и S-видную форму, характерные для скифской эпохи, с конструктивными деталями (петли, дисковидные окончания) предшествующего периода.

Определение точной даты царевского экземпляра, не имеющего дополнительных хронологических привязок, сложно. Его форма вычурна и больше напоминает подобные художественные изделия из курганов Приднепровья, Прикубанья, Тамани, Керченского полуострова V—IV вв. до н. э., когда уздечные принадлежности, по выражению В.А. Ильинской, «не имеют себе равных по разнообразию форм и орнаментальных мотивов» (Ильинская В.А., 1968, с. 120). Такая архаическая деталь, как петли, на двудырчатых псалиях в скифское время развития не получила и встречается чрезвычайно редко. В железе единичные экземпляры их известны на Нижней и Средней Волге, а также в Южном Приуралье (Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1977, рис. 80, 1; Халиков А.Х., 1977, с. 226, рис. 82, 7, 9, 8, 11; Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1976, рис. 5, 5). Формы их обычны для скифского времени: прямые стержневидные, S-видные и с одним загнутым концом, окончания их обычно оформлены в виде шишечек. Оригинальные железные стержневидные псалии с шишечками на концах (один изогнут) происходят из могильника Аюде трансильванской группы памятников скифского времени. Они имеют две петли для ремней с одной стороны стержня и одну (для крепления удила) — с другой. А.И. Мелюкова не считает возможным соотнести их со скифскими образцами (Мелюкова А.И., 1989, с. 87, табл. 28, 21, 24).

Авторы большинства публикаций относят подобные варианты железных двухпетельчатых псалиев, часть из которых встречена с выразительным инвентарем, к концу VI—V вв. до н. э.

Особый интерес представляет находка уплощенных двудырчатых псалиев с небольшими петлями в комплексе кургана у х. Шумейко (1899 г.) с изображениями на концах головки коня и копыта. Они выполнены по типу костяных трехдырчатых раннескифских с таким же оформлением концов (здесь обнаружены еще 19 экземпляров железных удил, из которых 18 имели костяные псалии вышеупомянутого типа с небольшими петлями и без них) и, по мнению В.А. Ильинской, представляют переходную форму от ранних к более поздним. Она отнесла их, как и весь комплекс вещей кургана, к концу VI в. до н. э. (Ильинская В.А., 1968, с. 44, с. 107—108, рис. 24).

Для царевского псалия может быть предложена дата в рамках второй половины (конца) VI—V вв. до н. э. Она вполне вероятна, поскольку для Поволжья, как предскифского, так и скифского времени, мы не можем пока констатировать развития самостоятельных форм уздечных принадлежностей. В ряде случаев оригинальный художественный стиль в оформлении вещей, характерный для Нижнего Поволжья в скифское время, является такой же инновацией, как и в других регионах, но он не может быть объяснен логикой внутреннего развития, так как здесь мы пока не знаем памятников, соответствующих раннескифским курганам Северного Кавказа, лесостепного Приднепровья и ряда районов юга Западной Сибири и Средней Азии.

В результате раскопок курганов в окрестностях Царевского городища, которые велись с начала 70-х годов, получен очень большой по объему материал. Хронологический диапазон его весьма широк: от эпохи энеолита (вторая половина IV тыс. до н. э.) до Золотой Орды. Была создана подробная культурно-хронологическая колонка указанного микрорегиона, полностью выяснена динамика его этнокультурного развития, реконструированы экологические условия обитания здесь древних и средневековых племен. В дальнейшем работы, видимо, следует сконцентрировать на самом городище и окрестных поселениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Безуглов С.И., 1997. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Азов.

Вальчак С.Б., 1997. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с трехплетельчатыми псалями (классификация и хронология) // Древности Евразии. М.

Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1977. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. // Древности Астраханского края. М.

Иессен А.А., 1953. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР // СА. Вып. XVIII.

Ильинская В.А., 1968. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1976. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата.

Мелюкова А.И., 1989. Скифообразные памятники в средней Европе. Трансильванская группа памятников // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. (Археология СССР.)

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101.

Халиков А.Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII—VI вв. до н. э. М.

Членова Н.Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.

Эрлих В.Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.

SUMMARY

THE EXCAVATIONS OF KURGANS NEAR TSAREV VILLAGE

I.V. Sergatskov, V.V. Dvornichenko, V.M. Klepikov

In 1999 the joint expedition of Volgograd State University and the Institute of archaeology of Russian Academy of Science excavated kurgans at the surroundings of Tsarev village. The digs on the Malyaevka V cemetery began in 1998 and have been finished this year. Kurgan 11 was made in the Bronze Age (beginning of the II millennium BC). The latest graves belong to the medieval times (XIII—XIV centuries). Kurgan 15 is dated to the Late Sarmatian period (the second half of the II — beginning of the III centuries AD).

The graves of the Kolobovka III cemetery mainly belong to the Sarmatian epoch (I—III AD). The most interesting items are those from the kurgan 1: iron sword with a chalcedony hilt and silver horse harness. They are dated to the second half of the II — first half of the III c. AD.

There is a casual finding of the great interest, which was given to us by a dweller of Malyaevka village. It is a bronze cheekpiece of original construction. It should be dated to the second half of the VI — beginning of the V c. BC.

ПОГРЕБЕНИЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ХУТ. КРАСНОАРМЕЙСКОГО

Л.С. Ильюков

Кочевые племена, населявшие левобережье Нижнего Дона в VII—IV вв. до н. э., не оставили здесь компактных могильников. Как правило, погребения этого периода в исследованных к настоящему времени могильниках представляют собой вкрапления среди разновременных захоронений. Нередко это впускные захоронения в более древние курганы. Эта особенность данного региона в какой-то степени отражена и в самих погребальных комплексах, в их «индивидуальности». Один из таких комплексов был обнаружен в курганном могильнике, расположенном в нескольких километрах к юго-востоку от х. Красноармейского Мартыновского района Ростовской области, на землях совхоза «Кировский».

В могильнике Кировский I в 1981 г. в кургане бронзового века в юго-восточном секторе были обнаружены два захоронения (8, 9) в одной могильной яме. В заполнении этой ямы на глубине 0,75 м¹ зафиксирован плохо сохранившийся скелет ребенка, частично разрушенный во время зачистки могильного пятна скрепером. Инвентарь отсутствовал. Эти останки описаны как погребение 6 (Максименко В.Е., 1983).

Могильная яма имела овальную форму, длинной осью ориентирована по линии СЗЗ—ЮВВ. В яме обнаружены два скелета, разделенные прослойкой земли толщиной 0,1 м. Верхний скелет — женский (в научном отчете — погребение 8), нижний скелет — мужской (в научном отчете — погребение 9) (Ильюков Л.С., 1981). Размеры ямы на уровне погребения 8: 2,05 × 1,00—0,90 м, у дна западная стенка и часть южной были слегка подтесаны, размеры ямы по дну (погребение 9): 2,10 × 0,95 м.

Погребение 8. Расположено на глубине 1,17 м. Женщина 20—25 лет² была захоронена в вытянутом положении на спине, головой ориентирована на З. Руки слегка полусогнуты, лежали вдоль туловища. Ноги вытянуты (рис. 1а).

Под черепом найдена кольцевидная стеклянная бусина серого цвета. Ее диаметр 0,7 см (рис. 2, 4). Еще две одинаковые стеклянные бусины белого цвета диаметром 1 см найдены у левой височной и теменной костей (рис. 2, 3), третья аналогичная бусина обнаружена у левого локтя.

Около левой руки, у стенки могилы, стоял лепной горшок с носиком в виде короткой трубочки. Горшок имеет отогнутый венчик, яйцевидное тулово, плоское дно. Носик-слив прилеплен ниже венчика к плечикам, в плане он овальный, его размеры: 3,0 × 3,2 см. Поверхность горшка бугристая, черного цвета, в тесте примесь шамота. Высота сосуда — 15,7 см, диаметр устья — 11 см, наибольший диаметр тулова — 14,3 см, дна — 8,5 см (рис. 2, 1).

В горшке обнаружена кольцевидная стеклянная бисеринка светло-серого цвета, ее диаметр — 0,3 см (рис. 2, 2). Здесь же найден обломок створки речной раковины перловицы.

У изголовья погребенной, в северо-западном углу, расчищены кости овцы: ребра, лопатка, часть тазовой, бедренная, берцовая, кости стопы — задней правой ноги. Особь не старше двух лет.

Погребение 9. Расположено на глубине 1,43 м. Мужчина 30—35 лет был похоронен вытянуто на спине, головой на СЗЗ. Руки и ноги вытянуты (рис. 1б).

На левом бедре наискосок лежал железный меч с овальным брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. На поверхности массивной рукояти сохранился рыжеватый тлен, след обмотки рукояти кожаной лентой (?). Длина меча — 47,5 см, длина клинка — 34,7 см (рис. 2, 9). Вероятно, меч был «пристегнут» к поясу. Рядом с ним около бедренной кости найдена бронзовая усеченно-коническая ворворка, имеющая слегка вогнутые стенки и рваное отверстие в средней части стенок. Высота предмета — 2,6 см, наибольший диаметр — 2,5 см (рис. 2, 6).

¹ Все глубины указаны от вершины кургана.

² Антропологические и остеологические определения выполнены Е.Ф. Куркиной (Батиевой).

Около левого плеча обнаружен небольшой фрагмент верхней части бронзовой булавки, в стержне которой расположено круглое отверстие диаметром 0,5 см. Один конец ее прямой, с небольшим углублением, другой — фрагментирован. Стержень имеет круглое сечение. Сохранившаяся длина предмета — 2,4 см (рис. 2, 8).

Около булавки найден бронзовый трехлопастный наконечник стрелы. Остальные наконечники стрел находились между костью левого предплечья и северной стенкой ямы. Вероятно, в могилу поперек груди умершего был положен колчан со стрелами. В колчаный набор входили бронзовые и железные наконечники стрел.

Бронзовые наконечники стрел:

а) двухлопастный, с длинной ромбической головкой и короткой выступающей втулкой, имеющей боковой шип, длина наконечника — 4 см (рис. 2, 10);

б) два трехлопастных, втульчатых, с длинной приостренной головкой и выступающей втулкой, длина наконечника — 3,1—2,7 см (рис. 2, 11, 12);

в) трехлопастный, втульчатый, с короткой приостренной головкой и длинной выступающей втулкой, длина наконечника — 2,6 см (рис. 2, 13);

г) миниатюрный, трехлопастный, втульчатый, со скругленной головкой и выступающей втулкой, длина наконечника — 1,6 см (рис. 2, 16);

д) трехлопастный, с длинной приостренной головкой и внутренней втулкой, длина наконечника — 2,7 см (рис. 2, 14);

е) трехлопастный, с короткой приостренной головкой и внутренней втулкой, длина наконечника — 1,1 см (рис. 2, 15).

Железные трехлопастные наконечники стрел с длинной втулкой и приостренной длинной и короткой головкой, преобладают последние. Длина наконечников — 3,7 см (3 экз.), 2,8 см (29 экз.) (рис. 2, 17—19).

Всего было 39 наконечников стрел.

Около северной стенки ямы, восточнее наконечников стрел, лежал фрагментированный железный нож с прямым лезвием и острым концом, массивный черенок рукояти слегка выделен, двумя заклепками к его поверхности крепились деревянные обкладки. Длина ножа — около 23 см (рис. 2, 7).

У северной стенки могилы расчищены кости лошади: ребра, позвонки, лопатка, кости передней ноги, особь старше 5 лет. На костях лошади лежали кости двух овец: реб-

ра, позвонки, две левых лопатки, три плечевых и две лучевых, особи не старше четырех лет.

В ногах был поставлен лепной горшок с отогнутым венчиком, асимметричным яйцевидным туловом, широким плоским дном. Поверхность стенок грубо заглажена, снаружи они серо-коричневые с черными пятнами, изнутри — черные. В тесте примесь шамота. Высота сосуда — 24,5 см, диаметр устья — 14 см, наибольший диаметр тулова — 20,5 см, дна — 11,5 см (рис. 2, 5).

Несомненно, в одной могильной яме два яруса погребений — женское и мужское, их следует рассматривать как погребальный комплекс с подзахоронением. Действительно ли, безынвентарное детское погребение, найденное в верхней части заполнения описанной могильной ямы, было каким-то образом связано с нижележащими погребениями — неясно. Инвентарь, сопровождавший останки женщины и мужчины, не противоречит тому, чтобы рассматривать оба погребения в рамках одной культурно-хронологической группы.

Погребальное сооружение — простая могильная яма, и поза погребенного (на спине вытянуто, головой на запад) типична для погребений раннего железного века Нижнего Дона (Максименко В.Е., 1983, с. 53—58). Необычным является ярусное размещение погребенных, что было обусловлено ритуалом подзахоронений. На Нижнем Дону в раннесавроматский период могильные ямы чаще подквадратные или широкие прямоугольные, реже узкие или имеющие подбой в длинной стенке (Максименко В.Е., 1983, с. 53; Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1991, с. 193; Ильюков Л.С., Лукьяшко С.И., 1994, с. 58).

Лепные сосуды с трубчатым носиком-сливом выделены К.Ф. Смирновым в VI отдел савроматской посуды в памятниках Поволжья и Южного Приуралья (Смирнов К.Ф., 1964, с. 113, рис. 66, 2, 8). Подобные заволжские горшки датируются VI в. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1964, с. 169). Лепные горшки с яйцевидным или биконическим туловом были широко распространены у кочевников савроматского круга в VII—V вв. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1964, с. 112; рис. 64).

Только в мужском погребении найдены остатки жертвенной пищи: кости коня и овец.

Железный нож с прямым лезвием и острым концом — частая находка в комплексах скифо-савроматского времени.

Прямым аналогом булавке из кировского погребения является железная булава, найденная в кургане 1 Нартанского могильника (Батчаев В.М., 1985, с. 20, табл. 11, 3).

Меч относится к отделу I типу 2 скифских мечей с брусковидным и бабочковидным навершием. Он ближе к мечам, у которых большая часть длины лезвия имеет параллельные лезвия (с. Кулешовка, курган 425) (Мелюкова А.И., 1964, с. 49, табл. 16, 8). Большинство таких мечей относится к архаической эпохе скифской истории. Рубежом VI—V вв. до н. э. или началом V в. до н. э. датируется кулешовский меч (Мелюкова А.И., 1964, с. 50). Многие мечи этого типа, обнаруженные на территории савроматов, К.Ф. Смирнов датирует VI—V вв. до н. э. (Смирнов К.Ф., 1961, с. 11—12).

Высокая бронзовая ворворка с вогнутыми стенками, по-видимому, украшала конец шнура, которым завязывался пояс. Аналогичные ворворки происходят из погребальных комплексов V в. до н. э. в междуречье Дона и Волги (Смирнов К.Ф., 1964, рис. 12, 46). Обычно стенки ворворок прямые, без рваных отверстий в боку (Максименко В.Е., 1983, рис. 52, 12).

Особого внимания заслуживает комплект наконечников стрел.

Бронзовые наконечники разнообразные. Один из них с ромбической головкой и шипом. А.И. Мелюкова выделяет такие наконечники стрел в отдел архаических скифских бронзовых наконечников: отдел I, тип 1, вариант 1 (Мелюкова А.И., 1964, табл. V). Они иногда встречаются в комплексах VII—VI вв. до н. э. (Мелюкова А.И., 1964, с. 18). Подобные наконечники есть в нартанских курганах 20, 21, которые датируются VI в. до н. э., (Батчаев В.М., 1985, с. 52, табл. 48, 25; 51, 1), в комплексах VII в. до н. э.: Енджи (Галанина Л.К., 1995, рис. 3), в Краснознаменском кургане 9 (Галанина Л.К., 1995, рис. 3; 1997, с. 106—108). Они известны среди наконечников Бельского городища (Шрамко Б.А., 1975, рис. 10, 2—5). В то же время этот архаичный тип наконечников не представлен в таких больших колчаных наборах, как новоалександровский (курган 7, погребение 8) (Коренько В.А., Лукьяшко С.И., 1982, рис. 9; 10), хапровский (курган 1, погребение 25) (Максименко В.Е., 1983, рис. 9). А.И. Мелюкова в своей работе по проблемам датирования стрел келермесского типа отметила, что есть основания, позволяющие «допускать возмож-

ность более длительного употребления стрел келермесского типа, по крайней мере, до середины VI в. до н. э.» (Мелюкова А.И., 1998, с. 111).

Остальные шесть бронзовых наконечников — трехлопастные, по классификации А.И. Мелюковой, подразделяются на три типа: отдел II тип 5, 6, 10, относятся ко второй хронологической группе (вторая половина VI — первая половина V в. до н. э.) скифских бронзовых наконечников стрел (Мелюкова А.И., 1964, с. 21, табл. V, рис. 1).

Железные наконечники стрел однотипные: трехлопастные, с длинной втулкой, различаются размерами. В колчанном наборе их 32, то есть почти в пять раз больше, чем бронзовых. На территории Нижнего Дона этот тип наконечников появляется в VI в. до н. э. (Лукьяшко С.И., 1994, с. 100).

Несомненно, для поражения различных целей предназначались стрелы с различными наконечниками. Вероятно, отсюда проистекают различия между наконечниками стрел как по материалу (бронза, железо, кость), так и по форме. Колчан, наполненный стрелами с бронзовыми и железными наконечниками, в некотором роде представлял собой символический перечень тех целей, которые душа умершего человека должна была поразить (преодолеть) во время своего путешествия по загробному миру. Кстати, среди символических даров, полученных персидским царем Дарием от скифов, были пять стрел, которые красноречиво говорили: «Вы не вернетесь назад, поражаемые вот этими стрелами» (Геродот, IV, 132). В низовьях Дона в одной из скифских катакомб IV в. до н. э. из Царского могильника был прослежен интересный ритуал: в ступенчатом колодце, не разрушенном грабителями, на каждой ступеньке лежал бронзовый наконечник стрелы. По-видимому, здесь во время забрасывания землей катакомбного колодца совершался ритуал, в котором стрела играла особую, магическую роль (Ильюков Л.С., 1993, с. 84).

В целом описанное погребение могильника Кировский I датируется VI в. до н. э., возможно, VI—V вв. до н. э. Оно близко к группе погребений, выявленных на левобережье Нижнего Дона. По мнению Е.И. Беспалого и И.Н. Парусимова, эти погребения были оставлены скифами, вернувшимися в восточноевропейские степи из походов в Переднюю Азию (Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1991, с. 194).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик.

Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1991. Комплексы переходного раннескифского периода на Нижнем Дону // РА. № 3.

Галанина Л.К., 1995. Раннескифские стрелковые наборы из Келермесских курганов // АСГЭ. Вып. 32.

Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.

Илюков Л.С., 1981. Отчет об исследовании археологических памятников в Мартыновском районе Ростовской области в 1981 году. Архив ИА РАН. Р-1. № 8867.

Илюков Л.С., 1993. Скифские курганы Северо-Восточного Приазовья // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. Вып. 11. Азов.

Илюков Л.С., Лукьяшко С.И., 1994. Новые памятники скифского времени на Нижнем Дону // Донские древности. Вып. 2. Азов.

Кореняко В.А., Лукьяшко С.И., 1982. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА. № 3.

Лукьяшко С.И., 1994. Погребения V в. до н. э. на правобережье Нижнего Дона // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1983 году. Вып. 13. Азов.

Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1—4. М.

Мелюкова А.И., 1998. К вопросу о датировке раннескифских стрел // Музейні читання. Киев.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.

Шрамко Б.А., 1975. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон // Скифский мир. Киев.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Могильник Кировский I, курган 8:

а — погребение 8: 1—3 — бусины, 4 — бисеринка, 5 — сосуд, 6 — кости животного; б — погребение 9: 1 — булава, 2, 3 — наконечники стрел, 4 — кости животных, 5 — ворворка, 6 — меч, 7 — нож, 8 — сосуд.

Рис. 2. Инвентарь из погребения 8: 1 — сосуд, 2—4 — бусы.

Инвентарь из погребения 9: 5 — сосуд, 6 — ворворка, 7 — нож, 8 — булава, 9 — меч, 10—19 — наконечники.

1, 5 — глина, 2—4 — стекло, 6, 8, 10—16 — бронза, 7, 9, 17—19 — железо.

SUMMARY

A GRAVE OF THE EARLY IRON AGE FROM THE SURROUNDINGS OF THE VILLAGE KRASNOARMEYSKY

L.S. Ilyukov

The article deals with the materials from a grave excavated on the Kirovsky I cemetery which is situated on the left bank of the Lower Don. The grave dates to the 4th c. BC and probably belongs to the Scythians who returned from their campaign to the Near East.

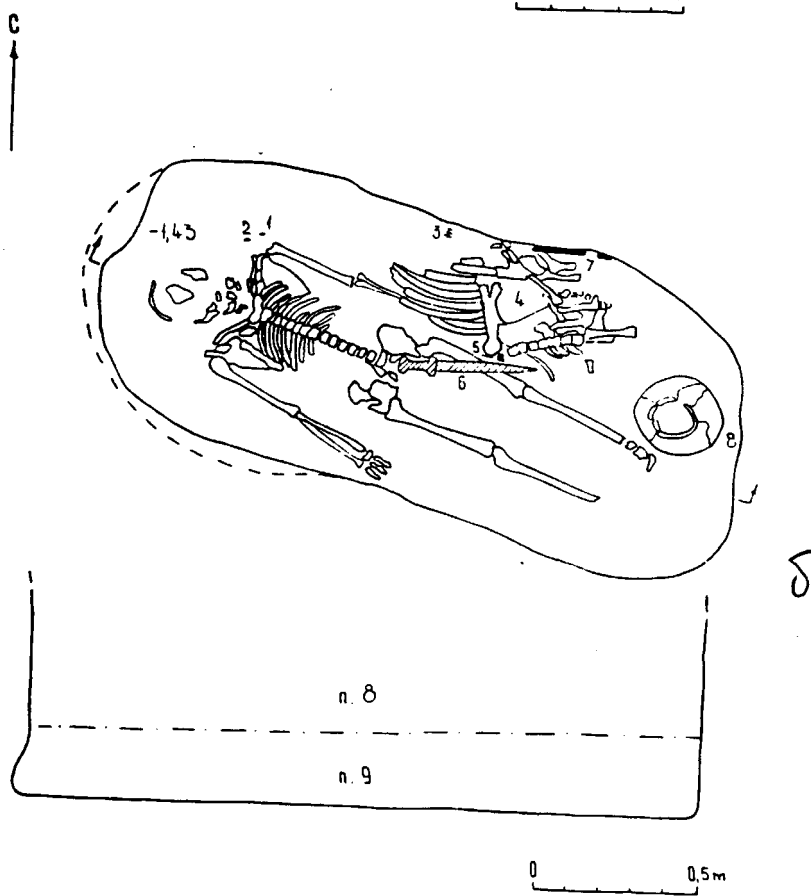
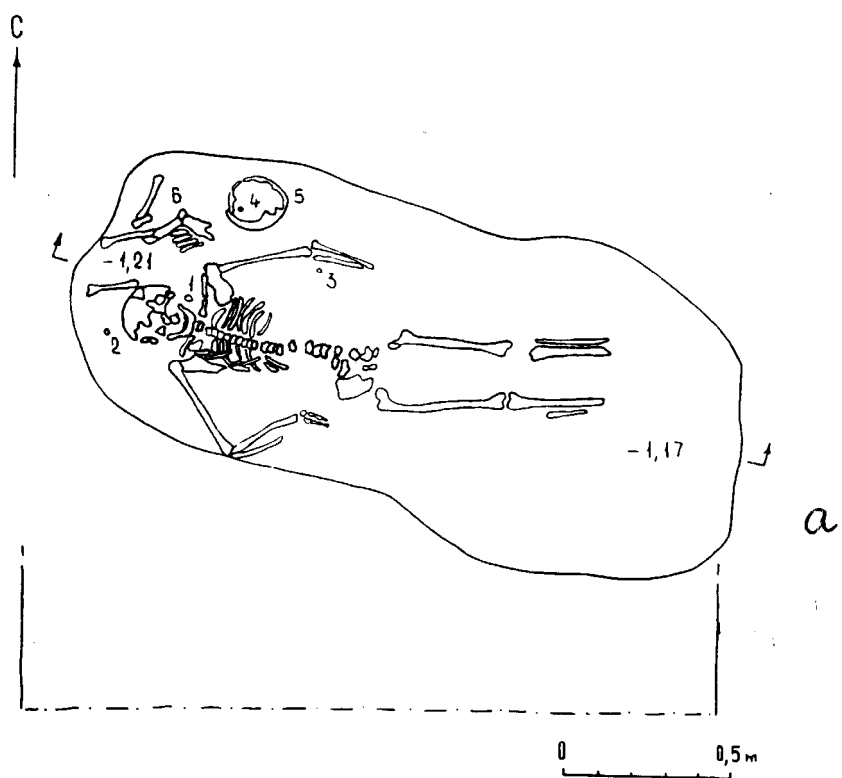

Рис. 1

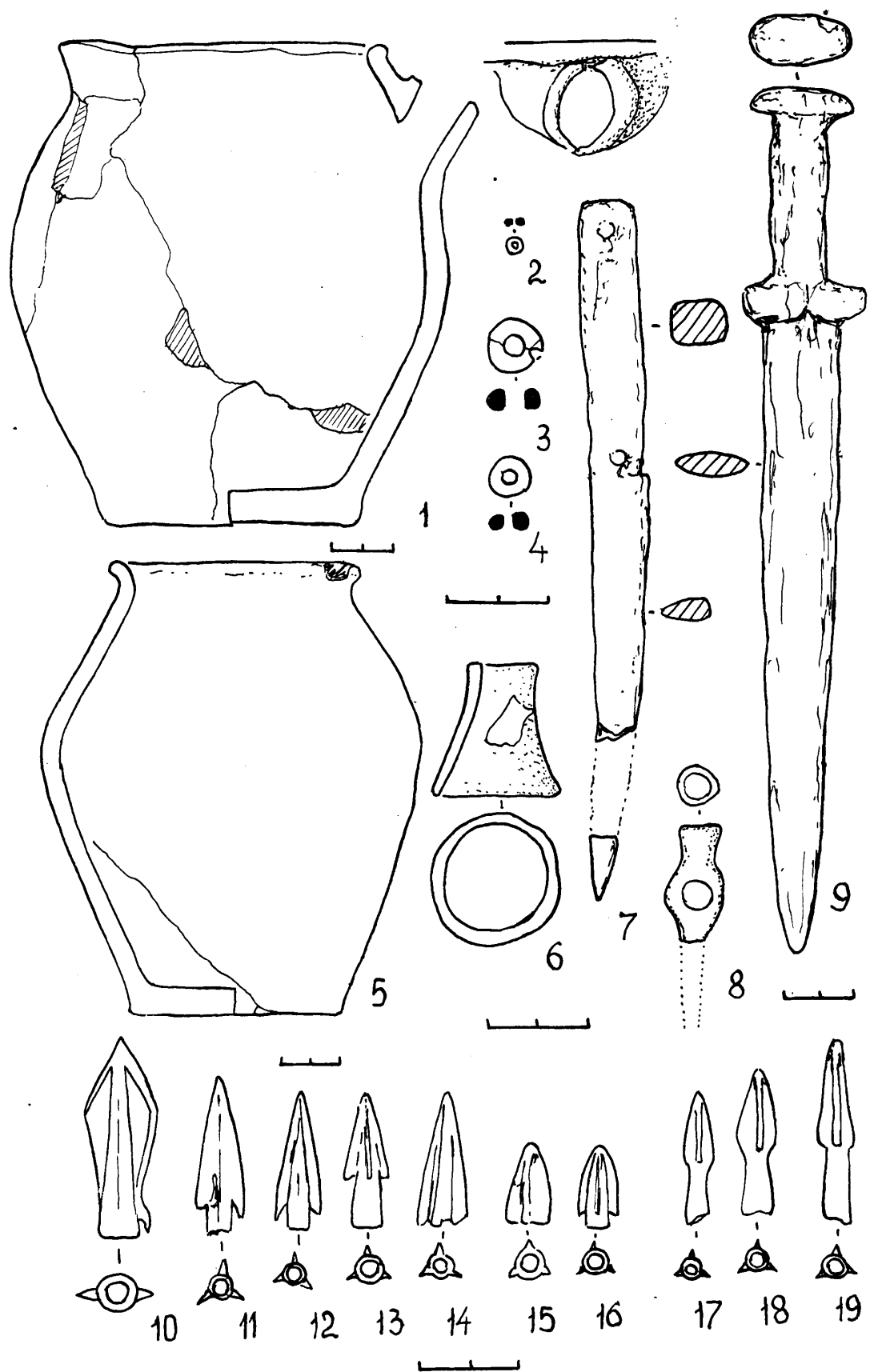

Рис. 2

THE SOUL OF THE COMPANY

Robert Kathcart, Randall Schaefer, Lindsay Peters

To find one's position in one's own society is often a difficult task. To find your position in another culture is even more difficult, especially if you neither speak the language nor know the roles you are supposed to portray within that society. Growing up in the 1980's, Russia (rather the Soviet Union, as it was then called), was referred to by the American President Ronald Reagan as the «evil Empire». Since we were very young, we were taught that Russia is America's number one enemy with the imminent threat of global nuclear catastrophe. We were also taught that Russian people were expressionless and disliked Americans. Unfortunately, this propaganda was the medium through which we were presented with an infinitesimal amount of information about Russia. Did we really have to be so concerned that these people and their «evil» system of government were really going to blow up the world?

It is now the late 1990's. No longer does the shadow of the Cold War haunt us with its threat of a nuclear holocaust. Three American university students are presented with the opportunity to travel to Russia to participate in an archaeological exchange program with Volgograd State University. As anthropology students, we were overwhelmed by this rich and rare opportunity.

In the decision to undertake this journey, we could not anticipate that the physical realm of archaeological expeditions into Russia's past would become a metaphor for our own ethnological excavations into the «soul» of Russian people, particularly the group of Volgograd State university students with whom we became intimately connected over the course of two expeditions. Each successive day of archaeological excavations led to new discoveries as we progressively uncovered layer after layer of history. Metaphorically, our anthropological excavations uncovered successive layers, leading us to, as one Russian student so eloquently phrased it, the «soul of the company».

The primary focus of this paper is on the metaphorical excavations into the «soul of the company» and the underlying meanings of this concept, not the actual archaeological excavations into the early history of the Russian steppes. At what point does one become part of the «soul»

of a company? Is it the point where one ceases to be an outsider, or even a guest, and becomes a member of a group of people? When and how did we cross this subtle, yet dramatic line between outsider and insider?

First, it is important to explain what is meant by company. In camp, the term «company» is used to encompass only those individuals involved in the archaeological expeditions. More specifically, company refers to the students and their relationships that develop over a few weeks in the intimate setting of camp life.

Becoming part of the «soul» of any collective requires one to bare aspects of one's own soul. This is not an immediate process, but one that takes time and is filled with a certain amount of trepidation, as you are journeying into the unknown. When undertaking such an expedition, it is necessary to have a guide to help you on your journey. In our case, one of our primary guides on this expedition was the son of Alexander Ivanovich Kubyshkin, Maxim Alexandrovich Kubyshkin. It is impossible to understand anything, let alone the «soul» of something without a successful translator to bridge the language barrier. Max proved to be not only an adept translator, but also a great guide in our initial exposure to Russian culture. Whether it was through his efforts to introduce us to Russian students, explaining and exposing us to aspects of their lives and the conditions under which they live, or taking us out into the early hours of the morning to experience Russia to the fullest, Max proved to be instrumental in our initial breakthroughs into the company of Russian students. Without his early introduction and his attempts to prod us into experiencing many aspects of Russian life, we never would have had such a rich experience. He also gave insight into the difficult role of being a translator/guide and we take this opportunity to thank him for his patience, donation of his time, and all of his efforts.

We met Max upon our arrival in Volgograd. He accompanied us during our tour of the Kalmyk region, and then to the first archaeological expedition camp where he immediately set out to introduce us to the students. Upon his departure, a sense of nervousness filled us as we wondered how we would get by without his assistance. He was integral in exposing us to the

Russian soul, long before we were even introduced to the term. Now, in this first camp, we would be left to our own devices with a new, female translator.

Our first impression of Anna Alexandrovna Dyachenko taking over the role of translator in student company was one of slight worry that the experience would not be the same now with Max gone. Our sense of hesitation and trepidation quickly turned to admiration as Anya proved to be not only a phenomenal translator, but also an extremely important link in our efforts to fit into the company of the Russian students. She also proved to be charming, intelligent, dedicated, and above all, she presented the necessary female dimension of the soul of the company.

One of the difficulties that presented itself early on was trying to decide what our roles should be. The question arises as to whether or not one should conform to the culture that one is participating in, or maintain our own American individuality. Our experience led us to the realization that it is a combination of both. Without sacrificing who we were, it was necessary to integrate ourselves to the greatest extent, adding parts of our American selves to this collective soul.

Becoming a part of the soul of the company requires going through a process of welcoming ceremonies, testing, initiation rites, and finally expressions of friendship. Our initial welcome occurred shortly after we arrived at the expedition camp along the Actaba river. With Max's assistance, a small gathering in one of the American tents was arranged. Our own discomfort was fortunately masked by the discomfort of having so many people in one tent. Max led the conversations, as all of us seemed to stumble while taking these first steps. The students held a «disco» on the beach and invited us along the following evening. As soon as we arrived, Randall and Rob were pulled aside by some of the men to share some drinks and conversation. The situation was slightly intimidating (no translator), but the Russian students presented themselves as very inquisitive and hospitable. We were also impressed by their English skills, particularly in comparison to our feeble, and for the most part, non-existent Russian skills. This first meeting seemed to be not only a welcoming into the company, but also a test for us in an effort to «feel us out». As the evening and conversation progressed, everyone felt at ease. It was a good beginning.

As the days passed, it became necessary for us to make concerted efforts to integrate

ourselves into the student company. One of the first ways that we accomplished this task was to ride on the expedition bus with everyone else. On our first two days in camp, out of hospitality, we were picked up separately and taken to the site. We spoke to our professor about this and how it made us feel even more out of place. Riding on the bus with everyone else would give us a sense of being part of the expedition. In doing so, it became readily apparent how connections can be made when one has to share such close physical proximity with so many others on a daily basis. Initially, we were also offered different food in camp, to which we graciously declined. We were students in camp and wanted to be treated like all others.

We also began to take part in as many student activities as we could. Life and entertainment in an archaeological camp are, let us say, interesting. The Russian students definitely did not lack any creativity in their efforts to enjoy themselves while on expedition. Whether it consisted of participating in a camp wedding, celebrating the day of King Neptune, or riding in Old 66 to the village to get milk for the camp, these forays with the students became very important in establishing friendships.

The first expedition drew to a close and the final phase of it was the initiation into the brotherhood of archaeology for First Year and American students. This task was performed by the older students in camp and proved to be an extremely humorous finale to the first expedition, as any student involved can attest. At last, we became part of the brotherhood of archaeology, sharing this honor with our Russian counterparts, but had we yet become part of the soul of the company? At this point, we do not believe so, but we had taken some necessary steps to achieving a certain level of intimacy, uncovering several layers of each other. Layers were progressively uncovered through the sharing of thoughts, feelings, and ideas regarding not only archaeological work, but also through the sharing of culture, such as music. However, it took the second expedition to firmly cement the connections that we had made on the first expedition.

The second expedition on the Don River secured our feelings of being a part of the soul of the company. This camp was quite different from the first one as most of the students were already known to us and the small population proved to be more intimate. We had already connected with these students by sharing in work, play and the other rigors of camp life. Now it was time to connect on another level. Our first

move in making ourselves part of the student company was to choose to camp in the same area with them, segregated from the professors. In the first expedition camp, our camping spot was chosen for us, near our professor. As evening fell on camp, the segregation between Russian students and professors became more apparent as they gathered at their respective ends of camp for evening festivities. In order for us to become fully integrated, placing our tents on the student side during this second expedition was important to us for establishing closer friendships. We also helped with the operation of the camp from the beginning, as this work helped us to feel that we were not Americans, but students living in the camp. Spending time with the Russian students became our primary occupation, whether it was joking about «having a rest» on site, going for walks in the evening to look at the stars, or just hanging out by the fire enjoying each others' company.

It was during this expedition that we experienced the final phase of our integration, achieving friendship. In order for this to be successfully accomplished, we were required to learn some rules about life in camp. This would help us to mentally, and spiritually, join in the soul of the company and would also give us a criterion to gauge our adaptation to the intimate social setting of camp life.

First and foremost, every student must be a member of the student group in camp. By this, it is meant that all students must perform their duties to benefit the camp and must care for and help any other student. Each student in camp must demonstrate in his character that he is willing to help out and be a friend to all other students in camp. Students must perform their fair share of the work necessary in camp and on excavations. Students can pretty much do what they want in camp, but they must be attentive to others and what they do in camp must not be detrimental to anyone else in camp. This idea was eloquently summed up in the phrase, «if you want to scream, do not scream in camp, do it on the mountain».

A rule which took some adjustment was that boys must at all times and in all places help the girls in camp in whatever they ask. On the excavations, men generally performed the heavy excavation, while women did the cleaning and brush work. In camp, women did the cooking, while men took care of such tasks as cutting firewood and building the camp. Rob and Randy had to adjust to this, as we are used to working in an environment in which men and women

do the same work. It took some time for us to accept the fact that the women would be doing a lot of watching the excavations. For Lindsay, there was also an adjustment to the female role. Initially, she tried to prove that she did not need to conform to the «submissive» female role and could get by without anyone's help. She ceased to be threatened by the change after she began to view the roles as signs of affection between males and females rather than a symbol of patriarchy. These were strong and independent women living by a different set of standards and rules.

We met these qualifications for life in camp, so now how were we to judge whether or not we had become a part of the «soul of the company»? Two final experiences are important. The first is that during this second expedition, we were invited to share in something personal with the students. One evening, the entire student camp spent the night celebrating the one year anniversary of Zhaina and Lena, a student couple. All of the students were very excited about this and there were many toasts and rounds of drinks to celebrate the occasion. Sure, we had participated in many activities with the students before this, but this one was of a distinctly personal nature. We were invited to celebrate the anniversary of these two students, not just because we were part of the camp, but because we were considered to be part of the company. They wanted us to share equally in their happiness, along with the rest of their friends. How do we know this? Well, the American students were given the honor of toasting these students on this special occasion. As we had learned, toasting is an honor and a responsibility. It is the fact that they had us actively participate in their celebration that demonstrated that they considered us to be a part of their group.

The second experience is that after we finished each expedition and returned to Volgograd, students came to see us off and say goodbye. This was important for us because it demonstrated that they truly enjoyed our company and not just a feeling of obligation to hang out with us. As we toasted to the times that we spent together and to our departure, all of us felt a tugging inside: we felt connected to the «soul of the company».

In summary, becoming a part of the soul of the company was a process that led us to examine not only Russian culture, but also our own American culture. The individualistic American mind set was forced to change to adapt to the new situation of a collective environment. Life in camp was far from easy, but it was not with-

out its excitement. It would have been so easy to complain and bemoan the fact that we had to do without a lot of the comforts of home, but after a short time none of that mattered. Doing without was not an issue. Perhaps we were testing our own endurance. Did our American competitiveness have something to prove? Were we trying to show that we could do it? Yes, to some extent, and our efforts received compliments on several occasions. Many of the Russian students and professors were impressed with our adaptability. But proving ourselves was not our primary goal and as we spent time in the atmosphere of camp, our primary goal became to join in the soul of the company.

Becoming a part of the camp collective was also a learning process. The image of the «evil empire» was quickly destroyed as the Russian students demonstrated that we were very welcome in their company. Russian students also presented themselves as some of the most dedicated students, eager to succeed in their country currently filled with hardships. On the individual level, no crisis will beat down their Russian souls. In regards to ourselves, we learned the benefits of sharing what one has, not only physical items, but also our personal thoughts, feelings, and ideas. In the environment of an expedition camp, the individual is not going to survive and have a rich experience in trying to get by without others. One must learn to see the expedition as a collective effort, running efficiently only when everyone does their part. The experience also proved to be invaluable in changing some of the preconceived notions that we had about the Russian people. We also learned that despite having gone through so much turmoil in her history, Russia still welcomes others. Not with a look of disdain, but with a intense

gaze that says there is always room for someone else in the «soul of the company».

Special Thanks

We would like to say some special words of thanks to some of the individuals that we were privileged to know:

Anatoly Stepanovich Skripkin: Thank you for making this possible for us. You have presented us with several examples of why your students and colleagues consider you to be a professor of the finest caliber.

- Alexander Ivanovich Kubyshkin: Sasha, we will never be able to fully express our thanks for all of your efforts during our sojourn in Russia.

- Alexander Nikolayevich Dyachenko: Thanks for allowing us to work under your guidance on the expeditions.

Students:

- Max: Without you, we definitely would have gotten lost. Thanks for everything.

- Anya: To one of the most beautiful people we were privileged to meet, thank you for your insights and all of your efforts.

- Zhaina: Rob will never be able to look at frogs again without thinking of the time spent together.

- Lena: Thanks for enduring our escapades.

Lastly, a most sincere thanks to all of the Russian students that showed us the true Russian soul. We will never forget you. Special thanks to the following:

- Misha and Dima: Thanks for the long nights. We are glad we all survived.

- Crazy Andrei, Alexi, Ludmilla, Gosha, Igor, Olga, Irena, Kate and Sveta for teaching us Russian words, Kostik, Nastia, Sergei, Stas, and everyone else: Thanks for the experience.

ДУША КОМПАНИИ

Роберт Каткерт, Рэндал Шефер, Линдсей Петерс

Трудно приобрести значимость и положение в обществе, а приобрести значимость в незнакомой тебе культуре — еще сложнее. В 80-е годы Р. Рейган назвал Советский Союз «империей зла». Тогда мы воспитывались в духе неприязни к России. Нам внушали, что русские терпеть не могут американцев, и подобная политическая пропаганда была, к сожалению, единственным источником информации о России.

Однако теперь, в конце XX века, нет оснований опасаться «холодной войны» и ядерной катастрофы. Трем американским студентам была предоставлена возможность участвовать в совместных русско-американских археологических исследованиях.

Собираясь в путешествие, мы не могли даже предположить, что экспедиция в историческую реальность станет метафорой наших собственных исследований духовной сущности русского народа. Образно говоря, антропологические раскопки постепенно приводили нас к пониманию того, что один из русских студентов метко обозначил как «душа компании».

Этому понятию и его скрытым значениям мы и уделяем основное внимание в эссе. Когда человек становится частью компании? Происходит ли это тогда, когда индивид перестанет быть чужаком или даже гостем и становится членом социальной группы? Когда же и каким образом удалось нам пересечь эту тонкую, едва не драматичную границу между «своими» и «чужими»?

Отправляясь в экспедицию, мы нуждались в гиде, который смог бы дать нам первое представление о русской культуре. Таким человеком стал для нас Макс Кубышкин. Он замечательно исполнял роль переводчика-гида, и мы, пользуясь возможностью, благодарим его за терпение, затраченные усилия и за время, проведенное с нами. Макс существенно помог нам в постижении «русской души» еще прежде, чем мы узнали это выражение.

После отъезда Макса нашим переводчиком стала Анна Александровна Дьяченко. Сначала мы не были вполне уверены, что наш культурный опыт будет по-прежнему обогащаться новыми впечатлениями. Но

наши сомнения и беспокойство быстро сменились восхищением, так как Анна не только проявила себя как феноменальный переводчик, но также стала важным связующим звеном в наших усилиях внедриться в компанию русских студентов.

Сначала нам было трудно определить свои роли в новом обществе. Главная проблема заключалась в следующем: стоит ли нам подчиниться культуре, в сфере которой мы находимся, или лучше сохранить нашу американскую индивидуальность. Наш опыт показал, что наиболее разумным является сочетание этих двух позиций.

Чтобы стать частью компании, необходимо пройти через долгий процесс различного рода церемоний, испытаний, ритуалов и, наконец, выражений дружеской привязанности. Наше знакомство с жизнью экспедиции произошло на берегу реки Ахтубы. В первых попытках познакомиться с окружающей нас действительностью нам очень помогли русские студенты. Кстати, нас поразило то, что многие могли изъясняться на английском языке. Это резко контрастировало с нашими слабыми попытками разговаривать на русском.

Дни шли, и нам было все более важно включиться в студенческую компанию. Мы решили жить и работать на равных с русскими студентами. Мы также старались принимать участие во всех творческих мероприятиях, которыми полна жизнь археологов.

Донская экспедиция подтвердила, что мы не только приобщились к экспедиционной жизни, но и стали частью студенческой компании. Прежде всего, в этом нам помогло то, что мы стали жить на существенном расстоянии от палаток преподавателей. Живя по соседству с другими студентами, мы приобретали столь необходимые нам дружеские связи.

Чтобы стать частью археологического коллектива, важно соблюдать определенные правила. Обязательно соблюдение законов взаимопомощи и выполнение своих обязанностей. Студенты вносят щедрый вклад в работу на раскопе и на территории лагеря. Они могут заниматься в лагере чем хотят, однако при этом не причиняя неудобств другим. Эта

идея убедительно выражена в негласном правиле: «Если хочется поорать, сделай это, но не на территории лагеря, а за бугром».

Нам понадобилось время, чтобы привыкнуть к тому, что юноши должны всегда и везде помогать девушкам, когда бы они об этом ни попросили. На раскопе мужчины выполняют самую тяжелую часть работы, в то время как женщины в основном делают зачистку. В лагере женская функция — готовить, а мужская — устанавливать палатки и приносить дрова для костра. Робу и Рэнди нужно было привыкнуть с этим, так как в Америке мужчины и женщины выполняют одну и ту же работу. Что же касается Линдсей, то ей тоже нелегко было принять тот факт, что подобное разделение ролей не является символом патриархата, а выражает взаимное уважение между мужчинами и женщинами.

Два факта из нашей жизни в России являются особенно важными. Во-первых, нас пригласили на достаточно интимную вечеринку по поводу года знакомства Лены и Жени, студенческой «парочки». И мы оказались в числе приглашенных не потому, что были частью экспедиции, а потому, что являлись полноправными членами студенческой компании.

Второе, не менее важное событие произошло уже в Волгограде: перед нашим отъездом многие студенты приехали попрощаться и проводить нас. Это было особенно ценно для нас, так как означало, что главным в наших отношениях являлись искренние дружеские привязанности, а не долг гостеприимства.

Подводя итог, мы хотели бы заметить, что, став частью русской компании, мы начали внимательнее относиться не только к русской культуре, но и к собственной, американской. Мы были вынуждены изменить наши индивидуалистические наклонности, чтобы адаптироваться к жизни в коллективе. Жизнь в экспедиции была захватывающей, хотя и не казалась нам медом. Куда проще было бы жаловаться на отсутствие привычного домашнего комфорта, но через некоторое время после нашего прибытия в экспедицию он перестал для нас что-либо значить. Суть не в том, что мы смогли обойтись без привычных удобств, и не в том, что мы, воспитанные в духе конкуренции,

пытались доказать свою способность работать в новых условиях на равных с остальными. Нашей главной целью стало приобщение к духу археологического братства.

Опыт жизни в России заставил нас изменить предвзятое отношение к этой стране и ее народу. Мы убедились в том, что, несмотря на все исторические перипетии, Россия продолжает широким жестом приглашать иностранцев. И во взорах русских людей нет ни толики пренебрежения к иностранцам, в них читается лишь внимательное участие и готовность русской души к гостеприимству.

Мы хотели бы выразить особую благодарность:

• Анатолию Степановичу Скрипкину: Спасибо за предоставленную нам возможность. Теперь мы понимаем, почему Ваши студенты и коллеги считают Вас первоклассным профессором.

• Александру Ивановичу Кубышкину: Саша, мы никогда не сможем отблагодарить Вас за огромные усилия, потраченные Вами за время сопровождения нас в путешествии по России.

• Александру Николаевичу Дьяченко: Спасибо, что разрешили нам работать в экспедиции под Вашим руководством.

Студентам:

• Макс: Без тебя мы бы точно потерялись. Спасибо за все.

• Анне: Одну из самых прекрасных дам, которых нам посчастливилось встретить, мы благодарим за понимание и затраченные усилия.

• Жене: Роб больше никогда не сможет смотреть на лягушек, не думая о времени, проведенном с тобою вместе.

• Лене: Спасибо за то, что выдержала наши смелые и рискованные предприятия.

Самую искреннюю благодарность мы хотели бы выразить всем русским студентам, которые показали нам, что значит настоящая русская душа. Мы никогда не забудем вас.

Особая благодарность:

• Мише и Диме: Спасибо за долгие ночи. Мы счастливы, что сумели выжить.

• Бесшабашным Андрею, Алексею, Людмиле, Гоше, Ольге, Ирине, Кате, Свете: Спасибо за то, что обучали нас русским словам. Костик, Настя, Сергей, Стас и все-все-все: Спасибо за приобретенный опыт.

*Перевод с англ. с сокращением
А.А. Дьяченко*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	—	Археологические открытия
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАУ	—	Вопросы археологии Урала
ВДИ	—	Вестник древней истории
ВГПИ	—	Волгоградский государственный педагогический институт
ВолГУ	—	Волгоградский государственный университет
ВОКМ	—	Волгоградский областной краеведческий музей
ГИМ	—	Государственный Исторический музей
ГМИНВ	—	Государственный музей искусств народов Востока
ДВДС	—	Древности Волго-Донских степей
ДГОМ	—	Дагестанский государственный объединенный музей
ИА РАН	—	Институт археологии Российской Академии наук
ИАИАИАНД	—	Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
ИГАИМК	—	Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Изв. АНКаз. ССР	—	Известия Академии наук Казахской ССР
ИИАК	—	Известия Императорской археологической комиссии
ИИМК	—	Институт истории материальной культуры
ИЮОНИИ	—	Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института
КДСП	—	Курганные древности степного Поднепровья
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	—	Краткие сообщения Института этнографии
ЛОИА АН СССР	—	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАД	—	Материалы по археологии Дагестана
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР	—	Материалы по археологии России
МАЭ	—	Музей антропологии и этнографии
МГУ	—	Московский государственный университет
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР	—	Материалы и исследования по археологии России
НА ИА НАНУ	—	Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины
НМИУ	—	Национальный музей истории Украины
ОАК	—	Отчет Археологической комиссии
ОАП ГИМ	—	Отдел археологических памятников Государственного Исторического музея

ПАВ	—	Петербургский археологический вестник
ПАП	—	Проблемы археологии Поднепровья
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
РА	—	Российская археология
РФ ИИАЭ ДНЦ	—	Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН
СА	—	Советская археология
САИ	—	Свод археологических источников
СГУ	—	Саратовский государственный университет
СГЭ	—	Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ	—	Советская этнография
ТГЭ	—	Труды Государственного Эрмитажа
Тр.АС	—	Труды Археологического съезда
Тр. КЧНИИ ИЯЛ	—	Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, языка и литературы
Тр. МАЭ	—	Труды Марийской археологической экспедиции
ТХАЭЭ	—	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ЭО	—	Этнографическое обозрение
ААН	—	Acta Archaeologica Hungaricae
АН	—	Archaeologica Hingarica
АМТ	—	Archäologische Mitteilungen aus Iran
BAI	—	Bulletin of Asia Institute
BAR	—	British Archaeological Reports
ESA	—	Eurasia Septentrionalis Antiqua Helsinki
JAOS	—	Journal of the American Oriental Society
JGS	—	Journal of Glass Studies. Corning. New-York

ОБ АВТОРАХ

Абрамова Майя Павловна	доктор исторических наук, Институт археологии РАН
Алексеев Андрей Олегович	кандидат биологических наук, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пушкино)
Алексеева Татьяна Викторовна	кандидат биологических наук, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пушкино)
Балабанова Мария Афанасьевна	кандидат исторических наук, Волгоградский государственный университет
Гмыря Людмила Борисовна	кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН
Гущина Ирина Ивановна	кандидат исторических наук, Государственный Исторический музей
Дворниченко Владимир Васильевич	старший научный сотрудник, Институт археологии РАН
Демкин Виталий Александрович	доктор биологических наук, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пушкино)
Железчиков Борис Федорович	доктор исторических наук, Волгоградский государственный университет
Засецкая Ирина Петровна	доктор исторических наук, Государственный Эрмитаж
Ильюков Леонид Сергеевич	кандидат исторических наук, Ростовский областной музей краеведения
Каменецкий Игорь Сергеевич	кандидат исторических наук, Институт археологии РАН
Кияшко Алексей Владимирович	кандидат исторических наук, Волгоградский государственный педагогический университет
Клепиков Валерий Михайлович	кандидат исторических наук, Волгоградский государственный университет
Лукьяшко Сергей Иванович	кандидат исторических наук, Ростовский государственный университет
Мамонтов Владислав Иванович	кандидат исторических наук, Волгоградский государственный педагогический университет
Медведев Александр Павлович	доктор исторических наук, Воронежский государственный университет
Мордвинцева Валентина Ивановна	кандидат исторических наук, Волгоградский государственный университет
Мошкова Марина Глебовна	доктор исторических наук, Институт археологии РАН

Мыськов Евгений Павлович	аспирант, Волгоградский государственный педагогический университет
Переводчикова Елена Владимировна	кандидат исторических наук, Государственный Исторический музей
Сергацков Игорь Викторович	кандидат исторических наук, Волгоградский государственный университет
Симоненко Александр Владимирович	доктор исторических наук, Институт археологии НАНУ
Скрипкин Анатолий Степанович	доктор исторических наук, Волгоградский государственный университет
Туаллагов Алан Ахсарович	кандидат исторических наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
Фирсов Кирилл Борисович	младший научный сотрудник, Государственный Исторический музей
Юдин Александр Иванович	кандидат исторических наук, Комитет по историко-культурному наследию Саратовской области
Яблонский Леонид Теодорович	доктор исторических наук, Институт археологии РАН
Яценко Сергей Александрович	кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет
Kathcart Robert	студент Мэнсфилдского университета США
Schaefer Randall	студент Мэнсфилдского университета США
Peters Lindsay	студентка Мэнсфилдского университета США

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Вып. 3

2000

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редакторы: *О.В. Изотова, О.С. Кашук,*
Т.Ю. Лященко, Л.В. Субботина
Технический редактор *Н.Г. Романова*

Лицензия № 020406 от 12.02.97

Подписано в печать 10.11 2000 г. Формат 60 × 84 1/8. Бумага типографская № 1.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 31,6. Уч.-изд. л. 34,0. Тираж 300 экз. Заказ .

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30.